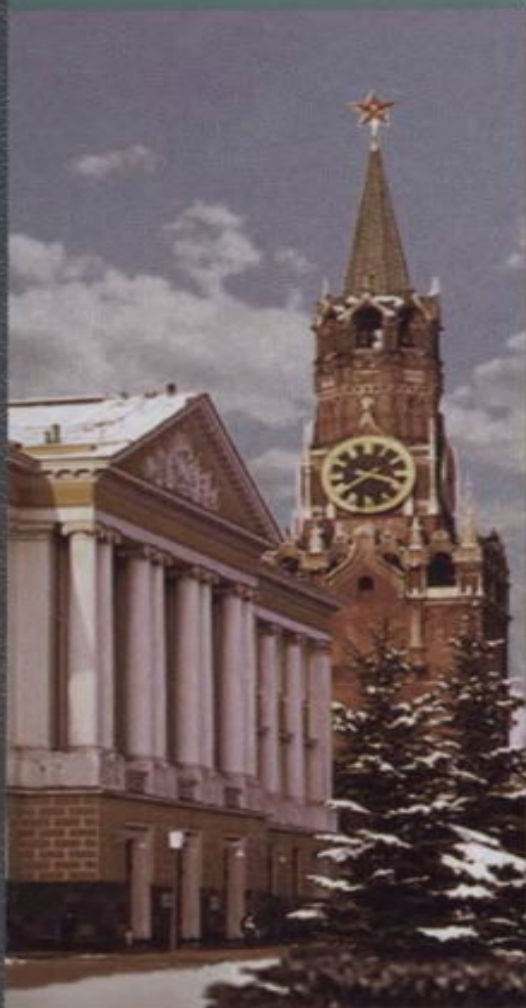

ВОРОШИЛОВ

Николай
Великанов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов оставил неоднозначный след в истории нашей страны. Это, несомненно, сложная, незаурядная и в то же время противоречивая личность. О Ворошилове до сих пор судят по-разному: одни называют его верным другом Сталина, первым красным офицером, борцом за укрепление РККА, полководцем из народа; другие — сталинским «холуем», оруженосцем грозного «отца народов», палачом Красной армии, бездарным военачальником, хитрым приспособленцем, ведь при всех правителях Советского Союза — Сталине, Хрущеве, Брежневе — Ворошилов был в почете.

Автор книги писатель Николай Великанов старается найти объяснение феномену первого Маршала Советского Союза.

[Адаптировано для AIReader]

-
- [Николай Великанов](#)
 -
 - [ПЕРВЫЙ КРАСНЫЙ ОФИЦЕР](#)
 - [РОДИНА — ШАХТЕРСКИЙ КРАЙ ЛУГАНЩИНА](#)
 - [РЕВОЛЮЦИОНЕР С ЮНОСТИ](#)
 - [ВРЕМЯ ЭПОХАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН](#)
 - [СТАТЬ ВОЕННЫМ ЗАСТАВИЛО ЛИХОЛЕТЬЕ](#)
 - [СНОВА НА УКРАИНЕ](#)

- [illegible]

[illegible]

■

■

■

■

■

- [ЛИТЕРАТУРА](#)

- [INFO](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)

- [22](#)

- [23](#)

- [24](#)

- [25](#)

- [26](#)

- [27](#)

- [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)

- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)

- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)

- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)

- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)

- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)

- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)

- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)

- [317](#)
 - [318](#)
 - [319](#)
 - [320](#)
 - [321](#)
 - [322](#)
 - [323](#)
 - [324](#)
 - [325](#)
 - [326](#)
 - [327](#)
 - [328](#)
 - [329](#)
 - [330](#)
 - [331](#)
 - [332](#)
 - [333](#)
 - [334](#)
 - [335](#)
 - [336](#)
 - [337](#)
 - [338](#)
 - [339](#)
 - [340](#)
 - [341](#)
 - [342](#)
 - [343](#)
 - [344](#)
 - [345](#)
 - [346](#)
 - [347](#)
 - [348](#)
-

Николай Великанов

ВОРОШИЛОВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Великанов Н. Т, 2017

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2017

ПЕРВЫЙ КРАСНЫЙ ОФИЦЕР

*Мы — красные кавалеристы,
И про нас
Былинники речистые ведут рассказ —
О том, как в ночи ясные,
О том, как в дни ненастные
Мы гордо и смело в бой идем!
Буденный — наш братишка,
С нами весь народ.
Приказ — голов не вешать
И глядеть вперед!..
Ведь с нами Ворошилов,
Первый красный офицер,
Сумеем кровь пролить за РСФСР^[1]...*

Эту песню на мотив бравурного марша в 20-е годы минувшего века пела вся страна. Песню называли по-разному: «Марш красной кавалерии», «Марш кавалеристов», «Марш Буденного», «Буденновцы». Особенно она была популярна среди бойцов и командиров РККА^[2]. Кто сочинил ее? По чьему указу в ней прославлялась 1-я Конная армия, и прежде всего ее комиссар Ворошилов, публично объявленный первым красным офицером?

В те годы в народе и в коммунистическом правительстве Страны Советов эти вопросы не задавались. Их стали заострять спустя десятилетия некоторые историки-демократы, копавшиеся в прошлом нашей Родины, выискивая порочащие ее страницы. Они старались убедить, что «Марш красной кавалерии» был создан в Гражданскую войну Покрассом и Френкелем чуть ли не под дулами револьверов руководителей

бандитской Конной армии по указанию Сталина. Что касается особого выделения в песне Ворошилова, как первого красного офицера, то это понятно: Ворошилов был любимым «холуем» вождя народов...

Попробуем выяснить, когда, кем и как в действительности была создана песня о буденновских кавалеристах?

7—9 января 1920 года 1-я Конная армия Семена Михайловича Буденного в составе 6-й и 4-й кавалерийских дивизий (начдивы Семен Константинович Тимошенко и Ока Иванович Городовиков), а также 12-й стрелковой (начдив Андрей Григорьевич Рева) и 33-й стрелковой (начдив Михаил Карлович Левандовский) дивизий 8-й армии Григория Яковлевича Сокольников вели ожесточенное сражение за освобождение Ростова-на-Дону от деникинских войск. Были крепко потрепаны и отброшены за Дон белогвардейские конные корпуса генералов Мамонтова, Науменко, Топоркова и Барбовича, а также Корниловская и Дроздовская пехотные дивизии.

К 10 января донская столица была очищена от белых.

В Ростове в то время жили два друга-единомышленника: музыкант Дмитрий Покрасс и поэт Анатолий (Носон-Нохим) Френкель, подписывавшийся под своими стихами псевдонимом Д'Актиль. Друзья работали в маленьком сатирическом театрике «Кривой Джимми» и этим существовали.

О том, как встретили они Красную армию и как решили сочинить песню про «красных кавалеристов», сегодня имеется немало воспоминаний современников. В основном эти воспоминания отражают реальность происходивших тогда событий, но в деталях, конечно, они допускают и вкрапления элементов художественного вымысла...

Дмитрий Покрасс в течение дня 10 ноября с восхищением наблюдал победно гарцующих по ростовским проспектам конников 4-й кавдивизии лихого командира Оки Городовикова. Вечером он побежал к Френкелю. «О, Носон, ты бы их видел! — с порога вскричал возбужденный Покрасс. — Орлы-буденновцы! Кавалеристы четвертой дивизии! Давай напишем марш про них».

Френкель был занят приготовлением ужина для жены, выздоравливавшей после тифа. Предложение Дмитрия застало его врасплох. Но находчивый поэт тут же выдал экспромт:

*Стою, стою у примуса,
Готовлю фарш.
Красной кавалерии
Слагаю марш.*

У Покрасса был уже опыт в написании песен. Находясь в июне 1919 года в Харькове с театром, где служил аккомпаниатором, он писал по заказу командира 2-го Офицерского генерала Дроздовского стрелкового полка «Марш Дроздовского полка». Дмитрий сочинил музыку на слова полковника П. И. Баторина за сутки. 29 июня марш был исполнен в присутствии главнокомандующего Вооруженными силами Юга России Антона Ивановича Деникина на банкете по случаю взятия Харькова белыми.

Правда, базовую часть мелодии марша он заимствовал из дореволюционной песни дальневосточных охотников «По долинам, по загорьям»; отдельные обороты взял из украинской «Розпрягайте, хлопці, коні».

Кстати сказать, через десять лет руководитель Ансамбля красноармейской песни Александр

Васильевич Александров мелодию «Марша Дроздовского полка» Покрасса положит в основу большевистской песни «По долинам и по взгорьям». Она выйдет в свет в таком авторстве: музыка А. Атурова, обработка А. Александрова, слова П. Парфенова (С. Алымова)...

Два дня Покрасс с Френкелем сидели в «музыкалке» театра «Кривой Джимми», вымучивая песню про буденновцев. Ничего путного долго не получалось. Дмитрий наигрывал всякие еврейские напевы, выуживая из них маршевые такты, Анатолий подбирал слова. И вдруг — эврика! — Покрасс поймал нужный ритм, и Френкель нашел под него точные стихи. Песня зазвучала: «Мы — красные кавалеристы, / И про нас / Былинники речистые / Ведут рассказ...»

В то время в театр «Кривой Джимми» заглянул секретарь реввоенсовета 1-й Конной армии Сергей Николаевич Орловский — он хотел выяснить, чем этот театр мог бы быть полезен Красной армии. Покрасс и Френкель показали ему новую песню. Орловский повел их в гостиницу «Палас-отель», где размещался штаб. Музыкант и поэт предстали перед командирами Буденным, Ворошиловым, Щаденко. В гостинице нашлось пианино, Дмитрий сыграл на нем свой «Марш», а Анатолий подпел слова. Ворошилов сказал: «А что, под коня подойдет!»

«Марш» был одобрен. Буденный взглянул на Ворошилова:

— Композитору и поэту денег бы выдать, чай голодают, хотя бы по десять миллионов.

Деньги в то время были обесценены, и гонорар в несколько миллионов был скудным.

Ворошилов не возражал, но добавил:

— Уж если давать деньги, то нужно, чтобы настоящие знатоки проверили и дали заключение, насколько соответствует песня с точки зрения

музыкальной; в Ростове ведь есть консерватория, вот пусть там и оценят.

Покрасс и Френкель в сопровождении двух бойцов-конников отправились в консерваторию. Ее директор Михаил Фабианович Гнесин и группа профессоров прослушали песню в темпераментном исполнении Покрасса. «Это не музыка», — вынесли они приговор.

Но авторы и конники настаивали: «Песню похвалило командование Конармии, так что выдайте хорошее заключение».

Гнесин подписал одобряющий документ.

Дмитрия Покрасса зачислили в 1-ю Конармию на должность композитора. Он исполнял «Марш красной кавалерии» на митингах, собраниях, на привалах, концертах. Специально для этого в обозе возили на телеге пианино.

Ни слова, ни музыка «Марша» нигде тогда еще не были напечатаны — он жил в эскадронах, его передавали из уст в уста. Только в 1922 году «Марш красной кавалерии» был положен на ноты композитором Львом Владимировичем Шульгиным как народная песня. Значительно позже будет признано авторство: музыка Дмитрия Покрасса, стихи Д'Актиля.

Френкель спустя годы говорил, что своего текста «Марша» в точности не помнит, но видит, что теперь он сильно изменен. По скромности поэт называл себя не столько автором, сколько «родоначальником» этой песни.

С «Марша красной кавалерии» Климента Ефремовича Ворошилова станут называть первым красным офицером. Этим признавался его высокий военный приоритет среди комсостава Красной армии.

Почему пальма первенства была отдана именно Ворошилову? Возможно, потому, что он был командиром РККА, раньше никак не связанным со старой Русской

армией. И еще потому, что он — настоящий народный военный вождь, понятный каждому красноармейцу. Он родился и вырос в рабочей среде низовой, буйной Российской империи. Его, простого шахтерского парня, на военный путь поставила революция. Поставила не случайно. С. М. Буденный говорил о Ворошилове: «Бой — это стихия, что неотступно привлекала его. Там он дышал полной грудью». М. К. Левандовский: «В боях под Ростовом я видел его (Ворошилова. — *Н. В.*) всегда впереди всех».

Впервые комсостав Советской Республики был назван красными офицерами в приказе Реввоенсовета от 14 февраля 1918 года (то есть чуть ранее официального создания Красной армии) в связи с выпуском курсов по подготовке революционных командиров. Затем прошли выпуски 1-х Петроградских кавалерийских — 1 августа и 1-х Петроградских пехотных курсов — 15 августа 1918 года. Все выпускники — бывшие унтер-офицеры (сержанты) царской армии и лишь один, самый заслуженный из них, георгиевский кавалер Александр Ильич Трасков, был вахмистром (старшиной). В списке выпускников он значился красным офицером номер один.

Когда была создана регулярная Рабоче-крестьянская Красная армия, ее командный состав, красных офицеров стали называть красными командирами — краскомами. Со временем первых красных офицеров забыли. Впоследствии большинство из них были репрессированы, в том числе и Трасков.

И вот появился новый красный офицер номер один, им был назван Ворошилов.

В период становления советской власти мнения о Ворошилове были противоречивыми.

Андрей Евгеньевич Снесарев, военный руководитель Северо-Кавказского военного округа и командующий

отрядами, оборонявшими Царицын, в своей докладной записке на имя председателя Высшего военного совета писал: «Товарищ Ворошилов как войсковой начальник не обладает нужными качествами. Он недостаточно проникнут долгом службы и не придерживается элементарных правил командования войсками»^[3].

Снесарева поддержал Ленин, выступая на VIII съезде РКП(б) в 1919 году. Он сказал, что Ворошилов виноват в приверженности к старой партизанщине, не может и не хочет бросить ее.

А белоказачий журнал «Донская волна» в феврале того же 1919 года отзывался о нем иначе: «Нужно отдать справедливость Ворошилову, что если он не стратег в общепринятом смысле этого слова, то, во всяком случае, ему нельзя отказать в способности к упорному сопротивлению».

Унизительную характеристику Ворошилову даст глава РВС, нарком по военным и морским делам Лев Давидович Троцкий: «Ворошилов есть фикция. Его авторитет искусственно создан тоталитарной агитацией... Он остался тем, чем был всегда: ограниченным провинциалом без кругозора, без образования, без военных способностей и даже без способностей администратора»^[4].

Ворошилов всегда стоял поперек горла наркому Троцкому. Особенно он противился категоричным военным установкам Льва Давидовича во время обороны Царицына. В ответ на его распоряжения обычно телеграфировал в РВСР:

«Я считаю нужным исполнять те приказы, которые считаю правильными».

Присылаемых Троцким на Царицынский фронт военспецов Ворошилов отправлял «отдыхать» на баржу, чтобы не мешали.

1920–1925 годы еще не были временем полновластия Сталина в РККА, не говоря уже обо всей стране. Поэтому он не мог повлиять на искусственный рост военного авторитета Ворошилова и тем более дать указание, чтобы признать его «первым красным офицером» РСФСР, а потом СССР.

Думается, было просто угодно Провидению, чтобы Покрасс и Френкель совершенно без чьего-либо веления написали песню «Марш красной кавалерии». И пошло гулять по стране «с нами Ворошилов, первый красный офицер».

После «Марша» появились новые песни о Ворошилове:

*Снегами метель порошила,
За Доном гуляла пурга —
Не сдал командир Ворошилов
Донецкие шахты врагам.
Он выучил армию биться
В суровых окопах войны —
Не отдал он Красный Царицын
Врагам пролетарской страны.
Мы знаем, крепка наша сила,
И если война впереди,
Нас в бой поведет Ворошилов,
Товарищ, боец, командир^[5].*

*...Нас с тобою, Ворошилов,
Жизнь походная сдружила,
Вместе в бой летели вскачь:
Вспоминает враг с тоскою
Бой под Белой Калитвою,
Бой под станцией Калач^[6].*

В 1935 году в СССР было введено высшее воинское звание «Маршал Советского Союза». Его получили Василий Константинович Блюхер, Семен Михайлович Буденный, Климент Ефремович Ворошилов, Александр Ильич Егоров, Михаил Николаевич Тухачевский. Ворошилова среди них сразу выделили, его стали называть «Первый маршал».

В 1930-е годы Сталин уже слыл Хозяином страны, и Ворошилов был под полным его влиянием. Он входил в самое ближайшее окружение вождя, считался его другом.

Теперь, наверное, были основания говорить о том, что авторитет Ворошилова раздувался тоталитарной агитацией.

РОДИНА — ШАХТЕРСКИЙ КРАЙ ЛУГАНЩИНА

Горемычное детство

От порога сторожевой будки до колеи «железки» — саженой десять, не больше.

Будка взгромоздилась на косогоре, внизу проходила Екатерининская железная дорога — участок между станцией Переездная и разъездом Волчяровка. Неподалеку раскинулись села Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, ближе всех Верхнее, Боровское, возле них протекала река Северский Донец.

Будка разделялась на две половины. Одна отводилась под всякий инвентарь, считалась технической, другая жилая — с окном, печкой — комнатка три на три метра.

В 1880–1881 годах на железнодорожной ветке Переездная — Волчяровка путевым обходчиком работал Ефрем Андреевич Ворошилов. 37-летний Ефрем со всей своей семьей обитал в тесной сторожке: женой Марией двадцати четырех лет, детьми — сыном Иваном, ему шел девятый год, и дочерью Катериной семи с половиной лет.

Семья пребывала в крайней бедности, перебивалась с хлеба на воду, едва сводила концы с концами.

Зимой 4 февраля (22 января по старому стилю) 1881 года она пополнилась третьим ребенком, Мария родила второго сына. Во время крещения в церкви священник нарек младенца Климентом. «Имя греческое, означает Милостивый, — сказал он родителям. — Господь даст

ему благоденствие, поведет по праведной стезе, а к вам придет преуспеяние».

С рождением Клима преуспеяние в семью Ворошиловых не пришло, наоборот, нужда придавила еще сильнее...

Климент Ефремович Ворошилов в своей книге воспоминаний «Рассказы о жизни», вышедшей в свет в 1968 году, напишет: «Давнее-давнее время — последние десятилетия XIX века. Немеркнувшие картины родной природы — степные просторы Украины, Северский Донец, совсем не похожие друг на друга берега этой живописной реки. Здесь, на стыке Харьковской и бывшей Екатеринославской губерний (ныне Луганская область), суждено мне было родиться в бедной трудовой семье и провести свои детские годы — такие холодные и голодные и в то же время — такие светлые и радостные в моем ребячьем восприятии. Они оставили в моей душе неизгладимый след»^[7].

Ворошилов называет населенные пункты: Рубежное, Северодонецк, Лисичанск, Нижнее, Вороново, реку Северский Донец и примыкающие к нему прибрежные участки земли. Там для него впервые открылся мир с его добром и злом, радостями и печалью.

Правый берег Донца в этом районе был покрыт лесами, кустарниками, меж ними — сочные луга. Почва правобережья плодородная, поэтому здесь испокон веков было развито земледелие.

Левый берег выглядел иначе. К самой реке неширокой — до версты — полосой примыкали рощи дуба, вяза, клена, березы, липы и других лиственных пород. А дальше на большие расстояния простирались унылые желто-белесые пески с вкрапленными в них небольшими озерами.

На левобережье украинских сел очень мало, в основном русские поселения, в которых сложился

самобытный уклад, свои обычаи.

Родители Клим Ворошилов происходили из государственных российских переселенцев, которые никогда в крепостной зависимости не состояли.

Ефрем Андреевич Ворошилов родился в 1844 году в хуторе Воронов Старобельского уезда Харьковской губернии в большой крестьянской семье шестым по счету сыном. Ворошиловы были прочно привязаны к хутору и никогда не покидали его. Особенно крепко росли в свои хозяйства старшие братья Ефрема: Свирид, Василий и Иван. Несмотря на то что на песках было трудно заниматься хлебопашеством, они все же приспособились выращивать рожь, ячмень, различные овощи, разводить скот, овец, птицу. Семьи Свирида, Василия и Ивана жили в целом в достатке.

По-другому сложилась судьба Ворошилова-младшего. С юного возраста он познал солдатчину. Отец отправил Ефрема раньше положенного срока служить в царскую армию вместо одного из братьев (в те времена законом допускалась замена рекрутской повинности брата братом).

После солдатской службы в 1866 году Ефрем возвратился в родной хутор и узнал, что он лишен земельного участка — основного средства существования крестьянина. В тот период на Украине бытовал закон: у тех, кто призывался в армию по рекрутчине, по месту их жительства изымался земельный надел (этот порядок был отменен лишь после 1867 года).

Пять лет Ефрем жил как неприкаянный. Подошла пора жениться, но куда он приведет жену? Ни собственного дома, ни своего клочка земли, где бы он мог осесть. Зажиточные братья были в силах помочь Ефрему, но поддержки ему не оказали.

Он стал скитаться в поисках работы по селам, городам. Нанимался в помещичьи имения, перебивался

поденными заработками на шахтах и рудниках. Ефрем был горяч по натуре, и это сказывалось на его отношениях с хозяевами: он часто конфликтовал с ними, из-за чего приходилось оставлять работу.

В 1871 году он посватался к дочери Василия Агафонова, бедняка из села Боровское, вблизи которого располагался его родной хутор. Мария Васильевна была очень молода — пятнадцати лет от роду. Она была совершенно неграмотная, как, впрочем, и Ефрем. С детства знала лишь изнурительный труд в поле да хлопоты в родительской хате и во дворе.

Женившись на Марии, Ефрем, теперь вдвоем с женой, продолжал мыкаться в поисках лучшей доли.

Молодожены мало подходили друг другу. Они во всем были разными: по возрасту — Ефрем старше Марии на 13 лет, по внешним данным — он суровый кряжистый бородач, она хрупкая девица с грустным лицом. Но особенно они не совпадали характерами. В Ефреме жил бунтарский дух, он был вспыльчив, самолюбив и нередко защищал свое человеческое достоинство от всяких обидчиков весьма примитивным способом — кулаками. Мария спокойная, набожная, молча сносящая все удары судьбы. Однако жили они без трений, никогда не скандалили. Была меж ними, наверное, и любовь.

Мария через девять месяцев замужества родила ребенка, на второй год — еще одного, на нее навалились тяжелые заботы. Она не роптала, хотя было невыносимо трудно. На руках малые дети: их надо накормить, одеть, обуть, обиходить. Всё — на ее плечах. На Ефрема особо не надеялась. За ним она не чувствовала себя как за каменной стеной. Он метался с одного места работы на другое, нередко месяцами оставлял жену и детей одних.

Климент Ефремович вспоминал: «Нужда, невзгоды и беспокойный характер отца тяжело отзывались на ее

(Марии Васильевны. — *Н. В.*) жизни, но она не склонила головы и, будучи обремененной семьей, работала и по дому, и в наймах — была и прачкой, и кухаркой...»

В 1877-1878 годах приключилась Русско-турецкая война, и Ефрема призвали в армию. Более чем на два года осталась Мария с детьми без кормильца. Это время стало для них настоящим испытанием. Как они выжили, про то один Бог знает.

По возвращении Ефрема с войны положение в семье Ворошиловых мало в чем изменилось — нужда никуда не делась.

Семья росла. Кроме Ивана, Катерины, Климента появились еще две девочки — Аня и Соня.

Климент Ефремович в «Рассказах о жизни» писал, что бедствование семьи никогда не прекращалось. Отец в силу своей неуживчивости непрестанно устраивал ссоры с хозяином или приказчиками, в результате чего сам бросал работу или его увольняли, и он на долгое время оставлял семью, пропадая в поисках хотя бы случайного заработка.

Как ни билась Мария Васильевна, но наступали моменты, когда дети начинали пухнуть от голода, в холода ходили полураздетыми. И тогда она темнела лицом, становилась еще более молчаливой и посылала Клима и дочь Катю по миру — просить милостыню.

От тяжелых условий жизни умерли старший сын Ворошиловых Иван и младшая дочь Соня. Климент Ефремович отмечает в воспоминаниях, что для них это было великое горе...

Наконец в середине 1884 года Ефрему Андреевичу удалось подыскать подходящую работу в селе Смолянинове Старобельского уезда. В имении богатого помещика, генерала Суханова, потребовался дополнительный работник для черновых дел. Вместе с Ефремом в генеральское имение была принята подсобницей на кухню и Мария Васильевна.

Суханов почти неотлучно находился в Петербурге и редко наезжал в свое имение. Хозяйством в Смолянинове управлял доверенный человек, в помощниках у него ходили двое разбитных, знавших грамоту молодых людей из местных крестьян, а для выполнения всяких черных, тяжелых работ управляющий держал четверых ломовых мужиков.... Жизнь в имении протекала по строго установленному порядку. Саму усадьбу обихаживали дворовые люди: домовая обслуга, конюхи, огородники, садовники, на полях — батраки-поденщики, в степи пасли стада рогатого скота и отары овец наемные пастухи.

В имении имелись большой парк, три пруда, фруктовый сад. Все это тщательно охранялось, но в праздничные дни жителям Смолянинова дозволялось пройтись по тенистым аллеям барских кущ.

Ворошилову врезался в память один эпизод из детства, когда он попал в нереальный для него мир богатства и благолепия. Был тихий погожий летний день. Мария Васильевна, работавшая тогда в имении Суханова, вела сына по барскому саду. Он устал, и она взяла его на руки. В это время им встретились две господские барышни. Они были веселы и стали расхваливать Клим:

— Какой здоровый, крепкий мальчик!

Потом барышни спросили Марию Васильевну:

— Как тебя зовут?

— Мария, — ответила она, смущенно улыбаясь.

— Какое простое и хорошее русское имя, — сказала одна из девушек.

Другая пригласила:

— Маша, пойдемте с нами.

Они поднялись на второй, затем на третий этаж помещичьего дома. Все, мимо чего они проходили, поражало своим великолепием: ковры, красивые занавески, блестящие канделябры. Особенно вызвала

восхищение комната барышень. На их кроватях лежали яркие покрывала, груды подушек. Пахло духами. Все было необычно, поразительно красиво. Мария Васильевна боялась сделать лишний шаг, чтобы не задеть что-либо своей простой и грубой одеждой.

Барышни угостили мать с сыном конфетами, пряниками. Кое-что завернули еще в бумагу — с собой. Лишь после этого их отпустили...

О жизни в Смолянинове у Ворошилова остались светлые впечатления. Во-первых, семья не голодала, во-вторых, Клим на короткое время познал прелесть детской беззаботности. В зрелые годы он вспоминал, что в имении богатого помещика было много чудесных мест, куда ребятня не раз забиралась для игр. У детей под сенью деревьев парка были заветные уголки. Там они могли побегать, пошалить, хотя бывали случаи, их приструнивали барские сторожа и садовники.

Когда из Петербурга приезжал генерал Суханов, в имении все бурно оживало — рекой разливалось веселье, устраивались пышные приемы, балы. Приезжали гости, звучала музыка, кружились в танцах разодетые господа и дамы. «Мы, «дворовые» дети, — вспоминал К. Е. Ворошилов, — наблюдали все это из укромных мест в гуще садовых кустарников и через ограду. Слушая игру оркестра, обменивались восторженными замечаниями. Может быть, эти первые впечатления детства и заложили в мою душу любовь к музыке, которой я верен и поныне»^[8].

Из Смолянинова Ворошиловы переехали в село Васильевка Славяносербского уезда Екатеринославской губернии. Ефрем Андреевич устроился чередником (так называли в селе пастухов) к помещику Алексею Кирилловичу Алчевскому, которому принадлежали почти все земли в округе Васильевки. Здесь на хозяина

работали не только Васильевские крестьяне, но и жители соседних деревень.

Васильевка — волостной центр, хотя от других окрестных сел ничем особенно не выделялась, в 25 верстах от уездного города Славяносербска. Население — 555 человек, дворов — 114, православная церковь, небольшая школа при ней, за версту — железнодорожная станция с одноименным названием.

С 1795 года Васильевка принадлежала титулярному советнику Николаю Васильевичу Сабо. Жил ли он сам в Васильевке или был только ее владельцем, трудно сказать. Крестьяне, которые заселяли село, были «малороссиянами», то есть украинцами. При Сабо в 1808 году здесь был построен единственный в округе храм во имя святителя Николая Мирликийского. Документом Российского государственного исторического архива «Страховая оценка строений, принадлежащих Николаевской церкви в с. Васильевка 3-го благочинного округа Славяносербского уезда Екатеринославской епархии за 1910 год» подтверждается, что церковь была основана в 1808 году. Церковь каменная, с деревянным куполом, крытая железом, окрашенная зеленой масляной краской, колокольня в два яруса до верха карниза. Ближайшая постройка к церкви с северной стороны — экономия Алексеевского горнопромышленного общества, с остальных сторон — сад. Миряне близлежащих деревень в Никольском храме венчались, крестили младенцев, отпевали покойников. Может быть, в связи с этим Васильевка вскоре стала центром волости. В волость кроме самой Васильевки вошли хутор Должик, деревни Головиновка, Каменка, Юрьевка (Петровка) и другие мелкие поселения.

После Сабо владельцем Васильевки стал помещик И. И. Гладков, а с 1879 года большая часть села и

прилежащих к нему земель перешла к банкиру и промышленнику Алексею Кирилловичу Алчевскому, остальная часть была под крестьянами-собственниками...

Постоянно работающих в имении Алчевского было немного, это — скотники, конюхи, машинисты, кочегары, кучера, сторожа. Зато так называемых србковых рабочих и работниц (батраки-сезонники с весны до осени) обычно набиралось больше сотни душ. Их число особенно увеличивалось в уборочную пору.

Ефрему Ворошилову была положена нищенская зарплата — пять рублей в месяц. И еще периодически выдавались небольшие добавки натурой: мука, пшено, постное масло, а иногда и свиное сало. Однако для нормального проживания семьи всего этого не хватало.

Мария Васильевна вынуждена была пойти в кухарки. Это была изнурительная работа. Ей, чтобы накормить рабочих завтраком, приходилось вставать чуть свет. Потом надо было готовить обед, ужин, трижды за день мыть гору посуды; домой она приходила глубокой ночью совершенно обессиленной.

Несмотря на невероятный труд, жизнь семьи не улучшалась, а становилась все более невыносимой. Пришлось определить на заработки тринадцатилетнюю Катю. Вслед за сестрой стал работать пастушком Клим, которому недавно исполнилось семь лет. К. Е. Ворошилов позже вспоминал, что он должен был вставать вместе с матерью еще затемно и со своим напарником Васей, который был на три года старше, гнать на пастбище стадо телят.

В Васильевке короткое время в 1884 году усилиями иерея Игнатия при Никольской церкви действовала приходская школа, а после того как Игнатий преставился, новый священник не захотел возобновлять занятий. И вот уже несколько лет Васильевские дети не

учились. Только с десятков подростков, что успели походить в школу, могли кое-как писать и читать. Все остальные селяне были поголовно неграмотными. В приехавшей в Васильевку семье Ворошиловых тоже никто не владел ни письмом, ни чтением.

Местные крестьяне жили в убогих хатенках, прибывавшие работать к Алчевскому размещались где попало. Никаких квартир помещик им не предоставлял. Каждый устраивался как мог. Ворошиловы сняли для жилья за довольно скромную сумму захудалую землянку во дворе у одного из жителей Васильевки — Тимофея Крамаренко. Землянка с крохотными оконцами, в которые едва пробивался свет, имела глиняный пол, от него тянуло сыростью. К. Е. Ворошилов через многие годы скажет с горечью: «В этих «хоромах» наша семья прожила несколько лет...»

В книге «Рассказы о жизни» Ворошилов подробно описывает свое трудное детство, ярко передает чувства и мысли, воспроизводит ситуации, оказавшие влияние на формирование его характера, выработку воли.

Он рассказывал, что, будучи пастухами телят, они с напарником Василием переносили недетские невзгоды: «Хотелось спать, мы с Васей зябли спозаранку от росистой травы, утренних туманов. Стараясь разогреться, мы бегали за телятами или просто размахивали кнутом. Незаметно сон проходил, и мы втягивались в свой трудовой ритм. Становилось теплее, и мы отогревались на солнышке. Но нежиться не приходилось: все время надо было смотреть, как говорится, в оба, чтобы наши подопечные не забрели на помещичьи поля или огороды, за что нам изрядно попадало от приказчика»^[9].

Он рассказывает об интересном случае, когда впервые проявил свою смелость в противостоянии с

сыном приказчика.

Как-то вечером дворовые ребята, с ними был и Клим, собрались возле близлежащей балки, где были сложены заготовленные для господской кухни дрова. Там, среди дровяных полениц и штабелей кругляка, всегда было уютно и весело. Ребята сидели на бревнах, на траве или рылись в песке, рассказывая друг другу всякие разности. Иногда играли в соловьев-разбойников, прятались в кустах и за штабелями. Все они были почти ровесниками, и никто никого не обижал. Исключением был лишь Колька, сын господского приказчика Цыплакова.

Уверенный в своей безнаказанности, он держал себя нахально и высокомерно, любил поиздеваться над малышами и часто ни за что ни про что совал им кулаком в лицо или под бок. И все терпели эти унижения, чтобы не накликать беду на самих себя и своих родителей. Но в тот раз Колька Цыплаков вздумал «пошутить», как он потом говорил, и над своими одноклассниками. Он взбирался на штабель и оттуда прыгал на кого-либо из пацанов и, свалив жертву, долго смеялся.

В этот вечер он для своей «шутки» выбрал Клим Ворошилова. Клим устоял, не упал, но оставить это так Цыплакову не смог, решил проучить Кольку и навсегда отвадить от дурацких издевок. Подбрав небольшое полено, он, уловив момент, огрел обидчика чурбаном по затылку. Видимо, перестарался: Колька упал, стал кричать и корчиться от боли. Видевшая все это женщина, несшая воду из родника, воскликнула от испуга:

— Ой, батеньки, парнишку убили!..

Подбежав к ребятам, она окатила Кольку водой. Он очнулся и, размазывая по лицу грязь, поднялся с земли.

— Кто меня ударил? — злобно оскалился Цыплаков.

Клим ответил как можно спокойнее:

— Ударил я, и сделал это для того, чтобы ты понял, бывает ли больно другим, когда ты бьешь их. И еще запомни: если кому-нибудь пожалуешься или еще раз тронешь кого-либо из малышей, я тебе еще не то сделаю.

— А что ты мне можешь сделать? — заносчиво огрызнулся уже пришедший в себя Колька.

— Тогда узнаешь, — сказал Клим, едва сдерживаясь, чтобы не ударить наглеца еще раз. Избегая драки, он решил уйти, на ходу бросив ему:

— А если не исправишься — убью.

Поверил ли Колька Цыплаков этой угрозе или нет, но с тех пор его как подменили. Он стал, как и все Васильевские подростки, простым и естественным, лишь иногда косился на Ворошилова с каким-то заячьим страхом...

Стадо коров, за которым глядел отец Клима, значительно увеличилось, и помещик разрешил Ефрему Андреевичу взять себе в помощники сына, имевшего опыт пастьбы, — как-никак уже более двух лет он гонял телят.

Ворошиловы пасли скот на большом выгоне недалеко от имения. Вокруг были хлебные посевы, стога сена. Коровы, несмотря на все старания пастуха и подпaska, иногда заходили на поля жита и ячменя, курочили сенные скирды^[10]. За это Ефрем Андреевич получал от управляющего или приказчика выговоры, а то и более строгие наказания — вычеты из заработка. Никакие объяснения не принимались, правыми всегда оставались защитники интересов хозяина.

Ворошилов-старший долго крепился и терпеливо нес свой крест. Но в нем накапливалась ярость, и однажды она выплеснулась. Возмущенный очередной несправедливостью приказчика, он обругал его самыми

последними словами и, не взявши даже расчета, ушел из имения.

Клим у исполнилось десять лет, сестре Кате было неполных семнадцать. С уходом отца от Алчевского уволили из подпасков Клина, он стал безработным. Катя в 1890 году вышла замуж за подручного кучера в имении Ивана Щербину, и они уехали из Васильевки на Голубовский рудник. Материальное положение семьи Ворошиловых (с Марией Васильевной оставались двое детей — Клим и Лена) резко ухудшилось: отца нет, подался неизвестно куда, не стало заработков Клина и Кати. Вновь, как уже было не раз, выживание семьи всецело зависело только от одной Марии Васильевны.

— Не знаю, жить-то как дальше, Ваня, — жаловалась она зятю, приехав на рудник повидаться с дочерью. — Видно, опять ребят по миру пушу.

— Не печальтесь, Мария Васильевна, — успокоил Иван. — Вы ведь знаете моего брата Артема — он у нас в имении машинистом на молотилке работал.

— Знать-то знаю, а он тут при чем?

— Как при чем! Это он, Артем, меня на рудник переманил. Был я помощником кучера, а теперь машинистом стал — по воздушно-канатной дороге грузы гоняю. Найдется на руднике и для Клина место...

На Голубовском руднике Клина приютили Катя с Иваном. Рудник был крупным каменноугольным предприятием. Клим здесь все казалось необычным: шахтные постройки, подъездные пути, жилые бараки рабочих; но особенно его поражала подвесная двухканатная дорога.

К. Е. Ворошилов, спустя 79 лет, вспоминал: «В первое время я внимательно наблюдал рабочий люд на шахтах. Усталые и запыленные, расходились шахтеры после работы по баракам и землянкам. Глаза и зубы у них блестели, и мне казалось, что им очень радостно

вновь видеть зеленую земную поверхность, ясное солнце и чувствовать себя отважными покорителями земных недр. Приходилось мне, и довольно часто, видеть их пьяными, поющими песни, а иногда и в драках. Все здесь было не так, как на полях и в усадьбах. Там было тяжело, но здесь несравненно тяжелее. Очень скоро я понял, что шахтерам не до веселья, что их давит беспросветная нужда, непосильная работа»^[11].

На руднике таких ребят-подростков, как Клим, использовали только для выборки колчедана^[12]. Это было своеобразное приобщение к шахтерскому труду.

К. Е. Ворошилов в «Рассказах о жизни» вспоминал, что труд этот для ребят был ужасно утомительным и низкооплачиваемым: они очищали выданный из шахты уголь от посторонних примесей. Каждому выдавался специальный ящик, куда складывали колчедан и пустую породу. По количеству наполненных и сданных ящиков определялся заработок. Такие малолетки, каким был в то время Клим, обычно зарабатывали в день по 8, изредка по 10 копеек, а те, кто постарше, — по 12-15 копеек.

Работа была не только тяжелой, но и опасной. Приходилось вместе с ящиком подниматься по крутым откосам на высокие штабеля угля; при неосторожном движении можно было сорваться и серьезно покалечиться. Рабочий день длился с шести часов утра и до вечера. За весь день полагались лишь две передышки — получасовая на завтрак и часовая на обед.

Ворошилов назвал период пребывания на Голубовском руднике новым этапом в его тогда еще малолетней жизни — он вставал на путь рабочего человека.

При содействии зятя Ивана Щербины, машиниста подвесной канатной дороги, Клима назначили смазчиком машины, подающей уголь на-гора. Оплата была здесь выше, чем на выборке колчедана. Катя скрупулезно откладывала заработок брата и однажды объявила при соседках:

— Ну, Климушка, пойдем сапоги выбирать. Будешь сам покупать, на свои кровные.

В магазине ему понравились очень ладные, маленькие шевровые сапожки на высоком каблучке. Вряд ли они годились для каждого дня, но Иван и Катя не стали возражать. Купили Климу и другие вещи — рубаху, штаны, полотенце...

Не гладко проходила жизнь Клима на Голубовском руднике. Его здесь жестоко избили рабочие, соперничавшие с ним за лучшие места на шахте, в результате он долго лечился в больнице. Родители забрали его к себе: отец и мать перебрались в это время на соседний с Голубовским — Шепиловский рудник.

В один из дней к Ворошиловым заехал проездом из хутора Воронова сын Спиридона Андреевича Ворошилова — Потап Спиридонович. Он рад был видеть семью дяди Ефрема в добром здравии.

Как бы мимоходом дядя спросил Клима:

— Чай нигде не работаешь?

— Он ведь в больнице лежал — избили его на руднике, — ответила за сына мать. — Сейчас отошел, скоро к делу какому-никакому пристроится.

— Может, Клим к нам съездит погостить? — Предложил Потап Спиридонович. И племяннику: — Поедешь?

Климу понравилось это предложение, но вслух он сказал:

— Я-то поехал бы, да ведь и отцу с матерью помогать надо.

Марии Васильевне хотелось, чтобы сын поехал с дядей. Она стала уговаривать его, мол, поезжай, они обойдутся без него, посмотри родину отца...

Клим поехал с Потапом Спиридоновичем в Воронов. Гостевание его затянулось на многие месяцы. Как потом выяснится, дяде Спиридону Андреевичу и его сыновьям нужен был даровой работник.

Климент Ефремович через годы скажет, что пребывание на хуторе Воронов стало для него еще одним уроком жизни. Здесь он побывал в шкуре батрака, хотя и жил у родственников.

Река жизни по-прежнему несла семью Ворошиловых по бурным волнам, причаливая то к одному, то к другому берегу. После Шепиловского рудника Ефрем Андреевич вернулся в село Смоляниново. Но из-за своей неуживчивости долго не удержался и там. Куда еще податься? Наступил на собственное горло, унял гордыню и попросился вновь к помещику Алчевскому.

Семья переселилась в Васильевку. Для Климата село казал ось родным местом. Всё здесь снова сложилось, как пять лет назад: отец стал пасти коров, мать — работать на кухне...

В школу — в 12 лет

Мария Васильевна Ворошилова мечтала, чтобы сын освоил грамоту. «В школу Климушке надобно, — говорила она, — вострый он на ум. Выучился бы Божий Псалтырь читать. Бог даровал бы ему благо в жизни».

Как-то она вместе с Климом навещала своих родственников в селе Боровском, беседовала с братом Семеном Васильевичем, изливала душу: сделать бы сына «грамотеем».

— А зачем это тебе и Климу? — удивился брат, совершенно безграмотный человек, которому никогда и в голову не приходило учить своих детей. — Книжки читать — занятие господское.

— Нет, — возразила Мария Васильевна, — испокон веку говорят: «Учение — свет, а неученье — тьма».

Жизнь семьи Ворошиловых в Васильевке была несладкой. Как и раньше, давила нужда. С началом весны Клим пошел работать погонщиком волов. Летом возил снопы на тока, молотил хлеб. Его трудолюбие и прилежность заметили и стали доверять ответственную работу по смазке локомотива и молотилки. По тем временам к этому делу допускали далеко не каждого.

Лето пролетело незаметно. Осенью 1893 года в центре села возле храма Николая-угодника по решению помещика Алчевского был построен просторный дом, в котором намечалось открыть земскую^[13] школу. Старшее поколение населения Васильевки с настороженностью отнеслось к этому событию, а молодое — с большим интересом. К. Е. Ворошилов писал: «Не знаю, как у моих сверстников, но у меня к тому времени уже проснулась жажда к учебе, и я, еще не зная ни одной буквы, уже видел себя сидящим за партой, зубрящим уроки»^[14].

Школа не выходила из головы Клим. Но в душе щемило переживание: отдадут ли его учиться, ведь за учебу, никак, нужно будет платить немалые деньги. В «Рассказах о жизни» он «великим спасибо» отметит упорную настойчивость матери, с которой она уговаривала отца записать сына в первый класс.

На всю жизнь в его памяти остался первый день учебы. В числе нескольких Васильевских ребят он пришел на школьный двор задолго до занятий. Двор был широкий, ухоженный, с мягким травяным газоном; здесь школяры потом с большим удовольствием будут

проводить перемены, играть в шумные игры до и после уроков...

По звонку школьники, более сорока человек самых разных возрастов, с робостью вошли в комнату класса. В школе был один-единственный учитель — Семен Виссарионович (в «Рассказах о жизни» Ворошилов оговорился, что фамилию его запомнил). Он был молод, холост, недавно окончил педагогическое училище. Учитель спросил, кто умеет читать и писать. Выявилось около десятка переростков, учившихся когда-то в церковно-приходской школе, недолго существовавшей в Васильевке.

Семен Виссарионович разделил учеников на две группы: в одной читающие и пишущие, в другой совершенно неграмотные. С обеими группами он занимался одновременно. Учебных предметов было три — азбука, русский язык, арифметика. Особняком стоял Закон Божий, эти уроки вел священник, отец Василий. Они разительно отличались от уроков по азбуке, русскому языку и арифметике. Здесь не требовалось писать, нужно лишь слушать беседы-проповеди батюшки. Отец Василий завораживал, увлекал ребят рассказами: все им было в диковинку и очень интересно. Священник был строг, пресекал малейшие нарушения дисциплины. Ученики на его уроках не допускали никаких вольностей. И не только из-за строгости отца Василия. На их поведение влиял непререкаемый авторитет Церкви, который создавался родителями у детей с ранних лет.

В отличие от священника Семен Виссарионович за порядком на своих занятиях почти не следил. Он был натурой увлекающейся, всецело отдавался предмету и не замечал того, что делается в классе во время урока. Ученики быстро раскусили эту его слабость, перестали вникать в суть занятий, вели себя шумно. Семен

Виссарионович обратил на это внимание, когда было уже слишком поздно.

Ворошилов вспоминает, как учитель «закручивал гайки»: «Семен Виссарионович составил список ежедневных дежурных. За порядок в классе должны были отвечать все по очереди. Фамилии проштрафившихся записывались на доске. Таких иногда набиралось до десятка. Для них учитель установил весьма своеобразное наказание. Он выстраивал их в круг, заставлял развести в стороны руки и брать за уши своих соседей — справа и слева, причем не рядом стоящего, а через одного. Получалось, что ребята стояли как бы в обнимку, держа друг друга за уши. Затем по команде «раз, два, три» провинившиеся должны были совершать друг над другом взаимную экзекуцию. И хотя попавшие в беду заранее договаривались не сильно драть уши, все же кто-нибудь вольно или невольно нарушал уговор, и тогда начиналась поистине дикая сцена. Кто-то хотел отплатить обидчику, но дергал за ухо совсем другого, тот — третьего, и так без конца. Дело доходило до слез. А у тех, кто не стоял в кругу, это вызывало смех и грубые шутки»^[15].

Семен Виссарионович изменился, из интеллигентного тихого человека он превращался в деспота-устрашителя, стал применять к нарушителям дисциплины физическое воздействие: ставил их на колени, бил линейкой по рукам. Однако добиться порядка не удавалось, его авторитет и уважение учеников падали. Он видел это и тяжело переживал свои педагогические неудачи. Семен Виссарионович с трудом довел класс до окончания учебного года и, взяв расчет, уехал из села, навсегда оставив Васильевскую школу.

Климент Ефремович Ворошилов по истечении лет признает, что зерна грамоты, брошенные Семеном Виссарионовичем в души сельских ребят, как ни удивительно, все-таки проросли. За зиму Клим и его одноклассники научились писать, считать, пусть пока и не шибко, и освоили чтение по слогам.

Каникулы. Лето. Отдыхом от учебы для Клим стала работа в поле. Он, как прежде, пахал, косил, участвовал в уборке урожая. Обычное, привычное для него дело. Оно не тяготило, наоборот, было в радость.

В сентябре Клим пошел во второй класс. В 1894 году школу возглавил новый учитель — Семен Мартынович Рыжков. Он имел большую семью: жена, две дочери, сын; с ними еще жила сестра жены. Человек он был спокойный, волевой, в то же время довольно энергичный.

В «Рассказах о жизни» К. Е. Ворошилов подробно, обстоятельно описывает период обучения в Васильевской школе, возглавляемой Рыжковым. Большое место он отводит образу Семена Мартыновича, который раньше никогда не проявлял склонности к учительской профессии и, естественно, не готовился стать педагогом. Рыжков мечтал о море, дальних странствиях и потому поступил в морское училище. Но после его окончания в первом же большом плавании понял, что ему не суждено быть моряком: он тяжело переносил морскую качку. Морская болезнь сильно изнуряла, пришлось бросить службу и пойти на учительские курсы. Работая в школе, вскоре ощутил, что именно здесь его призвание. Семен Мартынович навсегда полюбил профессию педагога.

В Васильевской школе в полной мере проявилась педагогическая незаурядность Рыжкова. Новый учитель обладал как обширными знаниями, так и исключительным воспитательским талантом. Он

поразительно точно выявлял привычки и наклонности каждого ученика и умело выстраивал индивидуальный подход. Как-то сами собой прекратились шалости; школьники безропотно слушались Семена Мартыновича, внимая каждому его слову.

При Рыжкове школа преобразилась: стала чище, светлее, и дети, хоть и в бедняцкой одежде, выглядели теперь более опрятными, подтянутыми. Тетради, книги уже были не такими потрепанными, ученики относились к ним бережно. Ворошилов писал, что он был изумлен тем, как Рыжкову удалось добиться этого. Школяры боготворили учителя, крепко привязались к нему. Раньше, бывало, они с нетерпением ожидали звонка, чтобы стремглав бежать из школы, а тут стали задерживаться в классе по своей воле и просили Семена Мартыновича рассказать, почитать им что-нибудь еще. У него всегда находилось что-нибудь интересное, он искусно и одновременно доходчиво раскрывал глаза ребятам на окружающий мир, учил видеть в людях хорошие стороны, любить природу.

Из-за занятости Рыжков иногда поручал двум-трем лучшим ученикам по очереди читать вслух подобранные им книги. Это были обычно либо рассказы и повести Гоголя, Тургенева, Льва Толстого, либо стихи Пушкина, Лермонтова или басни Крылова. Чаще других читал книги Клим.

Нынче нам трудно представить, чтобы второклассник в течение длительного времени бегло и громко читал соученикам художественное произведение, например «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя или «Кавказского пленника» Толстого. Возможно ли такое?! Оказывается, да. Вот так добротнo учили детей грамоте в конце XIX века в России и Украине в земских школах захолустных сел и деревень.

Ворошилов на закате своих лет будет благодарить судьбу за то, что ему выпало счастье учиться в Васильевской школе. Здесь у него зародилась любовь к чтению, которую он пронесет через всю жизнь. В отрочестве, юности и в зрелом возрасте он много читал, и каждую свободную минуту посвящал любимому занятию, что окупалось сторицей, обогащало его...

Когда Семен Мартынович выбирал чтеца, класс дружно кричал:

— Клим! Пусть Клим читает!

Климу было лестно доверие товарищей, и он старался читать, что называется, с толком, с чувством, с расстановкой, подражая Рыжкову. Он нередко брал недочитанную книгу домой и там, в углу, еще засветло или при керосиновой лампе, с упоением зачитывался той или иной удивительной историей, пока мать не говорила:

— Кончай, хватит, нечего керосин жечь.

Учеба давалась Климу легко. Во втором полугодии он стал единственным круглым отличником в школе. К нему за советами, с просьбами объяснить непонятное обращались многие одноклассники. «Заметив это, Семен Мартынович стал поручать мне не только чтение, но и, если ему надо было куда-нибудь отлучиться, проведение отдельных несложных занятий, — вспоминал позже Климент Ефремович. — Это заставляло меня старательно выполнять домашние задания, твердо заучивать грамматические правила, читать дополнительный материал, который я брал в семье учителя. Так возникло у меня чувство ответственности и начали вырабатываться некоторые организаторские навыки»^[16].

Все хорошее, что сформируется в Ворошилове, все лучшие человеческие качества, которые в будущем в

нем проявятся, — это все было заложено в годы его горемычного детства и учебы в школе.

Между Рыжковым и Климом Ворошиловым постепенно, несмотря на то что ученик почти втрое был моложе учителя, сложились дружеские отношения.

Климент Ефремович вспоминал: разница в возрасте не помешала их сближению. Он постепенно стал своим в семье Рыжковых. Семен Мартынович давал Ворошилову свои личные книги, которые тот по прочтении относил к нему домой. Завязывались разговоры о прочитанной Климом книге, вспыхивали горячие обсуждения ее героев. Велась беседа и об укладе жизни в Российской империи, иногда даже о политической обстановке. Домашние Семена Мартыновича приглашали Клим заходить к ним еще. Каждая встреча с этими «культурными людьми», как позже говорил Ворошилов, все более расширяла его кругозор, открывала перед ним что-то новое.

Рыжков прививал ученикам не только интерес к литературе, но и к искусству, народной культуре. Если он видел, что у кого-либо проявлялись те или иные способности, старался поддержать и развить их. По его инициативе в школе проводились творческие вечера, где практиковались выступления своеобразной художественной самодеятельности. Климент Ефремович спустя годы рассказывал, что на импровизированной сцене ребята выступали с чтением стихов, пением песен, частушек, плясали. Все это заранее готовилось, и каждый участник таких вечеров старался выступить как можно лучше. Зачастую зрителями самодеятельных выступлений были не только ученики, но и их родители.

По инициативе Семена Мартыновича был создан школьный хор, в котором состояли почти все ученики; они с увлечением ходили на спевки, разучивали русские

и украинские песни. О созданном в школе хоре узнал церковный регент Фома Поляков, человек, страстно любивший народные напевы. Поляков из крепостной крестьянской семьи, был одарен природой необыкновенным слухом, благодаря чему очень рано проявил себя хорошим певцом и музыкантом. Он играл на нескольких инструментах: на балалайке, тальянке^[17], скрипке, фисгармонии и флейте. Барин вовремя узрел редкостные способности у своего крепостного и послал талантливого юношу учиться в Петербург. Там Фома окончил училище церковного пения и после этого стал регентом помещичьего, а затем церковного хора.

Поляков стал регулярно присутствовать на спевках хора. Он отобрал нескольких ребят с хорошими голосами для церковного хора. Был отобран в церковные певчие и Клим Ворошилов. Впоследствии Климент Ефремович скажет, что он никогда не пожалел об этом, потому что Фома Поляков научил мальчишек, в том числе и Клина, понимать музыку.

Фома говорил:

— Наш народ любит песни и сам творит их. Учитесь у народа искусству пения и несите людям все лучшее, что у вас есть.

«Он сумел так развить наш слух и так поставить наши голоса, что пением нашего церковного хора заслушивались все прихожане, — с благодарностью вспоминал Ворошилов регента. — Нас приглашали на свадьбы и другие торжества, и мы были довольны тем, что приносим радость своим односельчанам»^[18].

Участие Васильевских ребят в школьных вечерах и в хоровом пении способствовало их духовному развитию.

Ворошилов характеризует Рыжкова не только как блестящего преподавателя и воспитателя, но и как подлинного организатора народного просвещения.

Особенно ярко проявились его организаторские способности, когда у станции Юрьевка и села Васильевки началось строительство крупного металлургического завода Донецко-Юрьевского металлургического общества (ДЮМО). Вблизи этих мест открылись огромные каменоломни, и сюда съезжались для перевозки камня сотни крестьян с подводами. Однако на эти работы принимались лишь грамотные крестьяне, потому что надо было учитывать объем перевезенного камня и расписываться на каких-то бумагах. У людей появилась потребность в грамоте, и они буквально повалили в школу.

В начале 1920 года Рыжков иммигрирует из советской России. В 1933-м он опубликует в трех номерах парижской русскоязычной газеты «Последние новости»^[19] мемуарные записки. В них он расскажет о времени своего учительства в Васильевке. В частности, о периоде строительства завода ДЮМО Семен Мартынович вспоминал: «Ко мне пачками посыпались просьбы взрослых крестьян научить их читать и писать. Пришлось работать в две смены: днем — с детьми, вечером — со взрослыми. Разумеется, все это даром. Через две недели мужики с грехом пополам выводили свои фамилии. Курс был закончен. Авторитет школы поднялся на недостижимую высоту. Завелась библиотека, учебные пособия. Алчевская^[20] подарила школе «волшебный фонарь» (светоскоп) — тогда большую редкость даже в городских школах. Она же высылала из Харькова еженедельно, по указанию школы, новые серии картин»^[21].

Позже он писал, что смотреть картины и слушать рассказы приходило все село. Так как школьные классы не вмещали всех желающих попасть на картины, пришлось показывать их на улице, «на стене сарая

соседа». Рыжков часто просил Клим Ворошилова помочь ему в демонстрации картин через «волшебный фонарь». Это был примитивный показ обычных диапозитивов — картин на стекле, и посвящались они, как правило, историческим, сказочным сюжетам. Изображения, увеличенные линзами «волшебного фонаря», действительно проецировались прямо на белую стену сарая. Местные крестьяне никогда не видели ничего подобного и воспринимали все это как диковину.

О своей школе, об учениках Семен Мартынович говорил с гордостью. Конкретно о Ворошилове: «В 1894 году я учительствовал в школе Алчевска^[22]. Туда пришел учиться тринадцатилетний Клим. Он был очень правдив. Никогда не перекладывал вину на товарищей. Не лгал. Не подхалимствовал перед своими более счастливыми товарищами. Это был живой, общительный и очень толковый мальчик. Всегда жизнерадостный, несмотря на свою бедность. Хороший товарищ и ученик»^[23].

Большим достижением Рыжков называет постоянное пополнение при нем школьной библиотеки. В ней накопилось множество произведений лучших русских писателей и поэтов — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Тургенева, Лескова, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Никитина, Кольцова. Ученики читали их с упоением...

Весна 1895 года была для семьи Ворошилова как никогда трудной. После зимы в селах жизнь обычно всегда скудеет. Все хлебные припасы, заготовки картофеля, овощей иссякают, и наступает голодная пора.

Тяготы существования в эту весну Ворошиловы почувствовали особенно остро. Заработки отца и

матери были мизерными. Без работы Клима семье недотянуть до осени — до нового урожая.

Клим сказал Рыжкову:

— Не могу я больше учиться, Семен Мартынович, на работу мне надо устраиваться.

— А куда? — спросил он.

— Кто его знает, — ответил Клим. — Может быть, в имении что-то найдется — пахать я умею; не будет ничего другого — снова в пастухи наймусь.

Семен Мартынович тяжело вздохнул:

— Ну что же, раз надо, так надо. Только о школе не забывай. Учиться можно и самостоятельно. Читай книги, заходи к нам. Я и вся моя семья будем всегда рады тебя видеть.

Клим окончил Васильевскую школу с «похвальным листом». «Так завершилась моя ученическая пора. Но я долго еще вспоминал эти два с половиной так быстро промелькнувших года, давших такой большой толчок моему умственному развитию», — подводит итог К. Е. Ворошилов своим «образовательным университетам».

Работать в помещичье имение Клим не пошел, он поступил на завод ДЮМО. Его, как грамотного, приняли рассыльным в заводскую контору.

Школа, школа! Очень часто Ворошилов вспоминал потом школьные стены, небогатое убранство классных комнат, старенький глобус, по которому они с Семеном Мартыновичем Рыжковым совершали увлекательные путешествия!

Климент Ефремович будет часто повторять, что разбуженная школой жажда знаний не покидала его всю жизнь и он в меру своих сил и возможностей продолжал заниматься самообразованием, не расставался с книгами.

С началом Первой мировой войны отношения Ворошилова с Рыжковым прервутся. Семен Мартынович

станет выступать за победу России над немцами, большевик Клим Ворошилов — ратовать за поражение царской России. Их политические пути навсегда разойдутся. После Февральской революции Рыжков некоторое время был секретарем Крестьянского союза в Луганске. Во время Гражданской войны он заведовал Николаевскими верфями.

В декабре 1919 года семья Рыжковых уехала из Николаева в Одессу, а через месяц перебралась в Чехословакию. В 1923 году Семен Мартынович принял активное участие в подготовке и работе оргкомитета проходившего в Праге съезда деятелей средней и низшей русской школы (ДСНРШ) за границей.

Остаток жизни С. М. Рыжков посвятит делу пропаганды русской литературы, работая до поздней старости заведующим библиотекой в гимназии, где учились дети российских и украинских иммигрантов. Перед Второй мировой войной он вступит в Коммунистическую партию Чехословакии и будет состоять в ней до своей кончины в 1950 году.

Завод ДЮМО

На землях помещика Алчевского близ Васильевки и станции Юрьевка возводилось большое предприятие Донецко-Юрьевского металлургического общества, которое все называли просто заводом ДЮМО.

Клим Ворошилов пришел поступать на завод, когда уже были построены корпуса цехов — литейного, модельного, кузнечного, столярного, ремонтного, здание заводоуправления, обретал свое очертание первый жилой квартал поселка. На фасаде конторы, где Климу предстояло работать курьером-рассыльным, красовались на фоне двух скрещенных молотков, заключенных в круг, четыре огромные буквы ДЮМО.

В «Рассказах о жизни» К. Е. Ворошилов писал, что завод ДЮМО на стыке двух веков — XIX и XX — был одним из ярких проявлений бурного развития молодого горнопромышленного Донецкого бассейна. Возводился завод на отечественный капитал, тем не менее влияние на него западных компаний было безмерно велико. И при его строительстве, и потом буквально во всех сферах заводской жизни чувствовалось засилье иностранцев. Тут можно было встретить — и не только среди инженеров и мастеров, но и среди простых рабочих — бельгийцев и французов, немцев и англичан. Как правило, каждый из них получал за одну и ту же работу в несколько раз большую плату, чем русские. Жили они отдельными колониями. Многие из них, особенно среди инженеров и администраторов, отличались чванливостью и высокомерием.

Металлургический завод Донецко-Юрьевского металлургического общества основан в 1895 году банкиром, промышленником и землевладельцем, купцом первой гильдии Алексеем Кирилловичем Алчевским совместно с Балтазаром Балтазаровичем Герберцем, горным инженером и предпринимателем, членом правления Товарищества русско-французских заводов «Проводник». Руководил проектированием и строительством завода инженер Аполлон Федорович Мевиус, ставший в возрасте семидесяти пяти лет его первым директором.

Алчевский не рассчитывал на получение казенных заказов. Как поборник свободной частной инициативы, он убеждал своих компаньонов, прежде всего Герберца, строить завод исключительно для потребностей рынка в чугуне и сортовом железе, с тем чтобы не зависеть от тех или иных случайностей, скажем, отказа государства от закупки продукции, и базироваться только на прочном фундаменте частного спроса.

На строительство прибыла группа специалистов из Германии, одновременно стало поступать закупленное за границей оборудование. Квалифицированных рабочих приглашали с Юзовского, Александровского (город Екатеринослав^[24]), Дружковского и других металлургических заводов. Сюда потянулись безземельные и разорившиеся крестьяне не только украинских губерний — Екатеринославской, Полтавской, Черниговской, но и артели из Воронежской, Костромской, Курской, Орловской, Рязанской, Минской, Могилевской и других губерний России и Белоруссии. Они размещались в Васильевке и на хуторе Должик. Жилья было крайне мало, поэтому близ села и хутора для приезжающих рабочих спешно строились ряды деревянных бараков и казарм, названные Старой колонией.

Поодаль выростали каменные кварталы (Административная колония) для семей руководящего персонала, преимущественно иностранцев. Со временем богатые кварталы были объединены в поселение, получившее наименование Новая колония.

Подлинным днем рождения завода стало 26 мая 1896 года, когда в праздничной обстановке после торжественных речей, молебна и освящения была задута первая доменная печь. В том же году ввели в строй вторую домну и первую мартеновскую печь. К концу года завод выплавил 1 миллион 925 тысяч пудов чугуна и 518,5 тысячи пудов стали, а в 1897 году уже 4 миллиона 856 тысяч пудов чугуна и более 738 тысяч пудов стали. В 1898 году на заводе действовали уже три доменные и две мартеновские печи, один за другим были пущены сортовые прокатные станы — 300, 500, 800. Завод превратился в производство с полным металлургическим циклом.

К 1900 году на предприятии трудилось 3,2 тысячи человек. Завод производил чугун всех сортов, ферромарганец, ферросилиций, различные чугунные отливки, фасонное литье; круглое, квадратное, полосовое, шинное и обручное железо, шаблонное железо для оковки колес, оси экипажные; листовое и кровельное железо, железо для жнеек, грядильное и лемешное железо для плугов, двутавровые балки, швеллеры, прокатанную болванку и т. д.

Первые годы существования Донецко-Юрьевского завода совпали с периодом промышленного подъема. В начале XX века все крупные металлургические заводы Донбасса принадлежали иностранным акционерным обществам. Исключение составлял только завод ДЮМО. Ему было трудно противостоять крупным западным корпорациям, он не выдерживал конкуренции с ними. Это привело в период разразившегося в 1900 году острого кризиса к разорению банкира Алчевского. Весной 1901 года Алчевский приехал в Петербург просить у правительства кредит, чтобы избежать банкротства завода. В кредите ему было оказано. Отчаявшись, он 7 мая бросился под поезд на Царскосельском вокзале. Обесценившиеся после гибели Алчевского акции ДЮМО сосредоточились в руках франко-бельгийских компаний^[25].

К. Е. Ворошилов вспоминал, что обязанности курьера-рассыльного были довольно просты. Он должен был разносить по цехам приказы и распоряжения заводоуправления и доставлять оттуда сводки о ходе работы. Это было поначалу. Но вскоре основным его занятием стала ежедневная доставка на почту всякого рода деловых бумаг, подготовленных конторой для рассылки по различным адресам как внутри страны, так и за границу. Одновременно с этим он получал на почте

письма, пакеты и посылки, адресованные заводууправлению и отдельным должностным лицам.

Почтовая служба находилась в восьми километрах от завода в селе Лозовая. Чтобы своевременно доставлять пакеты и письма, Климу дали лошадь по кличке Дуська. Это была молодая шустрая кобыла, которая резво бежала по степной дороге. К верховой езде Ворошилов привык с малолетства. Но в последнее время у него часто появлялись головные боли: это были последствия избиения Клим на Голубовском руднике. Особенно сильно чувствовались боли при быстрой езде, приходилось сдерживать Дуську, а иногда и спешиваться.

Однажды ему стало совсем худо. В полуобморочном состоянии он сполз с кобылы у моста через речку, абы как примотал повод уздечки к столбу и впал в забытие. В тот момент из Лозовой в Васильевку проезжал знакомый извозчик. Увидев беспомощного Клим, он помог ему подняться, усадил в фаэтон, а Дуську привязал сзади экипажа. Солнце палило очень сильно, и извозчик поднял кожаный навес. Находясь как бы в полусне, Клим не смог предупредить, что кобылица у него с норовом.

Когда тронулись, Дуська встала на дыбы и обрушилась передними ногами на фаэтон. Клим открыл глаза: около его плеча торчали лошадиные копыта. От неожиданности вскрикнул. Извозчик, резко повернулся: навес смят и пробит, а Дуська застыла в странной позе.

Извозчик успокоил кобылу, убедился, что с Климом все в порядке, сказал с облегчением:

— Ну, брат, счастливый ты человек, ведь на волосок от смерти был. А если бы конские копыта ударили тебя...

После этого случая Ворошилову дали другую лошадь — старую, степенную...

Ворошилов называет свою курьерскую работу переходной ступенькой от школы к производству. В то же время он по-прежнему был тесно связан с ребятами-подростками, с которыми учился у Семена Мартыновича Рыжкова, да и с самим учителем и его семьей. Вместе с тем круг его знакомств расширялся. Появились новые друзья, рабочие Сергей Сараев, Павел Пузанов, Иван Придорожко, Епифан Плуготарен-ко и другие. Вместе они ходили вечерами на сельские танцы под гармошку, а в субботние или воскресные дни устраивали скромные пирушки на свежем воздухе на берегах прудов. Часто заводили разговоры о положении рабочих, заработках, штрафах, поведении заводских начальников, а также о событиях в стране или за ее пределами.

Наряду с Васильевской земской школой открылась новая школа — для детей работников завода ДЮМО и молодых заводчан, желавших получить образование. С помощью Семена Мартыновича Рыжкова Ворошилов наладил общение с учениками и учителями этой школы. В короткий период педагоги школы вовлекли Клима в свой круг, они снабжали его интересными книгами, помогали лучше понять прочитанное, вели дискуссионные беседы на разные темы. Климент Ефремович в зрелом возрасте так оценит общение с ними: «Все это не проходило бесследно: я приближался к ним по своему развитию, не стеснялся высказывать собственное мнение, отваживался даже на спор с некоторыми из них»^[26].

Работа курьера-рассыльного позволяла Климу детально ознакомиться с заводским и конторским бытом, расширяла его представления о разных гранях производственной и обычной, будничной жизни рабочих. Он видел, в каких невыносимо тяжелых условиях трудились люди. На заводе почти все делалось вручную. Рабочий день длился 12 часов.

Нестерпимая жара в горячих цехах, сквозняки, антисанитария, отсутствие техники безопасности приводили к массовым заболеваниям, увечьям и гибели металлургов. Пять с лишним тысяч человек (рабочих и членов их семей) обслуживали всего три врача, пять фельдшеров, три акушерки и два аптекаря. 40-50 процентов работников в основных цехах не умели читать и писать, во вспомогательных цехах — и того больше.

В Старой колонии не было ни водопровода (воду привозили в бочках), ни канализации, ни мощеных улиц. Везде копоть, угольная, железорудная и шлаковая пыль, а в ненастье — непроходимая грязь.

Иначе жили иностранцы: администраторы, инженеры, мастера. В Новой колонии все было добротно устроено, по-тогдашнему, конечно, времени. Климус приходилось часто бывать в двухэтажном доме главного бухгалтера завода Графа. У него была большая семья — восемь детей. Пока Климус ждал, когда их отец подпишет принесенные бумаги, эта детская ватага окружала Ворошилова и старалась вовлечь в свои игры. У Климуса с детворой немца-бухгалтера установились дружеские отношения. Но при этом всегда в его душе щемила досада: почему у русских детей нет таких условий жизни?..

Большинство начальников из иностранцев вели себя высокомерно, презирали рабочих и унижали их человеческое достоинство. К их числу принадлежал и Граф.

Но были среди них и хорошие люди. Ворошилов называет начальника механического цеха Ганемана, начальника электроцеха Краузе, мастера чугунолитейного цеха Циммермана, относившихся к рабочим доброжелательно.

Особо нравился Климус начальник заводской лаборатории Блосфельд, культурный и образованный

человек с чутким сердцем. Ворошилов нередко заходил к нему, и хотя тот плохо говорил по-русски, они беседовали по душам.

Благодаря работе курьера Клим познавал жизнь завода, его коллектива, у него завязались отношения с влиятельными мастерами и рабочей элитой. И все-таки рамки конторы тяготили его. Ему хотелось туда, где из руды плавился чугун, варилась сталь, изготавливались трубы, проволока, листовое железо и другая промышленная продукция. Он понимал, что именно там творится главное дело, ради которого существует и заводская администрация, и всякие вспомогательные службы...

Он стал проситься перевести его в производственную сферу.

Просьба Клима была удовлетворена, его перевели работать на водокачку помощником машиниста.

Что такое водокачка? Специальное здание, в котором располагается оборудование — пародвигатели, насосы и т. п. — для подачи воды потребителям. Именно это знал о водокачке Клим Ворошилов, когда впервые шагал от завода до нее целых четыре километра.

Мрачное кирпичное сооружение на берегу большого пруда не впечатлило его. У входа Клима встретил грузноватый мужчина средних лет, говоривший с сильным польским акцентом.

— Далеко топать, — не то спросил, не то констатировал он длинный Климов путь до водохозяйства. И сразу пояснил: — Вот отсюда мы подаем воду в заводские резервуары, а оттуда она идет на охлаждение доменных печей и на другие, какие надо, нужды.

Дальше определил Климу условие работы. Дежурить он будет посменно с другим помощником машиниста: неделю — днем, неделю — ночью. Дневная смена начинается в семь часов утра и до семи вечера.

Ночная, соответственно, с семи вечера до семи утра. Себя он представил Климу как непосредственного его начальника и велел называть паном Сгожельских, так как рожден поляком; в слове «поляк» он сделал усиленное ударение на «о». Сгожельских не заведовал водокачкой, он был старшим машинистом. Кроме него были еще два сменных машиниста с помощниками.

Затем Сгожельских показал машинное отделение, где стояли большие паровые насосы, и спросил Клима, приходилось ли ему когда-либо иметь дело с машинами. Тот ответил, что бывал в заводских цехах, видел всякие машины: и паровые, и электрические, однако дела с ними не имел.

— Смотри и учись, — назидательно сказал поляк. — Машина вежливое обращение любит. Вот хотя бы эти насосы. Только недогляди — разлетятся.

— Как это «разлетятся»? — удивился Клим. — Они ведь железные.

— Вот и видно, что ты ничего в насосах не смыслишь. — Сгожельских поморщился. — Такая сильная машина требует ровной и большой нагрузки. А если будет потеряна тяжесть всасывания — а это и есть ее нагрузка, — тогда что? — Он испытующе посмотрел на Ворошилова. — То-то. Не знаешь. — Понизил голос и, наклонившись к Климову уху, чуть ли не шепотом закончил: — Тогда она сама себя разнесет и нас с тобой еще прихватит.

Он терпеливо, обстоятельно объяснял юному помощнику, что и как надо делать, и больше всего упирал на необходимость строго следить за водомерным стеклом и манометром, а также за всасывающими трубами. После этого требовательно добивался от Клима точного соблюдения своих указаний и сильно ругался по-русски и по-польски, если тот что-либо делал не так.

К. Е. Ворошилов вспоминал, что он быстро освоился с нехитрыми обязанностями, полюбил машины, постоянно держал их в образцовой чистоте. Это нравилось Сгожельских. Однако нескоро придет к старшему машинисту полное доверие к новому помощнику. Он боялся оставлять Клима одного и ревниво следил за каждым его движением.

Несколько месяцев работы на водокачке сроднили Клима с товарищами по работе. Особенно крепко подружился с кочегарами, обслуживающими топки котлов, питающих паром машины насосов. Он часто заходил в котельную и видел, как тяжек их труд. У топок было нестерпимо жарко. Кочегар истекал потом, к концу вахты буквально валился с ног.

Во время дежурства Клим иногда, когда все агрегаты работали исправно, подменял кочегара у топки на 10–15 минут. И вдруг однажды Сгожельских засек его отсутствие в насосном отделении. Прибежал в котельную.

— Пся крев! — вскричал он на Клима. — Ты делаешь преступление. Ты завод загубить захотел.

Клим кинулся к насосам, не случилась ли с ними какая беда?..

Долго потом его мучили угрызения совести: бросил доверенные машины на произвол судьбы, могли произойти страшные вещи... Он несколько раз просил за свою оплошность прощения у старшего машиниста:

— Простите меня, пан Сгожельских. Это больше не повторится.

Сгожельских негодовал, сопел, не прощал. Наконец смиловился:

— Ладно, прощаю. Смотри, чтоб еще этого не бывало...

В целом работа Клима Ворошилова на водокачке отмечалась положительно. В глазах начальства он

зримо рос как настоящий рабочий, знающий свое дело, ответственный, аккуратный, добросовестный.

В конце года Климу предложили перейти в более престижное заводское подразделение — в электротехнический цех.

Здесь все было в новинку, и это увлекало. Начал с чтения элементарных книжек по электрике. Расспрашивал опытных специалистов, одновременно старался и своим умом доходить до многого. Любознательность и упорство парня отметили старшие товарищи и охотно оказывали ему всякую помощь в освоении новой профессии.

Первые практические шаги — выполнение несложных работ: менял перегоревшие лампы, сращивал провода, чистил загрязнившиеся электропатроны и выключатели. Затем вместе с монтерами стал участвовать и в более сложных операциях — помогал инженерам ремонтировать тот или иной электроприбор или электромотор. И хотя ему поручалось самое простое, он был доволен и этим. Все, с чем Клим соприкасался на новой работе, обогащало его такими познаниями, о которых он раньше не имел ни малейшего представления.

Климу хотелось как можно больше узнать не только об электричестве, но и о великих физиках. Постепенно он познакомился с открытиями Фарадея, Ампера, Вольты, Ома, Эдисона, Яблочкова, Лодыгина, Ленца, Якоби и других выдающихся иностранных и русских ученых.

Простой люд завода ДЮМО жил тяжелой, беспросветной жизнью. Бблыпая часть ее — изнурительная работа. Остальное — сон, мрачный отдых. Светлого, радостного досуга не было. Местная власть и заводское руководство и не помышляли о том, чтобы организовывать какие-либо культурные развлечения. В окрестных деревнях и колониях ни

клубов, ни тем более театров не было. Единственным местом притяжения «дюмовцев» была казенная винная лавка-монополька, находившаяся в Васильевке. Во время получек и особенно в праздники здесь устраивались дикие попойки.

К. Е. Ворошилов писал, что, насаждая монополюшки и крупно наживаясь на спаивании населения, царское правительство ничего не делало для просвещения рабочих и крестьян. Хотя, как бы ни был изнурителен их труд, ужасен быт, наиболее сознательные все же тянулись к знаниям, интересовались происходившими событиями, стремились проводить воскресные дни более разумно...

Клим не мог жить без чтения. Библиотеки на заводе не было, не существовало и продажи книг. Чтобы восполнить этот пробел, он выписывал газету «Биржевые ведомости» и ежемесячный литературно-публицистический журнал «Нива». А еще брал книги у Семена Мартыновича Рыжкова. Он часто пересказывал прочитанное своим товарищам. Иногда, если они просили что-нибудь «поинтереснее», он с разрешения Рыжкова давал им самим почитать ту или иную книжку.

На заводе по инициативе активистов из администрации и молодых рабочих организовался театральный кружок, Клим Ворошилов стал его членом. В кружке играли небольшие простенькие пьесы. Незамысловатые мини-спектакли вскоре обрели популярность среди не особо требовательных зрителей. Кружковцы входили во вкус и стали проводить любительские постановки по два-три раза в месяц. Но требовались деньги на грим, костюмы и другие предметы театрального обихода, поэтому решили продавать билеты. Вырученные средства были, конечно, незначительными, однако они оказали чувствительное подспорье для развития самодеятельного театра.

Об успехах театрального кружка завода ДЮМО прослышали в уездном добровольном «Обществе взаимопомощи учащихся и учивших». Его руководители обратились с просьбой поставить один-два спектакля в их пользу. Возникло общество два года назад, кроме взаимопомощи оно занималось и культурно-просветительской деятельностью. Одним из его соучредителей был С. М. Рыжков.

Клим к тому времени обрел в кружке большой вес, он был организатором нескольких успешно поставленных спектаклей. Ворошилов позже вспоминал, что уже стерлось из памяти название пьесы, которую они выбрали для показа в пользу учительского общества, но сборы оказались весьма приличными. В его архиве много лет хранился дорогой его сердцу документ:

«Господину Клименту Ефремовичу Ворошилову.

Правление Общества учащихся и учивших выражает Вам, милостивый государь, свою глубокую благодарность за горячее содействие в устройстве спектакля в Юрьевском заводе и активное в нем участие. Спектакль дал 110 рублей 68 копеек чистого сбора, который и пойдет на пособие учителям, впавшим в крайнюю нужду.

Председатель *Е. Радаков*.

Секретарь С. Рыжков»^[27].

Театральный кружок для Клина Ворошилова и его сотоварищей был своеобразной вечерней школой. Он благотворно влиял на «дюмовскую» рабочую молодежь, расширял ее кругозор. К. Е. Ворошилов особо подчеркивал, что «кружок помог многим отрешиться от религиозных заблуждений, которыми так старательно

затуманивали сознание народных масс служители церкви».

Веру в Бога Клим, работая на заводе ДЮМО, утратил не сразу. Став рабочим, он сильно изменился как внешне — это был уже не подросток, а вполне оформившийся юноша, так и внутренне — он осознавал себя самостоятельной личностью, на окружающий мир смотрел более критично, чем раньше. Но он продолжал искренне верить в божественное происхождение всего окружающего до прочтения очередной, случайно попавшейся книги, перевернувшей все его представления об устройстве мира.

Изложу в пересказе отрывок из «Рассказов о жизни» К. Е. Ворошилова.

Как-то Климу подвернулась небольшая книжка, и он словно прозрел — настолько убедительным и доказательным был ее текст, не прямо, а косвенно опровергающий «сказки» о Сотворении мира, о рае и аде, о святых и ангелах. Это была книга французского астронома Камиля Николя Фламмариона «Популярная астрономия».

Он в ней прочитал, что Земля и другие планеты вращаются вокруг Солнца, а звезды, усыпавшие ночное небо, — далекие миры! Может быть, и там, в глубинах мироздания, существует жизнь, такая же как и на нашей планете Земля. И Климу вдруг показалось, что верить в Бога смешно и глупо. Ему хотелось кричать о своем открытии, и он побежал к Рыжкову.

Увидев возбужденного Ворошилова, Семен Мартынович испуганно спросил:

— Что случилось, Клим?

— Вы читали «Популярную астрономию» Фламмариона?

— Читал. А в чем дело?

— Как же так? Вы, мой учитель... — прорвало Клима, — знали, наверное, не только об этой, но и о

других таких же книгах, а их, очевидно, немало, и ничего мне ни разу о них не говорили. Вы слушали мои глупые рассуждения о Боге и даже ни разу не намекнули о том, что это все выдумки, вы, вы — мой друг!

Рыжков с трудом успокоил бывшего ученика.

После этого Клим еще некоторое время будет настойчиво искать любые научные книги по естествознанию, о происхождении человека и вселенной, о различных явлениях природы. Рыжков познакомит его с учением Дарвина, и это окончательно разрушит в нем то, что с детства он познавал в Законе Божьем: о сотворении Адама, о Всемирном потопе и Ноеве ковчеге...

Клим Ворошилов с тех пор стал считать себя атеистом, которым и останется на всю жизнь.

По работе Ворошилов не был непосредственно связан с литейным цехом. Тем не менее у него сложились очень тесные отношения с группой рабочих-литейщиков, среди которых были Иван Алексеевич Галушка, братья Степан и Роман Побегайло, Дмитрий Паранич.

Сблизились они в столовой, где работала мать Климa Мария Васильевна. За общим столом они часто обменивались мнениями о заводских делах, различных событиях, происходивших в Алчевске и за его пределами. При этом всегда получалось так, что инициатива в беседе принадлежала Галушке. Иван Алексеевич был среди них самым старшим и по жизни более опытным. Приехал он на завод из Ростова-на-Дону. Из-за слабости здоровья у него были проблемы с поступлением на работу, но когда его все-таки взяли в литейщики увидели, какой это замечательный специалист. Впоследствии он станет изобретателем — придумает специальный формовочно-модельный

станок, значительно упрощающий и ускоряющий отливку различных металлических изделий.

Разговоры, которые вел Галушка среди ребят, были не только о заводских делах, но и о положении рабочих в России и европейских странах, об источниках обогащения помещиков и капиталистов, о политическом бесправии трудящихся. По словам К. Е. Ворошилова, у него всегда находились примеры и факты, которые действовали очень убедительно. И хотя Галушка не делал никаких выводов, слушавшим его становилось ясно, что рабочие своим трудом создают богатство для хозяев и что вообще все богатеи и сам царь сидят на шее трудового народа и, как пауки, опутывают свою добычу и впрыскивают яд.

Вести такие разговоры в столовой, в бараках становилось все опаснее, и тогда по предложению Клима местом сбора выбрали заводскую школу, где обычно после занятий проводились пробные прокаты сцен спектаклей членами театрального кружка.

— Там можно будет оставаться после репетиций, — уверял Клим. — Места для сбора достаточно, и новые ребята будут вливаться в группу; думаю, наши беседы их заинтересуют.

— Так-то оно так, — заметил Иван Алексеевич, — да не каждому мы свой разговор можем доверить. Это, во-первых, Клим, а во-вторых, мы не знаем еще, как отнесутся к этому учителя школы.

Ворошилов сказал: среди преподавателей школы надежные люди — учителя Уварова и Шустова, сестры Крюковы.

Галушка решил познакомиться с ними и вскоре убедился, что учителя сочувствуют рабочим. После этого сходки единомышленников Ивана Алексеевича Галушки стали регулярно проводиться в школе; но о них знал лишь строго определенный круг лиц.

Так возникла первая нелегальная группа рабочих завода ДЮМО — зародыш социал-демократической ячейки.

РЕВОЛЮЦИОНЕР С ЮНОСТИ

Кружок Галушки

Нелегальный кружок Галушки разрастался. В конце 1898 года к нему примкнули металлурги-рабочие Иван Алексеевич Придорожко, Павел Ильич Пузанов, Сергей Петрович Сараев, Антон Тимофеевич Сложеникин, конторщик Николай Федорович Иванов, фельдшер заводской больницы Василий Мануйлович Соколов и другие.

Болезнь Ивана Алексеевича Галушки усугублялась, он часто выезжал в Ростов, к семье. На время его отлучек кружком руководил Ворошилов.

В этот период Клим перевели из электромеханического цеха в чугунолитейный и поставили на ответственный участок — машинистом электрического крана. Чем это было вызвано? Ворошилов полагал, что перемещение было связано либо с его прилежанием в работе, либо с тем, что руководство заметило его стремление к расширению знаний в области электричества: он много читал и расспрашивал мастеров и начальника цеха об устройстве различных электрических машин. «Мне, несмотря на молодость, доверили весьма сложный производственный процесс разливки жидкого чугуна в литники заформованных опок, — писал он. — Обычно на эту должность определяли взрослых рабочих, и лишь после того, как они год-два походят в помощниках крановщика»^[28].

Авторитет Клим среди рабочих поднялся на новую высоту. Товарищи по цеху стали обращаться к нему за разными советами. Кроме того, они видели в нем не

только знающего специалиста, но и деятельного активиста, будущего лидера движения «дюмовцев» за свои права.

Конец XIX — начало XX века стало для Ворошилова временем интенсивного приобщения к политическим знаниям, к марксистской революционной теории. Как-то раз он вместе с Рыжковым встретился в Орловке — соседней с Васильевкой деревней — с двумя его коллегами — учителями земской школы братьями Седашевыми, Павлом Максимовичем и Дмитрием Максимовичем. У них он увидел журналы «Русское богатство» и «Русская мысль». Полистав журналы, Клим наткнулся на статью об учении Карла Маркса. О сущности его учения Ворошилов слышал очень немного, но личность Маркса и его политические воззрения его заинтересовали. У него появилось стремление узнать о Марксе и марксизме как можно больше.

Из очередной поездки в Ростов Иван Алексеевич Галушка привез «Манифест Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Клим прочитал его на одном дыхании. Многие в «Манифесте» ему было пока непонятно, но главную суть он уяснил так: сила рабочих — в их организованности. Рано или поздно рабочие совершат революцию, свергнут буржуев.

Эти выводы из «Манифеста» Ворошилов горячо пересказывал своим друзьям.

Чугунолитейный цех завода ДЮМО был в ту пору крупным металлургическим производством, вместе с тем очень тяжелым и опасным. Работа литейщиков, в том числе и машинистов-крановщиков, требовала выносливости и особой точности. Например, крановщику нужно было следить за движением крана с грузом, особенно когда на подъеме или при спуске ковш был наполнен расплавленным чугуном. При малейшей оплошности жидкий металл мог сжечь в цехе все живое.

Ворошилов находился в особой кабине, почти у перекрытия цеха, на самом верху. Он писал в мемуарах, что при заливке чугуна в формы вверх поднимались обильные испарения и газы, идущие из формовок. Было невыносимо жарко и душно. Все это осложняло работу, и Клим постоянно боялся: если возвратятся головные боли, которые долго мучили его, он может потерять сознание, а это неизбежно приведет к катастрофе, к гибели многих людей.

Клим стал бороться за улучшение условий труда крановщиков. Сговорившись с другими машинистами кранов, он регулярно заявлял протесты заводскому руководству, которое от них отмахивалось. В один из дней Ворошилов поставил начальнику цеха ультиматум: «Мы задыхаемся от скапливающихся газов и так работать дальше не можем. Если не улучшите условия, забастуем».

— Подумаешь, какие нежные! — огрызнулся начальник цеха. — Крановщики всегда так работали.

В следующую смену Ворошилов самовольно остановил кран и спустился вниз. Его примеру последовали другие машинисты-крановщики. Все работы в цехе застопорились.

Что последовало за этим демаршем? В цехе незамедлительно появился взбешенный начальник.

— В чем дело? Почему не на месте? — налетел он на Ворошилова.

— Сами туда полезайте, может быть, тогда поймете, как сладко дышать отравленными газами, — спокойно заявил Клим. — Сколько раз вам говорили, что надо поставить вентиляторы.

— Молчать! — закричал начальник цеха. — Не хочешь работать — других вызовем.

— Можете вызывать, только и они вам то же самое скажут.

— Посмотрите, что выдумали, — взывал начальник цеха к окружающим крановщиков формовщикам и литейщикам. — Работу срывают!

Но его никто не поддержал. Рабочие настороженно молчали, и лишь один из них сказал:

— Вентиляция не только им — всему цеху нужна.

Рабочие сочувственно зашумели, и это сыграло решающую роль.

— Ладно... — нахмурился начальник. Помолчав, добавил: — Устроим вентиляцию. — И Ворошилову: — Полежай в кабину, нечего зря время терять.

К концу смены в нескольких местах корпуса цеха были пробиты отверстия для отвода скопившихся у перекрытия газов. Сразу стало легче дышать. Несколько позднее были установлены и вентиляторы.

Так победно окончилась первая «крановщичья забастовка», как ее называли литейщики. Забастовку эту, естественно, связали с именем Ворошилова.

Первый раз Клим Ворошилов подвергся аресту на исходе 1898 года. В тот год на завод ДЮМО был назначен полицейский пристав Греков. Был он человеком недалеким, но ретивым. К рабочим относился высокомерно и придиристо. Однажды он приехал к почтмейстеру и вел с ним беседу возле дома, прямо на улице. Мимо них проходили молодые рабочие, человек десять — пятнадцать, среди которых был и Ворошилов. Все с поклоном поздоровались с приставом, кроме Клина. Греков возмущен непочтением к нему Ворошилова. Он подбежал к Климу и потребовал объяснить, почему тот проявил неучтивость.

Ворошилов так описал этот случай в автобиографии. «Я рассмеялся в лицо «начальству», и оно с гневом вцепилось в мою рубашку, а я в свою очередь запустил руки за галстук озверевшего сатрапа. Почтмейстер и все мои товарищи исчезли, а я, с легкими, правда,

тумаками, был водворен в каталажку. На второй день я был освобожден, но начались систематические преследования. Сначала за мной следили «тайно», а затем открыто стали ходить по пятам агенты пристава...»

Постепенно Клим к слежкам привык и перестал обращать на них внимание. Через неделю в квартире, где он жил, был произведен обыск. Обыску подвергся и Семен Мартынович Рыжков. Его вызвали в Петербург в Министерство просвещения и потребовали прекращения сношений с Ворошиловым.

Месяц спустя у Ворошилова был произведен повторный обыск, и хотя ничего подозрительного не нашли, Клим тем не менее арестовали. Через несколько дней Греков был вынужден освободить его. Однако Ворошилов чувствовал, что «полицейская опека» над ним и его единомышленниками усилилась.

Откровенным гонениям был подвергнут Иван Алексеевич Галушка. Это принудило его постоянно скрываться от властей. Однажды он совсем исчез из Алчевска. Ему грозил не просто арест, а суд и тюрьма.

Накануне своего исчезновения Иван Алексеевич поручил членам кружка распространить среди дюмовцев листовку, подписанную Ростовским (Донским) комитетом Российской социал-демократической рабочей партии. Она призывала трудящихся к организованной борьбе против их классового врага — буржуазии. Так Ворошилов узнал о существовании в России социал-демократической партии. За листовками Ростовского (Донского) комитета появилась листовка Екатеринославского комитета РСДРП. В ней также говорилось о тяжелом положении рабочих и необходимости решительной борьбы против капиталистов. Галушкинским кружковцам стало ясно, что где-то совсем близко от них зародилась и действует какая-то новая, большая революционная сила...

Потеряв из виду Галушку, пристав Греков решил нанести решающий удар по всем активистам тайного кружка на заводе ДЮМО. Охранка составила черные списки, и все, кто попал в них, были уволены с завода. В числе первых был уволен Ворошилов.

Для Климата начались бесплодные дни, месяцы в поисках работы. Позже он с горечью вспоминал, как было ему тяжело. Иной раз наступала такая безысходность, что белый свет был не мил.

Уехав из Алчевска, Ворошилов попытался поискать счастья в соседнем Луганске, где у него были знакомые и друзья по заводу ДЮМО, перебравшиеся на находившиеся там предприятия. Но они при самом искреннем расположении не могли ничем помочь: везде сокращалось производство, шли увольнения.

Климат провел в Луганске неделю. Дальше его путь пролегал по разным городам Украины, юга России. Денег у него не было, он жил благодаря поддержке друзей. Обременять их своим иждивенчеством ему не позволяла совесть, потому он подолгу не задерживался в городах. Побывал в Екатеринославе, Александровске^[29], Харькове, Ростове-на-Дону. Перемещался, вспоминал Ворошилов в последующие годы, зайцем в товарняках, на тормозных площадках, на крышах вагонов. Если же это не удавалось, шагал по шпалам или пыльному проселку, ночевал под какой-нибудь раскидистой вербой или топодем, а зимой — в сараях, на сеновалах, в любом случайном жилье, куда пускали сердобольные хозяева.

Дольше всего он задержался в Ростове. Здесь его радушно встретил Иван Алексеевич Галушка. Разговоры были непочатым краем. Галушка рассказал Климу, что в городе живет еще один их общий знакомый, рабочий-поляк Зенкевич. Иван Алексеевич пообещал, что они вместе с Зенкевичем поищут для

него какое-нибудь дело. Найти ничего не получилось, ростовские власти имели «черный список», в котором числился Ворошилов как неблагонадежный.

Полиция прознала о пребывании Клим в донской столице. Он перешел на полулегальное существование — ночевал в разных местах и чаще всего у знакомых Галушки и Зенкевича. Но долго так продолжаться не могло, надо было уезжать из Ростова...

Мать Клим, Мария Васильевна, осталась в Васильевке одна, отец отсутствовал; он, как и прежде, искал где-то лучшей доли. Первые месяцы Мария Васильевна, после того как осталась без сына, бралась за любую работу, чтобы прокормить себя, но здоровье ее слабело, и ей пришлось жить по очереди у своих дочерей. Младшая Анна к тому времени вышла замуж за Николая Андреевича Щербакова, работавшего, как и муж старшей дочери Екатерины Иван Иванович Щербина, на заводе ДЮМО.

Скитания

Перед Ворошиловым, оказавшимся без работы, остро стоял вопрос: что дальше делать?..

После того как он покинул Ростов, очередным пристанищем для него стал Таганрог. В городе, раскинувшемся на берегу Азовского моря, Климу, кажется, улыбнулось счастье: по протекции одного знакомого он устроился на небольшой котельный завод «Нельфиль и К°», который принадлежал бельгийской компании. Мастер по фамилии Стог, узнав о скитаниях Клим, сочувственно отнесся к нему. Ворошилова приняли слесарем в ремонтно-механическую мастерскую. У него появилась слабая надежда как-то обустроиться.

Был разгар лета, земля благоухала, кругом яркая зелень. Живи и радуйся благодатной приморской природе! Однако радость Клима была недолгой. Через несколько дней его вызвали в контору завода, и тот же мастер-бельгиец, который принял его на работу, с грустной улыбкой объявил ему об увольнении. Он сказал, коверкая русские слова:

— Русская полицай нет корошо. Вам работай нет. — Увидев недоумение Клима, добавил: — Полицай приказ отказать.

На следующий день Ворошилову выдали причитающиеся за проработанное время деньги. Сумма посчитана верно, даже с небольшой прибавкой. Это постарался честный мастер-бельгиец.

И снова скитания по стране...

Более двух лет прошло с того дня, как Клим начал искать работу. Все это время никакой связи с родственниками, товарищами он не имел. На третий год нестерпимо потянули к себе родные края — Васильевка, завод ДЮМО.

Ворошилов вспоминал: «Сколько дней я добирался до дому и что это была за дорога, не буду рассказывать. Приходилось менять поезда и убежища, мерзнуть и голодать, терпеть унижения и оскорбления, но я добрался до цели и был безмерно рад этому. И даже задымленный и пыльный воздух с привкусом заводской гари казался мне каким-то особенно приятным, и я вдыхал его полной грудью»^[30].

По приезде в Алчевск Клим, соблюдая конспирацию, перво-наперво побывал у младшей сестры Анны, жившей с Николаем Щербаковым в Старой колонии. У Анны в то время как раз гостила мать. Вечером он незаметно пробрался к дому, где над цокольным этажом, наполовину уходящим в грунт, располагалась квартира Щербаковых.

Встреча с родными была радостной и в то же время болезненной: столько времени не виделись, ничего не знали друг о друге. Особенно тяжело перенесла ее Мария Васильевна.

Анна выставила на стол скромное угощение. Окна квартиры глядели во двор, и Клим, сидя у стола, вдруг заметил за занавеской человека. Это был старый знакомый, полицейский агент по кличке Москва, числившийся на заводе ДЮМО рабочим-вальцовщиком и следивший в последние годы за членами кружка Галушки.

Клим ничем не выдал, что обнаружил слежку. Он незаметно предупредил Николая Щербакова о незваном госте. Тем не менее Москва почувствовал, что его засекли, и незамедлительно скрылся из виду.

Клим быстро оделся, простился с родными. Надо уходить, к Щербаковым может нагрянуть полиция.

Оказавшись на улице, Ворошилов едва не столкнулся нос к носу с Москвой, который на минуту раньше успел выскочить за ограду.

Из Старой колонии дорога вела к заводу через Новую. Ворошилов и Москва шли друг за другом по деревянному тротуару, отделенному от дороги глубоким кюветом.

Вечер был еще непоздний, на улице то там, то тут появлялись люди. Ищейка с видом прогуливавшегося человека безмятежно шагал по тротуару, помахивая толстой суковатой палкой. Климу захотелось взглянуть на шпика поближе, и он прибавил ходу. Поравнявшись с ним, окинул его презрительным взглядом с головы до ног, тот остановился, отвернулся в сторону, как бы рассматривая что-то. Клим двинулся дальше и тотчас ощутил сильный удар палки по голове и руке, которой инстинктивно прикрылся. Это и спасло его от верной гибели.

Он упал в кювет. Москва продолжал бить Ворошилова палкой с тротуара по чем попало. Клим как мог увертывался от ударов, не в силах подняться с земли.

В этот момент неподалеку оказалась группа заводских парней: ребята шли с гармошкой и пели песни. Полицейский ищейка испугался и кинулся бежать. Парни увидели в кювете бесчувственного Клима, подняли его и понесли в колонию.

Очнулся Клим в комнате на диванчике. На него тревожно смотрели сестра Катя и ее муж Иван.

— Пришел в себя. Слава богу! — выдохнула облегченно Катя.

Среди молодых рабочих ДЮМО, подобравших избитого, нашелся один, который признал в нем родственника Щербины. Он работал вместе с Иваном Ивановичем, нередко бывал у него в семье и видел там Ворошилова...

Две с лишним недели пролежал Клим пластом в доме старшей сестры. Полиция его не искала, наверное, там понадеялись, что усердием агента Москвы Ворошилов теперь надолго прекратит подрывную антигосударственную деятельность.

К Климу навевывались товарищи, рассказывали о заводских новостях. В основном эти посещения происходили поздним вечером или ночью.

Постепенно молодой организм набрал силы. Через месяц Ворошилов начал ходить по квартире, а затем стал прогуливаться во дворе.

Мария Васильевна глубоко переживала случившееся с сыном. Она не отходила от него ни днем ни ночью. Первые дни неотлучно проводила у его постели, молила Бога, чтобы он помог подняться Климушке...

Как-то в одно посещение Клима заводскими товарищами он узнал от них новость: убит агент

Москва. Его нашли с проломленной головой в глухом переулке Юрьевки.

Ворошилов окончательно выздоровел. Оставаться дальше в районе завода ДЮМО ему было нельзя. «И не только из-за опасности снова оказаться в лапах полицейских, — писал позже Климент Ефремович. — Здесь по-прежнему невозможно было устроиться на работу. Товарищи посоветовали мне поехать в Луганск. Это, пожалуй, было разумно: там у меня были знакомые по совместной работе в Алчевске. С некоторыми я переписывался»^[31].

Друзья помогли купить билет, и он, распрощавшись с родными, уехал из Алчевска.

Луганск в конце 1890-х годов уже слыл одним из крупных промышленных центров Украины. Здесь за последнее время выросло много мощных предприятий. Наиболее крупными из них были паровозостроительный завод немецкого капиталиста Гартмана, патронный завод, трубопрокатный завод Попова, гвоздильный и костыльный заводы.

Приехав в Луганск, Клим первые дни жил в семье портного, еврея по национальности (в «Рассказах о жизни» К. Е. Ворошилов сожалел, что его имени и фамилии не помнит). В семью портного его пристроил старый друг Сергей Петрович Сараев. Они вместе работали на заводе ДЮМО, состояли в подпольном кружке Ивана Алексеевича Галушки.

Сергей Петрович работал на гартмановском паровозостроительном заводе. Он уверил Клим, что сделает все возможное, чтобы помочь ему устроиться на работу.

— На заводе Гартмана трудится около семи тысяч человек, — говорил Сараев. — Работа ведется не только днем и вечером, но и ночью, и очень часто в воскресные

и праздничные дни. Так что трудовые руки здесь всегда нужны.

Повстречался Клим в Луганске и с другими товарищами-«дюмовцами». Особенно он обрадовался Дмитрию Параничу и Павлу Пузанову.

Пребывая в многодетной семье портного — кроме мужа и жены еще шестеро детей, — Ворошилов понимал, что он для них дополнительная обуза. Восемь душ ютились в тесном закутке старого дома, но никто не роптал. Это была удивительно дружная семья. Несмотря на беспросветную бедность, в ней всегда царили смех, шутки. Портной и его неунывающая супруга умудрялись как-то сводить концы с концами и еще помогали другим. Они бесплатно кормили Клима тем, чем питались сами, бережно охраняли его от посторонних глаз.

Через некоторое время Клим, поблагодарив добрых хозяев, приютивших его в трудный период, съехал от них. Теперь он ночевал и столовался у своих друзей, чаще всего у Сергея Петровича Сараева.

Наконец с помощью Сараева он поступил на завод Гартмана в мастерскую по ремонту различного оборудования. Здесь кроме ремонтных работ было налажено еще изготовление рефлекторов-отражателей для паровозных фонарей.

Вначале Клима поставили на разовые мелкие операции, потом определили ему место у специального станка. Работал он прилежно, отдавал порученному делу все силы: изголодался по работе, стремился показать свою сноровку и умение.

Старание Ворошилова администрация мастерской оценила по достоинству, положила неплохой оклад, регулярно хвалила. Жизнь Клима налаживалась.

В целом работа в мастерской устраивала Клима, но кое-что в заводских порядках не нравилось. Например, в проходных завода рабочих, уходивших домой,

тщательно обыскивали. И что удивительно, рабочих это не оскорбляло, они без возмущения поддавались обыскам. Клим однажды возмутился:

— На каком основании обыскиваете? Я никогда и ничего не крал...

Сторож-охранник опешил:

— Вы, наверное, новенький? Приказано так поступать со всеми рабочими. Не вас одного обыскивают.

— Это произвол, — не унимался Ворошилов. — Нигде этого не делают.

Ему не пройдет это даром. Рабочие, узнав о протесте Клим, с одобрением отзывались о новичке, а руководство завода взяло Ворошилова на карандаш.

В конце апреля 1903 года Клим неожиданно вызвал к себе начальник мастерской. Он вежливо поздоровался и даже улыбнулся, а затем сказал:

— Мы обязаны вас уволить.

— По какой причине? Разве я плохо работаю? — удивился Клим.

— Мы получили указание свыше, — был ответ.

На следующий день Ворошилов оказался за воротами завода. Он вновь стал безработным. На сей раз из-за своей принципиальности.

И снова скитания. Где только он не побывал — и на близлежащих от Луганска шахтах и рудниках, и в периферийных городах Донбасса. Никакой работы нигде для него не находилось.

Сколько ни кружил Клим вокруг Луганска, все же опять вернулся туда. Однажды на одной из улиц он встретил своего учителя Семена Мартыновича Рыжкова. Учитель рассказал, что навсегда покинул Алчевск и теперь заведует школой при заводе Гартмана. Узнав историю с увольнением Ворошилова из мастерской по

ремонту паровозного оборудования, Семен Мартынович ободрил бывшего ученика:

— Уволили тебя с завода явно несправедливо. Я постараюсь исправить несправедливость.

Клим сомневался, вряд ли это возможно.

Уж как охарактеризовал Рыжков Ворошилова заводскому начальству, Климу тогда не было известно. Но вскоре он вновь попал на завод Гартмана. Спустя 30 лет Семен Мартынович напишет, что ему удалось устроить Клима машинистом на мостовом кране благодаря доброму знакомому начальника мартеновского отдела — инженеру Граану. Он не скрыл от Граана прошлого Ворошилова, поведал о нем все как есть.

Как обычно бывает, поначалу в цехе к Климу присматривались. Он временно находился в роли подручного у опытного машиниста-крановщика. Но испытания быстро кончились, Ворошилова поставили на самостоятельную работу.

Трудился он старательно, точно и аккуратно выполнял все предписываемые инструкцией операции. Мастер мартеновского цеха Вендерович прекрасно отзывался о нем: «Хороший, квалифицированный, знающий машинист. Чугунное литье — это ажурная работа. А он справлялся с ней превосходно».

Клим близко сошелся с работниками цеха. Заводской коллектив признал его своим человеком. Здесь немало трудилось тех, кто перебрался в Луганск из Алчевска. Они знали его по работе на заводе ДЮМО. Местные «гартмановцы» хорошо помнили бунт Клима на заводской проходной, когда он протестовал против обысков и унижения рабочих.

Клим глубже и глубже вникал в жизнь заводчан. Он видел в ней отражение жизни страны в целом, тяжелой и напряженной классовой борьбы рабочих с капиталистами за свое существование.

На Донбассе зарождалось социал-демократическое движение. Его идеи распространял прибывший сюда из Петербурга рабочий Иван Васильевич Бабушкин, который был связан с деятельностью «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», руководимого Лениным. В Екатеринославе возникла социал-демократическая организация. Ею руководили Бабушкин и ссыльный из Архангельска Константин Максимович Норинский. Они имели постоянные контакты с социал-демократами столицы Российской империи, Москвы, Киева, Харькова.

Когда организация прочно встала на ноги, Норинский перебрался в Луганск и поступил на гартмановский завод машинистом паровоза. Он развернул среди рабочих широкую пропаганду марксистских идей.

Местом сборов сторонников социал-демократического движения стала квартира Ивана Федоровича Ткаченко — помощника Норинского. На этих сборах Константин Максимович разъяснял суть основ марксизма, рассказывал о петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Кроме того, здесь проходили чтения художественных произведений, таких как «Овод», «Спартак», стихи Пушкина, Некрасова, Шевченко. Они звали к борьбе за свободу. На сборах постепенно сформировался устойчивый актив участников: Иван Ткаченко, его брат Роман, Николай Николаевич Болдырев, Яков Израилевич Моргенштейн, его сестра Любовь и другие.

Посещать сборы Норинского стал и Клим Ворошилов.

Социал-демократическое движение

Вслед за Норинским, спустя некоторое время в Луганск приехал Василий Андреевич Шелгунов. Он, как и Норинский, прошел большую жизненную школу, имел опыт борьбы с самодержавием, был членом первых марксистских кружков в Петербурге — Павла Точисского и Михаила Бруснева^[32].

Шелгунов впоследствии писал, что он после ссылки направился в Луганск, где жил его хороший товарищ — Норинский Константин Максимович. Около него в тот период уже группировался небольшой кружок. Шелгунов сразу же принял участие в работе этого кружка.

С приездом в Луганск Шелгунова агитационно-пропагандистская работа среди рабочих значительно оживилась. Члены социал-демократического кружка завода Гартмана стали регулярно общаться с рабочими других заводов города, снабжать их прокламациями^[33], получаемыми из Екатеринослава, где действовала организация «Донецкий союз борьбы рабочих», направлявшая деятельность всех социал-демократов Донбасса.

По словам Норинского, жизнь прогрессивных луганских рабочих делалась более интересной. Их горизонты день ото дня расширялись. Молодежь рвалась в бой.

В 1898 году, в марте, собрался I съезд РСДРП. Он тайно проводился в Минске. Инициативу о его созыве проявил известный на то время в России общественный деятель Петр Бернгардович Струве. Это был съезд разрозненных социал-демократических кружков. На нем присутствовало всего девять делегатов, представлявших наиболее крупные социал-демократические организации России — Санкт-петербургский, Московский, Екатеринославский и Киевский союзы борьбы, а также группу «Рабочей

газеты» и Бунд^[34]. Состоялось шесть заседаний. В целях конспирации протоколов не велось, записывались только резолюции. Основным был вопрос об образовании партии. Съезд принял решение назвать ее Российской социал-демократической рабочей партией (РСДРП). Делегаты единодушно проголосовали за «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии», в котором излагались ближайшие политические задачи партии.

В манифесте, написанном Струве, в частности, говорилось: «...Чем дальше на восток Европы, тем, в политическом отношении, трусливее и подлее становится буржуазия и тем большие культурные и политические задачи выпадают на долю пролетариата».

Через несколько недель все участники съезда, кроме одного, были арестованы. В результате продекларированная Российская социал-демократическая рабочая партия на этом съезде фактически создана не была. Вместе с тем съезд дал новый толчок активизации революционных сил. Пройдет немногим более четырех лет, и на II съезде РСДРП завершится процесс объединения революционных марксистских организаций, итогом его работы станет реальное рождение жизнеспособной партии рабочего класса.

Однажды в январе 1901 года Норинский дал Климу Ворошилову газету. Название — «Искра». Дата выпуска — 11 декабря 1900 года, номер — 1.

— Это газета нашего движения. Она издается за границей. Прочитай и передай товарищам.

Ворошилов пробежал заголовок передовой статьи: «Насущные задачи нашего движения». Подпись под статьей — Ленин.

Статью Клим, можно сказать, проглотил за несколько минут, не отрываясь, от первого до последнего слова. Он вновь и вновь перечитывал: «... Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного».

— Вот это да!..

Клим был поражен смелостью автора, который прямо призывал к свержению царизма...

«Искра» стала массово расходиться по рабочим коллективам Донбасса. Главными распространителями были Иван Бабушкин, Василий Шелгунов, Григорий Петровский, Федор Сергеев (Артем). В Луганске в заводские предприятия газету продвигал Шелгунов. Он неоднократно ездил в Полтаву, где находился распределительный пункт нелегальной литературы, привозил оттуда, наряду со всякого рода политическими брошюрами, листовками, в первую очередь «Искру» и снабжал ею революционно настроенных луганчан.

Полиция усилила рыскания по Луганску, его пригородам, вылавливая «книгоношей» с вредной литературой. Многие местные агенты «Искры» были арестованы.

В 1901 году Норинский почувствовал опасность провала и в срочном порядке отъехал из Луганска. Затем по той же причине покинул город и Шелгунов. Это привело к некоторому ослаблению работы созданных ими кружков. Однако революционное движение луганских рабочих не затухало, оно

медленно, но неуклонно обретало еще более масштабный размах.

В 1902 году луганские социал-демократические кружки объединились и объявили себя партийной организацией. Был оформлен Луганский социал-демократический комитет. Во главе его стал Яков Израилевич Моргенштейн.

К Ворошилову члены комитета пока пристально присматривались. Его приглашали на нелегальные собрания, давали отдельные поручения.

1903 год был отмечен важными событиями в российском социал-демократическом движении. В августе сначала в Брюсселе, затем в Лондоне был проведен очередной II съезд РСДРП. На нем разрозненные группы российских социал-демократов были объединены в политическую партию. Но в только что возникшей партии произошел раскол на две фракции: последователей Ленина и всех остальных. Сторонники Ленина провозгласили себя большевиками (они получили большинство при выборах центральных учреждений партии), а своих оппонентов — меньшевиками.

На съезде шла жесточайшая идеологическая борьба между разными группами в партии: «экономистами», бундовцами, националистами. Даже среди «искровцев» обнаружились разногласия по таким вопросам, как отношение к диктатуре пролетариата, к аграрной программе, к праву наций на самоопределение.

Большевики в этой борьбе одержали победу.

Весть о победе на II съезде РСДРП большевиков разлетелась по всем социал-демократическим организациям России. Пришла она и на Донбасс. Большевизм как политическое течение решительно набирал силу. Повсеместно началось размежевание

между ленинским и плехановским^[35] крыльями недавно рожденной партии.

Власти Донбасса сразу поняли: от большевиков им надо ждать больших неприятностей. Полиция напрягла мускулы и стала энергично зачищать «гнезда» социал-демократов. Был основательно выпотрошен Луганский комитет — взяты под арест его руководители Моргенштейн, Яковлев, Крупицкая, Скопникова, другие активисты, изъят весь архив комитета, ликвидирован гектограф, на котором печатались «летучие листки». Охранка^[36] изрядно потрясла рабочие организации на заводах Гартмана и патронном. Гартмановские социал-демократические лидеры Агапов, Дайков, Перчихин, Ткаченко-Петренко, Уваров, Цукублина, Шушер уцелели, остались на свободе. Они, уйдя в глубокое подполье, не только сумели сохранить организацию, но и помогли рабочим патронного завода наладить работу социал-демократического кружка.

Клим Ворошилов стал членом РСДРП в октябре 1903 года. На закате своей жизни он рассказывал молодым советским партийцам, что в то далекое время начала 1900-х годов в обстановке подполья и строжайшей конспирации оформление приема в партию проходило особым образом. Человек проверялся в условиях острейшей классовой борьбы и полицейских преследований, за него ручались те, кто хорошо его знал и был твердо уверен, что не приведет в ряды партии провокатора. За всякий промах приходилось платить дорогой ценой: потерей товарищей по революционной борьбе — их сажали в тюрьмы, ссылали на каторгу, отправляли на поселение в дальние края империи. Поэтому при оформлении в партию не оставлялось никаких следов, даже не выдавалось партийных билетов.

Члены партии были связаны друг с другом преданностью идеи, взаимным доверием. Посланцы вышестоящих комитетов, профессиональные революционеры, приезжая на места, являлись в подпольные партийные ячейки на известные центру явочные квартиры. Они никому не сообщали своих подлинных фамилий, представлялись конспиративными кличками. Позже появится конспиративная кличка и у Ворошилова — Володин, а рабочие его просто будут называть Володькой. Руководителей ячеек, как правило, знали в лицо, безгранично им верили и беспрекословно исполняли все указания. Это была подлинно железная дисциплина, воспринимаемая как суровая необходимость.

Став членом партии, Клим считал своим долгом сделать все возможное, чтобы каждый революционно настроенный рабочий, которого он знал, с которым общался, четко определил свое отношение к большевикам и меньшевикам, твердо встал на ленинские позиции. На собраниях, различных сборах сторонников социал-демократического движения свои выступления он обычно заканчивал словами:

— Я, конечно, товарищи, с ленинцами!

Популярность Ворошилова среди трудового люда была огромна. Для луганчан Володька был своим в доску. Он уже выходил из юношеского возраста, становился мужчиной: наравне со всеми мог выпить водки, знался с женщинами. В разговорах с людьми не лез за словом в карман, речи свои нередко переливал матерками.

Роман Гуль, русский писатель-эмигрант из офицеров белой армии, в книге «Красные маршалы» сочно отразил образ Ворошилова, буйного Володьки того времени.

«— Черт возьми, что мы будем смотреть?! — истошно орал на массовках ленинец «Володька». —

Если наседка имеет, товарищи, яйцо, а в яйце зародыш, то при нормальных условиях из яйца обязательно вылупится цыпленок! А зародыши революции налицо! И товарищ Ленин говорит, что надо учиться, товарищи, руководить массами! Правда, нам и револьвер, и булыжник, и болт, и гайка — все хлеб!

В завершение речей своих он звал пролетариев на баррикады:

— На носу, товарищи, русская революция... Все к бою! Во время революции массы будут вооружены!.. Готовьтесь иметь своих командиров!..

Один из участников массовой рабочей Мальцев вспоминает, что из толпы как-то крикнул ему:

— «Володька», мы тебя назначим красным генералом!

— Далеко хватил, — ответил Ворошилов, — какой я к черту генерал! Я в этом ничего не смыслю!»^[37]

А российская революция была действительно близко. Выступления рабочих и крестьян сотрясали устои самодержавия. Сгущались революционные тучи, вот-вот грянет гроза.

В воскресенье 9 января 1905 года в Петербурге организовалось крупномасштабное шествие рабочих к царю с требованием улучшения жизни народа. Это шествие было жестоко расстреляно царскими войсками.

Кровавое воскресенье, как назвал народ расстрел мирного шествия к царю-батюшке, аукнулся в стране бурей гнева и возмущения. На заводах, фабриках, шахтах, в деревнях вспыхнули волнения, беспорядки — забастовки, митинги, погромы помещичьих имений. Как ни старалось правительство остановить их, — против «зачинщиков» и «бунтовщиков» были брошены полиция и жандармерия, даже воинские части, — однако восстановить порядок не могли. В Донбассе, и в частности на Луганщине, первую революционную бурю

встретили с огромным энтузиазмом. Трудящиеся массы городов и деревень, поддержанные большевиками, с новой силой разворачивали борьбу против власть имущих.

В этих условиях социал-демократы срочно созвали в апреле — мае 1905 года в Лондоне III съезд РСДРП. Правда, назвать его съездом всех партийных фракций нельзя. Это была встреча представителей одной фракции — большевиков. Прочие фракции РСДРП во главе с меньшевиками на съезде отсутствовали. Одновременно с работой III съезда они провели в Женеве свою конференцию.

В связи с тем, что съезд проходил в период начавшейся российской революции 1905–1907 годов, он рассмотрел коренные вопросы тактики партии в революции: о вооруженном восстании, о временном революционном правительстве, об отношении к политике правительства накануне переворота, об открытом политическом выступлении РСДРП, об отношении к крестьянскому движению, об отколовшейся части партии. Был определен стратегический план партии в буржуазно-демократической революции: пролетариат как вождь революции в союзе со всем крестьянством при изоляции либеральной буржуазии ведет борьбу за победу буржуазно-демократической революции.

Меньшевики на своей конференции в Женеве отвергли гегемонию пролетариата в революции и политику союза пролетариата с крестьянством. Они считали руководителем буржуазно-демократической революции либеральную буржуазию, и поэтому в случае победы революции власть должна оказаться в ее руках.

III большевистский съезд РСДРП принял новый устав партии, избрал единый руководящий центр — Центральный комитет, утвердил центральный орган

партии — газету «Пролетарий». ЦК и редакцию газеты партии возглавил В. И. Ленин.

Луганский комитет большевиков после прошедшего съезда стал центром притяжения многих социал-демократических организаций Донбасса, хотя формально они состояли членами Донецкого союза РСДРП, который оставался по своему составу меньшевистским.

К. Е. Ворошилов вспоминает, что они, луганские большевики, стремились «окончательно разорвать всяческие отношения с Донецким союзом». У них крепили связи с Екатеринославским большевистским комитетом. Но, конечно, все далось не сразу и непросто.

«Еще многие наши товарищи, — писал в «Рассказах о жизни» Ворошилов, — особенно из среды интеллигенции, продолжали колебаться и не имели ясных представлений о том, что внутри партии идет напряженная борьба...» Ворошилов говорил, что партийные активисты, как могли, разъясняли колеблющимся: речь идет, по существу, о будущем партии и судьбе всей революционной деятельности на Донбассе. И в конечном итоге об успехе или неуспехе предстоящего восстания...

Наступил 1906 год. Вожди РСДРП готовили проведение очередного съезда. В организациях подбирались кандидатуры делегатов. От луганских социал-демократов на IV съезд РСДРП был избран Клим Ворошилов, возглавлявший Луганский большевистский комитет и одновременно являвшийся председателем Совета рабочих депутатов Луганска.

Делегат IV и V съездов РСДРП

В марте 1906 года Клим Ворошилов уезжал из Луганска в Петербург на IV съезд РСДРП, имея в кармане паспорт на имя Володина. Он был не единственным делегатом съезда от луганских рабочих. Вторым представителем была Конкордия Самойлова (псевдоним — Наташа Большевикова)^[38], она следовала в Петербург другим поездом.

Ворошилова на перроне железнодорожного вокзала провожала небольшая группа единомышленников. Когда поезд тронулся, Клим выкрикнул из открытого вагонного окна свое любимое изречение:

— Черт возьми, что мы будем смотреть!..

Роман Гуль в очерке «Ворошилов» так описал поездку Клим в столицу России на IV съезд РСДРП. Революционер Володька, сладко любящий жизнь, «баб», «водочку», песни и пляски, отправляясь в далекое путешествие в Санкт-Петербург, выглядел «шикарно» — в смазных сапогах, в кепке «шесть листов одна заклепка», в косоворотке под дешевым пиджаком. Типичный провинциальный фронт из рабочих. Кроме Донбасса, заводов, степей и шахт, он доселе других краев не видывал.

Столица империи поразила Володьку. Потрясли ее великолепные дворцы, богатые магазины, парадный блеск улиц и площадей. В Петербурге он впервые увидел Ленина и был изумлен. Известно, что Ленин оказывал на людей сильное эмоциональное воздействие. И «ошеломительное» от него впечатление Ворошилова, большевика по темпераменту, разумеется, было закономерно для рабочего из глубинки. Встреча оказалась важной вехой в его жизни...^[39]

Съезд планировалось провести в Санкт-Петербурге, но на тот период времени ситуация в столице сложилась угрожающая: полиция, вся охранка были мобилизованы властью на борьбу с социал-

демократией. И тогда устроители съезда приняли решение перенести его в Швецию.

Подготовка к съезду изначально проходила в необычной обстановке. Во-первых, революционные силы были разъединены. В РСДРП существовало два крыла: меньшевистское во главе с Плехановым и большевистское — Ленина. Во-вторых, реакционные круги самодержавного правительства вели в крупных промышленных городах яростные атаки на большевиков, которые имели там наибольшее влияние на массы трудящихся. В связи с этим большевистские организации в пролетарских центрах понесли тяжелые людские потери: многие лидеры рабочих были заточены в тюрьмы. Это привело к тому, что не все они смогли послать своих делегатов на съезд. Меньшевики-плехановцы превалировали в непромышленных районах, стояли как бы на обочине революционных сражений и поэтому не подверглись жестким репрессиям. Поэтому на съезде они оказались в большинстве.

IV съезд РСДРП открылся в Стокгольме 23 апреля (10 апреля — по старому стилю). На него приехали 112 делегатов с решающим голосом, представлявших 57 местных организаций партии, и 22 делегата с совещательным голосом. Кроме того, были еще приглашены представители национальных социал-демократических партий. Большевики располагали сорока шестью делегатами с решающим голосом и десятью с совещательным, меньшевики, соответственно, — 62 и 12.

Съезд замыслился как объединительный. Надо было готовиться к вооруженной борьбе, чтобы вырвать власть из рук царизма. Ленин и его сторонники призывали к соединению в одно целое двух частей — большевистской и меньшевистской, но вместе с тем

большевики решительно противились идейным уступкам.

Повестка дня съезда включала в себя также слияние в единую партию польской и латышской социал-демократий и еврейского Бунда.

Делегаты прибывали на съезд с соблюдением строжайших правил конспирации. В основном ехали через Финляндию. Сосредоточивались в портах Ханко и Або^[40]. Оттуда под видом участников туристских экскурсий перемещались в Стокгольм.

Профессиональные революционеры имели постоянные псевдонимы. Так, Владимир Ульянов носил фамилию Ленин, Михаил Фрунзе — Арсеньев, Вячеслав Скрябин — Молотов, Лев Бронштейн — Троцкий, Иосиф Джугашвили — Сталин, Сергей Костриков — Киров и т. д. На съезде они регистрировались под новыми временными псевдонимами. Например, Ленин под фамилией Петров, Сталин — Иванович.

Климент Ворошилов представлялся здесь Антимековым. Кстати, этот псевдоним он выбрал для себя нарочно — «меками» называли меньшевиков, отсюда Анти...меков.

В Стокгольмском архиве рабочего движения хранятся документы, связанные с делегатами IV съезда РСДРП. Интерес вызывают полицейские дела, заведенные почти на каждого приехавшего. В большинстве персональных анкет указано: прибыл без паспорта, или: в качестве туриста, или: спасается от преследования царской полиции. Во множестве анкет отмечено, что прибывший предполагает пробыть в Стокгольме две-три недели и уехать дальше, в одну из западных стран. В каждой анкете указаны приметы.

Делегаты применяли двойную и тройную конспирацию. Одна для шведской полиции, вторая — для протоколов съезда. В полицейских делах, скажем,

зафиксированы псевдонимы-фамилии: Сухорущенко, Соколов, Маслов, Шабад, Лебедев, Ничипоренко, Кряжинский, Сорокин, Грецкий. В протоколах съезда этих псевдонимов нет. Там значились другие псевдонимы: Рублев, Брагин, Сашин, Мишин, Колин, Ванюшин, Шурин, Птицын, Цветков и другие.

Вот Джугашвили (Сталин). В анкете полиции он зарегистрирован под фамилией Виссарионович Иван Иванович. Расшифровка: родился в декабре 1879 года в Тифлисе. Сын сапожника Ивана Виссарионовича и его жены Екатерины. Прибыл на пароходе «Велламо» 22 апреля. Остановился в гостинице «Бристоль, Клара Эстра Чиркогатан». Намерен остаться в Стокгольме на две недели, а затем поехать в Берлин. Без паспорта. Имеет 100 рублей. Приметы: темные волосы и борода. Лицо в оспинках, карие глаза, большой нос, серое пальто в крапинку, меховая шапка.

А на съезде он уже фигурировал под фамилией Иванович.

Еще одна любопытная анкета на Петрова Ивана Федоровича. В ней отмечено: «Петров И. Ф. по профессии писатель, пишет статьи в разных газетах Петербурга и Москвы. Родился 1 июля 1871 года в Москве, сын купца Федора Петрова и его жены Анны Семеновны, прописан в родном городе на Бронной улице, дом № 5, 2-й этаж, где снимал комнату. Остановился в гостинице «Бристоль, Клара Эстра Чиркогатан». Прибыл без паспорта, имеет 60-70 рублей».

Далее говорится, что Петров — политический эмигрант и по своему политическому убеждению социал-демократ. Агитировал в Москве за свободу печати, свободу собраний и вообще проповедовал социалистические взгляды. Он разыскивается полицией в Москве, которая устроила обыск в его квартире, но ничего не нашла. Он бежал, так как знал, что его ищут

и, если найдут, наверняка сошлют в Сибирь. По железной дороге — в Петербург, затем в Финляндию и через Або морем в Стокгольм. Намерен остаться здесь две или три недели, а потом поедет в Швейцарию (не знает еще, в какой город).

Приметы: среднего роста, крепко сложенный, карие глаза, темный шатен, темно-серое зимнее пальто, прямой нос, темный костюм, темная борода и усы, маленькая лысина, мягкая шляпа.

По прибытии в Стокгольм допрашивался сыщиками полиции Адольфсоном и Энстремом на немецком языке без переводчика.

Петровым был Ульянов (Ленин)...

Прибывавшие на съезд делегаты и приглашенные расселялись в стокгольмских гостиницах «Франкфурт», «Континенталь», «Виктория», «Рюдберг», «Бристоль», «Синяя лента», «Эрн», «Густав Ваза», «Пансионат Крузе» и других группами по 10-20 человек.

Ленин появился в Швеции раньше других делегатов. Перед отъездом из Петербурга в конце марта он беседовал со многими своими товарищами. Когда встречал их в Стокгольме, был очень удручен, по воспоминаниям Мартына Николаевича Лядова, тем, что большевиков приехало мало.

Ворошилова разместили в «Бристоле, Клара Эстра Чиркогатан» в одном номере вместе со Сталиным. Каким показался ему сосед по комнате? Об этом он через много лет напишет в мемуарах: «Это был коренастый, невысокого роста человек, примерно моих лет, со смуглым лицом, на котором едва заметно выступали рябинки — следы, должно быть, перенесенной в детстве оспы. У него были удивительно лучистые глаза, и весь он был сгустком энергии, веселым и жизнерадостным. Из разговоров с ним я убедился в его обширных знаниях марксистской литературы и художественных произведений, он мог на

память цитировать полюбившиеся ему отрывки политического текста, художественной прозы, знал много стихов и песен, любил шутку.

Мы подружились, и вскоре я узнал, что мой новый друг грузин и зовут его Иосифом Виссарионовичем Джугашвили; он представлял на съезде грузинских большевиков и являлся непримиримым ленинцем. Так волею случая много десятков лет назад довелось мне впервые встретиться с человеком, который в дальнейшем под именем Сталина прочно вошел в историю нашей партии и страны, в историю международного коммунистического и рабочего движения»^[41].

Сразу после знакомства между ними установились добрые контакты.

В этой гостинице жили несколько других делегатов, в их числе Владимир Ленин, Феликс Дзержинский, Федор Сергеев (Артем), Михаил Фрунзе. Сталин часто общался с ними, все они плотно знали друг с другом с первой конференции Российской социал-демократической рабочей партии, проходившей в Таммерсфорсе (Финляндия) в декабре 1905 года^[42]. При их общении в свободное от заседаний съезда время присутствовал, как правило, Ворошилов. Ленин нередко беседовал с Климом, расспрашивал его про Донбасс. Заводили с Ворошиловым разговоры и Дзержинский, Сергеев, Фрунзе.

Ворошилов спустя годы будет с большой теплотой вспоминать о том, что ему посчастливилось на съезде сблизиться со многими видными революционерами: Андреем Бубновым, Вацлавом Воровским, Леонидом Красиным, Анатолием Луначарским, Степаном Шаумяном, Емельяном Ярославским и другими.

Особенно сердечные отношения установились у него с Федором Андреевичем Сергеевым, Михаилом

Васильевичем Фрунзе, Михаилом Ивановичем Калининым. Они с полуслова понимали друг друга. Может быть, это оттого, что все трое были представителями рабочих районов. Калинин — из Петербурга, человек от станка. Сергеев — из Харькова, земляк. Фрунзе — из Иваново-Вознесенска. Больше всего Ворошилов тянулся к Михаилу Фрунзе. Они были почти ровней по возрасту: Михаилу шел двадцать второй год, Климу исполнилось двадцать пять.

Работа IV съезда РСДРП проходила в просторных залах шестиэтажного Народного дома, предоставленного в распоряжение российских революционеров гостеприимными стокгольмскими хозяевами. Народный дом посетила делегация шведской социал-демократической партии. Председатель партии Карл Яльмар Брантинг произнес приветственную речь с пожеланиями успешной работы съезду.

На съезде развернулись жаркие политические баталии между большевиками и меньшевиками. Роль Ворошилова в этих баталиях была скромной — поддержка предложений большевистской фракции твердым голосованием «за».

Свое участие в работе съезда Клим сочетал с «разведкой» возможности закупки за границей оружия для боевых групп луганских рабочих. Старшие товарищи из Екатеринославского губернского комитета РСДРП рекомендовали ему заняться вооружением рабочих Донбасса, чтобы они были готовы к грядущей революции. После отъезда из Стокгольма он организует несколько транспортов с оружием из Финляндии.

На протяжении всей работы съезда горячую полемику вели Ленин и его сподвижники, с одной стороны, и Плеханов, Дан, Мартов, Аксельрод — с другой. Расхождения были по центральным вопросам,

таким как формы борьбы с буржуазией и аграрная политика.

Ленин много раз выступал на съезде, на тринадцати заседаниях председательствовал, однако с его позицией плехановское большинство не соглашалось.

Пользуясь численным перевесом, меньшевики провели все свои резолюции. ЦК партии был сформирован подавляюще из меньшевиков (семь из десяти). В редакцию газеты центрального органа РСДРП «Социал-демократ» вошли только плехановцы.

25 апреля IV съезд РСДРП закончил свою работу.

Большевики и их вождь Ленин уезжали со съезда в роли побежденных.

По возвращении из Стокгольма в Луганск Ворошилов доложил об итогах съезда на заседании партийного комитета. Затем объехал заводы — Гартмана, патронный, железнодорожные мастерские, другие крупные предприятия города, где, выступая на собраниях большевистских ячеек, призывал усилить идейную борьбу с меньшевиками, готовить массы к новой решительной схватке с царизмом, в частности, к восстанию. Однако, говорил Клим, вести революционные силы на борьбу с царизмом только одними лозунгами — значит заранее обречь их на поражение. Нужно создавать народные боевые отряды и хорошо вооружить их.

Как руководитель городского комитета партии, Ворошилов мобилизовал на эту работу наиболее опытных большевиков и рабочих-активистов. Это были проверенные кадры: И. И. Алексеевский, Д. М. Губский, Д. Н. Гуров, Д. А. Волошинов, И. Д. Литвинов, И. Н. Нагих, Д. К. Паранич, П. И. Пузанов, Т. В. Тананко, М. Н. Фридкин.

Налаживались связи с солдатской массой царской армии. Несколько армейских специалистов,

сочувствующих большевикам, привлекли к организации военных дружин и обучению бойцов. Встал вопрос приобретения оружия. Если до IV съезда РСДРП он рассматривался в перспективе, то теперь стал насущной задачей. Путем добровольных пожертвований рабочих были собраны немалые по тем временам суммы денег для закупки оружия. Но где приобрести вооружение в достаточном количестве? Пытались достать в Одессе, Ростове-на-Дону, Севастополе, однако эти попытки не дали результатов. Решили направить кого-нибудь из авторитетных членов парткома в Санкт-Петербург, где находился тогда ЦК РСДРП, при котором существовала довольно сильная военная большевистская организация. Все сошлись на том, что ехать должен Ворошилов.

В столице с оружием было туго, то, которое имелось, уже распределено по боевым дружинам заводов и фабрик. Достать его можно будет лишь в Финляндии. Там во время всеобщей забастовки солидарности с русским пролетариатом в конце октября 1905 года в Гельсингфорсе^[43] сформировалась Красная гвардия для поддержания порядка. Потом после поражения революции 1905–1907 годов отряды финляндских рабочих были распущены, оставшимся оружием завладели различные коммерческие организации, и теперь они продавали его. В Санкт-петербургском ЦК Климу посоветовали купить оружие у них. Рекомендовали поехать в Териоки^[44], расположенный рядом с российско-финляндской границей на северном берегу Финского залива.

В Териоки в то время жил на нелегальном положении большевик Ипполит Иванович Рябков, бывший редактор псковской прогрессивной газеты «Пчела», скрывавшийся от полиции. Он и его жена Неонила Николаевна вместе работали в боевой

технической группе при ЦК РСДРП. Позже Н. Н. Рябкова вспоминала об этом периоде, что из Финляндии через них шли винтовки, маузеры, патроны, динамит и другие боеприпасы. На квартире у Рябковых действовал перевалочный склад. К ним приезжали курьеры из России, нагружались различными видами вооружения и везли опасный груз в Петербург...

В помощь Клим Ворошилову боевая техгруппа ЦК РСДРП выделила партийного боевика Свиягина. Они выехали в Териоки, где Свиягин свел Ворошилова с Рябковым. Вскоре благодаря Ипполиту Ивановичу Климу удалось по сходной цене приобрести большую партию маузеров, браунингов и патронов к ним.

Ворошилов со Свиягиным проделали несколько рейсов в Териоки и обратно в Петербург.

Перевозка оружия была делом сложным и рискованным. Климу пришлось приложить немало сил и сметки, чтобы справиться с этой задачей. Выполнял он ее вместе с Д. Н. Гуровым, И. Д. Кротовым и П. И. Пузановым, прибывшими в столицу ему на подмогу. В Луганск было доставлено 60 браунингов, 20 маузеров и больше сотни коробок патронов.

Луганские большевики, руководимые Ворошиловым, развернули энергичную деятельность по мобилизации трудовых масс на борьбу с самодержавием, их фракция в городской организации РСДРП набирала новые силы, она насчитывала в своих рядах более тысячи человек.

По инициативе членов горпарткома в начале октября 1906 года было образовано профессиональное общество и утвержден его устав. Состоялось первое общее собрание профсоюзной организации завода Гартмана. На собрании выступили большевики Волошинов, Ременников, Нагих, Пастухов, Фридкин и некоторые беспартийные рабочие. Яркую речь произнес на нем Клим Ворошилов. Он говорил о необходимости проявлять крепкую солидарность среди рабочих.

Неудачи многих прошлых забастовок — это результат разобщенности трудовых масс. Теперь созданные рабочие профсоюзы непременно сыграют свою роль в политическом сплочении коллективов.

А полиция не дремала, вела жесткое преследование большевиков-комитетчиков, руководителей профорганизаций, активистов. Меншевики она не трогала, так как они проводили оппортунистическую^[45] линию в революционном движении, исповедовали соглашательскую с либеральной буржуазией политику.

Ворошилов вел подпольный образ жизни. Он скрывался от сыщиков охраны, нередко менял места ночевки. Несмотря на это, 19 марта 1907 года власти арестовали его, готовились учинить суд над ним, но под давлением общественности вынуждены были освободить.

Во второй половине марта не стало отца Клина. Произошла трагедия. Ефрем Андреевич и его товарищ шли по железнодорожной ветке со станции Алчевск на Жидовский рудник. Была темная ночь, дул сильный ветер, они не слышали шума настигавшего их поезда. Ворошилова сбило, он зацепился за решетку под паровозом, и поезд волок его по шпалам более ста метров. Состав остановился, Ефрема Андреевича отправили в Луганск в больницу. Однако спасти его не удалось, от полученных увечий он скончался.

Меньшевистское большинство ЦК, избранное на IV съезде, как и предполагали большевики во главе с Лениным, проводило оппортунистическую линию в руководстве революционным движением. Меншевики все больше сползали вправо, все дальше отходили от пролетарских интересов, поддерживая линию либеральной буржуазии. Это диктовало необходимость

быстрейшего исправления политического положения в партии. Сделать это мог очередной съезд.

V съезд РСДРП проходил в мае 1907 года в Лондоне. Главным на нем был вопрос об отношении к буржуазным партиям. Съезд принял несколько резолюций.

В резолюции, написанной Лениным, давалась большевистская оценка всем непролетарским партиям — черносотенцам, октябристам, кадетам и эсерам, определялось их классовое содержание; была намечена тактика революционных социал-демократов по отношению к ним: во-первых, классовое обособление пролетариата по отношению ко всем буржуазным партиям, проведение им самостоятельной политики; во-вторых, обязанность партии пролетариата вести за собой мелкобуржуазные, прежде всего крестьянские, демократические партии не только против самодержавия, но и против контрреволюционной либеральной буржуазии.

Резолюция «О Государственной думе» указывала на задачи социал-демократов в Думе. Вопреки позиции меньшевиков, придававших думской фракции самодовлеющее значение, отрывавших ее от партии, в резолюции говорилось, что деятельность социал-демократов в Думе должна быть подчинена внедумской работе и Думу следует использовать прежде всего как трибуну для разоблачения самодержавия и соглашательской политики буржуазии, для пропаганды революционных требований партии.

Резолюция о «рабочем съезде» осуждала идею меньшевиков о созыве беспартийного рабочего съезда.

Резолюция о профсоюзах отвергала их «нейтральность», подчеркивала, что одна из основных задач социал-демократической работы в них — содействие признанию профсоюзами идейного руководства социал-демократической партии.

Ни по одному вопросу съезд позицию меньшевиков не принял. Большевики торжествовали.

В работе V съезда РСДРП, как и предыдущего, принимали участие в качестве делегатов от Донбасса Конкордия Самойлова и Клим Ворошилов.

На этом съезде Клим впервые проявил себя в партийной дискуссии. Правда, произошло это, по собственному его признанию, нелепо.

Как вспоминает он, когда на съезде обсуждался вопрос о так называемом «рабочем съезде», Ленин долго и очень глубоко разъяснял на совещании большевистской фракции, на какой гибельный путь толкают партию оппортунисты-меньшевики. В связи с этим он высказал мнение о возможном укреплении состава ЦК рабочими непосредственно с фабрично-заводских предприятий, хорошо знающими условия местной работы и настроения масс. В качестве возможных кандидатур для обсуждения он назвал фамилии нескольких рабочих-большевиков, в том числе и Ворошилова. При этом он пояснил, что рабочие в составе ЦК были бы своеобразными мостиками или балками, которые еще теснее связывали бы руководящий орган партии с рабочим классом и всеми трудящимися.

Когда начался обмен мнениями, Клим, в силу своей горячности и недостаточной зрелости, сразу же попросил слова и отвел свою кандидатуру из состава ЦК. Говорил он сумбурно, пытался неуклюже иронизировать: «Я никак не думал, будто нашей партии, являющейся сердцевиной и авангардом рабочего класса, для связи ЦК с рабочими нужны какие-то балки...»

Ленин некоторое время терпел его детский лепет, затем не выдержал, стал заразительно смеяться и в шутку грозить Ворошилову кулаками, как бы говоря:

«Ну и зарываешься же ты, молодой человек». После того как Клим завершил речь, произнес:

— Ведь это же только предположение...

Возвращаясь с лондонского съезда в Луганск, Ворошилов-Володька едва не попал в лапы полиции. Агенты охранного отделения ждали его на вокзале. Клим вовремя предупредили ребята из городского партийного комитета, помогли сойти с поезда на полустанке перед городом. Они прятали его на конспиративных квартирах, в домах, где жили «благонадежные» для властей луганчане.

В «Рассказах о жизни» Ворошилов вспоминал, что после V съезда РСДРП обстановка в Луганске и его окрестностях все более накалялась. Всюду рыскали полицейские, жандармы, конные казаки, шпионская агентура. Распоясались черносотенцы из «Союза русского народа» и анархисты. Они бесчинствовали на улицах и в общественных местах, избивали рабочих, совершали бандитские налеты на рабочие окраины. В ответ на это некоторые рабочие, доведенные до отчаяния, совершали террористические акты — убийства полицейских и казаков. Это вызывало еще более жестокие репрессии со стороны карательных органов.

Разгул реакции и непрерывные аресты порождали у недостаточно закаленных рабочих уныние и даже панику. Среди наиболее отсталых из них началось пьянство, а кое-кто вступил на путь предательства интересов своего класса: стал выдавать полиции партийных и профсоюзных активистов. Все это, конечно, усложняло и без того тяжелые условия деятельности социал-демократов. Но они, несмотря ни на что, делали свое дело.

«Мы старались использовать каждый час, — писал К. Е. Ворошилов, — надо было передать в надежные

руки и хорошо упрятать оружие, партийные документы, денежные средства, печать Луганского комитета, конспиративный шифр, подобрать опытных и верных людей для связи с соседними партийными организациями и большевистским центром... Мы работали без отдыха и передышки, спали 3–4 часа в сутки, соблюдали величайшую осторожность, часто были вынуждены гримировать свою внешность»^[46].

И все же полиция выследила Володьку. В ночь на 31 июля 1907 года Ворошилова арестовали. Клима продержали в луганской тюрьме почти два месяца. Ежедневно жестко допрашивали, требовали, чтобы признался в антигосударственной деятельности. Он держался стойко, все отрицал: «О работе Луганской большевистской организации ничего не знаю, подрывом устоев империи не занимался... Да, бывало, правопорядок нарушал. Так это когда сильно выпивший».

Для привлечения Ворошилова к судебной ответственности официальных оснований не было, хотя власти, чины охраны знали, что он один из активных луганских революционеров. Что делать? Не отпускать же его на свободу. Решение о нем принималось на самом верху — министром внутренних дел. Министр постановил: «Выслать К. Е. Ворошилова в Архангельскую губернию под гласный надзор полиции на три года, считая срок с 1 октября 1907 года»^[47].

В конце сентября Клима Ворошилова отправили в Пинежскую ссылку.

Архангельские ссылки

Пинега в 1907 году — это небольшой городок в Архангельской губернии. Он находился в 230 километрах восточнее губернского центра. Городок вытянулся на высоком берегу реки Пинеги, за ним начинались бескрайние просторы Заполярья.

Пинега считается одним из древнейших населенных пунктов Русского Севера. Когда-то он был крупным поселением Новгородской Руси^[48].

Со времен царствования Романовых ему отводилась роль суровой ссылки. Сюда вывозили «на вечную жизнь» опальных бояр. Так, фаворит царевны Софьи, князь Василий Васильевич Голицын провел здесь свои последние годы и был захоронен в Красногорском Богородицком монастыре.

В 1780 году императрица Екатерина II на месте упраздненного Кеврольского уезда и части Двинского уезда своим указом учредила Пинежский уезд Архангелогородской губернии Вологодского наместничества. В начале XX века в Пинеге постоянно проживали немногим более шестисот человек и еще около шестидесяти — временно.

Ворошилова доставили по этапу в неведомое для него далекое от родного Донбасса Пинежье прохладным октябрьским днем. Поначалу, прибыв на место, где ему предстояло провести три года, он ужаснулся. Но вскоре впечатление изменилось. К. Е. Ворошилов, будучи уже Маршалом Советского Союза, оставит о первой своей ссылке добрый отзыв. По его словам, Пинега Архангельской губернии, куда он был определен для отбывания ссылки, оказалась замечательным городом, красиво расположенным на небольшой возвышенности вдоль берега реки. Прибыв в Пинегу под конвоем полицейского стражника, Клим Ворошилов моментально почувствовал в местных

жителях русскую широту и удаль. Все это приятно его удивило.

Клим узнал, что до него здесь отбывали ссылку участник III и IV съездов РСДРП социал-демократ А. И. Рыков и другие видные российские революционеры.

В период, когда Ворошилов появился в Пинеге, там находилось более двух десятков политссыльных, с большинством из которых он сразу вошел в контакт, с некоторыми подружился. Особенно близко сошелся с бывшим учителем большевиком Павлом Лагутиным и молодой одесской революционеркой Марией Найдой. С Найдой они вынашивали идею побега, разрабатывали план его осуществления. К ним примкнули член РСДРП с 1903 года Яков Бутырин и польский социал-демократ врач Викентий Богуцкий.

Яков Петрович Бутырин был активным деятелем революционного движения в России. Он и здесь, в ссылке, проявлял свою неукротимую энергию, вокруг него концентрировались интересные, предприимчивые люди, мастера на все руки. Под стать ему был и Викентий Мечиславович Богуцкий. Работая уездным врачом, он имел хорошие связи и в Пинеге, и в Архангельске. Благодаря им Клим и Мария обстоятельно подготовились к побегу: изучили маршрут, обзавелись подложными документами, запаслись едой, теплой одеждой.

Пинегу они покинули в ночь с 20 на 21 декабря. Только через сутки полицейские стражи обнаружили их исчезновение. Архангельскому губернатору 23 декабря из Пинегы полетело от исправника Кунникова тревожное телеграфное донесение за номером 795: «22 декабря 1907 года скрылись политические Ворошилов и Найда. Приступаю к розыску»^[49].

На поиск беглецов были брошены немалые полицейские силы — две группы местных блюстителей порядка, однако все попытки поймать скрывшихся оказались безрезультатными. По продуманному заранее плану Ворошилов и Найда ушли из Пинеги в одно время, но разными путями.

Как вспоминал впоследствии Ворошилов, поймать его стражникам не удалось, потому что товарищи, которые принимали участие в организации побега, встречали и провожали его в разных местах, укрывали от полицейских глаз, обеспечивали надежный приют.

Клим благополучно добрался до Петербурга, связался с подпольным ЦК РСДРП, где ему дали направление для работы в Баку.

На Кавказ Ворошилов ехал через Луганск и, конечно же, не мог не сделать короткую остановку в родном городе. Вечером посетил своего друга литейщика Сергея Петровича Сараева. Друзья долго не ложились спать — разговоры, разговоры, никак не могли наговориться.

В эту же ночь полиция совершила налет на квартиру Сараева, извещенная провокатором о том, что Ворошилов остановился именно там. Сергей Петрович указал Климу потайной выход и стал тянуть время, не отпирая двери незванным гостям. Полицейские грубо вломилась в дом, открыли стрельбу.

Клим незаметно покинул дом, а Сараев во время стрельбы был тяжело ранен и на следующий день скончался.

В Баку Ворошилов встретил Сталина, он там находился с середины года. Согласно сообщению главного полицейского начальника на Кавказе полковника В. А. Бабушкина в Департамент полиции, «12 июня 1907 года в Баку из Тифлиса прибыли два видных социал-демократа, грузины: один по кличке

Михо, о другом известно, что он участвовал в Лондонском съезде РСДРП»^[50]. Михо — это Михаил Давиташвили, а делегат съезда — Иосиф Джугашвили.

В «Краткой биографии» И. В. Сталина^[51] говорится, что Джугашвили покинул Тифлис и обосновался в Баку — самом крупном промышленном районе Закавказья и важнейшем центре рабочего движения в России по воле партии. Некоторые историки утверждают: «этой волей партии» было якобы решение большевистской фракции V съезда РСДРП о необходимости укрепления местной бакинской организации. Другие считают переезд Сталина из Тифлиса в Баку вынужденным: Джугашвили надо было скрыться. 13 июня 1907 года среди бела дня в самом центре столицы Грузии на Эриванской площади было совершено дерзкое нападение на почту и похищено 250 тысяч рублей. Непосредственным руководителем и участником этой экспроприации был Симон Тер-Петросян (Камо). Существует мнение, что к подготовке дерзкой акции приложил руку и Иосиф Сталин.

Сталин сконцентрировал свою деятельность в Баку в Биби-Эйбате, большом нефтепромышленном районе города. Здесь на Апшеронском полуострове вели добычу нефти крупнейшие акционерные общества Биби-Эйбатское и «Шибаетов и К°». С рабочими-нефтяниками этих фирм в постоянной связи находились социал-демократы — профессиональные революционеры. В Балаханах (поселок в Сабунчинском районе на Апшероне в девяти километрах от Баку) работала группа, в которую входили Орджоникидзе, Фиолетов; в Биби-Эйбате — Сталин, Вепринцев (Петербуржец), Вацек, Тронов, Боков.

Во второй половине 1907-го — начале 1908 года Баку наводняют кавказские большевики из Батума, Кутаиса, Чиатуры. Сюда переселились Михаил

Давиташвили, Прокофий Джапаридзе, Сурен Спандарян, Степан Шаумян. Здесь обосновываются бежавшие из ссылки руководители Санкт-Петербургского совета рабочих депутатов Семен Вайнштейн и Богдан Кнунянц, а также известные революционеры Розалия Землячка, Юрий Ларин (Лурье), Михаил Ольминский, Елена Стасова, Моисей Фрумкин. Вот в таком окружении оказался Ворошилов.

По приезду в Баку Клим был введен в состав городского партийного комитета большевиков. Работал он в Биби-Эйбатском районе вместе со Сталиным и авторитетными в то время лидерами социал-демократического движения на Кавказе Шаумяном, П. А. Джапаридзе^[52], Спандаряном. Товарищи по комитету оценили активность и принципиальную большевистскую позицию Ворошилова и избрали его секретарем Биби-Эйбатского отдела Союза нефтепромышленных рабочих.

Революционную напористость Ворошилова отметили и в городской полиции, за ним установили круглосуточный надзор. Поняв, что ареста не избежать, Клим осенью 1908 года уехал в Петербург. Столичная охранка ждала «бакинского гостя». Хотя он прибыл в Петербург под именем Филиппа Максимовича Кочаловского, его все же вычислили и арестовали. С 20 по 30 сентября он пробыл в каталажке одного из жандармских отделений, затем был переведен в Петербургскую пересыльную тюрьму. Состоялся скорый суд, который постановил: вернуть сбежавшего из Пинеги Ворошилова в архангельскую ссылку. 8 октября он отправился обратно на север, только теперь в город Мезень.

Мезень, как и Пинега, отстоял далеко на северо-восток от Архангельска, на 200 с лишним километров,

но ближе к Белому морю — в 45 километрах от него.

Департамент полиции определил пребывание Ворошилова в Мезене сроком три года. Клим здесь быстро освоился и начал вести запрещенную политическую деятельность. Архангельские власти терпели эту его супротивную деятельность в Мезене до октября 1909 года, после 13 октября ему сменили место отбывания ссылки, отправив в село Холмогоры, расположенное в низовье Северной Двины.

Как и Пинега, Холмогоры издавна известны тем, что являлись суровым местом изолирования опасных государственных персон на Руси. Одна из ярких исторических страниц Холмогор связана с заточением «Брауншвейгского семейства». В 1744 году сюда выслали семью свергнутого российского императора Иоанна VI (Иоанна Антоновича). В Холмогоры были доставлены его отец Антон Ульрих Брауншвейгский, мать Анна Леопольдовна, их дочери Екатерина и Елизавета. Здесь потом родились двое других детей — Петр и Алексей. Антон Ульрих скончался в 1774 году. Умер в холмогорской ссылке и Иоанн VI, его останки покоятся в затерянном склепе снесенной Успенской церкви. В 1780 году оставшиеся в живых члены Брауншвейгского семейства покинули Холмогоры, с позволения императрицы Екатерины II, выехав в Данию.

Еще Холмогоры знамениты своей причастностью к великому деятелю эпохи Просвещения, русскому ученому Михаилу Ломоносову. Он родился и жил в трех верстах от Холмогор на Курострове, омываемом водами Северной Двины. Там было две деревни — Денисовка и Мишанинская, позднее они объединились в село Денисовку^[53].

В Холмогорах Ворошилов продолжил подрывную работу против царского режима. Он нашел общий язык

с местной группой политических ссыльных партии социалистов-революционеров: как с большевиками, так и с меньшевиками.

В феврале 1911-го Клина арестовали и отправили в Архангельскую губернскую тюрьму. В тюрьме он сильно заболел, около полугода провалялся в эковской больничке^[54].

Основанием для обвинения Ворошилова и привлеченных к суду вместе с ним социал-демократов Литаева и Избицкого послужила посылка ими в легальную прессу протеста от имени ссыльных против нечеловеческого обращения с политическими заключенными в тюрьме Нерчинской каторги Забайкалья.

Дело в том, что в конце 1910 — начале 1911 года по стране прокатились волнения, особенно в студенческой среде и в кругах профессиональных революционеров в связи со ставшими известными широкой общественности вопиющими беззакониями, творившимися в тюрьмах Забайкалья. Конкретно речь шла о центральной каторжной тюрьме в Горном Зерентуе. Она была рассчитана на 300 человек, но после подавления революции 1905–1907 годов в нее поместили свыше восьмисот заключенных. Содержание в камерах стало невыносимым, ужесточились строгости, был создан садистский режим. Зверские избиения политических узников происходили ежедневно. В декабре 1910 года шестеро политзаключенных в знак протеста против издевательств тюремщиков совершили попытку самоубийства. Один из них, эсер-террорист Егор Сазонов, умер. Социал-демократы от трудовой фракции 3-й Государственной думы предложили расследовать сложившееся положение в Зерентуйской тюрьме, но черносотенное большинство Думы отклонило это предложение.

Ворошилова освободили из Архангельской тюрьмы в августе 1911 года. Постановлением Особого совещания при министре внутренних дел он получил дополнительно еще один год ссылки.

Из Холмогор его снова отправили в Мезенский уезд и водворили в глухой беломорский поселок Долгощелье, в народе Долгая Щель, расположенный у полярного круга.

Везли Ворошилова в Долгую Щель на телеге, в которую былипряжены удивительные лошади, которых тут зовут мезенками, — маленькие, мохнатые. Название «мезенки» они получили по имени реки Мезень.

Про мезенков Клим позже узнает от старожилов Долгощелья много хорошего. Эти лошадки очень добронравные, поддаются управлению даже детям. К хозяину шибко привязаны. Из чужих рук куска хлеба не возьмут. Хорошо запоминают дорогу, по которой однажды прошли. Второй раз по ней поедешь — вожжи не нужно держать: путь домой они сами найдут, главное, не мешай им. Несмотря на низкорослость, мезенки зимой идут по снегу, даже если высота сугробов полметра. Пока снег до брюха, идут по нему легко. Гребут, как по воде плывут...

Долгощелье раскинулось в устье реки Кулой. Село большое, храм с колокольной. Оно чем-то напоминало Климу Пинегу.

Август в здешних краях умеренно теплый, но зимние месяцы люты — дышат злой северной стужей. Об этой особенности климата долины Кулая Ворошилову поведают местные жители.

Клим понимал, что после тяжелой болезни в тюрьме его здоровье в условиях суровых холодов может быть сильно подорвано, поэтому написал прошение губернатору. Он написал ходатайство о замене Долгой Щели на южные районы губернии. Сначала ему

разрешили переехать в Юрому, Усть-Вашку и Дорогорское. В зиму основным и последним местом его пристанища до освобождения из ссылки стал город Мезень.

Голда Горбман

Клим встретил ее в Холмогорах в конце 1909 года. До этого никогда не видел. Удивительная с экзотической внешностью девушка: острые черные глаза, густые волосы с аккуратным пробором. Она разительно отличалась от луганчанок, которых он знал прежде.

Черноглазую красавицу звали Голда Горбман. Она, как и Ворошилов, была политической ссыльной.

Встреча Клим и Голды — дело случая. Как окажется позже — счастливого. Заговорили, разглядывая товары в торговой лавке. Голда в Холмогорах недавно, ее перевели сюда из Онеги.

Клим спросил:

— Где находится это поселение?

— Это не село, а уездный город, — ответила девушка и рассказала, что он расположен на юго-восточной оконечности Онежского залива, так называемой Онежской губы, у реки Онега, впадающей в залив.

Кто такая Голда Горбман? Родилась она в Мардаровке на реке Кучурган, под Одессой. По национальности еврейка. Ее отец был ростовщиком. Горбманы держали квартирантов. Основные хлопоты по их обслуживанию лежали на матери. Голда мечтала вырваться из сельской глуши. Повзрослев, отправилась в Одессу, где поступила в Профессиональное училище

им. А. Сегал. Выучилась на белошвейку, стала работать портнихой в мастерской дамских платьев.

Как-то случай свел ее с известной в Одессе на тот период Серафимой Гопнер, которая была страстным пропагандистом социал-демократических идей. Гопнер вовлекла Голду в нелегальный кружок.

В 1904 году, в возрасте семнадцати лет, Горбман вступила в партию эсеров^[55] и самоотверженно занялась активной революционной деятельностью. За эту деятельность подвергалась арестам, но от своего не отступала. И тогда ее отправили из Одессы в северную ссылку.

Спустя годы в архивах Высшей партийной школы будет найдена биография, собственноручно написанная Голдой. В ней говорилось, что она, Голда Давидовна Гробман^[56], родилась в 1887 году в еврейской семье. Отец — Давид Лейбович Гробман был комиссионером, вернее, не имел определенных занятий. Семья извечно жила в нужде...

Сразу замечу, Голда о бедности семьи пишет неправду. Видимо, эта ложь обусловлена тогдашним революционным временем.

В действительности Голда Горбман происходила из рода состоятельных торговцев. Ее предки в ряде поколений занимались скупкой и перепродажей хлеба в больших масштабах и еще много чем, в зависимости от обстоятельств. Деревня Мардаровка — в переводе с иврита «Солнце Солнц», в которой проживала семья, являлась далеко не рядовым поселением. Во-первых, она находилась за чертой еврейской оседлости. Во-вторых, имела громадные зарубежные связи, особенно с Турцией, откуда прибыли ее богатые основатели.

Название Солнце Солнц ясно говорит о том, что Мардаровка являлась с давних времен иудейской резиденцией какого-то очень знатного лица и местом

хранения статуи древнего божества, привезенного сюда из-за моря, после разрушения Вавилона персидскими войсками (538 год до н. э.). Здесь находились самая настоящая крепость и святилище высокочтимого божества...

Дальше Голда в своей автобиографии уже ничего не привирает: поступила в профтехучилище в Одессе, по окончании его занялась шитьем, втянулась в революционное движение... Два раза была арестована... В 1906 году сослана в Архангельскую губернию.

В город Онега, куда полиция поселила юную революционерку Горбман, в мае 1908 года прибыл в ссылку за участие в создании организации РСДРП в Баку кавказский социал-демократ Авель Сафронович Енукидзе. Тридцатилетний красавец грузин стал предметом обожания всех женщин Онеги. Влюбилась в него до безумия и Голда. Авель ответил девушке взаимностью, однако на серьезные отношения настроен не был.

Их роман длился несколько месяцев и закончился для Голды печально. Когда она сообщила любимому, что забеременела, Авель сразу открестился от будущего ребенка; жениться он не собирался и посоветовал сделать аборт. Голда в то время находилась под следствием, рожать в тюремной камере не захотела. Сделанный в кошмарных тюремных условиях аборт привел к осложнениям, в результате она на всю жизнь осталась бесплодной.

После разрыва с Авелем Голда обратилась к властям с просьбой перевести ее из Онеги в какое-либо другое место. Просьбу удовлетворили, вскоре она оказалась в Холмогорах.

Ссылка Енукидзе в Онежском уезде закончилась в июле 1910-го, и он уехал в Петербург. Под партийными кличками Золотая Рыбка, Абдул, Авель вел

революционную агитацию среди рабочих, в солдатских массах. Неоднократно арестовывался. В 1914 году был арестован (в седьмой раз) и сослан в Туруханский край. В конце 1916-го Енукидзе призвался в армию, служил рядовым в Красноярске. В начале 1917 года в составе 14-го Сибирского стрелкового полка отправлен на фронт. Проезжая через Петроград, покинул свою воинскую часть. Это было 27 февраля (по старому стилю), то есть в первый день Февральской революции. Он сразу же окунулся в революционные события столицы. Занимался пропагандой в частях Петроградского гарнизона. Принял участие в вооруженном восстании в октябре, войдя в состав Петроградского военно-революционного комитета, избирался делегатом II Всероссийского съезда Советов.

После Октябрьского переворота заведовал военным отделом ВЦИК, был членом Президиума и секретарем ВЦИК.

Авель Енукидзе с давних времен ходил в близких друзьях Иосифа Джугашвили, являлся крестным отцом Надежды Аллилуевой, будущей жены Сталина, которую знал буквально с пеленок, так как много лет дружил с ее отцом.

До 1935 года Сталин благоволил Енукидзе, Авель был вхож в семью вождя в любое время дня и ночи. Неженатый, бездетный, он отдавал всю свою нежность детям Иосифа и Нади. В глазах детей Сталина дядя Авель казался намного привлекательнее, чем их вечно угрюмый отец. Он умел плавать, катался на коньках и знал массу сказок про горных духов Сванетии и другие кавказские чудеса.

Но вот как отзывается о Енукидзе в своем дневнике Мария Анисимовна Сванидзе (ее муж Александр Семенович Сванидзе — родной брат первой жены Сталина Екатерины Сванидзе). Она на протяжении ряда лет имела возможность наблюдать домашнюю жизнь и

семью Сталина на даче в Зубалове и кремлевской квартире, близко общалась с Надеждой Аллилуевой, детьми Яковом, Василием и Светланой.

«Авель, — вспоминала она, — колоссально влиял на наш быт в течение семнадцати лет после революции. Будучи сам развратен и сластолюбив, он смрадил все вокруг себя — ему доставляло наслаждение сводничество, разлад семьи, обольщение девочек. Имея в своих руках все блага жизни, недостижимые для всех, в особенности в первые годы после революции, он использовал все это для личных грязных целей, покупая женщин и девушек. Тошно говорить и писать об этом. Будучи эротически ненормальным и, очевидно, не стопроцентным мужчиной, он с каждым годом переходил на все более и более юных и, наконец, докатился до девочек в 9—11 лет, развращая их воображение, растлевая их, если не физически, то морально... Под видом «доброты» благодетельствовал только тех, которые ему импонировали чувственно прямо или косвенно»^[57].

В середине 1930-х годов любовь Сталина к Енукидзе остыла, он резко изменил к нему отношение. На пленуме ЦК ВКП(б) 5–7 июня 1935 года был рассмотрен вопрос «О служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза ССР и товарище А. Енукидзе». Председатель Комитета партийного контроля Николай Ежов доложил на пленуме о пяти террористических группах, якобы подготавливавших покушение на генсека, и бросил тень на Енукидзе, обвинив его в политическом размягчении и нарушении морали и нравственности. Пленум постановил вывести из состава ЦК ВКП(б) и исключить из рядов партии Авеля Енукидзе за политическое и бытовое разложение. Арестован тогда он не был, его удалили из Москвы, переводя на Кавказ.

Пока был жив Орджоникидзе, с которым Енукидзе и Сталин составляли дружественное трио, вождь воздерживался от нанесения окончательного удара по бывшему другу. В феврале 1937-го Орджоникидзе «внезапно» умирает, и Сталин дает знак НКВД. Енукидзе тут же вменяют в вину измену родине и шпионаж, а также причастность к покушению на Андрея Александровича Жданова. Следствие рассматривало Енукидзе как одну из ключевых фигур заговора военных из «антисоветского правотроцкистского центра» с целью насильственного свержения власти в СССР путем «дворцового переворота», то есть вооруженного захвата Кремля.

29 октября 1937 года Военная коллегия Верховного суда СССР на закрытом заседании приговорила Енукидзе и еще семерых «изменников» (Л. М. Карахана, И. Д. Орахелашвили, Б. П. Шеболдаева, В. Ф. Ларина, А. Д. Метелева, В. М. Цукермана, Б. С. Штейгера) к расстрелу.

Так бесславно закончил свою жизнь Амель Енукидзе.

Свидания Ворошилова с Голдой проходили чуть ли не каждый день. Клим позже вспоминал, что она с первых встреч с ним честно рассказала про отношения с Енукидзе и про то, что никогда не сможет иметь детей.

Клим чувствовал, что с каждым свиданием он все сильнее и сильнее увлекается девушкой. Однажды он ласково назвал ее Гилей, отчего она не смогла сдержать слез. Как-то, рассказывая Климу о своем детстве, Голда невзначай обронила: когда она была маленькой, в семье ее звали Гитлей, Гилей.

Клим произнес с несвойственной ему нежностью:

— Гиля, милая Гиличка...

И обнял.

— Климущка! — в ответ тихо произнесла Голда, крепко прижалась к его груди.

— Ты мне очень нравишься, — сказал Клим.

— И ты мне, — чуть слышно сказала Голда...

Таким было их взаимное объяснение в любви.

Ворошилов потом признается: «он твердо был уверен, что любит эту женщину и хочет связать с ней судьбу».

Решение Клима и Голды пожениться натолкнулось на большие трудности. По законам того времени жена могла жить с ссыльным мужем лишь при условии, если они обвенчаются в православной церкви. Преградой браку стало иудейское вероисповедание Голды. Из-за любви к Ворошилову девушка пошла на смену веры. По истечении срока своей ссылки она отправилась в Луганск, где с помощью знакомой будущего мужа, Анны Лукиничны Гущиной, окрестилась в местном православном храме. Голда меняет имя, становится Екатериной.

Когда ее родители узнали об отречении дочери от иудаизма, они вычеркнули Голду из своей жизни, для них она умерла. В ее родном селе Мардаровке раввин публично предал ее херему (проклятию), а на кладбище установил могилку «умершей». Но Голда, ставшая Екатериной, была готова и к этому. Приняв высшее осуждение и отлучение от еврейской общины как данность, она вернулась в Холмогоры к Климу уже в статусе его законной жены.

Правда, сразу по возвращении Голды, теперь Екатерины Ворошиловой, в Холмогоры не обошлось без очередных осложнений: жандарм, надзиравший за Ворошиловым, потребовал немедленного отъезда ее из поселения: нельзя, мол, расконвоированной жить вместе с ссыльным. На сборы и выезд дал три дня. Тогда молодожены придумали хитрость — повесили в избе вырезанный из журнала портрет императора Николая II. Когда жандарм пришел проверять исполнение его приказа, у Ворошиловых собралась

толпа ближних соседей. Жандарм стал кричать, почему «посторонняя» не уехала. Соседи вступились за Екатерину. Жандарм матерился по-черному, обещал всех отправить в тюрьму. Клим охладил его, указал на портрет императора и на фальцете воскликнул:

— Не смейте сквернословить перед ликом государя! — Перевел дыхание и добавил: — Я донесу о сем в Департамент полиции.

Жандарм увидел на стене портрет Николая II и сразу обмяк. Обильный пот выступил на его покрасневшем лице. Он сменил тон:

— Я ведь за порядок. Чтоб все было по закону. Ладно, оставайтесь, только чтоб без нарушений закона...

Молодожены вместе прожили до конца Климовой ссылки. Конечно, были трудности — частые переезды с одного места на другое, отсидки Клим по несколько месяцев в тюрьме, но, по воспоминаниям Ворошилова, это было исключительно счастливое для них время.

28 июля 1912 года наступило освобождение, молодая чета уехала на Климову родину. Первое время в Луганске Клим, имея «волчий билет», устроиться на работу не мог. Средства к существованию зарабатывала белошвейка Екатерина. Лишь через два месяца с помощью старых друзей Ворошилов поступил на службу в кооперативную рабочую хлебопекарню завода ДЮМО.

ВРЕМЯ ЭПОХАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Империалистическая война и Февральская революция

Все в жизни возвращается на круги своя. Ворошилов, устроившись в хлебопекарню завода ДЮМО, вновь возобновил среди рабочих свою агитационную деятельность против власти. И снова — арест, и снова — ссылка. На этот раз в Чердынть Пермской губернии. В Чердынский край вместе с Климом отправилась и Екатерина.

Из пермской ссылки Ворошиловы вернутся через год по амнистии по случаю 300-летия царского дома Романовых. Но оставаться в Донбассе Климу было опасно, и они с женой уезжают в Царицын. Клим становится там работником оружейного завода, а Катя занимается портняжничеством.

Летом 1914 года началась Первая мировая война. Она явилась следствием острых противоречий, возникших между государствами Тройственного союза (Германия, Италия, Австро-Венгрия) и Антанты (Россия, Англия, Франция). Закоперщиками были прежде всего Германия, с одной стороны, и Англия и Франция — с другой. В тот период особенно обострились взаимные претензии: экономические, военно-морские и колониальные. Россия в этих разборках оказалась в пристяжных^[58].

В Российской империи эту войну будут называть по-разному: «Великой войной», «Большой войной», «Второй

Отечественной», «Великой Отечественной», а в народе — «Германской». Социал-демократы, считавшие начавшуюся войну конфликтом между крупными державами мирового империализма, дали ей название «Империалистическая».

Царицынские большевики с первых дней войны выступили с осуждением правительства за то, что оно ввергало в нее сотни тысяч рабочих и крестьян, одев их в солдатские шинели. В стране шла мобилизация мужчин призывного возраста под девизом «За Царя и Отечество!». Клим Ворошилов, как член организации РСДРП на оружейном заводе, вместе с другими партийными активистами вел разъяснительную работу среди пушкарей, разоблачал истинные причины империалистической войны, развенчивая ложные патриотические лозунги. Ему грозила царская солдатчина, и он был вынужден уехать из Царицына в Петроград.

В связи с войной с Германией указом Николая II от 31 августа 1914 года немецкое название города Санкт-Петербург было изменено на Петроград.

За месяц до этого указа царя, 31 июля, экстренное прибавление к вечернему выпуску газеты «Биржевые ведомости» (№ 14281) поместило на своих страницах заметку «Не Петербург, а Петроград». Вот ее содержание:

«Чешская колония в Петербурге выработала следующий текст обращения к русскому населению: «Ныне вполне своевременно и уместно вспомнить почин длинного ряда русских деятелей и мыслителей XVIII и начала XIX века, которых коробило немецкое название нашей столицы. Уже Екатерина Великая издавала указы в «Граде Св. Петра», Александр Благословенный привез древние изваяния с берегов Нила тоже в «Град Св. Петра». Пушкин и другие поэты говорят о «Петрограде»; «Петроградом» же называют нашу

столицу все южные и западные славяне, также червоноруссы. Пора исправить ошибку предков, пора сбросить последнюю тень немецкой опеки. Мы, чехи, просим общественное управление столицы войти с ходатайством на Высочайшее Имя об утверждении и обязательном впредь употреблении русского названия столицы «Петроград»». Под этим воззванием чешская колония успела собрать же целую массу подписей среди всех классов населения».

И вот Петербург теперь — Петроград. У многих это не вызвало большой радости. Старые петербуржцы говорили, что переименовали город, точно его разжаловали. «Историческое имя, связанное с основателем города и заимствованное из Голландии, напоминающее «работника на троне», заменено под влиянием какого-то патриотического каприза, ничего не говорящим названием Петроград, общего с Елизаветградом^[59], Павлоградом и другими подобными», — с сожалением писал известный петербургский адвокат Анатолий Федорович Кони в «Биржевых новостях» за 1 сентября 1914 года.

Новое название города стало появляться на официальных документах, на всевозможных изданиях и рекламах, но оно так и не было воспринято коренными жителями столицы.

В Петрограде Клим поступает на Механический завод Н. Г. Сургайло. Но удержаться на легальной работе долго не удастся. Пошли слежки, обыски. Причина преследований — антигосударственная, разлагающая рабочих деятельность. Ворошилов участвовал в организации тайных собраний, выступал с бунтарскими речами. 1915–1916 годы он провел в подполье.

В этот период в столице явственно ощущалось нарастание революционной борьбы. Ситуация накалилась до крайности в середине февраля 1917 года. На Путиловском заводе были уволены рабочие одного из цехов, требовавшие повысить заработную плату. Когда их поддерживали рабочие других цехов, администрация 22 февраля объявила о закрытии цехов и локауте^[60].

На следующий день во всем Петрограде вспыхнули массовые протестные демонстрации. В них участвовало около 130 тысяч человек. Манифестации проходили под антивоенными лозунгами и переросли во всеобщую стачку.

24 февраля демонстранты с красными флагами и пением «Марсельезы» двинулись к центру города. Произошли столкновения с конной полицией. Протестующим выразили свою солидарность забастовавшие на 224 предприятиях более 200 тысяч рабочих и служащих.

25 февраля обстановка стала пиковой. Стачка грозила перерасти в восстание.

Командующий войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенант Сергей Семенович Хабалов на заседании правительства огласил телеграмму царя с требованием «прекратить беспорядки». Хабалов с одобрения правительства отдал приказ частям гарнизона на операцию по пресечению опасных волнений против государственных устоев. Вечером на улицах появились военные патрули, объединенные группы конных казаков и полицейских, устанавливались заслоны, чтобы не допустить рабочие колонны к Сенатской площади и Зимнему дворцу. Командиры патрулей и заслонных групп получили указание при необходимости применять оружие против стачечников.

Клим Ворошилов по заданию Петроградского комитета партии большевиков в те февральские дни плотно работал с рабочими-путиловцами и солдатами лейб-гвардии Измайловского гвардейского полка. Основной состав Измайловского полка находился на германском фронте, но в городе оставался его запасной батальон, весьма внушительный по численности личного состава — около пяти с половиной тысяч человек, которому вменялась охрана Путиловского завода.

Во второй половине дня 25 февраля несколько активистов-путиловцев во главе с Ворошиловым побывали в казармах запасного батальона, была достигнута договоренность с солдатами и некоторыми унтер-офицерами, что те будут выступать вместе с народом. Вечером Клим доложил об этой договоренности в Петроградский комитет партии большевиков.

Совместная операция военных и полиции по пресечению беспорядков в столице разворачивалась стремительно. В ночь на 26 февраля был арестован Комитет большевиков, через сутки — Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) меньшевиков, разогнано несколько эсеровских ячеек. Началось повсеместное подавление стачки. В отдельных местах по демонстрантам был открыт огонь, более 150 человек погибли. Но в ответ на жесткие действия властей протестующие на восстание, типа декабрьского не пошли. Те, кто вывел их на демонстрацию, были к этому не готовы.

Тем не менее противостояние демонстрантов и армейских подразделений и полиции продолжилось.

28 февраля запасному батальону Измайловского полка из штаба Петроградского военного округа поступило приказание разогнать бастующих Путиловского завода.

Василий Семенович Акшинский, много лет бывший помощником Ворошилова, в 1974 году выпустил в свет книгу «Климент Ефремович Ворошилов», в которой подробно описал февральские события в Петрограде. В книге говорится, что день 28 февраля стал решающим политическим испытанием для солдат Измайловского полка.

Роты батальона выстроились напротив многотысячной толпы рабочих, перекрывшей все подступы к заводу. Командир батальона отдал команду на сближение с протестующими. Первая рота развернутой шеренгой двинулась вперед, остальные остались на месте. Приблизившись на очень близкое расстояние к бастующим, шеренга остановилась, и ротный командир предъявил рабочим ультиматум: разойтись в течение десяти минут, иначе будет применено оружие.

Никто не тронулся с места. В этот напряженный момент навстречу солдатам вышел Ворошилов:

— Товарищи солдаты, товарищи измайловцы! — громко произнес он. — Я призываю вас не стрелять в своих братьев и сестер, а повернуть оружие против угнетателей народа. Долой царя! Солдаты, переходите на сторону революции!

И забастовщики, и измайловцы стояли друг перед другом в нерешительности. Время ультиматума, предъявленное рабочим командиром первой роты, истекло...[\[61\]](#)

О том, что произошло дальше, рассказал по прошествии многих лет бывший солдат Измайловского полка старый большевик Ф. Ф. Зорин.

«...Ротный скомандовал:

— Прямо по бунтовщикам пальба ротой!..

Но ни один человек даже не пошевелился.

В бешенстве ротный подскочил к правофланговому солдату и рывкнул ему в лицо:

— Ты почему, сволочь, не выполнил команду?

Тот молчал.

Бледный, с перекошенным лицом, ротный резким движением выхватил револьвер и выстрелил в солдата. Падая, солдат откинул винтовку. Ее подхватил на лету унтер-офицер Миронов и со всего размаху ударил ротного прикладом по голове.

— Рота, слушай мою команду! — раздались его мужественные слова. — Товарищи! Мы с вами перешли грань, которая отделяла нас от народа, от революции. Для нас сейчас одна дорога: только борьба за торжество революции, и в этом наше личное спасение... Поэтому я требую выполнить мою команду точно и беспрекословно. Рота, кругом!

По этой команде все повернулись к ротам нашего батальона, стоявшим в ста метрах от нас... Взяв винтовки на изготовку, мы двинулись вперед. Вместе с нами пошли во-оруженные винтовками и револьверами человек двести рабочих. Командир второй роты отдал приказ открыть по нам огонь. Мы остановились и взяли на прицел вторую роту. Стало тихо. Вдруг послышалось:

— Не стреляйте!

Офицеры бросились бежать. Солдаты с радостью присоединялись к нам. Командование батальоном принял Миронов. Мы вошли во двор завода, чтобы повести за собой всех солдат Измайловского полка. Перед измайловцами выступил Ворошилов, призывая их вместе с рабочими довести революцию до победного конца»^[62].

Революционные силы овладевали положением в городе. Рабочие и солдаты раскрыли ворота тюрем, на свободу были выпущены политические заключенные. Среди них члены Петроградского комитета партии

большевиков, Рабочей группы меньшевистского ЦВПК, несколько лидеров партии эсеров.

В Таврический дворец^[63] прибыли освобожденные из-под ареста руководители партий в сопровождении революционно настроенных рабочих и солдат. Там уже находились члены думской фракции меньшевиков...

В Государственном архиве Российской Федерации есть отдел, где хранятся документы о Февральской революции 1917 года. Один из таких документов — записки генерал-майора Николая Николаевича Шиллинга, командира лейб-гвардии Измайловского гвардейского полка, датированные 21 июня 1920 года. Генерал назвал их «Из моих воспоминаний о Февральской революции в войсках». В них он по-своему подает и оценивает события, о которых рассказано выше. Прочитируем небольшой фрагмент из записок Шиллинга.

«...Происходившее в запасных частях Петроградского гарнизона, распропагандированного революционными агитаторами, не может служить доказательством [того], что армия была революционно настроена. Не правы те лица, говорящие в своих воспоминаниях о «тыловом бунте» в последних числах февраля 1917 г. в Петрограде, называя его «революцией» и указывая, что то такой, то другой гвардейский полк присоединялся к восставшим и принимал участие в революции. Это не верно уже потому, что все настоящие гвардейские полки в это время были на фронте, а в Петрограде были лишь запасные батальоны гвардейских полков. <...> Состав запасного батальона был несоразмерно велик и численностью был больше, чем полк военного состава, что было полным абсурдом, и, кроме того, эта перегруженность только вредила делу и широко поощряла укрывательство от посылки на фронт. <...>

Укрывавшиеся сыграли немалую роль при перевороте 1917 г., так как для них, подпольных деятелей, привыкших действовать из-за угла, трусов, посылка на фронт казалась чем-то ужасным. К несчастью, во главе запасных гвардейских батальонов не стояло человека боевого, с независимой твердой волей, который знал бы, что и как надо требовать от офицера и солдата; во главе Петроградского военного округа стоял Генерального штаба генерал-лейтенант Хабалов, который ничем никак не командовал и совершенно не знал строевого солдата. Все это, вместе взятое, и имело такие печальные последствия при подавлении февральского бунта...»[\[64\]](#)

В Таврическом дворце в срочном порядке создавался Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. Его инициаторами были члены меньшевистской фракции Думы, представители других социалистических партий, легальных профсоюзов, кооперативов. Большевики участия в создании Временного исполкома не принимали. Они сконцентрировали свои силы на улицах и упустили Таврический дворец.

Меньшевики и деятели мелкобуржуазных партий, взявшие в свои руки организацию Совета рабочих депутатов, определили порядок и условие его формирования. Они решили, что нужно избрать по одному депутату на тысячу рабочих, но не менее одного депутата на каждый завод, от восставших солдат — по одному представителю на каждую роту.

Ночью 28 февраля был образован Исполнительный комитет, принявший воззвание «К населению Петрограда и России», в котором говорилось: «Совет рабочих депутатов, заседающий в Государственной думе, ставит своей основной задачей организацию

народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России... Приглашаем все население столицы немедленно сплотиться вокруг Совета, образовать местные комитеты в районах и взять в свои руки управление всеми местными делами. Все вместе, общими силами будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего равного, прямого и тайного избирательного права»^[65].

Параллельно образовался Совет солдатских депутатов из представителей Петроградского гарнизона. 1 марта он слился с Советом рабочих депутатов. Образовался единый Совет рабочих и солдатских депутатов.

Ворошилов был избран в Совет солдатских депутатов от Измайловского полка. Когда Совет солдатских депутатов объединился с Советом рабочих депутатов, Клим увидел, что в новом образовании было полное засилье меньшевиков и эсеров. Они занимали в Исполнительном комитете объединенного Совета почти все руководящие посты. Исполком состоял из тридцати шести членов, большевиков в нем — всего семь человек.

Клим вместе с другими членами большевистской фракции активно включился в борьбу против эсеро-меньшевистского большинства.

В марте страна бурлила невиданными до того событиями. Первое событие — отречение от власти императора Николая II. Сначала (1 марта) он подписал «Манифест об отречении» в пользу сына Алексея, а на следующий день вновь отрекся, теперь уже за своего сына, в пользу брата — великого князя Михаила Александровича. Но Михаил, просидев на престоле менее суток, 3 марта отказался от царствования; он понял, что управление империей может быть

небезопасным для его жизни. Великий князь заявил: вопрос о форме правления в России должно решить Учредительное собрание.

Второе событие — арест царских министров и создание так называемого Временного правительства.

В стране стали функционировать два политических центра: Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, за которым стояли революционные силы свершившейся революции, и Временное правительство, получившее в свои руки рычаги государственного управления. Они выражали интересы разных классов: Совет — интересы рабочих, крестьян и солдат, а Временное правительство — имущих слоев.

Возникло двоевластие. О создавшемся положении В. И. Ленин писал, что рядом с Временным правительством, правительством буржуазии, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее наделе и растущее другое правительство: Советы рабочих и солдатских депутатов.

Об этих двух политических центрах оригинально высказался князь Георгий Евгеньевич Львов, ставший министром-председателем Временного правительства и одновременно министром внутренних дел: Временное правительство было властью без силы, а Советы — силой без власти.

Двоевластие длилось до июля 1917 года. В начале июля правительство организовало наступление на фронте. Однако наступление захлебнулось. Бездарная военная политика кабинета министров Львова вызвала массовые протесты; их инициировали большевики. И тогда правительство при согласии Петроградского совета перебросило с фронта в город несколько воинских частей, и антиправительственные выступления были подавлены, некоторые большевистские руководители арестованы, но Ленин

успел скрыться в Финляндии. Поддержка Петросоветом Временного правительства означала, что он капитулировал перед ним и теперь оно могло управлять страной единолично. Делить власть с Советами было уже не нужно.

В сложившейся ситуации Временное правительство было распущено, ушел в отставку князь Львов. Сформировался состав нового коалиционного правительства: в него вошли семь социалистов и восемь представителей кадетов. Возглавил его Александр Федорович Керенский.

Донбасс: весна — осень 1917-го

Волны Февральской революции быстротечно раскатились по стране. Во всех уголках империи падение самодержавия восторженно приветствовалось широкими слоями населения.

Свержение царской верхушки в столице Донбасс отметил массовыми одобрительными демонстрациями, организованными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в руководстве которых преобладали представители мелкой буржуазии, кустарей и кулаков. Большевистские организации, ослабленные репрессиями свергнутой власти, в Советах не обладали решающим влиянием.

В Луганске правили бал меньшевики и эсеры. Они выступали с горячей поддержкой Временного правительства. В Петроград на имя Львова, а потом Керенского от них летели телеграммы-заверения в верности возглавляемым ими правительствам.

Луганцы обратились в Петроградский комитет партии с просьбой направить к ним Клима Ворошилова. Как только Клим прибыл в Луганск, его тут же ввели в состав горкома и единодушным голосованием избрали

председателем комитета. Вскоре в порядке представительства он вошел в Луганский совет.

С чего начал Клим, вернувшись в родной Донбасс? Прежде всего со сплочения уцелевшей от разгрома старой рабочей гвардии. Из мест заключения и ссылок вернулись друзья, на которых можно было опереться. Вместе с ними Ворошилов возрождал и укреплял связи с заводами, фабриками и мастерскими.

Особое внимание уделял работе большевистской фракции Луганского совета по разоблачению оппортунистской политики меньшевиков и эсеров. На заседания Совета выносились наиболее острые на тот момент политические и экономические вопросы, обсуждение которых сразу выявляло подлинные позиции большевиков и их противников. Трудящиеся воочию убеждались, кто только на словах, а кто на деле защищает их интересы.

Агитационно-пропагандистская работа большевиков в производственных коллективах дала значительный рост вступления рабочих в партию. Если накануне Февральской революции в Луганской партийной организации насчитывалось около ста человек, то теперь — доходило до полутора тысяч.

Ворошилов придавал большое значение организации охраны революционных завоеваний. В своих воспоминаниях он по истечении времени писал, что по решению Луганского комитета большевиков были созданы сильные боевые отряды, дружины. Где взяли оружие? По его свидетельству, винтовки, револьверы, патроны к ним позаимствовали частью у местной воинской команды, частью извлекли из различных тайников, где они 10–11 лет хранились со дня роспуска первых боевых дружин, созданных по постановлению Стокгольмского съезда РСДРП. Воссозданные рабочие вооруженные отряды и группы брали на себя охрану заводов и города в целом. Особо

оберегались почта, телеграф, водокачки, другие жизненно важные объекты.

Боевые отряды, дружины, группы формировались на паровозостроительном, патронном заводах и других предприятиях Луганска. Все они подчинялись Совету боевых дружин города, председателем которого был Клим Ворошилов, начальником штаба — Александр Пархоменко. Для борьбы с провокаторами и предателями учреждался революционный суд — ревтрибунал.

В августе состоялись выборы в городскую думу. Ворошилов вошел в число гласных по списку большевиков и польского социалистического объединения. На первом заседании новой думы он был избран ее председателем. Через месяц прошли перевыборы Совета, обновленный его состав возглавил Ворошилов. Переизбранный Совет, где большевики играли теперь первую скрипку, взял на себя многие властные функции в городе.

В книге «Красные маршалы» Роман Гуль с характерной для него образностью и эмоциональностью писал о Климе Ворошилове периода весны — лета 1917 года:

«Ворошилов поплыл, закружился в революционном водовороте. Он чувствовал, что это и есть единственный момент в его жизни и в истории государства, когда, держась хваткой, мозолистой рукой за рычаг революции, можно вымахнуть вместе с своим классом на вершину жизни. Рискованно? Страшно? Но — «черт возьми, чего там смотреть!».

Силы, темперамента, животного здоровья у этого слесаря не занимать... Ворошилов сразу же стал выбираться в партии на поверхность.

Он вывел измайловцев. Он член российского конвента — всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов. Он встречает Ленина на

Финляндском вокзале с букетом цветов^[66]. И очертя голову, зажав глаза, бросается сразу же за ним, свернувшим партию на путь октября, на взрыв России.

— Нам не надо ни парламентарной республики, ни буржуазной демократии, вся власть Советам! — кричал слегка картавящий на «р» Ленин с балкона дворца Кшесинской.

Этот путь революционного максимализма для Ленина и Ворошилова вполне законен. Они оба братья одной стихии. Только у человека с полутатарским, полурусским лицом Ленина эта «русская сумасшедщина» запакована в ученые чемоданы, а у необразованного слесаря в «черт возьми, чего там смотреть»^[67].

Весной и летом 1917 года Ворошилов дважды участвовал в важнейших легальных форумах партии большевиков: VII (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б). Конференция и съезд наметили для революционных масс ближайший ориентир — социалистический переворот путем вооруженного восстания.

В сентябре (14-22) проводилось Всероссийское демократическое совещание, на которое съехались представители политических партий и общественных организаций. Рабочие Донбасса делегировали на совещание Ворошилова и Петровского.

«Самой буйной большевистской делегацией на этом совещании, — вспоминал впоследствии Григорий Иванович Петровский, известный на Украине социал-демократ, член Екатеринославского губернского комитета РСДРП(б), председатель большевистской фракции городской думы, — была Екатеринославо-Донбасская. Она старалась придать Демократическому совещанию революционный характер, требовала

вынесения резолюции об укреплении Советской власти. В этой делегации большую роль играл К. Е. Ворошилов»^[68].

Итог совещания — создание предпарламента. Ленин отнесся к нему отрицательно, так как считал, что единственное его назначение — отвлечь рабочих и крестьян от надвигающейся революции.

В этот период шла «большевизация Советов» — большевики получили до 90 процентов мест в Петросовете. Это было связано с ликвидацией корниловщины^[69], которая дала мощный всплеск революционного подъема в стране. На волне этого подъема председателем Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов стал Л. Д. Троцкий. Он также был избран в предпарламент, где возглавил большевистскую фракцию.

В те сентябрьские дни Ленина в столице не было, он скрывался в Финляндии, и Троцкий фактически руководил всеми организациями партии в Петрограде. В отсутствие Ленина меж большевиками в вопросе отношения к предпарламенту произошло разделение на «правых во главе с Л. Б. Каменевым» и «левых во главе с Л. Д. Троцким». Первые видели в предпарламенте инструмент осуществления мирного развития революции; вторые считали, что это подобранное сверху представительство, не отражающее реального соотношения сил, призвано подменить собою действительное волеизъявление народа, создать опору правительству, не способному проводить необходимые реформы и не желающему покончить с войной. Ворошилов был ярым сторонником «левых», твердо стоял на позиции Троцкого.

Троцкий держал постоянную связь с находившимся за пределами России Лениным посредством писем. В одном из них он характеризовал предпарламент как

попытку буржуазных элементов безболезненно перевести советскую легальность в буржуазно-парламентскую легальность и отстаивал необходимость бойкота большевиками этого органа. В ответном письме Ленин санкционировал бойкот.

7 октября, в день открытия предпарламента, Троцкий объявил решение своей фракции покинуть зал заседаний. Он огласил декларацию, объяснявшую, почему большевики не считают возможным участвовать в этом предприятии. В декларации говорилось, что «... создана власть, в которой и вокруг которой явные и тайные корниловцы играют руководящую роль... Цензовые элементы^[70] вошли во Временный совет в таком количестве, на какое, как показывают все выборы в стране, они не имеют права... Мы, фракция социал-демократов большевиков, заявляем: с этим правительством народной измены и с этим советом контрреволюционного попустительства мы не имеем ничего общего»^[71].

Ворошилов вернулся в Луганск в начале октября. Революционная обстановка в стране накалялась.

10 октября ЦК РСДРП(б) провел закрытое заседание, где была определена дата восстания и арест Временного правительства. На нем Григорий Зиновьев и Лев Каменев выступили против свержения правительства в ходе восстания, считая его преждевременным. Об этом они сделали открытое заявление в органе меньшевиков «Новая жизнь». Изложили не только свое несогласие с ЦК, но и обнародовали назначенный день восстания.

12 октября Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов образовал Военно-революционный комитет (ВРК) — центр по подготовке вооруженного восстания. В его состав вошли члены ЦК

большевиков, левых эсеров, делегаты президиума и солдатской секции Петросовета, представители штаба Красной гвардии, Центробалта и Центрофлота, фабзавкомов и т. д. Во главе ВРК Петросовет поставил левого эсера Павла Лазимира. Но его главенство было формальным: все важнейшие решения принимались большевиками: Львом Троцким, Николаем Подвойским, Владимиром Антоновым-Овсеенко.

С 16 октября началась подготовка к открытию II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов^[72]. Еще в сентябре ЦК РСДРП(б) наметил созвать 17 октября очередной съезд, но тогда к этой идее враждебно отнеслись эсеры и меньшевики. Однако по мере большевизации Советов ВЦИКу пришлось согласиться на его созыв, обусловив свое согласие переносом даты проведения — с 17 на 25 октября.

От Донбасса на II съезд Советов делегировались В. К. Аверин, М. К. Афонин, К. Е. Ворошилов, Н. В. Кравцов, М. К. Муранов, Г. И. Петровский и другие.

В этот период особо напряженно работали члены Луганского партийного комитета, выполняя указания VI съезда РСДРП (б) готовить массы к вооруженному перевороту. Шло максимальное сосредоточение власти в руках луганских большевиков, чтобы иметь полную уверенность в том, что в нужный момент они сумеют обеспечить победный исход восстания и в городе, и в уезде. За уездный центр отвечали члены парткомитета А. З. Каменский, З. Ф. Ляпин, городской голова А. И. Червяков, руководитель продовольственного комитета И. И. Алексеев, другие активисты. За крупнейшие предприятия — комиссары: И. И. Шмыров (паровозостроительный завод Гартмана), И. А. Венецкий (патронный завод), И. И. Николаенко (железнодорожные

мастерские); за профсоюзные организации — П. В. Воронин, И. И. Дахно, И. Д. Литвинов, А. С. Мусько.

Ворошилов телеграфировал в ЦК РСДРП(б): «...Мы в Луганске взяли не только все заводские комитеты, профессиональные союзы, Совет рабочих и солдатских депутатов, но и городскую думу... Настроение наших рабочих больше чем прекрасное... Наше влияние безгранично не только в городе, но и в уезде. Эсеры и меньшевики у нас вымирают, как осенью мухи»^[73].

Решающий час приближался. Накануне II съезда Советов луганские большевики расставили свои силы с таким расчетом, чтобы нигде не оказалось обезлички в организации вооруженного восстания.

Ворошилов, вспоминая об этом, позже говорил, что они в ожидании революционных событий сочли необходимым оставить на своих местах всех руководителей Луганского комитета партии и Совета рабочих и солдатских депутатов, в том числе и самого Ворошилова. Даже на II съезд Советов послали тогда только двух делегатов: Афолина и Кравцова — надежных товарищей, очень хорошо проявивших себя на всех этапах революционной борьбы, но в то время не стоявших во главе городской парторганизации...

«В дни, когда собрался II съезд Советов, — писал спустя годы в «Литературной газете» К. Е. Ворошилов, — я находился в Луганске, с огромным вниманием следя за его работой и, разумеется, полностью одобряя все принятые им решения и декреты об установлении справедливого мира без аннексий и контрибуций, национализации земли, утверждении и укреплении революционных завоеваний. Я был глубоко тронут тем, что высший орган победившей социалистической революции — II съезд Советов — наряду с В. К. Авериным, М. К. Мурановым и

другими представителями пролетарского Донбасса, участвовавшими в его работе, заочно избрал Г. И. Петровского и меня в состав Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК). В этом мои товарищи-луганчане увидели огромное внимание партии и съезда Советов к Донецкому бассейну — крупнейшему промышленному и революционному центру Украины и к его людям — шахтерам, металлургам, беднейшим крестьянам, которые всегда были надежной опорой социалистической революции»^[74].

И вот то, чего все ждали, свершилось — состоялся великий переворот. На Донбасс летели одна за другой ошеломляющие вести: «25 октября 1917 года в России при абсолютной поддержке народных масс произошло социалистическая революция. Временное правительство низложено, власть перешла к Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов...» «Начал работу II Всероссийский съезд Советов, сформирован Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК)...» «Образовано новое правительство — Совет Народных Комиссаров (СНК). Председателем СНК избран В. И. Ленин...» «Выдвинуты два Декрета: «Декрет о мире», который призывает воюющие страны прекратить военные действия, и «Декрет о земле», выражающий интересы крестьян...»

«...По получении телеграмм из Питера о перевороте, — вспоминал К. Е. Ворошилов, — я, как председатель Луганского совета, созвал пленум последнего, доложил радостную весть...» По словам Ворошилова, его сообщения были выслушаны серьезно, сосредоточенно. Но к исполкому Совета вопросы были: о принятых мерах по усилению охраны в городе, конкретно — банка, суда, телеграфа и других важных

органов обеспечения нормальной жизни населения, об арестах тех, кто оказывает сопротивление установлению нового порядка^[75].

В Луганске дело обошлось без вооруженного противостояния. Позиции и влияние большевиков здесь были настолько прочными, что местная контрреволюция не решилась на какие-либо организованные действия против советской власти.

Перед луганскими большевиками теперь вставали задачи, которыми до того им не приходилось заниматься. Нужно было обеспечить бесперебойную работу заводов, снабжение предприятий топливом и металлом, своевременную выплату рабочим заработной платы, улучшить снабжение города продовольствием и предметами первой необходимости, ликвидировать старые и создать новые местные органы, подобрать для руководства ими наиболее грамотных и преданных делу революции рабочих, наладить охрану общественного порядка. При этом возникло много трудностей, ощущалась острая нехватка в людях, знакомых с административной и хозяйственной деятельностью.

Все это предстояло решать членам городского комитета партии и Совета рабочих и солдатских депутатов без Ворошилова, он в ноябре был вызван в Петроград.

В Петрограде

Клим Ворошилов по прибытии в Петроград был назначен комиссаром Военно-революционного комитета по градоначальству.

За новую работу он взялся с присущей ему кипучей энергией. Работал в контакте с заместителем наркома внутренних дел Российской Советской Республики Матвеем Мурановым, членами Петроградского ВРК

Моисеем Урицким и Иосифом Уншлихтом. Вместе с ними рассматривал и решал различные вопросы столичного быта, занимался приспособлением организационной структуры местных органов к новым условиям жизни.

Ворошилов писал о том времени, что в меру своего опыта и способностей он старался укреплять в Петрограде революционный порядок и взамен аппарата градоначальства создавал непривычное пролетарское управление сложным городским хозяйством. На места, которые прежде занимали саботажники, приходилось ставить рядовых рабочих, солдат и матросов, преданных революции, но совершенно не имевших навыков в хозяйственной и административной деятельности.

Клим пробыл в этой должности очень короткое время, менее полумесяца. В первых числах декабря Совет народных комиссаров ликвидировал Петроградское градоначальство. Вместо него по предложению Дзержинского был образован специальный орган для охраны порядка, во главе которого СНК опять же поставил Ворошилова.

В «Протоколе № 19 заседания СНК об организации специального органа по охране порядка в г. Петрограде от 05.12.1917 года» указывалось (приводится дословно):

«Председательствует: Влад. Ильич Ленин.

Присутствуют: Колегаев, Елизаров, Глебов, Теодорович, Раскольников, Стучка, Антонов, Петровский, Свердлов.

Слушали:

1. Предложение т. Дзержинского о необходимости ликвидации бывшего Петроградского градоначальства с передачей всех его дел соответствующим ведомствам; организация специального органа для охраны порядка в городе Петрограде.

Предложение кандидатуры т. Ворошилова для проведения этого в жизнь.

Постановили:

1. Поручить т. Ворошилову ликвидацию бывшего Петроградского градоначальства согласно плану т. Дзержинского и организацию специального органа для поддержания спокойствия и порядка в Петрограде. Для помощи ему в этом деле организовать комиссию из трех лиц, а именно представителей городского самоуправления, военного ведомства и Исп. Ком. Петр. Сов. Р. и С. Д.

Поручить организацию т. Ворошилову.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. И. Ульянов (Ленин).

Секретарь *Н. Горбунов*»[\[76\]](#).

Ворошилов принял у бывшего гражданского комиссара Фаермана все дела, имущество, кассу и здание градоначальства на Гороховой улице.

Два дня он осваивался в новом своем положении. Ломал голову: с чего и как начинать? Ему бы поучиться у опытных специалистов с юридическим уклоном...

В это время Совет народных комиссаров учредил Всероссийскую чрезвычайную комиссию (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Председателем ее был назначен Дзержинский. Предстояло подобрать для нее место, где бы она удобно расположилась.

Читаем в книге «Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография»:

«В поисках помещения для ВЧК Дзержинский пришел в дом, занимаемый ранее петроградским градоначальником. Дверь открыл благообразный бородатый швейцар.

— Могу я видеть товарища Ворошилова? — спросил Дзержинский.

— Так точно-с. Господин-товарищ Ворошилов в кабинете его превосходительства господина градоначальника.

Феликс Эдмундович с любопытством посмотрел на швейцара — этакий осколок империи, — но ничего не сказал и пошел вперед. Швейцар почтительно подсказывал дорогу.

Из-за письменного стола поднялся комиссар Петрограда Климент Ефремович Ворошилов. На эту должность он был назначен Советом народных комиссаров 22 ноября 1917 года по предложению Дзержинского, когда решался вопрос о мерах по поддержанию спокойствия и порядка в Петрограде.

— Здравствуйте, Феликс Эдмундович, рад вас видеть, — сказал Ворошилов, и его открытое лицо осветилось радушной улыбкой.

— Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Антимеков, — ответил, также улыбаясь, Дзержинский.

Ему очень нравился этот луганский слесарь своим открытым характером, чистосердечностью, неизменной жизнерадостностью и удалью, сквозившей во всем его облике и поведении.

— А, не забыли, значит, Антимекова, — захохотал Ворошилов.

— Вот что, уважаемый градоначальник, то бишь комиссар, — все еще в полушутливом тоне начал Феликс Эдмундович, — давайте работать вместе. Приспособим к нашим нуждам бывшую тюрьму градоначальства, организуем свою пролетарскую охрану.

— Согласен, Феликс Эдмундович, тем более что и помещение бывшего градоначальства наполовину пустует. Сюда не одну, а три ваших комиссии поместить можно, и еще место останется.

— Вот и отлично. А я поставлю вопрос перед ЦК о вводе вас в состав ВЧК. Тогда контакт в работе ВЧК и

органов охраны порядка будет и организационно закреплён.

На следующий день в кармане у Ворошилова лежало подписанное Дзержинским удостоверение ВЧК»^[77].

Ворошилов впоследствии вспоминал, как плодотворно сотрудничал с Дзержинским. Они часто встречались, иногда даже по несколько раз в день. Клим мог в непосредственной близости наблюдать, какой поистине благородный, обаятельный это был человек. И ещё, он — прирожденный борец за революционный правопорядок. Ворошилов многому у него научился.

Первое знакомство Клим с Дзержинским состоялось 11 лет назад, в апреле 1906 года в Стокгольме на IV съезде РСДРП. Феликсу Эдмундовичу в то время не исполнилось и тридцати лет, но за его плечами уже была мужественная борьба против царского самодержавия.

В 1965 году в очерке «Верный соратник Ленина» К. Е. Ворошилов, рассказывая о бурных событиях 1917 года, подробно описывает свои встречи с Дзержинским. В ноябре Клим приехал в Петроград, где его назначили комиссаром Петрограда и ему пришлось заняться делами бывшего петроградского градоначальства, но вскоре он возглавил Комитет по охране порядка в городе. Почти одновременно с созданием комитета возникла Всероссийская чрезвычайная комиссия под председательством Дзержинского.

Специфика комитета требовала работать в тесной связке с ВЧК. Работа для Ворошилова — сложная, многогранная, необычная. Председатель ВЧК все время по горло загружен неотложными, сугубо важными делами: свергнутое правительство и все контрреволюционные силы были подавлены, но не

сложили оружия и стремились любой ценой вернуть старое, восстановить свое бывшее господство. Тут надо было быть постоянно начеку.

Комитет Ворошилова стал надежным плечом ВЧК. Приходилось работать днем и ночью. Ворошилов написал в очерке, что чекисты буквально сбивались с ног. Но все же иногда выдавались свободные минуты. Феликс Эдмундович рассказывал о своей семье, жене, о сынишке, с которыми на многие годы его разлучала тюрьма, каторга. Семья находилась еще в эмиграции. Сына Ясика Дзержинский видел всего один раз, в 1912 году, когда тому исполнилось восемь месяцев.

Иногда Дзержинский вспоминал свою родную Польшу. Он подробно рассказывал о ее рабочем классе, его полном борьбе и лишений героическом пути. Но главным для него была та работа, которая была поручена ему Центральным комитетом партии большевиков в России^[78].

Некоторые современные историки невысоко, мягко говоря, оценивают тогдашнюю деятельность К. Е. Ворошилова в Петрограде. Они утверждают, что в силу своего характера и низкого интеллектуального уровня он был непригоден для должности большевистского градоначальника колыбели революции: не по Сеньке, мол, шапка. Все же это «тонкое дело» — управление специальным органом по охране порядка в Петрограде. Поэтому Ворошилов, заключают они, и продержался в столице всего три месяца и в конце февраля 1918-го отправился назад восвояси в Донбасс.

Их утверждения не имеют прочных оснований, и вряд ли можно согласиться с ними. Высказывания писателей-эмигрантов Романа Гуля и Виктора Суворова

(Владимир Резун) в расчет не берем, их мотивы очернения советских военачальников понятны.

Здесь в Петрограде Ворошилов участвовал в работе Учредительного собрания — представительного органа в России, созванного 5 января 1918 года для определения государственного устройства. Правда, собрание не выполнило предназначенной ему функции, и утром 6 января оно было распущено.

Ворошилов был делегатом III Всероссийского съезда Советов, проходившего 10-18 (23-31 по новому стилю) января. Съезд принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа и объявил Россию Советской Федеративной Социалистической Республикой (РСФСР). Был избран новый состав ВЦИКа, в который вошел Ворошилов.

В марте 1918 года Ворошилов по решению ЦК РКП(б) [\[79\]](#)отправился в Донбасс.

Он уехал из Петрограда не оттого, что не пришелся ко двору большевистским столичным властям, а в связи со срывом мирных переговоров между РСФСР и Германией, которые велись с 9 декабря 1917 года. Дело шло к войне.

16 февраля [\[80\]](#) 1918 года германское командование официально заявило советскому представителю в Брест-Литовске о том, что в 12 часов дня 18 февраля перемирие между Россией и Германией заканчивается и возобновляется состояние войны. Через два дня немцы начали наступление по всему фронту от Балтийского моря до Карпат силами сорока семи пехотных и пяти кавалерийских дивизий. Части старой русской армии, настроенные против войны, не оказывали никакого сопротивления, уходили в тыл, бросая военное имущество (в лучшем случае унося его с собой).

Правительство РСФСР отправило в ночь с 18 на 19 февраля радиogramму правительству Германии с

выражением протеста по поводу нарушения условий перемирия и с согласием подписать выработанный ранее в Бресте мирный договор, но ответа не последовало.

21 февраля 1918 года немецкие войска вошли в Киев, 1 марта заняли Гомель, Чернигов и Могилев. За короткий промежуток времени они продвинулись на 200–300 километров. «Мне еще не доводилось видеть такой нелепой войны, — напишет позже о наступлении немцев в тот период в своих дневниках генерал Макс Гофман^[81]. — Мы вели ее практически на поездах и автомобилях. Сажаешь на поезд горстку пехоты с пулеметами и одной пушкой и едешь до следующей станции. Берешь вокзал, арестовываешь большевиков, сажаешь на поезд еще солдат и едешь дальше»^[82]. Г. Е. Зиновьев, участвовавший в подписании Брестского мира, был вынужден признать, что «в некоторых случаях безоружные немецкие солдаты разгоняли сотни наших солдат». «Армия бросилась бежать, бросая все», — констатировал позорный факт для русского воинства в том же 1918 году первый советский главнокомандующий Российскими вооруженными силами Николай Васильевич Крыленко...

Германия Вильгельма II^[83] в феврале предъявляла РСФСР ультиматум за ультиматумом. По этим убийственным документам Россия лишалась территорий, оккупированных немцами, должна отказаться от Эстонии и Латвии, вывести свои воинские формирования из Финляндии и Украины, заключить с Центральной радой сепаратный мир, отдать Турции некоторые районы Закавказья (Карс^[84], Ардаган^[85], Батум^[86]), предоставить Германии право беспощадного вывоза сырья. Далее — демобилизация российской армии и флота, уплата контрибуции в размере 6 миллиардов марок.

Как ни горько сознавать, но все германские ультиматумы Российская Республика была вынуждена принять. 3 марта 1918 года советское правительство подписало крайне невыгодный для страны Брест-Литовский сепаратный [\[87\]](#) договор.

Германские военные силы продолжали двигаться по Украине на восток. Советские войска с боями отходили под давлением немецких дивизий в юго-восточные губернии. В городах Донбасса создавались рабочие отряды, оборудовались бронепоезда.

Ворошилов спешил на помощь своим землякам.

СТАТЬ ВОЕННЫМ ЗАСТАВИЛО ЛИХОЛЕТЬЕ

Германцы у порога

Ворошилов приехал в Харьков в начале марта 1918 года. Состоялась встреча с партийными работниками и членами Совнаркома Донецко-Криворожской республики.

В январе 1918 года IV областной съезд Советов рабочих депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов, проходивший в Харькове, провозгласил Донецко-Криворожскую советскую республику (ДКСР). Был избран Совнарком во главе с председателем Артемом (Федором Андреевичем Сергеевым).

В состав республики вошли территории Харьковской и Екатеринославской губерний (целиком), часть Криворожья, Херсонской губернии, часть уездов Таврической губернии (до Крымского перешейка) и прилегающих к ним промышленных (угольных) районов области Войска Донского по линии железной дороги Ростов — Лихая.

В республике были проведены территориальная реформа по экономическому признаку, а также судебная реформа — введены единые формы судопроизводства. Были определены налоги для крупных предпринимателей, но при этом возвращены ранее конфискованные средства частных банков. Вводилось бесплатное обучение для детей бедноты, открылись курсы ликбеза. И главное, в республике была национализирована крупная промышленность, в

частности металлургические заводы, шахты и рудники, ликвидированы акционерные общества.

В феврале германо-австрийские войска по приглашению Центральной рады вступили на территорию Украины для защиты ее от Советской России и начали масштабное продвижение на восток. К 15 марта армия кайзера^[88] Вильгельма II подошла к границам ДКСР.

Артем говорил Ворошилову с тревогой в голосе:

— Германцы у ворот нашего дома. Не с добром к нам пожаловали, а чтобы уничтожить нас.

Федор Андреевич рассказал Климу, что он направил императору Вильгельму письмо, в котором потребовал отказаться от оккупации территории независимой от Украины Донецко-Криворожской республики.

История с письмом Артема Вильгельму потом обросла разного рода слухами и байками. Даже А. Н. Толстой в повести «Хлеб. Оборона Царицына» не удержался и написал, что когда началось наступление немцев, председатель правительства Донецко-Криворожской республики — Артем — послал ультиматум германскому императору с предупреждением, что в случае нарушения границ ДКСР республика будет считать себя в состоянии войны с Германией. Этот документ на четвертушке бумаги со смазанным лиловым штампом был доставлен главнокомандующему наступающих вильгельмовских войск генералу Герману фон Эйхгорну. Три раза переводчик читал Эйхгорну удивительный документ. «Это шутка? — спросил генерал. — Господин товарищ Артем — черт возьми! — считает себя в состоянии войны с Германией». Секунду генерал колебался: лопнуть ли от возмущения или, схватясь за ручки кресла, захохотать до слез...

Командование германо-австрийской коалиции на Украине строило далекоидущие планы по захвату украинских территорий. Наиболее важным операционным направлением считалось: Харьковская губерния — Донбасс — Донская область. Высший совет коалиции требовал от генералов Линзингена^[89], Эйхгорна^[90], Гренера^[91] и Кнерцера^[92] в кратчайшие сроки овладеть этими районами. С севера на юг двигались: 41-й, 22-й, 27-й и 1-й резервный германские корпуса, а также 25-й и 27-й австро-венгерские. На фронте Бахмач, Полтава, Кременчуг, Екатеринослав наступление вели наиболее сильные корпуса — 22-й, 27-й и 1-й резервный; они нацеливались на Харьков, Луганск, Ростов-на-Дону...

Для объединения находившихся на Украине красных отрядов и для организации более планомерных боевых действий против германо-австрийских интервентов 4 марта было образовано Главное командование советских войск со штабом в Харькове. Руководить всеми частями Красной армии был поставлен В. А. Антонов-Овсеенко.

В Донбассе в остросложившейся обстановке сам собой возник Чрезвычайный штаб обороны. В него вошли председатель Совета народных комиссаров Донецко-Криворожской республики Артем, Ворошилов, заместитель наркома по военным делам ДКСР Николай Руднев и другие известные донбасские большевики. Штабу предстояло в срочном порядке заняться формированием вооруженных отрядов рабочих.

По совету Артема Ворошилов отправился из Харькова в Луганск для организации боевых дружин. Там Клима хорошо знали, там он был своим. Организованная под его началом летом 1917 года Красная гвардия продолжала существовать в городе. В

отсутствие Ворошилова ее возглавлял его друг и соратник Александр Пархоменко.

Прибыв в Луганск, Ворошилов обратился с воззванием к рабочим Донбасса:

«Грозный час настал! Немецкие белогвардейцы под ликующий вой российской буржуазии двинулись на нашу дорогую, нашей собственной кровью омытую Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику. Нашей революции, нашим завоеваниям грозит смертельная опасность. Немецкая буржуазия идет спасать буржуазию российскую. Международный капитал ставит своей целью задушить международный пролетариат, а для этого буржуазии необходимо во что бы то ни стало раздавить, уничтожить красный социалистический пролетариат России.

Товарищи! В нас самих решение своей судьбы. От нас зависит спасти свою социалистическую родину и тем самым ускорить международную начавшуюся социалистическую революцию. Враг еще силен и движется по всем направлениям. Нашему Донецкому бассейну грозит непосредственная опасность со стороны Киева, где уже воцаряются немецкие банды под руководством петлюр, винниченков и прочих предателей украинского народа.

Товарищи! Все, кому дороги идеалы пролетариата, все, кто ценит пролитую кровь наших братьев за освобождение России, все, кому дорог международный социализм, освобождающий человечество, все до единого — к оружию! С оружием в руках стройными железными рядами ударим на врагов труда, на трутней, на белогвардейцев немецких, великорусских и украинских.

За нами правда! В нас сила! Мы победим!

Да здравствует святая беспощадная борьба с вековыми угнетателями!

Да здравствует международная революция!
Да здравствует социализм!»[\[93\]](#)

12 марта в Луганск пришло известие о смене столицы России. Отныне столицей РСФСР становилась Москва.

Клим вместе с Александром Яковлевичем Пархоменко приступил к формированию 1-го Луганского социалистического отряда. Основой его стали литейщики, крановщики, слесари заводов Гартмана, патронного и железнодорожных мастерских.

То, как это происходило, ярко описал Алексей Николаевич Толстой в книге «Хлеб. Оборона Царицына». Приведу в пересказе небольшой отрывок из нее.

...Выдался теплый мартовский день. В тот день верстах в двухстах на запад от станицы Нижне-Чирской, в степном Луганске, хозяйничала ранняя весна. На его окраинах и в рабочих поселках стояли, как и в станице, те же мазаные хаты в три окошечка, но уже без скирд хлеба в просторных огородах, радостно кричали грачи над гнездами...

На машиностроительном заводе Гартмана шел митинг.

Народу было столько, что сидели на высоких подоконниках, на станках, свешивали головы с мостового крана. Председательствовал начальник луганской Красной гвардии Пархоменко — большой мужчина с висячими усами, в сдвинутой на затылок бараньей шапке.

На трибуне, наскоро сколоченной из неструганых досок, где прямо по доскам написано дегтем: «Не отдадим Донбасс империалистам», — возвышался невысокого роста человек, румяный от возбуждения. Бекешу он сбросил, военная рубашка обтягивала его крепкую грудь, край ворота потемнел от пота.

Он говорил звонко, напористо. Веселые глаза расширились, когда он обводил лица слушателей — то угрюмые, то мрачно решительные. Вот они раскрыли рты: «Ха-ха» — громко прокатывается под закопченной крышей, и его глаза сощуриваются от шутки. И снова согнутая в локте рука ребром ладони отрубает грань между двумя мирами — нашим и тем, беспощадным, кто наступает сейчас тысячами штыков...

— Мы должны понять, что только в нас самих решение нашей судьбы. Грозный час пробил. Российская буржуазия призвала на помощь немецкую буржуазию. Им нужно залить кровью пролетарскую революцию. Им нужно захватить наши заводы, наши рудники. И вас, товарищи, приковать цепями к этим станкам.

Его словам внимали. Ему верили. Его хорошо знали — старого подпольщика, Климента Ворошилова, здешнего уроженца. Во время мировой войны он работал в Царицыне, в подполье, где сколачивал группу большевиков. Преследуемый полицией, бежал в Петроград и там работал в мастерских Сургайло. После Февральской революции вернулся в Луганск, издавал газету, писал статьи, был избран председателем Совдепа. С мандатом в Учредительное собрание уехал в Петроград. После Октября был там комиссаром порядка. В дни немецкого наступления снова вернулся на Донбасс, вошел членом Совета народных комиссаров в Донецко-Криворожскую республику и сейчас митинговал с земляками — гартмановскими металлистами.

— На Донбассе мы должны оказать решительный отпор немецким псам, готовящим в первую голову вам, товарищи, кровавую неволю. Немцы уже окружают Харьков. Революционные красные отряды малочисленны и разбросаны. Центральная рада продала Украину, продаст и Донбасс. Кто согласен

протянуть шею под ярмо? — Ворошилов обвел глазами окаменевшие лица. — Таких здесь нет...

Чей-то чугунный голос проговорил вслед за ним:

— Таких здесь нет... Правильно.

Многие обернулись туда, где за чугунной станиной стоял внушительного вида человек. Это был литейщик Бокун, силач на весь завод, поднимавший руками, когда неудобно было поддеть краном, многопудовые отливки.

— Здорово, Бокун! — крикнул Ворошилов. — Так вот, товарищи, по примеру его перейдем от слов к делу. Пусть немцы встретят на Донбассе двести тысяч пролетарских штыков. Мы должны немедленно сформировать отряд в шестьсот — семьсот бойцов. Выступим навстречу интервентам. За нами каждый завод, каждая шахта пошлют отряды. Оставшиеся должны готовить броневики и бронепоезда. Оружие у нас есть, а не хватит — достанем в бою. Сотня пролетариев, воодушевленных революционной целью, вооруженных классовой ненавистью, стоит бригады империалистических наемников...

— Записывай — Тарас Бокун! — первым откликается на призыв Ворошилова чугунный голос Бокуна из-за станка.

Председательствующий Пархоменко, кашлянув не менее густым голосом, чем Бокун, пометил его на листе, пошевелил усами. Навстречу его взгляду начали подниматься тяжелые руки.

— Ставь — Солох Матвей...

— Прохвятилов Иван, ставь...

— Чебрец...

Пархоменко опять зашевелил усами:

— Как? Повтори...

— Ну, Миколай Чебрец... Не знаешь, что ли.

— Записывай — Василий Кривонос и другой Василий Кривонос...

Записывались — подумав и не спеша. Пропихивались к трибуне и, моргая, следили, как председатель проставляет его фамилию на листе. Вздохнув, отворачивались:

— Так, значит...

Иной, возвращаясь к товарищам, встряхивал головой:

— Воюем, ребята...

Другой и бахвалился, и шутил нескладно. Третий, как оглушенный, глядел перед собой невидящим взором. Все понимали, что дело нешуточное, и уж раз взялся — надо вытянуть... [\[94\]](#)

В отряд записались 640 человек. На заводе Гартмана для него спешно сработали два своеобразных бронепоезда — на вагоны-площадки, обшитые невысокими броневыми щитами, установили пулеметы «максим» и два мощных шестидюймовых орудия. Для личного состава выделили теплушки. Получился специальный воинский эшелон. Вскоре этим эшелоном отряд Ворошилова отправился к Харькову для его защиты. Перед ним была поставлена задача выбить вильгельмовские и гайдамацкие войска из района Конотоп — Бахмач. К этому времени станция Конотоп находилась в руках частей 27-го германского корпуса, которые готовились к прорыву в направлении Курска.

18 марта Луганский социалистический отряд высадился в Ворожбе, небольшом городе на реке Вира; с конца XIX века он считался поселением железнодорожников, так как являлся крупной узловой станцией. Здесь скрещивались железнодорожные линии Курско-Киевской дороги, Люботинской ветки и шоссе Сумы — Новгород-Северский.

Станция была забита поездами, в которых размещались различные красные отряды, отступившие

сюда под давлением немецких частей. Начальники этих отрядов не пытались выяснить общую оперативную обстановку, положение соседних подразделений, с тем чтобы совместными усилиями действовать против германцев.

Ворошилов, увидев это воинство, сильно расстроился: он понял — рассчитывать на серьезное боевое взаимодействие с ними вряд ли придется. Позже он писал, что военная дисциплина внутри красных отрядов была весьма условной; в иных царило большое воодушевление, но бойцы не умели владеть оружием; в других имелось достаточное количество солдат старой армии и унтер-офицеров, но не было воинского порядка и политической спайки. В отрядах преобладали эсеры и анархисты, к ним примазались всякого рода «темные элементы», авантюристы, движимые единственной целью — возможностью наживы.

Луганский отряд в первые дни пребывания в Ворожбе вел время от времени артиллерийскую и пулеметную перестрелку с немецким бронепоездом и пехотой, зондировавшими прочность обороны станции.

Однажды разведка доложила: со стороны немцев вдоль полотна железной дороги проселком движутся, поднимая тучи пыли, колонны солдат. Орудийный и пулеметный обстрел колонн со стороны луганцев вынудил их сойти с дороги, но движение свое они продолжили. Усиление огня заставило колонны разбиться на небольшие группы. Ворошилов отдал распоряжение начальнику разведки выяснить, чьи движутся колонны. Через короткое время выяснилось: это идут русские солдаты с Румынского фронта.

К. Е. Ворошилов вспоминал: «Что это были за люди! Тени, а не люди — так они были измождены, усталы и совершенно ко всему равнодушны. На все мои расспросы о немцах и о том, как они их пропустили через свой фронт, я не мог ничего добиться. Попытался

было устроить импровизированный митинг, но из этого ровно ничего не вышло. На предложение поступить в отряд хотя бы двум-трем десяткам (из четырехсот — пятисот вповалку лежавших, ко всему безучастных, тоскливо глядевших людей) не нашлось ни одного желающего. Больше того, ни один человек не вступил со мною в спор, даже в разговор. «Хватае з нас, навоювались, поди», — раздавались отдельные голоса. Никто из этих людей не интересовался, кто мы, в кого стреляем, кто против нас. Стрельбу они воспринимали как нечто обычное, ставшее неизбежным, а потому и малоинтересным. Они стихийно рвались домой отдохнуть»^[95].

Ворошилов попытался объединить разрозненные самостоятельные мелкие отряды, находившиеся на станции Ворожба, в цельную воинскую группу и предложить их командирам действовать по определенному плану. Попытка удалась. Со многими оговорками, но все же был создан партизанский штаб Ворожбинского района. Отряды свели в полки. Отдельным полком стал 1-й Луганский социалистический отряд. Было решено осуществить общее наступление для обратного захвата Конотопа.

Настоящие бои с немцами завязались 27 марта у разъезда Дубовязовка, в 15 километрах к востоку от Конотопа. Эшелоны остановились на ближайшем разъезде. Сгрузили на землю шестидюймовые пушки. Здесь же сосредоточилась пехота во главе с Луганским полком, несколько луганчан на передней площадке самодельного бронепоезда выехали вперед произвести разведку. Навстречу им вышел из Конотопа германский бронепоезд, произошла артиллерийская дуэль. Бронеплощадка красных вернулась к Дубовязовке. Началось жаркое сражение.

Несколько дней продолжались упорные бои полков группы Ворошилова между Конотопом и Ворожбой с частями 27-го германского корпуса. Превосходство в людской силе и вооружении было на стороне немцев. Сильный прицельный огонь артиллерии германского бронепоезда нанес значительный урон группе Ворошилова. Меткими выстрелами 76-миллиметровой пушки центральной башни бронепоезда немцы взорвали вагоны со снарядами, прицепленные к луганскому эшелону, лишив красных боеприпасов. В ответ шестидюймовка луганчан подбила бронированный паровоз противника. Однако на предсказуемый исход сражения это не повлияло: Ворошилов с отрядами, неся большие потери, оставил Ворожбу.

Красные с кровопролитными боями отходили в район Харькова. Луганский полк закрепился у станции Основа (предместье Харькова). В районе Харькова против советских войск действовал 1-й германский резервный корпус под командованием генерал-лейтенанта Менгельбира. Его концентрические удары по частям 5-й армии Рудольфа Сиверса, 4-й — Василия Киквидзе и отрядам Григория Чудновского, Николая Руднева закончились их окружением. Отряды отбивались от кайзеровских оккупантов, как только могли. Сиверс и Киквидзе были ранены. Командование армией Киквидзе принял на себя Чудновский. Один из отрядов 4-й армии вел тяжелый бой под Люботином у станции Огульцы. Находившийся в нем в тот момент Чудновский получил осколочное ранение и не мог передвигаться. Видя, что отряд оказался в безвыходном кольце, он, чтобы не попасть живым в руки врага, покончил с собой.

Полк Ворошилова отчаянно сражался с наседавшими на него германцами. Но удержать их натиск не было сил. Штурмовые группы противника

прорвались в поселок Основу. Луганцы не успели погрузиться в вагоны и принуждены были выбираться со станции походным маршем, пробивая себе путь на Чугуев.

9 апреля немцы заняли Харьков и его пригороды.

Бойцам и командирам полка Ворошилова пришлось несколько дней и ночей без сна и отдыха преодолевать с боями длинный маршрут до Луганска. Клим Ворошилов вел потрепанный полк в родной край для пополнения новыми силами.

Остатки войск 5-й, 4-й, 3-й армий беспорядочно отступали. В 5-й армии Сиверса из 2,5 тысячи человек уцелело не более полутора тысяч. В 4-й армии — около тысячи. В 3-й (вначале ею командовал левый эсер П. С. Лазарев^[96], после его бегства — с 18 апреля — Е. И. Чикваная) было около пяти тысяч штыков, осталось три с небольшим.

16 апреля обновленный — пополненный личным составом, оружием — отряд луганчан выдвинулся под Купянск, заняв к югу от него станцию Кабанье. В тот район тогда входили и тут же затем выходили из него, исчезая в неизвестном направлении, всякие «социалистические» отряды-карлики, громко объявлявшие себя армиями. Их вожди «грозились» остановить продвижение германских дивизий. Но их действия ничего, кроме неразберихи, не приносили. Они не только не способствовали нанесению ощутимого урона оккупантам, наоборот, облегчали им борьбу с красными частями. Так что отряд Ворошилова в одиночку противостоял немцам.

Вильгельмовские войска овладели Валуйками и Изюмом, всё глубже и глубже вклинивались в Донбасс.

Антонов-Овсеенко отважился провести контрнаступление и ударить по врагу всеми

имеющимися силами на Изюмском направлении. Однако это контрнаступление закончилось очередным катастрофическим провалом. Советские части не только не продвинулись вперед хотя бы на версту, они с первыми же столкновениями со стальными касками германцев повернули назад, беспорядочно отступая. Связь главнокомандования с ними утратилась: предоставленные сами себе, они ударились в панику...

Немцы, захватив Купянск, Бахмут, Славяносербск, двинулись дальше — к Старобельску.

Отряд Клима Ворошилова успеха в районе Кабаньего не имел, но ему удавалось некоторое время стойко удерживать станцию. Штаб главнокомандующего Антонова-Овсеенко предложил Ворошилову взять под свое начало несколько деморализованных частей армии Сиверса.

18 апреля Сиверс получил приказ Главштаба, в котором говорилось, что армия его переименовывается во 2-ю особую, 5-й армией теперь будет армия товарища Ворошилова, штаб — Кабанье. Бездеятельность командарма Сиверса у Купянска признана губительной.

В тот же день приказом Антонова-Овсеенко Ворошилов был утвержден командармом 5-й армии, особо уполномоченным штаба 5-й армии — Пархоменко.

Новоиспеченная армия имела лишь одно — звонкое название. Ворошилову достались сбродные, полуанархические отряды. Они хаотично отступали в направлении Изюма, Славянска, на восток и юго-восток.

Ворошилов приказал для обеспечения левого фланга расположения своих луганцев (к северу от Кабаньего, Кременная) выставить разведывательные заставы по реке Красной. Одновременно к Сватову, где несколько разрозненных отрядов продолжали вести спорадические бои, направил бронепоезд.

У Сватова луганцы оказались в одиночестве, так как кругом все красные части отступали от непрекращающегося напора превосходящих германских войск. Ворошилову стало ясно, что долго в такой обстановке его «армия» сражаться не сможет.

Немцы заняли район Сватова. С ходу попытались атаковать Кабанье в лоб с севера, но были отбиты. Тогда они обходным маневром заставили эшелоны Ворошилова отойти на Лисичанск. Для этой цели направили одну часть сил на поселок Мостки, другую часть от Мостков — на Варва-ровку. Параллельно вновь ударили с фронта от Сватова на Кабанье.

Удержать район Кабаньего никаких шансов не было. Ворошилову пришлось оставить его и, ведя тяжелые бои, с потерями откатываться к Луганску...

«Командуй, Клим, не дрейфь...»

- Малыми группами нам не устоять...
- Верно... Че там говорить.
- Перебьют нас кайзеры поодиночке...
- Ве-е-ерно...
- В крепкий кулак надо собраться.
- В дивизию бы!
- Аль в корпус, как у немцев.
- Даешь армию!..

Вокзальное здание станции Родаково ходило ходуном от топота, воплей массы военных людей. Здесь проходило собрание командиров различных частей и подразделений Красной гвардии, отрядов рабочих, а также анархистов, националистов, принявших советские идеи. Все эти разрозненные формирования (остатки так называемой Донецкой армии) были оттеснены к Родаково напором наступавших германских войск. Личный состав многих из них пал духом и

утратил способность к сопротивлению. Народ устал от боев. Начальство отрядов лишилось руководства со стороны главного командования и не знало, к кому теперь приклонить голову.

Были здесь и луганские дружины, выдвинувшиеся из города навстречу приближавшемуся неприятелю.

Собрание проводил Клим Ворошилов, командующий 5-й армией, эшелоны с войсками которой подошли сюда в течение 23–25 апреля.

Многие из присутствовавших хорошо его знали со времен революционных событий в Луганске как горячего, боевитого Володьку, некоторые по обороне Харькова, где он со своим 1-м Луганским социалистическим полком насмерть стоял у станции Основа.

Самые активные, надрывая глотки, кричали:

— Командуй! Бери, Клим!

— Да не... Я ж не военный! — отнекивался Ворошилов. И добавлял крепкие словца: —...! Какой из меня на... командующий. Надо настоящего военного! Вот, например, Руднев, он прапорщиком был. А я ведь даже в армии не служил.

Собрание горланило:

— Кли-и-и-м... Бе-ри-и!

Гортанные голоса сливались с далеким гулом артиллерийской канонады. Вражеские снаряды пока еще не доставали станции, но аэропланы периодически появлялись в небе над Родаковым. Они облетали паровозное депо, водокачку, пути, сбрасывали гранаты на стоявшие там поезда и снующих возле них солдат.

Всех перекричал Николай Руднев, с которым Ворошилов был знаком с начала марта.

— Командуй, Клим, не дрейфь! Я буду у тебя начальником штаба!

Руднева поддержали Александр Пархоменко, помощник командарма, и Григорий Кулик, начальник

армейской артиллерии.

Ворошилов потряс головой:

— Ладно...

Вокзал замер.

Ворошилов обвел всех решительным взглядом и рубанул:

— Была не была! Беру командование!

Народ заорал:

— Бери!

Клим поднял вверх руку:

— Буду, так сказать, вашим «красным генералом». Только знай, у меня разговор короткий. Не боишься умирать — иди, боишься — к черту!

Ворошилов произнес короткую речь. Он говорил, что 5-я армия будет, конечно, биться с германцами и пустит им кровь. Однако надобно понимать, что придется и отступать, ничего не поделаешь. Только отступать с умом, организованно — так, как это делается ныне, так нельзя.

Клим кивнул в сторону окон вокзального здания, в которых видна была суматоха на переполненной составами и людьми станции. Он закончил речь словами: «Если мы с вами, товарищи командиры, не наведем порядка, то и сами пропадем, и людей погубим».

Станция Родаково находилась в 25 километрах от Луганска, располагалась на правом берегу реки Лугань, являлась крупным узлом железной дороги Харьков — Лихая. В вокзальном вестибюле наспех разместился полевой штаб армии Ворошилова во главе с особо уполномоченным Пархоменко (так заковыристо называлась должность помощника командарма). Штат штаба полностью еще не оформился. Вечером только состоится официальное назначение его начальника — Руднева, три важные штабные должности займут

наиболее грамотные отрядные командиры из бывших офицеров.

Грохот от разрывов снарядов вражеских орудий раздавался все громче и громче — к станции приближался фронт. Ворошилов закрыл собрание. Необходимо как следует подготовиться к встрече врага.

Занялись сколачиванием боевых групп. Мелкие отряды наскоро сводились в более крупные, чтобы можно было поручить им оборону отдельных участков. Шло пополнение оружием и боеприпасами.

В ночь Ворошилов, оставив вместо себя временно исполнять обязанности командующего армией Николая Руднева, отправился на паровозе в Луганск. Там началась паника: горком партии, Совет, другие органы власти заторопились с эвакуацией.

— Поеду разберусь с положением в Луганске, а вы тут держите немца, — говорил он прежде всего Рудневу, но это относилось и к помощнику командарма Пархоменко, и к начальнику артиллерии Кулику.

Для всех, кто остался в окрестностях Родакова, ночь была довольно трудной. До утра никому не пришлось сомкнуть глаз. Шла лихорадочная подготовка к отражению наступающего противника. С рассветом вильгельмовские войска большими силами атаковали станцию и ее предместья. Поначалу на отдельных участках обороны некоторые из отрядов дрогнули и самовольно покинули занимаемые рубежи. Но вскоре опомнились и отбили назад оставленные позиции. Командиры и бойцы большинства частей и подразделений сражались храбро и упорно — сказались меры по реорганизации.

На северной стороне станции при поддержке артиллерии Кулика красные отряды провели контратаки, в результате которых немцы отступили, оставив на поле боя немало убитых и раненых.

Приехав в Луганск, Ворошилов услышал, что руководство Луганского исполкома бросило город, срочно уехало в Миллерово. Клим энергично вмешался в процесс эвакуации. Он заставил оставшихся работников исполкома организовать погрузку в поезда имущества, в первую очередь оборонного, затем всего остального. Он говорил: «Для советской власти ценны все богатства Донбасса — главные, конечно, людские, опосля материальные. Мы должны взять, сколько поднимем. Лучше бы все забрать. Чтобы и ломаного гвоздя врагу не досталось...»

Здесь в Луганске находилось правительство ДКСР во главе с Артемом. Оно пребывало в городе недолго и вскоре выехало на восток, к границе РСФСР с тремя эшелонами материально-технических ценностей, сырья, оружия и семей харьковских руководящих работников.

В самый разгар погрузочных работ Ворошилов получил от Руднева сообщение, что части армии с упорными боями отходят от Родакова и закрепляются у станции Меловая. Начштаба просил командарма о срочном возвращении. Значит, ситуация критическая, сделал вывод из сообщения Клим.

Отдав необходимые распоряжения руководителям эвакуации Луганска, он выехал на боевые позиции восточнее Меловой. Там, как доложила разведка, немцы старались сосредоточить для очередного удара по не развернувшейся еще красноармейской обороне наибольшие силы пехоты и кавалерии.

Ворошилов с появлением на боевых позициях под Меловой, долго не раздумывая, приказал Кулику сконцентрировать перед станцией все имеющиеся в его распоряжении артиллерийские батареи. Расчет был простым: заградить от противника на некоторое время укреплявшиеся на новом рубеже красноармейские части. Расчет этот окажется верным. Как только германцы перешли в активное наступление, пушки

Кулика накрыли их огненным ковром шрапнели^[97]. Интервенты не ожидали такого сюрприза. Кавалеристы и пехотинцы в первый момент заметались в паническом вихре, затем, бросая винтовки, пулеметы, без оглядки повернули назад.

Это была первая зримая победа, одержанная организованными частями молодой Красной 5-й армии. Первая и последняя. Дальше бои в районе Меловой проходили очень трудно. Но они, по мнению Ворошилова, дали «выигрыш времени для планомерной эвакуации Луганска». Пока не уйдет из города последний эшелон, Клим не отдаст приказа войскам на отход с занимаемых рубежей.

Наконец эвакуация закончилась. Только теперь истекающие кровью красноармейские части и отряды под прикрытием бронепоезда «Черепеха» и бронелетучек оставили боевые позиции.

Обстановка не только с каждым днем, она с каждым часом становилась для армии все сложнее и сложнее. С севера и запада ее обложили германские части; на юге быстрый и беспорядочный отход к востоку 3-й, 2-й и 1-й советских украинских армий давал возможность кайзеровцам сильнее сжимать отступающие эшелоны Ворошилова острыми челюстями своих дивизий.

К 28 апреля Ворошилову стало известно, что в районе Старобельска немцы пошли к Черткову. Рабочие, бойцы отрядов Красной гвардии, забрав с собой семьи и домашнюю утварь, с чувством боли в сердцах последними покинули Луганск.

Один из участников этого исхода из родного края напишет потом в своем дневнике-воспоминании, что двинулся целый город на колесах. Красногвардейцы, семьи металлистов, горняков со скарбом, с птицей и даже с телятами. Вся эта громада — эшелоны в несколько сотен вагонов с десятками тысяч людей —

двинулась в сторону Миллерово. Над составами, как ястреб, все время летал немецкий аэроплан. Ужаса на людей он уже не наводил, к нему привыкли. Только изредка отдельные бойцы постреливали по самолету из винтовок.

Армия Ворошилова могла оказаться в мешке. Эффективно сопротивляться немецким силам она не имела никакой возможности. Чтобы избежать окружения, на военном совете принимается решение оставить Луганск и отходить на северо-восток, попробовать прорываться к Воронежу, в пределы РСФСР.

В тот период 5-я армия насчитывала чуть более трех тысяч штыков. Против нее действовали дивизии 1-го германского резервного корпуса: 224-я и 91-я пехотные, 2-я кавалерийская дивизия баварцев, а также четыре бронепоезда — в общей сложности около 35 тысяч хорошо обученных солдат и унтер-офицеров. Получается, немцы превосходили армию Ворошилова по людской численности в десять с лишним раз. И, конечно же, они были гораздо лучше, чем красные отряды, оснащены оружием и техникой.

Какова была общая военно-оперативная обстановка в Донецком бассейне во второй половине апреля 1918 года? Согласно скудным документам того времени, она выглядела следующим образом.

5-я армия Ворошилова, сдерживая продолжавшийся напор дивизий 1-го германского резервного корпуса, планомерно отступала.

Донецкая армия фактически перестала существовать; ее разрозненные небольшие отряды оставили Бахмут, Лиман; придя в распоряжение частей 5-й армии в районе Родакова, влились в нее.

3-я армия в течение нескольких суток вела ожесточенные бои с превосходящими силами немцев у города Барвенково. С поступлением новых резервов оккупантам части армии погрузились в эшелоны и отступили в направлении Славянск — Краматорская — Константиновка, затем сосредоточились в районе Никитовки, Дебальцева. Командиры и бойцы армии требовали от высшего руководства увода их в тыл для приведения частей в порядок и их переформирования.

2-я армия быстро двигалась в эшелонах на восток в направлении Таганрога.

1-я армия рассыпалась своими небольшими составами по различным железнодорожным магистралям, идущим из Донбасса в Ростовском направлении.

Из тех же документов узнаём о характере наступательных действий германских оккупационных войск в Донбассе:

«Противник ведет строго методическое наступление кавалерийскими рейдами широким фронтом, базируя свои главные силы по железным и грунтовым дорогам, идущим к железнодорожным узлам, — типичное преследование противника по пятам и врывание на спинах противника в важные стратегические пункты, при незначительном сопротивлении с нашей стороны. Операционной линией, таким образом, является линия железных дорог со станциями, забитыми многими, совершенно ненужными на фронте поездными составами».

Далее в этих документах дается описание украинских отрядов, рисующее их тяжелое состояние, особенно в военном и военно-техническом отношении. И действительно, в противовес организованным германским корпусам и дивизиям советское командование вынуждено было выставять импровизированные отряды.

Оккупанты почти постоянно применяли систему охватов и обходов, в силу чего красные отряды, действуя в окружении, не оставляли надолго своих эшелонов и не удалялись далеко от них, чтобы их не потерять. Кайзеровские захватчики пользовались тем, что красных сил было мало и что они еще не были организованы. Имея на Украине огромное численное превосходство, оккупанты быстро продвигались все далее на восток. Боевая обстановка решительно требовала как можно скорее ликвидировать крупные недостатки в отходящих красных отрядах, с тем чтобы скорее дать отпор врагу. Обстановка требовала скорейшей организации армейских соединений со штатными ротами, батальонами, полками и дивизиями...
[\[98\]](#)

К исходу дня 28 апреля Луганск пал. Все его защитники отступили в район Миллерово. Старобельская группа немецких войск, состоящая из дивизий 1-го резервного корпуса, перемещающихся по Донбассу в основном на поездах, к 30 апреля заняла Чертково, блокировав железнодорожный выезд из Миллерово в сторону Воронежа.

Тяжелый путь отступления к Волге

Станция Миллерово была забита воинскими эшелонами, поездами с гражданским людом, с промышленным оборудованием, хозяйственным имуществом, другими материальными ценностями. Вокруг нее нарастало скопище обозов, таборов, стад скота, овец, табунов лошадей.

Витали тревожные слухи о том, что те, кто собрался здесь, напрочь отрезаны немцами и гайдамаками как от Украины, так и от Российской Республики. Все

закупорены в «бутылке». Выбраться из нее можно лишь через узкое горлышко по железнодорожной линии к станциям Каменская и Лихая, которые пока еще находятся в руках большевиков. Дальше — земли области Войска Донского; там казаки восстали против Советов.

В служебном вагоне бронепоезда «Черепаша» шло заседание штаба армии. Ворошилов стучал кулаком по разостланной на столе карте:

— Нужно поспешать.

— Куда поспешать? — колебался Руднев. — Важно выбрать верное направление.

— Так выбирай, черт возьми! — горячился Клим. — На то ты и начальник штаба...

— Надо поразмыслить, — взял сторону Руднева Пархоменко.

— Какой... поразмыслить, — с матерком осек его Ворошилов и опять переключился на колеблющегося Руднева: — Пойми, тут нам все равно от немцев труба. Выход один — немедленно прорываться!

— Куда?.. — едва сдерживал раздражение Руднев.

— К Волге, к Царицыну.

— Клим, это же сотни верст по враждебной донской территории! Нас немцы с казаками в такой оборот возьмут...

— Иного пути нет, черт подери! Приказываю категорически, валяй на Царицын!

Под трехэтажные ругательства буйного командарма Руднев был вынужден принять план рискованного предприятия — прорыва через донские степи, где хозяевами были белоказаки, на Волгу, в еще красный Царицын по оставшемуся на те дни свободному узкому коридору железной дороги.

То, как осуществлялся этот план, всеобъемлюще, с интересными деталями описал комдив Владимир

Арсеньевич Меликов, профессор Академии Генерального штаба РККА в книге «Героическая оборона Царицына (1918 год)»^[99].

Прежде чем пойти по хронологической канве тяжелого пути отступления 5-й армии к Волге, считаю необходимым сказать несколько слов о книге Меликова. Нынешним читателям она может показаться несколько странной. В ней сплошное восхваление «мудрости тов. Сталина и тов. Ворошилова», проявленной при драматическом отступлении с Украины и в ожесточенных боях за Царицын. В то же время один из лучших аналитиков в советской военно-исторической науке 1920—1930-х годов честно, доподлинно, с мельчайшими подробностями излагает ход тогдашних событий. В книге не замалчиваются вопиющие беспорядки, царившие в красных частях, бездарность, измена некоторых командиров.

Итак, перейдем к фрагментарному изложению событий похода группы Ворошилова, описанных профессором Меликовым.

Страдный поход 5-й армии от Миллерово через станции Каменскую и Лихую на Царицын начался 1 мая. Десятки тысяч деморализованных, изнуренных, оборванных людей и тысячи вагонов с дорогостоящим техническим имуществом, с хозяйственными материалами, с боеприпасами, амуницией, запасами пропитания, со скарбом рабочих и их семьями нужно было провести через бушевавший казачий Дон.

Командование 5-й армии было осведомлено о военной ситуации в районе Каменская — Лихая: через него спокойно не пройдешь. Вокруг станицы Гундоровской^[100] с казаками полковника Адриана Гуселыцкого вели бои отряды Ефима Щаденко.

Ефим Афанасьевич Щаденко, уроженец станицы Каменской, портной по профессии, был председателем Каменского комитета партии большевиков, членом Донского военно-революционного комитета. Он организовал красногвардейский отряд, назвав его 1-м Донецким полком. Полк стал крепким ядром, вокруг которого позже сплотились сулинские отряды (шахтерский и железнодорожный) и другие боевые группы каменных рабочих.

Гундоровская считалась контрреволюционным гнездом. Эта крупная по населению станица с прилегающими к ней хуторами буквально кишела белым казачеством. В начале мая в ней появились и первые немецкие части. Теперь Щаденко сражался не только с белоказаками, но и с германцами. Силы его отрядов таяли, Ефим с нетерпением ждал скорейшего прихода армии Ворошилова.

Впоследствии он писал, что с подходом 2 мая к станциям Глубокая и Каменская 5-й армии обстановка изменилась, немцев и казаков отбросили к западу километров на 25, станица Гундоровская была освобождена. Однако, подтянув резервы, командир германского экспедиционного корпуса генерал фон Кнерцер с частями 91-й пехотной и кавалерийской дивизий совместно с гундоровскими, метякинскими казаками под командой Гуселыцикова с рассветом 5 мая отбили Гундоровскую от красных, а к 14 часам — станции Глубокая и Каменская. Особенно ожесточенные бои происходили под Лихой, 6 мая станция была захвачена противником.

Ворошилов выделил из армии несколько частей, и они совместно с отрядами Щаденко, произведя несколько удачных обходных маневров, нанесли по противнику со стороны Глубокой неожиданные удары и отбросили его от Гундоровской.

Движение армии Ворошилова продолжилось. Но и нападения на нее неприятеля не прекратились. 80 эшелонов, растянувшиеся по «железке» на десятки километров, прельщали немецких оккупантов, и в особенности белоказаков. Они жаждали поживиться богатством красных поездов, наполненных, по их мнению, не только несметным добром, вывезенным с Донбасса, но и вооружением, боеприпасами. Последнее им очень пригодилось бы для развертывавшихся в то время на Дону новых белогвардейских формирований.

Походный атаман Войска Донского генерал Петр Харитонович Попов издал приказ, в котором указывал: «Красногвардейские банды, прорвавшиеся из района Лихая — Звереве, пробиваются к Царицыну и на своем пути грабят и выжигают мирные поселения... Для окончательного упразднения в Донской области советской власти... и скорейшего обеспечения созыва Большого войскового круга с целью создания народной власти и правопорядка. Необходима прочная очистка Области от красногвардейских банд». Для «прочной очистки Области» создавались крупные войсковые соединения: на юге, под Ростовом, — полковника Святослава Денисова, на востоке, у Царицына, — генерал-майора Константина Мамонтова, в Донецком районе — генерал-майора Александра Фицхелаурова.

Покончить с 5-й армией атаману Попову было не так-то просто. За время похода к Волге она разрослась до 20 тысяч штыков. В последние дни к ней еще присоединилось до десятка новых отрядов из рабочих и казачьей бедноты.

В начале июня первые эшелоны армии подошли к станции Чир. Путь им преградили части Мамонтова. Четверо суток казаки непрерывными атаками сдерживали красные части, силы которых постоянно прибывали с подходом новых эшелонов со станции Морозовская. У казачьих отрядов были на исходе

патроны и снаряды, однако они упорно держались, обнадеженные обещанием Мамонтова, что им вот-вот подвезут боеприпасы. Но когда прибыл транспорт, оказалось, все присланные патроны были иностранного образца и для русских трехлинеек не годились. В телеграмме донскому атаману Мамонтов сообщал: «Создалось катастрофическое положение, Чирская должна пасть, а с ней умрет восстание 2-го Донского округа...^[101] Наши потери велики, особенно в офицерском составе. Приказал эвакуировать раненых и ценности...»

Войско генерала Мамонтова отступило к станице Нижне-Чирской, армия Ворошилова, миновав станцию Рычков, подошла к Дону. В этом месте берега Дона соединял огромный, почти 600-метровый железнодорожный мост, но он был взорван — путь к Царицыну оказался отрезан.

Из большинства советских источников известно, что мост взорвали белые. Хотя в 1930-е годы более распространенной была иная версия, согласно которой мост взорвали «по указанию предателя-троцкиста, разоблаченного врага народа Минина», то есть большевистского председателя Царицынского совета. Самое поразительное, что в те годы, когда такое писали о Сергее Константиновиче Минине, он никем не арестовывался и не «разоблачался», успел прославиться заявлением «Философию за борт!»^[102] и спокойно дожил до 1962 года!

Восстановить разрушенную переправу представлялось делом немыслимым. Как вспоминал через время сопровождающий одного из эшелонов ДКР В. Моргунов, мост был взорван так, что первый пролет его от левого берега был снесен начисто. Ближняя сторона полотна второго пролета свисала к воде на три

метра. Дальше пролет сильно накренился набок: он был загружен искореженными паровозом и платформами.

Продвижение армии Ворошилова к долгожданной цели застопорилось. Вот он, Царицын, до него через Дон рукой подать, только как преодолеть полноводную реку? Люди приуныли. Бойцов некоторых частей охватили настроения упадничества.

Командиры собрались на экстренное совещание: одни предлагали оставить поезда и попытаться пешим порядком, отыскав легкие переправы на Дону в других местах, прорываться к Царицыну. Другие требовали повернуть обратно на Украину. Ворошилов, Руднев, Пархоменко были за восстановление моста, чего бы это ни стоило. Оставлять врагу эшелоны недопустимо.

Решили бутить Дон, то есть возводить от берега на участке взорванного пролета земляную насыпь. Затем установить на ней опоры и настелить на них железнодорожную линию. Местные жители уверяли, что сделать это не получится: у Дона здесь бездонная глубина, быстрина большая: течение «все унесет к Ростову». «Не выйдет у вас с насыпью», — вынесли станичные старики «приговор» решению командования 5-й армии бутить Дон. Но Ворошилов заявил:

— Выйдет!

Клим смачно матюгнулся и уверенно добавил:

— У большевиков все выйдет. Поглядите, не пройдет и месяца, как мы поедем по мосту...

В это время военный руководитель Высшего военного совета Михаил Бонч-Бруевич послал Андрею Снесареву телеграфное предписание № 2393, согласно которому все отряды, находящиеся на территории Российской Республики южнее границы Воронежской губернии, должны подчиняться Северо-Кавказскому военному округу. В нем говорилось:

«1. Все оставшиеся части бывших 3 и 5 армий, части бывшей армии Царицынского фронта и части, сформированные из населения Морозовского и Донецкого округов, объединить в одну группу, командующим которой назначается бывший командующий 5 армией т. Климент Ефремович Ворошилов.

2. Всем названным выше воинским частям впредь именоваться «Группой т. Ворошилова».

3. Все начальники частей, отрядов и армий, перечисленных выше, в § 1, обязуются беспрекословно подчиняться всем приказам т. Ворошилова. Предупреждается, что не-повинующиеся будут предаваться Военно-революционному трибуналу. Кроме того, так как подобным неповиновением они наглядно докажут, что они не понимают или почему-либо не желают выполнять революционную дисциплину, которая требует от каждого подчиненного прежде всего беспрекословного выполнения всех распоряжений назначенного советской властью начальника, то все такие неповинующиеся должны немедленно отрешаться по своему несоответствию от занимаемых ими командных должностей.

4. Командующему группой т. Ворошилову приказываю:

а) действуя в полной связи с командующим Царицынским фронтом т. Крачковским, вывести всю свою группу на левый берег р. Дон, овладеть участком от ст. Калач до железнодорожного моста через Дон, железной дорогой из Царицына на Лихую, перекинуть всю свою артиллерию, обозы и подвижной железнодорожный состав на левый берег Дона;

б) очистить от казаков всю территорию левого берега Дона на участке ст. Калач — железнодорожный мост через Дон, между станциями Ляпичев и Чир;

в) все переправы на указанном выше участке Дона обеспечить авангардами достаточной силы, выдвинув их на правый берег Дона;

г) по выполнении указанного, установить самую устойчивую связь со штабом Севкавказ;

д) как только позволит боевая обстановка, срочно, но последовательно привести все части группы в должный порядок, переформировать все отряды и армии соответственно в роты, батальоны, полки и бригады, согласно новым штатам Красной армии. Взять со всех служащих в группе «Торжественное обещание красноармейца» с подписью каждого о беспрекословном выполнении указанных в нем обязанностей красноармейца;

е) напоминая о необходимости самой интенсивной разведки и по возможности ежедневных оперативных и разведывательных сводок;

ж) по выполнении всей операции вы назначаетесь ответственным начальником всех войск, расположенных на Царицынском фронте, от р. Иловли (включительно) до ст. Гашун (включительно).

5. Командующему Царицынским фронтом А. П. Крачковскому приказываю:

а) поддерживать всемерно самую действительную связь со штабом т. Ворошилова и при его выходе на левый берег Дона оказать ему активное содействие войсками вверенного вам фронта;

б) по окончании операции вы поступите в подчинение т. Ворошилова;

в) о том, как именно установлена связь со штабом Ворошилова, и о степени ее надежности, срочно мне донести»[\[103\]](#).

В первой декаде июня начались земляные работы. Один из участников похода вспоминал, как шесть суток

днем и ночью с лопатами в руках солдаты, мобилизованное население ближних хуторов штурмовали Дон. Дело шло туго. Начали изощряться, всячески приспособливаться, спускать в воду плетни, бороны, сцепления бревен. Работа стала заметно подвигаться. Но противник ни на минуту не выпускал из виду мост, постоянно его обстреливал. От разрывов падающих в реку снарядов рыба белыми брюшками всплывала на поверхность, и тут начиналась массовая ее ловля... «Никакие предостережения не действовали. Рыбой заполнялись котлы кухонь частей. Хуторяне тачками, мешками растаскивали ее по домам».

После двенадцатидневной упорной борьбы Дон начал заметно бутиться. Работающие воспрянули духом. Насыпь вздыбилась сопкой, ее сдвинули как можно дальше в русло реки. Разровняли площадку, фундамент для возведения пролета был готов.

Но это было далеко не все. Надо было срубить и уложить клетки из бревен, скрепить их. Затем очистить от разбитых паровоза и платформ уцелевший второй пролет, выровнять его. В завершение предстояла прокладка железнодорожного пути. Для этого создали целое подсобное производство.

Наконец последняя часть работ закончена. Затаив дыхание все ждали первого движения по мосту.

Как это было? Рассказывает участник восстановления Рычковского моста А. Долин. По его словам, сначала пустили пустой паровоз. Опытный, смелый машинист один сел на паровоз и медленно повел машину. Томительно тянулись минуты. Слабое потрескивание шпал. Небольшая осадка. Еще усилие... Паровоз уже на противоположной стороне Дона. Ура! Победа!.. Вслед за паровозом пустили целый товарный состав, сначала без людей. И тоже порядок. За товарняком двинулся бронепоезд... И, наконец,

пассажирский поезд, часть строителей-бойцов, санитарный пост...

30 июня в штаб Северо-Кавказского военного округа Ворошилов отправил сообщение: «Донской мост исправлен, и передний броневик перешел на левую сторону Дона, откуда открыл огонь по хуторам Самодуровскому и Подтихову. Противник, думая обстрелять мост, начал продвигать свои орудия ближе к хутору Каменскому, но под огнем батареи тов. Кривенко был вынужден убежать, бросив орудия».

В ночь с 1 на 2 июля началось полномасштабное движение эшелонов с войсками группы Ворошилова, с семьями командиров и бойцов, шахтеров и ценными грузами, эвакуированными с Донбасса. Их встречали отряды царицынских рабочих, находившиеся на станции Кривая Музга.

3 июля 1918 года закончился беспримерный переход войск и десятков эшелонов Донецко-Криворожской республики из Луганска в Царицын. В условиях непрекращающихся боев (сначала с немцами, а потом с белоказаками) тысячи людей, включая солдат, рабочих и членов их семей из Донбасса в течение более чем двух месяцев проделали путь в общей сложности примерно в 500 километров. Многие современные историки отмечают, что этот переход если и не предопределил, то в значительной степени повлиял на исход Гражданской войны, особенно на Дону.

Говоря о Гражданской войне в России (1918-1920 годы) вообще и на Дону в частности, хочется заметить, что с высоты нынешнего времени она видится несколько иначе, чем раньше ее отображала советская историография. Речь идет о переоценке событий, происходивших в стране после переворота в октябре 1917 года. Советскому народу внушалось, что красные — это хорошие, а белые — плохие. Красная армия боролась за интересы трудового народа,

белогвардейцы — за интересы капиталистов, помещиков, кулаков. В принципе это, конечно, так. Но ведь красные и белые — граждане одной своей страны, патриоты одной своей родины. Большевики решили разрушить «мир насилия», как поется в «Интернационале», «до основания» и сделать так, чтобы кто был «ничем», стал «всем», а дворяне, зажиточное крестьянство, наоборот, должны стать «ничем». Естественно, последние не могли безропотно согласиться с этим и стали не на жизнь, а на смерть бороться за свое существование. Так чем же они «плохие»? Проявляли зверства против большевиков? И большевики также зверствовали против белых...

В гражданских войнах братьев против братьев, отцов против сыновей, а сыновей против отцов нет правых и неправых, плохих и хороших — есть только реки бессмысленно пролитой крови.

Оборона Царицына

В Царицыне стояла жара. Лето 1918 года было знойным и душным.

Прибыв в Царицын в начале июля со своей донбасской группой, Клим Ворошилов кроме несносной жары столкнулся еще и с административным и военным бардаком. В брошюре «Сталин и Красная армия», вышедшей в свет спустя 21 год с того времени, он охарактеризует тогдашнюю обстановку в Царицыне как невероятный хаос. Хаос не только в советских, профессиональных и партийных организациях, но и большая путаница в органах военного командования.

В Царицыне на тот момент находился И. В. Сталин, назначенный 29 мая Совнаркомом РСФСР ответственным за проведение продовольственной диктатуры на юге России. Он имел мандат

чрезвычайного уполномоченного ВЦИКа по заготовке и вывозу хлеба с Северного Кавказа в промышленные центры Республики.

Сталин приехал в город на Волге через неделю после своего назначения, 6 июня, вместе с женой Надеждой Аллилуевой. Его сопровождал четырехсотенный отряд красногвардейцев, предназначенный для охраны как самого уполномоченного с семьей, так и обслуживающего персонала.

На следующий день Сталин отправил Ленину телеграмму, в которой сообщил о царившей неразберихе во всех сферах хозяйственной жизни города с уверенностью в том, что в кратчайший срок справится с ней. Он делает уже первые шаги — вводит карточную систему и твердые цены в Царицыне. Далее обрисовал плачевное положение железнодорожного и водного транспорта, принимает все меры к накоплению поездов на железнодорожном узле. Порекомендовал ВЦИКу и Совнаркому потребовать от Астраханского и Саратовского советов вновь установить отмененную ими хлебную монополию в целях пресечения спекуляции.

Проходит неделя, Сталин информирует Совнарком, что положение на транспорте улучшилось, начался сбор зерна. Он верит, до конца июня удастся отправить в столицу несколько эшелонов с хлебом. Столкнулся с саботажем, вредительством врагов советской власти. Резко пресекает их. Принял решение о восстановлении смертной казни за подрывную контрреволюционную деятельность по приговору ревтрибунала.

7 июля — очередное сообщение Ленину. Южнее Царицына скопилось много зерна на колесах, но поскольку железнодорожная линия там полностью еще не восстановлена, то в настоящий момент нет возможности отправить его в Москву. Как только

прочистится путь, зерно немедленно пойдет маршрутными поездами.

Сталин ставит перед председателем Совнаркома вопрос о предоставлении специальных полномочий военного характера. Ставит по-восточному хитро: «Дайте кому-либо или мне...» Однако реакции Ленина на этот его «ход» не последовало.

Дело в том, что одновременно с направлением Сталина на юг постановлением Правительства РСФСР был образован Северо-Кавказский военный округ (СКВО) с дислокацией его штаба в Царицыне. Руководителем округа назначили генерала царской армии Андрея Евгеньевича Снесарева, начальником штаба Анатолия Львовича Носовича, бывшего полковника. Снесарев не принадлежал к партии большевиков, но был абсолютно преданным идеалам революции.

Снесарев был уроженцем Старой Калитвы Острогожского уезда Воронежской губернии. Он считал себя русским патриотом южного края России. Вырос в семье священника, учился в церковно-приходской школе, в прогимназии^[104], после — в гимназии в Новочеркасске. Окончил физико-математический факультет Московского университета с отличием (кандидат чистой математики), затем Московское пехотное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в Туркестанском военном округе (старший адъютант штаба, обер-офицер для поручений), занимался изучением и военно-географическим описанием Русского Туркестана, Афганистана, совершил служебные поездки в Индию, Англию.

С 1904 года Снесарев работал в Главном штабе, одновременно преподавал военную географию в

Николаевском кавалерийском, Павловском и Петербургском пехотных училищах. В Первую мировую войну был начальником штаба 2-й Казачьей сводной дивизии. В октябре 1914 года назначается командиром 133-го пехотного Симферопольского полка 34-й пехотной дивизии, за боевые заслуги награждается орденом Святого Георгия 4-й степени. В 1915-м производится в генерал-майоры. В последующем командует пехотными бригадой, дивизией, корпусом, получает второй орден Святого Георгия 3-й степени.

Когда произошла Октябрьская революция, он был в чине генерал-лейтенанта, командующим 2-й армией Западного фронта. Без колебаний перешел на сторону Советов, заявив: «Если большинство народа за новую власть, как я могу быть против своего народа».

И вот этот человек оказался в одной лодке со Сталиным.

Согласно предписанию Совета народных комиссаров два ответственных представителя высшей власти — уполномоченные правительства: продовольственный — Сталин и военный — Снесарев — должны были действовать сообща, в тесном сотрудничестве в решении важнейших для судьбы страны задач.

Снесарев так и поступает. Он делает свое дело — направляет все усилия на укрепление обороны города, формирует боевые части из пролетарских отрядов, организует их обучение. Из группы Ворошилова создает костяк регулярного воинского соединения, из которого позднее развернется 10-я Красная армия.

По-другому ведет себя Сталин. Во-первых, он не желает видеть военрука СКВО в генеральской форме: Снесарев носил мундир Русской армии с погонями генерал-лейтенанта. Во-вторых, требования мандата Снесарева, подписанного Лениным, всем советским организациям и учреждениям оказывать военруку

всяческое содействие сильно задевали честолюбие чрезвычайного уполномоченного ВЦИКа.

Сталин с трудом терпел «двоевластие» в течение месяца, но в конце концов не выдержал и пошел в открытую на военспеца, как называли тогда служивших в РККА бывших офицеров и генералов царской армии. Он берет линию на устранение Снесарева с поста руководителя Северо-Кавказского округа, с тем чтобы заполучить в свои руки управление не только продовольственным, но и военным делом. 10 июля прямо пишет Ленину: «Вопрос продовольственный естественно сплетается с вопросом военным. Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей, свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело»^[105].

Появление в Царицыне Ворошилова Сталин воспринял с искренней радостью. Они встретились, как старые приятели. Их первое знакомство состоялось еще на IV съезде РСДРП в 1906 году. Затем в 1908 году была совместная работа в Баку в партийном комитете Биби-Эйбатского района. И вот теперь, через десять лет, судьба снова свела их вместе.

Сталин пригласил Ворошиловых, Клина и Екатерину Давидовну^[106], в свою резиденцию, представил им Надежду Сергеевну:

— Моя Надюша.

— Надежда Аллилуева, — поправила она мужа.

Сталин отрекомендовал Надежде Сергеевне Клима:

— А это Клим Ворошилов, большевик. Мы с ним единомышленники.

В свою очередь, Ворошилов познакомил Иосифа и Надежду со своей женой.

С тех дней между Надеждой Сергеевной и Екатериной Давидовной завяжется дружба, которую женщины будут поддерживать в течение почти четырнадцати с половиной лет. Эта дружба оборвется неожиданно с трагическим уходом Аллилуевой из жизни [\[107\]](#).

Прибытие в Царицын Ворошилова было на руку Сталину. В складывавшейся опасной военной ситуации в губернии и непосредственно вокруг ее центра ему нужна была надежная опора в лице решительного верного человека с военным авторитетом. Такую опору он нашел в Климе.

Военное положение в Приволжском регионе страны было действительно чрезвычайным. Белогвардейцы бросили на Царицын мощные силы. Они угрожали отрезать его от севера, востока и юга России, иными словами, взять в плотное окружение. Это могло привести к величайшей катастрофе не только здесь, в Приволжье, — во всей России.

До сих пор богатейшие хлебом и продовольствием районы юго-востока страны, а именно Северный Кавказ, Средняя и Нижняя Волга, находились в руках советской власти. Ключом российского юго-востока являлся Царицын, к которому со всех сторон тянулись железные дороги и водные пути. Через него шли грузы с кубанской пшеницей, астраханской рыбой, средневолжской солью, среднеазиатским хлопком, верхневолжским лесом, донецким углем, уральским металлом, бакинской нефтью. И если его «взять в мешок», то будут прекращены поставки в голодающие губернии и промышленные центры — Москву, Петроград, Тулу, Нижний Новгород, Иваново-Вознесенск и другие города — жизненно необходимого народу продовольствия — зерна, мяса, жиров, рыбы, а также

«хлеба» для заводов, фабрик: угля, нефти, металла, хлопка и прочего. А еще тогда ничто не помешает объединению на линии Астрахань — Царицын — Камышин белоказачьих армий юга (Донской, Кубанской, Астраханской и Терской) с казаками востока (уральскими и оренбургскими).

Ленин слал Сталину телеграммы одна тревожнее другой. «В городах хлебный голод, в столице на человека норма — полфунта в день... Шлите хлеб». «Продовольственное положение рабочих тягчайшее. Ждем вагоны с зерном и иной другой провизией». «Посылайте мясо, рыбу, овощи, вообще все продукты, какие только можно и как можно больше»^[108].

Выполнять эти требования председателя Совнаркома становилось все сложнее. Казачьи отряды захватывали вокруг Царицына населенные пункты, чем значительно затрудняли осуществление Сталиным возложенной на него миссии. Он часто выезжал в районы боевых действий для ускорения там сбора зерна и вывоза его в безопасные места с последующей погрузкой в эшелоны в Москву и Петроград. Перед этим отправлял депеши Ленину, предваряя их следующими словами: «Спешу на фронт. Пишу только по делу...»

Начинался первый период обороны Царицына. Историки поделили месяцы защиты Царицына (1918–1919 годы) на пять периодов. Первой обороной Царицына был назван отрезок времени с июля по сентябрь 1918 года, когда развернулась жаркая борьба Красной армии против Донской армии атамана Краснова.

Генерал-лейтенант Петр Николаевич Краснов в конце мая 1918 года был избран атаманом Донского казачества. Сделав ставку на Германию, опираясь на ее

поддержку и не подчиняясь Антону Ивановичу Деникину, ориентировавшемуся на «союзников»^[109], он развернул всеобъемлющее наступление Донской армии против большевиков. Краснов отменил все декреты, ранее принятые Временным правительством и Советами, и создал Всевеликое Войско Донское как самостоятельное государство.

Став атаманом, Краснов активно занялся развитием инфраструктуры и экономики казачьего государства. Его войска вначале составляли примерно 17 тысяч человек; это отдельные полки станиц, куда входили как казаки, так и иногородние крестьяне. Командирами над ними назначались офицеры бывшей Русской императорской армии. Наиболее известными из них стали генералы К. К. Мамонтов, А. П. Фицхелауров, полковники С. В. Денисов, А. К. Гуселыциков.

Краснов направил телеграмму германскому императору Вильгельму II о том, что Всевеликое Войско Донское как субъект международного права не считает себя в состоянии войны с Германией. Он также обратился к Германии за помощью с оружием и предложил установить торговые отношения. Во втором послании Вильгельму Краснов попросил и о том, чтобы в будущем, по мере освобождения от большевиков, Германия признала право на самостоятельность Кубанской, Терской и Астраханской областей, а также Северного Кавказа, и выступила посредником в переговорах с Советской Россией об установлении мирных отношений с Доном.

В июле командование Донской армии, имевшей уже до 45 тысяч штыков и сабель, 610 пулеметов, свыше 150 орудий, намеревалось полностью очистить от большевиков северные районы Донской области и взять

Царицын, чтобы ликвидировать угрозу своему правому флангу и тылу.

Для этих целей Донская армия разделилась на три группы. Две группы наступали на Царицын: одна — полковника Полякова, свыше 10 тысяч человек, наносила удар из района станицы Великокняжеской ^[110] на город Сарепту и южнее, другая — генерала Мамонтова, около 12 тысяч, наступала из района Верхне-Курмоярской на Калач. Третья — генерала Фицхелаурова (23 тысячи) — от Кременской, Усть-Медведицкой, хутора Чаплыженский шла на север, на Поворино, Камышин и Балашов.

Красных войск на Царицынском участке было менее 40 тысяч бойцов при 120 орудиях. Причем они состояли из разрозненных, плохо обученных в боевом отношении отрядов; наиболее боеспособными были части из группы Ворошилова.

Как развивались события первого периода обороны Царицына?

С середины июля красные в Царицыне оказались в смертельной опасности. Белоказаки давили со всех направлений. Царицынский фронт трещал по швам. Крачковский с трудом справлялся с его управлением. Сталин рекомендует Военному совету СКВО заменить Крачковского Ворошиловым. При этом он ссылается на предписание военного руководителя Высшего военного совета Бонч-Бруевича Снесареву, в котором Крачковскому приказывалось с окончанием операции по прибытии в Царицын группы Ворошилова «поступить в подчинение т. Ворошилова».

Снесарев был категорически против. Свое несогласие он доложил Высшему военному совету Республики, обосновав его тем, что Ворошилов в силу низкой военной культуры не способен управлять войсками на обширном театре военных действий. Тем

не менее, несмотря на аргументы военрука округа, Ворошилов принимает командование Царицынским фронтом.

Сталин вошел в непримиримую вражду со Снесаревым. От него ежедневно летели по телеграфу Ленину жалобы, что военрук округа саботирует все разумные инициативы (разумеется, инициативы Сталина), «старается расстроить дело», связывает по рукам и ногам, «не хочет вести войну с контрреволюцией, со своими земляками-казаками». Необходимо убирать Снесарева с должности военрука.

В очередном телеграфном докладе Ленину 16 июля он излагал свою оценку положения дел с железнодорожным сообщением с Северным Кавказом. По линии к Тихорецкой, конкретно на участке Котельниково — хутор Гашун — Зимовники, происходят серьезные заторы. Сталин писал, что в результате двухдневного пребывания там им сделан вывод, что линию можно прочистить в короткий срок, если за броневым поездом двинуть двенадцатитысячную армию, стоявшую у Гашуна без пользы по распоряжению Снесарева. Вместе с комиссаром СКВО Зединым и командующим Царицынским фронтом Ворошиловым он принял решение предпринять некоторые шаги вразрез с приказом Снесарева. Сталин не без гордости сообщал, что это решение уже проводится в жизнь и дорога в скором времени будет очищена, ибо «снаряды и патроны имеются, а войска хотят драться».

В конце вновь настоятельно просил убрать из округа Снесарева.

При существовавшем тяжелом положении с продовольствием в Москве, Петрограде и других рабочих районах страны и огромной зависимости от поставок хлеба, мяса, овощей из Царицына Ленину не оставалось ничего другого, как уступить Сталину.

19 июля создается Военный совет Северо-Кавказского военного округа, председателем утверждается И. В. Сталин, членами А. Е. Снесарев, С. К. Минин. Комиссарами — Карл Зедин и Алексей Селиванов^[111]. Снесарев пока еще не смещен с занимаемого им поста, однако командные функции его сильно урезаются.

Через пять дней Высшим военным советом РСФСР принимается постановление об образовании Военного совета Северного Кавказа. Вот в сокращении содержание первой его части:

«Высший военный совет постановил:

1. Военному совету Северо-Кавказского округа обратиться к непосредственному исполнению его прямых обязанностей, к делам, касающимся окружного комиссариата.

Наркому Подвойскому совместно с наркомом Сталиным, военкомом Мининым поручено организовать Военный совет Северного Кавказа, обнимающего в оперативном отношении районы Донской, Черноморо-Кубанский и Бакинский. В состав Военсовета Северного Кавказа должны входить: нарком Сталин, военком Минин и военный руководитель, который будет назначен дополнительно по представлению наркома Сталина и военкома Минина...

Наркому Подвойскому поручено, если не встретится препятствий со стороны Военного совета Северного Кавказа, назначить состав Военсовета Донского района: военруком Миронова^[112] и военкомом Трифонова^[113]...»^[114]

В это время Зедин и Ворошилов под руководством Сталина развернули операции на Гашунском участке фронта. Однако неподготовленное наступление по двум расходящимся направлениям — к западу и югу от Царицына — закончилось неудачей. Устойчивость

обороны была нарушена, на правом фланге красные войска были отброшены на восток и потеряли железнодорожную линию между Поворином и Логом.

С провалом наступления красных частей под Гашуном совпал вызов военрука СКВО Снесарева в Высший военный совет Республики. Но военрук не успел выехать в Москву, по приказу Сталина он был арестован и посажен в «волжскую посудину» — так царицынцы окрестили плавучую тюрьму, устроенную большевиками на старой речной барже. Арестанты содержались в темных трюмах в ужасных условиях, подвергались изощренным пыткам. Здесь находились не только явные враги советской власти, много томилось военных специалистов, к которым Сталин и его окружение питали неприязнь. Накануне ареста Снесарева в баржу-тюрьму было посажено несколько работников штаба округа из «бывших».

22 июля временным военруком округа назначается начальник мобилизационного управления штаба СКВО Александр Николаевич Ковалевский, в прошлом полковник царской армии. Его вводят в состав Военного совета округа. Ковалевский имел добрые отношения с начальником штаба А. Л. Носовичем, теперь эти отношения еще более укрепились.

Ковалевский знал, что состояние обороны округа никуда не годится. Став ВРИО военрука, воочию убедился в этом. Он выступил на Военном совете с заявлением, что при существующем партизанском принципе управления войсками организовать прочную защиту Царицына, коммуникаций вокруг него от Донской армии Краснова — дело безнадежное. Носович поддержал его выступление. Ковалевского смещают со всех должностей. Проходит неделя, и вслед за ним убирают с поста и начштаба Носовича. Обоих военспецов царицынская ЧК заключает под стражу. В ордере № 252 от 10 августа 1918 года, подписанном

членами Военного совета Сталиным и Мининым, приказывалось «коменданту города т. Якимовичу немедленно арестовать бывшего начальника штаба Северо-Кавказского военного округа Носовича, а также заведовавшего мобилизационным управлением Ковалевского и отправить в Москву в распоряжение Народного комиссариата по военным делам»^[115].

Почти одновременно ЧК арестовывает всех сотрудников артиллерийского управления штаба округа. Сталин принимает решение ликвидировать и сам штаб.

Происходит кардинальная реорганизация Северо-Кавказского округа. Членом Военного совета СКВО становится Ворошилов. К руководству ключевыми управлениями округа приходят командиры войск, пробившихся в Царицын из Донецкой республики, — сподвижники Клима Ворошилова: Руднев, Пархоменко, Моисей Рухимович, Борис Магидов.

Москва получает сигнал о беспрецедентных преследованиях спецов в Царицыне и направляет туда инспекционную комиссию Высшего военного совета во главе с членом ВЦИКа Алексеем Ивановичем Окуловым. Комиссия Окулова освободила из-под ареста Снесарева. Днем позже пришло распоряжение председателя РВС Республики Троцкого об освобождении Ковалевского, Носовича и всех работников артуправления штаба округа.

Конфликт Военного совета Северного Кавказа с руководством СКВО был погашен. Окулов оставил Сталина и Ворошилова в Царицыне, а Снесарева отправил в Москву, хотя формально, на бумаге, некоторое время он еще будет оставаться военным руководителем округа. С 23 сентября его назначают начальником Западного района обороны, созданного между Северным и Южным фронтами, затем

командующим Западной 16-й, с марта 1919-го Белорусско-Литовской армией.

Сталин много лет потом предвзято отслеживал, как складывалась военная судьба его недруга. Снесарев не за страх, а за совесть служил советской власти. Он был начальником Академии Генштаба РККА, ректором Центрального института живых восточных языков, Московского института востоковедения, являлся профессором Военно-воздушной и Военно-политической академий. В 1928 году ему, первому из советских военачальников, присвоено звание «Герой Труда».

И все же в январе 1930-го его, как врага народа, арестовали. Он был обвинен в участии в контрреволюционной монархической офицерской организации. А в царицынский период службы якобы являлся главарем белогвардейского подполья. Снесарева приговорили к высшей мере наказания, но вдруг поступило указание «высокой инстанции» заменить расстрел на десять лет исправительно-трудовых лагерей. В 1989 году на этот счет открылся небезынтересный факт. В Лондоне на аукционе фирмы «Сотбис» была продана небольшая записка Сталина, адресованная Ворошилову. Вот ее текст:

«Клим!

Думаю, что можно было бы заменить Снесареву высшую меру десятью годами.

И. Сталин».

Этот текст, как потом разузнали историки, Сталин написал на узком блокнотном листке в театре, где он и Ворошилов присутствовали на спектакле...

Снесарев отбывал «милостивые» годы, дарованные ему Хозяином^[116], сначала в селе Важины (СвирьЛАГ), затем в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН) и в поселке Вегеракша близ города Кемь. Из-за тяжелой

болезни был досрочно освобожден в 1934 году. Умер в 1937-м. Реабилитирован посмертно в 1958 году.

Иначе сложились судьбы Носовича и Ковалевского.

Носович после ареста и освобождения в августе 1918-го некоторое время находился в резерве, затем состоял советником командующего Южным фронтом Павла Сытина. 11 ноября он, прихватив секретные документы, перешел на сторону белых на участке 8-й Красной армии. Троцкий потом утверждал, что Ворошилов и Сталин выдвинули против Носовича обвинения в измене, которые не подтвердились. Троцкий пытался оправдать побег к Деникину бывшего начштаба СКВО опасением за свою жизнь.

Ковалевского Высший военный совет Республики убрал из Царицына и назначил начальником оперативно-разведывательного отдела штаба Южного фронта, располагавшегося в городе Козлове^[117]. На этой должности он проработал до 10 ноября. В тот день Носович перебежал к белогвардейцам; Ковалевского, как сообщника предателя, тотчас арестовали. Почти месяц Особый отдел по борьбе с контрреволюцией и шпионажем на Южном фронте вел следствие по его делу. В начале декабря было вынесено решение: применить по отношению к нему смертную казнь. Его расстреляли в Козлове в подвале здания штаба Южфронта.

В период с начала августа до середины сентября 1919 года оборона Царицына вошла в самую трудную для Красной армии фазу. Хронология этих событий такова:

5—10 августа. Красные войска на Усть-Медведицком участке (начальник участка Филипп Кузьмич Миронов), на Царицынском (начальник — А. И. Харченко), на

Сальском (начальник — Григорий Кириллович Шевкоплясов) под ударами белоказаков отступают. Оперативная группа генерала Фицхелаурова, наступавшая на северном направлении, отбросив советские части на 150 километров, вышла к Волге на протяжении от Царицына до Камышина, прервав сообщение царицынской группировки с Москвой. Группа генерала Мамонтова, наступавшая в центре, прорвала фронт и отбросила красных от Дона к Царицыну, захватив Калач.

13 августа. Сталин подписал приказ Военного совета, объявляющий Царицын и губернию на осадном положении.

14 августа. Сталиным подписан приказ Военного совета о мобилизации в Царицыне буржуазии для рытья окопов.

18-19 августа. Группа полковника Полякова, наступавшая на город с юга вдоль железной дороги Тихорецк — Царицын из района Великокняжеская — Куберле, должна была обеспечивать правый фланг и тыл войск Мамонтова, но увязла в локальных боях и к Царицыну не вышла. Это позволило красным подтянуть резервы.

23 августа. Сталин и Ворошилов подписали оперативный приказ о развертывании наступления на Царицынском фронте.

24 августа. Части Красной армии нанесли удар во фланг и тыл группе Мамонтова. Мамонтов вынужден начать отступление.

6 сентября. Группа Мамонтова отошла на исходные позиции за Дон. Штурм белоказаками Царицына не удался. Это был первый, пока небольшой, но все-таки шаг вперед красных войск. Однако положение царицынской группировки оставалось по-прежнему неустойчивым. Руководство оборонительными действиями со стороны Сталина и Ворошилова было

неэффективным, если не сказать бездарным. Успех достигался не умением, а числом. Плата за него — тысячи, десятки тысяч людских потерь убитыми, ранеными и пленными. Сталин посылает в Совнарком телеграмму об успешном наступлении советских войск в районе Царицына. Председатель РВС Троцкий так не считает. По его сведениям, «дела на Царицынском участке идут из рук вон плохо, несмотря на превосходство в силах». Он требует от Ленина немедленного отзыва Сталина из Царицына.

8 сентября. Сталин телеграфирует Ленину о ликвидации в Царицыне организованного эсерами контрреволюционного восстания полка «Грузолес».

10 сентября. Сталин на митинге в Царицыне от имени Совнаркома и Военного совета Северо-Кавказского округа приветствует отличившиеся в боях царицынские полки.

12 сентября. Сталин выезжает в Москву для доклада Ленину по вопросам, связанным с положением на Южном фронте...

Первый период обороны Царицына закончился.

Противостояние с Троцким, Сытиным, Окуловым и другими

Второй период обороны Царицына начался с очередного наступления Донской армии Краснова.

Царицын защищала 10-я армия, находившаяся в стадии формирования. Она создавалась, согласно директиве РВСР от 11 сентября, из войск, действовавших в районе Царицына и Камышина.

Сталин развернул новую борьбу за свои военные полномочия. Ему активно помогал Ворошилов.

Во время нахождения Сталина в Москве по вызову Ленина Революционный военный совет Республики (РВСР) 17 сентября принял решение о создании Южного фронта с дислокацией его штаба в Козлове. Военным руководителем фронта был назначен Павел Павлович Сытин, бывший генерал-майор царской армии. До этого он возглавлял южный участок завесы [\[118\]](#).

Сталин, узнав об образовании нового фронта, быстро сочинил приветственную телеграмму царицынским войскам и поставил под ней две подписи: «Председатель СНК В. Ульянов-Ленин. Народный комиссар и председатель Военно-революционного совета Южного фронта И. Сталин». И позаботился о том, чтобы уже 21 сентября телеграмма была опубликована в газете «Известия».

В Царицыне по возвращении из Москвы он, Минин и Ворошилов 23 сентября издают приказ по войскам фронта, где объявляется, что Военный совет Северо-Кавказского округа переименован в Реввоенсовет Южного фронта и что его председателем назначен И. В. Сталин, членами — С. К. Минин, К. Е. Ворошилов.

29 сентября по указанию Троцкого в Царицын приехал Сытин и с ним член Реввоенсовета Республики Константин Александрович Мехоношин. Сытин предъявил выписку из решения РВСР, в которой значилось, что «командующему фронтом предоставляется полная власть в ведении операций» и что «в оперативные распоряжения командующего никто не должен вмешиваться» [\[119\]](#).

Как отреагировали Сталин, Минин и Ворошилов на приезд Сытина и Мехоношина? Конечно же, отрицательно. Ведь посланцы председателя Реввоенсовета приехали лишить их безраздельного военного господства на юге России. Сталин и его сподвижники не признали единоличной власти

военрука Сытина, они потребовали, чтобы руководство военными операциями осуществлялось всем Реввоенсоветом как коллегиальным органом. Не соглашались они и на размещение штаба Южфронта в Козлове, настаивали на Царицыне.

Мехоношин доложил в Москву, что с царицынскими товарищами договориться о совместной согласованной работе не получилось. Дополнительно в телеграмме Троцкому он писал: «Сталин, Минин и Ворошилов выдвигают как наиболее целесообразную в настоящий момент коллегиальную форму управления фронтом и коллегиальное решение всех оперативных вопросов. Мои и командующего фронтом Сытина разъяснения, что, не касаясь даже по существу вопроса, надлежит исполнить приказ Реввоенсовета Республики, не привели к желательным результатам. Мною было предложено впредь до разъяснения немедленно приступить к работе согласно приказу. Одновременно с этим, не прекращая работу, представить доклад в Реввоенсовет Республики, а в случае разногласия с ним — в Совнаркоме. Мое предложение также было отвергнуто»^[120].

1 октября Сталин отстраняет Сытина от должности военрука и назначает командующим Южфронтом Ворошилова. Когда Ленин узнал об очередном вопиющем самоуправстве самозванного председателя реввоенсовета Южного фронта, он пришел в ярость. На этот раз он не стал уступать Сталину, как однажды уступил ему при конфликте со Снесаревым. Он поручил главе Реввоенсовета Троцкому и секретарю ЦК Свердлову разобраться со «своевольной и самонадеянной партизанщиной».

2 октября РВСР обязал Сталина безоговорочно выполнить установки центра, Мехоношину — немедленно войти в Реввоенсовет фронта и обеспечить

единство командования. Свердлов отправляет в Царицын телеграмму:

«Сегодня состоялось заседание бюро Цека, затем всего Цека. Среди других вопросов обсуждался вопрос о подчинении всех партийных товарищей решениям, исходящим [из]^[121] центров. Не приходится доказывать необходимость безусловного подчинения. Положение Реввоенсовета Республики было принято ВЦИК... Все решения Реввоенсовета обязательны [для] Военсоветов фронтов. Без подчинения нет единой армии. Не приостанавливая исполнение решения, можно обжаловать его [в] высший орган — Совнарком или ВЦИК, [в] крайнем случае Цека. Убедительно предлагаем провести [в] жизнь решения Реввоенсовета. [В] случае [если] считаете их вредными, неправильными, предлагаем приехать сюда, обсудить совместно, принять надлежащее решение. Никаких конфликтов не должно быть. Передаю поручение Цека... Немедленно отвечайте решение [по] вопросу о подчинении»^[122].

На следующий день, 3 октября, в Москву из Царицына полетела оригинальная телеграмма, адресованная «Председательствующему ЦК партии коммунистов Ленину». Вот ее содержание:

«Мы получили телеграфный приказ Троцкого, копию которого и ответ на который Вы, должно быть, уже получили. Мы считаем, что приказ этот, писанный человеком, не имеющим никакого представления о Южном фронте, грозит отдать все дела фронта и революции на юге в руки генерала Сытина, человека не только ненужного на фронте, но и не заслуживающего доверия и потому вредного. Губить фронт ради одного ненадежного генерала мы, конечно, не согласны. Троцкий может прикрываться фразой о дисциплине, но всякий поймет, что Троцкий не Военный Революционный

совет Республики, а приказ Троцкого не приказ Реввоенсовета Республики. Приказы только в том случае имеют какой-либо смысл, если они опираются на учет сил и знакомство с делом. Отдать фронт в руки не заслуживающего доверия человека, как это делает Троцкий, значит попортить элементарное представление о пролетарской дисциплине в интересах революции, фронта. Ввиду этого мы, как члены партии, заявляем категорически, что выполнение приказов Троцкого считаем преступным, а угрозы Троцкого недостойными. Необходимо обсудить в ЦК партии вопрос о поведении Троцкого, третирующего виднейших членов партии в угоду предателям из военных специалистов и в ущерб интересам фронта и революции. Поставить вопрос о недопустимости издания Троцким единоличных приказов, совершенно не считающихся с условиями места и времени и грозящих фронту развалом. Пересмотреть вопрос о военных специалистах из лагеря беспартийных контрреволюционеров. Все эти вопросы мы предлагаем ЦК партии обсудить на первоочередном заседании, на которое в случае особенной надобности мы вышлем своего представителя.

Член ЦК партии *Сталин*.

Член партии *Ворошилов*»[\[123\]](#).

Ленин «члену ЦК партии Сталину» и «члену партии Ворошилову» не ответил. Об их телеграмме он уведомил Троцкого, находившегося на тот момент под Тамбовом. Троцкий тут же отреагировал:

«Москва, Председателю ЦИК, копия Москва, Предсовнаркома Ленину. Из Тамбова.

Категорически настаиваю на отзывании Сталина. На Царицынском фронте неблагополучно, несмотря на избыток сил. Ворошилов может командовать полком, но не армией в 50 тысяч солдат. Тем не менее я оставляю его командующим десятой Царицынской армией на

условии подчинения Сытину. До сего дня царицынцы не посылают в Козлов даже оперативных донесений. Я обязал их дважды в день представлять оперативные и разведывательные сводки. Если завтра это не будет выполнено, я отдам под суд Ворошилова и Минина и объявлю об этом в приказе по армии... Без координации действий с Царицыном серьезные действия невозможны. Для дипломатических переговоров времени нет. Царицын должен либо подчиниться, либо убраться. У нас колоссальное превосходство сил, но полная анархия на верхах. С этим можно совладать в 24 часа при условии вашей твердой и решительной поддержки. Во всяком случае, это единственный путь, который я вижу для себя.

4 октября 1918, № 552,

Л. Троцкий»^[124].

Сталин был вызван в Москву 5-го числа, где задержался на два дня для бесед в Совнарком и ВЦИКе. 8 октября он назначается членом РВСР («сладкая пилюля», о которой он давно мечтал) и сразу после этого выезжает со Свердловым в Козлов. Свердлов вез в штаб Южфронта решение об образовании нового Реввоенсовета в составе командующего фронтом П. П. Сытина и членов Совета К. А. Мехоношина, Б. В. Леграна; старый — со Сталиным и двумя его сподвижниками ликвидировался...

Части, сражавшиеся против белоказаков в районе Царицына, 3 октября были приказом РВС Южного фронта официально объединены в 10-ю Красную армию. Ее возглавили освобожденные от членства в Реввоенсовете Южного фронта Ворошилов (командующий армией) и Минин (член РВС армии). Начальником штаба был назначен Соколов.

В состав 10-й армии входили девять стрелковых дивизий: 1-я Коммунистическая, 1-я Котельниковская, 1-я Северо-Кубанская сводная, 1-я Камышинская, 1-я Стальная, Котлубано-Бузиновская, 37, 38, 39-я стрелковые дивизии. Дивизии были малочисленные, бойцы в большинстве своем слабо обученные в боевом отношении. В последние дни в армию влились небольшие отдельные полки, сформированные из мобилизованных местных крестьян.

Кавалерии как отдельного боевого соединения в армии не имелось. Она появится лишь в ноябре: 1-ю Донскую кавбригаду Бориса Мокеевича Думенко реорганизуют в Сводную кавалерийскую дивизию. Ее создание положит начало появлению в Красной армии стратегической конницы.

На штурм Царицына белые бросили 38 тысяч человек, в основном кавалеристов, 138 пулеметов, 129 орудий, 8 бронепоездов. 10-я армия Ворошилова насчитывала более 40 тысяч, имела 200 пулеметов, 152 орудия, 13 бронепоездов. Тем не менее отряды казачьей Белой гвардии взяли верх над ней, оттеснив ее части от Дона к царицынским пригородам. Донская армия вышла к Волге севернее и южнее города, плотно обхватила его клещами своей конницы.

В первой половине октября красные дивизии отчаянно дрались с казаками, не давая им захватить ближние подступы к Царицыну. На одном из участков обороны в районе Сарепты и Бекетовки красноармейцы не удержали занимаемый рубеж и начали отступать. Казаки разорвали их цепи и устремились в незащищенное окно. Тогда начальник отдела формирования и обучения войск армии Руднев собрал группу бойцов из резервной бригады и, увлекая их собственным примером, решительно повел на врага. Прорыв был ликвидирован, но Руднев в неравном бою получил смертельное ранение.

Долго удерживать свои позиции красные части не смогли, они были выбиты из Сарепты, Бекетовки, Отрады. Здесь не обошлось без «ножа в спину» — два крестьянских полка перешли на сторону белых. В линии обороны образовалась опасная брешь...

Командование Донской армии назначило решающий удар на Царицын на 17 октября. Судьба города, казалось, была решена. Но неожиданно пришло спасение с Северного Кавказа. Под Царицын прибыла Стальная дивизия Дмитрия Петровича Жлобы. Она ударила по штурмовым частям Краснова с тыла. В стане белых началась паника. Воспользовавшись этим, в контратаку перешла пехота Ворошилова.

Артиллерия 10-й армии из тринадцати десятков орудий открыла по казакам массированный огонь, заговорили тяжелые, крупного калибра пушки бронепоездов. Вокруг Царицына грохотала вся степь. Звуки выстрелов и разрывы снарядов слились в сплошной непрерывный гул. На белогвардейцев обрушилась лавина сплошного огня. Понесся большие потери, казаки повернули назад.

Белые части в беспорядке откатывались на юг и на запад. Кольцо осады Царицына распалось. Донская армия отступала за Дон.

Сталин 19 октября восторженно телеграфировал Ленину о разгроме красновских войск. В ответ получил указание отбыть из Царицына в Москву.

Сталин еще не знал, что на этот раз уедет он из Царицына, ставшего для него настоящей «вотчиной», уже навсегда.

В Москве у него состоялось несколько бесед с Лениным. После них председатель Совнаркома 23 октября послал Троцкому телеграмму. В ней он сообщал, что Сталин убедил Ворошилова и Минина, которых считает очень ценными и незаменимыми работниками, не уходить и оказать полное подчинение

приказам Центра... Сталин очень хотел бы работать на Южном фронте; выражает большое опасение, что люди, мало знающие этот фронт, наделают ошибок, примеры чему он приводит многочисленные. Сталин надеется, что ему на работе удастся убедить в правильности его взгляда, и не ставит ультиматума об удалении Сытина и Мехоношина, соглашаясь работать вместе с ними в Ревсовете Южного фронта, выражая также желание быть членом Высвоенсовета Республики.

Далее Ленин писал в телеграмме:

«Сообщая вам, Лев Давыдович, обо всех этих заявлениях Сталина, я прошу Вас обдумать их и ответить: во-первых, согласны ли Вы объяснить лично со Сталиным, для чего он согласен лично приехать, а во-вторых, считаете ли Вы возможным, на известных конкретных условиях, устранить прежние трения и наладить совместную работу, чего так желает Сталин. Что же меня касается, то я полагаю, что необходимо приложить все усилия для налаживания совместной работы со Сталиным»^[125].

Сталин приезжает к Троцкому, посещает его поезд и говорит с ним «со смиренным видом», как позднее описывал Троцкий их встречу. Сталин просил председателя РВСР не поступать слишком сурово с «царицынскими мальчиками». Троцкий ответил жестко: «Эти распрекрасные мальчики погубят революцию, которая не может ждать, пока они подрастут». Сталин молча проглотил этот ответ.

Он тогда готов был вытерпеть все, так как предчувствовал: впереди открываются перспективы занять высокую военную должность. Ради этого сносил любые унижения. В первую годовщину Октябрьской революции даже написал хвалебную статью в «Правду» о своем ненавистном противнике Троцком, искусно превознося до небес его заслуги^[126].

Когда Сталин станет великим вождем народов СССР, в его «Сочинениях» льстивая статья в «Правде» за 6 ноября 1918 года появится несколько в иной редакции. В ней не только исчезнут октябрьские заслуги Троцкого, но даже имя его.

Оставшись без Сталина, Ворошилов почувствовал себя не очень уютно. Больших успехов на Царицынском фронте не наблюдалось. 10-я армия продолжала наступление на белоказаков, но действовала вяло. Троцкий «приставил» к соратникам Сталина своих соглядатаев. В конце октября членами РВС армии были назначены Валерий Межлаук и Алексей Окулов, немного погодя — Ефим Щаденко и Борис Легран.

В ноябре в Москву отозвали Минина, он стал членом коллегии НКВД.

Начальник штаба Соколов был заменен на Сергея Мацилецкого.

Окулов изначально направлялся на Южный фронт в качестве «особоуполномоченного». Затем постановлением РВСР был назначен членом Реввоенсовета Южного фронта и сразу же членом РВС 10-й армии, сохраняя при этом статус члена Реввоенсовета фронта, как потом говорил Троцкий, чтобы быть «мощным противовесом Ворошилову».

Ворошилов редко бывал в своей скромной квартире, которую они с Екатериной Давидовной занимали в каменном трехэтажном особняке, ранее принадлежавшем известному в Царицыне горчичному фабриканту Галичу; после Октябрьской революции он сбежал за границу. Нижние два этажа дома занимали Реввоенсовет 10-й армии, различные управления. На верхнем жили семьи командиров, в том числе и Сталин с женой: они перебрались сюда из штабного вагона.

Клим постоянно пропадал либо в войсках, либо в Реввоенсовете, в квартире обычно появлялся ночью.

Все, кто с ним вращался, видели его всегда в одной и той же форме: в кожаных брюках, заправленных в сапоги, в кожаной куртке, перерезанной ремнями портупеи, маузера и шашки, в приплюснутой папахе и в холодное время — в черной бурке. Складывалось впечатление, что он никогда не снимал с себя форму. Но все-таки, попадая домой, сразу же все с себя сбрасывал и обессиленно падал на обшарпанный диван. Между прочим, Р. Гуль в книге «Красные маршалы» (очерк — «Ворошилов») с издевкой называл этот диван шикарнейшей кроватью, на которой нежилась красавица-жена командарма.

Однажды в вечерний час Екатерина Давидовна завела разговор с мужем на неожиданную тему:

— Сегодня к нам в распределительный поступили новенькие детки. Один мальчик, Петей зовут, такой прелестный. Представляешь, такой кудрявый!..

Клим сразу понял: мальчик запал жене в душу. Она очень хотела иметь детей, хотя точно знала, что своих у нее не будет, но предложить мужу взять приемных как-то не решалась.

На следующий день Ворошилов поехал вместе с Екатериной Давидовной в распределительный детский приемник. Увидев Петю — шустрого мальчугана четырех-пяти лет, он сразу же, без раздумий принял решение усыновить его. Глаза Кати засияли счастьем...

Спустя много лет Петр Климентьевич Ворошилов вспоминал: «Я стал сыном папы Клим и мамы Кати в 1918 году. Было мне тогда четыре года... Мама очень хорошо за мной, маленьким, ухаживала. Шила все по женским выкройкам, которые сохранились у нее с тех пор, как она была белошвейкой. Вообще все для меня она делала сама. Только когда мы жили в Ростове, появилась гувернантка Лидия Ивановна, которая говорила по-немецки и учила меня языку».

Отношения Ворошилова с Окуловым с каждым днем накалялись. Ворошилов обращался за помощью к Сталину. Он жаловался, что больше не в состоянии усваивать той науки, которой теперь его пичкают. Он «решительно и бесповоротно, в полном осознании всех последствий, заявляет: больше работать при условии недоверия к нему центра не может». С Окуловым не будет работать, уйдет. Если Межлаука отзовут, уйдет немедленно, хотя бы его расстреляли... [\[127\]](#)

Сталин ничем помочь ему не мог. Межлаука Москва отозвала из Царицына.

В начале декабря распри в Царицыне дошли до предела. И 12-го произошел «взрыв». Ленину и Свердлову телеграф принес из Царицына протест:

«Десятая армия истекает кровью, тая от ежедневных боев с наседающими красновскими бандами, стремящимися во что бы то ни стало взять Царицын. Чувствуя колоссальную ответственность перед мировой революцией, мы не считаем положение безнадежным, мы напрягаем все наше умение и все наши силы и вкладываем весь наш революционный и боевой опыт, чтобы сплоченной стальной коммунистической стеной отразить и разбить врага; к сожалению, в этот ответственный и опасный в боевом отношении момент наша внутренняя спайка, наша дружная самоотверженная работа товарищей, закинутых сюда из разных углов Российской Республики, но тесно связанных между собой великими задачами и социалистической революцией и боевым соработничеством в классовой войне, разрушается нетактичностью, кичливой грубостью, полным непониманием практических задач, выполняемых армией, присланного сюда в члены Реввоенсовета армии т. Окулова. Мы пренебрегаем теми плевками, теми щелчками по самолюбию, которыми он

награждает нас, служащих делу революции и только этому делу; мы похоронили наше самолюбие, мы примирились с его диктаторским тоном, с его политикой натравливания политических комиссаров в армии на наш пролетарский командный состав; сама жизнь сглаживает выходки этого нетактичного товарища, мы примирились с тем, что по его настоянию был убран из Царицына член Реввоенсовета армии Валерий Межлаук, убежденный, умный и интеллигентный партийный товарищ; мы примирились с системой грубого политического надзора, который установлен здесь Окуловым над нами, товарищами, не год и не два работающими в партии, но теперь даже в области политической работы в армии он затевает благодаря своему болезненному честолюбию конфликты с такими товарищами и в таком деле, где, казалось бы, не могло быть да и нет ни тени разногласия. По настоянию Окулова Реввоенсоветом Южфронта устраняется заведующий политотделом армии популярнейший здесь товарищ Магидов, разрушается и дезорганизуется самый основной и важнейший аппарат классовой армии. Исчерпав все меры товарищеского воздействия, мы считаем печальной необходимостью сознаться, что наша дальнейшая совместная работа с товарищем Окуловым невозможна, если его воля дезорганизатора будет по-прежнему превалировать здесь благодаря поддержке товарища Троцкого. Если товарищ Окулов не будет немедленно отозван отсюда, мы, нижеподписавшиеся, слагаем с себя всякую ответственность за гибель порученного нам дела и просим освободить нас от наших обязанностей.

Командующий 10 армией *Ворошилов*.

Начальник штаба 10 армии *Мацилецкий*.

Особоуполномоченный Военревсовета *Щаденко*.

Помощник начальника штаба 10 армии Дубовый^[128].

Для поручений при командарме *Пархоменко*.

Инспектор артиллерии 10 армии *Дышловой*.

Комиссар снабжения *Крицкий*.

Помощник] нач[альника] снабжения] 10 армии
Тучошвили.

Заведующий] отделом артиллерийского снабжения
10 армии *Головошкин*.

Управляющий делами Реввоенсовета 10 армии
Гришковский.

Начальник полевого управления *Казанов*.

Нач [альник] дежурств *Круссель*^[129].

Нач[альник] контрразведки *Иванов*»^[130].

Ленин распорядился секретарям переслать копию телеграммы-протеста Троцкому с припиской: «Ввиду крайне обострившихся отношений Ворошилова и Окулова считаем необходимым замену Окулова другим».

Из Курска 14 декабря Ленину пришел ответ Троцкого:

«Вопрос об отзывании Окулова не может быть решен изолированно. Окулов оставался как противовес Ворошилову, как гарантия выполнения боевых приказов. Оставлять дальше Ворошилова после того, как все попытки компромисса сведены им на нет, невозможно. Нужно выслать в Царицын новый Реввоенсовет с новым командармом, отпустив Ворошилова на Украину^[131].

Предреввоенсовета *Троцкий*»^[132].

От должности командующего 10-й армией Ворошилов был освобожден 18 декабря 1918 года. Вместо него армию возглавил Николай Акимович Худяков, бывший до этого начальником 1-й Коммунистической стрелковой дивизии. Но уже через неделю его сменил Александр Ильич Егоров,

прибывший из Балашова; он командовал 9-й армией, которая вела бои с белоказаками Краснова в районах Поворина, Елани. Худяков стал его помощником.

Начальник штаба 10-й армии С. К. Мацилецкий 17 декабря сдал свою должность Н. Я. Казанову. 26 декабря ушел с поста члена реввоенсовета армии и А. И. Окулов, с повышением в Реввоенсовет Республики.

СНОВА НА УКРАИНЕ

Нарком внутренних дел УССР

В Белгороде в конце декабря 1918 года хозяйничала настоящая зима. Снег. Мороз. Студеный северный ветер.

Клим Ворошилов приехал в Белгород под Новый год. Здесь в то время располагалось Временное рабоче-крестьянское правительство Украины.

Развал Четверного союза^[133] Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции начался в конце сентября в результате разразившихся в этих странах социально-политических потрясений. Сначала капитулировали войска Болгарии, через месяц — турецкая армия. В октябре в Австро-Венгрии была свергнута монархия и ее вооруженные силы сложили оружие. В ноябре произошла буржуазно-демократическая революция в Германии, новое правительство подписало акт о перемирии.

13 ноября правительство Советской России отменило Брестский мирный договор и стало открыто помогать революционным силам Украины в освобождении от интервентов и внутренней контрреволюции. В постановлении ВЦИКа об аннулировании Брестского договора содержалось приветствие трудящимся оккупированных областей страны, указывалось, что РСФСР призывает их к братскому союзу с рабочими и крестьянами России и обещает им полную поддержку в борьбе за установление на их землях социалистической власти рабочих и крестьян.

Совнарком РСФСР дал директиву Реввоенсовету Республики о подготовке в десятидневный срок наступления Красной армии против германо-австрийских и украинских национальных войск и группировок. В помощь большевикам Украины ЦК РКП(б) направил партийных, советских и военных работников.

На территории Украины развернулась широкая освободительная борьба. В Екатеринославе началась всеобщая забастовка. Массовые восстания охватили значительную часть губернии. В губернском центре был создан Временный рабочий комитет, состоялись выборы в Совет рабочих депутатов. Рабочие разогнали гетманскую администрацию, восстановили советскую власть. В Харькове на совместном заседании губкома и губревкома с представителями ЦК КП(б)У было принято постановление о немедленном захвате власти в Харьковском районе. Был избран Совет рабочих и солдатских депутатов, где большевики получили большинство мест. В конце ноября повстанческие силы овладели Полтавой, мощное движение за свободу разворачивалось на Правобережной Украине (Волынь, Подол), на юге Украины (Поднестриевье, Херсонщина).

Но не дремали и националисты: на большей части Украины власть оказалась в руках директории ^[134] Украинской Народной Республики (УНР). Ринулись в захватнический поход на Украину страны Антанты; они высадили свои войска на юге — в Одессе, Севастополе и других городах Причерноморья. Интервенты ставили цель: укрепить внутреннюю контрреволюцию, не допустить восстановления на Украинской земле власти Советов.

28 ноября 1918 года в Курске группой членов Центрального исполнительного комитета Советов Украины было провозглашено Временное рабоче-крестьянское правительство, сформированное на базе

Всеукраинского центрального военно-революционного комитета. Это правительство обнародовало манифест, в котором сообщалось о низложении власти гетмана Скоропадского. Манифест объявлял законы, приказы, договоры, постановления, распоряжения гетмана и Центральной рады УНР незаконными и не подлежащими исполнению. Манифест подписали Георгий Пятаков — председатель правительства, члены правительства Федор Сергеев (Артем), Эммануил Квиринг, Владимир Затонский, Юрий Коцюбинский. 30 ноября декретом Временного правительства была создана Украинская советская армия, главнокомандующим назначался В. А. Антонов-Овсеенко. В нее вошли 1-я и 2-я Повстанческие дивизии, отдельные отряды рабочих, а также части погранохраны Брянского, Львовского, Курского и Острогожского районов. Армия насчитывала до 14 тысяч штыков и около 1500 сабель. И еще шесть тысяч слабо обученных, плохо вооруженных бойцов.

В декабре части этой армии развернули наступление против немецких войск, с неохотой покидавших оккупированные территории. Были заняты Клинцы, Новозыбков, Новгород-Северский, Глухов, Шостка, Волчанск, Курск и другие населенные пункты.

21 декабря армия освободила Белгород (он находился в составе Украины с мая 1918 года) и двинулась на Харьков. Через два дня в Белгород из Курска переехало временное рабоче-крестьянское украинское правительство.

Ворошилов по прибытии в Белгород поселился в здании гостиницы Яковлевой на Старо-Московской улице. В том же здании размещалось и Временное правительство. У Клима состоялась теплая встреча с Артемом, возглавлявшим военный отдел правительства. Он познакомил Ворошилова с Пятаковым. В беседе с

председателем правительства обсуждали вопрос о возможном назначении Клим на должность главнокомандующего военными силами Украины. Решили рассмотреть этот вопрос на ЦК КП(б)У.

4 января постановлением Революционного военного совета Республики был официально образован Украинский фронт. Основой ему служила находившаяся в стадии формирования в Орле Резервная армия, временным командующим которой был Василий Павлович Глаголев. Во главе фронта РВСР настаивал поставить Антонова-Овсеенко, Глаголева переместить на должность начальника штаба.

В Москве этому предложению противился Сталин, а на Украине — Пятаков. Они не хотели видеть во главе фронта Антонова-Овсеенко, их устроила бы кандидатура Моисея Львовича Рухимовича, который был военным комиссаром Центрального управления по формированию Красной армии. Или Ворошилова. Председатель Временного правительства даже пытался предвосхитить принятие решения РВСР, он дал указание газетам опубликовать постановление о назначении Рухимовича главкомом, а Ворошилова — членом Военного совета Украинского фронта.

16 января произошли серьезные изменения в руководящей элите Советской Украины. На заседании правительства Пятаков был смещен с занимаемого им поста и заменен Артемом (Сергеевым).

За три дня до образования Украинского фронта, 1 января в Харькове вспыхнуло большевистское восстание. В поддержку восставшим были посланы части советских 9,12 и 22-й стрелковых дивизий (они составят костяк будущего Украинского фронта). 3 января эти части вступили в город. Вслед за ними из Белгорода прибыло Временное правительство и сразу же объявило Харьков украинской столицей.

Прошло два дня, и между Харьковом и Москвой завязалась перепалка по поводу кандидатуры на пост главнокомандующего фронтом. Спустя годы в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) будет обнаружен конверт с надписью на нем неизвестного: «Переговоры т. Ленина с т. Артемом».

Приведем содержание находившегося в том конверте телеграфного бланка с записью переговоров члена Реввоенсовета Украинского фронта и Временного рабоче-крестьянского правительства Украины Ф. А. Сергеева (Артема) с председателем Совета народных комиссаров РСФСР В. И. Лениным.

«6 января 1919 г.

Текст Ф. А. Сергеева:

Тов. Ленину.

Не натягивайте чересчур струны, попытка Льва Борисовича^[135] навязать нам Антонова во что бы то ни стало, вызовет конфликт, какого еще не бывало; против Антонова Украинский ЦЕКА, правительство, партия, массы, командный состав, а также Вы и главком^[136], но Лев Борисович уперся; выход один — Антонова убрать, если Вы не уберете, он будет убран без Вас, тогда предавайте нас партийному суду. Вчерашнее совместное заседание ЦЕКА и правительства решило требовать еще раз, ясно последний раз, его удаления.

От ЦЕКА Украины, Временного правительства, по поручению *Артем*.

Ждем у аппарата ответа.

Текст В. И. Ленина:

Артему.

Я сейчас осведомлюсь еще раз, но мне кажется, что смещение Антонова решено. Дайте адрес, по которому я

пошлю через час телеграмму Вам, если окажется, что дело не вполне решено.

Ленин.

Текст Ф. А. Сергеева:

Наш адрес: Харьков, вокзал, Южный телеграф. Артему. Ваши указания принимаем (к) срочному исполнению.

Артем.

Текст В. И. Ленина:

Харьков. Артему.

Сию минуту узнал, что окончательное решение нашего ЦЕКА следующее: Вы можете назначать командующим кого угодно, только не Ворошилова, с тем неременным условием, чтобы фактическим главнокомандующим был Глаголев...

Ленин»^[137].

18 января Харьков сообщил в СНК и ВЦИК Российской Советской Республики о решении ЦК компартии Украины назначить председателем правительства Украины Артема и Реввоенсовет Украины в составе М. Л. Рухимовича, К. Е. Ворошилова и В. И. Межлаука. И еще. ЦК КП Украины заявил протест против Антонова-Овсеенко^[138], а назначение Глаголева начальником штаба Украинского фронта одобрил.

Январь 1919 года был для Украины периодом непростого ее становления как самостоятельного государства. Она изменила свое название и стала именоваться Украинской Социалистической Советской Республикой (УССР). После неоднократных перетасовок определился более или менее постоянный состав правительства. Оставался открытым вопрос о главе правительства, вокруг которого развернулась острая

борьба. И тогда члены ЦК КП(б)У Квиринг, Артем, Яковлев (Эпштейн) отправили в Москву телеграмму с просьбой «немедленно прислать Христиана Георгиевича Раковского», чтобы предотвратить правительственный кризис.

Кто он, Христиан Раковский? По национальности болгарин, настоящая его фамилия — Станчев. Давно известен в социал-демократическом движении. Участник революционных событий на Балканах, во Франции, в Германии, России и Украине. Октябрьская революция застала его в Одессе, где он вел партийную работу. Затем переехал в Петроград.

Во время германской оккупации бывал в Николаеве, Крыму, Екатеринославе, Полтаве и Харькове. В начале 1918-го появился в Москве, но оставался там не больше месяца, и в апреле отправился в Курск с делегацией, которая должна была вести мирные переговоры с Украинской Центральной радой. Кроме Раковского полномочными делегатами были Сталин и Мануильский. После заключения перемирия с немцами вел в Киеве тайные переговоры с деятелями Центральной рады относительно легализации коммунистической партии на Украине.

Так что украинские большевики хорошо знали Раковского, его организаторские и дипломатические способности.

Москва оперативно откликнулась на просьбу украинцев, и Раковский уже в середине второй половины января прибыл в Харьков. 24-го числа было сформировано правительство в следующем составе: председатель — Х. Г. Раковский; нарком военных дел, нарком советской пропаганды — Ф. А. Сергеев; нарком иностранных дел — С. Н. Власенко; нарком народного хозяйства и финансов — Э. И. Квиринг; нарком путей сообщения — А. М. Жарко; нарком просвещения — В. П. Затонский; нарком труда — Б. И. Магидов; нарком

юстиции — А. И. Хмельницкий; нарком госконтроля — А. И. Скрипник; нарком продовольствия — А. Г. Шлихтер и другие.

С вводом Ворошилова в состав правительства были сложности. ЦК РКП(б) своим постановлением от 16 января 1919 года рекомендовал «провести в жизнь полное отстранение Ворошилова от военной работы». Поэтому его пришлось назначить наркомом внутренних дел.

Некоторые историки советского времени, чтобы не уронить честь Ворошилова, отводили этому посту для тогдашнего положения на Украине весьма важную, чуть ли не первостепенную роль. Органы советской власти во многих местах еще не были восстановлены, а там, где они уже существовали, требовалось немало усилий, чтобы наладить их работу, и это было одной из главных задач наркома внутренних дел. Следовало обеспечить спокойствие и порядок, обезопасить граждан от нападений банд, и это также было прямой обязанностью Ворошилова.

Ворошилов сильно подорвал свой авторитет в период военной деятельности в Царицыне. Если после беспрецедентного опасного железнодорожного рейда огромной массы людей и сотен эшелонов с ценным грузом с Донбасса к Волге под его руководством он снискал себе героическую славу, то потом, в Царицынскую оборону, эта слава померкла. Его изживание военспецов из Царицына и противостояние с Троцким было осуждено высшим руководством страны. И вот теперь это ему аукнулось.

18-23 марта 1919 года в Москве состоялся VIII съезд РКП(б). На нем против линии ЦК партии по строительству регулярной армии выступила военная оппозиция. В оппозицию входили В. М. Смирнов, Г. И. Сафаров, Г. Л. Пятаков, А. С. Бубнов,

Е. М. Ярославский, В. Г. Сорин, К. Е. Ворошилов, Ф. И. Голощекин, А. Ф. Мясников, Н. Г. Толмачев, Р. С. Землячка, С. К. Минин и другие. Одним из покровителей ее был Сталин. В дискуссии активное участие принимал Ворошилов.

На закрытом пленарном заседании по военному вопросу произнес речь Ленин. Он изложил главные принципы строительства Красной армии и подверг резкой критике партизанщину в войсках. Конкретно остановился на анализе деятельности Ворошилова, который отстаивал партизанщину и игнорировал роль военных специалистов. «Подкладка в том, что старая партизанщина живет в нас, — говорил Ленин, — и это звучит во всех речах Ворошилова... Когда Ворошилов говорит о громадных заслугах Царицынской армии при обороне Царицына, конечно, тов. Ворошилов абсолютно прав, такой героизм трудно найти в истории, это была действительно громадная, выдающаяся работа. Но сам же сейчас, рассказывая, Ворошилов приводит такие факты, которые указывают, что были страшные следы партизанщины. Это бесспорный факт. Тов. Ворошилов говорит: «У нас не было никаких военных специалистов и у нас 60 тысяч потерь». Это ужасно. ЦК виноват в том, что партийная линия не проводится. Виноват тов. Ворошилов в том, что он эту старую партизанщину не хочет бросить... Тов. Ворошилов договорился до таких чудовищных вещей, что разрушил армию Окулов. Это чудовищно. Окулов проводил линию ЦК, Окулов нам докладывал о том, что там сохранилась партизанщина. Окулов докладывал объективными фактами. Можно 60 тысяч уложить, но с точки зрения нашей общей линии, можем ли мы давать по 60 тысяч? (Ворошилов: «А сколько мы убили?»). Я вполне знаю, что вы много убили, но тов. Ворошилов, в том-то и беда, что все ваше внимание устремлено в этом Царицыне. Ясно, что по 60 тысяч мы отдавать не можем и что, может быть, нам не

пришлось бы отдавать эти 60 тысяч, если бы там были специалисты, если бы была регулярная армия, с которой приходится считаться. Этот исторический переход от партизанщины к регулярной армии в ЦК десятки раз обсуждался, а здесь говорят, что нужно всё это бросить и вернуться назад. Никогда и ни в коем случае. Мы пережили период партизанщины»^[139].

И все-таки постепенно Ворошилов набирал на Украине политический вес. Он был избран в состав Всеукраинского центрального исполнительного комитета (ВУЦИК), а затем членом Президиума ВУЦИК. Оставаясь народным комиссаром внутренних дел Республики, он возглавил войска Харьковского военного округа.

Григорьевское восстание

К Ворошилову как к комиссару внутренних дел стекалась масса информации о положении в Украинской Республике. В основном тревожной. Плохих вестей больше всего приходило из сел. Если в марте — начале апреля подавляющее число украинских крестьян было настроено просоветски, то к маю картина изменилась. Проведение в жизнь идей «военного коммунизма» (продовольственная монополия, продразверстка, насаждение так называемых коммун — коллективных форм земледелия) отзывалось на селе остро оппозиционными по отношению к советской власти настроениями. Не по дням, а по часам росло недовольство населения политикой коммунистов, произволом ЧК. Народ переходил к открытому сопротивлению. Развертывалась антибольшевистская агитация, в различных районах страны вспыхивали волнения, погромы, даже вооруженные выступления. Во

всех губерниях Украины назревал подъем мощной волны повстанчества.

На юго-востоке с давнего времени вел борьбу за независимость «батька» Нестор Махно. К 1919 году махновское движение обрело широкий масштаб. Оно все время балансировало на грани «за» — «против» Советов. Весной советское командование старалось привлечь разросшуюся бригаду Махно к боевым действиям с деникинцами. Но «батька» играл и «нашим», и «вашим».

На юге Украины в последние дни волны повстанчества перехлестывали через край. Особой опасностью оно угрожало еще не окрепшей армии молодой Республики. Военские формирования УССР представляли собой полупартизанские отряды и части в основном из крестьян. Они возглавлялись избранными «атаманами». Влившись в состав вооруженных сил Советской Украины, остались теми же, что были в директории, только теперь назывались по-новому и носили определенный порядковый номер.

Одним из наиболее крупных объединений, включенных в РККА, был ранее входивший в состав армии УНР отряд повстанцев Херсонщины, Запорожья и Таврии под командованием атамана Матвея (Никифора, Николая) Александровича Григорьева. Этот отряд в феврале 1919 года хорошо зарекомендовал себя на юге Украины, освободив Херсон, Николаев и Одессу от интервентских французских и греческих войск. Став советским войсковым соединением, отряд получил наименование 1-й Заднепровской бригады, а впоследствии 6-й дивизии 3-й Украинской советской армии Н. А. Худякова.

Дивизия Григорьева была достаточно боеспособной и пользовалась авторитетом у высокого начальства. Ее планировали использовать для осуществления вторжения в Европу для поддержки советского режима

в Венгрии. Но в связи с начавшимися на Украине волнениями выяснилось, что положиться на нее нельзя. В дивизии стало проявляться вольнодумство. В первых числах мая фиксируются многочисленные беспорядки: самовольные реквизиции, бесчинства, мародерство, погромы, вплоть до антиправительственных мятежей отдельных ее частей. СНК УССР обратил внимание на участвовавшие заявления Григорьева о неприятии им проводимого советским правительством курса.

Полки дивизии дислоцировались на Херсонщине и Елизаветградщине, в родных краях многих ее бойцов. Когда там восстало местное население, солдаты полков поддержали его, оказали вооруженное сопротивление действиям продотрядов и работникам Советов. В первых числах мая была парализована деятельность Херсонского губпродкома, разогнаны Елизаветградский, Николаевский исполкомы и парткомы, Александровская ЧК, казнены многие коммунисты. В Криворожском уезде убийства коммунистов и активистов Советов приняли массовый характер. 1 мая бронепоездом 6-й дивизии был обстрелян Елизавет-град, 2 мая григорьевцы учинили вооруженный разбой на станции Знаменка, 4-6 мая погромы прокатились по Елизаветграду, Александрии, Долинской^[140].

В. А. Антонов-Овсеенко и А. Я. Шумский^[141] срочно выехали в григорьевские части. В телеграмме на имя председателя СНК Раковского они сообщали, что крестьянство провоцируется действиями московских продотрядов. Необходимо отозвать их. Проводимая на местах политика оскорбляет, подстрекает против центральной власти не только кулачество, а все слои сельского населения^[142].

7 мая командарм-3 Худяков издал строгий приказ персонально по Григорьеву, в котором потребовал от

него прекратить беспорядки или сложить полномочия комдива; в противном случае он будет предан суду военного трибунала. Доставить приказ в штаб мятежного атамана было поручено группе чекистов особого отдела армии.

Григорьев, прочитав документ Худякова, демонстративно порвал его в клочья и велел солдатам схватить и расстрелять чекистов. После этого во всех частях дивизии были арестованы коммунисты-политработники.

8 мая Григорьев выпустил универсал (манифест) «К народу Украины и бойцам Красной армии». Он призывал в нем к общему восстанию против большевистской диктатуры на Украине:

«Народ украинский, народ измученный!

Жестокая война с германской коалицией и государствами Антанты вырвала из твоих сел лучших сынов земли. Междоусобная война и гетманщина лучших сынов твоих загнала в могилы и тюрьмы. Когда у тебя не стало силы больше терпеть, ты оставил орало и станок, выкопал из земли ржавое ружье и пошел защищать право свое на землю и волю. Но и здесь политические спекулянты обманули тебя и хитрыми мероприятиями использовали твою доверчивость: вместо земли и воли тебе насильственно навязывают коммуну, чрезвычайку и комиссаров из московской «обжорки» и той земли, где Христа распяли. Ты работаешь день и ночь, ты светишь коптилкой, ты ходишь в лаптях и штанах из мешковины; вместо чая ты пьешь горячую воду без сахара, но те, которые обещают тебе светлое будущее, эксплуатируют тебя; тобой воюют с оружием в руках, забирают твой хлеб, реквизируют твою скотину и заверяют тебя, что все это на благо народа.

Работающий, святой, Божий человек! Посмотри на свои мозолистые руки, посмотри: вокруг — неправда,

ложь и надругательство. Ты — Царь Земли. Ты — Кормилец Мира, но ты — раб, благодаря своей простоте и доброте святой. Крестьяне и рабочие! Вас 92 процента на Украине, а кто руководит вами? Все те же кровопийцы народные. Народ украинский! Бери власть в свои руки! Пусть не будет диктатуры ни отдельной личности, ни партии! Да здравствует диктатура правящего люда! Пусть живут мозолистые руки крестьянина и рабочего! Прочь политических спекулянтов! Прочь насилие справа, прочь насилие слева. Да здравствует власть Советов народа Украины. Перед вами новая борьба. Боритесь — поборете.

Я, атаман Григорьев, и мой штаб головы свои положим за право работающего люда. Для себя мы не ищем ничего. Дайте нам поддержку и тем спасете свое право. Вот вам мой приказ: в три дня мобилизуйте всех тех, кто способен владеть оружием, и немедленно занимайте все станции, поставьте своих комиссаров. Каждая волость, каждое село, формируйте отряды и идите в свой уездный город; от каждого уездного города из ваших отрядов по 400 человек лучших бойцов пошлите на Киев и по 200 на Харьков, когда есть оружие — с оружием, нет оружия — пошлите с вилами, но приказ мой прошу выполнить, и победа за нами.

Все последующее — я сделаю сам.

Главный штаб наш при моем штабе. Только с вашей поддержкой мы добьемся права народа. Немедленно организуйте власть народную! В каждом селе выберите крестьянский совет, в каждом уезде — уездный совет, в каждой губернии — губернский совет. В совет должны быть избраны представители всех партий, которые стоят на советской платформе, и те, кто признают себя беспартийными, но поддерживают советскую власть. В состав советов могут входить представители всех национальностей, пропорционально их числу на Украине, то есть: для украинцев предоставляется в

совете 80 процентов мест, для евреев — 5 и для всех других национальностей 15 процентов мест. При таком распределении не будет засилья ни партий, ни наций. Глубоко верю, что это будет действительно власть народная!

Да здравствует свобода слова, печати, совести, собраний, забастовки, профессии, неприкосновенность личности, мысли, жилища, убеждений и религии.

Народ Божий! Любите друг друга, не проливайте братскую кровь, забудьте партийную вражду, преклонитесь перед владыкой честного труда.

Да здравствует честный труд!

Пусть сгинет всякое насилие и власть капитала! Железнодорожники, почта и телеграф — вы замучились. Поймите нас! Победа наша — победа ваша. Народ украинский завоеваний вне пределов своей земли не искал, но своим братьям по труду, где бы они ни были, всегда поможет и ружьем и последним куском хлеба. Правительство авантюриста Раковского и его ставленников просим идти от нас и не принуждать волю народную!

Всеукраинский съезд советов даст нам правительство, которое мы будем уважать и свято выполнять его волю.

Я иду вперед, потому что так велит народная совесть!

Резерв мой — ты, народ Украинский, и от тебя зависит судьба твоя!

Всякие убийства бессудные, мародерство, безобразие, вторжение в чужое жилище, незаконная реквизиция, агитация против отдельных национальностей пресекаться будут на месте силой народа и оружия. Порядок необходим — прочь произвол!

Атаман партизанов Херсонщины и Таврии Григорьев. Помощники атамана: Горбенко, Тютюнник,

Терещенко, Масенко, Ясинский, Бондаренко, Павлов»^[143].

Универсал птицей полетел по украинским городами и весям. Многие простые люди восприняли его с одобрением.

На следующий день после провозглашения универсала Григорьев начал выдвижение своих войск из района Знаменка — Александрия — Куцовка в Центральную Украину. Он развернул их в трех основных направлениях: на Екатеринослав, Киев и Елизаветград. Дополнительно отдельные отряды двинулись на Одессу и Полтаву. Григорьев на тот момент располагал силами в 20 тысяч человек, свыше 50 орудий, 700 пулеметов, 6 бронепоездов.

В течение двух дней были захвачены Кременчуг, Чигирин, Золотоноша. Советские гарнизоны присоединялись к восставшим.

10-14 мая григорьевцы заняли Умань, Помошную, Но-вомиргород, Таращу, Корсунь^[144], Александрию, Балту, Ананьев, Кривой Рог, Кобеляки, Яготин, Пятихатки, Христиновку, Литин, Липовец, Гребинку. В Павлограде на сторону Григорьева перешел 14-й полк Красной армии, в Казяти-не — Нежинский, в Лубнах — 1-й полк Червоного казачества.

В Екатеринославе находился штаб 2-й советской армии, и когда к нему приблизились части Григорьева, восстали Черноморский полк матроса Орлова и конный отряд анархиста Максюты. Штабу армии и оставшимся верным большевикам частям, а также советским учреждениям пришлось спешно покинуть город. Через день отряд РККА под командованием Пархоменко вернулся в Екатеринослав, каждый десятый изменник был расстрелян. На это бунтом отреагировали находившиеся в тюрьме пленные и уголовники. Они

перебили тюремную охрану, захватили часть города и удерживали ее до прихода новых частей Григорьева.

Григорьевцы, войдя в Екатеринослав, атаковали отряд Пархоменко. Завязался жестокий бой...

Заслуживает внимания рассказ одного из жителей Екатеринослава (насколько он верен, трудно судить, так как никакого документального подтверждения не имеется). Во время боя в городе красных с мятежниками Александр Пархоменко в одиночку столкнулся с автомобилем, в котором разъезжал с четырьмя охранниками бывший командир конного отряда Красной армии, перешедшего на сторону Григорьева, Максюты. До недавнего времени он находился в тюрьме, но в результате бунта освободился.

Между вставшими неожиданно друг против друга Пархоменко и Максютой произошел короткий диалог:

— Ты кто? — спросил Пархоменко.

— Я — Максюта, командующий войсками анархии. А ты кто?

— А я — Пархоменко, тоже командующий, только советский.

Вслед за этим Пархоменко разрядил в анархиста свой маузер...

В районе Христиновки к восставшим перешла команда бронепоезда «Черноморец № 1», выдвинувшая лозунг: «Долой жидов и кацапов, пусть живет независимая Украина!». Антисоветские мятежи охватили Белую Церковь, Херсон.

Повсеместно проходили погромы и уничтожение евреев и русских. В Елизаветграде «за поддержку коммун» было убито несколько сотен активистов Советов; в Умани — 400 человек, в Екатеринославе — 150 русских и 100 евреев.

В складывавшейся обстановке была велика опасность перехода всех украинских советских частей

на сторону Григорьева.

Затонский писал в записке в РВС Республики: «По существу любой наш полк может поднять против нас восстание, и подчас не всегда понятно, почему та или иная часть борется на нашей стороне, а не против нас»^[145].

10 мая состоялось заседание Совета рабоче-крестьянской обороны Украины (СРКОУ), на котором Григорьев специальным постановлением объявлялся вне закона. В постановлении говорилось, что, «устроив резню беззащитного населения в Знаменке, Елизаветграде и ряде других городов и сел, Григорьев возомнил себя полновластным хозяином Украины. Но его предательская затея будет ликвидирована в самый кратчайший срок. Совет рабоче-крестьянской обороны постановляет:

1) Григорьев и его ближайшие сотрудники объявляются вне закона.

2) Каждый гражданин Советской Украины и, в частности, каждый красноармеец, обязан расстреливать их на месте.

3) Всякое оказанное содействие Григорьеву и его сообщникам будет караться со всей строгостью военно-революционного времени...»^[146].

На заседании Совета выступил член Президиума Все-украинского центрального исполнительного комитета, нарком внутренних дел Республики Ворошилов. Он предложил ликвидировать мятеж резервными военформированиями, не трогая войска Южного фронта, сражавшиеся против белой армии Деникина. Необходимо задействовать верные части 3-й Украинской советской армии, расквартированные в Одесском регионе, курсантов командных курсов Киева и Харькова, приписные мобгруппы гарнизона

Харьковского округа, матросские подразделения Днепровской военной флотилии.

Совет обороны поддержал предложение Ворошилова и назначил его командующим этими объединенными силами.

Ворошилов с головой окунулся в борьбу с восставшими. Он объявил Харьковский округ (Харьковская, Полтавская, Екатеринославская и Донецкая губернии) на военном положении. Правительство УССР провело мобилизацию коммунистов, рабочих, советских служащих, комсомольцев и членов еврейских социалистических партий. Оно запросило помощь у РСФСР. Россия в срочном порядке направила на Украину войска численностью около 10 тысяч человек.

Совет обороны предупредил партии украинских левых эсеров и социал-демократов-«незалежников» и прочих вдохновителей и сочувствующих Григорьевскому восстанию, что против них будет применен безжалостный террор.

Уже 14 мая три группы войск (свыше 30 тысяч человек), под общим руководством Ворошилова начали наступление на мятежников из Киева, Полтавы и Одессы. На Кременчугском направлении группой командовал Павел Васильевич Егоров, на Екатеринославском — Александр Яковлевич Пархоменко. В Северной Таврии антигригорьевскую группу составляла Крымская советская армия Павла Ефимовича Дыбенко (бывшая 3-я Украинская советская дивизия).

По требованию РСФСР включилось в борьбу против мятежников и войско Махно. «Батька» издал прокламацию под оригинальным заголовком «Кто такое Григорьев?», где назвал атамана «разбойником», «контрреволюционером», «авантюристом», «провокатором-погромщиком».

19 мая Полтавская группа Егорова выбила григорьевцев из Кременчуга, а моряки Днепровской флотилии — из района Черкасс. Части Дыбенко и Пархоменко соединились с частями Егорова, заняв Кривой Рог и станцию Долгинцево. 21 мая войска Григорьева были разбиты под Киевом. 22–23 мая красные захватили Александрию, Знаменку — главные базы мятежников. До конца мая григорьевцев вытеснили из Николаева, Очакова и Херсона. За десять дней боев возомнивший себя хозяином Украины атаман Григорьев потерял своих солдат более трех тысяч убитыми и пять тысяч пленными. Это была почти треть всей его армии.

Мятежники разбегались по домам, атаманы уводили в безопасные места поредевшие отряды из-под руки своего вождя. Из 23 тысяч повстанцев у Григорьева осталось немногим более трех тысяч.

В июне повстанческие остатки скрылись в дальних степных селах и перешли к партизанской войне. Они совершали налеты на Александрию, перерезали железнодорожные пути, грабили эшелоны. Лично Григорьев с кучкой преданных ему «незалежников» скрывался в Чигиринских лесах и в Холодном Яру.

В июле с Григорьевым встретился Махно и предложил ему военный союз против «белых и красных». Крепко потрепанные деникинцами и Красной армией отряды Махно насчитывали менее четырех тысяч бойцов. «Батька» и атаман решили объединить свои военные силы. Договорились, что Махно будет главой Повстанческого совета, а Григорьев — командующим войсками.

Однако их объединение продержалось недолго. В воспоминаниях Виктора Федоровича Белаша, начальника штаба повстанческой армии Махно, заместителя председателя Совета Революционной повстанческой армии Украины, и его сына Александра

Белаша «Дороги Нестора Махно» указывается: причиной разрыва было то, что Григорьев тайно от махновцев поддерживал связь с Деникиным. Махно воспринял это как предательство Григорьева.

27 июля Никифор Григорьев был убит махновцами^[147].

Махновщина

В семь часов утра в штаб бригады направилась высокая женщина. У штаба стояли часовые, они ласково ей улыбнулись:

— Проходите, проходите...

Она вошла в здание — в передней сидел писарь Василий Харламов. Писарь хорошо знал жену Махно, Галину Андреевну Кузьменко, поэтому поприветствовал ее по-приятельски, спросил:

— Вы к батьке, Галина Андреевна?

— Да, к Нестору.

— Сегодня у нас большой праздник, к нам приезжает Ворошилов.

— Я все знаю, — сказала она.

Харламов открыл дверь, и Галина Андреевна вошла в кабинет Махно. Нестор сидел на широкой лавке. Возле него были его личные телохранители Петро и Сидор Лютые. При виде женщины их лица засветились.

За Галиной Андреевной в кабинет вошли начальник штаба Виктор Белаш, начальник контрразведки Лева Задов, родные братья Махно Григорий и Савелий, земляки Семен Каретник, Алексей Марченко и другие соратники батьки.

Нестор сказал жене:

— Ты, Галина, поруководи, чтоб был стол накрыт всем, что надо... А ты, Григорий, — это он брату, — бери тройку лошадей с кучерами Сашком Шевченко и

Ваньком Лепетченко да еще несколько всадников и поезжай на станцию^[148], встретишь Ворошилова.

Григорий Махно появился с охраной на перроне Гуляй-польского вокзала за минуту до прибытия броневика наркома внутренних дел Украины. Ворошилов легко соскользнул с подножки вагона, с ним рядом — адъютант Владимир Петров. Поздоровавшись с Григорием, Ворошилов начал сразу с вопроса:

— Где Нестор Иванович?

— Ждет вас в Гуляйполе в штабе, — ответил посланец батьки.

Сели в пролетку, и лихая тройка лошадей с ветерком понесла ее в Гуляйполе, всадники едва поспевали за ней.

Высокого гостя Нестор Махно ждал на крыльце дома штаба бригады. Рядом с ним стояла Галина Андреевна, остальные — позади них. Под звуки оркестра, исполнявшего «Интернационал», перед фронтом махновского войска около сотни загорелых бойцов, одетых кто во что. Нестор не спеша пошел навстречу Ворошилову. Это был малорослый, моложавый человек в папаше. Он отдал честь Ворошилову, доложил:

— Комбриг батько Махно. — Простер руку к строю. — Приветствую вас от имени революционных повстанцев.

Когда Ворошилов и Махно обменялись рукопожатиями, Нестор указал на стоявшую на крыльце Галину Андреевну:

— Жена моя Галина.

Лишь после этого стал представлять членов Гуляйпольского исполкома и своих штабистов. Затем коротко проинформировал Ворошилова о военных действиях бригады:

— На фронте держимся успешно. Ведем бои за Юзовку. Основные части бригады сейчас сражаются с

деникинцами. Здесь, в Гуляйполе — резервный полк. И пара кавалерийских сотен.

Он провел Ворошилова вдоль строя бойцов, останавливаясь возле некоторых, называя их по имени, фамилии: «Сашко Пузанов — пулеметчик», «Иванко Логвиненко — командир тачанки», «Семен Панченко — пулеметчик», «Петро Гавриленко...», «Прокоп Середа...».

Потом состоялся митинг, на котором Махно произнес небольшую, но пламенную речь, где заверил правительства Советской Украины и РСФСР в дружбе с ними, обещал и впредь помогать в борьбе с белыми. По окончании митинга все были приглашены за столы, тянувшиеся в два ряда через весь двор. Ворошилова усадили на почетное место напротив Нестора, рядом с ним — его адъютант. Около Махно слева села мать, Евдокия Матвеевна, справа — жена Галина. За спиной Нестора встали телохранители Лютые. В соответствии с занимаемым при батьке положением за столом разместились Белаш, Задов, Щусь, Марченко, Каретник, Аршинов, Волин...

Когда рюмки были наполнены горилкой, поднялся Ворошилов:

— По поручению Реввоенсовета разрешите вам, Нестор Иванович, вручить орден Красного Знамени за оборону Южного фронта и взятие Мариуполя.

Махно принял орден и сказал:

— Я воюю не за ордена, а за победу революции, так как я крестьянин и сейчас наша цель отстоять, уберечь победу революции от белогвардейцев.

Вручив орден, Ворошилов провозгласил тост за здоровье комбрига Махно.

Ответный тост Нестора был немногословным: «Выпьем за светлое будущее». Он попросил дирижера духового оркестра заиграть «его любимую» — вальс «Амурские волны», и они с Галиной пошли танцевать...

Во дворе началось веселье с песнями и плясками, а Махно и Ворошилов с приближенными к «батьке» атаманами уединились в штабе на переговоры.

Ворошилов уехал из Гуляйполя на следующее утро, 5 мая 1919 года.

Подробности этой встречи Ворошилова и Махно описаны женой Махно Г. А. Кузьменко. Не так давно двоюродный внук Махно Виктор Яланский, проживающий в городе Гуляйполе, опубликовал письмо Галины Андреевны, в котором она своеобразно вспоминает эту памятную встречу и заканчивает его так: «А уж после награждения Нестора орденом, нам через некоторое время была прислана машина, а тако ж самолет...» Поскольку текст письма весьма своеобразный, я пересказал его своими словами.

Махновское движение зародилось летом 1918 года в нескольких южных губерниях Украины. Цель его — освобождение от австро-германских захватчиков и их пособников из марионеточных режимов Скоропадского, Петлюры, а также борьба за справедливое распределение земли между крестьянами.

Во главе этого движения встал 29-летний Нестор Махно, уроженец села Гуляйполе Екатеринославской губернии. Выходец из бедной семьи землепашцев вступает в анархистскую группу «Вольных хлеборобов» и становится руководителем крестьянского союза в Гуляйполе. В 1917 году Махно создает отряд, который изгоняет администрацию Временного правительства из волости. Возглавляемый им отряд, который он называет армией «партизанов», участвует в боях за установление советской власти в Александровске. Его «армия» успешно борется с оккупантами. Авторитет Махно неуклонно растет, партизаны уважительно называют его «батька». В 1918 году подпольный Екатеринославский губком КП(б)У и Ревком Украины

назначают удачливого военачальника командующим повстанческими войсками (их численность дошла до 15 тысяч человек) Екатеринославщины. Летом повстанцы под его водительством освободили от петлюровцев губернский центр, и он на несколько дней становится советским.

С февраля 1919 года махновские отряды вливаются в Заднепровскую советскую дивизию, позднее во 2-ю Украинскую Красную армию. Они образуют отдельную бригаду с особым статусом: внутренняя самостоятельность, выборность командования. Махно имел право на добровольную мобилизацию, на невывод бригады из Приазовья. Как символ анарходвижения махновцы сохранили свои черные знамена.

Союз с махновцами восторженно приветствовался. О повстанцах Гуляйполя положительно отзывалась советская пресса. Например, «Известия Екатеринославского совета» писали, что обвинение их в бандитизме есть выдумки «полицейских чинов и правых социалистов». Они истинные борцы за свою свободу и независимость. «Известия» с похвалой отмечали их военные успехи. В «Правде» за 14 февраля 1919 года выступил со статьей председатель Таврического ВРК и комиссар по военно-морским делам Таврической советской республики Юрий Петрович Га-вен, где лестно характеризовал Махно, который борется за «советскую форму правления». Батька — «любимец крестьян-повстанцев, находчивый и смелый командир, умеющий установить дисциплину, он тянется к большевикам». Подобные отзывы о Махно и его бригаде печатались и в некоторых других советских газетах.

В тот период махновцы были нужны Красной армии как выгодные союзники. Они удерживали от белых участок Южного фронта протяженностью около 100 верст (от Азовского моря до Волновахи и Гришина). В марте — апреле махновская бригада выбила

деникинцев из Мелитополя, Бердянска, Мариуполя, за что Махно был награжден орденом Красного Знамени. Орден ему вручил Ворошилов, специально приехавший для этого в Гуляйполе 4 мая (приезд Ворошилова к Махно подробно описан выше в рассказе Г. А. Кузьменко).

Но так доброжелательно к анархисту Махно относились далеко не все представители высших советских кругов. Троцкий и его окружение питали к нему недоверие и нескрываемую враждебность. Они предполагали, что от Махно идет вред: политический, экономический, военный.

Троцкий считал: рано или поздно Махно предаст революцию. Он обвинял его в антибольшевизме, в неприятии красных политических комиссаров, в организации саботажа, грабежей. Махновщину, говорил Троцкий, необходимо выметать «железной метлой».

Бригада Махно после ее переподчинения Южному фронту перестала получать от командования положенные ей боеприпасы, провиант, вещевое довольствие. До этого, когда она входила в состав Украинского фронта, подобного не было. Теперь махновцы оказались вне войскового снабжения, и тогда они стали задерживать эшелоны с грузами для Красной армии. Троцкий предъявит серьезные претензии к Махно в том, что его люди захватывали продовольствие, обмундирование, боевые припасы.

В мае махновской бригаде был отдан приказ Южного фронта начать наступление в направлении на Таганрог — Ростов. Она в тот период была слабо обеспечена патронами, снарядами и амуницией, не имела связи и поддержки соседей — 9-й дивизии и 13-й армии. В первом же столкновении в районе Гришина с частями кубанского корпуса генерала Андрея Григорьевича Шкуро потерпела поражение, вынуждена была оставить занимаемые позиции и отступить,

позволив белогвардейцам прорваться в тыл Красной армии.

Этот момент стал для сторонников «железной метлы» хорошим поводом для объявления махновцев предателями.

Троцкий телеграфирует председателю СНК Украинской Республики Раковскому о необходимости начать кампанию в печати против Махно, в противном случае будущая его ликвидация не будет понята. Он указывает на то, что в прессе распространяются ложные слухи о расстреле махновцами своих коммунистов-комиссаров. И хотя полит-комы махновской бригады потребовали опровергнуть их, сообщив, что со стороны махновского руководства они не терпят насилия, опровержения слухов не последовало.

Раковский принимает сторону Троцкого, но категорически против травли Махно выступает командующий Украинским фронтом Антонов-Овсеенко. Он побывал с инспекцией в махновской бригаде и сделал вывод, что против советской власти она не выступит. Ее полки «проникнуты желанием сломить контрреволюционное кулачество и офицерство». Махно допускает в бригаду комиссаров и партийную литературу. Хотя вблизи него и «вертится несколько прохвостов», сам батяка и большинство его командиров ведут агитацию против антисемитизма и бандитизма; они ратуют за создание «единого революционного фронта»^[149].

Такое же мнение о махновцах высказал и уполномоченный Совета обороны Л. Б. Каменев, побывавший в начале мая у махновцев.

В это время на Украине поднял восстание атаман Григорьев. Все силы были брошены на борьбу с ним, и Махно оставили в покое. Однако у руководства УССР

были опасения, связанные с возможностью поддержки махновцами григорьевцев. Поэтому Махно в ультимативном порядке было рекомендовано осудить мятежников и встать против них вместе с Красной армией. Невыполнение этой рекомендации грозило объявлением их вне закона. Махно подчинился, признал Григорьева врагом революции и выделил на борьбу с ним свой Крымский полк.

Троцкий и его единомышленники решили воспользоваться подходящей ситуацией для нанесения решающего удара по Махно. В телеграмме Раковскому Троцкий предлагает «...после сокрушения главных григорьевских сил ликвидировать махновское движение. Задача сводится к тому, — писал он в телеграмме, — чтобы использовать эффект григорьевского бандитизма, собрав достаточно надежные части, расколоть Махно^[150].

26 мая на заседании Совета обороны УССР сторонники Троцкого провели решение о ликвидации Махно в ближайшее время. Было принято постановление об отправке в махновский район чекистского полка. Искоренение махновщины Совет обороны поручил К. Е. Ворошилову.

На исходе мая — в начале июня махновская бригада вела затяжные бои с деникинскими войсками, стремясь не допустить их в свой район. Конный корпус генерала Шкуро 6 июня прорвал фронт и опрокинул части 9-й советской дивизии. Не удержались и махновцы. Неся большие потери, они откатились к Гуляйполю. И опять Троцкий обрушил на них свою опалу, расценив отступление как измену, и потребовал сурово наказать их. 8 и 9 июня Махно послал несколько телеграмм Ленину и Раковскому о своем уходе с поста комбрига из-за необоснованных обвинений в заговоре и мятеже и

«личной вражды Троцкого». Чтобы не произошло столкновения с Красной армией, писал он в телеграммах, им принято решение отступить с остатками бригады и этим снять с повстанцев подозрения в измене советской власти. Но ни из Москвы, ни из Киева [\[151\]](#) ответа на телеграммы Махно не пришло.

Зато пришел приказ махновскому штабу явиться на станцию Гайчур (в 20 верстах от Гуляйполя) для переговоров с наркомом внутренних дел УССР Ворошиловым. В окрестностях станций Чаплино и Гайчур к тому времени сосредоточилось несколько красноармейских частей. Они не вмешивались в проходившие сражения между конницей Шкуро и отрядами Махно, занимали выжидательную позицию. Лишь к исходу 9 июня, когда налицо был крах махновцев, их выдвинули в Гуляйпольский район для борьбы как с белогвардейскими полками, так и с разгромленными повстанческими отрядами.

Командир ЧОНа (часть особого назначения) К. Медведев отдал приказ об аресте в Гуляйпольском районе более тысячи уцелевших бойцов и командиров бригады Махно. Прибывших на станцию Гайчур членов махновского штаба расстреляли. Сам Махно, предупрежденный в последний момент кем-то из своих агентов о возможности его ареста, ускользнул незаметно в тыл к белым. С ним ушли и его подручные Федор (Феодосий) Щусь, С. Правда, Петр Коробка, Мария Никифорова.

Клим Ворошилов, командовавший войсками, посланными против махновцев, торжествовал победу. Она досталась ему очень легко. Он получил ее из рук белогвардейцев фактически даром. Ворошилов отрапортовал Троцкому по телеграфу:

«Махновия разбита. Шкуро вдребезги. Отдельные махнята вопят о защите и покорности Советской власти. Момент ликвидации этого гнойника самый удачный. Наша беда — отсутствие регулярных частей, которыми нужно занять махновский фронт и ликвидировать остатки банд. Состояние фронта требует экстренных мер. Нужно хоть одну регулярную дивизию для очищения всего Донбасса»^[152].

Некоторые махновские подразделения, не явившиеся к Гуляйполю на призыв батьки, продолжали вести оборонительные бои против белогвардейцев. Отряды В. Куриленко, А. Буданова, П. Калашникова присягнули советской власти и находились в составе Красной армии до середины августа 1919 года. Однако после августа, арестовав политработников, вновь вернулись под знамена Нестора Махно.

Сдача Харькова Деникину

Украина в мае — июне переживала тяжелейшие дни. Григорьевское восстание, махновщина, удары деникинцев сотрясали Республику. Большевики ценой огромного напряжения усилий удерживали власть на Украинской земле.

Войска Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) генерал-лейтенанта А. И. Деникина, перемалывая нестойкие части РККА, неудержимо рвались на север — в направлении Москвы. Особо угрожающее положение для красных сложилось на линии Екатеринослав — Харьков. Там деникинцам противостояла 2-я Украинская советская армия Анатолия Евгеньевича Скачко. Армия была маломощная, с невероятно расшатанной дисциплиной. Наркомвоенмор, председатель РВСР Троцкий потребовал от Ворошилова, который совмещал должность наркома внутренних дел с командованием

внутренним Украинским фронтом и Харьковским военным округом, сделать из нее боеспособное объединение. Ворошилов, как ни старался, выполнить это требование не смог. И тогда РВСР упраздняет разложившуюся армию Скачко и вместо нее 4 июня создает новую под номером 14. Ее основой становятся малочисленные надежные части 2-й Украинской армии, а также соединения, прибывавшие из РСФСР. К новой армии была приписана Крымская советская армия Дыбенко, впоследствии переформированная в 58-ю стрелковую дивизию.

Ленин, весьма озабоченный происходящими событиями на Украине, послал 3 и 4 июня в РВСР две телеграммы, в которых указывал, что на юге страны «громадное ухудшение, опасность катастрофы...» «В военном руководстве Киева, Харькова надобность в работниках неимоверная... Считал бы необходимым отпустить Нацаренуса^[153] на Украину...» «Вопрос о Нацаренусе передаю в Цека...»^[154].

Командующим 14-й армией РВСР был назначен К. Е. Ворошилов, членами Реввоенсовета армии — В. И. Меж-лаук, заместитель наркома по военным делам Украины, и С. П. Нацаренус, присланный из Москвы по постановлению Политбюро ЦК РКП(б).

Ворошилов в последнее время неизменно находился в Харькове, его кабинет в доме СНК в Киеве в течение июня оставался пустым. Здесь в прифронтовой зоне забот у командарма-14, как говорится, был полон рот.

На Харьков двигались крупные силы белых — Добровольческая армия под командованием генерала Владимира Зеноновича Май-Маевского: шесть пехотных и конных дивизий, 40 тысяч штыков и сабель. Ударным острием этих сил были корпуса: 1-й армейский

Александра Павловича Кутепова и 3-й Кубанский кавалерийский А. Г. Шкуро.

Наступление началось 16 июня со стороны Волчанска, Чугуева, Змиёва и Лозовой.

Развитие событий вокруг Харькова с 17 по 25 июня 1919 года.

17 июня. Образован Совет обороны Харькова под председательством Артема-Сергеева. Угроза Деникина атаковать в ближайшее время город — реальность. Совет обороны принимает решение начать эвакуацию.

Правительство Раковского постановило отправить на фронт против Деникина бронепоезд. В Екатеринославе мобилизовано шесть тысяч рабочих и готовятся к мобилизации еще восемь тысяч.

19 июня. Из Харькова в Екатеринослав переброшен для ведения боевых действий против наступающих деникинцев бронедивизион Алексея Илларионовича Селявкина.

Политбюро ЦК КП(б)У постановило ввести осадное положение в Киеве, Одессе и Николаеве.

Из оперативной сводки Харьковской зоны за 20 июня о боях на подступах к Харькову: «Бронепоход противника, занявший станцию Шебелинка, сильным артиллерийским огнем обстреливает наши пехотные цепи. В районе Змиёва вчера вечером появился неприятельский аэроплан, который сбросил несколько бомб».

21 июня. На подступах к городу идут бои у железнодорожной станции Лосево и в районе Харьковского паровозостроительного завода. Красные отряды с трудом держат оборону у станции Основа, отбито несколько атак белых, и все же под натиском белогвардейского сводно-стрелкового полка пришлось оставить станцию.

23 июня. Большевистское Бюро украинской печати сообщило: «Разъезды противника, двигаясь по Белгородскому шоссе, подошли к Харькову, обстреляли ипподром. Отмечается стремление белых к окружению города. Однако силами обороны деникинцы были прогнаны на 20 верст к северу. Успех клонится на нашу сторону...»

Но вопреки оптимистичному завершению сообщения Бюро печати в действительности большевистские части к 16 часам стали уходить из города, отступая на север.

24 июня. Под Харьков по железной дороге из района Изюма и Балаклеи переброшены дроздовские части 1 — го армейского корпуса. Они концентрированными атаками стали рвать с юга и юго-востока красную оборону города.

Непосредственно штурм города вели части Дроздовской дивизии генерала Владимира Константиновича Витковского. Особенно отличился 1-й батальон 2-го Офицерского генерала Дроздовского полка под командованием 25-летнего полковника Антона Васильевича Туркула. О том, как все это происходило, он рассказал в своих воспоминаниях через 29 лет. В мемуарах «Дроздовцы в огне» Туркул писал, что 23 июня его батальон сосредоточился в городе Изюме, в 125 километрах от Харькова. «В Изюме мы отдохнули от души. Днем был полковой обед, вечером нам дала отличный ужин офицерская рота. Как молодо мы смеялись, как беззаботно шумела беседа за обильными столами. Во всех нас, можно сказать, еще шумел боевой ветер, трепет огня!., (восторгался он. — *Н, В.*). В самом разгаре ужина был получен приказ: немедленно грузиться и наступать на Харьков. Я помню, с каким «ура» поднялись все из-за столов. Мы двинулись ночью со страшной стремительностью. Так бывает в грозе. Ее удары, перекаты все учащаются,

затишают на мгновение, как будто напрягаясь, и обрушиваются одним разрушительным ударом. Таким разрушительным ударом наступления был Харьков»^[155].

Рано утром дроздовцы атаковали позиции красных на южных городских окраинах и, сбив красноармейские подразделения с занимаемых рубежей, преследовали их до станции Харьков-Левада, где они рассеялись мелкими группами. Затем перешли по деревянному мосту реку Харьков, оттуда, почти не встречая сопротивления, прошагали по улице Кузнечной, чуть ли не парадным маршем, в центральную часть города.

Туркул писал об этом с пафосом: «В то утро наша атака мгновенно опрокинула красных и погнала их... Красные нигде не могли зацепиться. У вокзала они перешли в контратаку, но батальон погнал их снова. Первая батарея выкатила пушки впереди цепей, расстреливая бегущих в упор. Красные толпами кинулись в город. На плечах бегущих мы ворвались в Харьков. Уже мелькают бедные вывески, низкие дома, пыльная мостовая... Мы уже в Харькове. Большой город вырастал перед нами...»^[156]

А что же Ворошилов? Чем он был занят в это время? Командарм-14 пытался латать дыры в разваливавшемся Украинском фронте. Он сетовал на то, что его армия никак не обретет своего лица: войск мало, дисциплина в войсках низкая, недостает необходимого вооружения, снарядов, патронов, обмундирования.

Это подтвердил в своей книге «Очерки русской смуты» А. И. Деникин. Он констатировал: Ворошилов вступил в командование 14-й армией, не до конца сформированной и не успевшей развернуться, занять как следует боевые позиции. К тому же в украинских советских частях происходило разложение. Он ссылается на приказ председателя РВСР

Бронштейна^[157] № 113 от 19 июня, где рисуется неприглядная картина состояния Красной армии. «Армия находится в полном упадке, — говорилось в нем, — боеспособность пала до последней степени. Случаи бессмысленной паники наблюдаются на каждом шагу...» О Ворошилове Деникин высказывается как о человеке, не имеющем необходимых для военачальника такого уровня знаний и задатков, но жестоком и решительном.

Деникину вторит Николай Ильич Подвойский — член Реввоенсовета Республики и одновременно наркомвоенмор УССР. В донесении в Москву он давал действиям 14-й армии отрицательную оценку. Что касается ее командующего Ворошилова, то считает его хорошим солдатом-революционером, увлекающим своим примером окружающих, беззаветно бросающимся в бой. А вот как командарм Климент Ефремович вряд ли на месте.

Несмотря на слабую боеспособность 14-й армии при обороне Харькова в целом, единичные ее подразделения порой показывали беспримерные образцы храбрости и мужества.

В то время когда красные части фактически уже сдали город деникинцам, под вечер 25 июня в центре Харькова произошел знаменитый инцидент с броневиком «Товарищ Артем», который потом войдет и в белые мемуары, и в советские учебники истории. О нем на следующий день газеты города писали: «На Московской улице броневик большевиков «Артем», оказавшийся в тылу наступающей добровольческой цепи, открыл пулеметный огонь, коим было убито и ранено несколько человек. После того как по нему открыли ответный огонь, прислуга броневика, оставив его, бежала и пыталась скрыться на чердаке одного из домов по Рыбной улице, но была захвачена».

Вот как описывает это А. И. Селявкин в книге «В трех войнах на броневиках и танках». Эпизод подается в пересказе.

25 июня бронедивизион вел тяжелые бои под Новомосковском. Командир экипажа броневика «Товарищ Артем» Юзеф Станкевич выполнял приказ военного коменданта Харькова Павла Андреевича Кина выдвинуться на окраину города по Чугуевскому шоссе, чтобы задержать части Деникина и прикрыть отход советских войск.

Сдерживая огнем небольшие группы белых и непрерывно их контратакуя, броневик медленно отходил через Конную площадь и далее по Старомосковской улице к центру города, чтобы присоединиться к частям Красной армии в районе Холодной Горы. Но уже в центре около пяти часов вечера броневик встретил крупные белогвардейские подразделения, вошедшие в Харьков с разных направлений, и вступил с ними в бой.

Под перезвон колоколов местная буржуазия, бывшие офицеры, чиновники с оркестром, цветами и трехцветными флагами готовились торжественно встретить деникинских «освободителей».

Увидев броневик, на башне которого красными буквами было выведено «Товарищ Артем», устроители торжеств оцепенели. А когда пулемет брызнул огненной очередью по коннице, оцепенение сменилось паническими воплями и бегством. Броневик носился по площади, врезаясь в колонны врага. Торжественная встреча не состоялась. Но вскоре деникинцы оправились от шока и стали окружать броневик.

Во время движения по Московской улице, на подъеме, остатки горючего отлились в задние отсеки бака и подача бензина в двигатель прекратилась. Броневик остановился на перекрестке Московской

улицы и Петровского переуллка, продолжая отбиваться от врага.

Когда кончились патроны, экипаж вывел из строя пулемет и двигатель бронемашины, а затем вступил в рукопашную схватку с белогвардейцами. Окровавленных героев деникинцы потащили на Николаевскую площадь и здесь после истязаний под озверелый рев толпы расстреляли.

Трупы четырех красноармейцев и их командира Станкевича пролежали на площади несколько суток^[158].

По-своему описал этот случай с советским броневикум в мемуарах «Дроздовцы в огне» А. И. Туркул. Предлагаю отрывок мемуаров в произвольном изложении.

Вдруг из-за угла с рычанием вылетела серая бронева машина. Броневику застопорил ход в нескольких шагах от Туркула, по его борту красная надпись: «Товарищ Артем».

Броневику открыл по батальону огонь. Туркул прижался к стене. Следовавшие за ним связисты попрыгали с набережной под откос, к речке. Если бы у броневику был боковой наблюдатель, он бы заметил Туркула и пулеметчик мгновенно смёл бы его огнем.

Туркул стал пробираться вдоль домов, ища какой-нибудь подворотни, выступа, угла, где укрыться. Дверь одного подъезда подалась под рукой, приоткрылась, но на задвижку накинута цепочка. Туркул перебил цепочку выстрелом маузера, проник в подъезд.

Поднялся по лестнице на второй этаж и на площадке открыл окно. Оттуда он увидел своих связистов, они залегли под откосом. Подпрапорщик связи Сорока стал подниматься со связкой ручных гранат к броневику. Он выбрался на набережную, кинул

в броневик гранаты, но не повредил его. Его примеру последовали все чины связи. Вокруг «Товарища Артема» поднялись грохот и столбы взрывов. Бронемашина умчалась по Старомосковской улице.

Батальон уже выходил на Николаевскую площадь. И тут на его хвост — подводчиков-мужиков налетел из переулка красный броневик. Он пересек колонну, разметал подводчиков и лошадей и скрылся. Туркул приказал выкатить на площадь четыре орудия и ждать, когда вновь появится «Товарищ Артем».

Броневик, словно спятивший с ума, снова вынесся на площадь со Старомосковской улицы и помчался вверх к Сумской, поливая все кругом из пулемета.

Пушки произвели по бронемашине четыре выстрела. «Товарищ Артем», огрызаясь пулеметным огнем, закружился на месте. Несколько артиллеристов были ранены. Но черные фонтаны пушечных разрывов все плотнее и плотнее вскидывались вокруг броневика. Стараясь вырваться из огненного кольца, он норовил нырнуть в узкий проход между домами и, круто разворачиваясь, уперся в столб электрического фонаря. Его забросали гранатами, заставив прекратить отстреливаться. На какое-то время «Товарища Артема» закрыло дымом разрывов. Воспользовавшись этим, дроздовцы окружили бронемашину. В ней никого, только кровь на сиденьях. Экипаж бежал.

К Туркулу подошел старик еврей и вполголоса сказал ему, что люди с броневика прячутся тут неподалеку, в переулке на чердаке третьего дома.

Подпрапорщик Сорока со своими связистами стащили с чердака пятерых окровавленных матросов в тельниках и кожаных куртках, черных от копоти и машинного масла. Толпа мещан встретила плененных красных с яростной агрессией. Их били тростями, зонтиками, на них плевали, женщины кидались на них, царапая им лица.

— Куда вы их ведете, убейте... Кончайте их на месте... — кричали харьковчане.

Экипаж броневика «Товарища Артема» Туркул приказал расстрелять прямо на площади...^[159]

Отдельные современные историки с неким восхищением отзываются об отличившемся при взятии Харькова белом офицере Туркуле: представляют его подлинным российским патриотом. Вряд ли с ними согласятся подавляющее большинство русских людей. Может быть, он и был патриотом, но, надо полагать, той — царской, дворянской России. Русский простой народ ему глубоко чужд. На это указывает его участие в Великой Отечественной войне Советского Союза с фашистской Германией на стороне немецких захватчиков. Во второй половине войны генерал Туркул вступил в так называемую Русскую освободительную армию (РОА) изменника А. И. Власова. Он был кооптирован в КОНР^[160], и в марте — апреле 1945 года стал формировать Отдельный корпус предателей. К счастью, создать полноценное коллаборационистское^[161] соединение не успел, гитлеровский Третий рейх пал. По окончании войны личный состав корпуса был интернирован на территории Австрии в лагерь Келлерберг. Туркул был арестован как нацистский преступник.

После захвата Харькова войсками Деникина Ворошилов был обвинен в неоправданной сдаче города врагу. Он был предан суду Военно-революционного трибунала. Члены трибунала пришли к выводу, что Ворошилов не справился со своими обязанностями, не сумел правильно обеспечить оборону Харькова не по злему умыслу, а из-за некомпетентности. Общее мнение судей выразил М. Л. Рухимович: «Командовать может ротой, батальоном, с натяжкой, полком. Командармом

быть не может — не умеет... Его нельзя было назначать командующим...»[\[162\]](#)

Выявившуюся некомпетентность Ворошилова трибунал признал смягчающим вину обстоятельством и не назначил ему никакого наказания, порекомендовал только снять его с должности.

Позже К. Е. Ворошилов, как командующий 14-й армией, и В. И. Межлаук, С. П. Нацаренус, как члены Реввоенсовета, напишут обстоятельные объяснения причин, «вызвавших отступление 14-й армии, сопровождающееся огромными потерями в людях и оставлением в руках зарвавшегося противника громадной территории»[\[163\]](#).

1-я КОННАЯ

Непотопляемый слесарь

Ворошилов был снят с должности командующего 14-й армией, но из высших сфер власти на Украине его не исключили. Алчевский слесарь-металлист — буйный Володька, как и прежде, оставался непотопляемым в штормовом море Гражданской войны.

Всеукраинский ЦИК Советов в конце июня постановил ликвидировать самостоятельный Украинский фронт. Отныне все красноармейские части подчинялись единому командованию. В этот период из войск 1-й и 3-й Украинских армий была создана 12-я советская армия, ее возглавил Николай Григорьевич Семенов.

В июле главнокомандующий Вооруженными силами Юга России Деникин издал директиву № 08 878, ставшую известной как Московская директива. Она представляла собой приказ по захвату сердца России — Москвы. В ней были определены следующие задачи:

1) Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов — Ртищево — Балашов, сменить на этих направлениях донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее — Нижний Новгород, Владимир, Москву.

2) Генералу Сидорину, до выхода войск генерала Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин — Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях:

а) Воронеж, Козлов, Рязань и б) Новый Оскол, Елец, Кашира.

3) Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав — Брянск.

4) Генералу Добровольскому выйти на Днепр от Александровска до устья, имея в виду в дальнейшем занятие Херсона и Николаева.

5) Генералам Тяжельникову и Эрдели продолжать выполнение ранее поставленных задач.

6) Черноморскому флоту содействовать выполнению боевых задач генералов Тяжельникова и Добровольского и блокировать порт Одессу.

7) Разграничительные линии:

а) между группой генерала Эрдели и Кавказской армией — прежняя;

б) между Кавказской и Донской армиями — Калач, граница Донской области, Балашов, Тамбов, Моршанск, все пункты для Донской армии;

в) между Донской и Добровольческой армиями Славяносербск, Старобельск, Валуйки, Короча, Щигры, Верховье, Узловая, Кашира, все пункты для Донской армии;

г) между Добровольческой армией и 3-м корпусом северная граница Таврической губернии, Александровск.

8) Железная дорога Царицын — Поворино — Балашов предоставляется в общее пользование Кавказской и Донской армиям.

Как видим, задача овладения Киевом была поставлена более месяца назад в главном стратегическом документе командования ВСЮР — Московской директиве (пункт 3). Для ее выполнения Деникин выделил армейскую группу под командованием генерал-лейтенанта Николая Эмильевича Бредова в составе 5-го кавалерийского

корпуса, 7-й пехотной дивизии и Сводно-гвардейской бригады. Она двинулась к Киеву по обоим берегам Днепра.

Одновременно с началом наступления деникинцев в направлении Киева и Одессы с запада начали выдвижение и войска украинских «самостийников» — это армии двух разных государственных образований: Украинской народной республики (УНР) и Западно-Украинской народной республики (ЗУНР). Правительство и армия ЗУНР накануне потерпели поражение в войне с Польшей, в результате чего утратили суверенитет собственной территории. Вооруженные силы ЗУНР — Галицкая армия — были перемещены на земли, контролируемые УНР, и перешли в подчинение Симона Петлюры.

Объединенные войска УНР и ЗУНР все лето 1919 года проводили стратегическую операцию, целью которой было нанесение поражения 12-й и 14-й украинским Красным армиям и выход к Черному морю. Теперь, когда деникинцы ринулись вверх по Днепру, они сосредоточились на овладении Киевом и Одессой. Частями, устремленными на Киевский район, командовал галицкий генерал Антон Кравс. Общее руководство фронтом осуществлял сам головной атаман Петлюра. Ударная группировка Кравса — два галицких и один запорожский корпуса — подошла с юго-запада к Киеву на расстояние 40 километров.

Между командующим Вооруженными силами Юга России и атаманом Украинской народной республики дружбы не было. Деникин Петлюру не признавал, как и его Надднепрянскую армию. Поэтому между ними могло произойти столкновение. Однако этого не случилось: штаб головного атамана УНР дал указание Кравсу в случае встречи с частями Добрармии удерживаться от любых враждебных акций. Предложить генералу Деникину, чтобы его войска не занимали тех

местностей, которые уже находились под юрисдикцией УНР.

Кравс уступил Бредову. Он подошел с юго-запада к Киеву и остановил свои корпуса в 40 километрах от него.

До конца июля 1919-го Киев считался относительно спокойным городом, в нем располагались правительство УССР, штабные и тыловые подразделения 12-й армии. Но с августа ситуация изменилась, вокруг него и в самом городе запахло грозой. Не сегодня-завтра его могли захватить войска УНР или Деникина.

Южный фронт трещал по всем швам. ЦК КП(б)У принимает чрезвычайные меры по его укреплению, усиливает партийно-политическую работу в армии. Проводится поголовная мобилизация коммунистов и членов профсоюза, затем мужского населения призывных возрастов, ужесточается борьба с дезертирством. В это критическое время Киев объявляется осадным «укрепрайоном». Комендантом его стал присланный из Москвы чекист Яков Христофорович Петерс, заместителем — начальник Всеукраинской ЧК Мартын Иванович Лацис.

Пленум ЦК КП(б)У избирает Ворошилова членом Политбюро. Его вводят в состав Совета рабоче-крестьянской обороны УССР. В новом для себя качестве он с присущей ему напористостью развивает кипучую деятельность по призыву трудящихся масс Украины напрячь все силы для отпора врагу. Ворошилов выступал с горячими речами на заводах, в учреждениях, просто на площадях и улицах, публиковал в печати страстные статьи.

«Пусть каждый удесятерит свою работу, — писал он в газете «Коммунист». — Пусть мыслью и чувством каждого станет одно — мы должны разбить помещика

Деникина и восстановить на Украине Советскую власть во всей ее полноте. Только при напряжении всех сил мы создадим волю к победе и действительно победим»^[164].

В середине августа на заседании президиума Совета рабоче-крестьянской обороны УССР было принято решение назначить Ворошилова членом Реввоенсовета 12-й армии. На следующий день президиум Совета заслушал его сообщение о складывающемся на фронте положении, которое было более чем удручающим.

Правительство понимало, что Киев удержать не удастся, и оно поручает Ворошилову и Бубнову^[165] начать эвакуацию служащих государственных органов, различных организаций, имущества, упорядоченный вывод из города войск гарнизона. Эвакуацию предполагалось осуществлять на север по дорогам пешими колоннами, гужевым транспортом и по Днепру пароходами.

Планомерный отвод частей, вывоз учреждений и материальных ценностей требовали огромного напряжения сил, умелого руководства большой массой гражданских лиц и личного состава воинских подразделений. Эту важную и ответственную работу, писал Андрей Сергеевич Бубнов впоследствии, они слаженно делали вместе с Ворошиловым. Причем Климент Ефремович выполнял ее без суеты, без эмоциональных срывов, хладнокровно. «Особенно твердой рукой» он регулировал порядок, время и маршруты отрядов Красной армии, покидающих город.

В ночь с 31 августа на 1 сентября в Киев без боя вступили авангардные части генерала Бредова...

Главные силы 12-й советской армии вели оборонительные бои в западных районах Украины. В основном боевые действия шли против петлюровцев,

отмечались отдельные стычки с поляками. А на южном направлении красные войска сражались с деникинцами на рубеже Херсон — Николаев — Одесса.

Южная группа не в состоянии была противостоять мощным напорам белогвардейцев и, чтобы не оказаться в полном окружении, начала отступление к Житомиру.

После оставления Киева части его гарнизона и отряды, сформированные по мобилизации, пытались под руководством Ворошилова держать под своим контролем единственно свободную линию в направлении Козельца, по которой отходили эвакуированные массы киевлян. Это продолжалось больше месяца.

Правительство УССР перебазировалось в Чернигов и некоторое время функционировало там. 2 октября оно самораспустилось. Все его члены, в том числе и Ворошилов, по распоряжению ЦК РКП(б) выехали в Москву.

По разным источникам сегодня известно, что в октябре Ворошилов был назначен начальником 61-й стрелковой дивизии. Затем ему было поручено возглавить Липецкую группу войск, базировавшуюся на 61-й стрелковой и 11-й кавалерийской дивизиях...

Если говорить о периоде жизни и деятельности К. Е. Ворошилова с июля по ноябрь 1919 года, то этот период в советской военной истории отражен как-то размыто и с некоторыми, мягко говоря, неточностями. Здесь много неясностей, противоречий и даже допущена фальсификация событий и фактов.

Например, В. С. Акшинский в книге «Климент Ефремович Ворошилов» написал, что 22 августа 1919 года на заседании президиума Совета рабоче-крестьянской обороны УССР и Реввоенсовета 12-й армии было принято постановление ввести Ворошилова в состав Реввоенсовета 12-й армии. Там же он пишет и о

Липецкой группе войск, которую Ворошилов возглавил в октябре [\[166\]](#).

Это повторяет и писатель-историк В. И. Кардашов в книге серии ЖЗЛ «Ворошилов». В частности, в ней рассказывается о том, что Ворошилов 20 октября получил приказ сформировать группу войск (под его командованием) в составе 61-й и 11-й кавалерийской дивизий. Вечером следующего дня он установил связь с Буденным и сообщил тому: части его группы будут сосредоточиваться в Липецке, а кавалеристы займут Задонск и обеспечат фланг конного корпуса. В последующие дни Ворошилов в Липецке собирает, осматривает, готовит к бою части... [\[167\]](#)

Я искал официальные подтверждения написанному Акшинским и Кардашовым, но увы, не нашел. Возможно, плохо искал. Зато выяснил следующее. В «Директивах командования фронтов Красной армии (1917-1922)» приводится документ Российского государственного военного архива (РГВА), бывшего Центрального государственного архива Советской армии (ЦГАСА). В нем — список командного состава 12-й армии:

«Командующие:

Н. Г. Семенов (16 июня — 8 сентября 1919),

С. А. Меженинов (10 сентября 1919 — 10 июня 1920)...

Члены РВС:

С. И. Аралов (16 июня 1919 — 1 декабря 1920),

А. Я. Семашко (16 июня — 12 сентября 1919),

Н. Н. Кузьмин (21 июля — 3 ноября 1920),

А. К. Сафонов (22 августа — 13 сентября 1919),

К. А. Авксентьевский (13-22 августа 1919),

Н. И. Муратов (8 сентября 1919 — 13 июля 1920),

Серафимов (18 февраля — 17 мая 1920),

В. П. Затонский (27 июня 1919 — 17 мая 1920),

В. В. Косиор (27 августа — 12 октября 1920),

А. Я. Шумский (12 октября — 11 декабря 1920),
П. П. Ткалун (27 ноября — 18 декабря 1920»^[168].
Фамилии Ворошилов здесь нет.

Не обнаружил я ни в «Директивах командования фронтов Красной армии (1917–1922)», ни в иных других архивных документах упоминания и о Липецкой группе войск, которой командовал в октябре Ворошилов. Есть во втором томе «Директив» только указание насчет «группы т. Щербакова^[169], образованной приказом Южного фронта № 1641 от 25 октября 1919 года в составе 61-й стрелковой и 11-й кавалерийской дивизий»^[170].

О группе Щербакова пишет и бывший командующий Южным фронтом А. И. Егоров в книге «Разгром Деникина». А вот о Липецкой — ни слова...

Здесь следует заметить, что группа Щербакова очень быстро распалась. 61-я дивизия, не успев полностью сформироваться до положенного штата, 30 октября по приказу командования фронта прекратила свое существование. Она стала резервом для пополнения стрелковых соединений. 11-ю кавалерийскую дивизию передали в конный корпус С. М. Буденного...

Грядущий 1920-й год станет новой ступенью в военной судьбе Ворошилова.

«Развернуть корпус в армию»

22—29 декабря 1920 года в Москве проходил VIII Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Он собрался в период окончания войны против внутренней контрреволюции и военной интервенции.

Хозяйственный фронт на съезде выдвигался как самый главный. На съезде присутствовали 2537 человек. Среди делегатов были Ворошилов и Буденный.

Этот съезд особо запомнился Буденному. Между заседаниями к нему подошел Ленин и завел с ним разговор. Вот как Буденный описал его годы спустя.

— Вы понимаете, что ваш корпус сделал под Воронежем? — спросил Ленин.

— Разбил противника, — ответил Буденный.

— Так-то просто... Не окажись ваш корпус под Воронежем, Деникин мог бы бросить на чашу весов конницу Шкуро и Мамонтова, и Республика была бы в особо тяжелой опасности. Ведь мы потеряли Орел. Белые подходили к Туле. Чтобы как-то оправдать Шкуро и Мамонтова, белые распустили слух и даже напечатали в газетах, что их конницу разбил бывший генерал, чуть ли не сподвижник известного генерала Скобелева. — Ленин улыбался. — Пришлось, батенька, опровергать, что Буденный не генерал, а всего лишь вахмистр.

Семен Михайлович в шутку поблагодарил Владимира Ильича за производство его в вахмистры.

— А вы что, не были в этом звании?

Буденный ответил, что временно исполнял обязанности вахмистра.

— Главное, — продолжал Ленин, — пришло время, когда и люди из простого народа бьют буржуазных генералов. Пусть это чувствуют империалисты. Вы преподнесли им хороший урок...

Какой же урок преподнес Буденный годом ранее «буржуйским генералам» под Воронежем?

Советская историческая энциклопедия на этот вопрос отвечает описанием Воронежско-Касторненской операции (1919 год) против белогвардейских войск

Деникина. Лаконично описание операции можно представить так:

Участвующие стороны: красные части 13-й, 8-й армий, конный корпус Буденного, всего 25–30 тысяч штыков и 10–12 тысяч сабель; силы противника — 2-й, 3-й сводные донские корпуса, конные корпуса Мамонтова и Шкуро, всего 20–25 тысяч штыков и 15–20 тысяч сабель.

Развивая наступление на Москву через Орел, деникинское командование стремилось овладеть Воронежем. Задачей советских войск было нанести поражение Добровольческой и Донской армиям. В боях 25–27 сентября корпус Буденного разбил у Калача группу белых войск 3-го Донского корпуса^[171] и отбросил ее за реку Дон.

В это время конный корпус Шкуро наступал на Воронеж с запада, создав разрыв между 8-й и 13-й армиями советского Южного фронта, а корпус Мамонтова — южнее Воронежа к станции Таловая.

Навстречу кавалерии Мамонтова был срочно двинут корпус Буденного. 2 октября Мамонтов занял Таловую, но Буденный уже 4-го выбил его оттуда. Кавалерия Мамонтова отступила на соединение с конниками корпуса Шкуро, который 6 октября оккупировал Воронеж. 12 октября советские войска, произведя перегруппировку и имея мощное кавалерийское соединение, перешли к решительным действиям. Конница Буденного создала острую угрозу Воронежу. 24 октября красные нанесли первое крупное поражение белой кавалерии Мамонтова и Шкуро. Был освобожден Воронеж, затем узловая станция Лиски. Советские дивизии, продвигаясь на запад, форсировали Дон, вышли на подступы к станции Касторная-Новая. В это время на стыке 8-й и 9-й советских армий белогвардейцы вышли на рубеж Новохоперск — Таловая

— Бобров, вновь заняли Лиски, усилив угрозу Воронежу с юга. И снова в боях с 5 по 15 ноября отличился конный корпус Буденного. При содействии 8-й и 13-й армий он овладел районом станции Касторная, отбросив белых на юг с большими для них потерями...

Это — сухие официальные данные.

О событиях октября 1919-го под Воронежем и Касторной оставили «сочные» воспоминания многие непосредственные их участники. Сошлюсь на некоторые из них.

Иван Владимирович Тюленев — в сентябре — ноябре 1919 года был начальником разведки конного корпуса Буденного. В его мемуарах «Через три войны» читаем:

«<...> Корпус Буденного из района Кепинская, Усть-Медведицкая был переброшен в район Воронежа для борьбы с белой конницей генералов Мамонтова и Шкуро. 13-14 октября корпус Шкуро, приняв сосредоточенный в районе Усмани (Собакино) конный корпус Мамонтова за красных, завязал с ним бой». Дальше Тюленев пишет, что ошибка была обнаружена только после пятичасовой потасовки.

Корпуса белых объединились для совместных действий. Корпус Шкуро расположился в районе Графская, Усмани, Воронеж, а Мамонтова — юго-восточнее Воронежа.

Войскам Южного фронта предстояло в боях под Воронежем вырвать у врага инициативу, приостановить его наступление и подготовить условия для контрнаступления.

Конница Буденного действовала в границах Усмани, Землянка, Касторной, Воронежа. Район этот представлял собой плоскую равнину, пересеченную реками Воронеж и Дон, по берегам которых тянулись оборонительные сооружения белых. Мостов не было.

Инженерных переправочных средств буденновцы не имели.

Учтя особенности местности, расположение сил противника, его оборону, командование Южного фронта определило основное операционное направление для действий корпуса через Воронеж на Касторную. Это направление по кратчайшему пути выводило его в тыл противника. С захватом Воронежа и станции Касторная-Новая срезался клин, образованный войсками белых в районе Орла. А разгром кавалерии Шкуро и Мамонтова вел к срыву авантюристского плана похода Деникина на Москву.

К началу боевых действий в районе Воронежа под началом Буденного были 4-я и 6-я кавдивизии, еще приданные корпусу конные подразделения 8-й армии, железнодорожная стрелковая бригада и две бронеплощадки. Всего шесть с небольшим тысяч человек, 180 пулеметов и 26 орудий.

У Шкуро до пяти тысяч сабель, два полка пехоты и семь бронепоездов. Мамонтов располагал тремя-четырьмя тысячами всадников. Корпуса белых находились на значительном удалении один от другого и действовали разрозненно. Поэтому численного превосходства белогвардейцев в решительные моменты боя почти не ощущалось.

В сражении под Воронежем и Кромами врагу был нанесен чувствительный удар. Обескровленная белая конница Мамонтова и Шкуро отходила на юг. В районе станции Касторная она немного оправилась от разгрома. На скрещении железных дорог Воронеж — Курск и Елец — Валуйки белогвардейские войска, прикрываясь реками Олым и Кастора, вновь создали сильную группировку. В этот район были стянуты офицерские полки так называемой Марковской дивизии. Здесь же было сконцентрировано много техники, вплоть до танковых подразделений. Танками марки

«Рено», только что полученными из Франции, белогвардейское командование намеревалось устроить и остановить части Красной армии.

Чтобы овладеть Касторненским оборонительным рубежом, предстояло форсировать реку Олым. Это была невероятно трудная задача. Река к тому времени, несмотря на сильные морозы, еще не замерзла. Танки маневрировали перед передним краем, в глубине обороны противника; на железнодорожных линиях Елец — Касторная-Новая — Оскол, Касторная-Новая — Нижнедевицк курсировало до десятка бронепоездов. Однако буденновцы преодолели водную преграду и ударили по врагу...^[172]

Андрей Григорьевич Шкуро, генерал-лейтенант, — во время Московского похода (июнь — октябрь 1919 года) командовал 3-м Кубанским корпусом. После Гражданской войны написал книгу «Записки белого партизана», значительное место в которой он уделил воспоминаниям о боях с конницей Буденного. Ниже — пересказ небольшого фрагмента:

4 октября разведкой была нащупана дивизия Буденного, девятиполкового состава, в районе села Усмани-Собакино. Решили атаковать ее внезапно и уничтожить. Терцы, отправка которых к Таганрогу была назначена на 6 октября, должны были атаковать от Усмани-Собакина, кавказцы — от деревни Графской. Донцы дивизии Серетева тоже подходили к этому району. 5 октября чуть свет терцы атаковали на биваке один из полков красной дивизии, порубили и разогнали всадников, забрав до четырехсот коней и пулеметы.

В это время появилось два-три конных полка, шедших на рысях к месту боя. Терцы полагали, что это донцы, но оказалось, что красные. Подойдя версты на полторы, они помчались в атаку. Опешившие терцы

бросились наутек, не приняв удара. Кавказская дивизия, в свою очередь, ударила во фланг красных и спасла терцев от поражения. Обе стороны спешили; завязался длительный и безрезультатный огневой бой. К вечеру терцы были выведены из боя и ушли под Таганрог, унося с собой впечатление, что в лице кавалерии Буденного вошел в игру новый и серьезный противник.

Начались бои вокруг Воронежа с инициативой на стороне Буденного. Вначале он обнаружил достаточную безграмотность — атаковал Кубанский корпус одновременно во многих пунктах малыми отрядами. Охотно уступая ему эти пункты, Шкуро обрушивался затем всеми силами своего резерва и уничтожал их. Быть может, Буденный слышал что-либо об аналогичном методе, применявшемся Наполеоном, но, видимо, не усвоил его сущность. Вскоре, поняв на опыте невыгодность своей тактики, он изменил ее и не рисковал впоследствии распылять свои силы.

Конница его состояла преимущественно из изгнанных из своих станиц за причастность к большевизму донских, кубанских и терских казаков, стремившихся обратно в станицы, и из иногородних этих областей. Всадники были хорошо обучены, обмундированы и сидели на хороших, большей частью угнанных с Дона конях. Красная кавалерия боялась и избегала принятия конных атак. Однако она была упорна в преследовании уходящего противника, но быстро охлаждалась, натолкнувшись на сопротивление.

Кубанский корпус мог бы еще долго держаться в Воронеже, но после того как Лиски, а затем и Усмань-Собакино были взяты красными, создавалась опасность оказаться отрезанным и окруженным. В ночь с 10 на 11 октября кубанцы ушли за Дон. Буденный не решался в течение всего дня 11 октября занять оставленный город.

Теперь задача Шкуро состояла в том, чтобы не пропустить красную кавалерию через Дон или, во всяком случае, как можно долее препятствовать ее распространению на правом берегу.

Ударили морозы. Конники и особенно стрелки были плохо экипированы; не было перчаток; обувь представляла собой жалкое зрелище. Отсюда следствие — случаи обморожения и простудных заболеваний. Одновременно усилилась эпидемия тифа. Ряды корпуса стали быстро таять, участилось дезертирство. Дезертиры скапливались в шайки, грабившие население и сеявшие в нем ненависть к войскам. Появилось и новое зло — отсутствие подков для перековки коней. Во время гололедицы кони могли идти лишь шагом, в то время как кованные на зимние подковы кони кавалерии Буденного развивали любой аллюр. Его отряды свободно уходили от преследования; казаки же при каждой неудаче чувствовали у себя на плечах врубившегося в тыл противника. Это не могло не размагничивать настроения людей.

17 октября севернее селения Гроздевки, а также в районе Речицы Буденный, собрав ударные группы с сильной артиллерией, сбил отряды Шкуро с занимаемых позиций. Против трех буденновских дивизий — 4-й, 6-й и Кубанской (красной) бригадам Белой гвардии делать было нечего.

Командование требовало, чтобы Шкуро отступил на соединение с Донской армией, а Май-Маевский шел на Касторную, прикрыв таким образом правый фланг Добармии. Красным пришлось идти на Касторную.

В Касторной, к которой части корпуса подошли в конце октября и заняли позиции, к Шкуро на помощь прибыл небольшой — около шестисот штыков, — но сильный духом и стойкий Марковский полк. Подвезли три танка, а также походные кухни. От танков было

мало проку, ибо они вечно ремонтировались и портились после каждого выхода в поле.

Буденный заботливо берег свой конский состав. После двух-трех дней действий на фронте он отводил части в резерв, заменяя их свежими или пехотой. Шкуро же вследствие ограниченности сил и из-за того, что инициатива находилась в руках красных, вынужден был держать свою конницу в первой линии, обнаруживая ее перед противником и утомляя и без того уже измученных казаков и калеча лошадей.

С боями, неся потери, продержавшись у Касторной с неделю, потом вынуждены были отойти от нее... [\[173\]](#)

Семен Михайлович Буденный — в сборнике статей «Красная конница» он мало распространяется о том, как его корпус брал Воронеж, как шло сражение за Касторную. Больше — о результатах, он пишет об огромных трофеях, захваченных в Воронеже. Оба корпуса белых бросили здесь почти всю свою артиллерию, кроме того, еще бронепоезда «Генерал Гуселыциков», «На Москву» и «Имени Шкуро». А генерал Шкуро так поспешно бежал, что впопыхах даже забыл свой вагон-салон.

Кстати сказать, среди трофеев, отбитых у белогвардейцев, обнаружили печатные машины и шрифты, послужившие первой полиграфической базой для «Красного кавалериста» — боевой красноармейской газеты конного корпуса, а затем и 1-й Конной армии.

Вечером 25 октября Буденный с комиссаром Авксентием Акимовичем Кивгелой собирались поехать в части корпуса, которые, не задерживаясь в Воронеже, преследовали белогвардейцев, отступавших в западном направлении. Но уехать не удалось, нужно срочно было решить ряд неотложных вопросов.

«Было уже за полночь, — читаем в статье сборника «Красная конница», — когда я сел писать ответное письмо И. В. Сталину (накануне С. М. Буденный получил послание от Сталина. — *Н. В.*), которое надо было послать с Е. А. Щаденко, уезжавшим в Москву утром».

Буденный начал его так: «В своем письме Вы интересовались тем, что нам необходимо для повышения боеспособности корпуса и улучшения порядка его использования. Это очень серьезные вопросы, и я считаю своим долгом, насколько возможно, подробнее на них остановиться.

К настоящему времени корпус превосходит любой конный корпус белых как по вооружению и своей организации, так и по боеспособности личного состава. При умелом использовании корпуса во взаимодействии с нашими стрелковыми соединениями он вполне способен успешно вести борьбу с конными корпусами противника. Этот вывод подтверждают бои корпуса под Царицыном и особенно разгром Мамонтова и Шкуро под Воронежем.

Но действия конного корпуса были бы еще более лучшими, если исключить тот беспорядок в подчинении и использовании его, который существует на сегодня. Вы только подумайте, что получается?! На санитарном и денежном довольствии корпус находится в 10-й армии, на продовольственном — в 9-й, на снабжении боеприпасами — в 8-й армии, в оперативном отношении подчинен Южфронту. Но это все лишь формально. Фактически же никто ничем корпус не снабжает, а боевые задачи ставят все. Если добавить к этому, что существует у некоторых наших руководителей незнание природы боя конницы и принципов ее использования, то Вам станет ясно, в каких условиях приходится действовать корпусу.

Вы, конечно, понимаете меня, что, докладывая Вам о вышеизложенном, я, разумеется, не руководствуюсь

какими-либо соображениями, призванными поставить корпус в идеальные условия. Я прежде всего заинтересован в более эффективном использовании нашей еще столь незначительной по численности красной конницы.

Полагаю, что пока корпус находится в подчинении армии, не будет правильного его использования, не будет и перспектив роста нашей конницы. В лучшем случае он будет решать тактические задачи местного значения в интересах армии, а в худшем затыкать дыры в обороне стрелковых соединений.

А между тем кому теперь не ясно, что в наших условиях конница, как подвижный род войск, должна использоваться крупными массами в интересах фронта, а не армии. Белогвардейское командование это во всяком случае хорошо понимает. Оно формирует преимущественно конные корпуса и всегда имеет возможность быстро создавать нужную группировку подвижных сил на любом участке фронта. Я понимаю, что для формирования кавалерии белые располагают большими возможностями, занимая районы казачьих областей. Но и мы можем многое сделать. Если мы не имеем возможности создать такое же количество конных корпусов, какими располагают белые, то почему бы на первых порах не развернуть наш корпус в конную армию. Создание такого кавалерийского объединения будет впервые в истории этого рода войск.

Для создания конной армии у нас имеются все возможности. Хорошей основой для этого послужит конный корпус. Из состава любой дивизии корпуса можно будет вывести кавалерийскую бригаду и, взяв ее за ядро, сформировать за счет добровольцев третью кавалерийскую дивизию. Можно создать эту дивизию и за счет конных частей войсковой кавалерии. При желании можно создать второй конный корпус и свести два корпуса в армию.

Наш корпус накопил опыт по организации своих высокооперативных тылов. Тылы корпуса находятся в настоящее время в хорошем состоянии и послужат базой для развертывания армейского тыла. Тылы армии явятся прочной опорой для действий боевых частей и соединений, ликвидируют абсолютно неудовлетворительное положение со снабжением, которое существует теперь.

Я уверен, что создание конной армии — это не пустой эксперимент, а назревшая необходимость. Она (конная армия) явится не только серьезным противовесом белогвардейской казачьей коннице, но и могучим средством в руках фронтового или главного командования для решения задач в интересах фронта и, не исключено, в интересах всей Советской Республики.

Я, безусловно, рассчитываю на Ваше глубокое понимание существа моего предложения и надеюсь, что Вы не только поддержите его, но и лично примете решительные меры. Думаю, что это предложение поддержит и А. И. Егоров...»^[174]

Здесь же, в статье сборника «Красная конница», Буденный отметил, что к концу дня 26 октября из Липецка с ним «соединился по прямому проводу Ворошилов. Он сообщил: подчиненные ему части сосредоточились в Липецке, и кавчастям поставлена задача занять Задонск, установить связь с Конным корпусом и вести разведку в направлении Землянска».

Почему я привел этот кажущийся на первый взгляд малозначительным факт сообщения по телеграфу Ворошилова Буденному? Дело в том, что речь идет опять о так называемой Липецкой группе Ворошилова. Семен Михайлович здесь либо не в курсе, что Ворошилов не командовал частями, сосредоточенными в Липецке, либо сознательно искажает истину.

Вот выписка из приказа:

«Армиям фронта о ликвидации Орловской и Кромской групп противника № 46/оп, г. Серпухов. 27 октября 1919 г.

Продолжающиеся упорные бои в районе Кром, Орла и Ельца, к участию в коих противник, по-видимому, стянул свои лучшие силы, свели наступление частей 13 и 14 армий в этом районе к лобовым атакам. При таких условиях боевой обстановки главнейшая наша задача — уничтожение живой силы противника, действующего в указанном районе, — может быть достигнута в кратчайший срок лишь путем нанесения удара во фланг и тыл этой группе с востока, а потому приказываю:

1. Комкору конного т. Буденному, во изменение данной мною директивы 20 октября № 11144/оп, по переправе через р. Дон немедленно направить свою конную массу в общем направлении Землянк — Ливны, имея ближайшей целью совместно с левым флангом 13 армии уничтожение противника, действующего в районе Елец — Ливны...

5. Группе т. Щербакова:

а) немедленно сосредоточить отряд т. Ворошилова^[175] в районе Задонска, имея в виду переброску такового в район Землянска с задачей обеспечения промежутка между 8 и 13 армиями;

б) остальные части группы в кратчайший срок деформировать и привести в полную боевую готовность.

ВРИД командюж А. Егоров.

Члены Ревсовета: И. Сталин, Л. Серебряков.

Наштаюж Н. Петин»^[176].

4 ноября в распоряжение корпуса Буденного прибыли председатель ВЦИК РСФСР М. И. Калинин и председатель ЦИК УССР Г. И. Петровский. Они побывали

в бригадах, беседовали с младшими командирами и рядовыми бойцами. Через день в штабе был собран старший командный состав. На собрании выступил Калинин. Он отметил героизм и доблесть кавалеристов корпуса, призвал наращивать удары по Белой гвардии.

Председатель ВЦИКа говорил:

— Нам надо, чтобы наше наступление из мелкого и частичного было превращено в массовое, огромное, доводящее победу до конца... Победа под Воронежем показала, что Красная армия может и должна разбить врага. Я верю вашим конникам, такие люди сумеют отстоять революцию. Настоящие герои у вас, Семен Михайлович.

Буденный поделился с Калининным идеей создания на базе корпуса конной армии. Он сказал, что об этом написал в письме Сталину.

Вернувшись в Москву, Калинин подробно проинформировал Ленина о положении дел у Буденного и о его предложении переформировать корпус в армию. Предложение было рассмотрено в РВСР и решено положительно...

В конце ноября Реввоенсовет Южного фронта по указанию РВСР постановил 1-й конный корпус Буденного переименовать в 1-ю Конную армию.

5 декабря в село Великомихайловка прибыли командующий Южфронтом Егоров и член РВС фронта Сталин. Днем ранее — Ворошилов и Щаденко. Писатель-историк Василий Владимирович Карпенко в книге «Красный генерал» передает короткий диалог, состоявшийся глубоким вечером между Егоровым и Сталиным. Вот его пересказ:

...На ночь Сталин и Егоров расположились в одной комнате.

Сталин сообщил:

— Вчера приехал наш бывший царицынец...

- Кто это?
 - Ворошилов.
 - С назначением?
- Сталин долго молчал. Наконец ответил:
- Да.
 - К Буденному?
 - Членом Реввоенсовета... [\[177\]](#)

До приезда в Великомихайловку Клим Ворошилов побывал в Москве. В РВСР ему было предложено стать председателем Реввоенсовета создаваемой 1-й Конной армии. Он предложение принял. Тут же получил военно-политические установки. Его задача заключалась не только в совместном с Буденным руководстве боевыми операциями, наставлял Ворошилова наркомвоенмор Троцкий, а главное — в политическом воспитании бойцов и командиров в духе преданности делу революции, интересам трудящихся.

Потом была встреча с Лениным. Глава Совнаркома в беседе с Ворошиловым также нажимал на архиважность политического воспитания красных кавалеристов. Он разъяснил Климу, что сформированная из неорганизованной крестьянской и казачьей массы Конармия, в том числе и значительная часть командиров, не имеет идейной пролетарской закалки и крепкой военной дисциплины, заражена партизанщиной, не располагает достаточным числом коммунистов среди рядового и начальствующего состава. Все это следовало преодолеть в условиях боевой походной жизни.

В завершение беседы Ленин подчеркнул:

— Надо сделать Конную армию олицетворением нерушимого союза рабочих и крестьян, имеющих общую цель и единые интересы. Как и во всей стране, этот союз должен проявляться и в боевой обстановке, и в

повседневной жизни. В этом — залог победы в Гражданской войне и в дальнейшем построении социализма...

6 декабря в Великомихайловке состоялось совместное заседание руководства Южного фронта и командования 1-го конного корпуса.

На заседании выступили Егоров, Сталин, Ворошилов. Все отмечали, что созданная 1-я Конная армия как оперативно-стратегическая подвижная группа войск призвана внести решающий вклад в разгром Деникина.

Ворошилов посвятил свое выступление вопросу организационной структуры армии. Было решено, что Конармия будет состоять из дивизий; корпусная система исключалась. Кавалерийских дивизий в штате предполагалось пока иметь три, и на правах оперативного подчинения включались две стрелковые дивизии.

На следующий день был составлен и подписан приказ № 1. В нем говорилось:

«Приказами Реввоенсовета Республики и Южного фронта Конный корпус Южного фронта (т. Буденного) преобразован в Первую Конную армию. Во главе управления армии поставлен Революционный военный совет в составе командующего Конармией т. Буденного и членов Реввоенсовета тг. Ворошилова и Щаденко.

На Реввоенсовет Конармии возложена чрезвычайно тяжелая и ответственная задача — сплотить части красной конницы в единую, сильную духом и революционной дисциплиной Красную Конную армию.

Вступая в исполнение своих обязанностей, Реввоенсовет, напоминая о великом историческом моменте, переживаемом Советской Республикой и Красной армией, наносящей последний смертельный удар бандам Деникина, призывает всех бойцов,

командиров и политических комиссаров напярчь все силы в деле организации армии. Необходимо, чтобы каждый рядовой боец был не только бойцом, добровольно выполняющим приказы, но сознавал бы те великие цели, за которые он борется и умирает. Мы твердо уверены, что задача будет выполнена и армия, сильная не только порывами, но сознанием и духом, идя навстречу победе, беспощадно уничтожая железными полками и дивизиями банды Деникина, впишет еще много славных страниц в историю борьбы за рабоче-крестьянскую Советскую власть.

Да здравствует 1 Конная Красная армия!

Да здравствует скорая победа!

Да здравствует мировая советская власть!»[\[178\]](#)

Создание красной кавалерии: вымыслы и реальность

Кто стоял у истоков красной конницы?

В январе 1918 года на собрании жителей в станице Платовской Сальского округа области Войска Донского был избран станичный совет, заместителем председателя которого стал бывший старший урядник 18-го Северского драгунского полка Семен Буденный. Во время освобождения от белогвардейцев Платовской Семен собрал в конную гурьбу нескольких станичников и вошел с ней в отряд Т. Н. Никифорова. На основе группы Буденного по прошествии некоторого времени был сформирован кавалерийский эскадрон из четырех взводов по 30 всадников.

В конце 1917 года иногородний крестьянин родом из слободы Большая Мартыновка Борис Думенко вернулся с германской войны в чине вахмистра полным георгиевским кавалером в хутор Казачий Хомутец, где

прошли его детство и взросление. Он развернул среди хуторян большевистскую агитацию, призывал их бороться с контрреволюцией и к февралю 1918-го собрал небольшое конное подразделение.

Почти два месяца занимался Думенко с бойцами, обучая их военному делу и верховой езде. В марте он двинулся к станице Великокняжеской, где в сальско-манычской степи складывался красный Степной фронт во главе с Григорием Шевкоплясовым. Говорили, что у Шевкоплясова настоящая боевая часть в 400 штыков и более полутора сотни сабель, до десятка пулеметов. Штаб части — в селе Ремонтном.

По дороге отряд Думенко значительно увеличился, к нему примкнули группы красных партизан станиц Егорлыкской, Великокняжеской, Платовской, попутных хуторов. В Великокняжеской объединенный отряд оформился организационно, командиром был избран Борис Мокеевич Думенко, помощником командира — Семен Михайлович Буденный. В нем насчитывалось около тысячи всадников.

К маю краснопартизанские силы возглавил Шевкоплясов. Кавалерия всех отрядов послужила базой для создания кавдивизиона, командиром которого стал Думенко, его заместителем — Буденный. Группа Шевкоплясова влилась в 10-ю Красную армию и получила наименование Донской советской стрелковой дивизии. Конников Думенко свели в 1-й Социалистический крестьянский кавалерийский полк.

В августе по решению командующего Царицынским фронтом Ворошилова на базе 1-го кавполка была сформирована новая боевая конная единица — 1-я Донская советская социалистическая кавалерийская бригада. Командиром ее оставался 29-летний Думенко, помощником снова был назначен Буденный.

Высший военный совет Российской Республики в середине 1918-го принял решение о формировании в

РСФСР кавалерийских дивизий. К концу года на территории Московского военного округа была создана только одна такая дивизия — Московская; другие конные части были включены в общевойсковые соединения.

На Дону в ноябре бригада Думенко была преобразована в 1-ю сводную кавалерийскую дивизию, которая блестяще себя показала в боях с белоказаками атамана Краснова за Царицын. Успехи конницы Думенко высоко отметил Ленин. Думенко был награжден высшей революционной наградой — орденом Красного Знамени. В марте 1919 года этот орден за номером пять ^[179] ему вручил председатель РВСР Троцкий. При этом он назвал Бориса Мокеевича «первой шашкой Республики». Буденный позже также получит орден Красного Знамени номер шесть, но «второй шашкой республики» назван не будет.

Думенко стремительно растет по службе. В апреле он становится помощником начальника штаба 10-й армии по кавалерии. Под его началом вся армейская кавалерия и три стрелковых дивизии. Эта войсковая группа вскоре получит название Конно-сводного корпуса, потом 1-го Конносводного корпуса и затем 1-го Конного корпуса.

4 апреля 1919 года Ленин посылает в штаб 10-й армии телеграмму:

«Передайте мой привет герою 10-й армии товарищу Думенко и его отважной кавалерии, покрывшей себя славой при освобождении станицы Великокняжеской от цепей контрреволюции».

25 мая 1919 года Думенко получает тяжелейшее ранение в бою у реки Сал. Вместе с ним ранен и командарм-10 Егоров. Но ранение Егорова неопасное, а Думенко почти безнадежен. Его отправляют в Саратов к тогдашнему светилу хирургии — доктору

Спасокукоцкому, который удаляет ему несколько ребер, часть легкого, но спасает жизнь.

В июле Думенко встает на ноги и, несмотря на предостережения врачей, спешит в войска. Однако на корпус его не возвращают, должность командира занята Буденным. Думенко формирует новый корпус, отовсюду собирает бойцов-кавалеристов. В середине сентября он вступает в командование 2-м Конно-сводным корпусом...

Итак, из военной биографии Думенко получается, что он — один из основных создателей красной конницы в годы Гражданской войны на Дону. На этой позиции стоят многие историки, писатели. Так, Юрий Трифонов в романе «Старик» касается истории Думенко, который был родоначальником красной кавалерии. Затем «первую шашку Республики» необоснованно обвинили в предательстве советской власти.

Писатель занимался изучением несправедливых уголовных дел 1920-х годов. В семейном архиве Трифонова хранятся отрывки из рабочих тетрадей с выписками по делу Ф. К. Миронова и Б. М. Думенко. Этой теме посвящена и большая исследовательская работа В. Д. Поликарпова «Трагедия комкора Думенко». А историк Т. А. Иллерицкая прямо заявила, что многие военные достижения, совершенные Думенко, были впоследствии причислены к достижениям Буденного.

Это, как говорится, одна правда. Но была и другая.

С равным правом на роль создателя красной кавалерии претендует и Буденный.

В феврале 1970 года журнал «Вопросы истории КПСС» напечатал письмо Маршала Советского Союза Буденного, в котором маршал подверг резкой критике появившиеся в тот период публикации о Думенко. Семен Михайлович обрушился прежде всего на Иллерицкую:

«Вольно обращаясь с архивными документами, Иллерицкая идеализирует Думенко, приписывает ему заслуги, которых он не имел, — говорится в письме. — Она утверждает, что Думенко формировал части советской конницы, полк, бригаду, дивизию, корпус. В действительности лично он не сформировал ни одной части. Кавалерийский полк, командиром которого Думенко был назначен, создавался командованием 1-й Донской советской стрелковой дивизии из конных подразделений Платовского, Великокняжеского, Куберлевского и других партизанских отрядов. По мере притока бойцов-кавалеристов и лошадей этот полк был развернут штабом дивизии в бригаду. Донская кавбригада приказом главнокомандующего 10-й армии К. Е. Ворошилова от 28 ноября 1918 года была объединена с кавалерией Стальной стрелковой дивизии (Д. П. Жлобы) в Сводную кавалерийскую дивизию. В январе 1919 года решением РВС 10-й армии из первой бригады Сводной кавдивизии и двух полков Доно-Ставропольской кавбригады была сформирована мною Отдельная кавдивизия. Не формировал Думенко и Сводного конного корпуса — он был создан командованием 10-й армии из трех кавалерийских бригад стрелковых дивизий».

Теперь о создании 1-й Конной армии. О том, как зародилась идея образовать высшее оперативное объединение кавалерии РККА, было рассказано выше в подглаве «Развернуть корпус в армию». Здесь также появилось немало версий, в основном вымышленных. Одну из таких находим в книге документальных очерков «Красные маршалы» Р. Б. Гуля в биографии Ворошилова. Вот что он пишет:

«Выученные мамонтовским рейдом, командовавший всеми фронтами Харьковского округа Ворошилов и командующий Южным фронтом Егоров вошли с

представлениями к главе Реввоенсовета Южного фронта Сталину о немедленном формировании крупных конных масс по подобию Мамонтовских.

Сталин вошел с представлением в Москву. Обстановка была за Сталина, да и сам предреввоенсовета Троцкий уже выбросил очередной лозунг «Пролетарии на коней!». И Ворошилов стал организатором и главой прославленной, легендарной 1-й Конной армии.

Но, кроме главы реввоенсовета, бунтарского металлиста, конной силе понадобился и военный рубака-вождь. Их было много, красных кавалеристов-рубак.

Большой славой пользовался удалой казак, командир корпуса Думенко, царский солдат, с кирпичом вьющейся черной до пояса бороды^[180]. Но Думенко создан по образу и подобию Степана Разина и не подошел в вожди коммунистического войска. Рассказывают, когда Думенко отбил у белых станицу Каменскую, вечером к нему в хату вошли командиры, в хате горела тускло лампада, и Думенко на коленях стоял перед иконой, покрытой отбитым у белых знаменем с волчьей головой. Обернувшись на шаги, Думенко злобно бросил: «Идите, идите к... матери, не видите, молюсь...»

Популярен был и красный конник темного происхождения, сын ростовского дна Жлоба, но деклассирован, ненадежен. Были прославлены в конных атаках бывшие урядники, казаки Городовиков, Ракитин, Летунов, Апанасенко, Тимошенко, Тюленев, но из них никто не подходил Ворошилову, кем бы оглавить красную конницу.

Глаз Ворошилова остановился только на подручном Думенко^[181], замечательном наезднике, царском вахмистре^[182] Приморского драгунского полка, лихом

рубашке, пользовавшемся любовью конников, комдиве Семене Буденном»^[183].

Сразу же отмечу: эта версия — явная выдумка.

С того дня, как Думенко вступил в середине сентября 1919 года в командование 2-м Конно-сводным корпусом, в его душе затаилась боль за отобранный у него родной ему 1-й Конный корпус, отданный Буденному. А когда в ноябре этот корпус переименовали в 1-ю Конную армию и Буденный стал командармом, боль переросла в жгучую ненависть к недавнему подчиненному.

И Буденный, поднявшийся на высокий командный пост, уже не скрывал недобрых чувств к бывшему своему начальнику. Он всегда завидовал его военному дару, сумасшедшей популярности не только среди красноконников, но и белоказаков. И еще он помнил обиду за унижения, которые терпел от крутого нравом Думенко. Никогда не забыть ему, как Думенко приказал прилюдно выпороть его за совершенные бесчинства бойцов.

Во время похода в марте 1918 года отряда Думенко к Великокняжеской к нему присоединился эскадрон Буденного. В пути в одном из сальских хуторов конники эскадрона учинили насилие по отношению к местным жителям. К Думенко пришла казачка в разодранном платье и пожаловалась на то, что ее изнасиловали бойцы Буденного.

Провинившиеся конники подверглись телесным наказаниям. Наказан был и их командир.

Факт этот общеизвестен. Но ныне он оброс всякими измышлениями, интригующими подробностями. Якобы, по рассказам старых думенковцев, когда Семена Буденного кинули на лавку для экзекуции, он кричал Борису Думенко, что имеющего полный Георгиевский

бант даже при царе никто, в том числе и офицер, не смел тронуть, а тут его, красного конника, плеткой...

Думенко, наблюдавший за процедурой порки, рассмеялся и сказал: «Да какой ты георгиевский кавалер, Семен, фантиков себе на базаре навесил, а так настоящие казаки не делают»^[184].

Широко известные на Дону командиры-кавалеристы, оба себя считавшие создателями красной конницы, развернули между собой враждебное соперничество за соискание воинской славы. Нередко в этом соперничестве выигрывал Думенко.

Корпус Думенко в конце декабря 1919 — начале января 1920 года вел в составе 9-й Красной армии, участвовавшей в тот период в Ростово-Новочеркасской операции, успешные сражения с белоказачьими войсками.

Г. А. Мартыненко, бывший адъютант командира 1-й бригады Конно-сводного корпуса Жлобы для особых поручений, в книге «Комкор Дмитрий Жлоба» рассказывает, как 7 января корпус Думенко подошел к сердцу Войска Донского Новочеркаску. Он подчеркивает, что для белого командования это оказалось неожиданным маневром красного неприятеля.

В девять вечера по городу был открыт артиллерийский огонь из всех имеющихся у Думенко двадцати четырех орудий. После артиллерийской обработки переднего края обороны белоказачьей бригады корпуса стремительным рывком бросились на штурм. Не зря Думенко называли мастером короткого удара, он и на этот раз не изменил себе: молниеносная атака конников была неотразимой.

Результаты боя за Новочеркасск ошеломили. В плен сдались 18 тысяч человек. Захвачены трофеи: 167 орудий, 8 танков (подбитых), 8 аэропланов, 60

тракторов, около 500 пулеметов, 2 бронепоезда, 59 автомобилей (из них 7 легковых) и 7 эшелонов с военным имуществом.

Реввоенсовет 9-й Красной армии (командующий армией Александр Карлович Степинь^[185], член РВС Александр Георгиевич Белобородов, начальник штаба Александр Александрович Душкевич) вынес благодарность всему личному составу корпуса за взятие Новочеркасска^[186].

В тот же период времени, 7-9 января, 1 — я Конная армия Буденного совместно с частями 8-й армии Г. Я. Сокольников заняла Ростов-на Дону. Действия первоконников Москва не отметила высокой оценкой, так как буденновцы изрядно пограбили город. Зато менее чем через месяц после освобождения столицы Дона от деникинцев Ленин направил Смилге и Орджоникидзе^[187] телеграмму:

«Крайне обеспокоен состоянием наших войск на Кавказском фронте^[188], полным разложением у Буденного, ослаблением всех наших войск, слабостью общего командования, распрей между армиями, усилением противника. Необходимо напрячь все силы и провести ряд экстренных мер с революционной энергией...»^[189]

Буденного раздражали успехи Думенко. Ворошилов, неприязненно относившийся к «первой шашке Республики», естественно, держал сторону своего боевого напарника...

Как-то Семен Михайлович рассказал Клименту Ефремовичу о приезде к нему на квартиру Думенко, где поначалу состоялся разговор о знамени с волчьей головой^[190], которое приобрел Борис Мокеевич, но откуда он его взял, Буденному выяснить не удалось. После разговора о знамени перешли к беседе о боевых операциях... Буденный приводит слова Думенко о

черной туче: «Перед нами налегает туча, которую нужно разбить». Под тучей Буденный подразумевал Деникина, его Добрармию. Он сказал Думенко: «Бояться ее нечего, в данный момент противник парализован, мы разобьем его». Разговор был прерван кем-то из вошедших в комнату...

Суть этого рассказа ляжет в основу будущих показаний С. М. Буденного по делу Б. М. Думенко.

Тогдашняя реакция Ворошилова на рассказанное Буденным неизвестна. Но когда начался уголовный процесс над Думенко, Климент Ефремович, выступая на нем, говорил: «...Я узнал от т. Сокольников, что есть приказ об аресте Думенко за невыполнение боевых приказов и подозрительное поведение. Я об этом сообщил т. Буденному и спросил, что ему еще высказывал в свой приезд Думенко и как объяснял причины своего посещения... Т. Буденный мне передал, что Думенко все время повторял о нависших над нами тучах, о том, что нужно держать тесную связь и прочее в этом роде. Т. Буденный понимал это как опасение белогвардейских наступлений и нажимов и успокаивал Думенко, говоря, что у нас теперь сила большая... и бояться нечего. И только после того как узнал, что Думенко арестовывается, он стал толковать слова Думенко о «черных тучах» как желание подбить его, т. Буденного, на какую-то авантюру»^[191].

Думенко был арестован в связи с убийством в феврале 1920 года военкома корпуса В. Н. Микеладзе. Убийство произошло при невыясненных обстоятельствах, однако организатором его признали Думенко. Это был лишь предлог для ареста. Официально же комкор Думенко и его сподвижники Михаил Абрамов, Иван Блехерт, Марк Колпаков, Сергей Кравченко, Дорофей Носов, Иван Ямко-вой обвинялись в

том, что поощряли антибольшевистские и антисемитские настроения среди рядовых кавалеристов, препятствовали работе военных комиссаров. Все пункты обвинения защитники опровергли, но члены Военно-революционного трибунала А. Розенберг, А. Зорин и А. Чуватин их опровержений не приняли.

6 мая состоялся суд. Трибунал вынес приговор за участие в заговоре против советской власти Думенко, Абрамову, Блехерту, Колпакову, Кравченко — высшая мера социальной защиты — расстрел, Носову и Ямковому — длительные сроки заключения.

Думенко в последнем своем слове сказал: «Мне, как старому революционеру, борющемуся за Советскую власть, было очень больно слышать обвинение в контрреволюции, было больно такое обвинение читать, когда сидел там за решетками, было больно мне смотреть из-за решеток, как мои кони уносят моих всадников на фронт. Я плакал, когда это видел, но я утешал себя, что пролетариат вернет мне честное имя солдата».

В ночь с 11 на 12 мая приговоренные к высшей мере наказания были вывезены на северную окраину Братского кладбища Ростова и там расстреляны.

В 1964 году Военная коллегия Верховного суда СССР отменила решение Военно-революционного трибунала Республики по делу Думенко как необоснованное и восстановила репутацию комкора.

Боевое крещение на Волоконовской^[192] земле

Совсем близко застучали один, потом второй, третий станковые пулеметы. Через головы Ворошилова, Буденного, Щаденко, Городовикова со свистом

пролетели снаряды и разорвались метрах в ста позади них. Буденный и Городовиков, пришпорив своих лошадей, выскочили на возвышавшийся небольшой курган и увидели, как крупные массы кавалерии белогвардейцев в конном строю шли в атаку против 4-й дивизии. Дивизия встретила налет противника ответным огнем из пулеметов тачанок и пушек полевых батарей. Ее бригады разворачивались для контратаки...

Это случилось 7 декабря 1919 года.

Только вчера, 6 декабря, в Великомихайловке состоялось первое заседание Реввоенсовета созданной две недели назад Конной армии в присутствии командующего Юж-фронтом Егорова и члена РВС Сталина. До конца еще не закончился процесс переформирования корпусных отделов и служб в армейские. Дивизии — 4-я Оки Городовикова, располагавшаяся в Землянках и Тишанке; 6-я Семена Тимошенко — в Ютановке; 11-я Василия Матузенко — в районе Грушевки производили передислокацию своих частей.

Егоров и Сталин вместе с комсоставом Конармии отправились смотреть, как осваиваются кавалеристы на Волоконовской земле. И вот неожиданно попали в боевую обстановку.

Буденный в книге «Пройденный путь» подробно описал эту ситуацию.

Сталин и Егоров ехали в санях. Буденный, Ворошилов, Щаденко, Городовиков — верхом. За ними следовал особый резервный кавалерийский дивизион.

Стоял безветренный морозный день. Впереди, насколько хватало взора, простиралась заснеженная равнина с редкими буераками и низкими курганами. Зимняя тишина нарушалась лишь далекими раскатами артиллерийской стрельбы.

Ехали долго. Буденный уже начал волноваться, что бригады дивизий удалились на слишком большое

расстояние. Пожалуй, лучше было бы, думал он, отправиться на станцию Слоновка, а оттуда бронепоездом в Волоконовку...

Проехали Богдановку, и Городовиков стал уверять командарма: вот-вот на горизонте покажутся его бригады.

— Обязательно надо в твою дивизию заезжать? — недовольно спросил Буденный.

— А как же, Семен Михайлович, обязательно!

И вдруг захлопали винтовочные выстрелы, раздались пулеметные очереди, начали рваться снаряды.

Буденный и Городовиков поднялись на курган и увидели, как огромная масса белой кавалерии напала на двигавшуюся по зимней дороге 4-ю дивизию, походная колонна которой растянулась почти на две версты. Дивизия, отбиваясь от противника огнем «максимов»^[193], полевых пушек, не могла сосредоточиться для общей контратаки.

В этот трудный момент начдив должен быть с дивизией. Городовиков, пришпорив коня, прорвался к первой линии колонны и с ходу повел бригады на белогвардейцев. Началась отчаянная рубка. Городовиковцы врезались в гущи белоказачьей кавалерии, стремясь рассечь плотные ряды врага. Но, обладая численным превосходством, белые стали обтекать колонну 4-й дивизии слева и справа.

Особенно угрожающее скопление их создалось на левом фланге, вблизи которого на склоне кургана были Буденный, Ворошилов и Щаденко.

Подъехали Сталин с Егоровым. Буденный предложил им укрыться в селе Богдановке, но те категорически отказались. Они сошли с саней, поднялись на возвышенность и в бинокли следили за ходом боя.

Между тем левый фланг дивизии все больше захлестывался противником. Полки бригад, яростно отбиваясь, начали пятиться. Создавалась реальная опасность взятия белогвардейцами в кольцо кургана, где находилось руководство Южного фронта и 1-й Конной армии.

Белые с минуты на минуту могут прорвать цепи дивизии Городовикова. Рассчитывать на помощь 6-й и 11-й кав-дивизий не приходилось: они, наверное, уже довольно далеко ушли вперед. Оставалось только ввести в бой Особый резервный кавдивизион. В нем имелось три эскадрона усиленного состава до 220-230 человек в каждом. Он стоил хорошей бригады. Эта красная конная гвардия либо умирала, либо побеждала.

Ворошилов сказал Буденному:

— Дивизионом ударим!

Вскочив на лошадей, командарм и комиссар помчались к стоявшему в лощине за курганом кавалерийскому дивизиону. Еще издали Буденный, срывая голос, стал кричать командиру дивизиона:

— Шашки наголо!.. Давай... В бой!

Вырвав клинок из ножен, командарм указывал саблей на поле; там шла неравная схватка городовиковцев с белыми.

Командир дивизиона понял приказ Буденного, бросил свои эскадроны на помощь 4-й дивизии.

Атаку дивизиона возглавил командарм. Он, размахивая шашкой, вихрем понесся на врага. Рядом с ним с маузером в руке мчался на храпящем от бешеной скачки рыжем жеребце Ворошилов. Начавшие было отходить под вражеским напором красноконники, почувствовав энергичную поддержку свежего подкрепления, развернулись. Белые смешались и стали отступать на юго-восток, в сторону Волоконовки.

Не прошло и десяти минут, как они резко, непонятно почему изменили направление своего

отступления. Повернули на юго-запад и снова попали под удар красной конницы. Теперь они уже не размеренно отступали, а пустились в паническое бегство. Преследуемые первоконниками, они стремились скрыться за холмами...

Что же произошло в районе Волоконовки 7 декабря?

Части корпуса генерала Мамонтова, выбитые из города Бирюч 8-й Красной армией, сосредоточились на левом фланге 1-й Конной армии, действовавшей в направлении на Валуйки. 6 декабря 6-я кавдивизия Тимошенко выступила из Волоконовки по направлению к станции Мандрово. В районе Фоцеватова путь ей преградила кубанская конница генерала Вячеслава Григорьевича Науменко. Завязалось сражение. В это время основные силы корпуса Мамонтова, потеснив 42-ю стрелковую дивизию, нанесли из района Николаевки — Лутовинова мощный фланговый удар и захватили оставленные ранее конармейцами Волоконовку и Ютановку. В Волоконовке находились тыловые подразделения 6-й дивизии. Они под давлением конницы белых начали отход на северо-запад, увлекая за собой белогвардейцев в направлении движения 4-й кавалерийской дивизии.

Начдив Тимошенко ничего не знал о нападении белогвардейцев на Волоконовку. Рано утром следующего дня он послал под Фоцеватове против конницы Науменко одну бригаду своей дивизии. Бригада атаковала белых с востока, а с запада подоспела 11 — я кавдивизия Матузенко. Весь день шел упорный бой.

Когда Тимошенко узнал о нападении белогвардейцев на Волоконовку, он прекратил давление в направлении Макарова и, оставив в Фоцеватове прикрытие, перебросил главные свои силы

в район Покровки, откуда развил стремительное выдвижение в тыл корпуса Мамонтова.

Именно в этот период 9-я Донская дивизия корпуса Мамонтова неподалеку от села Богдановка вела боевые действия с конниками Городовикова. В момент надлома духа белоказаков после удара особого кавалерийского дивизиона штаба Буденного 9-я Донская дивизия стала отступать на юго-восток, но затем внезапно изменила направление на юго-запад — это из-за прорыва ей в тыл кавалеристов Тимошенко.

Оказавшись между двух огней — 4-й и 6-й кавдивизиями Конармии, полки 9-й Донской казачьей дивизии потеряли ориентировку, не понимали, где их тыл и где фронт. Они никак не могли вырваться из красных тисков. Буденновцы рубили белогвардейцев направо и налево. Поле покрывалось сотнями убитых и раненых, живые мамонтовцы бежали куда глаза глядят, ища спасения...

После боя наступило гнетущее затишье. Оно нарушалось лишь стонами умирающих бойцов. Постепенно тишину стали разряжать голоса санитаров, подбиравших оставшихся в живых конников.

Хозяйственные команды собирали трофеи. Белоказаки побросали много чего: не только оружие, но и амуницию, телеги с награбленным у местного населения добром.

Егоров, Сталин, Ворошилов, Буденный и Щаденко медленно проезжали по заснеженной местности, устланной людскими телами и трупами лошадей. Большинство убитых — белогвардейцы. Среди убитых были и красные конники.

Проезжавшие молчали. Они угрюмо глядели на жуткую картину жестокой кавалерийской сечи. Тяжело было смотреть на обезображенные шашечными ударами лица погибших.

Сталин не выдержал и, обращаясь к Буденному, сказал:

— Семен Михайлович, это же чудовищно. Нельзя ли избегать таких страшных жертв? Хотя при чем здесь мы? — И он снова погрузился в тягостные раздумья...

Белые отступали в направлении Валук. Их по пятам преследовали бригады кавалерийских дивизий Конармии.

Зацепиться за город Мамонтов не смог. Он попытался на окраине Валук контратаковать красных конников, однако попытка успехом не увенчалась. Контрудар Мамонтовских полков был отражен конармейскими пулеметными тачанками.

Дивизии Конармии еще со времен, когда они состояли в 1-м конном корпусе, имели сотни тачанок. Огонь их «максимов» для белоказачьей кавалерии был убийственным. Ворошилов, будучи на Украине, видел, как пулеметные тачанки Махно косили кинжальными очередями цепи наступающих войск Петлюры и Деникина. Поэтому он с первого дня пребывания в 1-й Конной армии стал самым активным образом внедрять в полки и эскадроны боевые тачанки.

Конармейские тачанки отличались от махновских. Они были несколько меньше по размеру, но более устойчивы на ходу из-за увеличенного просвета между колесами. Это позволяло надежно осуществлять пулеметное сопровождение кавалерии на рысях. Тачанки изготовляли самодельно, поэтому они славились отменной прочностью; армейские мастера дорожили своей маркой.

К исходу 8 декабря мамонтовцы откатились в город, но на плечах у них висела конница Буденного, что вынудило их в поспешности оставить Валуйки.

В первых оперативных документах Конармии будет констатировано крупное поражение корпуса Мамонтова под Волоконовкой. Так же отражено взятие значительного количества трофеев, особенно в городе Валуйки. Приводятся общие данные о трофеях:

1) На железнодорожном узле и в городе захвачены эшелоны с продовольствием и боеприпасами.

2) Белыми оставлен войсковой санный обоз до старозавальней и много лошадей. Лошади были очень кстати для возмещения большой убыли конского состава дивизий в результате последних боев...

Таким образом, в сражении под Волоконовкой 7 декабря 1919 года состоялось боевое крещение только что родившейся 1-й Конной армии.

Под давлением кавалерийских соединений Конармии и приданных стрелковых дивизий деникинские войска всю вторую половину декабря отходили на юг и юго-восток.

Конармейские части жестко их преследовали. 15 декабря группа Городовикова (4-я и 11-я кавдивизии), разбив в районе Покровского Мариупольский 4-й гусарский полк белых, вышла на подступы к Сватову. 19 декабря 4-я дивизия при поддержке бронепоездов нанесла сильный удар по объединенной конной группе генерала Сергея Георгиевича Улагая. Были заняты станции Меловатка, Кабанье и Кременная.

21 декабря дивизия Тимошенко овладела станциями Рубежное и Насветевич. В районе Рубежного, где действовала 2-я кавбригада, белые потеряли до пятисот человек зарубленными, в том числе командира 1-й сводной уланской дивизии Донской армии генерал-майора П. В. Чеснокова и трех командиров полков. 1-я кавбригада 6-й дивизии внезапным налетом овладела станцией Насветевич, захватив железнодорожный мост через Северский Донец.

В ночь на 23 декабря 1-я Конная форсировала Северский Донец и, выйдя на рубеж Бахмут — Попасная, в течение четырех дней осуществляла там боевые рейды, порой прорываясь в тылы противника. 29 декабря действиями 9-й и 12-й стрелковых дивизий с фронта и охватывающим маневром 6-й кавдивизии белые были выбиты из Дебальцева. Развивая этот успех, 11-я кавалерийская совместно с 9-й стрелковой дивизией 30 декабря овладели Горловкой и Никитовкой. 31 декабря конники Тимошенко в районе села Алексеево-Леоново нанесли сокрушительное поражение Марковской офицерской пехотной дивизии.

*Среди зноя и пыли
Мы с Буденным ходили
На рысях на большие дела.
По курганам горбатым,
По речным перекатам
Наша громкая слава прошла.*

Эту «Конармейскую песню» композиторы братья Дмитрий и Даниил Покрасс и поэт Алексей Сурков создадут в 1935 году, спустя более пятнадцати лет, как отгремела боевая слава 1-й Конной армии. Но страна воспримет ее так, как будто события Гражданской войны прошли только вчера. Песня была близка и понятна всем советским людям. Она звучала по радио, ее пели на концертах, на домашних застольях. Народ любил ее.

Славу буденновцев, порой драматическую, которая шла в зной, в холод, в дождь и снег по степным равнинам, холмам и курганам, по глубоководью и отмелям рек, вязким болотам и пыльным солончакам, помнили многие. И прежде всего те, кто добывал ее в

лихие годы. Им навсегда запомнятся звонкие победы и скорбные утраты, шумные радости и тихая печаль...

Сергей Николаевич Орловский был секретарем Реввоенсовета 1-й Конной армии, вел дневник ратных дел командиров, рядовых бойцов дивизий и бригад, политико-воспитательной работы среди первоконников. Короткие заметки, набросанные в походном блокноте, потом составят основу его книги «Великий год: Дневник конармейца».

Я не воспроизвожу отрывков из его записок, а пытаюсь по ним выстроить цепочку хроники героических и нередко трагических боевых будней буденновцев.

После овладения Горловкой и Никитовкой и разгрома 31 декабря марковцев у села Алексеево-Леоново первоконники встречали новый, 1920 год в атаках на Иловайскую и Амвросиевку. Противником их была крепкая Черкасская дивизия белых. Черкасцы упорно сопротивлялись, однако не устояли против напора конармейцев. В один из моментов дрогнули и обратились в бегство.

Дальше — Таганрог и Ростов-на-Дону.

6 января 11-я кавалерийская и 9-я стрелковая дивизии при содействии местного большевистского подполья заняли Таганрог.

Через два дня части 6-й и 4-й кавдивизий во взаимодействии с 12-й и 33-й стрелковыми дивизиями завязали встречные бои у сел Генеральское, Большие Салы, Султан-Салы, Несветай.

Семен Константинович Тимошенко спустя годы рассказывал, что ему накрепко врезались в память те бои. Особенно запомнился морозный день 7 января. Схватки в тот день с белой конницей были жаркими. Настолько жаркими, что артиллеристы стреляли, раздевшись до белья. Стоял невообразимый гул, в

котором с большим трудом можно было различить гиканье белогвардейцев, мчавшихся на буденновцев, раскатистое ура конников дивизии, взрывы снарядов, бесконечную дробь пулеметов, стоны раненых...

Немало бойцов погибло в тот день... [\[194\]](#)

А это свидетельство Тюленева. Он описывает бои у Больших Салов. Сражение здесь длилось в течение двенадцати часов. На 6-ю дивизию белогвардейцы бросали не только конницу, но и танки, бронеавтомобили. Начдив Тимошенко лично водил полки в атаки и контратаки. Под яростным нажимом первоконников белые начали беспорядочный отход. Они бежали в сторону станции Гнилоаксайская. Путь на Ростов был открыт [\[195\]](#).

Крупная группировка белых оказалась плотно обложенной красными войсками с запада и севера; с юга ее подрезал Дон.

На исходе 8 января 4-я кавдивизия Городовикова ворвалась в Нахичевань, 6-я Тимошенко и 33-я стрелковая Левандовского — в Ростов-на-Дону.

«Вечерний Ростов, — вспоминает один из участников прорыва в город И. Зиберов, — был освещен ярким электрическим светом. В нем находилось множество различных военных ведомств и тыловых частей контрреволюционных сил Юга России. Белогвардейский гарнизон беспечно праздновал второй день Рождества Христова... Я очень хорошо помню, как на северо-западной рабочей окраине Ростова выбегали из дворов дети, женщины и мужчины. Ребята со сверкающими от радости глазами подбрасывали вверх шапки, женщины, восторженно приветствуя нас, размахивали платками... С лиц бойцов исчезала усталость от длительных напряженных боев... Где-то на окраине раздалось несколько выстрелов. Но никто не обратил на них внимания — стрельба была обычным

делом в те времена... Гулкий цокот сотен конских подков заполнял улицы. Потoki красной конницы растекались по городским кварталам»^[196].

В течение 9 января конармейцы и стрелки 33-й дивизии выбивали с улиц и переулков города белогвардейские части, гоня их за Дон. К утру следующих суток Ростов полностью перешел в руки красных войск.

В РВС Южного фронта и одновременно в Москву ушли донесения, подписанные Ворошиловым, Буденным, Щаденко, с докладом, что Ростов освобожден, деникинцы вытеснены на левый берег Дона. Также отмечалось: в ходе боев Конармией взято в плен более 10 тысяч белогвардейцев, захвачено 9 танков, 32 орудия, около 200 пулеметов, много винтовок, сабель, амуниции и снаряжения. В городе белыми оставлено большое количество складов с различным имуществом.

Реляции носили исключительно победный характер. Насчет же того, что конармейцы, освободив донскую столицу, устроили в ней настоящий погром, в донесениях не было ни единого слова. Между тем здесь приходится подчеркнуть: жители, к великому сожалению, пострадали от преступных деяний буденновцев не меньше, а, наверное, даже больше, чем в ходе боевых действий за Ростов.

Сразу с появлением конармейцев и в последующие дни город захлестнули беспорядки, грабежи, насилие. Александр Яковлевич Пархоменко, назначенный комендантом, не только не противостоял этому, сам был нередко застрельщиком беспредела. За пьяный дебош ревтрибунал приговорил его к расстрелу. Орловский отметил в своем дневнике: трибунал фронта нашел в лице Пархоменко виновного, с которого можно спросить за все бесчинства, что творились в Ростове

после его взятия. Спасло его от позорной смерти заступничество Сталина и Орджоникидзе.

Особенно горячо встал на защиту Пархоменко член РВСР и Реввоенсовета Юго-Восточного фронта Серго Орджоникидзе. Его солидарность с Александром Яковлевичем была объяснима — он тоже грешил пьянством. Буквально несколько дней назад Орджоникидзе получил неприятную телеграмму от Ленина:

«5 января 1920 г. Секретно.

Т. Серго!

Получил сообщение, что Вы и командарм 14-й пьянствовали и гуляли с бабами неделю... Скандал и позор! А я-то Вас направо и налево нахваливал! И Троцкому доложено... Ответьте тотчас: Кто Вам дал вино? Давно ли в Рев. военном совете пьянство? С кем еще пили и гуляли? — тоже — бабы? Можете по совести обещать прекратить или (если не сможете) куда Вас перевести? Ибо позволить Вам пить мы не можем... Командарм-14 — пьяница? Неисправим? Ответьте тотчас. Лучше дадим Вам отдых. Но подтянуться надо. Нельзя. Пример подаете дурной.

Привет. Ваш *Ленин*»^[197].

Шестые сутки 1-я Конная пребывала в Ростове.

Командующий Кавказским фронтом Василий Иванович Шорин издал директиву, в которой Конармии приказывалось захватить плацдарм на левом берегу Дона в районе станицы Ольгинской и села Батайск^[198]. Последующая задача: выход на линию Куцевская — Староминская — Ейск.

От устья Дона до Батайска белую оборону занимал Добровольческий корпус Кутепова. В него входили четыре дивизии: Корниловская, Дроздовская,

Алексеевская (соответственно генерал-майоров Николая Скоблина, Владимира Витковско-го, Александра Третьякова) и Марковская полковника Александра Блейша. Еще кутеповскому корпусу были приданы Кубано-Терский корпус генерал-лейтенанта Сергея Топоркова и кавалерийская бригада генерал-лейтенанта Ивана Барбовича. Корпус Топоркова в боях за последний месяц понес весьма значительные потери и по численности личного состава теперь представлял собой скорее бригаду. Барбович до недавнего времени командовал 5-м Конным корпусом, который на две трети был выбит красными, из-за чего его преобразовали в отдельную кавалерийскую бригаду.

Вверх от Батайска располагались корпуса Донской армии генерал-лейтенанта Владимира Ильича Сидорина: до Богаевской — 3-й Донской (командир генерал-майор Адриан Гуселыциков), затем до Семикаракорской^[199] — 2-й Донской (командир генерал-лейтенант Александр Секретов) и от Семикаракорской до Цимлянской^[200] — 1-й Донской (командир генерал-лейтенант Терентий Стариков). 4-й Донской корпус (командир генерал-лейтенант Александр Павлов) держался на линии Батайск — Цимлянская в качестве подвижного резерва.

Вот против этих белогвардейских сил и должна была выступить 1-я Конная армия в связке с 8-й армией Г. Я. Сокольникова и 9-й А. К. Степиня. Тем не менее она, отягощенная награбленным добром ростовских «буржуев» и погрязшая в пьяных разгулах, решать поставленную Шориным задачу не очень спешила.

Однако невыполнение требований директивы командующего фронтом было чревато тяжелыми последствиями.

4-я и 6-я кавдивизии сделали несколько попыток атаковать белых, но из-за отсутствия должной

согласованности с соседней 8-й армией овладеть хорошо укрепленными белогвардейскими позициями не сумели.

Со второй половины января начались непривычные для главного зимнего месяца дневные оттепели. Погода часто менялась — то яркий солнечный день с нулем на термометре, то метель, переходящая в непроглядную пургу. В этих погодных условиях болотистые низины, схваченные небольшой толщей льда, покрытые снежными простынями или водяной пленкой, становились для кавалерии труднопреодолимыми. Лошади скользили, проваливали лед и застревали в холодном иле. Всадники превращались для противника в беспомощные мишени.

Буденный вспоминал, что наступлению на Батайск, Ольгинскую совершенно не благоприятствовала местность. Он неоднократно заявлял командующему фронтом, что для конницы эта местность губительна. При форсировании Дона Конармия попадала в болотины, даже в засуху едва проходимые. Накануне боевых действий, в ноябре, поймы рек Дона и Койсуга были затоплены водой. В декабре они замерзли. С началом боев артиллерия обеих сторон почти ежедневно превращала эти топи в сплошное месиво грязи, льда и воды. Потом, конечно, ночной мороз снова сковывал это месиво, но перемещаться по нему назавтра было опасно...

В книге «Пройденный путь» Буденный писал, что 17 января во время наступления на Ольгинскую Конармия даже в пешем строю не смогла развернуть свои части в боевой порядок, не имела возможности использовать ни артиллерию, ни пулеметы. «В этот день мы с Ворошиловым лично водили бойцов в атаки, несколько раз врывались на окраину станицы Ольгинской, но всякий раз наши атаки захлебывались в ураганном огне

белогвардейцев... Не имея успеха, Конармия к ночи отошла на исходное положение».

Степан Андреевич Зотов, бывший начальник полевого штаба 1-й Конной армии, после Гражданской войны рассказывал, как выполнялась директива Шорина.

Командование Конной армии 21 января по настоянию фронтового руководства решило еще раз сделать попытку наступления на Батайск — Ольгинскую.

С рассветом 4-я и 6-я кавалерийские дивизии переправились через Дон. В 5.00 утра 9-я и 12-я стрелковые дивизии «вяло» двинулись на Батайск. 9-я — на правом фланге, юго-западнее Ростова, 12-я — на центральном направлении. 3-я бригада 12-й стрелковой дивизии переправилась через реку Койсуг и изготавилась для удара по окраине села.

С восходом солнца полки 4-й и 6-й кавалерийских дивизий, а также полки 33-й и 40-й стрелковых дивизий атаковали Ольгинскую. На протяжении светлого времени станица несколько раз переходила из рук в руки.

А Батайск для стрелков 9-й и 12-й дивизий оказался вовсе недоступным. 3-я бригада 12-й дивизии попала в трудное положение. Не успев развернуться в боевые цепи, она угодила под сокрушительный пулеметно-артиллерийский огонь частей Корниловской дивизии. Стрелки залегли в снег в двух километрах от села.

Два полка корниловцев в лоб пошли на пролежавших более двух часов в порыхлевшем снегу красноармейцев, те встретили их винтовочными залпами. В поддержку корниловцам со стороны станицы Хомутовской и хутора Злодейского выдвинулись терцы корпуса Топоркова. Красноармейцы, отстреливаясь, побежали к Дону, оставляя на поле убитых и раненых.

Прикрыть их отступление бросилась одна из бригад 4-й кавдивизии, в первых рядах которой был Ворошилов.

Конармейцы атаковали пеших корниловцев и конных терцев. На льду батайских топей вспыхнул скоротечный бой. Нужно было дать возможность оставшейся в живых пехоте невредимой вернуться на правый берег. Когда последний стрелковый полк 12-й дивизии перебрался через Дон, конники кавбригады вышли из боя, развернув лошадей к Ростову.

Ворошилов находился в замыкающем эскадроне. Эскадрон уходил к реке, за ним гнались терские казаки Топоркова. Ворошилов пустил своего коня вскачь. И вдруг лед противно затрещал. В следующее мгновение он стал крошиться на мелкие куски и лошадь провалилась в болото. Она билась изо всех сил, чтобы выбраться на твердь, но хрупкий лед ломался дальше, опора уходила из-под ног.

Ворошилов попал в окружение около двадцати вражеских всадников, одетых в черные бурки. Они, видимо, узнали главного комиссара 1-й Конной по одежде — красной кожанке и по рыжему жеребцу-англичанину. Белогвардейцы не раз видели Ворошилова рядом с Буденным во главе атакующей конармейской лавы. Теперь они хотели захватить его живым. Он нервозно отбивался от них из маузера. Израсходовав все патроны, убил пятерых. Выхватил из ножен шашку, и в этот момент подоспела подмога. Вернувшиеся за ним конники разметали белоказakov, вызволили лошадь из ледяного плена...

Корниловцы двинулись к Нахичеванской переправе, их правый фланг подпирала бригада Барбовича. Она устремилась к Ольгинской и с ходу взяла станицу. Советские части откатились к Аксаю.

К 17 часам 21 января для Конармии, по признанию ее руководства, сложилась очень неблагоприятная ситуация.

Это сложное положение подтверждает и участник январских сражений между красными и белыми под Ростовом белогвардейский офицер Евгений Ковалев^[201], ставший в эмиграции во Франции сотрудником журнала «Военная быль». Он написал статью-воспоминание «Бой с Конной армией Буденного у Батайска и Ольгинской. 1920 г.». С ней можно ознакомиться в книге мемуаров А. И. Егорова «Разгром Деникина», помещенной там в виде приложения № 3. В статье он, в частности, пишет, что Буденному было приказано во что бы то ни стало овладеть Батайском.

21 января Конармия совместно с соседними дивизиями 8-й армии перешла в наступление на широком фронте Батайск — Ольгинская — Старочеркасская — Манычская. Особый упор был сделан на Батайск. Туда были двинуты через Ростовскую переправу 9-я и 12-я советские стрелковые дивизии и буденновская кавалерия. На северо-востоке наступление вели части 33-й и 40-й стрелковых дивизий красных.

Контрудар Корниловской дивизии и Кубано-Терского корпуса нанес красным большой урон и отбросил их за Дон.

В этот день (21 января) части 3-го Донского корпуса выбили красные части из станиц Манычской и Старочеркасской, причем при отходе на Аксайскую красные оставили восемь орудий, завязших в болоте.

После продолжительного боя с конницей Буденного силой не менее двух дивизий, наступавшей от Нахичеванской переправы на станицу Ольгинскую, 4-й Донской конный корпус обрушился основной своей массой против левого фланга противника, опрокинул его и отбросил к Нахичеванской и Ростовской переправам.

В это же время корниловцы и конная группа генерала Константина Агоева (Кубано-Терский корпус), перейдя в решительное наступление, смяли полки красных 33-й и 40-й стрелковых дивизий, которые, как и конармейцы, кинулись, гонимые кубанцами и терцами, к спасительным переправам реки.

Преследование было задержано сильнейшим артиллерийским огнем красных с правого берега Дона.

В боях было взято 10 орудий, 66 пулеметов и 1700 пленных, а по данным штаба генерала Деникина, за время этих боев взято 22 орудия и 120 пулеметов.

Бои под Батайском и Ольгинской, как отмечают и белые, и красные источники, были ожесточенными и кровопролитными, и обе стороны понесли большие потери.

Буденный в своих воспоминаниях отметит, что день 21 января для Конармии был одним из самых тяжелых.

Орловский отметил в дневнике: «Климент Ефремович Ворошилов говорит, что если и дальше так пойдет, то мы потеряем армию».

С того дня крайне резко обострились и без того острые отношения Реввоенсовета 1-й Конной армии и командующего Кавказским фронтом. Распри между Буденным, Ворошиловым, с одной стороны, и Шориным — с другой, стали известны Москве.

Буденный направил письмо Ленину:

«Глубокоуважаемый вождь, Владимир Ильич!

Простите меня за то, что обращаюсь к Вам с этим письмом. Я очень хочу лично Вас видеть и преклониться перед Вами как Великим вождем всех бедных крестьян и рабочих. Но дело фронта и банды Деникина мешают мне сделать это. Я должен сообщить Вам, тов. Ленин, что Конная армия переживает тяжелое время. Еще никогда так мою конницу не били, как побили теперь белые. А побили ее потому, что Командующий фронтом

поставил Конную армию в такие условия, что она может погибнуть совсем. Мне стыдно Вам об этом говорить, но я люблю Конную армию, но еще больше люблю революцию. А конница еще очень нужна революции. Командующий фронтом тов. Шорин вначале поставил конницу в болото Дона и заставил форсировать р. Дон. Противник этим воспользовался и чуть было не уничтожил всю нашу конницу. А когда Реввоенсовет потребовал, чтобы изменить направление Конной армии, тов. Шорин лишил вверенную мне армию пехоты. Он передал две пехотные дивизии 8-й армии, а Конная армия была брошена одна на противника и вторично оказалась сильно помятой. За все мое командование подобных печальных явлений не было. А как только Шорин получил право распоряжаться вверенной мне армией, так и полились несчастья. Еще 26 октября 1919 года, когда я был в подчинении тов. Шорина, он мне дал задачу, которая была вредна нам и полезна противнику. Тогда я по телеграфу ему об этом сказал, и он, наверно, обиделся и запомнил, а теперь все это отражается на общем нашем революционном деле. На сегодня получил задачу разбить противника и продвинуться вперед на 60 верст, а соседние армии стоят согласно приказу Шорина на месте и тем самым дают возможность противнику снимать свои части с фронта и бросать их против Конной армии. Это явное преступление. Прошу обратить Ваше внимание на Красную Конную армию и другие армии, иначе они понапрасну погибнут от такого преступного командования.

Крепко жму Вашу руку.

Командарм 1 Конной Буденный»^[202].

Послал на Шорина жалобу в РВСР и Ворошилов.

Ни Ленину, ни Реввоенсовету Республики было не до разбора конфронтации армейского и фронтового руководства. Без всякого разбирательства РВСР принял

решение освободить Шорина от командования фронтом, вместо него назначить М. Н. Тухачевского.

3 февраля 1920 года Сталин отбил телеграмму Буденному и Ворошилову, в которой сообщил, что он добился отставки Шорина и назначения нового комфронтом Тухачевского — завоевателя Сибири и победителя Колчака. Тухачевский сегодня только прибыл в Саратов и на днях примет командование фронтом. Пройдет 17 лет, и маршал Егоров в 1937 году обрисует ситуацию с назначением Тухачевского уже так: «Тухачевский прошел через наши руки с т. Сталиным, в каком отношении? Приехал он к нам на фронт на смену 13-й армии. 13-я армия прошла на побережье Азовского и Черного морей, мы думали — пассивная роль будет. В то время был освобожден от работы Шорин, на его место мы предложили Тухачевского на Юго-Восточный фронт...»

Через четыре дня Ворошилов связался по прямому проводу со Сталиным. Клим говорил Сталину: «...Мы все несказанно рады, что смещен Шорин. Если приедете в Ростов, на месте убедитесь, что простого смещения, да еще с повышением^[203], для него недостаточно. Мы все считаем его преступником. Его неумением или злой волей (в том разберется суд) загублено лучших бойцов, комсостава и комиссаров более сорока процентов и до четырех тысяч лошадей»^[204].

Новый командующий фронтом отказался от дальнейших попыток прорвать фронт на участке Батайск — Ольгинская. Направление главного удара было изменено. Центр боев переместился восточнее по правому берегу Дона, к Манычу.

Воспользовавшись оперативным перестроением Красной армии, Кутепов нанес удар по Ростову. Корниловская дивизия 23 января заняла город, а через день сдала его обратно.

С. Н. Орловский в февральских записях своего дневника отметил: 1-я Конная армия совместно с тремя приданными ей стрелковыми дивизиями участвовала в крупнейшем за всю Гражданскую войну кавалерийском Егорлыкском сражении, в ходе которого были разгромлены 1-й Кубанский пехотный корпус белого генерала Крыжановского, конная группа генерала Павлова.

Генерал-лейтенант Александр Александрович Павлов возглавил 4-й Донской казачий корпус в начале января 1920 года в связи с тем, что прежний его командир Мамонтов заболел тифом.

26 января главнокомандующий белыми Вооруженными силами Юга России Деникин издал директиву о переходе в общее наступление северной группировки армий с нанесением главного удара по красным в Новочеркасском направлении на юго-восток.

Советское командование нацелило основные свои высокоманевренные силы на Тихорецкую. Оно перебросило 1-ю Конную на Верхний Маныч и оттуда планировало начать наступление в направлении станций Торговая^[205] — Тихорецкая. Руководство белой Донской армии ответило на это формированием специальной группы в составе корпуса Павлова (9-я и 10-я казачьи дивизии) и частей 2-го Донского корпуса генерала Петра Ильича Коновалова (4-я Донская конная дивизия и 15-я конная бригада). Во главе группы был поставлен генерал Павлов.

Группа Павлова должна была выйти на Средний Маныч во фланг и тыл армии Буденного и разбить ее в районе Торговой.

«25 февраля командование отдало приказ о наступлении на Средне-Егорлыкскую с целью уничтожить ударную конную группу генерала

Павлова», — вспоминает Городовиков в книге «В рядах Первой конной: Рассказы конармейца», вышедшей в свет в 1939 году.

Это наступление для Конармии было необычайно трудное. Снег, резкий ветер и мороз затрудняли движение. В сугробах вязли тачанки, артиллерийские упряжки, уставшие лошади едва тащились.

Городовиков описывает один из дней, который выдался скверным, с туманом и изморозью, порывами метели. На пути коннице постоянно встречались рытвины и кочки, снежные заносы. В голове 4-й кавдивизии шла вторая бригада. С первой бригадой следовали Буденный и Ворошилов. Плохая видимость не позволяла эффективно вести разведку местности.

«К восходу солнца туман начал рассеиваться. Я время от времени выскакивал вперед на курганы, пытаюсь увидеть свою разведку. Пересеченная балками степь скрывала разъезды. Нигде ничего не видно и не слышно. По предположениям, Средне-Егорлыкская была недалеко. Смущала подозрительная тишина: не напороться бы неожиданно на белогвардейцев!

Вдруг я остановился изумленный... В трех километрах от меня, в балке стояли белогвардейские конные части. Это были кавалеристы корпуса генерала Павлова. Белогвардейцы спешили и обедали.

— Одну батарею галопом за мной! — крикнул я.

Батарея выскочила на бугор. Мои артиллеристы стали палить с открытой позиции по противнику. Белогвардейцы, не ожидавшие внезапного нападения, в беспорядке заметались.

Нельзя было упустить такого момента... Со второй бригадой я бросился в лобовую атаку.

Ворошилов и Буденный на полевом галопе повели за собой первую бригаду. Они охватывали павловцев слева, в направлении на Егорлык, отрезая им пути отхода.

Бросив 28 орудий, сто пулеметов, обоз, белогвардейцы побежали. 15 километров, до самой Егорлыкской, мы гнали белую конницу на полевым галопе. Зажатая тисками преследования, основная группа войск Павлова была разбита внезапным ударом. 6-я кавдивизия в районе хутора Каравана одновременно с 4-й нанесла сильнейшее поражение правофланговым частям Павлова. Это был внезапный большой кавалерийский бой. Двумя бригадами мы разгромили целый корпус.

Разгром был впечатляющий. Остатки белых корпусов панически уходили к Атаман-Егорлыкской»^[206].

В мартовских записях дневника Орловский отметил: «С 13 марта продолжено наступление на Усть-Лабинскую, где части Конармии разгромили конный корпус Султан-Гирея, после чего форсировали Кубань и, преодолевая сопротивление разрозненных частей противника, вступили в Майкоп...»

Против Польши

Уставшая от боев, Конармия расположилась на отдых в Адыгее, в ее столице городе Майкопе. Она залечивала раны, пополнялась людьми и лошадьми. Времени для восстановления сил отводилось не много: порядка полутора-двух месяцев, но бойцы и командиры были довольны и этим.

Здесь она была доукомплектована до состава четырех дивизий: 4, 6, 11, 14-й и Отдельной кавбригады особого назначения — всего 18 тысяч сабель. Вооружение: 56 орудий, 352 станковых пулемета. А также — 5 бронепоездов, несколько бронеотрядов и авиагруппа из 18 самолетов.

Дивизии — трехбригадные, в бригаде по два полка. По штату каждой дивизии полагался четырехбатарейный артдивизион, но фактически налицо имелось лишь по две, максимум три батареи. В полку — пулеметная команда: тачанки с установленными на них «максимами»...

До сих пор постоянными в Конармии были 4, 6 и 11-я кавалерийские дивизии. В Майкопе к ним присоединилась 14-я. Ее возглавил Пархоменко, земляк и давний друг Ворошилова. Эта дивизия надолго останется в Конармии.

На время какой-либо операции 1-й Конной обычно придавали в оперативное подчинение две-три стрелковые дивизии, чтобы она могла вести полноценный общевойсковой бой. Сейчас к ней был приписан лишь отдельный полк пехоты.

Передышка конармейцев получилась кратковременной. В апреле на Советскую Республику напала Польша. Боевые действия развернулись на двух фронтах: — Юго-Западном (южный участок от Днепра до Припяти) и Западном (северный участок между Припятью и Западной Двиной). Командующим Юго-Западным фронтом был назначен А. И. Егоров, членом Реввоенсовета И. В. Сталин, Западным командовал М. Н. Тухачевский, членом Реввоенсовета был И. С. Уншлихт.

Против 35-тысячного Войска польского, вторгшегося на участке от Днепра до Припяти (6-я армия генерала Вацлава Ивашкевича-Рудошанского, 2-я армия генерала Антони Листовского, 3-я армия генерала Эдварда Рыдз-Смиглы) РСФСР бросила основные силы Красной армии, располагавшиеся на юго-западе страны. Но их, для того чтобы остановить агрессора, было явно недостаточно: две малочисленные армии — 12-я Сергея Александровича Ме-женинова и 14-я Иеронима Петровича Уборевича, в общей сложности 13,4 тысячи

штыков и 2,3 тысячи сабель. Пришлось приостановить военные действия в Крыму с врангелевской Русской армией. На Крымском полуострове в то время собрались разбитые части Вооруженных сил Юга России Деникина, ушедшие с Кубани и Дона. Теперь ими командовал барон генерал Петр Николаевич Врангель.

В стране было объявлено военное положение. На борьбу с польскими интервентами изыскивались дополнительные резервы. РВСР принял решение перебросить на Украину Конармию. Сталин настоял, чтобы Конармия была включена в Юго-Западный фронт.

Встал вопрос: как передислоцировать такую огромную массу войск — людей с вооружением, полковыми орудиями, боевыми тачанками, боеприпасами, полевыми походными кухнями, санитарными линейками, множеством повозок обоза? И, главное, с 20 тысячами лошадей, сеном, зерном, бесчисленной конской сбруей, амуницией — от уздечек до седел. Поднять все это могла бы железная дорога. Но она была сильно разрушена. Да и где взять в обстановке войны для такой армады нужное количество паровозов и вагонов...

Буденный и Ворошилов предложили совершить армией самостоятельный марш-переход с Кубани на Украину, а железнодорожным транспортом отправить только те части, которые не в состоянии двигаться в конном порядке. Они считали, что, передвигаясь подобным образом, армия сохранит целостность, дисциплину и боеспособность. Кроме того, по пути для коней будет подножный зеленый корм, водопои.

Чтобы получить разрешение на реализацию своей идеи, им пришлось съездить в Москву на прием к Ленину. В результате разрешение было получено. Непростой сверхдлинный марш в 1050 километров растянулся на 53 дня. Это был беспрецедентный боевой переход. В ходе его Конармия в районе Гуляйполя

вступила в боестолкновение с отрядами Махно, рассеяла их по Таврии, у Чигирина разбила части петлюровцев.

Врангель благодаря начавшейся войне Польши против РСФСР получил возможность приступить к реорганизации и укреплению своей армии. В этом ему помогали государства Антанты — Франция, Англия и США. От них потоком шли в войска барона современное оружие и техника. Страны Антанты старались оказывать и политическое влияние, способствуя упрочению военного единства Врангеля и Польши.

В начале июня 1-я Конная армия прибыла под Умань. Ее посетили Егоров и Сталин. Через день приехал Калинин, который вручил знамена 11-й и 4-й кавалерийским дивизиям и ряду полков.

К этому времени поляки оккупировали значительную часть территории Украины. В их руках находились Чернобыль, Казатин, Винница, Житомир, Киев.

В районе Умани Конная армия приводила себя в порядок после изнурительного перехода. Ворошилов и Буденный побывали в штабе Юго-Западного фронта, получили необходимые указания по ведению предстоящих боевых действий.

25 мая Конармия приступила к выполнению поставленных ей задач. Они были следующими:

- очистить полосу наступления от банд петлюровцев и подойти к оборонительной полосе белополяков;

- произвести разведку оборонительной полосы; определив направление главного удара, вклиниться в оборонительную полосу противника;

- прорвать оборонительную полосу, разгромив белопольские войска и разрезав их фронт на две части;

- выйти в тыл противника, уничтожив его резервы, материальные средства борьбы и нарушив всю систему

управления;

сделать поворот в северном направлении с целью окружения и уничтожения 3-й польской армии.

Феликс Жемайтис (участник Советско-польской войны, был начштабригом, помощником начальника) опубликовал в Военно-историческом журнале № 6 за 1940 год статью «Прорыв польского фронта 1-й Конной армией, июнь 1920 г.». В ней он подробно описал первые бои Конармии с польскими войсками. Ниже — краткое изложение его статьи.

Конармия двигалась в район предполагаемой обороны поляков широким фронтом сразу всеми дивизиями, разгоняя, истребляя отряды и отрядики петлюровцев. Об основном противнике мало что было известно. Воздушная разведка давала неточные данные, так как летчики не располагали нужными картами и надежными фотоаппаратами. Конные разъезды возвращались также со скудными сведениями.

К исходу 28 мая дивизии Конармии вышли к рубежу Пятигоры — Дубровка — Оратово — Зарудье. В непосредственное соприкосновение с польскими частями они впервые вошли только 29-го. Эти части были полками 13-й пехотной дивизии доводцы [\[207\]](#) Франтишека Паулика 2-й армии генерала Антони Листовского. Эта дивизия была одной из лучших в Речи Посполитой [\[208\]](#), технически хорошо оснащенная, личный состав высокодисциплинированный, отлично обученный.

Противостоящие стороны имели:

1-я Конная армия — бойцов и командиров 15 370, станковых пулеметов 352, орудий 53, бронеавтомобилей 22, бронепоездов 5. Поляки соответственно — бойцов и командиров 14 980,

пулеметов (в том числе ручных) 500, орудий 77, танковые роты 2, бронепоездов 3.

Как видим, силы примерно равные. Впрочем, красная Конная армия выглядела несколько слабее по вооружению, чем ее противник. У нее не было танков, а 22 ее маломощных броневика не могли соперничать с крупнокалиберными пушками могучих железных махин.

Поляки создали на рубеже довольно сильную оборонительную полосу, которая состояла из ряда центров сопротивления и опорных пунктов. Опорные пункты строились с таким расчетом, чтобы можно было вести фланкирующий артиллерийский и пулеметный огонь по всему фронту. Вся система опорных пунктов и центров сопротивления усиливалась засеками, завалами и проволочными заграждениями.

Буденный и Ворошилов нацелили дивизии на активные действия против противника, определив им оригинальный боевой порядок. В развернутую открытую линию были поставлены 6-я Семена Тимошенко, 11-я Федора Морозова и 4-я Дмитрия Коротчаева^[209], позади них на правом фланге 14-я дивизия Александра Пархоменко, на левом — Отдельная особая кавалерийская бригада Константина Степного-Спижарного.

Польское командование при посредстве шпионов и авиации было прекрасно осведомлено обо всех передвижениях 1-й Конной армии, поэтому смогло обстоятельно подготовиться к атаке красной конницы. К моменту наступления Конармии в 13-ю польскую дивизию поступило подкрепление из армейского резерва: четыре пехотных батальона и два кавалерийских полка.

Тем не менее последние точные данные от разведки о начале наступления русских в штабе 2-й Польской армии вызвали растерянность. 13-й дивизии был

торопливо отдан приказ о выдвижении ее к рубежу реки Росська и дальше — Володарка, Тетиев, Животовка, Ильинцы. Зачем? Дивизия оставляла отличную оборонительную полосу, подготовлявшуюся в течение почти месяца.

Получив приказ командарма Листовского, Паулик, естественно, начал выполнять его, хотя сомнения в верности принятого решения у него были. Разослав приказ по частям, всю ночь мучился: перемена фронта под занесенным ударом красной конницы Буденного может окончиться для польских войск катастрофой; утром он спешно отменил его. Растерянность и паника охватили нижестоящие штабы, офицеров полков, батальонов...

Первой в сражение с поляками вступила 6-я кавдиви-зия. Тимошенко поставил бригадам задания: 1-й — 29 мая в 8 часов двигаться по маршруту Животовка — Вербовка — Плисков — Андрушевка, захватить район Андрушевки и закрепиться; 2-й — выступить по маршруту Анновка — Васильковцы — Спичинцы — Цолжек, овладеть районом Спичинцы и закрепиться; 3-й — по маршруту Животовка — Малая Ростовка — Кожанки — Парцевка — Очеретня, овладеть районами Парцевки, Очеретни и закрепиться.

Бригады начали наступление рано утром. 2-я бригада, двигавшаяся на правом фланге, выйдя из деревни Живо-товка, неожиданно обнаружила колонну противника, которая направлялась со стороны Андрушевки на Животовку, — это были батальоны 50-го пехотного полка. Бригада быстро развернулась и совместно с подоспевшими тремя эскадронами 1-й бригады окружила и уничтожила колонну белополяков. Были взяты трофеи: 4 полевых французских орудия, 2 траншейных орудия, 60 подвод со снарядами, телефонное и другое военное имущество.

Вскоре под деревнями Сологубовка и Чернявка 1-я бригада обнаружила еще две роты 50-го полка и также их уничтожила. Под деревней Медовка красным конникам пытался оказать сопротивление 3-й батальон этого полка, но потерпел поражение и обратился в бегство. Преследуя бегущего противника, красноконники ворвались в оборонительную полосу и захватили опорный пункт у Андрушевки. Были захвачены Плисков, Анновка. Здесь 43-й пехотный полк понес большие людские потери.

В результате удара 6-й кавдивизии вся оборонительная система 13-й польской дивизии противника рухнула до основания. 50-й ее полк перестал существовать; 43-й, потеряв треть личного состава, был сильно деморализован.

На участках остальных дивизий также произошли столкновения с белополяками. Головные бригады 4-й дивизии вступили в бои с конницей противника. Это были 16-й уланский и 2-й Шволежерский полки дивизии генерала Александра Карницкого. 19-й кавполк 1-й бригады Федора Литунова смело повел наступление. Поляки пытались окружить его, но в самый критический момент подоспел 20-й кавполк и лихим налетом опрокинул их пехотные части. Также была отброшена за реку Березанку и конница противника. Здесь буденновцев встретили главные силы дивизии Карницкого. 1-я кавбригада была втянута в бой с тремя неприятельскими полками, и после упорного боя ей удалось сбить их с рубежа Березанки. Литунов своей разведке дал задание в процессе сражения разузнать все о кавалерийской дивизии генерала Карницкого. В результате были добыты чрезвычайно ценные сведения и об этой дивизии, и о других частях, действующих на северном берегу Березанки. Захваченные в плен офицеры дали показания не только о составе дивизии, пехотных полков, но и выдали планы польского

командования нанести удары по флангу и тылу наступавшей 1-й Конной армии...

Вторая бригада Ивана Тюленева 4-й кавдивизии продолжала свое движение в западном направлении. Разведывательный отряд этой бригады продвинулся до Новофас-това и атаковал опорный пункт противника, занял его и уничтожил роту 44-го пехотного полка.

Егоров и Сталин требовали от Буденного и Ворошилова любой ценой пробить брешь в Польском фронте на Киевском направлении. Конармия выполнила это требование, она прорвала укрепленную полосу обороны 2-й армии генерала Листовского, почти полностью разгромив ее.

Вырвавшись на оперативный простор, бригады дивизий 1-й Конной стали потрошить с тыла 3-ю армию Эдварда Рыдз-Смиглы. Они рвались на Бердичев и Житомир.

Польские войска, действовавшие в районе Киева, были окружены, но сумели вырваться из кольца. 10 июня части 3-й армии Рыдз-Смиглы оставили Киев и двинулись в район Мазовии. Они пробивались к Варшаве. Через два дня 1-я Конная армия вступила в Киев...

Несмотря на успех, Буденный был несколько огорчен тем, что части армии Рыдз-Смиглы все-таки ускользнули из окружения. Они прорвали линию фронта на участке 4-й кавдивизии. Ее начальник Коротчаев растерялся, отдавал противоречивые приказания. Решительное вмешательство Ворошилова выправило положение, но было уже поздно. 16 июня, когда дивизиям был дан отдых, собрался Реввоенсовет, который понизил Коротчаева в должности до командира бригады и назначил вместо него начальником 4-й кавдивизии Литунова.

Войска Юго-Западного фронта: 12-я и 14-я армии, 1-я Конная армия (в своем составе в этот период она имела, кроме кавалерийских дивизий, еще 45-ю стрелковую) теснили врага на запад. Конармия заняла Ровно, Клевань, Здолбунов и Погорельцы. 12-я армия приближалась к железной дороге Сарны — Ровно, 14-я вышла на рубеж Базаля — Ярмолинцы — Каменец-Подольский.

«Белополяки бегут без оглядки», — говорил Ворошилов. Буденный предостерегал: «Пилсудский не из тех, кто легко уступает победу. Он наверняка соберет свежие силы и попытается нанести Конной армии удар».

13 июля комфронтом Егоров издал директиву. Она для развития общего успеха предписывала: 12-й армии двигаться в направлении на Ковель — Брест-Литовск; Конармии с частями 45-й стрелковой дивизии овладеть городами Ковель, Холм и Замостье; 14-я армия — Равой-Русской, Городком и Львовом.

Буденный и Ворошилов поняли цель нового наступления — продвижение к Люблину. Конкретно Конной армии: создать угрозу северо-западной группе польских войск и таким образом облегчить прорыв Западного фронта к Висле.

11 июля газета «Правда» опубликовала беседу с И. В. Сталиным. Она начиналась со слов:

«Приехавший недавно из района Юго-Западного фронта товарищ Сталин сказал следующее:

1. Два последних месяца, май и июнь, дают две совершенно различные картины положения на фронте.

Май — это месяц исключительных успехов польских войск. На правом своем фланге поляки с успехом продвигаются за линию Киев — Жмеринка, угрожая Одессе. На левом фланге с успехом ликвидируют наступательные действия наших войск в направлении

на Молодечно — Минск. В центре, закрепив за собой Мозырь и заняв Речицу, польские войска угрожают Гомелю.

Июнь, наоборот, — месяц быстрой и решительной ликвидации майских успехов польских войска. Продвижение поляков на Украину уже ликвидировано, ибо поляки не только изгнаны из Киева, но и отброшены за линию Ровно — Проскуров^[210] — Могилев. Продвижение поляков в сторону Гомеля также ликвидировано, ибо польские войска отброшены за Мозырь. Что касается левого фланга поляков, наиболее устойчивого, по отзывам польской печати, то нужно сказать, что обозначившийся за последние дни в этом районе мощный удар наших войска в направлении на Молодечно не оставляет сомнения в том, что поляки будут обращены вспять и в этом районе.

Июль открывает картину решительного перелома на фронте в пользу России с явным перевесом на стороне советских войска.

2. Не подлежит сомнению, что прорыв нашей конницы в районе Житомира сыграл решающую роль в переломе на фронте.

Многие сравнивают этот прорыв с прорывом и рейдом Мамонтова и находят их тождественными. Но это неверно. Прорыв Мамонтова имел характер эпизода, не связанного прямо с наступательными операциями Деникина. Прорыв тов. Буденного, наоборот, представляет собой необходимое звено в неразрывной цепи наших наступательных операций, ставящее себе целью не только разрушение тылов противника, но и прямое выполнение известной стратегической задачи.

Самый прорыв начался 5 июня. В этот день наши конные части, свернувшись в кулак и стянув обозы в центре кулака, прорвали расположение противника в районе Попельня — Казатин, прошли рейдом район

Бердичева и 7 июня заняли Житомир. Ввиду отчаянного сопротивления поляков нашей коннице пришлось буквально пробивать себе дорогу, в результате чего поляки оставили на месте ранеными, убитыми от пуль и зарубленными, по свидетельству Реввоенсовета 1-й Конной армии, не менее восьми тысяч бойцов.

3. До житомирского прорыва поляки в отличие от Деникина, покрыв важнейшие пункты фронта рядом окопов и проволочных заграждений, с успехом комбинировали маневренную войну с войной траншейной. Тем самым они значительно затрудняли наше продвижение вперед. Житомирский прорыв опрокинул расчеты поляков, доводя ценность комбинированной войны до минимума.

В этом первый положительный результат прорыва. Далее прорыв поставил под непосредственную угрозу тылы, коммуникацию, связь противника. В результате этого:

а) третья польская армия (район Киева), боясь окружения, начала стремительный отход, перешедший потом в повальное бегство;

б) вторая польская армия (район Бердичева), испытавшая основной удар Конной армии, перешла в поспешное отступление;

в) шестая польская армия (район Жмеринки), потерявшая опору на левом фланге, начала правильный отход на запад;

г) наши армии открыли стремительное наступление по всему фронту.

Таков второй положительный результат житомирского прорыва.

Наконец, прорыв сбил у поляков спесь, подорвал у них веру в свои силы, расшатал стойкость духа. До прорыва польские части относились к нашим войскам, особенно же к нашей коннице, с полным пренебрежением, дрались отчаянно, не сдавались в

плен. Только после прорыва начались среди поляков сдача в плен целыми группами и массовое дезертирство — первый признак разрушения стойкости польских частей. Тов. Буденный так и пишет Реввоенсовету фронта: «Паны научились уважать нашу конницу».

4. Наши успехи на антипольских фронтах несомненны. Несомненно и то, что успехи эти будут развиваться. Но было бы недостойным бахвальством думать, что с поляками в основе уже покончено, что нам остается лишь проделать «марш на Варшаву».

Это бахвальство, подрывающее энергию наших работников и развивающее вредное для дела самодовольство, неуместно не только потому, что у Польши имеются резервы, которые она несомненно бросит на фронт, что Польша не одинока, что за Польшей стоит Антанта, всецело поддерживающая ее против России, но и прежде всего потому, что в тылу наших войск появился новый союзник Польши — Врангель, который грозит взорвать с тыла плоды наших побед над поляками.

Не следует утешать себя надеждой о том, что Врангель не споется с поляками. Врангель уже спелся с ними и действует заодно с ними.

Вот что пишет вдохновительница врангелевцев — выходящая в Севастополе газета Шульгина «Великая Россия» в одном из июньских номеров:

«Нет сомнения, что мы своим наступлением поддерживаем поляков, ибо оттягиваем на себя часть большевистских сил, предназначенных для Польского фронта. Также несомненно, что поляки своими операциями существенно поддерживают нас. Не нужно ни симпатии к полякам, ни антипатии; мы должны руководствоваться лишь холодным политическим расчетом. Сегодня нам выгоден союз с поляками против общего врага, а завтра... завтра будет видно».

Очевидно, врангелевский фронт является продолжением польского фронта, с той, однако, разницей, что Врангель действует в тылу наших войск, ведущих борьбу с поляками, то есть в самом опасном для нас пункте.

Смешно поэтому говорить о «марше на Варшаву» и вообще о прочности наших успехов, пока врангелевская опасность не ликвидирована. Между тем Врангель усиливается, и не видно, чтобы мы предпринимали что-либо особенное и серьезное против растущей опасности с юга...»[\[211\]](#)

Выполняя директиву комфронта Егорова, конница Буденного и стрелки 45-й дивизии штурмовали районы Ковеля и Холма. И вдруг 12 августа главком Вооруженных сил Республики Сергей Сергеевич Каменев выводит из состава Юго-Западного фронта 1-ю Конную и 12-ю армии и передает их в подчинение Западному фронту с целью задействования в Варшавской операции и в связи со складывающимся там тяжелым положением советских войск.

Конармия двинулась на Львов. 16 августа 6-я дивизия, находясь на левом фланге, форсировала Западный Буг, захватила плацдарм в районе села Побужаны и оказалась в 15 километрах от Львова. 18 августа в центре фронта 4-я дивизия отбросила противника на два-три километра. На правом фланге 11-я дивизия продвинулась к юго-западным окраинам города, хотя соседние с ней части 14-й дивизии были немного потеснены неприятельской конницей. Продолжались кровопролитные бои на подступах ко Львову. Конармия в целом охватила его с трех сторон. Поляки защищались с яростным отчаянием. Бои носили ожесточенный характер с обеих сторон. Сотнями гибли польские солдаты. Большие потери были и у

конармейцев. Погибли командир 4-й дивизии Ф. М. Литунов (командование 4-й дивизией было временно возложено на Тюленева), заместитель начальника политотдела армии, главный редактор газеты «Красный кавалерист» И. Д. Перельсон.

19-го Конармия готовилась к общему штурму. И в этот момент поступил приказ: Львов не брать. Армию развернули на Замостье.

Сразу отметим, рейд первоконников на Замостье обернулся первым серьезным для них поражением. До этого 1-я Конная армия на советско-польском фронте одерживала только победы. На этот раз фортуна ей изменила. Рассказывать подробно, как и почему Конармия попала в окружение, затем была разгромлена под Комаровой, думается, не имеет смысла. Об этом при наличии интереса лучше прочесть в книгах Николая Какурина, Иоакима Вацетиса, Сергея Каменева и других авторов, которые обстоятельно и квалифицированно анализируют эту неудачную для советского командования операцию.

О причинах поражения можно сказать лишь в общем плане.

Во-первых, численность Конной армии в момент боев у Замостья была втрое, а то и вчетверо меньше, чем польских войск. Во-вторых, Конармия начала рейд, будучи совершенно измотанной в боях за Львов, оставив базы снабжения на правом берегу Западного Буга. В-третьих, в период боев под Комаровой разбушевалась стихия, непрерывно шли дожди, которые лесисто-болотистый район превратили в труднопроходимую местность: коннице, тачанкам, артиллерии не было никакой возможности производить быстрое маневрирование.

...Части Конармии напряжением больших усилий 8 сентября прорвали кольцо окружения и под

прикрытием заслонов переправились за Буг. Там по его правому берегу они заняли оборону, перевели дух.

Буденный и Ворошилов провели совещание с руководящим составом дивизий и бригад. На нем было констатировано тяжелое положение армии. В 11-й дивизии, например, осталось всего 1180 активных бойцов, причем 718 из них потеряли лошадей. Самая крупная — 6-я дивизия — насчитывала 4 тысячи сабель, но в ней вышли из строя почти все командиры полков и уцелело лишь четыре командира эскадрона. Из 150 пулеметов годными были только 60. Артиллерия, броневики, пулеметные тачанки, практически весь колесный транспорт до предела изношены, конский состав изнурен.

26 сентября приказом Главкома Республики армия была выведена в резерв, а затем направлена на Южный фронт для действий против белогвардейских войск генерала Врангеля.

На Врангеля

К концу лета 1920 года Русская армия в Крыму настолько окрепла, что Врангель стал представлять для Советской Республики серьезнейшую угрозу. РВСР выделил Врангелевский фронт как самостоятельный. Организация его постановлением ЦК РКП(б) была возложена на Сталина. Ленин послал телеграмму Сталину:

«Только что Политбюро провело разделение фронтов, — говорилось в ней. — Нужно, чтобы вы исключительно занялись Врангелем».

21 сентября был создан Южный фронт. Командующим назначен Михаил Васильевич Фрунзе, членом РВС — Сергей Иванович Гусев. Вторым членом РВС фронта ЦК утвердил Бела Куна, одного из

руководителей венгерских коммунистов, незадолго перед этим прибывшего в РСФСР.

В состав фронта вошли 6-я (командующий — Август Корк), 13-я (командующий — Иероним Уборевич), 2-я Конная армия (командующий — Филипп Миронов, сменивший Оку Городовикова) и только что сформированная 4-я армия (командующий — Владимир Лазаревич). Ожидалось прибытие 1-й Конной армии.

Фрунзе приехал на фронт 24 сентября. Началась подготовка войск для разгрома армии Врангеля. Был разработан план, основой которого стала идея окружения и уничтожения белогвардейских войск в Северной Таврии. Для этого предполагалось нанести концентрические удары по сосредоточенной там группировке врангелевцев, чтобы отрезать ей пути отхода на полуостров. Главный удар наносился с Каховского плацдарма. Решающая роль в осуществлении этого плана возлагалась на кавалерию, поэтому начало операции приурочивалось к тому времени, когда на Южный фронт прибудет 1 — я Конная армия. К сожалению, ее приход задерживался.

3 октября Фрунзе направил на имя Ленина доклад об обстановке на фронте. Он сообщал, что угроза Донбассу, возникшая в связи с прорывом белогвардейских сил за линию Волноваха — Мариуполь, ликвидирована. Но скверным он считает запоздание конницы Буденного.

Ленин незамедлительно принял меры по ускорению передвижения 1-й Конной армии. 4 октября он передал по прямому проводу телеграмму Реввоенсовету 1-й Конной армии:

«Буденному, Ворошилову.

Крайне важно изо всех сил ускорить передвижение вашей армии на Южфронт. Прошу принять для этого все меры, не останавливаясь перед героическими. Телеграфируйте, что именно делаете?

Предсовобороны *Ленин*»^[212].

А в Конармии в это время делалось то, что было для нее характерным явлением. В сентябре, в период перехода с Польского на Южный фронт в ее частях сильно снизилась дисциплина, участились случаи неповиновения приказам командования, дезертирство. Конармейцы в юго-западных районах Украины занялись грабежами, мародерством, совершали еврейские погромы. Особенно отличалась бандитскими делами 6-я кавалерийская дивизия Иосифа Апанасенко^[213], в частности бригада Василия Книги. 28 сентября распоясавшимися бойцами дивизии был убит военком Георгий Шепелев, пытавшийся навести в частях порядок.

После получения телеграммы Ленина Буденному и Ворошилову пришлось доложить и вождю, и главкому Каменеву все как есть.

В октябре, на экстренном совещании Реввоенсовета 1-й Конной армии был объявлен приказ о том, что полки, отмеченные в данных преступлениях, подлежат разоружению, расформированию, лишаются всех наград, знамен и навсегда вычеркиваются из списков 1-й Конной. Впрочем, по инициативе Буденного эти меры были смягчены, оружие бойцам возвращено. Лица, уличенные в погромах, подверглись суду Военно-революционного трибунала и были расстреляны, но некоторым зачинщикам все же удалось скрыться. Такие же суровые наказания были первоначально определены для командиров, допустивших в своих подразделениях беспорядки. Однако расстрелы и тюремные сроки, ввиду их личных заслуг, а также по случаю третьей годовщины Октябрьской революции были им заменены менее жесткими приговорами. Все они были значительно понижены в должностях, распределены в

другие кавалерийские части. Апанасенко и Книгу отстранили от командования дивизией и бригадой...

1-ю Конную армию с первого дня ее создания постоянно преследовал бич партизанщины, анархии, грабежей, насилия по отношению к населению.

Писатель Исаак Бабель, служивший в 1-й Конной армии, называл ее идеальной моделью революционной армии. Она была плоть от плоти, кровь от крови сражающегося народа. Командующий Семен Буденный — из крестьян, комиссар Клим Ворошилов — из рабочих. Четверть конармейцев неграмотна, три четверти, за исключением тонкого слоя командиров и политработников, — полуграмотные. Так что говорить о высокой сознательности здесь не приходится.

Бабель приводит в книге рассказов «Конармия» слова командира артиллерийского дивизиона Максимова: «Что такое наша армия? Это не армия, это восстание дикой вольницы, это лишь средство, которым пользуется партия». Примеры тому? Вот первый. Когда конармейцы захватили в январе 1920 года Ростов-на-Дону, они просто-напросто предались грабительству; Ростов был богатым городом, его называли «русским Чикаго». Из-за разбоя, пьяного разгула первоконников, по мнению некоторых историков, возникла «батайская пробка» — красные войска долго не могли овладеть левобережьем Дона. Как следствие — были понесены большие потери.

Вторым примером может служить вышеописанная ситуация с 6-й кавдивизией во время перехода Конармии с Польского фронта на Южный...

Тем не менее для партии большевиков «средство» в виде Конармии оказалось весьма эффективным. Красная кавалерия внесла важнейший, можно даже сказать, выдающийся вклад в победу Советов в Гражданской войне.

В ночь с 27 на 28 октября Конармия переправилась через Днепр у Каховки. Утром предстояло наступление.

Фрунзе поставил задачи войскам фронта: разбить группирующиеся к северу и северо-востоку от крымских перешейков крупные белогвардейские силы, отступающим частям отрезать пути отхода на полуостров. 13-я и 4-я армии должны наступать на мелитопольские позиции врага и овладеть ими к 30-му числу. 2-я Конная армия 29 октября наносит удар из района Никополя по Серогозам, Калашин-ской. 6-я армия с Каховского плацдарма — по Перекопу.

1-й Конной было приказано стремительным маршем выйти 29-го на фронт Аскания-Нова — Громовка и решительными действиями с юга на Агайманы — Серогозы совместно с 6-й армией и 2-й Конной отсечь противника от перешейков, затем окружить и уничтожить.

Наступательная операция советских войск в Северной Таврии продолжалась семь дней. Соединения 6-й армии вышли в район Перекопа. 1-я Конная вклинилась глубоко в тыл противника, заняла Геническ.

Врангель изо всех сил прорывался в Крым. Белогвардейцы, собрав все силы в один кулак, ударили по Сальково. Конармия завязала кровавый бой с атакующими ее превосходящими вражескими силами. В этом бою пали командир 11-й кавалерийской дивизии Ф. М. Морозов, военком П. В. Бахтуров и многие другие отважные первоконники. Нескольким белым частям удалось вырваться из окружения и через Чонгарский полуостров уйти в Крым.

Врангель в Северной Таврии понес жестокое поражение. Войска Красной армии захватили до 20 тысяч пленных, более 100 орудий, много пулеметов, десятки тысяч снарядов, до 100 паровозов, 2 тысячи вагонов с военным имуществом.

Теперь перед Южным фронтом стояла задача выбить Врангеля из Крыма. Для этого нужно было сокрушить перекопские и чонгарские укрепления противника, считавшиеся неприступными.

Перекопский перешеек, соединяющий Крымский полуостров с материком, был сильно укреплен. Линия обороны проходила по Турецкому валу высотой 8 метров. Перед валом — проволочные заграждения в три ряда и ров шириной 20 метров и глубиной 10 метров. Огневое прикрытие — 70 орудий и 150 пулеметов. С востока Турецкий вал отделялся озером Сиваш, а с запада — морем. К югу от Турецкого вала вторая оборонительная позиция (у села Юшунь) с тремя-четырьмя линиями окопов, проволочными заграждениями, многочисленными огневыми точками. Так же сильно был укреплен Чонгарский полуостров. Мост через пролив, разделяющий Крымский полуостров и полуостров Чонгар, белогвардейцы при отступлении взорвали.

Командование Южного фронта приняло решение штурмовать крымские укрепления. Штурм начался 7 ноября 1920 года, в день третьей годовщины Октябрьской социалистической революции. Укрепления на Перекопском перешейке атаковали одновременно с двух сторон: с фронта, в лоб и со стороны Литовского (Чувашского) полуострова, в их фланг и тыл, форсировав вброд Сиваш.

Сиваш форсировали части 15-й и 52-й стрелковых дивизий, а также 153-я бригада 51-й дивизии. К этому времени западный ветер согнал воду из Сиваша в Азовское море. Вперед двигались штурмовые колонны пехоты, за ними кавалеристы. Холодный ветер насквозь пронизывал красноармейцев. Но никто из них не проявил слабости...

К утру 8 ноября белогвардейцы были сбиты с Литовского полуострова.

В этот же день бригады 51-й дивизии под командованием В. К. Блюхера начали штурм Турецкого вала. Против советских войск врангелевцы бросили в контратаку превосходящие силы пехоты и кавалерии. Завязались ожесточенные бои, не раз переходившие в рукопашную.

Фрунзе приказал перебросить на Литовский полуостров подкрепления. После четвертого по счету штурма Турецкого вала 9 ноября части дивизии Блюхера взяли вал. Затем бои переместились на Юшуньские позиции. Белогвардейцы побежали к портам: Севастополю, Ялте, Феодосии, Керчи, где под парами стояли корабли интервентов — французские, английские и прочие. Дорога в Крым была открыта.

Теперь в дело вступила красная конница, она преследовала отходившего противника. 13 ноября части 1-й Конной и 6-й армий освободили Симферополь, 15-го — Севастополь, 16-го — Керчь. В тот же день Фрунзе телеграфировал Ленину: «Сегодня конницей Буденного занята Керчь. Врангелевский фронт ликвидирован».

Остатки разбитых врангелевских войск поспешно погрузились на суда и бежали за границу.

1-я Конная армия покинула освобожденный Крым и передислоцировалась в район Екатеринослава. Уставшие от боев конники получили наконец-то длительный отдых. Правда, отдельные соединения и части, периодически сменяя друг друга, занимались искоренением разбоя петлюровцев, а также остатков банд Махно в юго-западных районах страны.

В конце декабря 1920 года по инициативе Ворошилова состоялся 1-й съезд бойцов Конармии, на котором были представлены делегаты от всех частей и подразделений. Его участники обсуждали новые для себя задачи по усилению и совершенствованию боевой

и политической учебы в свете предстоящего сокращения армии и перехода на рельсы мирной жизни.

Ворошилов был вновь введен в состав ЦК КП(б)У. Он с еще большей энергией занялся укреплением связей политаппарата Конармии с партийными организациями Екатеринослава, вместе с командирами и политработниками активно включаясь в практические хозяйственные дела.

В начале 1921 года началась подготовка к X съезду РКП(б). Коммунисты 1-й Конной армии избрали Ворошилова делегатом на съезд с правом решающего голоса.

Зимой 1920/21 года выделенные Конармией части вели активные бои с отрядами Махно на Левобережной Украине. Больше других участвовать в них пришлось 14-й кавалерийской дивизии Пархоменко. Однажды, это было 3 января 1921-го, махновцы неожиданно напали на штаб кавдивизии у села Бузовка и в завязавшемся бою постреляли и изрубили весь его состав. В том бою погиб и начдив Александр Яковлевич Пархоменко...

В апреле руководство Красной армии продолжало привлекать 1-ю Конную для уничтожения белогвардейских и повстанческих отрядов.

В мае 1921 года Конармия была реформирована.

КРОНШТАДТСКИЙ МЯТЕЖ

Страну охватили волнения

В конце 1920-го — начале 1921 года в стране разразился глубокий экономический и социальный кризис. С помощью политики военного коммунизма не удалось преодолеть разрухи, порожденной четырьмя годами участия России в Первой мировой войне, Февральской революцией, Октябрьским переворотом 1917 года и углубленной Гражданской войной.

Когда и зачем был введен в Советской России военный коммунизм? Начало его совпало с Гражданской войной: 1918–1921 годы. Суть его заключалась в том, чтобы подготовить страну к новому, коммунистическому укладу жизни. Для военного коммунизма были характерны такие черты, как:

крайняя степень централизации управления всей экономикой; национализация промышленности (от мелкой до крупной);

запрет на ведение частной торговли и свертывание товарно-денежных отношений;

государственная монополизация многих отраслей сельского хозяйства; милитаризация труда (ориентация на военную промышленность);

тотальная уравниловка, когда все получали одинаковое количество благ и товаров. Большевики планировали построить новое сообщество людей, где нет богатых и бедных, где все равны и все получают ровно столько, сколько необходимо для нормального существования.

В условиях набравшего угрожающий размах экономического и социального кризиса требовалось

решительное изменение государственного курса.

Во-первых, нужно остановить дальнейший экономический развал; пагубность его для страны была налицо. Разрушение шахт и рудников; нехватка топлива и сырья; остановка заводов (что привело к падению роли крупных промышленных центров); массовый отток рабочих из города в деревню; прекращение движения на тридцати железных дорогах. Серьезную опасность несло сокращение посевных площадей и незаинтересованность крестьян в расширении хозяйства. Сельскохозяйственное производство приобрело потребительский характер, его товарность упала в 2,5 раза. Снижился уровень управления, отразившийся на качестве принимаемых решений и выразившийся в нарушении экономических связей между предприятиями и районами страны и в падении дисциплины труда. И как результат всего — массовый голод в городе и деревне, рост заболеваемости и смертности.

Во-вторых, необходимо погасить возмущения рабочих необеспеченностью их достаточным пропитанием, расширить права профсоюзов. Можно пойти на демократизацию политической системы страны, созыв Учредительного собрания, отмену спецраспределителей и пайков, прекратить принудительную сдачу крестьянами хлеба по продразверстке и т. п.

Гражданская война в России шла к завершению. Заканчивалась и бурная боевая молодость Ворошилова. В марте 1921 года ему пошел сорок первый год. Посеребрились виски некогда буйного парня Володьки, серьезным, солидным мужчиной стал он теперь. На груди его красовался орден Красного Знамени. Награжден им за мужество и доблесть, проявленные в боях с белогвардейцами в июне 1920 года. А еще он

носил саблю со знаком ордена Красного Знамени на эфесе. Это почетное революционное оружие вручил ему 30 декабря 1920-го председатель ВЦИКа Калинин.

Клим Ворошилов стал для всех «товарищем Ворошиловым», «Климентом Ефремовичем», кроме, конечно, родных и близких. Климом его, как и прежде, называли боевые друзья, земляки и Буденный.

В начале второй половины февраля Климент Ефремович Ворошилов отправился в Москву. Через две недели там должен был начать работу X съезд РКП (б)...

К тому времени были погашены основные крупные военные очаги. Фактически закончилась Советско-польская война (подписан Рижский мирный договор), на Дальнем Востоке образовалась «буферная» Дальневосточная республика, белые войска оставили Крым. Все фронты прекратили свое существование, началась демобилизация Красной армии.

Казалось бы, с наступлением мира страна успокоится. Однако этого не произошло. Сложившееся в России к весне крайне тяжелое хозяйственное и политическое положение породило широкомасштабные волнения. В ряде районов вспыхнули восстания недовольных продразверсткой крестьян. Многие демобилизованные солдаты занялись бандитизмом, поднимали мятежи против советской власти. По стране покатился вал антигосударственных вооруженных выступлений. Организовывались целые армии в десятки тысяч человек, действовавшие заодно в нескольких губерниях. Такой, например, была армия Антонова^[214], по своей численности составлявшая, по разным оценкам, от 20 до 50 тысяч бойцов.

Подобные выступления против большевиков проходили на Дону и Кубани. Такая же обстановка наблюдалась и в городах. Голод, безработица толкали рабочих на протесты.

В особенно бедственном положении находился Петроград, население которого за годы Гражданской войны сократилось с 2 миллионов 347 тысяч человек до 799 тысяч. Катастрофически низко упавший уровень жизни петроградцев гнал их туда, где можно было перекоротать нужду.

Продразверстка проходила трудно. Озлобленные крестьяне отказывались снабжать хлебом большие города. Кроме того, доставка продовольствия из южных районов страны усугублялась крайним развалом железнодорожного транспорта.

Зимой 1920/21 года обстановка в Петрограде настолько ухудшилась — участились перебои с поставками зерна, мяса, масла, из-за чего на треть были урезаны хлебные пайки, опустели продлавки, из месяца в месяц задерживалась выдача зарплаты, — что забастовали промышленные предприятия, начались бунты в воинских частях. Прекратили работу заводы Балтийский судостроительный, Трубочный, «Арсенал». Рабочих поддерживали солдаты гарнизона, балтийские моряки. 20 февраля на улицах города появились протестные демонстрации.

Первоначально требования демонстрантов носили преимущественно экономический характер: улучшить продовольственное снабжение населения, снять пригородные кордоны заградительных отрядов. Дело в том, что заградотряды отбирали на вокзалах у горожан продукты питания, которые те выменивали у сельских жителей за мануфактуру, выданную им бесплатно правительством или тайно вынесенную с текстильных предприятий. А еще эти отряды конфисковывали провизию, привозимую в Петроград на продажу частными лицами из близлежащих деревень.

Постепенно экономические требования сменились политическими. Появились призывы «очистить Советы от большевиков».

В конце февраля 1921 года ситуация в городах европейской части России напоминала вспышку социального накала накануне Февральской революции. К партийной власти росло недоверие. Его подогревали активизировавшиеся противники большевизма. Петроград наводнили нелегальные листовки меньшевиков, эсеров и анархистов.

В ситуации, дошедшей до острой грани, удержать в стране власть в своих руках руководство Советской России сможет, по мнению Ленина, если сделает уступку капитализму: не политическую, но экономическую. Следует отменить военный коммунизм и объявить новую экономическую политику (НЭП).

К открытию X съезда РКП (б) окончательно созрела идея НЭПа. Этой политикой предусматривались следующие меры:

- введение прогрессивного подоходного налога с крестьян;

- свобода торговли;

- разрешение аренды малых и средних частных предприятий;

- возможность найма рабочей силы;

- отмена карточной системы и нормированного снабжения;

- плановость услуг;

- перевод промышленных предприятий на хозяйственный расчет и самоокупаемость;

- ослабление централизации управления народным хозяйством; предоставление предприятиям самостоятельности в планировании, заготовке сырья и реализации продукции. Введение поощрительной системы оплаты труда с целью стимулировать производство, заинтересовать работников в повышении квалификации и выпуске качественной продукции.

Ленин через время скажет, что сущность НЭПа была в налаживании союза между рабочими и крестьянами. Это был правильный тактический ход, благодаря которому страна смогла выйти из кризиса и, проскочив опасный период, вскоре похоронить эту политику как чуждую социализму...

14 марта 1921 года съезд продекларирует переход к новой экономической политике.

Но это будет в середине марта, а в феврале страну сотрясали социальные взрывы. И одним из самых опасных из них был Кронштадтский мятеж.

«За Советы, против партий!»

«Слушали: О мероприятиях завтрашнего дня в связи с мятежом на заводах.

Постановили: Утвердить штаб в составе трех человек тт. Лашевича, Анцеловича и Аврова, при штабе — технический аппарат укреплённого района во главе с комендантом.

Организовать в районах тройки в составе организатора района, командира соответствующего коммунистического батальона территориальной бригады, комиссара командных курсов. Такие же тройки организовать в уездах в составе организатора уездного комитета партии, представителя Исполкома и уездвоенкома.

Штаб должен начать действовать немедленно по получении приказа. Немедленно восстановить связь центрального штаба с районными.

От имени Исполкома объявить военное положение, в развитие этого постановления дать приказ от Военного совета. Военное положение входит в силу с момента фактического опубликования.

Хождение по улицам разрешается до 11 часов вечера.

Восстановить в районах отряды особого назначения, приведя их в боевую готовность.

Иметь в районах дежурную роту днем и ночью.

С работающих предприятий снимать коммунистов только с разрешения главного штаба. Поручить районным штабам организовать тройки во всех учреждениях и предприятиях, где они найдут необходимым.

Поручить центральному штабу в кратчайший срок снабдить районы оружием.

Поручить бюро ПК совместно с утвержденным центральным штабом закрывать заводы в зависимости от хода событий.

Принять энергичные меры к охране электрических станций 86-го года и Обуховской, снабдив их топливом в первую очередь за счет других учреждений.

Поручить бюро ПК провести мобилизацию коммунистов из советских учреждений для агитации на улицах.

Провести мобилизацию коммунистов с военным стажем по указанию Пуокра^[215] для партийной работы (как агитационной и пр.) по казармам.

Поручить округу, Петротопу^[216] и районным комитетам принять меры к действительному улучшению топливного положения в казармах.

Поручить совнархозу выделить возможно большее количество электрических лампочек для казарм: поручить отделу управления передать округу те электрические лампочки, которые имеются в участковых бюро.

Провести немедленно в жизнь постановление о том, чтобы комиссары частей жили в казармах, а не на вольных квартирах.

Выпустить воззвание к рабочим от имени курсантов и Военной секции.

Поручить ПТО^[217] закрыть театры несерьезного характера по указанию районных штабов.

Арестовать руководящую интеллигентскую группу эсеров и меньшевиков; аресты остальных руководящих групп поручить производить ЧК по предварительному соглашению с районами.

Все остальные предложения передать на бюро ПК»^[218].

Это — выписка из протокола заседания бюро Петроградского комитета РКП(б) от 24 февраля 1921 года.

Постановление Петрокомитета партии большевиков о введении военного положения было ответом на массовые забастовки и митинги, расцененные как мятеж. Сразу после принятия постановления в городе начались аресты рабочих активистов. Это послужило толчком к восстанию Кронштадта.

Несколько слов о Кронштадте. Город-крепость расположен на острове Котлин (длина острова — одиннадцать, ширина — около двух километров) и прилегающих к нему более мелких островах Финского залива. Рождением своим он обязан русскому царю Петру I. По его велению за одну зиму были возведены два форта, составившие своеобразный замок. Весной 1704-го их освятили и назвали Кроншлот («коронный замок»).

7 октября 1723 года на Котлине состоялась закладка цельной крепости, которая, как говорилось в указе Петра, «заключала бы в себя весь город и все портовые сооружения, и служила бы делу обороны со всех сторон». Она получила имя Кронштадт, что означает «город-крепость», или «укрепленный город».

В Кронштадт на постоянное место жительства переселяли дворян, купцов с семьями и многочисленных работных людей. На Котлин день и ночь шли корабли, боты, лодки. В то время попасть на остров можно было только водным путем.

К началу XX века крепость Кронштадт стала мощной цитаделью в Невской губе (восточная часть Финского залива. В вершину Невской губы несколькими рукавами впадает река Нева). Большая часть из шестнадцати фортов, составляющих крепость, расположена на искусственных и естественных островах. Северный мелкий фарватер прикрывали островные форты «Обручев», «Тотлебен» и номерные форты № 1 и № 7. Южный основной фарватер прикрывали островные форты № 1, № 2, «Милютин», «Кроншлот» и «Константин», последний находился на узком мысе на южном побережье острова Котлин. Во время военной программы 1908–1915 годов на обоих берегах Финского залива были построены передовые форты «Красная Горка», «Ино» и «Серая Лошадь». В 1918 году форт «Ино» на северном берегу залива пришлось взорвать, чтобы не допустить его перехода к Финляндии.

На начало февраля 1921 года в состав гарнизона крепости входили: штаб, 187-я отдельная стрелковая бригада, 21-й воздухоплавательный отряд, крепостная артиллерия, вспомогательные части. Всего гарнизон составлял 16 468 человек, из которых 1078 командиров. Самым мощным вооружением обладал внешний форт «Красная Горка»: четыре 280-миллиметровые мортиры, восемь 305-миллиметровых орудий доставали не только до Кронштадта, но и до финского берега. Кронштадтская крепость к началу Первой мировой войны после ликвидации ошибок, выявленных Русско-японской войной, была сильнейшей из существовавших береговых крепостей, справиться с которой не смог бы ни один флот мира.

Предтечей восстания гарнизона Кронштадт можно назвать собрание 8 февраля 1921 года команд линкоров «Севастополь» и «Петропавловск», на которых была принята резолюция с требованиями провести перевыборы Советов, упразднить комиссаров, предоставить свободу деятельности социалистическим партиям, разрешить вольную торговлю.

В 1961 году «Военно-исторический журнал» напечатает статью К. Е. Ворошилова, одного из руководителей борьбы против восставших кронштадтцев «Из истории подавления Кронштадтского мятежа». В ней он писал, что 1 марта 1921 года на Якорной площади Кронштадта состоялся 15-тысячный митинг под лозунгами «За Советы, против партий!», «Власть Советам, а не партиям!». На митинг прибыл председатель ВЦИКа Калинин, он попытался успокоить собравшихся, но матросы сорвали его выступление. Мятежники позволили Калинину беспрепятственно покинуть крепость. На следующий день комиссар флота Николай Николаевич Кузьмин и председатель Кронштадтского совета Павел Дмитриевич Васильев были арестованы [\[219\]](#).

Мятеж раскручивался. За день перед тем, как приехать в Кронштадт председателю ВЦИКа Калинину и комиссару флота Кузьмину, с острова Котлин на корабли Балтфлота поступила телефонограмма:

«Общее собрание линкоров «Петропавловск» и «Севастополь» просит все морские части, находящиеся в Петрограде, как то: линкоров, минную дивизию, подлодок и береговые части — выделить своих представителей беспартийных в Кронштадт на линкор «Петропавловск» на собрание моряков Кронбазы не позже двух часов дня 1 марта сего года» [\[220\]](#).

Вскоре телефонограмму такого же подстрекательского характера получили все части и

учреждения Кронштадта. В ней говорилось:

«Ввиду создавшегося положения в Кронштадте в настоящее время партия коммунистов удалена от власти и управляет Временно-революционный комитет. Товарищи беспартийные! Просим вас временно взять управление в свои руки и зорко наблюдать за коммунистами и их действиями, проверять разговоры, чтобы нигде не делались какие-либо заговоры.

Выбранный представитель от команды

Кронштадтского района *Яковенко*».

В Москве шла подготовка к началу работы X съезда. Из-за событий в Кронштадте точный день открытия съезда намечен не был. Вначале называлось 6 марта, но затем эту дату отменили.

Ворошилов вместе с другими делегатами съезда жили тревожными вестями из взбунтовавшегося города-крепости. Сообщения шли одно за другим:

В крепости создан Временный революционный комитет (ВРК) во главе с матросом Степаном Максимовичем Петриченко.

В крепости образован «штаб обороны». Руководитель штаба — исполняющий должность начальника штаба крепости Евгений Николаевич Соловьянов (бывший капитан Российского императорского флота). В состав штаба вошли военные специалисты: командующий артиллерией крепости Александр Николаевич Козловский (бывший генерал-майор Русской армии), начальник бригады линкоров Степан Николаевич Дмитриев (бывший контр-адмирал Российского императорского флота), начальник оперативного отдела крепости Борис Андреевич Арканников (бывший подполковник Генерального штаба русской армии)...

Делегаты съезда были ознакомлены с двумя обращениями восставшего Кронштадта.

**«Обращение населения крепости и Кронштадта
Товарищи и граждане!**

Наша страна переживает тяжелый момент. Голод, холод, хозяйственная разруха держат нас в железных тисках вот уже три года. Коммунистическая партия, правящая страной, оторвалась от масс и оказалась не в силах вывести ее из состояния общей разрухи. С теми волнениями, которые в последнее время происходили в Петрограде и Москве и которые достаточно ярко указали на то, что партия потеряла доверие рабочих масс, она не считалась. Не считалась и с теми требованиями, которые предъявлялись рабочими. Она считает их происками контрреволюции. Она глубоко ошибается.

Эти волнения, эти требования — голос всего народа, всех трудящихся. Все рабочие, моряки и красноармейцы ясно в настоящий момент видят, что только общими усилиями, общей волей трудящихся можно дать стране хлеб, дрова, уголь, одеть разутых и раздетых и вывести Республику из тупика. Эта воля всех трудящихся, красноармейцев и моряков определенно выполнялась на гарнизонном митинге нашего города во вторник 1 марта. На этом митинге единогласно была принята резолюция корабельных команд 1 и 2 бригад. В числе принятых решений было решение произвести немедленно перевыборы в Совет. Для проведения этих выборов на более справедливых основаниях, а именно так, чтобы в Совете нашло себе место истинное представительство трудящихся, чтобы Совет был деятельным энергичным органом.

2 марта с. г. в Доме просвещения собрались делегаты всех морских, красноармейских и рабочих организаций. На этом собрании предлагалось выработать основы новых выборов, с тем чтобы затем приступить к мирной работе по переустройству Советского строя. Но ввиду того, что имелись основания

бояться репрессий, а также вследствие угрожающих речей представителей власти собрание решило образовать Временный Революционный Комитет, которому и передать все полномочия по управлению городом и крепостью.

Временный Комитет имеет пребывание на линкоре «Петропавловск».

Товарищи и граждане!

Временный Комитет озабочен, чтобы не было пролито ни единой капли крови. Им приняты чрезвычайные меры по организации в городе, крепости и на фортах революционного порядка.

Товарищи и граждане!

Не прерывайте работ. Рабочие! Оставайтесь у станков, моряки и красноармейцы в своих частях и на фортах. Всем советским работникам и учреждениям продолжать свою работу. Временный Революционный Комитет призывает все рабочие организации, все мастерские, все профессиональные союзы, все военные и морские части и отдельных граждан оказать ему всемерную поддержку и помощь. Задача Временного Революционного Комитета дружными и общими усилиями организовать в городе и крепости условия для правильных и справедливых выборов в новый Совет.

Итак, товарищи, к порядку, к спокойствию, к выдержке, к новому, честному социалистическому строительству на благо всех трудящихся.

Кронштадт, 2 марта 1921 г. Линкор «Петропавловск».

Председатель Временного Революционного Комитета

Петриченко.

Секретарь *Тукин*»^[221].

**«Обращение
Комитета к
красноармейцам**

**Временного
крестьянам,**

**Революционного
рабочим и**

Товарищи и граждане!

В Кронштадте 2 марта 1921 года на основании воли широких масс, моряков и красноармейцев власть в городе и крепости от коммунистов перешла без единого выстрела в руки Временного Революционного Комитета. Широкие массы трудящихся поставили себе целью общими дружными усилиями вывести Республику из того состояния разрухи, с которой не могла справиться коммунистическая партия. В городе создан образцовый порядок. Советские учреждения продолжают работать. Предстоит произвести выборы в Совет на основании тайных выборов. Временный Революционный Комитет имеет пребывание на линейном корабле «Петропавловск».

Товарищи и граждане!

Призываем вас последовать нашему примеру. В единении — сила.

Мы знаем, что питерские рабочие измучены голодом и холодом. Вывести страну из разрухи сможете только вы, совместно с моряками и красноармейцами. Коммунистическая партия оставалась глухой к вашим справедливым, идущим из глубины души требованиям.

Временный Революционный Комитет убежден, что вы, товарищи, вы, рабочие, крестьяне, моряки и красноармейцы, поддержите Кронштадт.

Рабочие, моряки и красноармейцы!

Установите между собою прочную, непрерывную связь. Берите из своей среды верных и преданных общему делу делегатов, снабдите их полномочными мандатами на немедленное проведение в жизнь требований трудящихся.

Не поддавайтесь нелепым слухам, что будет в Кронштадте власть в руках генералов и белых. Это

неправда. Она выполняет только волю всего трудового народа.

Немедленно свяжитесь с Кронштадтом. В Кронштадте вся служба связи в руках Временного Революционного Комитета.

Товарищи рабочие, моряки и красноармейцы!

Ваша судьба в ваших руках. Наступил момент, когда вы призваны к тому, чтобы вывести страну из создавшейся разрухи и осуществить на деле завоеванные с такими жертвами права на свободную жизнь.

Вы, товарищи, давно уже ждали новой жизни, ждали безнадежно. Коммунистическая партия не дала ее вам. Так создайте же ее сами.

Временный Революционный Комитет г. Кронштадта призывает вас, товарищи рабочие, красноармейцы и моряки, оказать ему поддержку.

Председатель Временного Революционного Комитета

Петриченко.

Секретарь *Тукин.*

Кронштадт, 3 марта 1921 года»^[222].

На эти обращения мятежников Кронштадта правительство РСФСР отреагировало объявлением всех восставших вне закона. Комитет обороны Петрограда 4 марта предъявил Кронштадту ультиматум — сдаться. Над крепостью летали самолеты красной эскадрильи военлета Семена Яковлевича Корфа, с которых постоянно разбрасывались листовки с требованием сложить оружие.

Мятежники должны либо принять ультиматум, либо сражаться. В крепости срочно состоялось заседание делегатского собрания, где было решено защищаться. На собрании по предложению Петриченко состав ВРК был увеличен с пяти до пятнадцати человек. Кроме

состоявших уже в комитете самого Петриченко, телефониста Кронштадтского района службы связи Яковенко, машинного старшины Архипова, мастера электромеханического завода Тукина, заведующего третьей трудовой школой Орешина в него были еще включены: Байков — заведующий обозом Управления строительства крепости; Вальк — мастер лесопильного завода; Вершинин — строевой линкора «Севастополь»; Кильгаст — штурман дальнего плавания; Куполов — старший лекарский помощник; Ососов — машинист линкора «Севастополь»; Павлов — рабочий минных мастерских; Перепелкин — гальванер линкора «Севастополь»; Петрушев — старшина-гальванер линкора «Петропавловск»; Романенко — содержатель аварийных доков.

Члены Временного революционного комитета были людьми далеко не кристальными. Многие из них ничего не имели общего с пролетариатом — рабочим классом и бедным крестьянством.

Взять Тукина, секретаря «Ревкома». До октября 1917 года он был владельцем нескольких домов, имел три магазина. Или Байков и Павлов. Они держали гостинные помещения, служили в сыскном отделении уголовной полиции.

О председателе ВРК Петриченко, старшем писаре линкора «Петропавловск», говорили как о сомнительной личности. Он вступил в РКП(б) в партийную неделю [\[223\]](#) 1919 года, но во время перерегистрации выбыл из нее. Разделял анархо-синдикалистские [\[224\]](#) взгляды, симпатизировал «движению» Махно. Будто бы вступил в партию эсеров, однако скрывал это.

Члены Временного революционного комитета совместно со Штабом обороны Кронштадта надеялись, что если против восставших будут брошены части

Красной армии, они отобьются. Гарнизон крепости насчитывал 26 тысяч военнослужащих. Мятежники имели 100 орудий береговой обороны (с учетом корабельных орудий линкоров «Севастополь» и «Петропавловск» — 140 орудий), свыше 100 пулеметов и большое количество боеприпасов.

Полного единодушия среди кронштадтцев не было, в восстании участвовал не весь личный состав гарнизона. Так, партийная школа и часть матросов-коммунистов из разных подразделений с оружием в руках ушли на берег. 450 человек открыто отказались примкнуть к мятежу; им, к сожалению, не удалось своевременно покинуть остров, они были арестованы и заперты в трюме линкора «Петропавловск».

Ворошилов позже вспоминал, что атмосфера в Москве и тем более в Петрограде накалялась. Руководство страны и Революционного военного совета Республики нервничало. Пока кронштадтский костер не разгорелся в большой пожар, нужно было силовым путем погасить его.

В Петроград прибыл поезд председателя РВСР Л. Д. Троцкого. Из беседы с командующим войсками Петроградского военного округа Дмитрием Николаевичем Аврова Троцкий понял: использовать сухопутные войска округа против Кронштадта невозможно, так как они политически неблагонадежны. Нужно образовать свежее формирование. Возникла мысль воссоздать 7-ю армию^[225] и подчинить ей верные соединения и части Петроградского округа и добавить новые.

Троцкий поделился своей мыслью с главнокомандующим Вооруженными силами РСФСР Каменевым. Тот поддержал его. Встал вопрос — кого поставить на воссоздаваемую армию? Восстановление порядка в Кронштадте и в целом на Балтфлоте дело

непростое. Оба сошлись на кандидатуре командующего Западным фронтом Тухачевского.

3 марта Каменев связался по прямому проводу с Тухачевским и сообщил ему о решении РВСР.

— Вам надлежит отправиться в Петроград и вступить в командование войсками. Возьмите с собой толкового генштабиста.

— Когда выезжать?

— Сейчас уже.

— Тогда прошу выделить экстренный поезд, предоставить полевые средства связи. Беру с собой опытного штабиста Перемытова^[226].

5 марта Ворошилова пригласили в РВСР, где он встретился с некоторыми прежними сослуживцами по совместной работе в 1918 году во Временном рабоче-крестьянском правительстве Украины, в частности с Андреем Бубновым, Владимиром Затонским, Георгием Пятаковым. Здесь были собраны военные делегаты X съезда и приглашенные на съезд военачальники в качестве гостей для информирования их об обстановке вокруг восставшего Кронштадта.

Председатель РВСР Троцкий сообщил, что им подписан приказ о восстановлении 7-й армии для подавления восстания в Кронштадте. Ее командующим назначается Михаил Николаевич Тухачевский. В ближайшие дни на базе 7-й армии будут созданы два оперативных соединения: Северная и Южная группы войск. Командующим Северной группой предполагается поставить Казанского, комиссаром — Вегера, командующим Южной группой — Седякина, комиссаром — Ворошилова.

На комплектацию управления и морально-боевую мобилизацию частей 7-й армии времени отводилось в

обрез: ожидалось — вот-вот начнет таять лед Финского залива, и тогда взятие крепости намного усложнится.

Штурм крепости был назначен на 8 марта 1921 года. В этот день наконец после нескольких переносов должен был открыться X съезд РКП(б).

7 марта в 18 часов начался артобстрел Кронштадта. На рассвете следующего дня три тысячи солдат 7-й армии пошли на штурм Кронштадта. Но все атаки кронштадтцами были отбиты, и красноармейские цепи с потерями отступили на исходные рубежи.

Ворошилов, следивший за действиями частей новоиспеченной армии, отметил: после неудачного штурма крепости политико-моральное состояние отдельных частей, как участвовавших в штурме, так и не участвовавших, вызывало тревогу^[227].

По мнению современных историков, штурм Кронштадта не удался 8 марта по нескольким причинам. Одна из них — ошибочная надежда на эффект массированного артобстрела крепости. Со стороны наступающих было выпущено более двух тысяч снарядов, но должного результата это не принесло: артиллеристы не владели огневым мастерством. Второй причиной неудачи РККА можно считать поспешность подготовки к штурму. Но, пожалуй, самой главной причиной было то, что солдаты шли в бой с большой неохотой — против своих же советских людей...

Комиссар Южной группы войск

С первого дня работы X съезда РКП (б) в центре внимания делегатов были Кронштадтские события. В отчетном докладе о политической деятельности ЦК РКП(б), с которым выступил Ленин, этим событиям была дана общая оценка. У Ленина не было объективной информации об обстановке в Кронштадте. Руководство

ВЧК и РВС пока накапливало необходимый объем сведений на этот счет. Наркомвоенмор Троцкий и председатель Петросовета Зиновьев со всей петроградской делегацией на съезде отсутствовали; ЦК направил их в Петроград, чтобы на месте отслеживать кронштадтскую ситуацию.

Ленин настроен был оптимистично, он считал, что восстание будет ликвидировано в течение дня-другого, если не в ближайшие часы.

А вот Троцкий пребывал в тревожной озабоченности. Неудавшийся штурм Кронштадта 8 марта был недобрым знаком. 10 марта наркомвоенмор направил записку в Политбюро, в которой писал:

«Кронштадтом можно овладеть только до оттепели. Как только залив станет свободным для плавания, установится связь Кронштадта с границей. В то же время остров станет недоступным для нас... Ни партия, ни члены ЦК не отдадут себе отчета в чрезвычайной остроте кронштадтского вопроса... Нужно во что бы то ни стало ликвидировать Кронштадт в течение ближайших дней. Это может быть достигнуто только путем мобилизации значительного числа боевых коммунистов и ответственных работников в Петроград»^[228].

Ленин позвонил Зиновьеву и обсудил с ним вопрос об использовании части делегатов X съезда для организации подавления мятежа. Он предложил направить в Петроград члена президиума съезда Ворошилова с группой товарищей.

В ночь с 10 на 11 марта 279 (по разным источникам, 289, 300, 320) делегатов выехали по железной дороге в нескольких специальных эшелонах из Москвы в Петроград. Среди них — военные специалисты, известные командиры, комиссары, активные участники Гражданской войны: Ян Фабрициус, Иван Федько, Петр

Баранов, Владимир Затонский, Андрей Бубнов, Иван Конев, Г. П. Рогачев, Петр Ошлей, А. М. Шангин и другие. На следующий день около полудня они от Петроградского вокзала отправились автомашинами на различные боевые участки расположения советских войск под Кронштадтом; к ночи все прибывшие делегаты съезда уже были на местах назначения.

Климент Ефремович Ворошилов приехал в район предполагаемых боевых действий против мятежников, уже зная, что он назначен военно-политическим комиссаром Южной группы войск. Остальные распределялись на месте. Одних бросали в помощь работникам военно-административных органов, других вводили в воинские части и учреждения особоуполномоченными представителями РВСР.

Штаб Южной группы войск находился в Ораниенбауме. Ворошилова там встретил командующий группой Александр Игнатьевич Седякин. До этого они знакомы не были и теперь представились друг другу.

Здесь в Ораниенбауме собралось почти всё командование группы: начальник штаба Малиновский, начальник политотдела Милейковский, начальник управления артиллерии Муравник, начальник снабжения Рухимович. В состав Южной группы войск вошли Бубнов, Равикович, Флерова, Затонский, Пятаков. Со всеми из них Ворошилов раньше служил вместе, за исключением Мирры Филипповны Флеровой (урожденная Гетц); она была политкомиссаром 2-й Украинской, затем 44-й дивизий.

13 марта был издан приказ № 5 по политической части Южной группы войск Финского залива, приведу его дословно:

«Г. Ораниенбаум. Секретно.

§ 1. В целях наиболее быстрого подавления контрреволюционного мятежа в Кронштадте X съезд партии мобилизовал на боевые участки Финского

побережья четвертую часть своего состава. Партсъезд прислал лучших работников со всех концов Советской России, чтобы облегчить и ускорить победу над Кронштадтскими белогвардейцами.

Из состава делегатов Партсъезда назначаются особоуполномоченные в воинские части и учреждения исключительно для усиления военно-административной и политической работы.

Комиссары и начальники должны видеть в уполномоченном старшего товарища, который помогает им и руководством, и делом.

Институт уполномоченных рассматривать как временный.

Приказы и приказания отдаются начальниками и комиссарами в порядке общего положения.

§ 2. Из числа прибывших делегатов Съезда партии назначаются особоуполномоченными представителями:

Бубнов при Политотделе Южной группы,
Муравник — Управлении артиллерии группы,
Равикович — Снабжении артиллерии,
Флерова — Санчастях группы,
Затонский — Сводной дивизии,
Морозов — Политотделе Сводной дивизии,
Левин — 187 стр[елковой] бригаде,
Безайс — 187 [стрелковой бригаде],
Радченко — Управлении артиллерии Сводн [ой дивизии],

Рогачев — снабжении Сводной дивизии,
Пятаков — 27 пехотной дивизии,
Ошлей — фортах «Краснофлотский» и «Передовой»,
Петрунин — Сводном полку,
Шангин — начальнике связи группы,
Рухимович — начальнике снабжения Южгруппы.

§ 3. Всем начподивам и комиссарам частей Южгруппы срочно проверить самым строгим образом использование лиц с командным стажем, так как

замечаются случаи использования комсостава рядовыми красноармейцами и канцеляристами.

§ 4. С получением сего приказа все листовки и прочий литературный материал, предполагающийся к печати, направлять для редактирования в Литературно-издательское отделение Политотдела Южгруппы, без разрешения которого таковой материал печататься не будет.

§ 5. Из числа прикомандированных к Южгруппе делегатов X сол1_0 т. Сырцов назначается помощником начальника Политотдела Южгруппы.

Тов. Иппо назначается начальником информационного отделения Политотдела Южгруппы.

Военно-политический комиссар Южной группы

К. Ворошилов.

Начальник Политотдела группы

Ю. Милейковский»^[229].

Кронштадт обложили две группы войск. С севера в районе Сестрорецка сосредоточилась группа Е. С. Казанского численностью чуть более 3700 бойцов. В основном это были курсанты Петроградских и Смоленских пехотных курсов, Петроградской военно-инженерной школы и 5-х Петроградских командных курсов. Они образовали три штурмовых полка. Первые два Петроградские. Третий — Московский, в который вошли курсанты Автоброневой и Торжокской военно-железнодорожной школ и батарея 1-й артшколы. Помимо курсантских частей был еще кавалерийский эскадрон в 105 сабель.

С юга от Ораниенбаума изготовилась к штурму острова Котлин группа Александра Игнатьевича Седякина. По отношению к северной она была по пехоте вдвое сильнее — около 7500 штыков, по кавалерии равной — 103 сабли. Боевую основу группы составляли 32, 167 и 187-я бригады РККА. По артиллерии: в

Северной группе — 9 батарей, в Южной — 18. Справедливости ради замечу, артиллерия мало чем могла помочь наступающим на крепость красным частям. Ее преимущественно легкие орудия были непригодны для разрушения мощных стен бетонных фортов и бронированных линейных кораблей мятежников.

В целом 7-я армия имела против Кронштадта 16 тысяч человек пехоты и 354 конника. Ударными силами были Северная и Южная группы в 11 с лишним тысяч человек, и в резерве еще находилось пять тысяч красноармейцев.

Наступление на Кронштадт намечалось на 14 марта. Для усиления удара с юга по Кронштадту было решено включить в штурм 79-ю бригаду резервной 27-й Омской стрелковой дивизии, прибывшей с Западного фронта 10 марта и сосредоточившейся на станции Лигово. Однако приказ о занятии указанной позиции бригада не выполнила. Причина невыполнения — боязнь бойцов выходить на лед залива, порожденная слухами о якобы погибших подо льдом десятках тысяч курсантов при первом штурме крепости 8 марта.

Но это одна версия, была и другая — в 235-м Невельском, 236-м Оршанском и 237-м Минском полках началось брожение. Многие красноармейцы, проявляя солидарность с кронштадтцами, заявили, что они отказываются штурмовать восставшую крепость.

Полки разоружили, начались аресты. После короткого допроса обвиняемым сразу же выносили приговор. Только 14 марта постановлением чрезвычайной тройки был приговорен к расстрелу 41 красноармеец Минского полка. 15 марта та же участь постигла тридцать трех красноармейцев Невельского полка.

Из-за этого инцидента наступление пришлось отложить на двое суток.

Командующий войсками 7-й армии Тухачевский по случившемуся издал специальный приказ, где с сожалением и огорчением сетовал, что позорный факт произошел в дивизии, которую хорошо знал по Сибири и Западному фронту. В приказе он писал:

«Тяжелое впечатление произвело на меня вчерашнее преступное митингование Славных и Победоносных Минского и Невельского полков.

Советская власть разоружением и арестом этих полков показала, что в Красной армии она не допустит ни отсутствия дисциплины, ни измены.

Все провокаторы и шептуны жестоко поплатились за свою контрреволюционную деятельность.

Теперь, когда обманутые ими герои просят дать им возможность взятием Кронштадта искупить свою вину перед рабочими и крестьянами Советской России, приказываю: возвратить Минскому и Невельскому полкам их оружие и Революционные знамена.

Я уверен и надеюсь, что вновь увижу героями своих старых боевых друзей, с которыми вместе мы брали Челябинск и Омск и с которыми вместе наступали на Варшаву...»^[230]

Разбираться с отказниками на станцию Лигово выехал Ворошилов.

Вспоминает один из бывших солдат бригады:

«Полки выстроены около казарм, безоружные. Ждем военно-политического комиссара товарища Ворошилова. Бойцы решаются просить его дать возможность искупить свою вину перед революцией». Он дальше рассказывает, что, когда появился Ворошилов, начальник дивизии Путна выступил с раскаянием от имени бойцов. Заговорил военполиткомиссар — все замерли, установилась тишина, абсолютная тишина: решается судьба бригады. Каждое его слово жжет каленым железом сердца бойцов. Как

они могли?.. Отказаться выполнить приказ... Отказаться идти против врагов народа... Это же — предательство революции... Ворошилов не успел до конца закончить свою горячую речь, как гулкой, широкой волной, преисполненной боевого энтузиазма, из тысячи глоток вырвался клич «Даешь Кронштадт!».

Что-что, а зажечь глаголом «буйный Володька» мог.

Полкам было возвращено оружие. Они должны доказать в предстоящем наступлении свою преданность революции. И они это сделают. Омцы дерзким броском по льду Финского залива с ходу возьмут семь фортов крепости. Ни град пуль, ни 12-дюймовые снаряды не смогут остановить стремительного порыва бойцов, давших обещание загладить свою вину. Они первыми ворвались в Кронштадт. К сожалению, в боях за крепость бригада потеряла две трети своего состава убитыми и ранеными.

В 23 часа 45 минут 15 марта Тухачевский подписал боевой приказ войскам 7-й армии на штурм крепости Кронштадт в ночь с 16 на 17 марта. Параллельно утвердил инструкцию Северной и Южной группам, где указывалось:

При взятии фортов жестоко расправиться с мятежниками, расстреливая без всякого сожаления там находящихся бойцов...

В бою на улицах Кронштадта части держать компактно, имея при каждой роте людей, знакомых с расположением улиц города. Всех вооруженных стрелять, пленными не увлекаться, бойцов по домам не распускать, ни в какие разговоры и переговоры с мятежниками не вступать.

В соответствии с этой инструкцией в группах появились свои приказы. Приказ Северной группы был под стать инструкции Тухачевского. В нем, в частности,

говорились: «...2) Всех дезертиров и паникеров расстреливать на месте. 3) Часть отряда, предназначенную для очистки фортов, при взятии форта бросить на расстрел всех мятежников. Пленных быть не должно».

Приказ Южной группы за подписью Седякина, Ворошилова и Малиновского был мягче: «Всем добровольно сдавшимся, как морякам, так и другим сопротивляющимся, гарантируется жизнь, если они немедленно и добровольно сложат оружие».

Готовясь к штурму Кронштадта, командующий Южной группой войск Седякин приказал Дыбенко возглавить Сводную дивизию в составе 32, 187 и 167-й бригад. Для эффективной дальнобойной оружейной поддержки наступающих он дал указание начальнику артиллерии группы сформировать два подвижных огневых подразделения из бронепоездов — по два бронепоезда в каждом.

Все понимали: второй штурм крепости нельзя провалить. Поэтому к операции готовились тщательно. 7-я армия была доведена до 24 тысяч бойцов и командиров. Действующие части усилили коммунистическими отрядами особого назначения, большим числом сотрудников Петроградской губернской милиции. Создавались специальные милицейские подразделения, которым предоставлялись исключительные полномочия: уничтожать на месте всех дезертиров и паникеров; при взятии фортов задерживать и расстреливать всех мятежников, не допускать, чтобы красноармейцы после взятия Кронштадта расходились по домам.

Решающий штурм

17 марта. Два часа ночи. Кромешная темень. Луна спряталась за тучи^[231]. Безмолвие. На северном боевом участке Финского залива артиллерийская канонада стихла с вечера, на южном — совсем недавно, 30 минут назад.

Началось наступление на Кронштадт. Красноармейские части спустились с земной тверди на лед на ощупь. Им предстояло идти до крепости — около 10 километров.

От Ораниенбаума в первой волне авангарда штурмующих шли стрелковые бригады: 32-я (командир Макс Рейтер), 167-я (командир Н. Бобров) и 187-я (командир Иван Федько) — основная ударная сила сводной дивизии Дыбенко. Бойцы одеты кто во что: с обмундированием в войсках дело обстояло из рук вон плохо — не хватало нательного белья, теплой одежды, обуви. В 499-м пехотном полку, к примеру, полушубков не было, шинелей раз-два и обчелся, в основном ватники и телогрейки. Сапоги и ботинки имели единицы, 25 процентов солдат ходили в валенках и в мороз, и в оттепель, а 50 процентов — в лаптях.

Красноармейцы передовой штурмовой команды были в белых маскхалатах, у каждого помимо винтовки — доска или облегченные решетчатые санки для преодоления ненадежных участков ледяной поверхности.

Вслед за передовыми группами двинулись войска второго эшелона. Они были экипированы специально сконструированными переносными мостками, для того чтобы форсировать полыньи, которые могли образовываться на льду залива от взрывов снарядов. В Южной группе таких мостков было сделано около тысячи.

За три дня до наступления была проведена ледовая разведка. Седякин и Ворошилов доложили командарму

Тухачевскому, что состояние поверхности южного участка Финского залива отличное. Вода от недавней оттепели почти вся ушла, прошедший снег тонким слоем покрыл лед^[232], так что подступ к Кронштадту теперь ни при какой перемене погоды непреодолимым не будет.

Наступающим войскам предписывалось двигаться через ледяное поле в походных колоннах при соблюдении полного молчания. Рассыпаться в цепь, даже в случае обстрела противником, можно только в исключительных случаях по указанию командира. В канун штурма вечером 16 марта по бригадам были отданы специальные приказы о порядке поведения в ночном наступлении. Вот отрывок из приказа командира 167-й стрелковой бригады:

«Штабу бригады установить телефонную связь по льду с частями и штабом сводной дивизии, дублируя ее живой цепочкой и посыльными. Во время действий по льду соблюдать тишину, до последней возможности использовать движение колоннами. Колоннам иметь в голове ударные группы в белых халатах, снабженные перекидными мостками, штурмовыми лестницами; пулеметы иметь на салазках. При наступлении помнить один клич: «Вперед!». Отступления быть не может. В городе с мятежниками в переговоры не вступать. Организовать правильное питание частей огнеприпасами с Ораниенбаумского берега. Санитарам с носилками следовать за частями»^[233].

Посты наблюдения Кронштадта поздно заметили приближение наступающих частей: бойцы бригады Рейтера сумели без выстрела подойти на расстояние одной версты до города. Бригада Федько, двигавшаяся левее, была обнаружена и обстреляна раньше. Красноармейцы развернулись в линию и начали преодолевать проволочные заграждения...

Первым принял огневой удар мятежников в 4 часа 30 минут 537-й полк под командованием Тюленева. Защитники крепости открыли интенсивную стрельбу из ружей, пулеметов и легких орудий по передовым цепям атакующих. Одновременно по второй линии наступающих, а также по южному берегу Финского залива стали бить тяжелые батареи фортов.

Иван Владимирович Тюленев (в 1940 году — генерал армии) вспоминает свое участие в штурме восставшей крепости. Его полк 8 марта 1921 года уже участвовал в наступлении на Кронштадт, но, потеряв много людей, не достиг своей цели. Остатки обескровленного полка вывели с передовой в тыл, после пополнения новыми бойцами оставили в Ораниенбауме. Когда наметилось новое, решительное наступление на Кронштадт, его включили в состав Южной группы войск.

Вечером 16 марта в полк прибыл Ворошилов. Он выступил перед красноармейцами с яркой речью, призвав их проявить героизм и первыми ворваться в мятежную крепость.

Климент Ефремович представил Тюленева бойцам заново сформированного полка, сказав, что он из Конной армии и не раз водил кавалеристов в атаки. «Надеюсь, — говорил Ворошилов, — что и ваш полк под командованием Тюленева успешно выполнит поставленную ему задачу по освобождению Кронштадта от мятежников».

В своей книге «Через три войны» Иван Владимирович пишет:

«Ночью 17 марта полк и отряд питерских рабочих двинулись по льду на Кронштадт. Весь личный состав был одет в белые маскировочные халаты. Роты, наступавшие в первом эшелоне, получили штурмовые лестницы. Кроме того, в каждом взводе имелись доски и веревки для преодоления проломов во льду.

Последние дни перед штурмом началась оттепель, снег подтаял, появилась вода поверх льда. Кто-то из вражеских лазутчиков пустил среди красноармейцев слух, что мятежники разбили лед вокруг Кронштадта, но это никого не остановило. Вопрос о штурме был решен бесповоротно.

В ряды полка влились делегаты X партсъезда, которые вместе с красноармейцами шли в первых рядах на штурм крепости.

Ночь была ясной. Один из командиров недовольно заметил:

— Луна, шут ее дери, сегодня некстати...

Вдалеке чуть заметно вырисовывались темные линии фортов. Цепи приближались к ним без единого выстрела.

Внезапно по льду заскользили яркие лучи прожекторов. Стало светло как днем. От артиллерийских вспышек словно загорелся снег — такой слепящий красный отблеск разлился по всему заливу.

Крепость, опоясанная черным дымом, засыпала наступающих снарядами.

Усилился артиллерийский обстрел крепости и с нашей стороны.

Волнами проплыли по небу самолеты-бомбардировщики...

Бой разгорался все сильнее и к утру достиг наивысшего напряжения»[\[234\]](#).

К пяти часам атакующие части красноармейцев вошли в соприкосновение со сторожевыми постами мятежников, которые были выдвинуты от стен крепости на несколько десятков метров. Завязалась перестрелка. Бешено забегали лучи прожекторов, освещая поле боя.

То была страшная картина, вспоминал позже один из участников этого боя М. Рафаил. По его рассказу,

вначале более часа под убийственным артобстрелом продвигались цепи вперед, не отвечая огнем на огонь. Вблизи них падали снаряды, вздымая горы льда. Иногда на месте взрыва под лед уходил кто-нибудь из бойцов, а то и два-три человека. Крупные глыбы льда причиняли тяжелые раны находившимся неподалеку красноармейцам. Но, несмотря ни на что, цепи неуклонно продолжали движение^[235].

Занялся рассвет, полки 32-й бригады приблизились вплотную к Кронштадту. Через старый крепостной вал, севернее Петроградских ворот, атакующие цепи прорвалась в город. Левее 32-й бригады вела наступление 187-я бригада во главе с курсантским полком особого назначения. Здесь же штурмовали крепость и вчерашние штрафники — бойцы 79-й бригады 27-й Омской стрелковой дивизии.

Первым на петроградскую пристань ступил полк особого назначения. Комполка Бурнавский и комиссар Богданов развернули бойцов в шеренги и, встав впереди, бегом повели их к центру Кронштадта. Пробежать удалось только сто шагов, кинжальный огонь пулеметов из окон домов, подворотен заставил шеренги залечь.

Следовавшие за полком Бурнавского подразделения 80-й бригады, пренебрегая сильнейшим артиллерийским обстрелом, стремительно втягивались в город.

Бои на городских улицах приобретали упорный, кровопролитный характер.

В боевых порядках 80-й бригады находились комбриг Сокк, начальник сводной дивизии Дыбенко и комиссар Южной группы Ворошилов. Под натиском красноармейцев мятежники медленно отходили вглубь Кронштадта. Сражение становилось вязким, затяжным. Потери несли в основном наступающие части, ибо во

внутреннегородских боестолкновениях превосходство было на стороне мятежников, хорошо знавших топографию Кронштадта; нередко их группы через подвалы и чердаки заходили в тыл красноармейцам.

Улицы были опутаны заграждениями из колючей проволоки, пространства между домами оказались перегороженными бревнами, обломками тротуарных плит и прочим хламом. Мятежники вели прицельный огонь из винтовок и пулеметов с небольших дистанций, используя окна и чердаки каменных строений, укрываясь за различными сооружениями. Петроградская улица переходила то в руки красноармейцев, то повстанцев. Восставшие неоднократно отвечали контратаками, но всякий раз вынуждены были отступать все дальше и дальше в глубину города.

Тем не менее боевой успех все-таки сопутствовал наступающим. Как рассказывал потом Александр Игнатьевич Седякин, в трудные минуты комиссар Ворошилов постоянно появлялся в гуще бойцов. Он воодушевлял их словом и личным примером. Ему пришлось несколько раз поднимать с земли смертельно уставшую от жестоких схваток с повстанцами пехоту и вести в атаки.

В то время когда на южном участке шли ожесточенные баталии, Северная группа войск вела наступление на островные бастионы и береговые батареи. У наиболее сильно укрепленного форта № 6 разгорелась особенно жаркая схватка. Гибли, получали тяжелые увечья бойцы обеих сторон. Так, при штурме форта от батальона курсантов, атаковавшего оборонительные позиции мятежников, осталось в строю лишь 25 человек, остальные были убиты, ранены или контужены.

Красноармейцы наконец сломили сопротивление повстанцев форта № 6 и навалились на форты № 4 и

№ 5. К половине седьмого утра они были захвачены...

Бои на улицах Кронштадта шли на протяжении всего дня 17-го числа. Части 167-й бригады Боброва отрезали от порта мятежные корабли, стоявшие в гавани. Это было весьма важно. Нельзя допустить, чтобы восставшие, особенно их руководители, беспрепятственно ушли в Финляндию. В целях пресечения возможной вылазки со стороны команд линкоров было выставлено по линии берега боевое охранение, однако явно недостаточное по численности красноармейцев. Этим воспользовались некоторые активисты мятежа и рядовые матросы: под покровом наступающей темноты им удалось бежать с кораблей.

С тяжелыми боями войска овладели фортами № 1, № 2, «Милютин» и «Павел». Что касается фортов «Риф» и «Шанец» с грозными батареями крепостных орудий, штурмовать их не пришлось: они были покинуты защитниками еще до начала штурма — все ушли по льду залива в Финляндию.

А в городе продолжались яростные контратаки. В полдень повстанцы так нажали, что красноармейским частям пришлось отступить от центра к пристани. Если бы матросы чуть сильнее надавили, наступающие оказались бы на льду. В этот момент командование Южной группы бросило в бой один из последних своих козырей — кавалерийский полк 27-й дивизии. Конники на бешеном галопе с шашками наголо влетели в крепость. Этот неожиданный лихой кавалерийский налет привел повстанцев в паническое замешательство. Воспользовавшись этим, отступавшие бригады ударили по дрогнувшим мятежникам.

Дыбенко позже напишет:

«К 17 часам 17 марта одна треть города была в наших руках. Вскоре мы узнали, что в это время мятежный штаб решил продержаться на опорных пунктах города до наступления темноты и ночью

напасть на измученных суточным боем красноармейцев, вырезать их и снова овладеть Кронштадтом... Но этот коварный замысел мятежникам не удалось привести в исполнение. В 20 часов красные войска были двинуты в решительное наступление, поддержанное прибывшей по льду артиллерией. К 23 часам все опорные пункты были заняты красными частями, и мятежники начали сдаваться целыми партиями в плен».

Дальше события стремительно ускорились.

К вечеру наметился резкий перелом. Большинство восставших не выдержали напряжения — ударились в бег. Сбежали из крепости «ревкомовцы» во главе с Петриченко, а также офицеры — военные руководители мятежа. Однако бои с отдельными группами продолжались.

В 22 часа стрельба в городе стала затихать.

В час ночи на 18-е с «Петропавловска» по радио сообщили, что команда восстала против своих командиров и готова сложить оружие.

К четырем часам утра сдались в плен матросы минной и машинной школ.

С восходом солнца 18 марта «Петропавловск» и «Севастополь» были заняты красными курсантами.

В 11 часов из Кронштадта в Москву в ЦК РКП(б) ушла телеграмма от имени делегатов за подписью Ворошилова, Затонского, Бубнова:

«Выдержка и спайка коммунистов еще раз победила. Кронштадт снова в наших руках. Операция представляла громадные, казалось, непреодолимые трудности. Кронштадт был сильно укреплен. Его гарнизон, дравшийся с мужеством отчаяния, находился в руках опытного командования, в то время как в некоторой части советского аппарата имел место саботаж, в воинских частях наблюдались неустойчивость, колебания... Боязнь вступить на лед довела до открытых отказов от выполнения приказов со

стороны ряда полков. Благодаря энергии коммунистов, как прибывших с X съезда, так и командированных разными организациями, а также благодаря стойкости коммунистического ядра воинских частей и в особенности коммунистов-командиров все трудности были преодолены и части, накануне разоруженные, пошли на лед. Несмотря на колебания некоторых полков, в общем, части вели себя героически и, не обращая внимания на тяжелые потери от сосредоточенного пулеметного и артиллерийского огня, ворвались на рассвете 17 марта в Кронштадт... Втянувшиеся в город красноармейские части были засыпаны со всех сторон пулями. Усталые части растерялись и дрогнули... В уличных боях мы понесли жертв больше, чем на подступах к крепости, причем выбывал преимущественно наиболее стойкий элемент — комсостав и коммунисты... У коммунистов нервы оказались крепкие. Потерпев неудачу в попытке выбить нас из Кронштадта, мятежники дрогнули. Началось разложение... Офицерские заправилы решили бежать в Финляндию, взорвав «Севастополь» и «Петропавловск», что вызвало возмущение обманутой части команды, и в ночь с 17 на 18 марта старым матросам удалось захватить власть на кораблях и арестовать офицеров и некоторых вождей мятежа... Мы победили и прежде всего победили морально. Провокация белогвардейцев разоблачена. Кронштадт станет твердыней революции»^[236].

В 14 часов между командармом-7 Тухачевским по прямому проводу состоялся разговор с главкомом Каменевым:

Тухачевский. Мятежная крепость взята. Заняты линкоры, а также форты. Наша гастроль здесь окончилась, прошу разрешения возвратиться восвояси.

Каменев. Ваша гастроль блестяще закончена, в чем я и не сомневался, когда привлекал вас к сотрудничеству в этой истории. Я бы просил вас задержаться до выяснения с фортом «Риф»^[237]. Меня беспокоит, сможет ли комвойска-ми Авров расхлебать уже остаток каши, главным образом, в вопросе развозки частей?

Тухачевский. Постараюсь разработать и предоставить вам план разгрузки района от войск еще до отъезда^[238].

15 часов 18 марта. Отдан последний приказ 7-й армии по Кронштадтской операции. В нем указывалось:

«1. Кронштадтская крепость очищена от мятежников.

2. Военным комендантом Кронштадта назначен тов. Дыбенко.

3. Высшее командование войсками крепости и береговой обороны передается комюжгруппой т. Седякину...»

Тухачевский, по воспоминаниям родственницы Лидии Норд (некоторые историки считают ее одной из его жен), по окончании боев за Кронштадт говорил: «Я был пять лет на войне, но я не могу вспомнить, чтобы когда-либо наблюдал такую кровавую резню. Это не было большим сражением. Это был ад. Матросы бились, как дикие звери. Откуда у них бралась сила для такой боевой ярости, не могу сказать. Каждый дом, который они занимали, приходилось брать штурмом. Целая рота боролась полный час, чтобы взять один-единственный дом, но когда его наконец брали, то оказывалось, что в доме было всего два-три солдата с одним пулеметом. Они казались полумертвыми, но, пыхтя, вытаскивали пистолеты, начинали отстреливаться со словами: «Мало уложили вас, жуликов!»

Сразу после кронштадтских событий Лидия Норд сказала Тухачевскому, что потрясена зверским подавлением восстания матросов. На это Михаил Николаевич ей ответил: «А ведь ты должна помнить, как действовала матросня во время революции! Кто ходил по домам с обыском, грабил, насиловал, расстреливал?.. Нет, мне не жаль этой сволочи. — И добавил: — Но я, получив приказ подавить этот мятеж, большого удовольствия не почувствовал...»^[239]

Роман Гуль в книге «Красные маршалы» повторил высказывание Тухачевского о матросне. «Тухачевский торопился в Москву, — пишет он. — Там в залах Кремля жал ему руки, потряхивая пенсне, Троцкий...» По словам Гуля, малоразговорчив был Тухачевский, но на расспросы Льва Давидовича рассказал, что пять лет он на войне, а такого боя не припомнит. Это был не бой, а ад...

Выслушав Тухачевского, Троцкий улыбнулся...

Закончились бои по овладению Кронштадтом, и сразу же началась повальная фильтрация задержанных. Ворошилов дал указание соответствующим органам немедленно усилить Особый отдел Южной группы войск людьми, вполне годными для особоотдельской работы. Всех арестованных кронштадтцев фильтровать самым тщательным образом, имея в виду, что сейчас «подлые элементы не прочь будут укрыться под маской и коммунистов, и сочувствующих».

Как проходила фильтрация участников Кронштадтского восстания? По рассказам очевидцев (в частности, одним из них был Юзеф Антонович Шпатель^[240]), в хвосте штурмовавшей Кронштадт армии Тухачевского следовали прокуроры и судьи Военно-революционного трибунала. Ступив на землю

острова Котлин, они по завершении подавления мятежа немедленно принялись за «работу». Местом открытых судебных процессов трибунал выбрал лучший в городе зал Морского офицерского собрания...

Победители и побежденные

«Рабочие и крестьяне стали понимать после кронштадтских событий лучше, чем прежде, что всякая передвижка власти в России идет на пользу белогвардейцам...»^[241]

«Пускай лакействующие пособники белогвардейского террора восхваляют себя за отрицание ими всякого террора. А мы будем говорить тяжелую, но несомненную правду: в странах, переживающих неслыханный кризис, распад старых связей, обострение классовой борьбы после империалистической войны 1914-1918 годов, — таковы все страны мира, — без террора обойтись нельзя, вопреки лицемерам и фразерам. Либо белогвардейский, буржуазный террор американского, английского (Ирландия), итальянского (фашисты), германского, венгерского и других фасонов, либо красный, пролетарский террор. Середины нет, «третьего» нет и быть не может...»^[242]

Это говорил Ленин после жестокого подавления Кронштадтского восстания.

«Пролетарский террор» по отношению к кронштадтским повстанцам начался сразу же, как только пала мятежная крепость. Пошли массовые аресты, скорые суды. Всего за 1921 год в качестве обвиняемых было привлечено почти 10 тысяч участников мятежа и им сочувствующих. 2103

повстанца приговорены к расстрелу, свыше 6400 — к различным срокам заключения, принудительным работам или направлению в трудовую армию, и только 1464 человека были после разбирательства освобождены из-под стражи.

Ю. А. Шпатель в мемуарных записках «Кронштадтская голгофа: Март 1917 — март 1921» написал, что первыми были приговорены к «вышке» не успевшие бежать в Финляндию члены Ревкома: Вальк, Павлов и Парушев, а за ними редактор «Известий Кронштадтского революционного комитета» Анатолий Николаевич Ламанов — бывший еще и председателем Кронштадтского совета рабочих депутатов, и другие.

Шпатель стал свидетелем оформления в следственную комиссию арестованных моряков, как рядовых, так и командиров с линкора «Петропавловск». Перед входом в приемную тюрьмы, прямо на улице, стояла шеренга мятежников, по двое в ряд, окруженная плотным кольцом красных курсантов. Арестованных было около полутора сотни. Огромного роста чекист в длинной до колен гимнастерке, широких брюках-галифе, блестящих сапогах и кубанке на голове, активно используя увесистую ременную нагайку, с матерком запускал в кутузку для допроса человек по пять. Фамилию верзилы — Куликов — Шпатель хорошо запомнил. Куликов с ухмылкой говорил арестованным: «Хорошо стреляли, сукины дети!» Кто-то из матросов заметил ему: «Те, что стреляли, давно в Финляндии!» «Кто это сказал?!» — вскричал Куликов. «Я», — отозвался один из моряков. «Ты артиллерист?» — спросил Куликов. «Нет, кочегар», — был ответ. «Выходит, подняться из кочегарки наверх успел, а убежать не успел. Будешь и за себя, и за тех, которые улепетнули к финнам, расплачиваться...»^[243]

Следственная комиссия приговорила большую группу арестантов без права обжалования к смертной казни. По приказу Дыбенко приговоренных кончали прямо перед крепостью, на финском льду. «Миндальничать с этими мерзавцами не приходится», — с возмущением говорил Дыбенко о морях, сам в недалеком прошлом моряк.

Советское руководство рассматривало Кронштадтское восстание серьезнейшей угрозой большевистской диктатуре. Принимая жесткие меры к участникам мятежа, оно после его подавления считало важнейшей для себя задачей не только сурово наказать восставших, но и стереть страхом смерти в сознании людей дух вольнодумия и борьбы против правящей партии.

В Кронштадте шли повальные аресты как активистов-боевиков, так и тех, кто не брал в руки оружия, но был солидарен с мятежниками. Репрессии осуществляли Петроградский Губчека, Чрезвычайная тройка Кронштадтского особого отделения, Военно-революционный трибунал Петроградского военного округа, Коллегия особого отдела охраны финляндской границы Российской Советской Республики. Преследованию подвергались непосредственные участники восстания, а также те, кто должен был выступить на разгром их, но выказал колебания, нерешительность или сочувствие кронштадтцам.

Параллельно с репрессиями против мятежников в Кронштадте и Петрограде проходили траурные церемонии — проводы в последний путь погибших красных бойцов и командиров. Во время штурма города-крепости погибли от пуль и снарядов, утонули в ледяных прорубях немало красноармейцев.

На Якорной площади Кронштадта прошло массовое захоронение; ныне там горит вечный огонь. Рядом с

Троицким собором Александро-Невской лавры находится братская могила, на стеле надпись: «Памяти жертв Кронштадтского мятежа. 1921».

Из официальных данных известно, что в ходе боев за Кронштадт Красная армия потеряла 527 человек убитыми и 3285 ранеными. Здесь надо сказать, что данные эти в несколько раз занижены. Некоторые историки полагают: безвозвратные потери составили более 10 тысяч человек. По исследованиям академика А. Н. Яковлева, большевистские власти скрыли истинное количество убитых, пропавших без вести и раненых красноармейцев. Многие из погибших на балтийском льду (их число не подсчитано) даже не были преданы земле. С таянием льда возникла опасность заражения акватории Финского залива. В конце марта в Сестрорецке на встрече представителей Финляндии и Советской России решался вопрос об уборке трупов, оставшихся в заливе после боев [\[244\]](#).

Нет точных обобщающих сведений и о числе жертв среди защитников Кронштадта. Советская версия — мятежников убито около тысячи человек, 4,5 тысячи (из них половина — раненые) взяты в плен, значительная часть бежала в Финляндию (примерно 8 тысяч).

Жизнь постепенно входила в нормальную колею. И в Кронштадте, и в Петрограде, и в целом в губернии все делалось для того, чтобы как можно быстрее забылись недавние трагические события. 21 марта Ленин направил телефонограмму Петросовету с предложением в кратчайший срок отменить осадное положение в городе. От должности командующего 7-й армией был освобожден Тухачевский и отозван в Москву. Войска Петроградского округа вновь возглавил Дмитрий Авров. Решением Реввоенсовета Республики Северная и Южная группы войск расформировывались. 27-я Омская стрелковая дивизия, сыгравшая

определенную роль в разгроме мятежа, передислоцировалась в Заволжский военный округ.

Правительство высоко оценило мужество рядовых красноармейцев и командиров всех степеней, штурмовавших мятежную крепость. Около тысячи человек были отмечены высшей наградой Республики — орденом Красного Знамени, единственным в ту пору в РСФСР орденом. Только по Петроградскому военному округу было награждено орденом Красного Знамени 487 военнослужащих. Многие получили революционное именное оружие, ценные подарки, благодарности и другие поощрения.

Удостоены ордена Красного Знамени были А. С. Бубнов, К. Е. Ворошилов, П. Е. Дыбенко, В. П. Затонский, И. И. Лепсе, Ю. В. Саблин, Я. Ф. Фабрициус, Т. М. Худайбергенов и многие другие. Приказом РВСР почетными революционными Красными знаменами ВЦИК награждались военные училища, курсанты которых особо отличились под Кронштадтом: Смоленская пехотная школа, 6-е Петроградские, Московские, Петергофские и Витебские пехотные курсы, Петроградская военно-инженерная и Торжокская военно-железнодорожная школы.

Делегаты X съезда РКП(б), военачальники, призванные для подавления мятежа, разъезжались по прежним своим местам жительства, работы, службы. Ворошилов уехал на родину — на Украину. Там, в Екатеринославе, он выступил с докладом о событиях, произошедших в Кронштадте. Климент Ефремович рассказал, как все было, и под конец в связи с победой над мятежниками произнес: «Поздравляю вас с успехом, товарищи»^[245].

Победа над мятежниками...

Тогда, в 1920-е годы, над смыслом этих слов редко кто задумывался. Во всяком случае, если у кого-то из

победителей на минуту возникали сомнения в праведности расправы над своими же товарищами, такими, как ты сам, рабочими, крестьянами, то тут же гасились, гнались прочь из головы.

Как сложно переплетено все в жизни, как все непредсказуемо, непредвиденно. Могли ли вообразить себе те, кто брал восставший против большевистской власти Кронштадт, что через относительно короткий период времени, 15–16 лет, сами будут уничтожены той властью, за которую они боролись не на жизнь, а на смерть?.. Победители станут побежденными.

Кронштадтскую победу можно определенным образом сравнить с Кадмейской победой^[246] — подобием Пирровой, равносильной поражению, победы. Древнегреческий писатель и географ II века Павсаний, автор античного трактата «Описание Эллады», повествуя о походе Фив против аргивян и их громком разгроме, сообщает, что для победителей-фиванцев спустя время это дело оказалось гибельным. Войско Фив через год чуть ли не полностью было истреблено...

Побежденные кронштадтские мятежники...
Расстреляны:

Бекман Владимир Сергеевич, штурман линкора «Севастополь»;

Белецкий Яков Иванович, командир линкора «Севастополь»;

Боровик Герасим Прокофьевич, помощник комиссара Кронштадтского порта;

Бурлаков Иван Михайлович, командир форта № 6;

Дмитриев Степан Николаевич, начальник бригады больших линкоров;

Перепелкин П. М., гальванер линкора «Севастополь».

И еще 2097 человек.

Ушли в Финляндию: А. Н. Козловский, начальник артиллерии крепости Кронштадт; С. М. Петриченко, старший писарь линкора «Петропавловск», председатель Кронштадтского временного революционного комитета; Е. Н. Соловьянов, начальник оперативного отдела штаба Кронштадтской крепости; Тукин, член Кронштадтского ВРК; Н. Г. Шарабанов, комендор линкора «Петропавловск»; Яковенко, телеграфист Кронштадтского района службы связи, член Кронштадтского ВРК. И еще 7884 человека (примерно).

Во второй половине 1930-х годов, в годы массовых репрессий военных кадров, были расстреляны участники подавления Кронштадтского восстания, объявленные врагами народа:

Агранов (Сорендсон) Яков (Семен) Саулович,
Бубнов Андрей Сергеевич,
Дыбенко Павел Ефимович,
Затонский Владимир Петрович,
Казанский Евгений Сергеевич,
Кузьмин Николай Николаевич,
Путна Витовт Казимирович,
Пятаков Георгий (Юрий) Леонидович,
Равикович Ефим Моисеевич,
Седякин Александр Игнатьевич,
Тухачевский Михаил Николаевич,
Федько Иван Федорович,
Флерова (Сахновская, Гетц),
Мария (Мирра) Филипповна.
И еще многие, многие другие...

К ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ В РККА

Ростов-город, Ростов-Дон

— Какая красота, — восхищалась Екатерина Давидовна Ворошилова, осматривая утонувший в глубине буйствующей зелени шикарный особняк на Пушкинской улице.

Восхищаться было чем. Особняк имел ажурную литую ограду, большой сад, фонтан с бетонным бассейном сложной конфигурации^[247].

— А кто здесь раньше жил?

Сопровождавший командующего округом Ворошилова и его жену начхоз штаба ответил:

— Донской миллионер Парамонов.

Николай Елпидифорович Парамонов — известный промышленник Дона, казак, уроженец станицы Нижне-Чирской. Он исповедовал идеи буржуазно-демократической революции, политику власти большевистских Советов не принял. Был одним из организаторов сбора средств для белой Добровольческой армии, а также занимался благотворительностью. При оккупации Дона немцами подвергся аресту. Когда германцы ушли из области Войска Донского, понял, что не может больше помогать белогвардейцам.

После поражения Белого движения все его крупные дела, огромную недвижимость прибрала к своим рукам советская власть.

В 1920 году семья Парамоновых эмигрировала на собственном пароходе «Принцип» в Турцию. Затем обосновалась на жительство в Германии. Там

Парамонов занимался строительством, биржевыми операциями. Поддерживал отношения с атаманом Красновым, совместно с которым выступил учредителем антисоветской организации «Братство русской правды». От сотрудничества с нацистами, в отличие от Краснова, отказался.

Парамонов с женой Анной Игнатьевной проживал в Баварии, после разгрома фашистской Германии остался в американской зоне оккупации, где в 1951 году в возрасте семидесяти четырех лет скончался.

Особняк снаружи и прилегающая к нему территория выглядели довольно ухоженными. Когда начхоз провел Ворошиловых в здание, его внутренние апартаменты еще больше поразили Екатерину Давидовну. Богатое убранство помещений, мебель в комнатах в целости сохранились от прежних хозяев. Все бытовые устройства работали исправно.

— И что, Клим, мы будем здесь жить?

Глаза Екатерины Давидовны горели.

— Будем, Гиля. А чем мы хуже Парамонова?

— В таких хоромах одни: ты, я и Петя?

— С Буденными. Они на одной половине, мы на другой.

Ворошилов, когда по завершении работы X съезда РКП (б) и подавления Кронштадтского мятежа вернулся из Москвы в Екатеринослав, вместе с Буденным решил поставить перед РВСР вопрос о дальнейшем пребывании Конармии на Украине. Она оказалась в положении, грозившем ей постепенной ликвидацией. Лошадей кормить было нечем, начался падеж, конармейцы, чьи семьи в большинстве проживали на Дону, рвались в родные края. Реввоенсовет армии настаивал на быстрой переброске 1-й Конной в

Донскую область^[248], где кони получили бы необходимый фураж и бойцы смогли нормально заниматься учебно-боевой подготовкой. Вопрос решался трудно, в горячих спорах с Троцким, но все же был решен.

20 апреля 1921 года Политбюро ЦК поручило РВСР и РВС 1-й Конной в кратчайший срок сократить состав Конармии, сохранив при этом весь армейский аппарат, и перевести ее в район Маныча и Среднего Егорлыка.

С переводом 1-й Конной армии на юг России РВСР 28 апреля постановил воссоздать Северо-Кавказский военный округ (СКВО). Командующим войсками округа назначался Ворошилов.

Почему воссоздать? Дело в том, что СКВО уже дважды до этого образовывался. Первый раз он был учрежден декретом Совета народных комиссаров 4 мая 1918 года на территории Ставропольской, Черноморской, Дагестанской губерний, областей казачьих войск: Донского, Кубанского, Терского. В сентябре того же года с созданием Южного фронта упразднен.

Северо-Кавказский военный округ был образован вновь 31 марта 1920 года, после оставления Северного Кавказа Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) — известного оперативно-стратегического объединения белых войск Добровольческой армии и армии Всевеликого войска Донского для совместной борьбы против большевиков. Через пять месяцев округ опять расформировали в связи с высадкой десанта Русской армии генерала Врангеля в Приазовье и на Кубани в августе 1920 года; его войска вошли в состав Кавказского фронта.

И вот теперь он возрождался в третий раз. В приказе РВСР № 924/163 от 30 апреля 1921 года указывалось, что СКВО занимает прежнюю территорию.

Для формирования штаба и управлений округа используется личный состав упраздненных полевых управлений 1-й Конной, 9-й армий и Кавказского фронта. Место расположения штаба округа — Ростов-на-Дону.

В начале мая Ворошилов с группой командиров, порученцев, адъютантов прибыл к новому месту службы. Он знал, кто назначен ему в заместители, помощники, в политический и штабной аппараты сам предложил кандидатуры: Буденный — заместитель командующего и член Реввоенсовета Северо-Кавказского округа (Семен Михайлович одновременно сохранял за собой и пост командующего Конармией). Левандовский — помощник командующего СКВО по строевой части, Сааков — заместитель по политчасти. Бубнов — второй член Реввоенсовета округа и член Реввоенсовета 1-й Конной армии.

На знакомство с расположением управлений округа в гостинице «Палас-отель», которую он знал по пребыванию в ней штаба Конармии в 1920 году, ушло два дня. На третий Климент Ефремович отправился на вокзал встречать приезжающих Екатерину Давидовну с сыном Петей. Начальник хозяйственной части штаба округа заранее показал Ворошилову будущее жилье и получил одобрение. Теперь вместе с командующим он ехал за его семьей, чтобы сразу препроводить ее на будущую квартиру...

Вечером весь походный скарб Ворошиловых был перевезен в обширные апартаменты, где семье предстояло провести три года. Екатерина Давидовна не могла нарадоваться квартире. Но еще в большем восторге был семилетний Петя. Он обежал весь двор, обследовал каждый уголок сада. Доложил всем красноармейцам-охранникам, что, он Петр Климович Ворошилов, будет тут жить вместе с мамой Катей и папой Климом.

Буденные, Семен Михайлович и Надежда Ивановна с обслуживающим их персоналом, поселились в особняке на Пушкинской улице сутками позже. Екатерина Давидовна и Надежда Ивановна были хорошо знакомы, издавна дружили, так что находить общий язык им надобности не было.

Мужья Екатерины Давидовны Ворошиловой и Надежды Ивановны Буденной редко бывали дома, поэтому женщины в их отсутствие совместно проводили свободное время. Никакими хозяйственными делами они не занимались; все домашние и дворовые заботы лежали на прислуге и подсобных рабочих. Хотя обе были хорошими хозяйками, умели создавать уют.

Они изучали город, гуляли по улицам на автомобиле с одним из адъютантов мужей либо самостоятельно на извозчике, но особенно любили на трамвае, который ходил по Сенной улице (ныне улица Горького).

Чаще катались по Таганрогскому проспекту, считавшемуся центральной магистралью Ростова, по нему проходил главный путь на Кавказ; в 1923 году его переименоуют в Буденновский. Еще по Большому Столыпинскому, ставшему впоследствии Ворошиловским. На лихачах обычно ездили по Большой Садовой. Она являлась главной, самой старой и красивой улицей города, здесь размещались важные административные учреждения.

При общении с коренными жителями Екатерина Давидовна и Надежда Ивановна убеждались, что ростовчане от старого до малого безраздельно влюблены в свой город. Они могли часами рассказывать о нем. Ростовом-на-Дону они его не называли, а гордо произносили: «Ростов-город» или «Ростов-Дон». По их мнению, это самый красивый, самый современный город не только на юге России, но и во всей стране. Ну, может

быть, кроме Петербурга. Где еще найдешь такие широкие, прямые, как стрела, проспекты и улицы, неповторимые здания европейской архитектуры. И величаяя казачья река Дон-батюшка, на крутом берегу которого раскинулся город-сад.

Екатерина Давидовна и Надежда Ивановна видели — Ростов действительно схоже городом-садом. В нем не было улицы, переулка, площади, чтобы их не обрамляли в один, а то и в два ряда деревья. Например, по обе стороны от проезжей части Таганрогского и Большого Столыпинского проспектов стояли, что былинные богатыри, кряжистые дубы. Или взять Большую Садовую, вдоль нее сплошные аллеи вековых лип. В их тени на уютных скамейках обычно сидели влюбленные парочки.

Вокруг площадей в голубую высь тянули свои верхушки стройные тополя и клены. В многочисленных парках и скверах среди деревьев и кустарников господствовали раскидистые ивы, по-донскому вербы, и акации — по весне в кипени пышных гроздей белоснежного цвета.

Придет время, и о «Ростове-городе», «Ростове-Доне» будет написана песня (стихи поэта-ростовчанина Анатолия Софронова, музыка Матвея Блантера), которая станет его своеобразным гимном:

*Ростов-город, Ростов-Дон —
Синий звездный небосклон.
Улица Садовая, скамеечка кленовая —
Ростов-город, Ростов-Дон!*

Песня появится через 22 года, в феврале 1943-го.

А в двадцатые годы минувшего века популярными в Ростове были общеизвестные прибалтненые песни времен НЭПа, такие как «Бублички», «Кирпичики» и им

подобные. Но особым успехом пользовалась «Купите папиросы!»:

*Друзья, купите папиросы!
Подходи, пехота и матросы!
Подходите, пожалейте,
Сироту меня согрейте...
Мой папаша под Херсоном
Жизнь свою отдал,
Мамочку мою с винтовки
Немец расстрелял...*

Эту песенку, сложенную на мотив, бытовавший в местечковой еврейской среде, особенно любили ростовчане еврейского происхождения, распевавшие ее как на русском языке, так и на идиш. «Купите папиросы!» с огромным воодушевлением пели и беспризорники на улицах, на перронах и в поездах...

В Донской области, как и во всей РСФСР, набирал силу НЭП. Оживала экономика, прежде всего мелкотоварное производство, ремесла, расцвела торговля, на обывателя накатывала буржуазная культура.

Ростов шумно, соблазнительно входил в нэпманское лето. Не устояли против некоторых соблазнов и Екатерина Давидовна с Надеждой Ивановной. Особенно их захватило кино, к которому у ростовчан разгорелся небывалый интерес. Ни в один из кинотеатров (тогда их называли электро-синебиографами, электробиографами или синебиографами) невозможно было достать билеты.

По городу были развешаны огромные афиши, зазывавшие мещан в знаменитые синебиографы «Олимп», «Колизей», «Художественный», «Французский», «Солей», располагавшиеся на Большой

Садовой, посмотреть киношедевры «Невеста солнца», «Индийская гробница», «Рельсы гудят».

Подруги Ворошилова и Буденная присмотрели для себя «Художественный», где в течение нескольких месяцев шел семисерийный приключенческий американский фильм про индейцев «Невеста солнца». Фильм был черно-белый, немой, с субтитрами.

«Художественный» привлекал публику оригинальным решением хозяина, Штреберга, установить в фойе заграничный музыкальный аппарат почти двухметровой высоты, походивший на массивный старинный буфет. В него вставляли крупные металлические пластинки с шипами, и перед сеансом звучала музыка. На вмонтированной в аппарат миниатюрной сцене появлялись механические женские фигурки в бальных платьях и куклы-мужчины в черных фраках, грациозно исполнявшие полонез. И вдруг на балу начинался пожар! На сцене появлялся кукольный пожарный, раздавались звон, кукареканье, фигурки разбегались. На этом действие заканчивалось, и наступало время «настоящего» кино.

Бывали подруги и в «Колизее», «Солее», но чаще, конечно, в «своем» «Кино-паласе», устроенном в самом крупном зале здания штаба СКВО. «Кино-палас» слыл лучшим синебиографом Ростова, но доступ в него для ростовчан, не имевших отношения к Красной армии, был закрыт. Среди других синебиографов его выделял серебряный экран. Так называлось полотно с нанесенной на его поверхность алюминиевой пленкой; полотно делало проектируемое на него изображение объемным. В «Кино-паласе» обычно крутили французские боевики.

В субботние и воскресные дни, когда Климент Ефремович и Семен Михайлович позволяли себе выходные, они с семьями и близкими друзьями выезжали за город на пикники. Время проходило весело

— в песнях, танцах под гармошку. Буденный непременно брал с собой двухрядку, лихо играл на ней, увлекая всех в задорные пляски.

1921 год из-за засухи выдался неурожайным и угрожал населению области голодом. Большинство дончан это почувствовали уже в июне — июле. Но неурожай не очень отразился на семьях руксостава СКВО, тем более Ворошиловых и Буденных. Они жили в достатке. На столе у них всегда были обильные яства, деликатесы, вино, фрукты.

Возглавляя Северо-Кавказский округ

Возглавив СКВО, Ворошилов понимал, что работа в воссоздаваемом округе потребует от него большого напряжения сил. Задач стояло много — все сложные, все первостепенные. Чего стоило, например, обустройство войск почти на голом месте. Или налаживание обучения поступающих в части молодых бойцов.

В то время в округ входили 4-я Петроградская, 6-я Чонгарская, 14-я Майкопская, 2-я кавалерийская дивизии; Особая кавбригада; 2-я Донская (впоследствии 9-я Донская), 22-я Краснодарская, 28-я Горская, 32-я стрелковые дивизии и 37-я Отдельная стрелковая бригада. Войска компактных баз дислокаций не имели, личный состав дивизий и бригад размещался в полуразрушенных бараках и землянках, так как почти все казарменные помещения в Гражданскую войну были уничтожены. Командиры всех степеней снимали частные квартиры. Трудности были не только с размещением: в войсках не хватало продовольствия, обмундирования, медикаментов.

Округу были подчинены Донской, Кубано-Черноморский, Терский и Ставропольский военные

комиссариаты. Дагестанская и Горская республики оставались в границах сформированного управления Отдельной кавказской армии.

Округ находился в состоянии настоящей войны с бандитизмом, между командованием СКВО и влиятельными местными элитами нередко отсутствовало взаимопонимание. Территория, на которой располагался округ, была весьма непростой по этническому составу населения и природным условиям. Здесь проживали десятки национальностей и народностей с особым жизненным укладом, самобытной культурой, родовыми обычаями, языковыми различиями. Районы предгорья Кавказа для войск округа были непривычными, труднодоступными, таящими в себе множество опасных сюрпризов.

Из шести имевшихся на тот период в РСФСР военных округов Северо-Кавказский был, пожалуй, самым проблемным.

По Дону бандитизм, как социально-политический, так и уголовный, катился снежным комом. На первом месте были выступления казаков против, как они говорили, хозяйственного произвола большевиков. Что касается вторжения извне в Донскую область белогвардейских отрядов, возглавляемых деникинскими и врангелевскими офицерами, то к концу 1920-го и началу 1921 года они постепенно шли на убыль. Одним из последних крупномасштабных вторжений из Крыма в районе Азова был антисоветский десант полковника Федора Дмитриевича Назарова ^[249].

«Банды», «бандитизм». Эти термины в тогдaшнее время имели широкое распространение у участников происходивших событий, естественно, сторонников советской власти. Объяснить это можно не только негативным отношением большевиков ко всем

антисоветским силам, но и тем, что тогда в это понятие вкладывали иной, нежели сегодня, смысл. «Бело-зеленое движение», «кулацкие восстания», «контрреволюционные мятежи» — все это отчаянный, остервенелый разбой представителей старого, отживающего мира против строящегося нового, «справедливого» социалистического.

Сегодняшние историки стараются избегать этих терминов при описании драматических событий 95-летней давности на юго-востоке нашей страны. Вместо слов «бандитизм», «банды» они предпочитают употреблять «повстанчество», «повстанческие отряды».

Алексей Петрович Грибанов — участник Гражданской войны, боровшийся с повстанческими «бандами», писал в газете «Советский Дон»: «Под лозунгами «Долой продразверстку!», «С большевиками нам не по пути», «Бей жидов!» на Верхнем Дону вспыхивали различные мелкие и большие мятежи. Громкий резонанс получили мятежи, поднятые Григорием Маслаковым, уроженцем слободы Маныч-Балабинской станицы Багаевской, бывшим комбригом 1-й Конармии, и казаком хутора Рубежного Еланской станицы Яковом Фоминым» (их описал в «Тихом Доне» М. А. Шолохов. — *Н. В.*). Грибанов также называет бунты Семена Кондратьева, Федора Мелехова, Данилы Макарова и множество других, которые вспыхнули на рубеже 1920–1921 годов против власти из-за тяжелой экономической ситуации: хлебобобов душили продразверстка, а затем и «перелицованная разверстка» — продналог, и всякие новые феодально-социалистические повинности. Мятежи и бунты не затухали на Дону вплоть до 1924 года.

Объектами нападения мятежников были сельские, станичные и волостные Советы, исполкомы, партийные учреждения, коллективные хозяйства (сельскохозяйственные коммуны). Чаще всего местное

крестьянское и казачье население не подвергалось убийствам и грабёжам, злость вымещалась на членах РКП(б), сельсоветчиках, продотрядовцах, налоговых инспекторах, милиционерах, чоновцах, чекистах.

Более крупные антибольшевистские формирования численностью от пятисот до тысячи человек действовали по всему донскому пространству, захватывали районные центры, а порой и небольшие города. Такие отряды были хорошо вооружены: шашки, наганы, винтовки, бомбы, пулеметы. Как правило, они имели боевые конные группы. В них была неплохо поставлена разведка, система сигнализации, условных знаков. Состав банд пестрый: крестьяне — середняки и кулаки, бывшие офицеры, дезертиры из Красной армии; по национальности — в основном русские казаки, но также калмыки, армяне, представители некоторых других народов, проживавших на Дону.

Еще острее была обстановка с бандитизмом на Кубани, Ставрополье и особенно Северном Кавказе.

В те годы обширный Юго-Восточный регион — Донская, Терская, Кубано-Черноморская области, Ставропольская губерния — был объединен в так называемый Юго-Восточный край. Им руководило Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б). Оно было создано в марте 1921 года по решению Центрального комитета РКП(б). В разное время его членами ЦК назначал А. Н. Белобородова, А. С. Бубнова, К. Е. Ворошилова, Р. С. Землячку. А. И. Микояна, В. И. Нанейшвили, Я. В. Полуяна, А. В. Шотмана и других видных партийных и военных деятелей. Бюро руководило деятельностью парторганизаций края по восстановлению народного хозяйства, снабжению хлебом голодающих губерний центра России, борьбе с контрреволюцией и бандитизмом, налаживанию народного образования, решению национального

вопроса. Местом его работы был Ростов-на-Дону. (В мае 1924 года бюро упразднили — 2-я Краевая партийная конференция избрала Юго-Восточный крайком партии.)

Юго-Восточное бюро тесно взаимодействовало с Реввоенсоветом СКВО. Ни одно более или менее значимое его заседание не проходило без присутствия на нем Ворошилова или Бубнова.

29 мая состоялось заседание, на котором с обстоятельным докладом о борьбе с бандитизмом в крае выступил секретарь бюро Белобородов. В докладе он жестко говорил о казаках — донских, кубанских, ставропольских, терских, о горцах, обо всех тех, кто превратился в «деклассированные элементы», до предела обострив вопрос о бандитизме. Его особенно беспокоило то, что значительная часть населения станиц и аулов «бандитизма» не осуждает. Белобородов подробно остановился на сложившемся взрывоопасном положении на Ставрополье, Кубани, Тереке, где разрослась сеть подпольных организаций, созданы повстанческие отряды по принципу регулярных военных формирований под руководством белых офицеров. В южной части Терской области действует целая «Народная армия Северного Кавказа» полковника Серебрякова. В районе Пятигорска, Минеральных Вод, Железноводска, Нальчика, станицы Усть-Джегутинской — 14 бандформирований, имеющих тесную связь с «Комитетом спасения Терека». «Это — открытый военный вызов Советской власти, — сказал в заключение секретарь Юго-Восточного бюро. — Мы не можем больше терпеть этого».

31 мая Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) разослало всем обкомам и облисполкомам края циркуляр с системой мер по борьбе с бандитизмом в целях успешного проведения в жизнь нового курса экономической политики, принятой X съездом партии. Оно призвало «всколыхнуть крестьянство против

бандитов» так, как в свое время «всколыхнули» его против помещиков. Следует проводить публичные суды над «бандитами и их пособниками», использовать уже апробированную систему заложничества; в отношении селений, «содействующих бандам и неисправимо контрреволюционным», применять меры карательные, «до полного уничтожения станицы, села, аула и массовых расстрелов, придав ему нужное освещение в газетах».

Однако требования циркуляра Юго-Восточного бюро усилить борьбу с бандитизмом не дали ожидаемых результатов. Наоборот, повстанчество резко активизировалось. Так, на Кубани возникло самозванное правительство. Из остатков белых войск и местного населения образовалась Кубанская повстанческая армия, командующим которой стал генерал-лейтенант А. М. Марченко.

Лето 1921 года дало всплеск роста повстанческого движения, в его рядах насчитывалось до 40 тысяч человек. По данным разведотдела штаба СКВО, число «бандитских отрядов» с июля по сентябрь увеличилось с восьмидесяти четырех до ста пяти. В оперсводках начинают появляться сообщения о подготовке Нажмуддином Гоцинским^[250] нового восстания и формировании им армии джихада^[251]. В Чечне и Дагестане усилилась антирусская пропаганда, получил распространение лозунг «Автономная Горская республика без России и казаков». Активизировались антисоветские отряды полковников Галиева, Ачоева, князя Турулова, офицеров Шалаева, Татинова, Дзаева и других. Появились вооруженные отряды в Кабарде. Это оказывало отрицательное влияние на настроение казаков.

Чтобы переломить ситуацию, при СКВО под председательством Ворошилова создается специальный

орган по борьбе с бандитизмом — Краевое военное совещание (КВС) и региональные — Терское, Кубано-Черноморское, Ставропольское, Донское. Их задача — проведение «усиленной политкампании с широкой амнистией добровольно сдавшимся и беспощадное уничтожение непокоряющихся бандформирований».

Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) и Реввоенсовет Северо-Кавказского военного округа утвердили «Положение о военных совещаниях по борьбе с бандитизмом в Донской, Кубанско-Черноморской областях, Ставропольской и Терской губерниях», подписанное членом Юго-Восточного бюро Белобородовым, командующим войсками СКВО Ворошиловым, членами РВС СКВО Буденным и Бубновым:

«1. Бандитизм в Донской, Кубанско-Черноморской областях, в Ставропольской и Терской губерниях принимает все большие размеры, требующие для его уничтожения чрезвычайных мер. Специфическими особенностями бандитизма в этих районах служит участие в нем контрреволюционных элементов, оставшихся после ликвидированных Красной армией белогвардейских армий, поддержка бандитизма контрреволюционным белогвардейским офицерством, скрывающимся по хуторам [и] станицам, и сочувственное отношение к нему зажиточного казачества и кулацких элементов в деревнях, втянутых контрреволюцией в борьбу с Соввластью и идеологически спаянных с белогвардейцами. Борьба с бандитизмом вследствие отсутствия согласованности в действиях воинских частей с действием гражданской власти не носит активного, решительного характера, не ведется систематически, а от случая к случаю.

2. В целях достижения полной согласованности действия военных органов и органов гражданской власти учреждаются краевое военное совещание по

борьбе с бандитизмом, областные и губернские военные совещания, а на местах — уездные, окружные и отдельские военные совещания по борьбе с бандитизмом.

3. Краевое военное совещание по борьбе с бандитизмом создается при штабе СКВО в составе: председателя — командвойск или его заместителя, представителя Юго-Восточного] бюро [ЦК РКП] и уполномоченного ВЧК на Юго-Востоке. (Примечание: Военные совещания могут в случае встретившейся необходимости приглашать с правом совещательного голоса представителей гражданских и военных организаций, кои обязаны являться на совещания обязательно.)

4. Областные и губернские военные совещания по борьбе с бандитизмом создаются при соответствующем штабе старшего войскового начальника в составе: председателя — старшего войскового начальника и членов — предчека, секретаря парткома. (Примечание: Если в данном районе, области или губернии расположены части двух равных соединений, то член совещания по борьбе с бандитизмом назначается распоряжением краевого военного совещания; там, где нет старшего войскового начальника, военное совещание создается при соответствующем военкомате, причем членом входит как войсковой начальник, военком.)

5. Аналогичные военные совещания создаются при уездах, отделах и округах под председательством старшего войскового начальника, заведующего Политбюро и секретаря парткома.

6. В порядке соподчиненности каждое военное совещание исполняет распоряжения высшего военного совещания и отчитывается по всем вопросам, связанным с его функциями перед высшим военным совещанием.

7. Военные совещания по борьбе с бандитизмом собираются не реже двух раз в неделю, а в особо угрожаемых районах — чаще, для выработки плана борьбы с бандитизмом и разрешения всех вопросов, связанных с исполнением намеченного плана.

8. Постановления военных совещаний считаются безусловно обязательными для всех гражданских, партийных и военных органов на территории, где действует совещание, причем по вопросам военно-оперативного характера постановление проводится исключительно военным начальником по принадлежности.

9. Военные совещания по борьбе с бандитизмом имеют задачей согласованность организационной и политической работы с проводимыми военными операциями, наблюдая за тем, чтобы при всех выделяемых отрядах находились соответствующие полномочные представители органов гражданской власти, партийных организаций, дабы с одновременным уничтожением живой силы бандитов [и] бандитизма устанавливался на местах твердый революционный порядок.

10. В местах, где наблюдается наибольшее сгущение бандитских сил, где необходима наибольшая правильная координация в действиях, по усмотрению областных и губернских совещаний создаются районные военные совещания по борьбе с бандитизмом, которые и подчиняются уездному совещанию данного района, и ведут борьбу с бандитизмом в своем районе.

11. Областные и губернские военные совещания по борьбе с бандитизмом к моменту своей организации составляют карту бандитских районов и гнезд, которая должна быть немедленно разослана всем уездным, окружным совещаниям и должна стать исходным пунктом их работы, разрабатывают план своей работы и

требуют составления плана подчиненными им уездвоенсовещаниями.

12. В недельный срок со дня опубликования настоящего положения областные и губернские военсовещания доносят о своем составе в краевое военное совещание для утверждения членов совещания, [и] сами, в свою очередь, в недельный срок требуют от подчиненных им совещаний сведений о входящих членах, которые по рассмотрению и утверждают.

13. Во всех вопросах борьбы с бандитизмом военное совещание руководствуется опытом борьбы с ним на местах и практическими указаниями, изложенными в приложенной инструкции по борьбе с бандитизмом»[\[252\]](#).

Уже в конце июля КВС объявило о помиловании раскаявшихся до 1 сентября и амнистии «всем обманутым казакам и крестьянам». Но к началу сентября сдались только около одной тысячи повстанцев, остальные продолжили бороться с властью. Они осуществляли налеты на железные дороги, захватывая эшелоны с зерном, идущие в голодающие районы Центральной России, жгли ссыпные пункты, совершали устрашающие теракты в отношении партийных, советских работников.

Ворошилов 2 сентября издал приказ по войскам округа о переходе к решительным действиям против бандитизма. В нем он требовал:

избегать малой войны, что только развивает бандитизм, но перейти к его полному уничтожению;

оккупируя антисоветски настроенные станицы и районы, применять к местному населению карательные меры;

захваченных в бою с оружием следует беспощадно расстреливать, семьи несдавшихся бандитов выселять

за пределы округа, их имущество конфисковывать, передавая беженцам из голодающих губерний;

в «зараженных бандитизмом районах» предлагалось брать заложников от беспокойных станиц и содержать их при особых отделах дивизий, ввести ответственность населения за укрывательство, строгий учет и именную перепись всего мужского населения.

Революционный военный совет Российской Советской Республики 16 сентября своим приказом включил в состав СКВО Горскую и Дагестанскую автономные республики, а также Кабардинскую автономную область. На присоединенной территории была предпринята попытка сформировать стрелковые и кавалерийские бригады и полки из местного населения. Однако вскоре Ворошилов сообщал в Москву, что «дальнейшую вербовку туземцев вынуждены приостановить», поскольку значительная их часть, получив обмундирование, дезертировала. Командующий СКВО отметил усиление на этой территории антисоветской агитации групп «с национальным чувством ненависти к русским», особенно в Чечне (Шатой и Ведено).

В первых числах ноября Ворошилов доложил главному Каменеву, что обстановка в СКВО остается напряженной: около 55 процентов состава войск округа ведут непрерывную борьбу с бандитизмом, тенденции коего, несмотря на приближение зимы, не склонны идти на понижение. Основной и главной целью повстанцев было и есть стремление к подрыву устоев Советского государства. Особо беспокоит осложнение обстановки в местностях Северного Кавказа с мусульманским населением. Там разгорается открытое движение против русских на религиозной и националистической основе...

Штаб округа, политическое управление, другие управления, отделы и службы почти весь 1921 год находились в стадии формирования. Начальником штаба СКВО с мая был назначен военспец Виктор Николаевич Чернышев — полковник старой Русской армии, опытный штабист, перешедший после Октября на сторону Советов. В 1918-м он поступил на службу в РККА. Проработал начштаба в СКВО недолго, чуть более полугода, и убыл командовать 8-м стрелковым корпусом.

Вместо Чернышева по просьбе Ворошилова прислали Алексея Макаровича Перемытова, служившего на Западном фронте. Как и Чернышев, Перемытов из военспецов, бывший капитан. Климент Ефремович близко познакомился с ним во время подавления Кронштадтского мятежа, когда Перемытов руководил штабом 7-й армии.

С первого дня командования округом Ворошилов работал в плотной связке с Буденным; Семен Михайлович был его заместителем и командующим 1-й Конной армией. Но Климент Ефремович с трудом переносил слишком большую популярность своего давнего друга. Иногда Ворошилов своими мыслями на этот счет «делился» (а может быть, доносил) в письмах Сталину. В февральском, 1923 года, письме он писал Кобе: «Буденный слишком крестьянин, чересчур популярен и весьма хитер». Ворошилов высказывает мнение, что в представлении врагов советской власти Буденный должен сыграть роль какого-то спасителя (крестьянского вождя), возглавляющего «народное» движение. Если действительно произошло бы когда-нибудь серьезное столкновение интересов между пролетариатом и крестьянством, Буденный оказался бы с последним...

Особенно беспокоила Ворошилова невероятная популярность Буденного среди конармейцев. «Наши

милые товарищи (в центре), не отдавая себе отчета, чересчур уж много кричат о Буденном, «буденновской» армии, «буденновцах» и прочем, что ни в какой мере не отвечает ни партийным, ни общереволюционным задачам. Думаешь, я зря придаю такое значение? Нет, не зря. Если бы я вовремя не убрал Думенко, он наделал бы нам больших неприятностей». И далее он приводит такой факт: «На днях мне комиссар штаба 1-й Конной т. Тер сообщил случай из жизни эскадрона при штарме Конармии. На вопрос молодому красноармейцу, за что он будет драться, последний ответил: «За Буденного»^[253].

В октябре 1923-го Буденный убыл из округа в Москву на должность помощника главкома РККА по кавалерии.

До 1923 года организационно оформленного политаппарата округа как такового не было. Обязанности помощника командующего войсками СКВО по политчасти исполнял член РВС 1-й Конной армии Оник Арзуманович Сааков. Лишь в феврале 1923-го будет создано полнокровное политуправление и Сааков станет его начальником. В июне 1922 года обретут официальный статус отделы: инженерный и снабжения во главе с Арсением Дмитриевичем Малевским и Василием Николаевичем Литуновским соответственно. Бывший начальник Особого отдела Конармии Г. А. Трушин сформирует Особый отдел СКВО. Москва наделит его еще и особым положением полномочного представителя ВЧК на Юго-Востоке России...

За три года руководства Ворошилова Северо-Кавказский округ обрел свое лицо — стал полноценным территориальным объединением боеспособных соединений, частей, различных местных военных учреждений. Войска к 1924 году обустроили неплохие

по тому времени городки расположения. Улучшилось их снабжение: вооружение, снаряжение, обмундирование поставлялись Центром, а вот продовольствием, зерновым фуражом и сеном для лошадей округ обеспечивал себя сам. Конечно, это стоило колоссальных усилий; решать боевые и учебные задачи и одновременно работать на сельхозполях, животноводческих дворах, огородах при отсутствии всякой техники — дело непростое. Продзаготовкой, косью сена занималась пятая часть войск, еще одна пятая была задействована для несения различных тыловых нарядов: охраны железнодорожных сетей, гарнизонной и караульной службы.

По линии выполнения боевых задач успехи были довольно зримыми. Осенью 1922 года войска округа разгромили бандформирования Кубанской повстанческой армии генерала Марченко. Они также рассеяли Народную армию Северного Кавказа полковника Серебрякова. Под ударами частей СКВО прекратили свое существование воины джихада Гоцинского, отряды Ачоева, Турулова, Шалаева, Татинова и многие другие. Боевые действия и карательные меры постепенно приводили к распаду всякого рода «партизанских банд». Уставшие от войны и постоянного противостояния с властью, большинство повстанцев расходились по домам и становились законопослушными гражданами.

За три года произошли важнейшие события, которые определяют весь дальнейший ход развития советской страны. 3 апреля 1922 года И. В. Сталин был избран генеральным секретарем ЦК РКП(б). 30 декабря 1922 года образован СССР — Союз Советских Социалистических Республик путем объединения Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), Украинской Советской Социалистической Республики (УССР), Белорусской

Советской Социалистической Республики (БССР) и Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики (ЗСФСР).

21 января 1924 года умер В. И. Ленин — руководитель Советского государства и РКП(б).

В мае 1924 года для Климента Ефремовича Ворошилова закончится служба в СКВО, он будет переведен в Москву.

Перевод в Москву

Спустя пять дней после кончины Ленина, 26 января 1924 года, открылся II Всесоюзный съезд Советов.

Первое заседание съезда, состоявшееся накануне похорон Ленина, было траурным. На нем Сталин от имени партии и всего народа дал клятву выполнить ленинские заветы:

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!..

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство нашей партии как зеницу ока. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!..

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь!..

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!..

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять и расширять Союз Республик. Клянемся тебе,

товарищ Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь!..

Ленин не раз указывал нам, что укрепление Красной армии и улучшение ее состояния является одной из важнейших задач нашей партии... Поклянемся же, товарищи, что мы не пощадим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную армию, наш Красный флот!..

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам верность принципам Коммунистического Интернационала. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — Коммунистический Интернационал!»[\[254\]](#)

II Всесоюзный съезд Советов принял Конституцию СССР, избрал Центральный исполнительный комитет СССР (Союзный совет и Совет национальностей), принял постановления:

- «1. Об издании Сочинений Ленина;
2. О переименовании г. Петрограда в г. Ленинград;
3. Об установлении дня траура;
4. О сооружении мавзолея Ленину на Красной площади в Москве».

Ворошилов проявил себя на съезде одним из активных его участников. Он, будучи членом комиссии по организации похорон Ленина, выступил в качестве представителя РККА со словом в память о руководителе Коммунистической партии и Советского государства.

«Красная армия и Красный флот вместе со всеми трудящимися нашей страны переживают острую боль утраты нашего дорогого вождя и учителя... — говорил Климент Ефремович скорбно и в то же время с присущей ему страстностью. — Владимир Ильич Ленин учил нас не теряться, не падать духом в тяжелые моменты жизни. И Красная армия это учение усвоила полностью и целиком. Мы смело можем сказать, что те

великие завоевания, которые достигнуты рабочим классом России, что те великие задачи, которые стоят перед всей нашей страной, будут выполнены до конца, под охраной, под защитой наших передовых отрядов Красной армии и Красного флота. Как ни тяжело сознавать, что мы сейчас остались без вождя, что мы потеряли величайшего стратега и руководителя мирового пролетариата в его борьбе, мы тем не менее должны твердо помнить, что наша задача состоит в том, чтобы те пути, те дороги, которые были указаны Владимиром Ильичем всему борющемуся международному пролетариату, были бы обеспечены для дальнейшего поступательного движения рабочих и крестьянских масс и всего человечества. Эти пути будут бдительно охраняться Красной армией, и в этот тяжкий для нас момент, утратив дорогого Ильича, Красная армия удесятерит свою бдительность. Она сделает все, чтобы завоевания рабочего класса были сохранены, сделает все, от нее зависящее, чтобы дело Владимира Ильича было доведено до конца...»[\[255\]](#)

Ворошилов был избран в состав Центрального исполнительного комитета СССР.

2 февраля сессия ЦИК СССР II созыва своим постановлением назначила председателем Совета народных комиссаров Алексея Ивановича Рыкова; он эту должность исполнял уже довольно длительное время — в период, когда парализованный Ленин был прикован к постели. ВЦИК РСФСР, следуя устоявшейся практике совмещения руководящих государственных должностей, утвердил Рыкова и председателем СНК Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Алексей Рыков — старейший российский революционер, участник Октябрьского переворота, первый народный комиссар внутренних дел РСФСР,

стоял за продолжение начатого Лениным курса новой экономической политики. Он был сторонником Сталина, поэтому генсек поддержал его назначения на высшие посты СССР и РСФСР.

Начались крупные перестановки кадров в управленческих органах страны. В частности, по военной линии подвергся перетряске Реввоенсовет СССР (с августа 1923 года так стал называться высший коллегиальный орган военной власти в стране — РВСР). Из него по решению ЦК РКП(б) были удалены соратники Троцкого Владимир Антонов-Овсеенко, Эфраим Склянский и еще несколько прежних членов РВС, в их числе Степан Данилов, Вацлав Богуцкий, Павел Лебедев. Их переместили на другие участки работы. Обновленный состав Реввоенсовета теперь представляли: Троцкий (председатель РВС СССР, он же и нарком по военным и морским делам), Фрунзе (заместитель председателя РВС, вместо Склянского), члены — Бубнов (начальник ПУРа — вместо Антонова-Овсеенко), Уншлихт, Ворошилов, Лашевич, Буденный, Каменев, Розенгольц, Орджоникидзе, Элиава, Мясников, Хидыр-Алиев и Караев.

Генеральный секретарь ЦК РКП(б) Сталин превращает свою должность из технической (такой она была при Ленине) в руководящую...

Сталин терпеливо ждал своего часа. Зная, что состояние здоровья Ленина безнадежно, он исподволь готовился к его смерти, и когда она наступила, не впал в растерянность, наоборот, действовал продуманно. В момент кончины Ленина Троцкий находился на Кавказе, проходил там рекомендованный врачами курс климатотерапии. С 1922 года он постоянно лечился от лихорадки на южных курортах, его мучили недомогание и повышенная температура. Горный воздух,

минеральные воды должны были укрепить его здоровье.

Узнав о случившемся с Лениным, Лев Давыдович засобирався в Москву. Сталин телеграфировал ему: «Похороны состоятся в субботу, не успеете прибыть вовремя».

Сталин ввел второго человека в партии в заблуждение, на самом деле Ленина хоронили в воскресенье. Он рассчитал правильно, в отсутствие в Москве Троцкого в момент безвластия ему будет легче взойти на партийный олимп.

Борьба за личностное верховенство в партии началась еще сенью 1923 года. Тогда она развернулась между двумя амбициозными лидерами — Троцким и Зиновьевым, каждый из них видел себя преемником Ленина.

Популярность Троцкого в стране была огромной, почти сравнимая с популярностью Ильича, большинство партийцев-большевиков считали, что он неотделим от Ленина. Троцкий конкретно руководил революционными событиями в России. Под его началом Красная армия победила в Гражданской войне. Троцкий — член Политбюро ЦК РКП (б) и председатель Реввоенсовета СССР...

Григорий Евсеевич Зиновьев — яркий вождь пролетариев, управлял огромным революционным городом Петроградом-Ленинградом на переломном этапе истории. Он — член Политбюро ЦК РКП(б). Его поддерживают Каменев, председатель Моссовета, заместитель председателя СНК РСФСР, и Сталин, генеральный секретарь ЦК РКП(б). Тройка Зиновьев — Каменев — Сталин фактически была фракцией в партии.

Теперь в эту борьбу за лидерство в партии включился и Сталин.

С 23 по 31 мая 1924 года прошел XIII съезд РКП(б). Он рассмотрел ряд важнейших для партии и в целом для всей страны неотложных вопросов. На нем разгорелась острая борьба сторонников тройки Зиновьев — Каменев — Сталин против оппозиции, возглавляемой Троцким. Большинством голосов съезд осудил платформу троцкистов, определив ее как мелкобуржуазный уклон от марксизма, как ревизию ленинизма.

Для Сталина опасно встал вопрос о смещении его с поста генерального секретаря ЦК партии. Накануне съезда шел спор между членами Политбюро и Крупской — оглашать или не оглашать написанное Лениным «Письмо к съезду» («Завещание»). Политбюро, кроме Троцкого, было несогласно на открытое оглашение. Крупская передала письмо мужа в комиссию по ленинскому наследию, состоявшую из Сталина, Зиновьева и Каменева. За два дня до официального открытия съезда письмо было зачитано на заседании Совета старейшин.

Неприятный резонанс у старейшин вызвали два места ленинского письма: одно, которое характеризовало Троцкого как «самого способного человека в настоящем ЦК», и другое, которое требовало смещения Сталина с поста генсека ввиду его грубости, недостатка лояльности и склонности злоупотреблять властью.

Сталин прямо на заседании Совета старейшин заявил, что он готов подать в отставку.

— Что ж, я действительно груб, — сказал он, — Ильич предлагает вам найти другого, который отличался бы от меня большей вежливостью. Что же, уйду...

— Ничего, — отвечал с места голос одного из единомышленников Сталина, — нас грубостью не

испугаешь, вся наша партия грубая, пролетарская^[256].

Провели голосование, большинство высказалось за оставление Сталина на посту генсека, против проголосовали только сторонники Троцкого. Было решено огласить ленинское «Завещание» на закрытых заседаниях отдельных делегаций съезда.

Съезд утвердил Сталина на должности генсека. Троцкий оказался в еще большей изоляции, чем раньше; в ЦК остались только два его сподвижника — Пятаков и Раковский.

Сталин укреплял свое положение и в партии, и в государстве. Там, где только возможно, он расставлял верные ему кадры. Важнейшей задачей считал создание надежного окружения вокруг себя ключевых военачальников. Первым шагом была чистка РВС СССР. Вторым — замена командующего войсками Московского военного округа Николая Ивановича Муралова, известного героя Гражданской войны, отличившегося на Восточном фронте в боях против Колчака. Сталин удалял его из округа потому, что тот принадлежал к числу близких политических и личных друзей Троцкого. Генсеку нужно было, чтобы войсками столицы управлял его человек.

Была произведена перестановка: Муралов и Ворошилов поменялись должностями. 17 мая Климент Ефремович Ворошилов вступил в командование войсками Московского военного округа. Николай Иванович Муралов убыл в Ростов-на-Дону и принял под свое начало войска СКВО.

Ставленник Сталина был введен в состав РВС СССР, а потом и в его президиум. Выполняя пожелание генсека, Ворошилов развернул широкую чистку командного состава округа с целью избавления от троцкистов. Сталину необходимо было обезопасить себя

от неожиданностей со стороны армии, и в первую очередь частей МВО.

Новый командующий избавился прежде всего от прежних заместителей. Вместо них были поставлены проверенные кадры, ничем не связанные с Троцким. На должность помощника командующего войсками округа в июне был назначен Георгий Дмитриевич Базилевич, до этого он находился в распоряжении штаба РККА. В июле помощником по политической части и начальником политуправления стал Антон Степанович Булин, бывший ранее заместителем начальника политуправления Западного фронта. Начальником штаба — давний сослуживец Ворошилова Алексей Макарович Перемытов.

Александр Михайлович Василевский в мемуарах «Дело всей жизни» вспоминал: «Что представлял тогда собой Московский военный округ, служить в котором выпала честь? Не касаясь столичного гарнизона, скажу лишь о губернских воинских соединениях...» Он пишет, что округ охватывал 16 губерний. На их территории дислоцировались шесть стрелковых дивизий, две отдельные стрелковые бригады, авиа-, бронеотряды, артиллерийские, инженерные, связи и другие отдельные части, а также специальные учреждения и разнообразные склады. В 1923 году округу добавили 1-ю отдельную особую кавбригаду, а в 1924-м — 14-ю (позднее 10-ю) Майкопскую кавдивизию. Эти соединения входили в корпуса. Когда в 1923 году в округе прибавился 10-й стрелковый корпус под командованием героя Октябрьской революции и Гражданской войны П. Е. Дыбенко, прежнее подчинение соединений изменилось не сразу: в 3-м стрелковом корпусе (командир — опытный боевой военачальник В. Ф. Грушецкий) были 6-я Орловская, 17-я Нижегородская и 19-я Воронежская стрелковые

дивизии; во 2-м — 14-я Московская, 18-я Ярославская и 48-я Тверская.

Вступив в должность, Ворошилов на первых порах отдавал значительную часть своего времени управлению войсками округа. Он побывал во всех гарнизонах, познакомился с командирами — с теми, которых раньше не знал, — корпусов, дивизий, бригад, полков, провел ряд учений и маневров. Климент Ефремович интересовался жизнью, бытом красноармейцев, семей военнослужащих; там, где выявлялись недостатки, принимал немедленные меры по их устранению.

И все же Ворошилов больше проявлял себя не как военный руководитель, а как политический. Сказывалась комиссарская закваска.

В январе 1925 года ЦК партии сместил Троцкого с поста наркома по военным и морским делам и председателя РВС СССР и назначил вместо него Михаила Васильевича Фрунзе. Член Президиума РВС СССР Ворошилов стал его заместителем, одновременно оставаясь командующим войсками Московского округа.

Смерть Фрунзе

Первая неделя сентября 1925 года в Москве не радовала погодой: по утрам дождило, дни стояли угрюмые, мало похожие на начало золотой осени.

Михаил Васильевич Фрунзе в это время болел. В июле он попал в автомобильную аварию, тогда обошлось все более или менее нормально. Но вот случилась новая автоавария, в результате Фрунзе получил ушибы головы, руки и ноги. Последствия не прошли бесследно: обострилась язва желудка, которой он страдал уже длительное время, усилилась боль, открылось кровотечение.

Постановлением Совнаркома СССР Фрунзе предоставили месячный отпуск. Ворошилов уговорил его поехать в дом отдыха «Мухалатка» на Крымский полуостров, где уже два года подряд поправляли здоровье Сталин, а также Климент Ефремович и другие высокопоставленные советские, партийные работники. Михаилу Васильевичу доводилось отдыхать в Крыму — летом и осенью 1922 года — в Доме шахтера. Крымская природа и климат ему нравились. На Крымское взморье часто ездила его семья; она и сейчас находилась там. Жена Софья Алексеевна лежала в Ялтинской больнице (у нее была открытая форма туберкулеза), а дети Таня и Тимур — в Алушке.

Фрунзе 8 сентября 1925 года в сопровождении наблюдавшего его доктора — главного хирурга Центрального госпиталя Петра Васильевича Мандрыки — выехал в Крым в «Мухалатку».

Дом отдыха ВЦИК «Мухалатка» располагался в одноименном поселке в сказочном месте на южном берегу полуострова. Это — бывшее имение крупного купца и промышленника Кокорева, в конце XIX века построившего здесь прекрасный дворец.

В 1923 году имение было экспроприровано и передано в безвозмездное пользование ВЦИК СНК СССР. Оно стало называться Домом отдыха ВЦИК № 4.

«Мухалатка» приглянулась Молотову, Бухарину, Крупской и многим другим госпартработникам, военачальникам и их семьям. Отдыхал здесь не раз и Сталин. Об этом напишет через годы в своих воспоминаниях его дочь Светлана: «Пересматриваю старые фотографии... Вот мама в Крыму, в Мухалатке, куда ездили отдыхать родители, — на берегу моря, а из воды высовываются рожицы в белых панамках: мой брат Василий и его друзья — Артем Сергеев и Женя

Курский. На другой фотографии: мама на террасе в Мухалатке, возле белых мраморных львов...»

В. М. Кузьменко, крымский краевед начала XX века, автор книг серии «По Крыму» рассказывал о кокоревском имении:

«...Вверху над беседкой, среди парка, расположен обширный владельческий дом очень сложной и смешанной архитектуры. Вдали за домом высится громада главного хребта с резким понижением посередине. Вокруг дома, среди кипарисов и других экзотических растений, разбиты обширные цветники с массой роз всевозможных сортов и других цветущих и декоративных растений.

Вся обширная территория имения г. Кокорева представляет собой громадный парк с разделенными и очень хорошо (^одерживаемыми аллеями и дорожками среди первобытной растительности и частью между искусственными насаждениями. Здесь масса кипарисов, кедров и сосен, наполняющих воздух смолистым ароматом, с наслаждением вдыхаемым грудью.

Дорожка к морю идет мимо живописной имитации классических развалин в юго-восточном углу парка, по крутому откосу довольно глубокого оврага, оканчивающегося на берегу моря широким пляжем, очень удобным для купанья...»

Ворошилов первое свое пребывание по путевке в «Мухалатке» в 1923 году с восторгом описал в письме секретарю Президиума ВЦИК:

«...Отдыхаем мы, как следует пролетариям, дорвавшись до настоящего отдыха. Я и Шкирятич [\[257\]](#) по 4-5 часов торчим на море, вдыхая всеми порами прекрасный морской воздух. Погода пока нам неизменно благоприятствует, а мы блаженствуем. Неплохо себя чувствуют и др. т. т. и особенно Коба. Он

отдохнул основательно и весел и радостен неизменно. Кроме всего прочего, Коба научился играть в кегли и бильярд. И то и другое ему очень нравится». Далее он писал о том, что у них сложилась хорошая и дружная компания: Коба, сам Ворошилов, Шкирятов и Чубарь^[258]».

Кровотечение продолжалось у Фрунзе и в Крыму. Он на глазах худел, его валила слабость. Лечащий врач рекомендовал Михаилу Васильевичу отменить прогулки, охоту, предписал абсолютный покой. Сталин выразил озабоченность состоянием здоровья Фрунзе и настойчиво советовал ему ехать в Москву, чтобы лечь в больницу и фундаментально лечиться, но тот не соглашался. Тогда из столицы были вызваны медицинские светила — профессора В. Н. Розанов и А. М. Касаткин с высококвалифицированным обслуживающим медперсоналом. После двухнедельного наблюдения за больным и интенсивного лечения профессора пришли к выводу: нужно пациента вести в Москву, там будут определены дальнейшие действия — либо продолжать терапию, либо делать операцию.

«Приехавшие врачи убедили Фрунзе ехать в Москву», — вспоминал позже Ворошилов.

29 сентября Михаил Васильевич с доктором Мандрыкой и с ними семья Ворошиловых на двух автомобилях отправились из Мухалатки в Симферополь, где сели в поезд и — в столицу.

Фрунзе положили в Кремлевскую больницу. Личного врача Мандрыку к Михаилу Васильевичу не подпустили. Несколько дней шло лечение и обследование. Все это время палата № 19, куда поместили наркома, напоминала собой его рабочий кабинет. Он читал документы, подписывал приносимые работниками

наркомата бумаги, встречался с должностными лицами, беседовал с друзьями, соратниками.

8 октября 1925 года состоялся первый консилиум. В нем участвовали наркомздрава Николай Семашко, врачи Николай Бурденко, Алексей Мартынов, Владимир Розанов и другие специалисты. Они сделали заключение:

«1. М. В. Фрунзе болен язвой в области двенадцатиперстной кишки и остатками инфлуэнции^[259], начавшейся по пути из Крыма в Москву.

2. Болезнь, ввиду ее упорства и склонности к кровотечению, требует оперативного вмешательства.

3. Для ликвидации явлений инфлуэнции, дополнительных исследований и подготовки к операции больной должен еще некоторое время (не меньше 10 дней) оставаться в больнице».

Второй консилиум 24 октября подтвердил диагноз — язва двенадцатиперстной кишки. Рекомендация — «предложить оперативное вмешательство». Рекомендацию подписали консультанты: Левин, Плетнев, Розанов, Греков Френкель, Мартынов, Ланг, Крамер, Бурденко, Капкин.

Узнав об этом решении, Мандрыка запротестовал: на каком основании вынесен безапелляционный вердикт «оперировать!»? Доктор Павел Иванович Елистратов свидетельствует, что многие из консультантов не только не участвовали в глубоком обследовании Фрунзе, но даже не осматривали его. Мандрыка требовал отменить операцию. Но ему сказали: решение консилиума утвердил товарищ Сталин. Мандрыка просил — уж если поступило такое распоряжение, то не применяйте при операции общей анестезии. Ни в коем случае не давайте Фрунзе наркоз...

В последней декаде октября «Правда», «Известия», «Рабочая газета» и ряд других изданий стали помещать на своих страницах краткие заметки с заголовком «Состояние здоровья наркомвоенмора и председателя РВС СССР тов. М. В. Фрунзе». В них сообщалось, что для ликвидации болезненных явлений со стороны желудочно-кишечного тракта товарища Фрунзе, согласно заключению профессоров, поместили в Боткинскую больницу.

Кремлевская больница в те годы не имела хирургического отделения, ее только начинали обустраивать, насыщать современным по тем временам медоборудованием для полноценного лечения высшей номенклатуры страны. Государственных, партийных чиновников оперировали в Боткинской (в прошлом Солдатёнковской) больнице.

Эта больница была построена на деньги фабриканта Козьмы Терентьевича Солдатенкова в 1910 году на 12 гектарах земли на Ходынском поле, близ Петровского парка. Солдатенков умер в 1901 году, но оставил завещание, в котором изложил свое желание, чтобы за счет пожертвованных им более двух миллионов рублей «устроить и содержать в Москве бесплатную больницу для всех бедных без различия сословий, званий и религий под названием «больница Солдатенкова».

Больница имела семь корпусов: терапевтический, хирургический, дифтерийный, скарлатинный, инфекционный, «для смешанной инфекции» и приемный. В ней применялись новейшие методы лечения, анестезия, наркоз, асептики. Здесь работали лучшие столичные медицинские специалисты, такие как знаменитый терапевт Федор Александрович Гетье (с 1919 года лечащий врач Ленина и Троцкого), крупнейший хирург своего времени Владимир Николаевич Розанов (заведующий хирургическим

отделением больницы), известный патологоанатом Алексей Иванович Абрикосов и другие.

В 1920 году Солдатёнковскую больницу переименовали в Боткинскую в честь выдающегося терапевта и клинициста Сергея Петровича Боткина.

28 октября палату № 19 в «Кремлевке» Фрунзе сменил на палату № 33 в «Боткинке».

На следующий день в 12 часов 40 минут Михаила Васильевича начали оперировать. Очкин ввел анестезию. Фрунзе плохо переносил наркоз, поэтому трудно засыпал. Для общего обезболивания вначале было применено 140 граммов эфира, Фрунзе не засыпал, и Очкин перешел на анестезию хлороформом. Лишь через 30 минут приступили непосредственно к операции.

Проводил ее Розанов, ассистировали Греков, Мартынов, Обросов, Касаткин, Капель и Левин. В ходе операции у Фрунзе наблюдалось частое падение пульса, приходилось прибегать к впрыскиваниям для возбуждения сердечной деятельности...

Прошло больше часа, как был сделан последний шов на разрезе брюшной полости, больной не выходил из-под наркоза. Врачи заволновались, стали стимулировать его пробуждение. Он медленно открыл глаза. Лицо его было очень бледным. Профессор Греков мягким голосом спросил: «Михаил Васильевич! Как чувствуете себя?» Тот едва слышно произнес: «Лучше...» — и закрыл глаза.

Накануне операции в больницу к Михаилу Васильевичу приезжали Сталин и Микоян. Их к больному не допустили. Профессор Розанов категорически отрезал: «Нельзя. После...» Сталин попросил у Розанова листок бумаги, для записки Фрунзе. Тот подал свой личный бланк. Генсек написал:

«Дружок!

Были сегодня в 5 ч. вечера у т. Розанова (я и Микоян). Хотели к тебе зайти — не пустил, язва. Мы вынуждены были покориться силе. Поскучай, голубчик мой. Привет. Мы еще придем, мы еще придем...

Коба».

Неизвестно, передал Розанов записку Фрунзе, прочитал ее Михаил Васильевич или нет, однако в архивах она сохранилась...

30 октября в печати, в разделе хроники, появилась заметка с сообщением:

«Вчера в Боткинской больнице профессором В. Н. Розановым была проведена операция по удалению круглой язвы желудка больного тов. Фрунзе».

Итог сообщения был оптимистичным:

«Операция прошла благополучно. Состояние тов. Фрунзе вполне удовлетворительно. По предположению врачей, через две недели тов. Фрунзе будет здоров»^[260].

Оптимизм был преждевременным. Больше суток врачи боролись с продолжавшейся сердечной слабостью Фрунзе. Наркомвоенмор умирал. Утром 31 октября 1925 года он скончался.

В больницу прибыли Сталин, Рыков, Микоян, Бубнов, Уншлихт, Енукидзе. На их лицах лежала печать растерянности и горя.

В тот же день экстренные выпуски газет вышли с правительственным сообщением. В нем говорилось:

«31 октября от паралича сердца умер после операции председатель Реввоенсовета СССР Михаил Васильевич Фрунзе.

Союз ССР потерял в лице умершего опытного, закаленного в революционной борьбе вождя революционного народа, потерял борца, который всю свою жизнь, от подпольного кружка до ожесточенных

боев в Гражданской войне, был на самых опасных и передовых постах.

Армия и флот потеряли одного из лучших знатоков военного дела, организатора Вооруженных сил Республики, непосредственного руководителя победы над Врангелем и организатора первого победоносного удара против Колчака.

В лице покойного сошел в могилу виднейший член правительства, один из лучших организаторов и руководителей Советского государства...»[\[261\]](#)

О причине смерти Фрунзе ходили всякие версии и в 1930-е годы, и в 1950-е, после смерти Сталина; особенно они расцвели в постсоветское время. Основная из них в различных интерпретациях — Фрунзе был умерщвлен по приказу генсека Сталина. Последней придерживалась оппозиция, сторонники Троцкого. К ней склоняются и многие сегодняшние историки.

По мнению троцкистов, Сталин после смерти Ленина делал все, чтобы взять под свою руку РККА. И он этого добился. Троцкий, «вождь и строитель Красной армии», как звали Льва Давидовича в РККА, был смещен со своего поста, его преемником стал герой Гражданской войны, успешно командовавший армиями и фронтами Михаил Васильевич Фрунзе. Правда, Сталин не очень хотел, а вернее сказать, совсем не хотел видеть его во главе Вооруженных сил СССР. Ветеран партии, близкий соратник Ленина, Фрунзе трудно шел на тесное сближение со Сталиным, не включался в его интриги. Такой наркомвоенмор, естественно, не подходил человеку, стремившемуся к неограниченной власти в партии и государстве.

Набиравшему руководящую силу генсеку на главном военном посту страны требовался надежный, лично преданный человек, а именно давний друг и соратник

Клим Ворошилов, вполне отвечавший всем этим требованиям. Но на тот момент нельзя было напрямую пересадить командующего войскам МВО в кресло наркомвоенмора, отодвинув Фрунзе. Большинство членов Политбюро могло неправильно понять генсека...

Была и такая версия: летальный исход Фрунзе связан с медицинской ошибкой — передозировкой наркоза, которую сердце прославленного военачальника не перенесло.

Официальному заявлению правительства о смерти Фрунзе от паралича сердца верили немногие. В том числе и в высших партийно-государственных кругах.

Жена Фрунзе — Софья Алексеевна — говорила, что сердце Михаила Васильевича было крепким и остановилось оно не просто так, его преступно остановили. Она тяжело переживала уход из жизни мужа. Через год и ее не стало. Точных данных о причине смерти Софьи Алексеевны не осталось, то ли покончила с собой, то ли туберкулез унес ее в мир иной.

Осиротевших детей, шестилетнюю Таню и Тимура, которому шел четвертый год, взяла к себе бабушка — мать Михаила Васильевича — Мавра Ефимовна Фрунзе, у нее они будут жить до 1931 года. Когда Мавра Ефимовна тяжело заболела, детей забрали Климент Ефремович и Екатерина Давидовна Ворошиловы, получившие специальным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) разрешение на их усыновление. Они, окруженные заботой и вниманием большой семьи Ворошиловых, вырастут замечательными людьми. Тимур Михайлович станет военным летчиком. В 1942 году, защищая небо Москвы, он погибнет в воздушном бою с фашистскими стервятниками, ему будет посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Дочь Фрунзе — Татьяна Михайловна — окончит Московский химико-технологический институт, защитит степень доктора химических наук. В 1960—1970-е годы

она обретет известность как крупный специалист по органической химии...

6 ноября 1925 года Президиум ЦИК СССР назначил Климента Ефремовича Ворошилова на пост народного комиссара по военным и морским делам и председателя Революционного военного совета СССР.

У РУЛЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Реформа

Что означает слово «реформа»? Это — преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни. Нас интересует военная реформа, ей энциклопедия дает такую трактовку: глубокие по содержанию и проводимые в определенные сроки преобразования военной организации государства. Проводятся они по решению и под руководством высших политических органов государственной власти в связи с необходимостью.

В данном случае речь идет о военной реформе 1920-х годов прошлого столетия. Большинство советских историков укладывали ее в жесткие временные рамки — 1924-1925 годы. Это потому, что идеологи сталинского периода СССР не признавали приоритет Троцкого в идее ее проведения, хотя именно им, Троцким, еще в марте 1921 года на X съезде РКП(б) был поднят военный вопрос. Экономическое, социально-политическое положение в стране после иностранной интервенции и Гражданской войны диктовало необходимость уменьшения численности состава армии, перехода к единоначалию в РККА. Однако по ряду объективных и субъективных причин в течение двух лет военная реформа практически не осуществлялась, а если происходили какие-то изменения в армии, то весьма вяло.

В январе 1924 года прошла XIII партийная конференция, где были подведены итоги дискуссии, которую вели Троцкий и его сторонники с влиятельной в партии группой Зиновьева — Каменева — Сталина.

Троцкисты требовали отмены решения X съезда РКП(б) о запрещении фракций. Конференция осудила их оппортунистскую линию. Резко выступал против Троцкого Фрунзе.

В феврале состоялся пленум ЦК РКП(б). На нем обсуждались выводы военной комиссии, образованной июньским (1923 года) пленумом ЦК под председательством Валериана Владимировича Куйбышева, а позднее Сергея Ивановича Гусева, в составе Андреева, Бубнова, Ворошилова, Орджоникидзе, Уншлихта, Фрунзе, Шверника и других. Комиссия обследовала положение в войсках Западного, Украинского, Московского, Северо-Кавказского военных округов и на Балтфлоте. Она выявила снижение боеспособности войск, с одной стороны, и большую «текучесть красноармейского состава» — с другой, что «подрывало основы нормальной боевой жизни и обучения войск».

Выявленные недостатки, по мнению комиссии, лежат на совести председателя Реввоенсовета СССР, наркомвоенмора Троцкого, который пытался «ослабить влияние ЦК на армейские дела». Член комиссии Ворошилов остро критиковал наркомвоенмора, отмечая при этом, что «до тех пор, пока Военвед не будет уравнен со всеми другими ведомствами в отношении воздействия на него ЦК, нам не изжить тех ненормальностей, которые грозят закончиться полной катастрофой для Красной армии и даже страны». В заключение он сказал: армии нужна кардинальная реформа.

На пленуме ЦК была образована специальная комиссия РВС СССР во главе с Фрунзе для разработки проекта военной реформы.

Активное претворение в реальность военной реформы началось весной 1924-го. Руководство СССР

пришло к окончательному выводу, что дальше содержать многочисленную, плохо управляемую, с низкой боевой способностью армию нельзя. Было признано: командование вооруженных сил не отвечает возросшим на то время военно-профессиональным запросам. Организационная структура войск, их техническое оснащение устарели. Отсюда — невысокий уровень боевой и политической подготовки бойцов и командиров частей.

Приступили прежде всего к сокращению войск в соответствии с условиями мирного времени и к выбраковке старых образцов оружия и техники. На тот период в РККА насчитывалось личного состава свыше 5 миллионов бойцов и командиров. На вооружении имелось: броневых сил — 122 бронепоезда, 300 бронеавтомобилей, 80 танков; артиллерийских установок — 1260, самолетов — 228; почти половина всего этого была донельзя изношена.

Людской состав армии был урезан почти в 10 раз и доведен до 562 тысяч человек.

Согласно плану, разработанному группой специалистов, руководимой Фрунзе, внедрялась территориально-милиционная система построения Красной армии в сочетании с кадровой, которая позволяла иметь при минимальных затратах небольшое кадровое ядро армии, способное обеспечить неприкосновенность границ, а в случае войны быстро мобилизовать крупные военные силы. Новая система комплектования должна быть закреплена законодательно. Это было сделано лишь 18 сентября 1925 года. ЦИК Союза ССР и СНК СССР совместным постановлением приняли «Закон об обязательной военной службе».

В марте 1924 года должность главкома, как изжившая себя в мирных условиях, была сокращена, а работавший на него аппарат расформирован. Вместо

Штаба РККА создавались три самостоятельных органа управления: Штаб РККА, Главное управление РККА и Инспекторат РККА. Штаб РККА становился основным оперативным органом управления, на который возлагалась также задача организации подготовки населения страны к обороне.

Реформа коснулась и органов непосредственного управления войсками. Была изменена их организационно-штатная структура, ликвидированы многочисленные штабы, управления, отделы. К октябрю 1924 года главный аппарат военного ведомства урезался почти на 24 процента, аппараты военных округов — в среднем на 33–34, снабженческие, хозяйственные учреждения — на целых 40 процентов. Система снабжения в РККА была особенно непомерно раздутой, с сотнями промежуточных посреднических звеньев в цепи: центр — округ — корпус — дивизия — бригада — полк. Ее упростили до схемы «округ — часть — боец», которая работала не хуже, а значительно лучше, чем прежняя.

Оснащенность войск вооружением, техникой поднималась на новый уровень. Вместо вконец износившихся трофейных танков в Московский и Ленинградский военные округа стали поступать отечественные, собранные на заводе «Красное Сормово». Конечно, первые советские танки под названием ««Рено» русский» были несовершенны, но они были новые, с нерастраченными ресурсами, в отличие от трофейных. С 1924 по 1926 год 15 броневых машин верно отслужили в войсках, затем прошли капитальный ремонт и за счет деталей, снятых со списанных французских «рено», восемь из них были восстановлены и возвращены в боевой строй. Они приняли участие в первомайских демонстрациях 1927 года в Москве и Ленинграде. На их броне красовались стихотворные лозунги: «Дави империализма гиену, /

Могучий рабочий класс! / Вчера были танки лишь у Чемберлена, / А нынче есть и у нас!»

В СССР налаживался выпуск отечественных военных самолетов. К концу 1924 года прошли испытания истребители ИЛ-400 и И-1 конструкторов Николая Поликарпова и Дмитрия Григоровича, и они стали поступать в авиационные части. За три года авиаотряды получили на вооружение около двухсот И-1, в войсках они обозначались под маркой И-2, ИЛ-400 — всего 14 машин. ИЛ-400 имел лучшие скоростные свойства, чем И-1, но уступал ему по летной устойчивости из-за неправильного выбора центровки моноплана^[262].

Численность самолетного парка советского воздушного флота с 1923 по 1926 год увеличилась в 12 раз.

Опыт проведения военной реформы выявил многие непредвиденные сложности и недостатки в строительстве новой системы вооруженных сил. Взять смешанное комплектование их — сочетание кадровых и территориально-милиционных формирований. Оно предусматривает прохождение службы призываемых бойцов в армию в кадровых или территориально-милиционных частях. В начале 1924 года территориально-милиционные формирования составляли примерно 18 процентов от общего количества соединений, а в 1926 году их удельный вес в РККА уже превысил 58 процентов. Эти соединения и части оказались несколоченными, как единый воинский коллектив, слабо подготовленными в боевом и морально-политическом отношении. Они ведь основаны на проведении коротких сборов, за это время невозможно обеспечить прочное ратное сплочение личного состава полка, батальона, роты и, тем более,

изучение вооружения и сложной техники. Об обретении уверенных практических навыков применения их в бою и говорить нечего. При этом надо иметь в виду, что среди красноармейцев много неграмотных, особенно молодых ребят из крестьянских семей. Не умеющих читать и писать призванных в Красную армию в 1924 году новобранцев было почти 20 процентов.

Параллельно с созданием территориально-милиционных формирований шло и национальное военное строительство по двум направлениям:

1. Возрождение чисто национальных частей и соединений со своими командными кадрами — на Украине, в Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджане, Татарии.

2. Создание частей со смешанным национальным составом, применявшееся в отношении тех наций, которые при царском режиме вообще не допускались в армию и не несли воинской службы.

Руководство СССР полагало, что появление национальных соединений и частей в определенной мере будет повышать мобилизационные возможности страны и укреплять дружбу между советскими народами.

Хотя и здесь пришлось столкнуться с рядом проблем и трудностей — национализм, местничество, сепаратизм. Не везде оказалось возможным дислоцировать национальные формирования в соответствии с оперативными планами развертывания армии в случае войны. Это следствие перегруженности множеством задач соединениям и частям по внутренней службе — борьба с бандитизмом, охрана объектов народного хозяйства, разного рода хозяйственные работы.

Ворошилов до назначения его 26 января 1925 года заместителем народного комиссара по военным и

морским делам и председателя Реввоенсовета СССР (по совместительству) претворял программу военной реформы в той части, которая касалась войск Московского округа. Но с января он уже занялся ее внедрением в жизнь во всесоюзном масштабе. Организацию учебно-боевой подготовки войск МВО Клименту Ефремовичу пришлось возложить на помощника Георгия Базилевича.

Ворошилов глубоко вникал в наиболее «больные» вопросы реформы. Например, перестройка системы подготовки командных кадров. Он видел, что было необходимо повысить общий уровень знаний командно-начальствующего состава, усилить его военную и политическую подготовку, а также наладить систему подготовки нового контингента командиров с целью нормального пополнения армии высококвалифицированными руководящими кадрами от низшего звена до высшего.

В Красной армии имелся ощутимый некомплект командного состава: высшего — 28 человек, старшего — 442, среднего — 5138, младшего — 7297. В процессе реформы предстояло восполнить этот некомплект.

Для выполнения этой задачи прилагались огромные усилия. Особенно когда в ноябре 1925 года наркомом обороны стал Ворошилов. При нем ускоренными темпами открывались школы подготовки сержантов, военные училища, появилось шесть академий по видам и родам войск. Командный состав быстро пополнялся за счет притока в части и подразделения молодых, образованных по тому времени кадров.

В РККА вводилось единоначалие. На первоначальном этапе было установлено две его формы. Первая, как прежде, — оперативно-строевые и административно-хозяйственные функции были в ведении командира, а проведение партийно-

политической работы оставалось за комиссаром. Вторая — функции командира и комиссара совмещались в одном лице. Командир в таком случае назывался «командир-военный комиссар». В этих условиях должность комиссара упразднялась и утверждалась должность помощника командира по политической части.

За 1925 год 40 процентов командиров корпусов, 14 — командиров дивизий и 25 процентов командиров полков стали единоначальниками.

По оценке советских и нынешних ученых — исследователей периода историографии 1924–1925 годов XX века, военная реформа сыграла большую роль в укреплении обороноспособности страны.

Персональные звания. Маршал Советского Союза

— Считаю, пришло время вводить в Красной армии персональные воинские звания.

Это предложение внес М. Н. Тухачевский на одном из проходивших совещаний в ЦК ВКП(б) летом 1935 года. Сталин с одобрением отнесся к нему.

Развернулось бурное обсуждение.

В Красной армии командиры различались по занимаемым должностям. Советская власть упразднила все царские чины и титулы, в том числе и воинские. Были введены свои примитивные знаки различия, соответствующие занимаемым должностям. Командир бригады носил на петлицах по ромбу, начальник дивизии — по два ромба, ком-кор — по три и т. д.

Теперь предлагалось вернуть звания, которые существовали в старой Русской армии. Прапорщик и поручик были сразу отвергнуты. Одобрялись лейтенант, капитан, майор. Дискуссия развернулась по введению званий полковника и особенно генерала. «Чисто

старорежимные, — возражали участники совещания. — Так мы дойдем и до маршалов». Сталин остановил дискуссию: «А почему бы у нас не быть и маршалам!» Затем обратился к Ворошилову:

— Добавь, Климент Ефремович, в перечень званий высшее воинское звание — маршал.

22 сентября 1935 года постановлением Центрального исполнительного комитета СССР и Совета народных комиссаров СССР было законодательно закреплено Положение о воинских званиях в Красной армии.

У командного состава Сухопутных войск, ВВС и ПВО вводились следующие звания: лейтенант, старший лейтенант, капитан, майор, полковник, комбриг, комдив, комкор, командарм 2-го ранга, командарм 1-го ранга. В последующем дополнительно будут учреждены звания младший лейтенант (в августе 1937 года) и подполковник (в 1939-м).

Начальствующий состав (политработники, военные юристы, специалисты технических, военно-медицинских и административных служб) имел свою систему воинских званий. Политработники: политрук, старший политрук, батальонный комиссар, полковой комиссар, бригадный комиссар, дивизионный комиссар, корпусной комиссар, армейский комиссар 2-го ранга, армейский комиссар 1-го ранга.

Рядовой и младший комсостав Сухопутных войск, ВВС и ПВО: красноармеец, отделенный командир, младший комвзвода, старшина.

В Военно-морских силах РККА постановлением ЦИК и СНК СССР вводилась своя система воинских званий: лейтенанты, капитаны и флагманы соответствующих рангов, причем высшим являлось звание флагман флота 1-го ранга, которое тогда получили два человека: начальник Морских сил РККА Владимир Митрофанович

Орлов и командующий Тихоокеанским флотом Михаил Владимирович Викторов.

Конкретно о персональном воинском звании Маршал Советского Союза указывалось, что оно присваивается «выдающимся и особо отличившимся лицам высшего командного и начальствующего состава».

Вводились знаки различия, которые обязаны были носить все военнослужащие. Командиры подразделялись на четыре категории: на младших, средних, старших и высший комсостав.

Младшие командиры — старший боец носил на петлицах один эмалевый треугольник, от младшего сержанта до старшины — от двух до четырех треугольников.

Средний командный состав: младший лейтенант до старшего носили, соответственно, один, два, три эмалевых квадрата (кубика).

Старший командный состав: капитан, майор, подполковник, полковник — от одного до четырех эмалевых прямоугольников (шпал). Впоследствии капитан будет отнесен к среднему командному составу.

Высший командный состав: комбриг, комдив, комкор, командармы 3-го, 2-го и 1-го рангов — от одного до четырех ромбов на петлицах. Командарм 1-го ранга носил четыре ромба, но со звездочкой наверху петлицы.

Маршалы Советского Союза выделялись большой пятиконечной звездой — маршальской, нашитой на треугольных петлицах мундиров и шинелей.

В соответствии с воинскими званиями устанавливались повышенные оклады денежного содержания и определенные привилегии.

Введение званий, установление материальных и моральных привилегий для командно-начальствующего состава имели важное значение в условиях нового

этапа строительства и совершенствования структуры Вооруженных сил СССР.

Кандидатов на присвоение звания «маршал» было несколько. Это — известные военачальники. Естественно, первым в списке стоял нарком обороны Ворошилов, затем начальник Генерального штаба Егоров, заместитель наркома обороны Тухачевский, инспектор кавалерии РККА Буденный. Значились в списке еще два военачальника: командующий войсками Белорусского военного округа Иероним Уборевич и командующий войсками Киевского военного округа Иона Якир. В кремлевских коридорах витали разговоры о том, что в кандидатском списке содержалось более десяти человек, был там и начальник Политического управления РККА, первый заместитель наркома обороны Ян Гамарник.

По свидетельству спустя почти 20 лет с того времени Андрея Васильевича Хрулева, заместителя наркома обороны СССР — начальника Главного управления тыла Красной армии, Сталин, изучив список претендентов на присвоение маршальского звания, оставил в нем Буденного, Ворошилова, Егорова и Тухачевского, а Уборевича, Якира и других вычеркнул. Вместо них вписал фамилию Блюхера.

Уборевич и Якир были уверены — маршальские звания у них в кармане. И вдруг узнают, что генсек исключил их из кандидатов, отдав предпочтение военачальникам намного ниже уровня, чем они, например кавалеристу Буденному и тем более «периферийному» Блюхеру. Это ужасно их расстроило. Некоторое время они втайне еще надеялись на чудо, но чуда не произойдет...

В 1980-е годы мне довелось встретиться с Глафирой Лукиничной Безверховой-Блюхер, женой маршала В. К. Блюхера; она рассказала интересный эпизод,

имеющий отношение к присвоению званий Маршала Советского Союза пяти высшим командирам Красной армии. Этот эпизод я пересказал в своей книге «Блюхер», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия» в серии «ЖЗЛ» в 2010 году.

В ноябре 1935 года Глафира Лукинична с мужем отдыхали в санатории «Барвиха» под Москвой. В этот период времени отмечалось шестидесятилетие всесоюзного старосты Калинина. Василию Константиновичу позвонил комендант Кремля: Михаил Иванович приглашает Блюхера вместе с «половиной» на празднование своего юбилея.

На именины Калинина съехалось большое число знатных гостей — весь цвет партийной и правительственной верхушки. Вначале было очень торжественно, много говорилось тостов, добрых слов в адрес юбиляра. После застолья торжественность сменилась на веселье с песнями, танцами. Бурно проявляли свои эмоции военные: в воздухе носилось предвкушение маршальства. В особенном ударе были Буденный и Егоров. Семен Михайлович виртуозно «врезал» на гармошке казачка, а Александр Ильич лихо отплясывал.

Егоров подошел к Блюхеру, который в этот вечер среди военных был одним из самых «иконостасных»; на его груди блестели шесть высших наград страны: орден Ленина, четыре ордена Красного Знамени и орден Красной Звезды. Александр Ильич картинным жестом привлек внимание окружающих к наградам Блюхера и предложил посостязаться, произнеся на весь зал: «Давай спляшем. Кто кого из будущих маршалов перепляшет: ты — маршал Востока или я — маршал Запада?»

Собравшиеся в зале гости аплодисментами подбадривали Александра Ильича и Василия Константиновича. Не аплодировали лишь Уборевич и

Якир: они бросали на куражившегося Егорова снисходительные взгляды, а на Блюхера смотрели с холодной неприязнью.

За всей этой картиной внимательно наблюдал стоявший у стола, отдельно от других, Сталин. С ним рядом был Ворошилов. Они улыбались...

Пройдет пять дней, и 20 ноября 1935 года все советские газеты опубликуют официальное сообщение, что товарищам Буденному, Ворошилову, Егорову, Тухачевскому, Блюхеру присвоено звание Маршала Советского Союза.

Звание командарма 1-го ранга — Ивану Белову, Сергею Каменеву, Борису Шапошникову, Иерониму Уборевичу, Ионе Якиру. Ян Гамарник получил звание армейского комиссара 1-го ранга, соответствующее командарму 1-го ранга.

Кроме пяти маршалов и шести командармов 1-го ранга новые звания получили: командарм 2-го ранга — 10 человек, комкор — 62, комдив — 201, комбриг — 474. Звания полковника, подполковника были присвоены командирам старшего комсостава.

По случаю появления первых в Советском Союзе пяти маршалов в Кремле был устроен пышный прием.

В 1930-е годы, особенно во второй их половине прошлого века, кремлевские приемы становились традиционными. Инициатором их был Сталин. Он принимал, угощал «избранных гостей» в Кремле в качестве хозяина. С того времени его заглазно и стали называть «Хозяином». Но не только, надо полагать, за щедрые приемы, относившиеся к мероприятиям государственной важности, способствующим консолидации руководства страны с формировавшейся новой советской элитой. Новая элита увидела в нем хозяина страны...

20 января 1938-го, по истечении полугода после антигосударственного заговора Тухачевского и компании, был устроен прием в Большом Кремлевском дворце в честь героев Гражданской войны. На нем Сталин произнес много тостов. В одном из них он говорил о заслугах и незаслугах некоторых военных товарищей.

«Возьмем хотя бы такой факт, как присвоение звания Маршалов Советского Союза. Известно, что у нас пять Маршалов Советского Союза. Из них меньше всего заслуживал этого звания Егоров, я не говорю уже о Тухачевском, который, безусловно, этого звания не заслуживал и которого мы расстреляли, несмотря на его маршальское звание. Законно заслужили звание Маршала Советского Союза Ворошилов, Буденный и Блюхер. Почему законно? Потому что, когда мы рассматривали вопрос о присвоении звания маршалов, мы исходили из следующего: мы исходили из того, что они были выдвинуты процессом Гражданской войны из народа.

Вот Ворошилов — невоенный человек в прошлом, вышел из народа, прошел все этапы Гражданской войны, воевал неплохо, стал популярным в стране, в народе, и ему по праву было присвоено звание маршала.

Егоров — выходец из офицерской семьи, в прошлом полковник — он пришел к нам из другого лагеря и относительно к перечисленным товарищам меньше имел права к тому, чтобы ему было присвоено звание маршала, тем не менее за его заслуги в Гражданской войне мы это звание присвоили...»^[263]

Ворошилов — Маршал Советского Союза! Народ сразу окрестил его «первым маршалом», «железным маршалом». 15 лет назад Климента Ефремовича

прославляли в песнях как первого красного офицера («Марш кавалеристов» Дмитрия Покрасса на стихи Анатолия Френкеля), а ныне уже — как первого маршала. Теперь тот же Дмитрий Покрасс вкупе с братом Даниилом на стихи Бориса Ласкина написали «Марш танкистов», где были такие слова:

*Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведет...*

Композитор Исаак Дунаевский и поэт Василий Лебедев-Кумач написали песню о «железном маршале»:

*По площади Красной торжественным маршем
Могучая армия наша идет.
Нарком Ворошилов, железный наш маршал,
Глядит, улыбаясь, и честь отдает.*

Вместе с ростом в стране культа Хозяина-Сталина, рос и культ полководца-Ворошилова — оруженосца Хозяина. Но в высших военных кругах наркома-маршала не очень-то ценили. Знал ли об этом Ворошилов? Скорее всего, знал, но не подавал виду. Он не проявлял ни малейших признаков недоверия к неприязненно настроенным по отношению к нему военачальникам.

10 ноября 1936 года нарком направил в Политбюро ЦК ВКП(б) документ, в котором просил в связи со смертью Сергея Сергеевича Каменева утвердить назначение на вакантную должность начальника Управления ПВО РККА комкора Роберта Петровича Эйдемана, освободив его от обязанностей председателя ЦС Осоавиахима СССР.

В тот же день Ворошилов подписал еще один документ:

«В Политбюро ЦК ВКП(б), товарищу Сталину.

Прошу утвердить:

1) Назначение командарма 1-го ранга т. Уборевича И. П. моим заместителем и начальником ВВС РККА, освободив его от должности командующего войсками Белорусского военного округа.

2) Назначение командарма 2-го ранга т. Алксниса Я. И. заместителем начальника ВВС РККА и главным инспектором ВВС РККА, освободив его от должности начальника ВВС РККА.

3) Назначение командарма 2-го ранга т. Левандовского М. К. командующим войсками Белорусского военного округа, освободив его от должности командующего войсками Закавказского военного округа.

4) Назначение командарма 2-го ранга т. Седякина А. И. командующим войсками Закавказского военного округа, освободив его от должности начальника Управления боевой подготовки РККА.

5) Назначение комкора т. Горбачева Б. С. заместителем командующего войсками Белорусского военного округа (вместо т. Мул ина В. М.), освободив его от должности заместителя командующего войсками Московского военного округа».

Пройдет несколько месяцев после направления этих документов в Политбюро, и достойные выдвиженцы на высшие командные должности Эйдеман, Уборевич, Горбачев, Седякин и Левандовский окажутся в списке врагов народа...

Уборевич жаловался своим единомышленникам, что у него сложились плохие отношения с Ворошиловым в служебных делах. На его взгляд Ворошилов не считал его способным выполнять большую военную и государственную работу. Он приравнял его к Белову и

Шапошникову (Уборевич их деловые способности ставил намного ниже своих). По его мнению, партия создала Ворошилову незаслуженно исключительный авторитет в стране. На протяжении совместной с ним работы Уборевич чувствовал на себе его постоянное давление.

От должности заместителя наркома обороны по авиации Уборевич откажется. Свой отказ разъяснит в письме члену Политбюро Орджоникидзе:

«Дорогой Серго!

Пишу это письмо, находясь в затруднительном положении, и надеюсь на дружескую поддержку. Если это письмо станет известно т. Ворошилову, мне станет еще тяжелей работать. Дело в следующем... Ворошилов заявил мне, что он решил... меня взять в Москву на авиацию. Я категорически возражал.... Я сказал, что в ЦК беспокоить тов. Сталина моей персоной не пойду, но что Ворошилову достаточно ясна самому вся неделовитость и нецелесообразность этой комбинации. После этого разговора я очень много об этом думал, и мое возражение против решения Ворошилова укрепилось еще больше. Главные причины две:

1) У меня нет достаточного политического авторитета в стране для такой задачи, как руководство авиацией РККА.

2) В строительстве вооруженных сил страны при нынешней военно-политической ситуации и учитывая слабость наших железных дорог (с точки зрения маневра военными силами и снабжением на Западе и Востоке) и морского флота, авиация является самым острым, самым важным средством обороны и в то же время сложным и трудным для создания в мирное время и поддержания на высоте в военное время... С приветом, Уборевич»^[264].

Примеру Уборевича последовал и Якир, он отверг предложенный ему пост начальника Генштаба.

Многие высшие командиры видели, что нарком отстал от жизни, не понимает особенностей современной войны и своим пребыванием на высшем военном посту не способствует назревшим переменам в вооруженных силах. Не сдерживаясь, нередко на заседаниях Реввоенсовета с резкими критическими заявлениями против наркома выступали его заместители Гамарник и Тухачевский.

Критиковал Ворошилова и известный герой Гражданской войны комкор Иван Семенович Кутяков. Он был кавалером четырех орденов Красного Знамени, трех общесоюзных и одного ордена Красного Знамени Хорезмской республики, который приравнивался к общесоюзному, а также награжден Почетным революционным оружием РВС. Кутяков являлся членом ЦИК СССР и ВЦИК, входил в состав Военного совета при наркомате обороны.

Работники НКВД найдут у него дневник, в котором он вел «крамольные» записи. Вот, например, одна запись:

«2 марта 1936 г. Маршал Тухачевский вел почти 100 % решительную атаку по Вор. + Егор. + Якир + Уборевич».

Расшифровывается это так: в этот день Тухачевский раскритиковал проводимую Ворошиловым политику, и его в этом поддержали маршал Егоров и командармы 1-го ранга Якир и Уборевич^[265]. Дальше Кутяков делает вывод о роли Ворошилова в развитии РККА: «...пока «железный» будет стоять во главе, до тех пор будет бестолковщина, подхалимство и все тупое будет в почете, все умное будет унижаться»^[266].

Эти дневниковые записи дорого обойдутся Ивану Семеновичу.

В мае 1937 года Кутякова арестуют вместе с большой группой высшего комсостава РККА Военная

коллегия Верховного суда СССР 28 июля 1938-го приговорит его к смертной казни, в этот же день он будет расстрелян. По другим данным (Военно-промышленный курьер. 2007. 17 октября), расстрел заменили на длительный срок заключения в лагере, где он умер в сентябре 1942 года. В 1956-м Кутяков был реабилитирован.

Старт Большого террора

Конец 1934-го, 1935—1936-е, начало 1937-го оказались годами сложными, трагическими и печальными для страны, для партии коммунистов, для всего народа.

В декабре 1934 года был убит первый секретарь Ленинградского обкома партии Сергей Миронович Киров (Костриков). Убит в результате покушения 1 декабря 1934 года Л. Николаевым, жена которого была якобы любовницей Кирова. До сих пор ведутся историками споры: стал ли он жертвой собственной распущенности и погиб от руки обманутого мужа или это была спланированная акция...

В январе 1935 года на рабочем месте в возрасте сорока шести лет скончался член Политбюро ВКП(б) Валериан Владимирович Куйбышев. Официальная версия смерти — закупорка коронарной артерии тромбом...

В июне 1936 года после непродолжительной болезни, якобы от простуды, умер известный писатель Максим Горький (Алексей Максимович Пешков)...

В 1936-м с 18 по 24 августа прошел громкий процесс по делу врагов народа — руководителей контрреволюционного террористического центра Зиновьева (Радомысльского) и Каменева (Розенфельда). Военная коллегия Верховного суда СССР признала

виновными Ивана Петровича Бакаева, Григория Еремеевича Евдокимова, Григория Евсеевича Зиновьева, Льва Борисовича Каменева, Сергея Витальевича Мрачковского, Ивана Никитича Смирнова, Вагаршака Арутюновича Тер-Ваганяна и еще девять человек по статьям 58-8 (совершение террористического акта) и 58-11 (организация деятельности, направленной к совершению контрреволюционных преступлений) Уголовного кодекса РСФСР и приговорила их к расстрелу с конфискацией имущества...

25 августа 1936 года скончался от сердечного приступа Сергей Сергеевич Каменев, начальник Управления ПВО РККА...

В феврале 1937 года ушел из жизни член Политбюро ЦК ВКП(б), нарком тяжелой промышленности СССР Георгий Константинович (Серго) Орджоникидзе. На февральско-мартовском пленуме он намечался главным докладчиком по вопросу «об уроках вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов». Но за пять дней до пленума при загадочных обстоятельствах он умер. По официальной версии — от инфаркта. Однако близкие к Орджоникидзе люди говорили, что он застрелился...

Знаковым, предвещающим недоброе событием для грядущих лет в жизни страны было слияние во второй половине 1934-го НКВД с ОГПУ^[267]. Новое образование — центральный орган государственного управления СССР по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка, обеспечению государственной безопасности получило название НКВД СССР. Влившееся в Наркомат внутренних дел ОГПУ получило статус Главного управления государственной безопасности (ГУГБ). На это гигантское образование была возложена огромная ответственность за многие

сферы: строительство и охрану границ, содержание тюрем и лагерей, деятельность органов внутренних дел, пожарную охрану. Но основное — организация тотального политического сыска. Во главе НКВД СССР был поставлен Генрих Григорьевич Ягода. На этом посту он пробудет до сентября 1936 года, подготовит эффективную карательную машину для Большого террора, затем сместится на наркомат связи. Вместо него на НКВД сталинское Политбюро поставит Николая Ивановича Ежова.

Через полгода ЦК ВКП(б) исключит Ягоду из членов партии, и он попадет в жернова созданной им же мощной репрессивной машины. Его обвинили в совершении антигосударственных и уголовных преступлений, в связях с Троцким, Бухариным и Рыковым^[268], в организации троцкистско-фашистского заговора в НКВД, подготовке покушения на Сталина и Ежова. Следствие шло почти год. Приговор — высшая мера наказания. Расстрелян 15 марта 1938 года.

В 1937 году состоялся февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б). Он проходил с 23 февраля по 5 марта. В советской историографии ему отведена особая роль. Считается, что он дал старт так называемому Большому террору в СССР.

Своеобразной предтечей развязанного общего террора являются августовские 1936-го и январские 1937 годов события, связанные с судебными процессами над членами «Троцкистско-Зиновьевского террористического центра» и «Параллельного антисоветского троцкистского центра». На первом громком процессе основными обвиняемыми были Зиновьев, Каменев и их 14 единомышленников, все они приговорены к расстрелу. На втором процессе разбирались 17 менее крупных оппозиционных

функционеров, таких как Карл Бернгардович Радек, Георгий Леонидович Пятаков и Григорий Яковлевич Сокольников. 13 из них расстреляны, остальные приговорены к длительным срокам заключения.

Что касается террора против Красной армии, то ему предшествовала скоростная кончина командарма 1-го ранга Каменева. Именно тогда были проведены аресты среди военных. Аресту подверглись члены Военного совета при наркомате обороны СССР (ВС НКО) комкоры Примаков^[269], Туровский^[270], Путна^[271]. Этим активным участникам Гражданской войны предъявлялись обвинения в участии в «боевой группе троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации». Свыше девяти месяцев они содержались в тюрьме, где от них требовали сознаться в подготовке военного переворота и назвать сообщников. Но до мая 1937-го следователям НКВД не удалось этого добиться...

На февральско-мартовском пленуме было сделано несколько докладов. Выступили высокие государственные и партийные функционеры, в их числе Молотов^[272], Каганович^[273], Ежов. Смысл большинства выступлений сводился к тому, что страна наводнена «шпионами, диверсантами и вредителями», пролезшими на самые высокие посты. Жесткой критике подверглись бывшие партийные оппозиционеры, вчерашние соратники нынешних обличителей; они обвинялись в том, что еще в начале 1930-х годов намеревались силой захватить власть, образовали общий блок «троцкистов», «зиновьевцев» и «правых», встали на путь террора и сотрудничества с «зарубежными фашистами».

С большой разоблачительной речью военных оппозиционеров 2 марта 1937 года выступил на пленуме К. Е. Ворошилов:

«Товарищи,

доклады тт. Молотова и Кагановича, вчерашнее выступление т. Ежова и последующих товарищей со всей ясностью, как прожектором, осветили, как наши враги глубоко проникли в поры нашего социалистического хозяйства и государственного аппарата. Враг выбирал наиболее чувствительные места нашего социалистического строительства, наиболее важные пункты для того, чтобы, изнутри поражая самые чувствительные нервные узлы, в этих пунктах наносить вред всему нашему государственному строительству. НКПС, Наркомтяжпром, легкая промышленность, пищевая промышленность и другие наркоматы — все они, к сожалению, были, и я думаю, что и продолжают быть, пораженными вредительской работой троцкистов, японо-немецких шпионов, диверсантов и наших классовых врагов.

<...> Теперь разрешите перейти к моему ведомству. Лазарь Моисеевич перед тем, как мне сюда идти, сказал мне: «Посмотрим, как ты будешь себя критиковать, это очень интересно» *(общий смех)*. Я ему сказал, что мне критиковать себя очень трудно, наверное, и среди вас немного найдется *(смех)*, которые эту любовь испытывают. Я тоже не особенно, так сказать, любитель критики, но, тем не менее, я большевик, член ЦК, и мне непристало бояться нашей партийной критики.

Но положение мое, Лазарь Моисеевич, несколько иное, чем положение, предположим, Ваше, не только потому, что я представляю армию, это тоже имеет кое-какое значение, но то, что у нас в рабоче-крестьянской Красной армии к настоящему моменту, к счастью или к несчастью, а я думаю, что к великому счастью, пока что вскрыто не особенно много врагов народа. И они несколько иное место занимают в рядах всех врагов, которые вскрылись органами НКВД в других наркоматах...

...Троцкий в прошлом, еще в 1920-1921 годах, когда он пошел походом, открытым походом на Ленина, на нашу партию, он пытался опираться тогда на кадры армии. Он считал, что имеет в армии достаточно прочную базу... но он просчитался.

<...> К 1923-1924 годам троцкисты имели, как вы помните, а вы обязаны помнить, за собой почти всю Москву и военную академию целиком, за исключением единиц, которая была за троцкистов. И здешняя школа ЦИК, и отдельные школы — пехотная, артиллерийская и другие части гарнизона Москвы — все были за Троцкого. (Гамарник. «И штаб Московского округа, где сидел Муралов, был за Троцкого».) Троцкий, словом, пошел в атаку на тогда больного Ленина и фактически на Сталина. Но к тому времени настоящие большевики тоже вели значительную работу, и на этом этапе Троцкий был разбит.

Интересно товарищам немного напомнить потому, что многие товарищи в то время не были членами ЦК. В тот момент, в конце 1923-го и начале 1924 года, Троцкий пошел в бой с нашей партией, и он фактически армию свел на нет. Армии как боевой силы и государственной силы не было. Он больше всего думал о том, чтобы рассадить своих людей и заниматься подготовкой свержения партийного руководства. Сама армия как боевая сила тогда полностью отсутствовала. Если вы развернете протоколы пленумов 1923-1924 годов, февральского и апрельского пленумов 1924 года, вы увидите, что там в выступлениях Гусева... Сталина и всех других товарищей констатировался полный развал, отсутствие Красной армии. Но зато были крепкие отдельные группы троцкистов, которые вели ожесточенную, дикую борьбу с партией. Повторяю, что Троцкий просчитался и был разбит, но... он оставил за собою довольно основательные кадришки... К этим кадрам относятся те господа, которые ныне себя

проявили снова уже на новой основе, в иных условиях активности хотели сделать еще одну вылазку теперь или немножко позже, но снова хотели попытать свои силы в борьбе с нашей партией.

Что представляют собой эти господа, кто они? Это Примаков, который является одним из наиболее ярких представителей троцкистских кадров. Это Зюка — один из кадровиков троцкистов. Это Туровский, который, не являясь кадровиком, тем не менее, очевидно, невзирая на то, что он пока отрицает свою виновность, очевидно, тоже в скрытом виде долгое время поддерживал эту троцкистскую банду. Это Шмидт Дмитрий, комдив, Саблин, Кузьмичев. И затем идут мелкие люди, которые только что теперь были вскрыты, а ранее не проходили как работники сколько-нибудь заметные по линии троцкистских вредителей. Следовательно, мы к настоящему времени имеем 6 генеральских чинов в качестве вредителей: Путна, Примаков, Туровский, Шмидт, Саблин, Зюка, затем Кузьмичев — майор и полковник Карпель.

Что собою представляют эти господа и с точки зрения политической и моральной физиономии? Я позволю себе прочесть пару писем для того, чтобы вам было ясно, на какие вещи эти люди способны.

Вот, если взять Кузьмичева, он только майор — небольшой чин, но по стажу, по троцкистскому стажу — это очень заядлый троцкист, в свое время был секретарем у Примакова, тесно с ним связан, принимал участие в троцкистских вылазках и в 1923—1924-м и в 1926-1927 годах. Теперь, будучи арестован, он обращается ко мне через официальные органы с письмом, в котором пытается доказать свою невиновность. И пишет так, что даже ваши закаленные сердца должны будут внять такому письму... (*Голос с места: «Дрогнуть».*) Да, дрогнуть. И вы увидите, к чему вся эта писанина свелась. Он пишет:

«Народному Комиссару Обороны т. Ворошилову.

Меня обвиняют в том, что я якобы являюсь членом контрреволюционной троцкистской террористической группы, готовил покушение на Вашу жизнь. Мое заявление о том, что я ничего по этому делу не знаю, — рассматривается как запирательство и нежелание давать показания. Основания не верить мне имеются, ибо я в 1926–1928 годах входил в контрреволюционную троцкистскую организацию...»

Врет. Он входил и в 1923–1924 годах, но об этом умалчивает.

«Начиная с 1929 года я старался всеми мерами загладить свою вину перед партией. В Вашем лице я всегда видел не только вождя Красной армии, но и чрезвычайно отзывчивого человека. Вашим доверием я обязан факту моего возвращения в РККА в 1929 году».

Так было. Я потом объясню, в чем тут дело.

«Своими действиями в 1929 г. я, мне кажется, оправдал Ваше доверие и, конечно, не без Вашего решения был награжден вторым орденом Красного Знамени».

«В 1931 г., — повествует далее Кузьмичев, — Вашим распоряжением мне представили возможность поступить в Академию. В 1934 году в связи с болезнью жены опять-таки не без Вашего участия меня перевели в условия, где моя жена и ребенок быстро выздоровели. Вашим решением я обязан той интересной работе, которую я вел последние годы. Именно Вы сделали меня человеком, настоящим членом партии. Иных чувств, кроме чувства большого уважения и глубокой благодарности я к Вам иметь не мог. Как же случилось, что меня зачислили в банду фашистских убийц? В 1935 году я проездом с Дальнего Востока в Запорожье остановился у Дрейцера — в то время он был членом ВКП(б), носил два ордена и являлся замначальника Криворожского строительства. Он по телефону мне

сообщил, что у него гостил Туровский, который только что уехал, и что сам Дрейцер тоже через 1-2 дня уезжает, поэтому мне можно будет остановиться у него на квартире. Я так и сделал. С Дрейцером мы виделись мало, говорили о работе, я о своей, он о своей, и всё. С тех пор я его не видел, и уже в тюрьме на очной ставке я от него услышал, что якобы я сам предложил свои услуги для Вашего убийства.

Эту троцкистскую клевету я не могу опровергнуть, все мои заявления о нелепости чудовищной клеветы, все мои просьбы расследовать обстоятельства моих разговоров ни к чему не привели. Скоро будет суд. Повидимому, меня расстреляют, ибо у меня нет возможности доказать, что никаких контрреволюционных дел у меня с Дрейцером не было. Может быть, через несколько лет все же троцкисты скажут, зачем они оболгали невинного человека, и вот тогда, когда раскроется действительная правда, я Вас прошу восстановить моей семье честное имя. Простите за маразм, больше не дают бумаги.

21. VIII. - 36 г. *Кузьмичев*».

Так писал господин Кузьмичев. А вот как этот господин Кузьмичев разговаривает, это он писал 21 августа, а показания он дает 1 сентября, стало быть, через 10 дней:

«*Вопрос.* Что вами практически было сделано для подготовки террористического акта над Ворошиловым...»

Я очень извиняюсь, что тут идет речь о Ворошилове, но я читаю это просто для того, чтобы охарактеризовать этого господина. (*Голоса с мест:* «Правильно».)

«...В осуществление полученного от Дрейцера задания в феврале 1935 года».

Он тут же рассказал, как его Дрейцер агитировал, собственно, он даже не агитировал, а рассказал ему, и

они очень быстро поняли друг друга, и он берет на себя выполнение теракта. Вот как он это объясняет:

«На маневрах в поле с Ворошиловым мне встретиться не удалось, так как наша часть стояла в районе Белой Церкви, а маневры происходили за Киевом, в направлении города Коростень. Поэтому совершение теракта пришлось отложить до разбора маневров, где предполагалось присутствие Ворошилова».

«Где происходил разбор маневров?»

«В Киевском театре оперы и балета», — отвечает Кузьмичев.

«Каким образом вы попали в театр?» — спрашивает Кузьмичева следователь.

Кузьмичев отвечает: «Прилетев в Киев на самолете, я узнал о том, что билетов для нашей части нет. Комендант театра предложил занять свободные места сзади. Так как я намерен был совершить террористический акт над Ворошиловым во время разбора, я принял меры к подысканию места поближе к сцене, где на трибуне после Якира выступал Ворошилов. Встретив Туровского, я попросил достать мне билет. Через несколько минут Туровский дал мне билет в ложу...»

<...> Вот облик людей, которые, уже будучи пойманы, находят у себя еще наглость и умение, я бы сказал, находят ловкость и талант писать так, что когда я прочитал, я подумал — черт его возьми, может быть, в самом деле человек оговорен. И только через 10 дней получается такое сообщение, что человек со всеми подробностями, до мелочей рассказывает, как он подготовлял свою работу.

Другой тип — Шмидт, пишет мне. Этот Шмидт, это уже в генеральском чине, комдив. Он пишет:

«Дорогой Климент Ефремович!

Меня арестовали и предъявили чудовищные обвинения, якобы я — троцкист. Я клянусь Вам всем для меня дорогим — партией, Красной армией, что я ни на одну миллионную не имею вины, что всей своей кровью, всеми мыслями принадлежу и отдан делу партии, делу Сталина. Разберитесь, мой родной, сохраните меня для будущих тяжелых боев под Вашим начальством».

Все сказано, ничего не упущено, даже озаботился, чтобы я был его начальником, а не другой им командовал. А через 20 дней этот субъект сознался во всех своих подлых гнусных делах.

Я имею письма и от других арестованных, от Туровского, от Примакова. Все они примерно в этом духе пишут. Самое большое, в чем они сознаются, это то, что они не любили Ворошилова и Буденного. И тут они каются, что до 1932–1933 годов они позволяли себе резко критиковать Ворошилова и Буденного...

Какие цели, какие задачи ставили перед собой эти господа в Красной армии? Они ставили перед собой, товарищи, весьма серьезные цели и задачи. Как военные люди, они имели и стратегические, и тактические намерения. Стратегия заключалась в том, чтобы, формируя ячейки, вербуя отдельных недовольных командиров, консолидируя бывших троцкистов и всякое оппозиционное охвостье в армии, выждать момент, когда армия выступит на войну, и во время войны наносить удары в спину своей армии. Тактические задачи были просты. Это — усиленная подготовка террористических актов против вождей партии и правительства, против руководства рабоче-крестьянской Красной армии.

<...> Я не знаю, здесь не совсем это удобно, но мне приходится для того, чтобы не вводить в заблуждение ЦК, сказать, что мы все-таки старались на протяжении всего времени, поскольку тут вот члены ЦК, военные работники сидят, работают уже очень давно в армии, —

вести свое дело таким образом, чтобы этим господам — врагам, представителям наших классовых заклятых врагов, преградить путь, преградить доступ к нашей рабоче-крестьянской Красной армии.

Что мы для этого делали? Мы вели большую работу, товарищи, и я, например, не могу не сказать, что мы не вылавливали. Мы без шума, это и не нужно было, выбросили большое количество негодного элемента, в том числе и троцкистско-зиновьевского охвостья, в том числе и всякой подозрительной сволочи. За время с 1924 года, за это время, когда Троцкий был ликвидирован, когда он был изгнан из рядов армии, за это время мы вычисти — ли из армии большое количество командующего и начальственного состава. Пусть вас не пугает такая цифра, которую я назову, потому что тут были не только враги, тут было и просто барахло, и часть хороших людей, которых мы должны были сокращать, но было очень много и врагов. Мы вычистили за эти 12-13 лет примерно около 47 тысяч человек. За это время мы впитали, призвали из запаса 21 тысячу человек командного состава. Таким образом, балансируется: вычищено было, выброшено из рядов Красной армии, сокращено на 25-26 тыс. человек за последние только три года — 1934—35—36-й годы. Мы выбросили из армии по разным причинам, но главным образом по причинам негодности и политической неблагонадежности, около 22 тысяч человек, из них 5 тысяч человек были выброшены, как оппозиционеры, как всякого рода недоброкачественный в политическом отношении элемент — 5 тысяч человек...

<...> Товарищ Сталин неоднократно говорил и говорит, что кадры решают всё. Кадры рабоче-крестьянской Красной армии, которым т. Сталин уделяет колоссально много времени и внимания, являются особыми кадрами. Мы тут должны вести большую работу для того, чтобы эти кадры и

увеличивать, и качественно улучшать, повышать их специальные знания, повышать их политическую ценность...

Мы провели вместе со всей партией чистку партийного состава рабоче-крестьянской Красной армии и, как многие из секретарей обкомов и ЦК нацкомпартий, наверное, знают, в армии чистка прошла более или менее благополучно. В армии был, пожалуй, наименьший процент вычищенных...

<...> Но, тем не менее... еще немало осталось из троцкистов и зиновьевцев в армии... которые в разное время по-разному были связаны с оппозиционным течением в партии...

Мы этих людей всех знаем, и все они находятся под нашим непосредственным наблюдением. Но, товарищи, последние события показывают, что, как бы вы ни наблюдали, можно прозевать. Очевидно, нужно этих людей, я не говорю вычищать, но нужно этих людей взять под особый, более тщательный контроль...

<...> Какие, в конце концов, необходимо сделать выводы для нас, для работников Рабоче-крестьянской Красной армии из всего того, что здесь было продемонстрировано в докладах, выступлениях товарищей, из всех тех ужасных фактов, свидетелями которых мы сейчас являемся? Я думаю, что тот же самый вывод, что делают для себя все другие товарищи. Я думаю, что мы обязаны не только обратить еще большее внимание на политическую партийную работу среди начальствующего состава, мы должны сейчас посмотреть в корень...

Враг, безусловно, будет пытаться, если он не проник, это наше великое счастье, это надо проверить, если не проник глубоко в недра армии, то он будет пытаться проникнуть.

<...> Мы очень много все работаем, все это хорошо знают. Но нам, по-моему, на этом пленуме нужно

наметить план работы таким образом, чтобы во всем процессе жизни и работы большевиков, ответственных людей, не только членов ЦК, но и членов партии, была бы постоянно перед нами вот эта самая угроза, чтобы мы не забывали, что враг еще живет... что война еще не кончена, что мы, не воюя, ведем жестокую борьбу с нашим классовым врагом...»^[274]

Причастен к массовым репрессиям

Зададимся вопросами: причастен Ворошилов к массовым репрессиям? Если да, то в какой мере? Эти вопросы по отношению к Ворошилову можно было бы и не задавать. Конечно же, он причастен к репрессиям во время Большого террора. И конечно же, в значительной мере. Иначе и быть не могло. Находясь в должности народного комиссара обороны, он не мог стоять в стороне от арестов военнослужащих, особенно такой категории, как комполка и выше — до командующего войсками округа, а также высокопоставленных работников аппарата военного ведомства.

Но можно ведь было отказаться подписывать расстрельные списки своих подчиненных? Не отказался. Говорят, боялся. Боялся потерять доверие Хозяина. Боялся смещения с должности наркома. Так ли это?..

В книге Николая Черушева «1937 год: Элита Красной армии на голгофе» поясняется, что участие Ворошилова в массовых репрессиях 30-х годов минувшего века было вполне осознанным. Занимая пост народного комиссара по военным и морским делам, отмечает историк, «Ворошилов, безусловно, особенно во вторую половину 20-х, внес определенный свой вклад в дело строительства и развития вооруженных сил страны. Он имел неплохие качества комиссара и

здатки организатора». А вот в период ежовщины^[275] повел себя как жестокий палач Красной армии.

Выступая на заседании Военного совета при НКО СССР 29 ноября 1938 года, Ворошилов говорил:

«Когда в прошлом году была раскрыта и судом революции уничтожена группа презренных изменников нашей Родины и РККА во главе с Тухачевским, никому из нас и в голову не могло прийти, не приходило, к сожалению, что эта мерзость, эта гниль, это предательство так широко и глубоко засело в рядах нашей армии. Весь 1937 и 1938 годы мы должны были беспощадно чистить свои ряды, безжалостно отсекая зараженные части организма, до живого, здорового мяса, очищались от мерзостной предательской гнили...

Вы знаете, что собою представляла чистка рядов РККА... Чистка была проведена радикальная и всесторонняя... с самых верхов и кончая низами... Поэтому и количество вычищенных оказалось весьма и весьма внушительным. Достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше 4 десятков тысяч человек. Эта цифра внушительная.

Но именно потому, что мы так безжалостно расправлялись, мы можем теперь с уверенностью сказать, что наши ряды крепки и что РККА сейчас имеет свой до конца преданный и честный командный и политический состав»^[276].

Итак, по собственному признанию Ворошилова, в РККА в годы Большого террора «чистка была проведена радикальная и всесторонняя». Эту чистку подтверждает военный историк Дмитрий Волкогонов. В книге «Триумф и трагедия: И. В. Сталин. Политический портрет» он пишет, что, по имеющимся данным, с мая 1937-го по сентябрь 1938 года, то есть в течение полутора лет, в армии подверглись репрессиям 36 761 человек, а на флоте — более 3 тысяч (в отличие от

Ворошилова он называет число «вычищенных» значительно менее «четырёх десятков тысяч человек»). И добавляет: «Часть из них была, правда, лишь уволена из РККА»^[277].

Как видим, по Волкогонову, одному из активных разоблачителей сталинских преступлений, в 1937–1938 годах в РККА было репрессировано около 37 тысяч военачальников, при этом не все они расстреляны и осуждены на различные сроки заключения — многие были просто уволены из армии.

Вслед за Волкогоновым в конце XX — начале XXI века началось «соревнование» современных ученых, кто озвучит большее число репрессированных командиров и политработников. Историк Лев Киршнер, например, считает, что в предвоенный период репрессировано 44 тысячи человек командного состава, свыше половины офицерского корпуса.

Александр Яковлев, бывший главный идеолог ЦК КПСС, называет 70 тысяч командиров Красной армии. Он прямо указывает: все они «были уничтожены Сталиным еще до войны».

Победителями в этом соревновании стали В. Н. Рапопорт, Ю. А. Геллер, В. С. Коваль, Д. Е. Мельников, Л. Б. Черная. В частности, Рапопорт и Геллер в книге «Измена Родине» (М.: Стрелец, 1995) заявляют: «...убыль кадрового состава за два года чистки составила приблизительно 100 тысяч человек». Коваль в издании «Барбаросса: Истоки и история величайшего преступления империализма» (Киев: Наукова думка, 1989) уверяет, что за 1937–1938 годы «без войны в застенках и лагерях НКВД погиб почти весь великолепный офицерский корпус — становой хребет Красной армии». Ему вторят Мельников и Черная в своей книге «Тайны гестапо: Империя смерти» (М.:

Вече, 2001): «От рук палачей погиб весь средний командный состав».

Картина мрачная. Очень горько от нее на душе.

Репрессии в Большой террор жутким катком прокатились по тысячам людских судеб. Эти репрессии, как считают многие историки, тяжело аукнулись в Великую Отечественную войну.

Тем не менее известный сталинист Игорь Пыхалов, выпустив в 2005 году в свет большой военно-исторический труд «Великая Оболганная война» (М.: Яуза; Эксмо, 2005), вступил в бескомпромиссную полемику с «либеральными» псевдоисториками-ревизионистами, как он называет некоторых современных исследователей истории нашей страны, которые очерняют советское прошлое.

Он доказывает, что утверждения Яковлева, Коваля, Рапопорта, Геллера и других об уничтожении за два года чистки до 100 тысяч командно-политического состава Красной армии и Красного флота есть преднамеренное введение в заблуждение поколения россиян, родившихся в горбачевско-ельцинское время. Пыхалов приводит данные из архивов, например из документов Управления по командному и начальствующему составу РККА. Сошлюсь на один из таких документов, подписанный Ефимом Щаденко^[278], показывающий ход армейских чисток «врагов народа» в 1937–1938 годах:

«1. В 1937 г. арестованные по политическим мотивам (заговорщики, имевшие связь с заговорщиками), уволенные из РККА составляют — 15 578 чел., или 85 % к общему числу уволенных в 1937 г.

2. В 1938 г. арестованные по тем же мотивам, уволенные из РККА — 8 612 чел., или 52 % к общему

числу уволенных в 1938 г., т. е. почти в два раза меньше против 1937 г.»[\[279\]](#).

За два года, получается, репрессированы 24 390 человек. А еще 15 с лишним тысяч человек, где они? Ведь сам Ворошилов говорил, что цифра вычищенных весьма внушительная — около «четырех десятков тысяч».

Арестованные 24 390 человек — это «враги народа». Остальные несколько тысяч арестованы за убийства, хулиганство, хищения, растраты и иные преступления неполитического характера. Множество командиров разных степеней изгнаны из армии за пьянство, моральное разложение. Уволены из РККА иностранцы (латыши — 717, поляки — 1099, немцы — 620, эстонцы — 312, корейцы, литовцы и представители других национальностей), а также уроженцы заграницы и связанные с ней.

К сожалению, не обошлось без огульных, несправедливых обвинений, всякого рода судебных перекосов. Наряду с очисткой армии от реальных враждебных элементов часть начсостава была уволена и по необоснованным причинам.

Через время немалое число их было возвращено в ряды Красной армии. Главным образом это касалось капитанов, старших лейтенантов, лейтенантов и им равных.

Но вернемся к Ворошилову. Как с его участием проходила «радикальная и всесторонняя» чистка рядов РККА?

Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев в секретном докладе «О культе личности И. В. Сталина и его последствиях» на XX съезде КПСС, состоявшемся в Москве 14-25 февраля 1956 года, говоря о репрессиях во время Большого террора, привел ужасные факты

санкционирования массовых арестов одним росчерком пера генсека или кого-либо из ближнего его круга. В 1937–1938 годах Ежовым было послано в ЦК ВКП(б) 383 списка, включавших тысячи имен лиц, приговоры по которым требовали утверждения членами Политбюро. Сталиным было подписано 362 таких списка, Молотовым — 373, Ворошиловым — 195, Кагановичем — 191, Ждановым — 177...

Своеобразно принималось решение по делу «антисоветской троцкистской военной организации» Тухачевского. «Добро» на придание суду Военного трибунала маршала Тухачевского, командармов 1-го ранга Якира и Уборевича, командарма 2-го ранга Корка, комкоров Эйдемана, Фельдмана, Примакова, Путны было вынесено очень узким составом Политбюро в конце мая на совещании у Сталина; присутствовали только Молотов, Ворошилов и Ежов. Там же были определены наметки обвинительного заключения.

Ворошилов с того совещания наверняка уже знал, каким будет приговор Тухачевскому и его соумышленникам, поэтому в приказе № 072 от 7 июня 1937 года написал: «...Агент японо-немецкого фашизма Троцкий и на этот раз узнает, что его верные подручные гамарники и Тухачевские, якиры, уборевиичи и прочая сволочь, лакейски служившие капитализму, будут стерты с лица земли, и память их будет проклята и забыта»^[280].

Следствие по делу о контрреволюционном военно-фашистском заговоре в РККА группы во главе с Тухачевским длилось меньше месяца. 11 июня состоялось закрытое судебное заседание. Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР — армвоенюрист В. В. Ульрих, маршалы В. К. Блюхер, С. М. Буденный, командармы Я. И. Алкснис, Б. М. Шапошников, И. П. Белов, П. Е. Дыбенко и

Н. Д. Каширин, комдив Е. В. Горячев — приговорило заговорщиков к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества и лишением воинских званий. Приговор был приведен в исполнение сразу по завершении суда в ночь на 12 июня 1937 года.

В качестве ремарки. Пройдет небольшой период времени, и четверо из девяти членов Специального судебного присутствия Верховного суда СССР будут также расстреляны, как враги народа; один — маршал Блюхер — умрет от истязаний в тюрьме НКВД, в живых останутся Ульрих, Буденный, Шапошников и Горячев.

Процесс над группой Тухачевского как бы дал отмашку масштабному устранению «ненадежных» военных кадров. До конца июля попали под арест 980 командиров и политработников высшего состава. Были взяты на Лубянку военачальники: 21 комкор, 37 комдивов, 29 комбригов; комиссары — 7 дивизионных, 17 бригадных, 16 полковых.

Без Ворошилова здесь никак не обошлось.

Нарком обороны посылал Сталину записки с просьбами:

«Политбюро ЦК ВКП(б) тов. Сталину.

Прошу исключить из состава Военного совета при Народном комиссаре обороны СССР: Тухачевского М. Н., Эйдемана Р. П., Лонгва Р. В., Ефимова Н. А., Аппога Э. Ф., как исключенных ^[281] из рядов РККА».

«Прошу исключить из состава Военного совета Горбачева, Казанского, Корка, Кутякова, Фельдмана, Лапина, Якира, Уборевича, Германовича, Сангурского, Ошлея и других...»

Этак может стать, что весь Военный совет при Наркомате обороны окажется «шпионским»...

Ворошилов энергично зачищал РККА. И этого он настойчиво требовал от подчиненных. На одном из заседаний Военного совета при наркомате обороны он

жестко упрекал командующего войсками Белорусского военного округа Ивана Панфиловича Белова, что «чистка» в его округе проводится слабо; позже Белова расстреляют как участника антисоветского военного заговора.

Ворошилов работал в тесном контакте с Ежовым. Он чутко реагировал на все запросы НКВД. Когда в конце мая 1937 года Ежов прислал в Наркомат обороны список фамилий двадцати шести командиров — работников Артиллерийского управления РККА, на которых имелись показания как на участников военно-троцкистского заговора, Ворошилов без раздумий наложил на нем резолюцию: «Тов. Ежову. Берите всех подлецов».

Начальник Особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД Израиль Леплевский обратился к Ворошилову с просьбой, чтобы тот дал согласие на арест семнадцати командиров — «участников антисоветского заговора». Нарком обороны немедленно отреагировал на просьбу Леплевского. «Не возражаю. К. В.», — написал он на обращении начальника ОО ГУГБ НКВД.

Через небольшой промежуток времени тот же Леплевский направил наркому обороны обращение на арест командира 26-й кавалерийской дивизии Ефима Сергеевича Зыбина^[282]. И вскоре получил обращение назад с резолюцией: «Арестовать. К. В.».

В книге «1937 год: Элита Красной армии на голгофе» Николай Черушев приводит многочисленные факты санкционирования Ворошиловым арестов командиров и политработников Красной армии.

Наркомат внутренних дел СССР регулярно получал письма из Наркомата обороны с резолюциями Ворошилова на справках начальника Особого отдела

ГУГБ НКВД. Вот одно из них, датированное августом 1937 года.

«1. О зам. нач. политуправления КВО корпусном комиссаре Хорош М. Л. «Арестовать. К. В.».

2. О командире-комиссаре 1-го кав. корпуса комдиве Демичеве М. А. «Арестовать. К. В.».

3. О нач. отдела связи КВО комбриге Игнатовиче Ю. И. «Арестовать. К. В.».

4. О командире кав. корпуса комдиве Григорьеве П. П. «Арестовать. К. В.».

5. О командире 58-й СД комбриге Капцевиче Г. А. «Арестовать. К. В.».

6. О начальнике 2-го отдела штаба КВО полковнике Родионове М. М. «Арестовать. К. В.»...

Таких «автографов» «Арестовать. К. В.» Климент Ефремович Ворошилов поставил на справках Особого отдела ГУГБ НКВД в августе 1937 года более ста сорока.

Давал Ворошилов санкции на арест военнослужащих и в 1938 году. Заместитель наркома НКВД Михаил Фриновский обратился к нему за утверждением списка фамилий пятнадцати военачальников, подлежащих изоляции. Нарком обороны начертил на списке: «Согласен на арест указанных лиц. К. В. 19.V.38».

В том же 1938-м Ворошилов отдал на «съедение» Лаврентию Берию прославленного маршала Василия Константиновича Блюхера, кавалера орденов № 1 — Красного Знамени и Красной Звезды.

Приведу несколько телеграмм наркома обороны в ответ на запросы руководителей округов, флотов, армий разрешить им подвергнуть репрессиям подчиненных командиров и политработников, подозреваемых в военно-троцкистских антисоветских заговорах:

«Хабаровск. Блюхеру. Хаханьяну. На № 1587. Арестовать.

1 июня 1937 г. *К. Ворошилов*»,
«Свердловск. Гойлиту. На № 117. Найти, арестовать
и строжайше судить.

1 июля 1937 г. *К. Ворошилов*».

«Смоленск. Белову. Мезису. На № 475. Арестуйте.

1 июля 1937 г. *К. Ворошилов*».

«Владивосток. Кирееву, Окуневу. На № 2454.
Уволить, а если есть подозрения, что он замешан в
делах жены, арестовать.

21 июля 1937 г. *К. Ворошилов*».

«Ленинград. Дыбенко, Магеру. На № 16757.
Разрешаю судить.

22 июля 1937 г. *К. Ворошилов*».

«Тбилиси. Куйбышеву, Ансе. На № 342. Уволить. На
№ 344. Судить и расстрелять. На № 346. Уволить.

2 октября 1937 г. *К. Ворошилов*»...

Черушев пишет, ему непонятно отношение
Ворошилова к людям, с которыми он еще недавно
работал вместе, рука об руку, со многими из них тесно
общался два десятилетия, начиная с революции и
Гражданской войны. Почему они вдруг стали заклятыми
врагами советской власти? И стали ли таковым в
действительности? Надо же разобраться. Нет,
Ворошилов этого не делает, он всецело полагается на
НКВД.

По свидетельству Черушева, в секретариат
Наркомата обороны в 1937-м и в последующие годы
поступали ежедневно десятками, сотнями письма от
брошенных подручными Ежова в тюремные подвалы,
исправительно-трудовые лагеря военачальников, от их
родных, близких, от товарищей по службе. Письма эти
— упования к любимому наркому, который спасет
обреченных на гибель зачастую ни в чем не повинных
заслуженных военных людей. Их слали Ворошилову со
всех концов Советского Союза. Писали либо из
тюремных камер узники, ждущие решения своей

участи, либо уже осужденные, из лагерей, ссылок и поселений. Содержание писем репрессированных одинаковое:

«Дорогой Климент Ефремович!

Помогите справедливо разобраться с моим делом, на мне вины нет... Спасите от произвола органов НКВД».

Родители, жены, дети арестованных умоляли первого маршала страны, члена сталинского Политбюро:

«Вы же знаете моего сына... [мужа... отца...] Вы же можете помочь ему! Одно ваше слово в его защиту, и дело будет пересмотрено...»

Черушев с великим сожалением говорит, что Ворошилов в то время заявлял: он на подобные письма и запросы не отвечает. А читал ли нарком эти письма? Понятно, что не читал. При самом горячем желании, если бы оно появилось у него, познакомиться с содержанием даже небольшой их части просто физически не смог бы. А уж при нежелании...

Но у Ворошилова был большой секретариат, там же письма как-то обрабатывались, и некоторые из них наверняка наркому докладывались. Известно ведь, что он был ознакомлен с письмами-просьбами находившихся в заключении комкоров Александра Тодорского, Николая Лисовского, Степана Богомякова, коринженера^[283] Якова Фишмана, корветврача^[284] Николая Никольского, корпусного комиссара Якова Волкова.

При написании книги Черушев просмотрел в архиве Главной военной прокуратуры большое количество дел надзорного производства на арестованных и осужденных в 1937–1938 годах Маршалов Советского Союза, командармов 1-го и 2-го ранга, армейских комиссаров 1-го и 2-го ранга, комкоров, корпусных

комиссаров и им равных. На документах дел, кроме запросов на согласие ареста, он не обнаружил пометок, сделанных Ворошиловым. Ни одного обращения арестованных военнослужащих к наркому обороны (в том числе Тодорского, Лисовского, Богомягкова, Фишмана, Никольского, Волкова), ни одного письма членов семей не коснулось перо Климента Ефремовича. Есть подчеркивания (карандашные и чернильные), но они все сделаны или рукой следователя, или надзирающего прокурора.

Как же так? Главному военному начальнику безразличен комначсостав страны... Он глух и нем к судьбам и боли тысяч своих подчиненных...

Ужасный век, ужасные сердца...

Как прав А. С. Пушкин, раскрывая в своих «Маленьких трагедиях» философский смысл истины жизни, вечные законы человеческого бытия, убеждая нас в том, что из века в век идет борьба. Разжигают ее алчность, жадность, скупость, человеконенавистничество, праздность, трусость, зависть и другие человеческие пороки.

Незнаменитая Финская кампания

1939-1940-е годы. Для руководства и народа Советского Союза они были временем тревог и испытаний, как внутренних, так и внешних. Внутри страны еще не прошел болезненный синдром Большого террора. Внешние отношения с западными державами строились на грани риска: в чем-то СССР выигрывал, в чем-то проигрывал.

В 1939-м (весна — осень) произошел военный конфликт с японцами на реке Халхин-Гол. 23 августа был заключен Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. Тогда же к нему был подписан

секретный дополнительный протокол Молотова — Риббентропа, в котором Германией было обещано не вмешиваться в какие-либо конфликтные ситуации, которые могут возникнуть у Советского Союза с Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией.

Наше правительство стремилось создать альянс четырех держав: СССР, Англии, Франции, Польши, чтобы решить вопрос коллективной безопасности в Европе, но страны отказались от советского предложения. Это была серьезная политическая ошибка Запада; если бы Четверной союз государств осуществился, Гитлер не развязал бы Вторую мировую войну.

2 сентября Германия вторглась в Польшу, началась ее оккупация немцами. Полный захват польской территории означал установление Третьим рейхом общей границы с Советским Союзом.

17 сентября СССР ввел свои войска в пределы Польши в районе севернее и южнее Припятских болот. Ввод советских дивизий был согласован с германским правительством и проходил в соответствии с секретным дополнительным протоколом. Это было объяснено несостоятельностью польского правительства, реальным распадом Польского государства и необходимостью обеспечения защиты украинцев, белорусов и евреев, проживающих в восточных областях Польши. Поляки не оказали сопротивления частям Красной армии.

Польша была поделена между Германией и СССР. Земли к востоку от рек Западный Буг и Сан присоединялись к Украинской ССР и Белорусской ССР, что увеличило территорию Советского Союза на 196 тысяч квадратных километров, а население — на 13 миллионов человек. Это в основном были области Западной Украины и Западной Белоруссии, занятые Польшей в ходе Советско-польской войны в 1921 году.

Германия расширилась за счет северо-западной части Польши, примыкающей к Восточной Пруссии, вплоть до Варшавы. Гитлер своим декретом от 8 октября 1939 года провозгласил захваченные воеводства: Познанское, Поморское, Силезское, Лодзинское, несколько районов Келецкого и Варшавского, где проживали более 9 миллионов польского населения — немецкими.

Первое отодвигание границ СССР в сторону запада за счет возвращения отторгнутых ранее территорий Западной Украины и Западной Белоруссии создало прецедент для последующих шагов в этом направлении. В частности, была сделана попытка мирным путем несколько сместить советско-финляндскую границу от Ленинграда на расстояние, недостижимое для огня дальнобойной артиллерии. Здесь у Карельского перешейка между Финляндией и второй столицей СССР было всего 32 километра.

В октябре 1939 года в Москве советские и финляндские делегации провели по этому поводу три раунда переговоров.

Сталин говорил на переговорах с финнами:

— Мы ничего не можем поделаться с географией, так же как и вы. Поскольку Ленинград передвинуть нельзя, придется отодвинуть от него подальше границу. Давайте решим проблему по-доброму.

Правительство СССР предложило премьер-министру Финляндии Аймо Каарло Каяндеру заключить договор о взаимопомощи, но тот ответил отказом.

Россия еще в декабре 1917 года признала независимость Финляндии. В 1932-м между СССР и республикой Суоми^[285] был заключен договор о ненападении и мирном улаживании военных

столкновений. Однако на протяжении более двух десятилетий действия Финляндии вызывали у советского руководства озабоченность. Финляндское правительство вело себя по отношению к Советскому Союзу недружелюбно. Президент Пер Эвинд Свинхувуд говорил: «Любой враг России должен быть всегда другом Финляндии». Финской стороной неоднократно высказывались претензии на советскую территорию, время от времени совершались на границе всякого рода провокации.

Финны постоянно тяготели к Германии, которая значилась союзником Хельсинки, и не прочь были при случае предоставить свою территорию для немецких войск. Зная это, советское руководство тревожилось за близость на Карельском перешейке границы к одному из самых стратегически важных городов страны — Ленинграду.

После того как Финляндия отказалась заключить договор о взаимопомощи, Советский Союз предложил ей обменяться территориями — части Карельского перешейка на большое пространство на Петрозаводском направлении. Она отказалась и от этого предложения. Так же отрицательно отреагировала и на просьбу СССР о размещении советских военных баз на ее территории по подобию Эстонии, Латвии и Литвы^[286].

Несговорчивость финнов озлобляла Сталина. Он видел — к компромиссу с ними не прийти. Оставался только военный вариант решения вопроса, который давно зрел в голове генсека.

Сталин поделился с Ворошиловым идеей вооруженным путем расширить приграничную зону на Карельском перешейке. Военный нарком поддержал

вождя: «Что той Финляндии?.. Мы с ней справимся в два счета».

Так что к «маленькой победоносной войне» с Финляндией исподволь начали готовиться уже летом 1939 года.

Бывший командующий войсками Ленинградского военного округа Кирилл Афанасьевич Мерецков в своих воспоминаниях «На службе народу» пишет, что в июне 1939 года его вызвал Сталин. В кремлевском кабинете генсека в то время находился видный работник Коминтерна, известный деятель ВКП(б) и мирового коммунистического движения Отто Куусинен. Мерецкова детально ввели в курс общей политической обстановки и рассказали об опасениях, которые возникли у руководства страны в связи с антисоветской линией финляндского правительства. Финляндия легко может стать плацдармом действий против СССР для каждой из двух главных буржуазных империалистических группировок — немецкой и англо-франко-американской и тем самым может превратиться «в науськиваемого на нас застрельщика большой войны». В этой связи Мерецкову предлагалось подготовить докладную записку с планом прикрытия границы от агрессии и контрудара по вооруженным силам Финляндии в случае военной провокации с их стороны.

Сталин говорил Мерецкову о возможном нападении финской стороны. Это, конечно, была обычная «игра» вождя. Ею он скрывал истинное намерение самому первым ударить по финнам. Он, предлагая Мерецкову составить докладную записку о прикрытии границы от агрессора и о контрударе как противодействии нападению, приказал готовить войска к боевым действиям — скрытно, не вызывая никаких подозрений у окружающих.

Кирилл Афанасьевич пишет далее о втором его вызове в Москву в конце июля. Теперь он докладывал Сталину и Ворошилову план прикрытия границы и контрудара по Финляндии. Доклад они одобрили, Сталин посоветовал контрудар осуществить в максимально сжатые сроки.

Кроме предложенного Мерецковым варианта плана контрудара у Сталина имелись и другие варианты. Одним из них был план маршала Б. М. Шапошникова — начальника Генерального штаба. Шапошников считал удар по Финляндии непростым делом и полагал, что он потребует как минимум нескольких месяцев напряженной и трудной войны даже в случае, если крупные империалистические державы не войдут прямо в столкновение с Советским Союзом.

Осенью 1939 года был проведен Главный военный совет, на котором под руководством Шапошникова были разработаны стратегия и тактика военных действий против Финляндии. Шапошников, зная характер укреплений на финской границе, учитывая те реальные трудности, которые неизбежно возникнут в связи с необходимостью их прорыва, а также силы, которые потребуются для этого, предостерегал: боевая кампания для Красной армии будет непростой.

Сталин тем не менее уже прикидывал возможные итоги войны с Финляндией. Нарком обороны Ворошилов заверял его, что война будет малокровной и кратковременной. Настроенный Ворошиловым на легкую победу генсек раскритиковал план Шапошникова и отверг его. Главный военный совет поручил штабу Ленинградского военного округа разработать новый. Новый план был сориентирован на мнение Сталина о том, что война продлится недолго и победа будет одержана с минимальными потерями.

Шапошникова отправили в отпуск. Когда начнется Советско-финляндская война, начальника Генерального

штаба даже не поставят об этом в известность.

Войска Ленинградского военного округа пересекли границу с Финляндией 30 ноября 1939 года.

Формальным поводом начала Советско-финляндской войны 1939–1940 годов, Северной, или Финской кампании, как потом ее будут называть в СССР и на Западе, послужил инцидент, произошедший 27 ноября у приграничной деревушки Майнила на Карельском перешейке. Располагавшийся там воинский пост был подвергнут артиллерийскому обстрелу, в результате чего погибло четверо и ранено девять бойцов Красной армии. Пограничники СССР обвинили в обстреле финнов. Финляндия категорически отвергла обвинения. Пошел слух, будто обстрел произвела в провокационных целях сама советская сторона. Историки до сих пор разгадывают этот странный ребус...

Официально Советский Союз еще не объявил войну, но президент Финляндии Кюёсти Каллио^[287] сразу после вторжения сил Красной армии в финские пределы сделал заявление, что «в целях поддержания обороны страны» он считает Финляндию в состоянии войны с СССР.

Против Финляндии на всем протяжении границы были сосредоточены четыре армии: 7, 8, 9 и 14-я. 7-я армия — на Карельском перешейке, 8-я — севернее Ладожского озера, 9-я — в Карелии, 14-я — в Заполярье.

На главном направлении, на Карельском перешейке, действовала 7-я армия в составе девяти стрелковых дивизий, одного танкового корпуса, трех танковых бригад, много артиллерийских частей и авиации. 7-ю армию поддерживал Балтийский флот.

Война для СССР с первых дней обернулась сплошным кошмаром тяжелых боев. Карл Густав

Маннергейм — председатель Совета государственной обороны Финляндии, главнокомандующий финской армией — сумел блестяще организовать оборону страны. Так называемая линия Маннергейма с мощными дотами и дзотами стала непреодолимым препятствием для солдат и боевой техники Красной армии. Финны ожесточенно бились, отстаивая занимаемые рубежи. Полегло множество красноармейцев, взламывавших неприступную систему оборонительных сооружений...

Встретив упорное сопротивление маленькой страны, советское командование было вынуждено на некоторое время приостановить боевые действия. На Карельском перешейке была срочно сформирована еще одна, новая армия — 13-я и образован Северо-Западный фронт под командованием командарма 1 — го ранга Семена Константиновича Тимошенко. Членом Военного совета фронта стал Жданов.

С 11 февраля наступление советских войск возобновилось. Значительно пополнившись живой силой и техникой, Красная армия всей своей удвоенной мощью обрушилась на финскую оборону. Вначале, в течение нескольких дней, шла массированная бомбардировка главной полосы линии Маннергейма тяжелой артиллерией и авиацией. Потом — яростные атаки пехоты. В результате трехдневного штурма была прорвана первая линия обороны. 17 февраля финны отошли на вторую линию. В течение 21-28 февраля была прорвана вторая полоса обороны, советские части вышли на оперативный простор.

В финляндском правительстве окончательно поняли: шансов на продолжение борьбы не осталось, и оно обратилось к СССР с предложением начать переговоры. 12 марта в Москве был заключен мирный договор. Но война еще продолжалась — 13 марта советские войска провели штурм Выборга и овладели им.

Согласно заключенному мирному договору, к СССР отошли Карельский перешеек, крупные города Выборг и Сортавала, ряд островов в Финском заливе, часть финской территории с городом Куолаярви, часть полуостровов Рыбачий и Средний. Ладожское озеро стало внутренним озером СССР. Советский Союз получил в аренду часть полуострова Ханко (Гангут) сроком на 30 лет под военно-морскую базу.

Это — большой выигрыш от войны. Но Советское государство серьезно пострадало на международной арене: СССР был объявлен агрессором и исключен из Лиги Наций.

По итогам закончившейся войны значительная часть ее участников была отмечена государственными наградами: медалями, орденами, присвоением звания Героя Советского Союза.

Финская кампания обошлась стране тяжелейшими человеческими жертвами. Красная армия потеряла 126 875 солдат и командиров. Из них убитыми в сражениях — 65 384 человека, остальные — пропавшие без вести, умершие. Ранеными, обмороженными, контуженными, заболевшими — 265 тысяч, пленными — 5567 человек.

Итого: общая убыль в советских войсках за 105 дней военных действий составила 391 800 человек.

Финская сторона потеряла, по современной оценке, убитыми 48 300 (в финской «Сине-белой книге» 1940 года указывалась цифра убитых — 24 912) человек. Ранеными — 250 тысяч (по финским данным — 45 тысяч), пленными — 806 человек.

Данные о потерях в Советско-финляндской войне с обеих сторон на протяжении уже многих лет и в советское время, и теперь, постоянно варьируются от завышения к занижению и наоборот.

О Финской кампании историки при жизни Сталина, да и потом не очень распространялись. Лишь когда

распался Советский Союз, многие из них в полный голос заговорили о том, что для СССР она была позором, намеренно умалчивая, что мы, увеличив территорию, отодвинули госграницу от Ленинграда. О Красной армии сложилось весьма неблагоприятное впечатление, хотя всем понятно, что в «зимней войне» финны не могли избежать поражения от советских вооруженных сил. Но какой ценой для СССР было нанесено это поражение...

Известный советский поэт Александр Твардовский в 1943 году написал стихотворение «Две строчки», в котором не побоялся бросить тень на Советско-финляндскую войну:

*Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду...
Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу,
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незначительной,
Забывший, маленький, лежу.*

14—17 апреля 1940 года состоялось заседание Главного военного совета РККА с участием как высшего командного состава с Финского фронта, так и командующих округов и армий. Выступивший на заседании Сталин подверг суровой критике Наркомат обороны и лично Ворошилова. Говоря об уроках Советско-финляндской войны, он подчеркнул, что культ

опыта Гражданской войны помешал нашим командирам перестроиться на новый лад.

Главный военный совет принял решение по улучшению вооружения, оснащения, обобщения боевого опыта и другим мерам по укреплению боеспособности Красной армии.

По итогам заседания Ворошилов был смещен с занимаемой должности, на его место назначен Семен Константинович Тимошенко. Новому наркому обороны было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Был снят с поста начальника Генштаба РККА маршал Шапошников с мягкой формулировкой «по состоянию здоровья». Его назначили заместителем наркома обороны СССР по сооружению укрепленных районов (УР). В Генштаб был поставлен генерал армии Мерецков, в январе 1941 года его сменит генерал армии Георгий Константинович Жуков...

7 мая 1940 года маршал Тимошенко принял от Ворошилова Наркомат обороны Союза ССР в присутствии комиссии в составе Андрея Жданова (председатель), Георгия Маленкова (секретарь) и Николая Вознесенского (член комиссии). В «Акте о приеме Наркомата Обороны Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е.»^[288] отмечены серьезные недостатки и упущения в работе Наркомата обороны по подготовке Красной армии к войне.

Смещенный с наркомства Климент Ефремович Ворошилов не был отправлен на задворки истории. Наоборот, Сталин повысил положение своего верного друга: Ворошилов стал заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР, председателем Комитета обороны при СНК СССР.

ФАШИСТСКИЕ ОРДЫ ВТОРГЛИСЬ В СССР

И грянула гроза

О том, что Гитлер рано или поздно нападет на Советский Союз, никто не сомневался, вопрос лишь в том: когда конкретно?

Всякое ожидаемое всегда приходит неожиданно. Парадокс — противоречие здравому смыслу, ситуация, не имеющая логического объяснения, может тем не менее существовать в реальности. Именно так случилось с началом войны фашистской Германии против СССР.

22 июня 1941 года. Предутреннее время — 3 часа 30 минут. Сосредоточенные вдоль советской границы на протяжении 3 тысяч километров от Балтийского моря до Черного немецкие войска: 120 дивизий и 2 бригады и на южном фланге — 13 дивизий и 9 бригад королевской Румынии без объявления войны вторглись в пределы Советского Союза.

Это было для советского народа неожиданностью, для руководства страны — шоком.

Четыре с половиной часа назад в Кремле закончилась череда совещаний, которые проводил Сталин. И вдруг...

Утром в субботу 21 июня нарком иностранных дел Молотов имел телефонный разговор с генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Георгом Димитровым. Димитров сообщил о неизбежном нападении Германии на СССР. То, что ответил ему

Молотов, он записал в своем дневнике: «Положение неясно. Ведется большая игра. Не все зависит от нас. Я переговорю с И. В. Если будет что-то особое, позвоню»^[289].

В тот же субботний день в Наркоминдел был вызван посол Германии в СССР Фридрих Вернер фон Шуленбург. Ему была предъявлена копия вербальной ноты^[290] о нарушении самолетами Третьего рейха советских границ. Потом Молотов с тревогой спросил посла: «Что происходит, господин Шуленбург, в советско-германских отношениях?..»

Приведу полностью запись беседы Молотова с фон Шуленбургом:

«21.06.1941.

Шуленбург явился по вызову. Тов. Молотов вручил ему копию заявления по поводу нарушения германскими самолетами нашей границы, которое должен был сделать тов. Деканозов Риббентропу или Вайцзеккеру.

Шуленбург отвечает, что это заявление он передаст в Берлин, и заявляет, что ему ничего не известно о нарушении границы германскими самолетами, но он получает сведения о нарушениях границы самолетами другой стороны.

Тов. Молотов отвечает, что со стороны германских пограничных властей у нас очень мало имеется жалоб на нарушения германской границы нашими самолетами. Какие-либо нарушения границы с нашей стороны представляют собой редкое явление, и они неизбежны, например из-за неопытности летчиков в отдельных случаях. Нарушения границы германскими самолетами носят иной характер. Тов. Молотов заявляет Шуленбургу, что герм. прав., должно быть, даст ответ на наше заявление. Затем тов. Молотов говорит Шуленбургу, что хотел бы спросить его об общей

обстановке в советско-германских отношениях. Тов. Молотов спрашивает Шуленбурга, в чем дело, что за последнее время произошел отъезд из Москвы нескольких сотрудников германского посольства и их жен, усиленно распространяются в острой форме слухи о близкой войне между СССР и Германией, что миролюбивое сообщение ТАСС от 13 июня в Германии опубликовано не было, в чем заключается недовольство Германии в отношении СССР, если таковое имеется? Тов. Молотов спрашивает Шуленбурга, не может ли он дать объяснения этим явлениям.

Шуленбург отвечает, что все эти вопросы имеют основание, но он на них не в состоянии ответить, так как Берлин его совершенно не информирует. Шуленбург подтверждает, что некоторые сотрудники германского посольства действительно отозваны, но эти отзывы не коснулись непосредственно дипломатического состава посольства. Отозван военноморской атташе Баумбах, лесной атташе, который не имел никакого значения. Из командировки в Берлин не вернулся Ашенбреннер — военно-воздушный атташе. О слухах ему, Шуленбургу, известно, но он не может дать им никакого объяснения.

Тов. Молотов заявляет, что, по его мнению, нет причин, по которым Германское правительство могло бы быть недовольным в отношении СССР. Советско-югославский пакт, который так раздували за границей, как противоречащий советско-германским взаимоотношениям, ограничен, как я ранее пояснял, узкими рамками и не мог отразиться на наших взаимоотношениях. В настоящее время этот вопрос вообще потерял свою актуальность.

Шуленбург повторяет, что он не в состоянии ответить на поставленные вопросы. В свое время он был принят Гитлером. Гитлер спрашивал его, Шуленбурга, почему СССР заключил пакт с Югославией. О

концентрации германских войск на советской границе Гитлер сказал ему, что это мероприятие принято из предосторожности. Он, Шуленбург, разумеется, телеграфирует о сказанном ему сегодня, но, может быть, целесообразно получить соответствующую информацию от тов. Деканозова. Он, Шуленбург, слышал сообщение английского радио, что тов. Деканозов был принят несколько раз Риббентропом. Германское радио ничего не сообщало об этом.

Тов. Молотов отвечает, что ему известно это сообщение английского радио. Оно не соответствует действительности.

В заключение тов. Молотов выражает сожаление, что Шуленбург не может ответить на поставленные вопросы»^[291].

Вечером 21 июня в кремлевском кабинете Сталина шло совещание. Кто на нем присутствовал? Согласно журналу записи посетителей кабинета генсека, с 19.05 до 20.50 у Сталина находились: К. Е. Ворошилов, председатель Комитета обороны при Совнаркоме, по этой должности заместитель Сталина на посту предсовнаркома, член Политбюро; Л. П. Берия, нарком внутренних дел, кандидат в члены Политбюро; Н. А. Вознесенский, председатель Госплана, кандидат в члены Политбюро; Г. М. Маленков, начальник Управления кадров ЦК, кандидат в члены Политбюро; А. А. Кузнецов, секретарь Ленинградского горкома; С. К. Тимошенко, нарком обороны, член ЦК ВКП(б); И. А. Сафонов, начальник мобилизационно-планового отдела Комитета обороны при Совнаркоме.

В 20.15 Вознесенский, Кузнецов, Тимошенко, Сафонов и Берия покинули кабинет, остались только Сталин, Молотов, Ворошилов, Маленков. В 20.50 вернулся Тимошенко в сопровождении двух своих заместителей — С. М. Буденного, первого заместителя

наркома обороны, члена ЦК, и Г. К. Жукова, начальника Генерального штаба Красной армии, кандидата в члены ЦК.

В 21.55 к совещавшимся присоединился Л. З. Мехлис, нарком Государственного контроля, член Оргбюро ЦК (кстати, совещание он покинул уже в должности начальника Главного управления политической пропаганды РККА).

Почти час еще длилось совещание. Лишь к одиннадцати ночи кабинет генсека опустел.

Какие вопросы решали в эти напряженные часы руководители страны и РККА? Когда Гитлер отдаст приказ своим войскам атаковать СССР? Что делать в преддверии неминуемой войны?

На первом совещании, видимо, рассматривалась возможность эффективного отпора врагу. Затем — основные черты чрезвычайного плана мобилизации ресурсов страны на нужды войны, если она начнется.

На втором совещании набрасывался неотложной важности проект документа Политбюро. В него закладывались постановления:

«I. 1). Организовать Южный фронт в составе двух армий с местопребыванием Военного совета в Виннице.

2). Командующим Южного фронта назначить т. Тюленева, с оставлением за ним должности командующего МВО.

3). Членом Военного совета Южфронта назначить т. Запорожца.

II. Ввиду откомандирования тов. Запорожца членом Военного совета Южного фронта, назначить т. Мехлиса начальником Главного управления политической пропаганды Красной Армии, с сохранением за ним должности наркома госконтроля.

III. 1). Назначить командующим армиями второй линии т. Буденного.

2). Членом Военного совета армий второй линии назначить секретаря ЦК ВКП(б) т. Маленкова.

3). Поручить наркому обороны т. Тимошенко и командующему армиями второй линии т. Буденному организовать штаб с местопребыванием в Брянске.

IV. Поручить нач. Генштаба т. Жукову общее руководство Юго-Западным и Южным фронтами с выездом на место.

V. Поручить т. Мерецкову общее руководство Северным фронтом с выездом на место.

VI. Назначить членом Военного совета Северного фронта секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) т. Кузнецова»^[292].

Пока это был черновик решения Политбюро. Станет ли он официальным документом...

В первые часы и впоследствии в первые дни Великой Отечественной войны, по свидетельству отдельных тогдашних партийных и государственных деятелей, а также по мнению большинства историков, у политического руководства Советского Союза случился кризис. Речь идет прежде всего о Сталине. Он на некоторое время утратил способность к управлению государством.

В своих воспоминаниях «Так было» Анастас Иванович Микоян, ссылаясь на Молотова, дает следующее определение кризиса, в который впал вождь: у Сталина такая прострация, что он ничем не интересуется, потерял инициативу, находится в плохом состоянии.

Впасть в такое состояние было от чего. Немцы нанесли по советским пограничным заставам и укреплениям невиданной силы артиллерийские удары. Одновременно эскадры германской авиации обрушили тысячи тонн смертоносного груза на аэродромы, мосты,

склады, железные дороги, военно-морские базы, линии и узлы связи, на спящие города.

Гитлер двинул на СССР вооруженную силу в 5,5 миллиона человек, около 4300 танков и штурмовых орудий, до 5 тысяч боевых самолетов, 47 200 орудий и минометов. Ей противостояли пять советских западных приграничных округов и трех флотов, которые почти вдвое уступали противнику в живой силе и технике. В первом эшелоне фашистских армий наступало 103 дивизии, в том числе 10 танковых. С советской стороны их встретили только 56 стрелковых и кавалерийских дивизий.

На направлениях главных ударов немцы создали против войск Красной армии подавляющее превосходство. К исходу начального дня войны их мощные танковые группировки на многих участках фронта вклинились вглубь территории СССР на расстояние от 25 до 35, местами даже до 50 километров. Аэродромы, склады в этой полосе были выведены из строя либо захвачены. 22 июня уничтожено 1200 советских самолетов, 23-го — еще 1300. Сожжены огромные запасы боеприпасов, горючего, амуниции и продовольствия.

Внезапно атакованные превосходящими силами фашистов части Красной армии были вынуждены вступать в тяжелые бои без необходимой подготовки и без завершения боевого развертывания, будучи укомплектованными на 60–70 процентов до штатов военного времени с ограниченным количеством материальных средств, транспорта, связи, нередко без воздушной и артиллерийской поддержки.

Красноармейцы попадали в окружение сотнями, тысячами, терпели тяжелые поражения, массово сдавались в плен.

К 10 июля глубина вражеского вторжения на решающих направлениях составит уже от 300 до 600

километров. В руках противника окажется 200 складов со стратегическими запасами горючего, боеприпасов и вооружения.

За первые три недели войны, как позже выяснится, противнику удалось полностью разгромить 28 советских дивизий. Кроме того, более семидесяти двух дивизий понесли потери в людях и боевой технике (от 50 процентов и выше). Общие наши потери только в дивизиях без учета частей усиления и боевого обеспечения за это время составили порядка 850 тысяч человек, до 6 тысяч танков, 6,5 тысячи орудий калибра 76 миллиметров и выше, 3 тысячи противотанковых орудий, 12 тысяч минометов.

Противник потерял около 100 тысяч солдат и офицеров, более 1700 танков и штурмовых орудий и 950 самолетов^[293].

Каким бы тяжелым ни был кризис у руководства Советского Союза, тем не менее в утренние часы 22 июня Политбюро ЦК ВКП(б) срочно собралось для принятия неотложных мер в связи с фашистским нападением. Наряду с экстренными мерами военного характера было принято решение выступить по радио с обращением к населению страны. Все члены Политбюро считали, что это должен сделать Сталин — глава коммунистической партии, вождь советского народа. Но вождь отказался и предложил поручить выступление Молотову. Члены Политбюро активно возражали. Сталин объяснил свою позицию тем, что общая политическая ситуация еще до конца неясна, что он выступит позже, когда обстановка на фронтах прояснится и можно будет сделать более взвешенное и определенное заявление. Сталин сдержит обещание и 3 июля обратится к советскому народу по поводу начала Великой Отечественной войны.

В полдень 22-го по Всесоюзному радио выступил Молотов. В последующие дни текст его выступления будет опубликован во всех газетах рядом с портретом Сталина.

Молотов обращался к гражданам и гражданкам Советского Союза:

«Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении, и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей... — В конце обращения он произнес слова, которые в будущем станут историческими: — Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»^[294].

Спустя день постановлением СНК и ЦК ВКП(б) была образована Ставка Главного командования. Приведу документ.

«№ 1724-733сс

23 июня 1941 г. Совершенно секретно

Особая папка

Не для опубликования

Совет Народных Комиссаров Союза ССР

и Центральный Комитет ВКП(б)

постановляют:

Создать Ставку Главного Командования Вооруженных Сил Союза ССР в составе т.т. Наркома обороны Маршала Тимошенко (председатель), начальника Генштаба Жукова, Сталина, Молотова, Маршала Ворошилова, Маршала Буденного и Наркома Военно-Морского Флота адмирала Кузнецова.

При Ставке организовать институт постоянных советников Ставки в составе т.т. Маршала Кулика, Маршала Шапошникова, Мерецкова, начальника Военно-Воздушных Сил Жигарева, Ватутина, начальника ПВО Воронова. Микояна, Кагановича, Берия, Вознесенского, Жданова, Маленкова, Мехлиса.

Председатель Совнаркома СССР,

Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин»^[295].

С этого момента все директивы по действующей армии подписывались председателем Ставки или по поручению Ставки — начальником Генштаба.

***Главнокомандующий Северо-Западным
направлением***

Поздно вечером лейтенант Михаил Петров шел по коридору Совнаркома к комнате секретариата Комитета обороны и вдруг увидел идущих ему навстречу Сталина,

Ворошилова и Микояна. Вначале оробел. Но тут же, взяв себя в руки, встал по стойке «смирно», держа равнение на Сталина. Тот, приблизившись, слегка приподнял руку и с улыбкой поприветствовал стушевавшегося лейтенанта.

Михаил впервые так близко видел Иосифа Виссарионовича — Хозяина. На завтра он с волнением расскажет об этой встрече с вождем своему товарищу Сергею Соколову.

Михаил Петров по окончании в 1937 году Ярославского военно-хозяйственного училища был направлен на работу в Комитет обороны при Совете народных комиссаров СССР. Определили его в секретариат, которым в то время руководил Иван Андреевич Сафонов.

В секретариате он работал прилежно, не раз отмечался Сафоновым. Кроме того, проявил себя активным комсомольцем, его избрали заместителем секретаря комитета ВЛКСМ Управления делами Совнаркома, поручили вести сектор оборонно-массовой работы. Вскоре он был принят кандидатом в члены ВКП(б). Через год Ленинский райком города Москвы дал ему рекомендацию для зачисления на заочное отделение в Военно-хозяйственную академию, размещавшуюся в Харькове.

В мае 1940-го Михаил поехал в академию на экзаменационную сессию, и тут из Москвы ему вслед — телеграмма за подписью полковника Щербакова: Петров должен вернуться в столицу в связи с назначением его во вновь формируемый секретариат председателя Комитета обороны Ворошилова.

Петров уже знал, что Ворошилов оставил пост наркома обороны и получил сразу две новые по совместительству должности — заместителя

председателя правительства и председателя Комитета обороны при СИ К СССР.

Михаил ответной телеграммой попросил Щербакова разрешения задержаться в Харькове на пять дней для сдачи экзаменов. Разрешение было дано.

Он успешно сдал сессию и отбыл в Москву. Там его ждала работа под началом полковника Леонида Андреевича Щербакова, который теперь возглавлял секретариат вместо Сафонова. В новый секретариат кроме Петрова и нескольких служащих вошли подполковник Л. М. Китаев и старший лейтенант С. В. Соколов.

Организационный период в секретариате оказался довольно напряженным. Он совпал с выполнением срочного и ответственного задания. В это время в связи с учреждением генеральских и адмиральских званий указами Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 года «Об установлении воинских званий высшего командного состава Красной армии» и «Об установлении воинских званий высшего командного состава Военно-Морского Флота» на Комитет, в частности на секретариат, была возложена большая подготовительная работа — в кратчайший срок оформить огромное количество документов. По этим документам 4 июня 1940 года Совет народных комиссаров СССР присвоил генеральские звания 556 высшим командирам Красной армии и 116 высшим командирам Военно-морского флота. Звание генерала армии получили Г. К. Жуков, К. А. Мерецков, И. В. Тюленин; генерал-полковника артиллерии Н. Н. Воронов, генерал-лейтенанта В. И. Чуйков, В. Д. Соколовский, А. И. Еременко, М. М. Попов; генерал-лейтенанта артиллерии Ф. Д. Дроздов, А. К. Сивков, Н. Д. Яковлев; генерал-лейтенанта танковых войск Я. Н. Федоренко; генерал-лейтенанта инженерных войск Д. М. Карбышев, генерал-майора

А. М. Василевский, Ф. И. Толбухин, К. К. Рокоссовский, адмирала Л. М. Галлер, И. С. Исаков, Н. Г. Кузнецов и другие.

Хотя секретариат был невелик по численности, однако с непомерным объемом работы всегда справлялся в установленный срок. Люди подобрались толковые, энергичные, из них сложился дружный и по-настоящему работоспособный коллектив.

Михаил сначала выполнял обязанность рядового секретаря, потом его повысили до должности старшего. Ему часто приходилось взаимодействовать с сотрудниками соседних секретариатов: наркоматов финансов, внешней торговли и других.

Работали помногу. Обычно на службу приходили к десяти часам утра, а уходили зачастую с зарей. Комитет обороны, и, естественно, его аппарат, решал исключительно ответственные задачи. Он держал постоянную связь с Наркоматом обороны, различными промышленными наркоматами и ведомствами.

Раньше (с 28 апреля 1937 года по 7 мая 1940-го), когда Комитет возглавлял согласно статусу председатель СНК В. М. Молотов, он обладал высокими функциями разрабатывать государственные директивы для всех органов власти, которые затем оформлялись в постановления ЦК партии и правительства СССР. Теперь, с приходом Ворошилова, он занимался мобилизационными планами для народного хозяйства, для чего специально был создан мобилизационно-плановый отдел, начальником которого стал недавний заведующий секретариатом Комитета обороны И. А. Сафонов.

В то время как созданный отдел работал с мобпланами, секретариат «переваривал» всякие текущие дела, разбирался с обильной почтой.

Ворошилов пользовался в стране, у советского народа широкой популярностью. Ему ежедневно

приходила масса писем, телеграмм. Многократно увеличился их поток в начале февраля 1941 года, в канун его шестидесятилетия. Дорогого Климента Ефремовича, прославленного полководца (в сознании простых людей он оставался таковым, несмотря на отстранение его от руководства Наркоматом обороны за серьезные провалы в работе) поздравляли не только его личные друзья, сослуживцы, знакомые, но и коллективы учреждений и организаций, заводов и фабрик, воинских частей, училищ и академий, комсомольцы, пионеры, спортсмены — «ворошиловские стрелки». Поздравления летели в почтовых конвертах, на телеграфных бланках со всех концов страны. Михаил Петров с Сергеем Соколовым едва успевали составлять их перечень для доклада маршалу; знакомиться с ними, сортировать их — об этом не могло быть и речи.

В конце мая 1941-го Петров заболел: нервное перенапряжение и простуда. Пролежал неделю в госпитале, а потом взял отпуск и отправился в Болшевское санаторное отделение, где обычно отдыхали, восстанавливались после болезни работники Комитета.

О начале войны Михаил узнал 22 июня из обращения по радио Молотова. Он тут же примчался из Болшева в Москву. Домой забежал буквально на несколько минут и — на службу. В Комитете все были в сборе. Царила тревожная атмосфера, суматоха. Утром следующего дня было объявлено: создана Ставка Главного командования, Ворошилов назначен ее членом. С тех пор он редко появлялся в Комитете, находился на различных заседаниях и совещаниях, проводившихся на самом высоком уровне.

27 июня Ворошилов в срочном порядке отбыл в Могилев по решению Ставки. Немецко-фашистские войска там совершили глубокий прорыв на флангах

советской обороны и угрожали окружением нашим частям в районе Гродно — Белосток — Вельск. Требовалось создать новые оборонительные рубежи на Березине и Днепре и задержать на них гитлеровские полчища.

В тесной связке с Ворошиловым работал маршал Шапошников. Он принял участие в разработке плана обороны Могилева, в подготовке мероприятий по развертыванию партизанской борьбы в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Белоруссии, захваченной оккупантами.

Из Могилева Ворошилов вернулся 1 июля. Поставленная задача Ставкой в основном была выполнена. Возведенные оборонительные рубежи сыграют свою положительную роль. Но ненадолго, остановить рвавшиеся вглубь страны до зубов вооруженные гитлеровские орды удастся нескоро.

За два дня до возвращения Ворошилова в столицу, 30 июня, совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, Совнаркома и ЦК ВКП(б) был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО) в составе председателя И. В. Сталина, заместителя председателя В. М. Молотова, членов — К. Е. Ворошилова, Г. М. Маленкова и Л. П. Берии.

Комитет обороны при СНК СССР был упразднен, секретариат Ворошилова пока сохранялся.

10 июля ГКО назначил маршала Ворошилова главнокомандующим войсками Северо-Западного направления. В тот же день он отправился в Ленинград специальным поездом, взяв с собой полковника Щербакова, подполковника Китаева и старшего лейтенанта Петрова. Остальные работники секретариата остались в Москве, они должны были держать с маршалом связь по неотложным делам...

Главные командования войск направления (ГКВН) [296] появились в начале июля для временного стратегического управления вооруженными силами на театре войны. Борьба на советско-германском фронте приобрела огромный размах, немцы форсировали свое наступление. В этой ситуации руководить войсками непосредственно из Ставки стало трудно. Поэтому Государственный Комитет Обороны принял решение создать три главных командования: возглавили их маршалы Советского Союза. Деятельность командований координировалась Ставкой Главного командования (10 июля она была переименована в Ставку Верховного командования).

Все вышеописанное взято из книги генерал-майора Михаила Ивановича Петрова «В дни войны и мира», опубликованной в 1982 году. Отрывки изложены в произвольной форме в виде общего рассказа. Я обратился к мемуарам Петрова, потому что о жизни и деятельности Ворошилова в период с мая 1940-го по июнь — июль 1941 года история очень мало оставила данных. А М. И. Петров с 1937 года служил в Комитете обороны при СНК СССР, в годы Великой Отечественной войны был адъютантом и офицером связи при главнокомандующем войсками Северо-Западного направления, затем при командующем войсками Ленинградского фронта. Его воспоминания содержат много интересного о маршале. Правда, некоторые историки считают их тенденциозными, дескать, бывший адъютант идеализирует своего шефа, приписывает ему мифические славные дела. Что на это можно сказать? Каждый человек, тем более историк, имеет право на свой исключительный взгляд на минувшие события, на собственное мнение о свидетельствах участников тех событий. Для меня мемуары Петрова ценны тем, что

автор их не понаслышке знал Ворошилова и рассказывает, как мне кажется, о встречах и совместной работе с ним с подкупающей искренностью.

«11 июля мы прибыли в Ленинград, — вспоминает Михаил Петров. — Разместились в Смольном, вместе с на ходу формирующимся штабом Северо-Западного направления. Секретариату Ворошилова было выделено несколько комнат на втором этаже. В частности, нам с Соколовым предоставили комнату № 258»^[297].

Далее в книге Петрова рассказывается об обстановке на дальних подступах к городу на Неве: всюду шли ожесточенные сражения. Положение наших войск было тяжелым...

На Северо-Западном направлении в этот период против Красной армии вела наступление группа армий вермахта^[298] «Север»^[299] (командующий — генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб), в которую входило 29 дивизий, в том числе 6 танковых и моторизованных. Она имела задачу в кратчайший срок разгромить советские войска в Прибалтике и после этого во взаимодействии с группой армий «Центр»^[300] (командующий — генерал-фельдмаршал Федор фон Бок), а также с силами, выдвигавшимися из Финляндии, захватить Ленинград и Кронштадт. Группу «Север» поддерживало 760 боевых самолетов 1-го воздушного флота люфтваффе^[301]. Силы из Финляндии представляли собой две финские армии, включавшие в себя 15 пехотных (в том числе одну немецкую) дивизий. Они должны были соединиться с группой «Север» на реке Свирь и в районе Карельского перешейка. Финскую группировку поддерживали с воздуха 5-й немецкий воздушный флот (240 самолетов) и собственно финские ВВС (307 самолетов).

Была реальная угроза захвата гитлеровцами Ленинграда. Руководство войск Юго-Западного направления — главнокомандующий маршал Ворошилов, член Военного совета генерал-полковник Жданов, начальник штаба генерал-майор Матвей Васильевич Захаров — приступило к организации решительного отпора врагу. Выяснилось, что военных сил и средств для этого недостаточно. Защитники ленинградских рубежей несли большие потери. Пополнять обескровленные части нечем — запасных красноармейских подразделений не было. Ленинградский горком партии решил создавать армию народного ополчения из расчета по одной дивизии от каждого из городских районов. Штаб Юго-Западного направления оказывал горкому необходимую помощь. Ополченцы в военном отношении были подготовлены слабо, не имели навыков управления боевой техникой. Поэтому для их обучения из войск были выделены опытные инструкторы.

Ворошилов вместе с командующими: Северо-Западным фронтом — генерал-майором Петром Петровичем Собенниковым, Северным фронтом — генерал-лейтенантом Маркианом Михайловичем Поповым 14 июля прибыл в район Кингисеппа. Здесь части 2-й дивизии народного ополчения пытались сбить немецкие войска с захваченного ими плацдарма на реке Луге. Силы были неравными, особенно по бронетанковой оснащенности. В усиление ополченцам стал спешно формироваться Сводный танковый полк Ленинградских краснознаменных бронетанковых курсов усовершенствования командного состава РККА (ЛКБТКУКС).

В полку оказалось бронетехники общим числом — 82 единицы. 16 июля в районе станции Веймарн сосредоточились все боевые машины с ЛКБТКУКС: 10 —

КВ-1, 8 — Т-34, 25 — БТ-7, 24 — Т-26, 3 — Т-50, 4 — Т-38, 1 — Т-40, 7 броневых автомобилей БА-10М^[302].

К полудню 16-го 7 танков КВ-1 под командованием майора Пинчука выдвинулись на боевые позиции. 17 июля Пинчук получил еще 6 КВ, они были переданы ему прибывшей железнодорожным транспортом 1-й танковой дивизией Северного фронта. Так образовался отдельный батальон тяжелых танков.

Немцы непрерывно атаковали близлежащие к Ленинграду районы. Командование Северо-Западного направления все делало для того, чтобы не подпустить их близко к пригородам. Ворошилов, Жданов и Захаров готовили войска к отражению удара на Ленинград с юга. Именно с юга, по данным разведки, фашисты предпримут в ближайшие дни массированное наступление на вторую столицу Советского Союза. Но нельзя забывать и про опасность с севера; там Ленинграду угрожали финны.

Город ставил под ружье все новые и новые отряды защитников. Жители тысячами подавали заявления с просьбой отправить их на фронт. Продолжалось создание ленинградской армии народного ополчения. За две недели июля три дивизии народного ополчения общей численностью 31 тысяча человек пополнили Лужскую оперативную группу.

Эта группа была создана по приказу главнокомандующего Северо-Западным направлением Ворошилова. Сразу по приезде в Ленинград штаба направления развернулось активное строительство Лужского оборонительного рубежа (Лужская позиция) — системы укреплений протяженностью около 300 километров. Лужская позиция вытянулась от Нарвского залива, по рекам Луге, Мшаге, Шелони до озера Ильмень. Ее назначение — не допустить прорыва

войск немецкой группы армий «Север» на северо-восток в направлении Ленинграда.

Созданная Лужская оперативная группа во главе с заместителем командующего Северным фронтом генерал-лейтенантом Константином Павловичем Пядышевым предназначалась для удержания оборонительного рубежа: задача группы — любой ценой поставить заслон рвущемуся к Ленинграду врагу. В середине июля на этом рубеже, где еще не были закончены строительные работы, группа Пядышева вступила в зоне реки Плюссы в бой с дивизиями 4-й немецкой танковой группы генерал-полковника Эриха Гёпнера. Упорная оборона советских войск заставила командование вермахта на некоторое время застопорить наступление на Ленинград. Лишь 8—13 августа фашисты прорвали рубеж по флангам у Новгорода и Кингисеппа и продолжили движение к городу.

24 июля по приказу главнокомандующего Северо-Западным направлением при Ленинградском обкоме и горкоме ВКП(б), областном и городском исполнительных комитетах советов была создана комиссия по оборонительным работам под председательством секретаря горкома партии, члена Военного совета Северного фронта, дивизионного комиссара Алексея Александровича Кузнецова. На строительство оборонительных сооружений ежедневно выходило до 500 тысяч человек. По настоянию Ворошилова из ленинградцев было сформировано 10 истребительных полков для действий в тылу врага.

Вся первая половина августа прошла в ожесточенных боях с фашистскими танковыми и моторизованными армиями, давившими на Северную столицу России. Параллельно войска фронтов Главного командования Северо-Западного направления

продолжали совершенствовать оборону на занимаемых рубежах, готовить оборонительные позиции в ее глубине.

Военная ситуация вокруг Ленинграда с каждым днем ухудшалась: гитлеровцы осаждали его со всех сторон. Сталин был крайне озабочен сложившейся там обстановкой. Поступавшая из Ленинграда информация вызывала у него раздражение и недовольство. Накапливалось негативное отношение к Ворошилову и в целом к самой структуре Главного командования войск Северо-Западного направления, которой руководил его любимый маршал.

20 августа в связи с реальной перспективой ближайшего окружения непосредственно уже самого Ленинграда приказом Главнокомандования Северо-Западного направления был создан Военный совет обороны города. Председателем его стал генерал-майор Алексей Иванович Субботин, командующий армией народного ополчения; членами — секретари горкома партии Алексей Кузнецов и Яков Капустин, заведующий отделом горкома Леонтий Антюфеев, председатель Ленгорисполкома Петр Попков.

Через день Сталин вызвал на переговоры по прямому проводу Ворошилова и Жданова.

«Сталин. Первое. Вы создали Военный совет Ленинграда. Вы должны понимать, что создавать военные советы может только правительство или по его поручению Ставка Верховного главнокомандования (8 августа Ставке еще раз поменяли имя, из Верховного командования она преобразовалась в Ставку Верховного главнокомандования, ее председатель Сталин стал Верховным главнокомандующим. — Н. В.). Второе. В Военный совет Ленинграда не вошли ни Ворошилов, ни Жданов. Это неправильно. И даже вредно политически... Словно Жданов и Ворошилов не верят в оборону Ленинграда... Это дело надо исправить.

Третье. В своем приказе... вы ввели выборность батальонных командиров. Это неправильно организационно и вредно политически. Это тоже надо выправить. Четвертое. По вашему приказу... выходит, что оборона Ленинграда ограничивается созданием рабочих батальонов, вооруженных более или менее слабо, без специальной артиллерийской обороны. Такую оборону нельзя признать удовлетворительной, если иметь в виду, что у немцев имеется артиллерия.

Мы думаем, что оборона Ленинграда должна быть, прежде всего, артиллерийской обороной. Надо занять все возвышенности в районе Пулково и других районах, выставить там серьезную артиллерийскую оборону, имея в виду морские пушки... Без такой базы рабочие батальоны будут перебиты.

Ворошилов. Из всего сказанного мы видим, что по нашей вине произошло большое недоразумение. Первое. Создание Совета обороны Ленинграда ни в коем случае не исключает, а лишь дополняет общую организацию обороны... Второе. Ворошилов и Жданов являются ответственными в первую очередь за всю оборону Ленинграда. Третье. Военный совет обороны Ленинграда мы понимали как сугубо вспомогательный орган общей военной обороны Ленинграда. Четвертое. Нам казалось, что будет легче создать прочную защиту Ленинграда путем специальной организации рабочей общественности в военные отряды. Пятое. Ленинград имеет специальную укрепленную полосу, которая начинается у Капорского залива и идет южнее Красногвардейска...

Сталин. Существование под Ленинградом укрепленной полосы нам известно. Не от вас, конечно, а по другим источникам... Но эта укрепленная полоса, кажется, уже прорвана немцами в районе Красногвардейска, поэтому Ставка так остро ставит вопрос об обороне Ленинграда...

Что касается поставленных мной вопросов, то вы ни на один не ответили толком... У нас нет гарантии, что вы опять не надумаете чего-либо такого, что не укладывается в рамки нормальных взаимоотношений... Мы никогда не знали о ваших планах и начинаниях, мы всегда случайно узнаем о том, что что-то наметили, что-то спланировали, а потом получилась прореха. Мы с этим мириться также не можем. Вы не дети и знаете хорошо, что в прощении не нуждаетесь... Вы неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия, ввиду чего действуете, как на изолированном острове, ни с кем не считаясь...

Ворошилов. Первое. Организуя Военный совет обороны Ленинграда, мы не только не думали нарушать нормы порядка и законы, но и вообще не предполагали, что это может послужить поводом для таких заключений, которые мы только что выслушали. Это наше решение не публиковалось, а приказом оно издано как совершенно секретное. Второе. По вопросу о выборах мы поступили, может быть, неправильно, но на основании печального опыта наших дней, когда не только в рабочих дивизиях, но в отдельных случаях и в нормальных дивизиях командиры разбегались, а бойцы выбирали себе командиров... Третье. Ворошилов и Жданов, как мы уже сообщили, не вошли в Совет обороны Ленинграда потому, что осуществляют общее руководство обороной. Четвертое. Что касается вашего замечания о том, что мы можем еще что-либо такое надумать, что не укладывается в рамки нормальных взаимоотношений, то мы, Ворошилов и Жданов, не совсем понимаем, в чем нас упрекают...

Сталин. Не нужно прикидываться наивными. Прочтите ленту и поймете, в чем вас обвиняют. Немедленно отмените выборное начало в батальонах, ибо оно может погубить всю армию. Выборный

командир безвластен, ибо в случае нажима на избирателей его мигом переизберут. Нам нужны, как известно, полновластные командиры. Стоит ввести выборность в рабочих батальонах — это сразу же распространится на всю армию, как зараза. Жданов и Ворошилов, потрудитесь войти в Военный совет обороны Ленинграда. Ленинград не Череповец и не Вологда. Это вторая столица нашей страны. Военный совет обороны Ленинграда не вспомогательный орган, а руководящий орган обороны Ленинграда. Представьте конкретный план обороны Ленинграда. Будет ли у вас кроме основной укрепленной линии создана и другая, более узкая укрепленная линия? Если будет, то каким образом?

Ворошилов. Избирательное начало будет отменено. Ворошилов и Жданов в Совет обороны Ленинграда войдут. Более узкой полосы обороны пока еще не создано, но она создается...

Сталин. Возможно, что Северный фронт разделим на две части — на Карельскую часть от Ладоги и до Мурманска со своим фронтовым командованием и южную часть — собственно ленинградскую, которую следует назвать Ленинградским фронтом. Мотивы известны. После занятия финнами северных берегов Ладоги управлять северной частью Северного фронта из Ленинграда невозможно. Обсудите этот вопрос, дайте свои соображения»^[303].

23 августа Ставка Верховного главнокомандования разделила Северный фронт на два фронта: Ленинградский и Карельский. Командующим Ленинградского был утвержден генерал-лейтенант Попов, Карельского — генерал-лейтенант Валериан Александрович Фролов.

Прошло немного времени, и Сталин позвонил Попову. Интересовался делами на новом —

Ленинградском фронте. Попов стал жаловаться Верховному главнокомандующему на нехватку танков. Сталин разрешил взять четырехдневную танковую продукцию ленинградских заводов. И тут же потребовал «какими угодно силами и средствами» очистить от врага Любань и Чудово. И еще посоветовал заминировать Московское шоссе. Под конец разговора задал вопрос: «Ответьте, товарищ Попов, коротко, Клим помогает или мешает?» Командующий фронтом вначале замялся, но все же сказал — Климент Ефремович помогает, конечно.

26 августа в Ленинград отбыла комиссия ЦК ВКП(б) и ГКО во главе с Молотовым. Комиссия имела мандат Государственного Комитета Оборона № 586 за подписью Сталина: «Заместитель председателя Государственного Комитета Оборона т. Молотов В. М., член Государственного Комитета Оборона т. Маленков Г. М., народный комиссар Военно-Морского Флота т. Кузнецов Н. Г., заместитель председателя Совнаркома СССР т. Косыгин А. Н., командующий ВВС Красной армии т. Жигарев П. Ф. и начальник артиллерии Красной армии т. Воронов Н. Н. уполномочиваются Государственным Комитетом Оборона для рассмотрения и решения, совместно с Военным советом Главного командования Северо-Западного направления и с Военным советом Ленинградского фронта, всех вопросов оборона Ленинграда и эвакуации предприятий и населения Ленинграда»^[304].

Прибыв в Ленинград, Молотов и Маленков доложили шифром в ГКО, что комиссия на совещании с Ворошиловым, Ждановым и членами Военного совета Ленинградского фронта, секретарями обкома и горкома подвергла резкой критике ошибки, допущенные Ворошиловым и Ждановым. В первый день члены

комиссии занимались «приведением в ясность дел в отношении имеющихся здесь артиллерии и авиации, возможной помощи со стороны моряков, особенно по морской артиллерии, вопросам эвакуации, а также вопросами продовольственного снабжения Ленинграда». Теперь изучают, как возводится особого типа оборонительный рубеж на основе танков и броневиков к востоку от Красногвардейска...

Комиссия пробудет в осажденном городе некоторое время, примет ряд важных решений, большинство из которых, к сожалению, из-за быстро менявшейся к худшему обстановки не реализуются.

Обстановка менялась не со дня на день — с часу на час. Сталину докладывали: «Противник захватил Кириши...», «Немцы вплотную приблизились к Колпино...», «Фашистские части вышли к Неве в районе поселка Ивановского...»

Командующий Ленфронтом Попов забрасывал Ставку депешами о трудности сдержать удары врага. В ответ он получил телеграмму от Верховного:

«Ваши сегодняшние представления напоминают шантаж. Вас запугивают командующие армиями, а Вы, в свою очередь, решили, видимо, запугивать Ставку всякими ужасами насчет прорывов, обострения положения и прочее. Конечно, если Вы ничего не будете делать для того, чтобы требовать от своих подчиненных, а будете только статистом, передающим жалобы армий, Вам придется тогда через несколько дней сдавать Ленинград, но Ставка существует не для того, чтобы потакать шантажистским требованиям и предложениям.

Ставка разрешает Вам отвести части с линии Выборга, но Ставка вместе с тем приказывает Вам, чтобы части ни в коем случае не покидали подготовленного рубежа по линии Маннергейма. Ставка запрещает Вам оголять Лужскую губу и отдавать ее

противнику. Если даже придется 8-й армии чуточку отступить, то она все же во что бы то ни стало должна прикрыть Лужскую губу вместе с полуостровом.

Ставка требует, чтобы Вы наконец перестали быть статистом и специалистом по отступлению и вошли в подобающую Вам роль командующего, вдохновляющего армии и поднимающего дух войск.

Сталин, Шапошников»[\[305\]](#).

В телеграмме рядом с подписью Сталина стояла подпись маршала Шапошникова. Маршал, как мы знаем, летом 1940-го был освобожден от должности начальника Генерального штаба РККА; теперь он вновь занял ее вместо Жукова, который получил назначение на другой ответственный участок службы.

29 августа генсек послал в Ленинград телеграмму на имя Молотова, где раздраженно писал:

«Только что сообщили, что Тосно взято противником. Если так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет сдан идиотски глупо, а все ленинградские дивизии рискуют попасть в плен. Что делают Попов и Ворошилов? Они даже не сообщают о мерах, какие они думают предпринять против такой опасности. Они заняты исканием новых рубежей отступления, в этом они видят свою задачу. Откуда у них такая бездна пассивности и чисто деревенской покорности судьбе? Что за люди — ничего не пойму. В Ленинграде имеется теперь много танков КВ, много авиации... Почему эти важные технические средства не действуют на участке Любань — Тосно? Что может сделать против немецких танков какой-то пехотный полк, выставленный командованием против немцев без этих технических средств? Почему богатая ленинградская техника не используется на этом решающем участке? Не кажется ли тебе, что кто-то нарочно открывает немцам дорогу на этом решающем

участке? Что за человек Попов? Чем, собственно, занят Ворошилов и в чем выражается его помощь Ленинграду? Я пишу об этом, так как очень встревожен непонятным для меня бездействием ленинградского командования. Я думаю, что 29-го ты должен выехать в Москву. Прошу не задерживаться»^[306].

29 августа 1941 года произошли кардинальные изменения в структуре военного руководства в Ленинградском регионе. Государственный Комитет Обороны принял постановление № 599сс «О Северо-Западном фронте». В соответствии с ним Северо-Западный фронт переходил в непосредственное подчинение Верховному главному командованию; Главное командование Северо-Западного направления объединялось с командованием Ленинградского фронта. Главнокомандующим фронтом был назначен К. Е. Ворошилов, членами Военного совета — А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, И. С. Исаков^[307] и Н. Н. Клементьев^[308], начальником штаба — М. М. Попов.

На следующий день, 30 августа, ГКО «в связи с объединением командования войск Северо-Западного направления и Ленинградского фронта» упразднил Военный совет обороны Ленинграда «с передачей его функций Военному совету Ленинградского фронта».

Ленинградский фронт

3 сентября 1941 года Василий Фомич Коньков ехал через весь Ленинград на Дворцовую площадь, где располагался бывший штаб главнокомандующего Северо-Западным направлением Маршала Советского Союза Ворошилова, а ныне Ленинградского фронта. Он

не узнавал города, который некогда поражал его прекрасными площадями и дворцами. На перекрестках дыбились надолбы, окна первых этажей зияли амбразурами для стрельбы из пулеметов и пушек, в небе неподвижно зависли аэростаты...

Так начинается глава «Легендарный Невский пяточок» книги воспоминаний генерал-майора В. Ф. Конькова «Время далекое и близкое», командовавшего в Великую Отечественную войну под Ленинградом 115-й стрелковой дивизией, затем Невской оперативной группой и в последующем ставшего заместителем командующего 1-й гвардейской танковой армией^[309].

Он ехал на доклад к маршалу. Думал: о чем докладывать Ворошилову? 115-я стрелковая дивизия вела тяжелые бои под Выборгом, и вот теперь, к концу августа, бесславно отошла к Ленинграду. Хотя дрались с фашистами не хуже других, врагу от бойцов его дивизии досталось крепко. Но потери людей очень большие, за них предстояло держать строгий ответ.

В памяти Конькова всплыла встреча с Климентом Ефремовичем перед войной под Серпуховом. Тогда маршал произвел впечатление деятельного, очень энергичного человека, военачальника с живым умом и твердым характером. Как он выглядит сейчас, когда обстановка вокруг Ленинграда такая тяжелая — город в смертельной опасности?

Главкомандующий принял комдива без проволоочки, сразу же. Он показался Василию Фомичу тревожно-озабоченным, с печатью болезненной усталости на лице. Ворошилов вяло пожал Конькову руку, произнес:

— Прибыли — хорошо. Доложите о состоянии дивизии.

Выслушав доклад, сделал некоторые замечания и отметил, что 115-я дивизия воевала неплохо. Василий Фомич облегченно вздохнул.

— Вашей дивизии, товарищ Коньков, — сказал маршал, — следует срочно быть на Неве. Там созревает нестабильное для нас положение, противник устремился к Ладожскому озеру, хочет изолировать от него город. Зайдите к начальнику штаба Попову, он уточнит вашу новую боевую задачу.

Коньков обрадовался, что вновь встретится с человеком, который уже однажды покори́л его своим обаянием, доступностью, широтой кругозора. Это было в марте 1941 года. Со штабными и полковыми командирами Василий Фомич возвращался из-под Выборга, где проводилась рекогносцировка местности. До отхода поезда еще оставалось время, люди толкались на станционном перроне. Вдруг в окружении порученцев и охраны подошел командующий Ленинградским военным округом генерал-лейтенант Маркиан Михайлович Попов. Он приветливо со всеми поздоровался и, обращаясь к Конькову, предложил:

— Товарищ генерал-майор, нам, кажется, по пути, прошу вас в мой вагон.

Это сразу расположило комдива к Попову. Василий Фомич с удовольствием принял предложение. Ехать в одном вагоне вместе с командующим округом предстояло несколько часов. Во время поездки Коньков чувствовал себя свободно, общался с высоким начальством, как он пишет в книге «Время далекое и близкое», без робости. Попов оказался хлебосольным хозяином — вместе пообедали, не обошлось без ста граммов...

От Ворошилова Коньков отправился к начштаба фронта. Маркиан Михайлович встретил старого знакомого с большой теплотой.... Дивизия Конькова сосредоточилась в районе Невской Дубровки и получила

трехдневный отдых. За это время она пополнилась находившимися там двумя истребительными батальонами народного ополчения (4-й и 5-й) и несколькими отдельными танковыми и артиллерийскими подразделениями. Ей предстояло в связке с другими частями, в частности морской пехоты, оборонять рубеж на правом берегу Невы от Овчина до Ладожского озера. Здесь предполагался прорыв 39-го моторизованного корпуса генерал-полковника Рудольфа Шмидта, на который германское командование возложило задачу «поставить точку» в окружении Ленинграда.

5 сентября Ворошилов побывал в 115-й дивизии.

— Надеемся на вас, Василий Фомич, — сказал маршал Конькову, осмотрев наиболее уязвимые участки обороны. — Держитесь упорно...

Бойцы дивизии Конькова держались стойко. Только остановить Шмидта они не могли. 39-й корпус немцев вышел к Неве с юга и перерезал железнодорожное сообщение с Ленинградом. 8 сентября его части взяли Шлиссельбург и тем замкнули блокадную удавку вокруг Северной столицы

Танковые и моторизованные дивизии вермахта усиливали нажим на обороняющиеся советские части, которые под их натиском то здесь, то там оставляли отдельные участки укрепленных позиций. Гитлер поставил задачу войскам группы «Север» выйти к южному берегу Ладожского озера и замкнуть кольцо окружения вокруг города. Ставка требовала от командования фронтом стоять насмерть, любой ценой удержать немцев на подступах к Ленинграду.

В Директиве за № 001513 Военному совету Ленинградского фронта она не скупилась на порицающие ноты:

«Ставка считает тактику Ленинградского фронта пагубной для фронта. Ленинградский фронт занят

только одним — как бы отступить и найти новые рубежи для отступления. Не пора ли кончать с героями отступления? Ставка последний раз разрешает вам отступить и требует, чтобы Ленинградский фронт набрался духу честно и стойко отстаивать дело обороны Ленинграда»^[310].

Основными силами фронта на тот период являлись: 8, 23 и 48-я армии, Копорская, Южная и Слуцко-Колпинская оперативные группы, во временном подчинении находился Балтийский флот. В дальнейшем в состав фронта будут входить и другие войсковые объединения.

4 сентября руководство Ленинградского фронта было вызвано на переговоры с Москвой по прямому проводу.

«— У аппарата Сталин, Шапошников. Здравствуйте.

— У аппарата Ворошилов, Жданов. Здравствуйте, товарищ Сталин и товарищ Шапошников.

Сталин. Я бы хотел, чтобы больше никого не было у аппарата, кроме вас.

Ворошилов, Жданов. У аппарата, кроме нас и двух телеграфистов, никого нет.

Сталин. Первое. Нам не внушает доверия ваш начальник штаба (Речь шла о М. М. Попове. — *Н. В.*) как в военном, так и в политическом отношении. Найдите ему сегодня же замену и направьте его в наше распоряжение.

Ворошилов, Жданов. Есть, будет сегодня же в точности выполнено.

Сталин. Второе. В Тихвине стоят две авиадивизии — 39-я и 2-я, обе они находятся в вашем распоряжении, но они не получают от вас заданий. В чем дело, неужели вы не нуждаетесь в авиации?

Ворошилов, Жданов. Для нас это неожиданная и приятная новость. Сегодня нам начальник штаба ВВС

фронта доложил, что Тихвинский аэродром маршалом Куликом^[311] забронирован для каких-то специальных целей и наши фронтовые авиачасти получили приказание от Кулика оттуда убраться. Нас никто не информировал об авиадивизиях в Тихвине, предназначенных нашему фронту. Сегодня же будут отданы соответствующие распоряжения.

Сталин. Вы нас не поняли. Обе эти авиадивизии являются вашими старыми дивизиями. Ваш фронт просто не знает или забыл об их существовании. Это характеризует бывшего командующего Северным фронтом, а ныне начальника штаба Ленинградского фронта, а также командующего ВВС Ленинградского фронта. Вы просто не знаете или не знали, а теперь от нас узнаете, что в районе Тихвина, а не в самом Тихвине сидят ваши две дивизии, которые до сих пор не получали заданий. Кулик нашел эти дивизии. Вот как обстоит дело.

Ворошилов, Жданов. Нет, мы не забыли о существовании этих дивизий, но эти дивизии получали и получают задания от начальника воздушных сил, и только нелетная погода последних двух дней мешала использовать эти дивизии. Кулик потребовал от этих дивизий перебазироваться в другое место. Все.

Сталин. Одно из двух — либо эти дивизии представляют для вас приятную неожиданность, либо они давно известны вам были. Что-нибудь одно из двух. В чьих руках теперь станция Мга?

Ворошилов, Жданов. Повторяем, о том, что в районе Тихвина располагаются наши авиачасти, мы знаем, но сегодня наши летчики жаловались на то, что снаряженные нам пять авиаполков до сих пор не прибыли из Центра, вот почему мы и сочли, что речь идет о новых авиачастях.

Станция Мга полностью еще не очищена, юго-восточная часть станции занимается противником.

Товарищ Сталин, мы очень просим ускорить посылку нам намеченных авиаполков. Противник за последнее время еще больше усилил свои авиационные действия против наших наземных войск. Наша истребительная авиация в целом действует хорошо, бомбардировочная ввиду низкой облачности за последние дни лишена возможности, хотя целей для ее действий очень много. Сегодня утром противник налетел на Дубровский аэродром крупными силами бомбардировщиков. Наши зенитки встретили противника организованным огнем и сбили пятнадцать самолетов.

Сталин. Вы это сообщите нам в особом донесении. Никаких новых авиаполков Ставка не предназначала для Ленинградского фронта. Все, что было вам назначено, вы уже получили. Неверно, что при облачности бомбардировщики не могут летать, «ИЛы» тоже бомбардировщики, они не боятся облачности, так как они могут летать на высоте 150 метров, а то и ниже. Как бы то ни было — это факт, что, несмотря на облачность, сегодня авиация из Тихвина по заданию Кулика успешно бомбардировала немцев южнее станции Мга. Потрясите хорошенько вашего Новикова^[312], и тогда он найдет средство для бомбежки при облачности. Все. До свидания»^[313].

5 сентября Попов улетел «Дугласом»^[314] в Москву, сдав должность начальника штаба фронта своему заместителю полковнику И. В. Городецкому. Маркиан Михайлович напишет потом в воспоминаниях, опубликованных в 1964 году в сборнике «Оборона Ленинграда 1941–1944 гг.», что он был отозван в распоряжение Ставки решением Верховного главнокомандующего, но по какой причине, не укажет.

А причина была известна многим и в Ленинграде, и в Москве — Попов страдал злоупотреблением спиртным.

Маршал Василевский отзывался о Маркиане Михайловиче как о человеке большого военного дарования, который умел хорошо разбираться в оперативно-стратегических вопросах... Но была у него одна беда — склонность к выпивке. Просто было больно смотреть, как он, волевой командир, так бесконтрольно вел себя. Попова ценило Верховное командование, с ним не раз вели серьезный разговор в Политбюро ЦК партии. Но строгие внушения и обещания исправиться помогали лишь на какое-то время...

Маршал Конев говорил, что после 1937 года Сталин приглядывался к оставшимся военным кадрам и брал на заметку людей, которых он собирался выдвигать, на которых делал ставку в будущей войне. Большие надежды он связывал с Поповым с точки зрения командирских данных этого человека, но Попов сам себе мешал выдвинуться усиливавшимся год от года пьянством.

Отозванного из Ленинграда в столицу Попова долго «стругали» в Ставке, и когда он клятвенно заверил, что больше «не притронется к зеленому змию», назначили командующим 61-й армией, находившейся в резерве и готовившейся к сосредоточению на рубеже Рязск — Мичуринск.

Бои... Жестокие бои... Непрерывные артиллерийские обстрелы и авиационные бомбардировки...

Ленинградскому фронту не доставало сил выдерживать удары гитлеровцев. Вражеским войскам группы «Север», превосходившим соединения и части Красной армии, защищавшие вторую столицу России, по количеству солдат и по качеству вооружения, удалось 8 сентября прорваться через реку Мга, захватить Шлиссельбург, отрезать Ленинград от востока,

заблокировав город с суши. Немцы пытались на юго-западе форсировать Неву и соединиться с финнами, но там они успеха не достигли.

Жданов, как член Военного совета, слабо помогал Ворошилову в эти трудные дни. Он болел. Власть в городе балансировала на грани паралича.

О кризисной ситуации в Ленинграде стало известно Москве. В город на Неве для наведения порядка был командирован заместитель народного комиссара внутренних дел СССР Виктор Семенович Абакумов. В первом своем отчете в ГКО он нарисовал мрачную картину того, что увидел в Ленинграде. Жданов, почувствовав, что его могут снять с занимаемого им поста, преодолевая себя, вместе с Кузнецовым включился в аврал по устранению вскрытых Абакумовым недостатков.

Ленинградцев волновал вопрос: не придется ли сдавать врагу Ленинград в ближайшие дни? Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Андрей Дзенискевич пишет, что шла уже подготовка к осуществлению секретного плана «Д», предусматривавшего вывод из строя свыше 50 тысяч объектов в том случае, если Ленинград захватят немцы^[315].

О плане «Д», его содержании и времени составления среди историков велись и до сих пор ведутся споры. Одни говорят, что этот план был разработан за месяц до блокады города и ждал утверждения высшей инстанцией. Другие — его составили в приезд в Ленинград в середине сентября первого заместителя наркома внутренних дел Всеволода Николаевича Меркулова специально для подготовки взрыва города в случае взятия его немцами. О плане «Д» высказывались всякие измышления, будто

бы он предусматривал одновременно уничтожить несколько десятков тысяч городских объектов, взрывать музеи и жилые здания — превратить в руины город вместе с домами и памятниками.

Действительно, 13 сентября в город с особой миссией прилетал Меркулов, имевший мандат ГКО на проведение подготовительных мероприятий на случай сдачи Ленинграда. В выданном ему мандате говорилось, что он «...является Уполномоченным Государственного Комитета Оборона по специальным делам...

Тов. Меркулову поручается совместно с членом Военного Совета Ленинградского фронта тов. Кузнецовым тщательно проверить дело подготовки взрыва и уничтожения предприятий, важных сооружений и мостов в Ленинграде на случай вынужденного отхода наших войск из Ленинградского района. Военный Совет Ленинградского фронта, а также партийные и советские работники Ленинграда обязаны оказывать тов. Меркулову В. Н. всяческую помощь»^[316].

Архив управления ФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области ныне открыл документ, имевший когда-то гриф «совершенно секретно», под названием «План мероприятий по организации и проведению в жизнь специальных мер по выводу из строя важнейших промышленных и иных предприятий города Ленинграда на случай вынужденного отхода наших войск». План датирован 14 сентября 1941 года, подписан А. А. Кузнецовым, В. Н. Меркуловым. Суть его: при каждом райкоме ВКП(б) Ленинграда образовывались тройки в составе первого секретаря райкома, начальника РО НКВД и представителя инженерных частей РККА по назначению Военного совета фронта. Эти тройки определяли перечень

находившихся на территории района предприятий, подлежащих выводу из строя в случае вынужденного отхода наших войск. На каждом внесенном в список предприятия для организации проведения специальных мероприятий создавались свои тройки. В них входили: директор предприятия, секретарь партийного комитета и начальник секретного отдела. Они определяли объекты, которые в первую очередь подлежали выводу из строя. В общей сложности выведению из строя подлежало более 380 предприятий города. К числу наиболее важных, которые предстояло уничтожить в первую очередь, было отнесено чуть более 250 предприятий.

К счастью, претворить в реальность этот план не пришлось...

9 сентября Ставка отправила в Ленинград телеграмму:

«Ворошилову, Жданову.

Нас возмущает ваше поведение, выражающееся в том, что вы сообщаете нам только лишь о потере нами той или иной местности, но обычно ни слова не сообщаете о том, какие же вами приняты меры для того, чтобы перестать, наконец, терять города и станции. Так же безобразно вы сообщили о потере Шлиссельбурга. Будет ли конец потерям? Может быть, вы уже предрешили сдать Ленинград? Куда девались танки КВ, где вы их расставили и почему нет никакого улучшения на фронте, несмотря на такое обилие танков КВ у вас? Ведь ни один фронт не имеет и половинной доли того количества КВ, какое имеется у вас на фронте. Чем занята ваша авиация, почему она не поддерживает действия наших войск на поле? Подошла к вам помощь дивизий Кулика — как вы используете эту помощь? Можно ли надеяться на какое-либо улучшение на фронте, или помощь Кулика тоже будет сведена к нулю, как сведена к нулю колоссальная помощь

танками КВ? Мы требуем от вас, чтобы вы в день два-три раза информировали нас о положении на фронте и о принимаемых вами мерах.

Сталин, Молотов, Маленков, Берия»^[317].

Ответа Ворошилова и Жданова на телеграмму Ставки не последовало.

Сталин нервничал: что у них происходит?

А происходили в те дни, по свидетельству некоторых защитников Ленинграда, отчаянные попытки отбить у немцев назад Шлиссельбург. Ворошилов лично возглавил атаку морских пехотинцев и был легко ранен. Правда, этому факту сегодня нет документального подтверждения.

Сталин принимает решение послать в Ленинград генерала армии Жукова на смену маршалу Ворошилову.

Разные источники по-разному освещают события, связанные в те драматические дни с Ленинградом и, в частности, с освобождением от командования войсками Ленинградского фронта Ворошилова и назначением вместо него Жукова.

Из книги Владимира Васильевича Карпова «Маршал Жуков: Его соратники и противники в годы войны и мира»:

«После завершения Ельнинской операции^[318], 9 сентября, Сталин вызвал к себе Жукова. Как всегда, вызов Сталина означал что-то срочное и, конечно же, сложное. И в этот раз Жуков не ошибся.

Когда он прибыл в Кремль, в приемной его встретил Власик^[319] и проводил на квартиру Сталина, которая была здесь же, этажом выше.

Сталин ужинал с Молотовым, Маленковым, Щербаковым и некоторыми другими членами руководства. Поздоровавшись, пригласил Жукова к столу...

— А неплохо у вас получилось с ельнинским выступом...»[\[320\]](#)

Далее Карпов пишет, что Сталин повел с Жуковым как бы ни к чему не обязывающий разговор. Спросил:

— Что вы думаете делать дальше?

Жуков ответил, что считает естественным в его положении вернуться обратно к себе на фронт.

Сталин заговорил, словно размышляя вслух:

— Очень тяжелое положение сложилось сейчас под Ленинградом, я бы даже сказал, положение катастрофическое. С потерей Ленинграда произойдет такое осложнение, последствия которого просто трудно предвидеть. Окажется под угрозой удара с севера Москва.

Жукову стало ясно, что Сталин явно клонил к тому, что ликвидировать ленинградскую катастрофу, наверное, лучше всего сможет он, Жуков. Понимая, что Сталин уже решил послать его на это «безнадежное дело», Георгий Константинович сказал:

— Ну, если там так сложно, я готов поехать, командующим Ленинградским фронтом.

Сталин вопросительно произнес:

— А если это безнадежное дело?

— Разберусь на месте, посмотрю, может быть, оно еще окажется и не таким безнадежным, — ответил Жуков.

— Когда можете ехать? — считая вопрос решенным, спросил Сталин.

— Предпочитаю отправиться туда немедленно.

— Немедленно нельзя. Надо сначала организовать вам сопровождение истребителей, не забывайте, Ленинград теперь окружен со всех сторон фронтами.

Сталин подошел к телефону и приказал сообщить прогноз погоды. Ему быстро ответили. Повесив трубку, Сталин сказал Жукову:

— Дают плохую погоду, но для вас это самое лучшее, легче будет перелететь через линию фронта.

Сталин подошел к столу, взял лист бумаги и написал записку: «Ворошилову. ГКО назначает командующим Ленинградским фронтом генерала армии Жукова. Сдайте ему фронт и возвращайтесь тем же самолетом. Сталин». Он протянул записку Жукову...»

Из книги Георгия Константиновича Жукова «Воспоминания и размышления»:

«8 сентября я был вызван к Сталину. Поздно вечером вошел в приемную. Мне передали, что И. В. Сталин ждет меня в кремлевской квартире. Через несколько минут я был у него. И. В. Сталин ужинал. За столом сидели А. С. Щербаков, В. М. Молотов, Г. М. Маленков и другие члены Политбюро.

Сталин принял меня приветливо.

— Ничего у вас получилось с ельнинским выступом... Куда думаете теперь?

— Обратно на фронт.

— На какой фронт?

— На тот, на который вы посчитаете необходимым.

— Езжайте под Ленинград. Ленинград в крайне тяжелом положении...

— Согласен немедленно вылететь в Ленинград. Прошу только разрешить взять двух-трех генералов, которые могут быть нужны для замены переутомившихся командующих.

— Берите кого хотите...

9 сентября 1941 года вместе с генерал-лейтенантом М. С. Хозиным и генерал-майором И. И. Федюнинским мы вылетели в блокированный Ленинград»^[321].

Этот отрывок взят из «Воспоминаний и размышлений» Жукова, изданных агентством печати «Новости» в 1969 году.

А вот каким этот отрывок стал в тех же «Воспоминаниях и размышлениях» Жукова, изданных в 2002 году «Олма-пресс».

«Утро 10 сентября 1941 года (уже не 9 сентября, а 10-го. — *Н. В.*) было прохладным и пасмурным. На Центральном аэродроме столицы, куда я прибыл, чтобы лететь в осажденный Ленинград, у стоявшего на взлетной полосе самолета маячили три фигуры: одна высокая — генерал-лейтенанта М. С. Хозина, вторая поменьше — генерал-майора И. И. Федюнинского, третья — летчика, командира воздушного корабля. Генералы, как мы договорились с И. В. Сталиным, отбывали со мной.

Командир корабля доложил о готовности экипажа и самолета к полету. Как в таких случаях бывает, мы все, как будто по команде, подняли глаза к небу, мысленно пытаюсь предугадать погоду по трассе полета. Стояла густая, низкая облачность.

— Проскочим! Погода что ни на есть самая подходящая, чтобы летать над фронтом противника, — улыбаясь, сказал командир самолета.

Без промедления состоялся вылет. Впереди был Ленинград, и мысленно мы уже были там»^[322].

Дальше — рассказ о том, как протекал полет. Он проходил при «благоприятных» погодных условиях: дождь, низкая облачность. На подходе к Ладожскому озеру, когда погода улучшилась, летели на бреющем, преследуемые двумя «мессершмиттами». Приземлились на городском комендантском аэродроме. Торопились в Смольный — в штаб фронта. У входа встретил один из порученцев командующего.

— Где товарищ Ворошилов? — спросил Жуков.

— Проводит заседание Военного совета фронта.

На втором этаже в кабинете командующего за покрытым красным сукном столом сидели человек

десять. Поздоровавшись с Ворошиловым и Ждановым, Жуков попросил разрешения присутствовать на заседании. Через некоторое время он вручил Ворошилову записку Сталина. Маршал прочитал ее молча и передал Жданову.

К исходу 10 сентября, руководствуясь запиской Верховного, Жуков, без объявления официального приказа, вступил в командование Ленинградским фронтом.

Из книги Ивана Ивановича Федюнинского «Поднятые по тревоге»:

«Утром 13 сентября (по Федюнинскому получается, что ни 9-го, ни 10-го, а только 13 сентября Жуков улетел из Москвы в Ленинград. — *Н. В.*) самолет Ли-2^[323] поднялся с Внуковского аэродрома (не с Центрального аэродрома столицы, как написал Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях», а с Внуковского. — *Я. В.*) и под охраной звена истребителей взял курс на Ленинград. В самолете находились генерал армии Г. К. Жуков, назначенный командующим Ленинградским фронтом, генералы М. С. Хозин, П. И. Кокорев и я...

В штабе фронта оказались члены Военного совета А. А. Жданов и А. А. Кузнецов. (Почему не было К. Е. Ворошилова? Он 12 сентября по заданию Сталина вылетел в 54-ю армию маршала Г. И. Кулика и, возможно, еще не вернулся. — *Я. В.*) Они подробно ознакомили нас с обстановкой, сложившейся под Ленинградом. А она была тогда очень напряженной и даже угрожающей»^[324].

Так кто же пишет правду, а кто, как бы помягче сказать, фантазирует?

Ну да оставим эти разночтения на совести авторов вышеприведенных источников...

11 сентября 1941 года Ставка Верховного главнокомандования издала директиву о смене командования Ленинградского фронта.

«Директива

Ставки ВТК командующим войсками Ленинградского и Резервного фронтов о смене командования Ленинградского фронта

Копия: начальнику управления кадров Красной Армии 11 сентября

1941 г. 19 ч. 10 мин.

1. Освободить Маршала Советского Союза товарища Ворошилова от обязанностей главнокомандующего Ленинградским фронтом.

2. Назначить командующим Ленинградским фронтом генерала армии товарища Жукова с освобождением его от обязанностей командующего Резервным фронтом.

3. Товарищу Ворошилову сдать дела фронта, а товарищу Жукову принять в течение двадцати четырех часов с часа прибытия в Ленинград товарища Жукова.

4. Заместителя начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Хозина назначить начальником штаба Ленинградского фронта.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин, Б. Шапошников»^[325].

Как таковой формальной сдачи дел фронта Ворошиловым Жукову в течение двадцати четырех часов, как указывалось в директиве, не было. Был лишь короткий доклад Жукова по прямому проводу в Ставку: «В командование вступил».

Климент Ефремович собрал генералов штаба, чтобы попрощаться. «Отзывает меня Верховный, — с горечью сказал. — Нынче не Гражданская война — по-другому следует воевать...»

В заключение он хотел дать новому комфронта какие-либо советы, но Жуков, сославшись на занятость, отказался от разговора с ним.

12 сентября^[326] по заданию Сталина Ворошилов вылетел в 54-ю армию маршала Григория Ивановича Кулика.

После овладения немцами Шлиссельбурга, что привело к полному блокированию Ленинграда с суши, образовался коридор шириной до 20 километров. По одну сторону занятого фашистами коридора находились войска Ленинградского фронта, по другую войска 54-й армии. По мнению некоторых исследователей истории Великой Отечественной войны, Жукову, посланному на Ленинградский фронт, ставилась задача не только удержать город от захвата гитлеровцами, но и, пока немцы не создали вокруг него прочную оборону, прорваться навстречу Кулику, а Кулику — навстречу Жукову и тем самым деблокировать Северную столицу. Но этого сделано не было по вине Жукова.

Возглавив Ленинградский фронт, Жуков все свое внимание сконцентрировал на Южном направлении, а организовать прорыв навстречу Кулику либо не захотел, либо был просто не в состоянии. Он, может быть, просчитал, что персонально отвечает только за оборону Ленинграда, а за деблокаду — вместе с Куликом. Вот пусть Кулик сам и прорывается: в случае успеха — славу поделят надвое, за неудачу в основном спросится с Кулика. Главное для Жукова удержать немцев с юга, на участке фронта примерно 25 километров. Здесь фашисты сосредоточили большие силы. Но и у Жукова имелись немалые: 42-я и 55-я армии, вся артиллерия Балтийского флота, более 100 тысяч моряков, 10 дивизий народного ополчения. А Кулик на таком же

примерно фронте должен был прорваться в Ленинград всего с восемью дивизиями...

Ворошилов прибыл в 54-ю армию как представитель Ставки. Армия занимала оборону по правому берегу реки Волхов. Перед ней стояла задача прорвать блокаду Ленинграда в районе станции Мга. Войск для решения этой задачи у Кулика было недостаточно. Но Жуков, несмотря на малочисленность и неподготовленность армии к наступлению, требовал от него начать прорыв.

Ворошилов, находясь в те дни рядом с Григорием Ивановичем Куликом, помогал как мог своему бывшему сослуживцу по Гражданской и Советско-финляндской войнам. Григорий Иванович изо всех сил старался пробиться на помощь Ленинграду с востока, однако потерпел неудачу.

Жуков доложил в Ставку: за провал наступления в районе Мги всю ответственность несет маршал Кулик. Ради справедливости надо сказать, что поражение под Мгой имело объективные, независимые от Кулика причины. Но вместе с тем нельзя отрицать и значительные субъективные причины — серьезные организационные просчеты лично командарма-54. Маршал Кулик оказался неспособным эффективно руководить крупными войсковыми объединениями...

Ставка отстранила Кулика от должности, 54-я армия была переподчинена Ленинградскому фронту, командовать ею был назначен генерал-лейтенант Михаил Семенович Хозин.

Полководческая деятельность Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова в Великую Отечественную войну закончилась бесславно. Больше он никогда не будет занимать командных постов в Красной армии. Большинство историков оценили его руководство Главным командованием войск Северо-Западного направления и Ленинградским фронтом со знаком

минус. Но немало и тех, кто дал положительную оценку. Они ставили в заслугу Ворошилову срыв боевого порыва фашистских войск во второй половине июля, в августе и в начале сентября 1941 года. Если за первые 19 дней войны, то есть до 10 июля, когда главнокомандующим Северо-Западным направлением был назначен маршал Ворошилов, гитлеровцы продвинулись здесь на 500 километров (в среднем по 26 километров в сутки), то за 30 дней наступления в июле и августе смогли лишь преодолеть только 150 километров (то есть по 5 километров в сутки). С середины августа и в сентябре этот темп был еще меньше — по 2,2 километра в сутки. Причем теряли немцы в ходе наступательных действий теперь вдвое больше и людей, и техники.

С теми, кто давал положительную оценку Ворошилову, согласны некоторые бывшие наши противники, занимавшие в годы войны видное положение в вермахте.

Например, генерал пехоты Курт фон Типпельскирх, воевавший во Вторую мировую на Восточном фронте в составе группы армий «Север», в 1950-е годы напишет монографию «История Второй мировой войны», в которой высоко отметит умелые действия К. Е. Ворошилова. «Войска противника под командованием маршала Ворошилова с самого начала имели глубоко эшелонированное расположение. Очевидно, противник был осведомлен о большом сосредоточении немецких соединений в Восточной Пруссии... уничтожение крупных сил противника, как это намечалось, не было осуществлено... Убедительным было упорство противника (при обороне Ленинграда. — *Н. В.*)... Это был противник со стальной волей, который безжалостно, но и не без знания оперативного искусства бросал свои войска в бой»^[327].

Уполномоченный ГКО

Сталин пощадил Ворошилова, как часто уже бывало, и в этот раз не наказал за «ленинградское провальное командование». Маршал остался членом Государственного Комитета Обороны и членом Ставки Верховного главнокомандования.

Климент Ефремович по-прежнему входил в ближайшее окружение Хозяина. Когда 29 сентября в Москве открылась конференция представителей трех держав: СССР, Англии и США, целью которой было сплочение ведущих антифашистских сил, — от Советского Союза в ней приняли участие Сталин, Молотов и Ворошилов, а также ответственные сотрудники наркоматов иностранных дел, обороны, ВМФ. Англия делегировала на конференцию министра запасов и снабжения барона Уильяма Бивербрука, Америка — полномочного представителя президента Уильяма Аверелла Гарримана, занимавшегося американскими поставками по ленд-лизу ^[328] Великобритании. Несмотря на отдельные разногласия между участниками конференции, было принято решение о взаимных военных поставках. США и Англия обязались в течение девяти месяцев поставить Советскому Союзу 3600 самолетов, 4500 танков, автомашины, олово, алюминий, свинец, некоторые виды военного обмундирования и другое имущество в обмен на советские поставки товаров и сырья. Был согласован также вопрос о транспортировке грузов.

По окончании конференции постановлением Государственного Комитета Обороны К. Е. Ворошилов был назначен уполномоченным от ГКО по контролю за подготовкой резервов Красной армии в Московском,

Приволжском, Среднеазиатском и Уральском военных округах.

Михаил Петров в книге «В дни войны и мира» рассказывает, как в середине октября Ворошилов со своим неизменным секретариатом отправился поездом из Москвы в инспекционную командировку:

«Поезд Климента Ефремовича был небольшим. Он состоял из бронированного вагона-салона, вагона-столовой, вагона-гаража, куда помещались три легковые автомашины, одного, а порой и двух пассажирских вагонов, где находились офицеры инспекционных подгрупп и работники секретариата. Вначале к составу цеплялась платформа с зенитками, но вскоре от нее отказались, так как она только демаскировала нас, да и не всегда была нужна.

Добавлю, что, хотя основным средством передвижения к пунктам формирования был для нас железнодорожный транспорт, мы нередко пользовались и услугами авиации. А от железнодорожных станций и аэродромов следовали уже на автомашинах»^[329].

По словам Петрова, в подгруппы, проверявшие ход формирования, входили офицеры из всех родов войск и служб. Каждая подгруппа включала в себя 12–15 человек. Их возглавляли уже бывшие на слуху в РККА военачальники генерал-лейтенанты Максим Пуркаев, Максим Антонюк, Василий Репин, Юрий Новосельский, Трифон Шевалдин, Никандр Чибисов, генерал-майоры Николай Аргунов, Борис Пигаревич, Ф. Я. Семенов, комбриг П. Д. Коркодинов.

С особой теплотой Петров отзывается о Максиме Алексеевиче Пуркаеве, человеке неумной энергии, всегда очень внимательном и заботливым по отношению к своим товарищам. Он имел большой опыт войсковой и штабной службы и много сделал для подготовки новых формирований для Красной армии. Но 2 ноября он

выбыл из состава инспекции Ворошилова. Петров был свидетелем телефонного разговора с Пуркаевым Верховного главнокомандующего, во время которого Сталин предложил ему возглавить 60-ю резервную армию. В тот же день Верховный поинтересовался у Ворошилова, как идет подготовка к параду в Куйбышеве.

Перед отъездом Климента Ефремовича в инспекционную командировку Сталин имел с ним доверительный разговор, в ходе которого высказал мнение провести в 24-ю годовщину Октября военные парады в Москве, Куйбышеве и Воронеже. В этом — большой политический смысл. Только готовиться к ним надо в обстановке сверхсекретности. «Тебе, Клим, поручается принять парад войск в Куйбышеве», — завершил он разговор. «Все понимаю, Коба, — сказал Ворошилов и горячо заверил: — Выполню поставленную задачу, как положено».

Военная осень 1941-го сложилась для страны очень тяжелой. Период октября — ноября был самым критическим. На Московском направлении немецко-фашистское командование создало опасную ударную группировку. 6 сентября Гитлером был утвержден план операции «Тайфун», предусматривавший захват советской столицы до наступления «русского мороза». Для достижения этой стратегической цели были выделены огромные силы: 77 дивизий, 22 из которых танковые и моторизованные и почти тысяча самолетов.

Государственный Комитет Обороны СССР 15 октября принял решение эвакуировать из Москвы в Куйбышев, Саратов, другие города правительственные учреждения, управления Генштаба, военных академий, различных наркоматов. Началось минирование заводов, электростанций, мостов. ГКО ввел в столице и прилегающих к ней районах осадное положение.

В начале ноября немецкие войска находились от Москвы в отдельных местах в 25–30 километрах...

Утро 7 ноября в Куйбышеве было морозным и пасмурным. Шел небольшой снежок. На главной площади города выстроились войска, участвующие в параде. На трибуну поднялись руководители партии и правительства — Калинин, Андреев, Шверник, Вознесенский, Шкирятов, а также местный партийный и советский актив. На торжестве присутствовали члены дипломатического корпуса, английская военная миссия во главе с генерал-лейтенантом Макфарланом, военные апаше, иностранные корреспонденты. Верхом на коне на площади появился маршал Ворошилов. Навстречу ему, тоже на коне, выехал командующий парадом генерал-лейтенант Пуркаев. Ворошилов принял его рапорт, и они вместе объехали войска, поздравили их с праздником Великой Октябрьской социалистической революции. Ровно в 10.00 начался военный парад. Для участия в параде были привлечены две стрелковые дивизии: 65-я полковника Петра Кирилловича Кошевого и 237-я полковника Петра Вакуловича Тертышного. Причем 65-ю сняли прямо с поезда, который следовал на фронт. Возмущенного Кошевого с трудом убедили, что участие в параде — важная политическая задача. 237-ю выделила 60-я резервная армия, которой командовал Пуркаев.

Дивизия Кошевого 8 ноября вновь погрузится в эшелоны и продолжит движение через Ярославль, Вологду, Череповец под Тихвин. 12-го она высадится на станции Большой Двор, с ходу развернется на юго-восточных подступах к Тихвину и вступит в боевые действия. В составе 4-й отдельной армии 65-я в течение месяца будет штурмовать город и 9 декабря освободит его...

В Москве 7 ноября, в то время когда в Куйбышеве проходил военный парад, он уже закончился. В

условиях беспрецедентных мер безопасности там его начало в последний момент передвинули с привычных 10.00 утра на два часа раньше. Парадом командовал генерал-лейтенант Павел Артемьевич Артемьев, командующий МВО, принимал парад маршал Буденный. Генерала армии Жукова на Красной площади не было, он находился на командном пункте войск, обороняющих столицу.

А в Воронеже, наоборот, парад состоялся позже — в 11 часов. Принимал его заместитель наркома обороны, командующий войсками Юго-Западного фронта маршал Тимошенко, командовал парадом заместитель командующего Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант Федор Яковлевич Костенко.

Прошедшие парады 7 ноября 1941 года по силе воздействия на ход исторических событий можно приравнять к важнейшей военной операции того драматического времени. Во время битвы за Москву, когда столица находилась в смертельной опасности, проведенные парады войск, особенно на Красной площади, имели непреходящее значение для поднятия моральных сил армии и всего народа. Они показали миру, что, несмотря на катастрофическое положение на советско-германских фронтах, страна не сдается наступающим гитлеровцам и боевой дух войск Красной армии не сломлен.

Ноябрь защитники столицы выстояли. К началу декабря наступательный порыв фашистов иссяк. Командование вермахта исчерпало все свои резервы и было вынуждено переходить к обороне. Генерал-полковник Гейнц Гудериан, командовавший немецкой 2-й танковой армией, позже признал, что наступление группы армий «Центр» на Москву, согласно плану «Тайфун», провалилось.

Советское военное руководство вовремя уловило этот момент и 5–6 декабря развернуло широкое контрнаступление. В нем участвовали: войска Калининского фронта под началом генерал-полковника Конева, Западного — под командованием генерала армии Жукова и правого крыла Юго-Западного фронта маршала Тимошенко.

Враг был отброшен от Москвы, но не разбит. Он закреплялся на новых оборонительных рубежах. Предстояло сбить его с них. Для этого нужны свежие силы, которых пока не было, их ускоренно готовили в глубоком тылу страны.

Петров в своих мемуарах пишет, что подготовка резервов для действующей армии была делом государственной важности. Формирование и сколачивание резервных соединений и маршевых частей должно было осуществляться в довольно сжатые сроки. Это диктовалось суровой необходимостью: если мы не создадим в ближайшее время существенного перевеса сил в нашу пользу, фашисты вновь будут у стен Москвы.

Для секретариата Ворошилова: полковников Щербакова, Китаева, капитана Петрова, служащих — связиста Семенова, машинистки Павловой период инспекционных поездок был весьма изнурительным. Офицеры днями находились в войсках. Они не только контролировали там ход боевой подготовки, но подчас и сами активно включались в ее процесс, помогая командирам обучать бойцов стрельбе, окапыванию, действиям на незнакомой местности. Параллельно вели учет поступавшего в части и соединения пополнения, вооружения и боеприпасов, инженерного и вещевого имущества, продовольствия, автотранспорта и горюче-смазочных материалов. А затем до глубокой ночи подводили итоги работы, готовили за подписью маршала Ворошилова донесения Верховному. Кроме

того, перед тем, как идти отдыхать, — планирование работы на следующий день. На сон оставалось обычно не более четырех, а то и трех часов.

Особенно тяжело было организатору связи Михаилу Васильевичу Семенову. Он почти не смыкал глаз, поддерживал непрерывные контакты со Ставкой, штабами резервных формирований, с местными областными, городскими, партийными и советскими органами. Сутками стучала на машинке Лидия Константиновна Павлова, печатая сотни страниц различных документов.

Однако на трудности никто не роптал. А каково тем, кто на фронте, кто поднимается и бежит в атаки под градом пуль, под разрывами мин и снарядов, кто мерзнет в окопах при жгучем холоде в двадцать — тридцать градусов? Так что на эти трудности грешно, преступно было жаловаться...

Поезд Ворошилова был постоянно в пути. Стоянки на станциях не более двух-трех суток, в зависимости от сложности выполняемых задач. И потом снова вперед.

Положение на железнодорожном транспорте в то время было крайне тяжелым. Ведь сотни эшелонов с бойцами и техникой двигались к фронту, а навстречу им, в тыл, шли составы с ранеными, эвакуируемым промышленным оборудованием, беженцами из западных областей.

Ворошилов редко появлялся в салон-вагоне. Днями он пропадал в формировавшихся частях, на оборонных заводах, снабжавших войска вооружением.

Бывший директор оружейного завода в Ижевске, затем заместитель наркома вооружений СССР Владимир Николаевич Новиков вспоминает:

«Приехал в Ижевск член ГКО К. Е. Ворошилов, который занимался тогда формированием новых воинских подразделений. Он провел смотр созданных в

нашем регионе воинских частей. На другое утро Климент Ефремович выразил желание осмотреть завод. Начали с цехов, где выпускали винтовки. Когда он пришел на сборку, то на двух конвейерах винтовки текли (ширина конвейерной ленты была около метра) буквально рекой. Операции были разбиты на очень мелкие, с тем чтобы быстрее обучать людей сборке. Ворошилов долго стоял, смотрел, потом говорит мне: «Товарищ Новиков, неужели винтовки могут выпускаться рекой?» Я сказал, что так идет производство круглые сутки. Он покачал головой и предложил продолжить знакомство с другими цехами. В 6 часов вечера Климент Ефремович неожиданно попросил меня вернуться вместе с ним еще раз в сборочный цех. Пришли — и опять река винтовок. Он сказал: «Чудеса!»^[330].

Инспекционная поездка группы уполномоченного Государственного Комитета Оборона Ворошилова длилась на протяжении года и одного месяца (с октября 1941 года по ноябрь 1942-го). Отчетом ее стал итоговый доклад Ворошилова председателю ГКО Сталину об организации и боевой подготовке вновь создаваемых частей Красной армии в 1941-1942 годах. Не так давно он был рассекречен и опубликован в печати. До него в течение инспекционного периода Ворошиловым систематически направлялись донесения Г. М. Маленкову — кандидату в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретарю ЦК, члену ГКО, отвечавшему за оборонную промышленность; заместителю начальника Генерального штаба А. М. Василевскому и Е. А. Щаденко — заместителю наркома обороны СССР, начальнику Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии. В них отмечались имевшиеся проблемы и трудности, формулировались конкретные

предложения в адрес командования Красной армии, наркоматов, местных партийных и советских органов.

В итоговом двенадцатистраничном докладе Сталину говорилось от имени Ворошилова: «Докладываю итоги работ по контролю за формированием резервных и запасных войск и ходом боевой подготовки в них за период с 13 октября 1941 года по 28 ноября 1942 года (за вычетом моего пребывания на Волховском фронте с 15 февраля по 25 марта 1942 года)...»[\[331\]](#)

Далее в докладе излагалась информация о проведенных более 500 проверках 324 дивизий, бригад, отдельных частей и училищ в разных военных округах.

В заключительном разделе подчеркивалось:

— В настоящее время не представляется возможным проследить боевой путь дивизий и бригад, прошедших проверки, но несомненно, что соединения, получившие помощь, дрались лучше. Дрались как под Москвой в момент разгрома противника, так и под Воронежем (части 3, 4 резервных армий), на Дону (5 РА), теперь под Сталинградом (7, 8, 10 РА и соединения, прибывшие после укомплектования и обучения из МВО, УРВО, ЮжУРВО)...

— Работа проделана упорная, большая. Квалифицированные командиры и политработники отдали весь свой опыт на то, чтобы улучшить и поднять боевую подготовку резервов Красной армии.

— Лучшими командирами и политработниками из состава группы, руководимой Ворошиловым, были: генерал-полковник Пуркаев, генерал-лейтенанты Герасимов, Мордвинов, Сивков, Чибисов, генерал-майоры Аргунов, Символоков, комбриг Якимов, полковники Бринзов, Дорошенко, Гаев, Киселев, Китаев, Хайров, Щербаков, старший батальонный комиссар Виноградский, майор Грицко-вич.

Доклад подписан — «К. Ворошилов». Датирован 10.12.1942 г.

Ниже приписка: «Доклад не отправлен. Вместо него сделан краткий доклад (см.: исх. № 450сс/кв. от 10.12.1942 г.). Капитан М. Петров. 12.12.42 г.»^[332].

Как теперь известно, председателю ГКО 10 декабря 1942 года был действительно послан сокращенный вариант на двух машинописных страницах, где кратко сформулированы основные результаты проделанной работы инспекционной группой Ворошилова. Копия его сохранилась и содержится в том же архивном деле, где и расширенный вариант.

Деятельность инспекционной группы уполномоченного Государственного Комитета Обороны маршала К. Е. Ворошилова завершалась. Командиры и политработники разъезжались по местам новых назначений. Генерал-лейтенант Аркадий Кузьмич Сивков, координировавший работу всех командиров по формированию соединений, планировавший обычно и проводивший с ними учения, получил назначение начальника оперативного управления Центрального штаба партизанского движения. Начальником разведывательного управления этого штаба был определен и генерал-майор Николай Емельянович Аргунов, руководитель одной из инспекционных подгрупп. Пробудет на этой должности совсем короткое время, вскоре будет назначен заместителем начальника штаба Волховского фронта по вспомогательному пункту управления (ВПУ). Одновременно примет временное командование 376-й стрелковой дивизией...

Заместителем маршала Ворошилова по общим вопросам был генерал-лейтенант Василий Константинович Мордвинов. Он часто замещал Климента Ефремовича во время его отсутствия. Например, в период пребывания Ворошилова в феврале

на Волховском фронте. Или когда маршал стал главнокомандующим партизанским движением (5 сентября 1942 года) и иногда отъезжал в Москву на несколько дней. В декабре 1942 года по прекращении работы инспекционной группы Мордвинов убыл в Академию Генерального штаба РККА начальником учебного отдела.

Что касается Ворошилова, то он по решению ГКО 15 декабря направляется представителем Ставки Верховного главнокомандования в качестве координатора на Волховский и Ленинградский фронты.

Выполняя отдельные поручения

Спецпоезд Ворошилова 17 декабря 1942 года прибыл на станцию Неболчи Новгородской области. Маршала встречали командующий Волховским фронтом генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков и член Военного совета генерал-лейтенант Лев Захарович Мехлис. Штаб фронта располагался поблизости, в небольшой деревушке, вокруг которой стояли воинские части.

Мерецков и Мехлис были уведомлены, что Ворошилов прибудет с полномочиями представителя Ставки для координации действий войск Волховского и Ленинградского фронтов при прорыве блокады Северной столицы. Они доложили маршалу о ходе подготовки к операции. Он, в свою очередь, проинформировал о сроках подачи в войска фронта боеприпасов. Мерецков возразил: эти сроки их не удовлетворяют. Тут же был сделан новый запрос в Москву о подаче запланированных боеприпасов не позднее 1 января 1943 года.

План операции получил кодовое наименование «Искра». Ставкой ВГК ставилась задача: совместными

усилиями Волховского и Ленинградского фронтов разгромить группировку войск противника в районе Липка — Гайтолово — Московская — Дубровка — Шлиссельбург.

Первые пять дней пребывания на Волховском фронте Ворошилов посвятил 2-й ударной армии генерал-лейтенанта Владимира Захаровича Романовского.

Эта армия весной пережила ужасную трагедию. Она оказалась в тисках германских войск, испытывая большую нехватку во всех видах снабжения — боеприпасах, пище, фураже, топливе. Ею командовал тяжелобольной генерал-лейтенант Николай Кузьмич Клыков, затем вместо него командующим был назначен генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов. В апреле 1942 года армия, совершенно обессиленная, попала у Мясного Бора в плотное окружение. Немногим бойцам и командирам удалось прорваться к своим. Власов был взят в плен, потом выяснилось: он добровольно сдался и поступил на службу к фашистам.

С 15 июля 2-я ударная стала создаваться практически заново в районе Назия — Путилове. Она готовилась нанести со стороны Волховского фронта основной удар по вражеской группировке, блокирующей Ленинград...

Ворошилов большее время своего пребывания во 2-й ударной армии находился в 327-й стрелковой дивизии полковника Николая Антоновича Полякова; ее части должны были штурмовать главные опорные пункты противника в районах рощи «Круглая» и населенного пункта Гонтовая Липка и сейчас отрабатывали на местности свои предстоящие действия.

Климент Ефремович вместе с комдивом объехал все полки, ознакомился с ходом боевой учебы подразделений, сделал несколько замечаний командирам.

Михаил Петров вспоминал, что Ворошилов работал в те дни, не зная усталости. Его можно было увидеть то в одной, то в другой дивизии, чаще всего в поле, в походной обстановке. Он меньше задерживался в штабах, справедливо полагая, что в частях и соединениях сможет получить необходимую и более полную информацию по их боеготовности.

Как-то после посещения 256-й стрелковой дивизии полковника Федора Кузьмича Фетисова сопровождавшая Ворошилова свита уже собралась к отъезду на станцию Войбокало. Раздалась команда: «По машинам!» И вдруг маршал подал свою команду:

— Не по машинам, а на лыжи! — Он улыбался. — Тренировка нужна всем! Попробуем пройти километров пятнадцать — двадцать. Посмотрим, у кого еще остался порох в пороховницах.

Шли по целине, изрядно устали и взмокли. Ворошилов держался лучше всех; оно и понятно — всем было известно его пристрастие к лыжам...

В ночь на 23 декабря Ворошилов доложил по телеграфу Сталину о готовности Волховского фронта к операции «Искра». Теперь он намерен вылететь в Ленинград к Леониду Александровичу Говорову для увязки ряда практических вопросов по «Искре».

Погода 23-го оказалась нелетной, и Ворошилов вместе с адъютантами полковниками Щербаковым и Китаевым пересекли Ладогу чуть севернее ледовой автомобильной трассы, так называемой Дороги жизни. Перемещались по разводьям на канонерской лодке «Нора»^[333], а затем уже посуху машинами добирались до Ленинграда.

Ворошилов остановился в штабе 67-й армии, которой командовал генерал-майор Михаил Павлович Духанов. Этой армии наряду со 2-й ударной армией Волховского фронта отводилась решающая роль —

встречными ударами вдоль южного побережья Ладожского озера взломать немецкую оборону и прорвать блокаду города.

В одну из предновогодних ночей по приглашению Ворошилова сюда прибыли командующий войсками Волховского фронта Мерецков и член Военного совета Мехлис, от Ленинградского — командующий Говоров, член Военного совета Жданов. Прошло тщательное согласование вопросов по плану операции «Искра», в том числе и по взаимодействию армий Духанова и Романовского, наносящих главные удары.

3 января 1943 года маршал присутствовал на показательных учениях в 45-й гвардейской, 136-й и 268-й стрелковых дивизиях 67-й армии.

Вскоре Ворошилов вернулся из 67-й армии Ленинградского фронта на Волховский на свою постоянную базу — станцию Войбокало.

Короткий отдых — и снова в путь, теперь на Гайтолово и Мишкино, в 8-ю армию генерал-лейтенанта Филиппа Никаноровича Старикова. Эта армия, как и 2-я ударная, летом 1942-го также попала в котел у Синявина. В середине октября выбрались из него только 2610 красноармейцев и командиров, армия была практически уничтожена. В течение ноября — декабря она восстанавливалась и к началу операции «Искра» имела уже 52 500 человек. Ей ставилась ограниченная задача по обеспечению южного фланга 2-й ударной армии; разделительная линия между армиями проходила по рубежу Гайтолово — Тортолово — Мишкино — Поречье.

Маршал ехал в армию Старикова посмотреть, насколько она боеготова. В ее дивизиях должны были состояться учения, последняя репетиция к прорыву блокады Ленинграда.

По окончании учений в 8-й армии Ворошилов побывал в штабе 14-й воздушной армии, которой командовал генерал-майор авиации Иван Петрович Журавлев. Эта армия предназначалась для поддержки с воздуха ударной группировки Волховского фронта, а Ленинградский фронт должна была поддерживать 13-я воздушная армия генерал-лейтенанта авиации Степана Дмитриевича Рыбальченко. Поэтому Климент Ефремович с особым интересом расспрашивал Журавлева о взаимодействии этих двух воздушных объединений. Посоветовал дотошно проверить состояние запасных аэродромов, тщательно согласовать предстоящие действия с наземными войсками.

В эти дни из Москвы прилетел представитель Ставки, второй координатор действия войск Ленинградского и Волховского фронтов при прорыве Ленинградской блокады генерал армии Жуков. Он находился у Говорова.

Ворошилов решил еще раз побывать в соединениях 67-й армии, и колонна машин — в ее составе сам маршал с секретариатом и группа прикрытия — двинулась по ледовой трассе на Ленинградский фронт. До начала операции «Искра» оставались считанные дни.

Пока Ворошилов добирался до Ленинграда, Жуков убыл оттуда на фронт Мерецкого.

Соединения 67-й армии вышли в исходные районы для наступления. Ворошилов сначала заехал в 136-ю стрелковую дивизию генерал-майора Николая Павловича Симоняка. Штаб ее обосновался на левом берегу Невы. Там находились комфронтом Говоров и командарм-67 Духанов. В их сопровождении маршал посетил части, которые должны были первыми атаковать противника.

11 января Климент Ефремович был уже на вспомогательном пункте управления 67-й армии.

Напоследок обговорив с Говоровым, Ждановым и Духановым все детали предстоящей операции, он отправился назад на Волховский фронт.

Наступило утро 12 января. В 9.30 в землянке командующего 2-й ударной армии Романовского, оборудованной в районе деревни Каменка, собрались Ворошилов, Жуков, Мерецков. Час, которого так долго все ждали, пробил: тысячи орудий и минометов Ленинградского и Волховского фронтов открыли по врагу ураганный огонь.

Артиллерийская подготовка продолжалась 2 часа 10 минут. Сразу после ее окончания на южном побережье Ладожского озера с запада 67-я армия Ленинградского фронта и с востока 2-я ударная армия Волховского фронта перешли в наступление навстречу друг другу. Несмотря на упорное сопротивление гитлеровцев, к исходу 13 января расстояние между армиями сократилось до 5–6 километров, а 14 января — до двух. Командование противника, стремясь любой ценой удержать Рабочие поселки № 1 и 5 и опорные пункты на флангах прорыва, поспешно перебрасывало свои резервы, а также части и подразделения с других участков фронта. Группировка противника, находящаяся к северу от поселков, несколько раз пыталась пробиться через узкую горловину на юг к своим главным силам, но все было тщетно.

В дни наступления 12–17 января наибольших успехов добились 256-я и 327-я стрелковые дивизии полковников Фетисова и Полякова. На Ленинградском фронте отличились 136-я и 268-я стрелковые дивизии.

18 января войска обоих фронтов прорубили брешь в стене немецкой обороны и соединились у Рабочих поселков. Был освобожден Шлиссельбург и очищено от противника все южное побережье Ладожского озера. Образовавшийся здесь вдоль берега коридор шириной 8

—11 километров восстановил сухопутную связь осажденного города со страной.

В этот день генерал армии Георгий Константинович Жуков стал Маршалом Советского Союза. Ворошилов, Мерецков, Говоров, Жданов, Мехлис, другие генералы и офицеры поздравили его с присвоением высшего воинского звания. Достоинно отметить это знаменательное событие новоиспеченному маршалу на ленинградской земле не удалось, его отозвали в Москву. Ставка ВГК приняла решение расширить масштаб наступления в Северо-Западном направлении. Намечалась масштабная операция, получившая кодовое наименование «Полярная Звезда», целью которой был разгром немецкой группы армий «Север» и полное освобождение Ленинградской области. Маршал Жуков назначался представителем Ставки на Северо-Западном фронте.

Историческую встречу войск двух фронтов при прорыве блокады Ленинграда было решено с одобрения Ворошилова закрепить специальным актом, в котором говорилось:

«18 января 1943 года в 9 часов 30 минут на восточной окраине Рабочего поселка № 1, прорвав блокаду Ленинграда, встретились 1-й стрелковый батальон 123-й отдельной стрелковой бригады Ленинградского фронта во главе с заместителем командира по политчасти майором Мелконяном, старшим лейтенантом Калуговым, сержантом Анисимовым; с другой стороны — 1-й стрелковый батальон 1240-го стрелкового полка 372-й стрелковой дивизии Волховского фронта во главе с начальником 1-го отделения штадива майором Мельниковым и командиром 440-й разведывательной роты старшим лейтенантом Ишимовым.

Настоящий акт подписали полковник П. И. Радыгин — командир 372-й стрелковой дивизии Волховского

фронта, подполковник Ф. Ф. Шишов — командир 123-й отдельной стрелковой бригады Ленинградского фронта»[\[334\]](#).

1943 год для Ворошилова был насыщен многими важными поручениями Государственного Комитета Обороны, ЦК ВКП(б) и правительства. Поручения разные: военного характера, хозяйственного, дипломатического, культурного.

После завершения миссии представителя Ставки для координации действий войск Волховского и Ленинградского фронтов Клименту Ефремовичу Ворошилову было поручено новое ответственное народно-хозяйственное дело, непосредственно относившееся к обороне страны. Он назначался председателем временно созданного при ГКО Трофейного комитета.

Поручение было оформлено постановлением № ГКО-3123с от 5 апреля 1943 года:

«О Трофейном комитете

при Государственном Комитете Обороны. Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Создать Трофейный комитет при Государственном Комитете Обороны с задачами сбора и вывоза всего трофейного имущества и вооружения, в том числе лома черных и цветных металлов, сортировки и разработки плана использования этого имущества.

2. Трофейные комиссии тг. Буденного и Шверника ликвидировать с передачей их аппаратов Трофейному комитету.

3. Трофейное управление изъять из состава Управления тыла НКО и передать Трофейному комитету.

4. При Трофейном комитете иметь Музей трофейного вооружения и техники для широкого демонстрирования.

5. Утвердить Трофейный комитет в следующем составе: тг. Ворошилов (председатель), Шверник, Хрулев, Яковлев, Коробков.

Председатель Государственного Комитета Обороны
И. Сталин»[\[335\]](#).

Такое решение было принято в связи с проводившимися и планируемыми грандиозными наступательными операциями. Красной армии требовались не только дополнительные людские ресурсы, но и боевая техника, современное оружие. Для наращивания выпуска новой техники, оружия нужен был металл, а его не хватало.

Еще в начале января 1943 года приказом Наркомата обороны СССР стали вводиться специальные комендантские посты, в задачу которых входило своевременное выявление, учет, сбор, хранение и вывоз оставленного на полях сражений немецкими и нашими войсками оружия, имущества, фуража и металлолома.

ГКО создал две центральные комиссии и одно управление:

Комиссию по сбору трофейного вооружения и имущества под председательством Маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного;

Комиссию по сбору черных и цветных металлов в прифронтовой полосе (председатель Николай Михайлович Шверник);

Управление по сбору и использованию трофейного оружия, имущества и металлолома (в Главном управлении тыла) под начальством генерал-лейтенанта Федора Ивановича Вахитова.

Как показал опыт, комиссии и управление не оправдали себя, и тогда вместо них и был образован единый временный орган — Трофейный комитет.

Ворошилов с присущей ему энергией развернул кипучую деятельность на возглавляемом им «фронте».

В оперативном и войсковом звеньях была проведена соответствующая реорганизация. Началось формирование новых трофейных частей. Усиливалось армейское звено за счет создания трофейных батальонов и специальных демонтажных взводов при трофейных складах. Воздушным армиям были приданы специальные технические трофейные роты, во фронтах были сформированы бригады из нестроевых солдат и командиров по сбору трофеев и лома. Большое значение для наращивания сил и средств трофейных ведомств имело формирование пяти железнодорожных эвакопоездов и трех отдельных эвакоподъемных отрядов для выполнения сложных подъемно-такелажных работ.

Когда процесс был налажен и трофейная служба обрела прочную устойчивость, Ворошилова перенаправили на новый участок.

Победно закончилась Сталинградская битва, полностью снята блокада Ленинграда, освобождены Харьков, Орел и Курск, Красная армия успешно наступала: теперь советское правительство могло себе позволить уделить внимание не только сугубо военным делам, но и духовным. В частности, созданию одного из основных атрибутов государства — гимну. В стране не было гимна. С момента образования СССР в 1922 году в качестве гимна использовался «Интернационал» — французская песня, посвященная восстанию Парижской коммуны. Теперь было решено создать свой национальный гимн. Заняться этим поручили Ворошилову. Сталин лично инструктировал маршала, каким должен быть музыкальный символ Советского Союза. Был объявлен конкурс на написание текста и музыки.

18 июня 1943 года в Московском городском комитете партии состоялось совещание с поэтами и

композиторами — участниками конкурса. Они получили установки: слова государственного гимна должны быть такими, чтобы «прожили столетие». Музыка — «доходчивой, выразительной, понятной как русскому, так и калмыку. Народ будет петь гимн и в радостях, и горестях». Особое требование предъявлялось к поэтам, так как на плохие стихи написать хорошую музыку невозможно. Было указано, что в гимне обязательно должны быть имена Ленина и Сталина.

В конкурсе среди поэтов победили два военных корреспондента газеты Военно-воздушных сил «Сталинский сокол» — капитан Сергей Владимирович Михалков и майор Габриэль Аркадьевич Уреклян, писавший под псевдонимом Эль-Регистан. Среди композиторов — Александр Васильевич Александров, хоровой дирижер, руководитель Ансамбля красноармейской песни и пляски, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии 1-й степени, генерал-майор.

В книге Сергея Владимировича и Михаила Владимировича Михалковых «Два брата — две судьбы» Сергей Владимирович в разделе «Я был советским писателем» вспоминает:

«Нас (Михалкова и Эль-Регистана. — *Н. В.*) вызывают в Кремль, к Ворошилову.

Клим Ворошилов! В нашем представлении — легендарный полководец, с именем которого связано многое в истории нашей страны: период Гражданской войны, военные парады на Красной площади. Мы были тогда далеки от мысли, что не без его ведома, а подчас не без его прямого участия, уходили в небытие легендарные военачальники...

Итак, мы в Кремле.

— Товарищ Сталин обратил внимание на ваш вариант текста! — говорит, обращаясь к нам,

Ворошилов. — Очень не зазнавайтесь! Будем работать с вами!

Перед маршалом на столе лежит отпечатанная в типографии книга в красной обложке. В ней собраны все варианты текста будущего гимна СССР, представленные десятками авторов на конкурс. На 83-й странице закладка: наш текст с пометками Сталина.

— Основа есть, — продолжает Ворошилов. — Но вот, посмотрите, замечания товарища Сталина...»[\[336\]](#)

Михалков пишет далее, что до поздней осени они с Эль-Регистаном были заняты доработкой текста.

26 октября состоялось прослушивание музыки Государственного гимна в исполнении Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной армии под руководством Александрова.

28-го главный редактор газеты «Сталинский сокол» бригадный комиссар В. П. Московский сообщает Михалкову и Эль-Регистану о срочном вызове к Сталину. Приехали в Кремль. Михалков описывает приемную вождя: у стены, под портретами Суворова и Кутузова, длинный стол для совещаний; справа, вдали, столик с разноцветными телефонными аппаратами; за длинным столом в напряженном молчании сидят «живые портреты»: Молотов, Берия, Ворошилов, Маленков, Щербаков; напротив стоит с листом бумаги в руках сам Сталин.

— Здравствуйте, товарищ Сталин!

Сталин не отвечает. Он явно не в духе.

— Ознакомьтесь! — говорит Сталин, протягивая Михалкову листок. — Надо кое-что изменить, добавить. Главное, сохранить эти мысли.

— Можно нам подумать до завтра? — робко говорит Михалков.

— Нет, нам это нужно сегодня. Вот карандаши, бумага... — приглашает поэтов к столу Сталин.

Они садятся напротив «живых портретов». Необычная обстановка смущает.

— Что, неудобно здесь работать? — спрашивает Сталин. — Сейчас вам дадут другое место.

Их проводят в комнату рядом с приемной. Приносят чай, бутерброды...

Доработанный вариант текста был передан в ансамбль Александрова. Вскоре прошло генеральное прослушивание гимна, в целом он был утвержден без замечаний. После всех пригласили в гостиную правительственной ложи со щедро накрытым столом. Здесь присутствовали Молотов, Ворошилов, Калинин, Микоян, а также Михаил Борисович Храпченко — председатель Комитета по делам искусств, дирижеры Александр Шамильевич Мелик-Пашаев, Семен Александрович Чернецкий, Александр Васильевич Александров, композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович.

— Ну что же, по старому русскому обычаю надо «обмыть» принятый гимн! — говорит Сталин...

На следующий день Михалков и Эль-Регистан узнали, что они поощрены правительством — каждому к Новому году выдается на 500 рублей продуктов по твердым ценам.

28 ноября — 1 декабря 1943 года проходила Тегеранская конференция — первая за годы Второй мировой войны конференция «большой тройки», — в которой лично участвовали лидеры стран Франклин Делано Рузвельт (США), Уинстон Черчилль (Великобритания), Иосиф Виссарионович Сталин (СССР).

Ворошилов принимал участие в конференции в составе советской делегации третьим официальным лицом, после Сталина и Молотова. С одной стороны, как относящийся к элите власти, с другой — как военный специалист. Впрочем, Сталин основным экспертом по

этой части взял начальника Оперативного управления Генштаба Сергея Матвеевича Штеменко; он должен был еще обеспечивать делегацию необходимыми данными о положении на советско-германском фронте.

Время и место проведения конференции держались в строжайшем секрете.

Литерный поезд № 501 с государственной делегацией под покровом тайны выехал из Москвы 22 ноября. Сталин размещался в бронированном рессорном двенадцатиколесном вагоне. Поезд проследовал через Сталинград и остановился в Баку. Из Баку делегация должна вылететь в Тегеран на двух самолетах Си-47^[337] под прикрытием истребителей.

Маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов в мемуарах «Дальняя бомбардировочная...» рассказал, как осуществлялся перелет.

«Прибыли в Баку, где я стал дожидаться сообщения о приходе поезда из Москвы.

Если память не изменяет, было четыре часа утра, когда мне позвонил Сергей Никифорович Круглов, начальник оперативного управления НКВД, и сообщил, что в пять часов я должен быть на вокзале. Не успел поезд еще остановиться, как я услышал свою фамилию и направился к вагону, откуда меня позвали. Прошел в салон, где кроме Сталина были Ворошилов, Молотов и Берия. Поздоровавшись, Сталин спросил, всё ли в порядке. Ответив утвердительно, я доложил, что погода, как говорится, по заказу. Кругом тихо, на всем маршруте безоблачно, болтанка отсутствует. Не часто можно дожждаться такой метеорологической обстановки.

Выслушав меня, Сталин сказал, что имеется в запасе день. В Тегеране нужно быть завтра, и поэтому он предлагает мне слетать туда и вечером вернуться обратно, а завтра вместе полетим в Тегеран. Так как это

не было прямым приказанием, я возразил и доложил, что такой редкостной погоды больше не дождешься и нужно вылетать, чем скорее, тем лучше. Зачем подвергать себя возможным болтанкам или неустойчивой погоде, когда можно сегодня всего этого избежать?»^[338]

Решение было принято. Самолеты поднялись в воздух один за другим в восемь утра. На первом, которым управлял шеф-пилот Берии полковник В. Г. Грачев, летели Сталин, Молотов, Ворошилов, Берия и охрана; на втором, за штурвалом его сидел сам маршал Голованов, — обслуживающая группа.

Основной темой открывшейся конференции стало согласование планов военных действий союзников. Черчилль настаивал отложить высадку англо-американских войск во Франции и вместо нее провести ряд операций на Балканах. Сталин и Рузвельт возражали, считая север Франции единственно пригодным местом для открытия второго фронта. Победила позиция СССР и США; договорились, что второй фронт будет открыт на севере Франции в мае 1944-го. Сталин пообещал: советские войска предпримут наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску германских сил с Восточного на Западный фронт.

«Большая тройка» поставила перед собой задачу заставить Турцию вступить в войну на стороне союзников.

На конференции обсуждался вопрос о будущем Германии, однако никакого конкретного решения принято не было.

Спор вызвало будущее Польши. Сталин стоял на том, что восточная советско-польская граница должна проходить по линии, установленной в сентябре 1939-го, и предложил передвинуть западную польскую границу

к Одру. Черчилль всячески сопротивлялся, но, понимая, что Советский Союз в этом вопросе будет стоять насмерть, все же уступил. Сталин также озвучил другие пограничные претензии, теперь в свою пользу, заявив, что СССР рассчитывает получить Кёнигсберг и передвинуть границу с Финляндией дальше от Ленинграда.

В заключение Сталин дал обещание о вступлении СССР в войну против Японии после поражения Германии.

Отбытие советской делегации из Тегерана намечалось утром 1 декабря. В ночь перед вылетом у Сталина собрались все члены делегации. Вид у Верховного был усталый, но настроение хорошее. Он шутил, подтрунивал над своими соратниками: «Что, Вячеслав, не танцуешь, — нащелкали мы нос Черчиллю! — Это он Молотову. — Как ни дрался, как ни старался толстый боров обвести нас вокруг пальца, а все-таки пришлось сдаться». Берии: «Чуть не плачешь, Лаврентий, домой хочется?.. В гостях хорошо, дома лучше». «А ты, Клим, прямо опозорил наше маршалство: не сумел как следует удержать в руках меч английского короля Георга». На конференции Черчилль преподнес советской делегации Меч Сталинграда, на лезвии которого была выгравирована надпись: «Дар Георга VI стойким защитникам Сталинграда в знак уважения от британского народа». Сталин принял меч двумя руками, поднес его к губам и поцеловал ножны. Когда передавал реликвию Ворошилову, меч выпал из ножен и с грохотом упал на пол. Это досадное происшествие несколько омрачило торжество момента...

В полдень 1 декабря самолеты Си-47 и истребители сопровождения приземлились на аэродроме в Баку. Сталин с переговорной группой убыл на поезде в столицу.

О состоявшейся Тегеранской конференции официально было объявлено по радио и в газетах лишь 7 декабря.

Последнее поручение, которое Ворошилов выполнял в конце декабря 1943 года — начале января 1944-го, будучи полномочным представителем Ставки ВГК, — координация действий Отдельной Приморской армии по освобождению Крыма.

На Тамань Ворошилов прибыл в связке с генералом Штеменко, имевшим задание помочь штабу Приморской армии в планировании боевых действий и их проведении. Первой наступательной операцией, разработанной под кураторством маршала, была высадка морского десанта на мыс Тархан. Как ни печально, выполнена она была лишь частично и с большими потерями. Причиной неудачи явилось игнорирование неблагоприятных погодных условий и несогласованность действий родов войск: артиллерийские части не учли изменения времени высадки и демаскировали ее, авиация действовала вяло и не решила поставленной перед ней задачи по поддержке десанта.

Сергей Матвеевич Штеменко вспоминал о Ворошилове во время его пребывания под Керчью:

«Мне пришлось быть с ним на Керченском плацдарме. Плацдарм был небольшой и насквозь простреливался огнем артиллерии противника, а значительная его часть находилась под минометным и пулеметным огнем. Жили мы в землянках, точнее, ночевали в них, а днем работали в войсках и на КП командующего Приморской армией, который располагался поблизости от нас. Климент Ефремович пребывал тогда в приподнятом настроении. Его буквально тянуло в войска, находящиеся в обороне в непосредственном соприкосновении с противником.

Выезды маршала в первую линию войск были часто весьма рискованными. Он сам и сопровождающие его генералы и офицеры подъезжали, например, на «виллисах» близко к переднему краю обороняющихся войск, что обычно никто не делал. Пять — десять минут спустя противник производил сильный минометный и артиллерийский налет по тому месту. Машины обычно успевали уже уйти, и все кончалось более или менее благополучно. Затем К. Е. Ворошилов и все сопровождавшие его шли по ходам сообщения, которые далеко не везде были в рост глубины. Попав под обстрел, Климент Ефремович шутил и вел себя так, словно опасность существовала не для него. Меня интересовала психологическая сторона такого поведения маршала, и я убедился, что это не был внешний прием, бьющий на эффект или в назидание другим. Убежден, что у Климента Ефремовича складывалось внутреннее состояние боевого возбуждения, он выслушивал доклады командиров, осматривал местность, беседовал с офицерами и солдатами, давал указания.

Ничем другим, кроме такого состояния, нельзя объяснить и переправы Климента Ефремовича на катере через Керченский пролив на косу Чушка и обратно под артиллерийским огнем противника. Однажды после очередного посещения переднего края мы, возвратившись, нашли на месте землянки К. Е. Ворошилова только яму, заваленную землей и бревнами. Оказалось, что в наше отсутствие снаряд угодил в нее. Маршал и не подумал перейти в более надежное убежище... Он приказал построить себе здесь же новую землянку, что и было сделано. Мы не раз пытались отговорить Климента Ефремовича от некоторых чересчур рискованных предприятий. Он возмущался, советовал тем, кто боится, ехать в Варениковскую, где стояли тылы фронта и вагон

представителя Ставки. Уж такой он, Климент Ефремович Ворошилов, и тут с ним ничего поделаться нельзя»^[339].

Всю ответственность за провал операции принял на себя командующий армией генерал армии Иван Ефимович Петров.

Война катилась на Запад. До ее окончания оставался год. В этот период Ворошилов, как и прежде, с кипучей энергией выполняет «задания партии» — так он обычно говорил о поручениях, которые ему давал Сталин. После координации действий Отдельной Приморской армии, 4-го Украинского фронта, Черноморского флота и Азовской военной флотилии по освобождению Крыма, он в июне 1944 года назначается председателем Комиссии по перемирию с Финляндией, Венгрией и Румынией при Наркомате иностранных дел СССР, а с 1945-го — председателем Союзной контрольной комиссии в Венгрии. Усилиями Ворошилова был подписан Пакт о перемирии с Венгрией. В нем указывалось:

Статья 1. По заключению военных действий против Германии венгерские вооруженные силы должны быть демобилизованы и поставлены под наблюдение Союзной контрольной комиссии. <...>

Статья 6. Имущество, отнятое у стран — членов Объединенных Наций, должно быть возвращено в эти территории, находящиеся под надзором Контрольной комиссии. <...>

Статья 8. Имущество, принадлежащее странам Оси, не должно быть возвращено без разрешения Контрольной комиссии. <...>

Статья 11. Правительство Венгрии должно обеспечить, в случае необходимости, использование и регулирование работы промышленных и транспортных

предприятий, средств связи, электростанций, предприятий и установок жилищно-коммунального хозяйства, магазинов топлива и других материалов, в соответствии с инструкциями, изданными во время перемирия Союзным (Советским) Главнокомандованием или Союзной контрольной комиссией.

Статья 18. На весь период перемирия в Венгрии будет создана Союзная контрольная комиссия, которая будет регулировать и контролировать выполнение условий перемирия под председательством представителя Союзного (Советского) Главнокомандования...

День Победы над фашистской Германией Климент Ефремович Ворошилов встретил в Венгрии.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ МИРНЫЕ ГОДЫ

В роли «свадебного генерала»

Дружеская близость Сталина и Ворошилова, существовавшая много лет, в последнее время стала ослабевать.

Раньше Коба и Клим были не разлей вода. Их повсюду видели рядом: они сидели друг подле друга в президиумах съездов партии, на сессиях Верховного Совета СССР, на различных представительных собраниях, совещаниях, стояли на трибуне Мавзолея Ленина, когда на Красной площади проходили всенародные демонстрации, военные парады в День Красной армии и ВМФ, на 1 Мая, в годовщины Великого Октября. Вместе отдыхали семьями на курортах Крыма и Кавказа, проводили свободное от работы время на дачах, в квартирах либо Сталина, либо Ворошилова. Без них не обходилось ни одно мероприятие, проводившееся в узком кругу высшей партийно-государственной номенклатуры.

Теперь этого не было. Народ видел Ворошилова в маршальской форме вместе со Сталиным на трибуне Мавзолея только на Параде Победы 24 июня 1945 года, а также в январе 1953-го — в Большом театре Союза ССР на концерте мастеров искусств Польской Народной Республики в общей компании членов Политбюро Молотова, Маленкова, Берию, Хрущева во главе с вождем.

Дружбу Сталина и Ворошилова сначала подточила Советско-финляндская война, потом сильно подрезало

начало Великой Отечественной, когда первый маршал проявил себя бездарным командующим. После катастрофических ленинградских событий — взятия гитлеровцами в блокадное кольцо Северной столицы в их отношениях исчезла былая непосредственность и теплота. Хотя они и оставались на «ты» (Сталина называли по имени Иосиф, Сосо или по партийной кличке Коба лишь два человека — Молотов и Ворошилов), сердечной контактности, которая прежде была между ними, теперь уже не чувствовалось.

Климент Ефремович особенно болезненно переживал, что Сталин перестал в нем нуждаться. Когда в 1947 году он вернулся в Советский Союз из Венгрии, где в течение трех лет председательствовал в Союзной контрольной комиссии, постоянной подходящей руководящей должности для него не нашлось. С 1946 года он формально значился заместителем председателя Совета министров СССР.

В период с 1947 по 1952 год ему, как широко известному в стране и за рубежом легендарному советскому маршалу, была отведена роль «свадебного генерала». Об этом можно судить по своеобразной хронике его избрания в Верховный Совет Советского Союза, в Верховные советы союзных и автономных республик, в Моссовет.

В 1947 году К. Е. Ворошилов избирается:

9 февраля — депутатом Верховных Советов РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР, Дагестанской АССР.

16 февраля — депутатом Верховных Советов Узбекской ССР, Туркменской ССР, Карело-Финской АССР.

21 декабря — депутатом Моссовета.

В 1950 году, 12 марта — депутатом Верховного Совета СССР третьего созыва.

18 февраля — депутатом Верховных Советов Молдавской ССР, Латвийской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР, Башкирской АССР.

Кроме того, в 1948-м в апреле — направляется в Венгрию в качестве главы советской делегации на празднование столетия венгерской революции 1848 года. В 1949 году в марте-апреле участвует в работе XI съезда ВЛКСМ. 19-27 апреля — в работе X съезда профсоюзов СССР. В августе — поездка в Румынию в качестве главы делегации Советского Союза на празднование в связи с пятилетием освобождения Румынии Красной армией. В 1950-м в апреле он едет в Венгрию в составе советской делегации на торжества по случаю пятой годовщины избавления Венгрии от фашизма.

В 1952 году, 5—14 октября, Ворошилов участвует в работе XIX съезда партии. Его избирают членом ЦК, а на пленуме — членом Президиума ЦК КПСС.

В те годы Сталин не считался с Ворошиловым. Он позволял при всех высказывать ему пренебрежение и нередко открытое недоверие. По свидетельству современников, на одном из заседаний Политбюро после войны обсуждался вопрос о путях развития советского Военно-морского флота. Заседание было расширенным, на него были приглашены командующие флотами. Высказались все члены Политбюро. Выступление Ворошилова не понравилось вождю. Он недовольно сказал: «Не понимаю, для чего хочется товарищу Ворошилову ослабить советский Военно-морской флот». По окончании заседания его участникам был показан кинофильм «Огни большого города». После просмотра фильма всех позвали к стоявшим здесь же, в кинозале, столикам с закуской. За стол к маршалу Ворошилову никто не сел. Сталин подошел к нему с Берией. Положив руку на плечо маршала, вождь произнес с непонятным двусмысленным подтекстом: «Лаврентий, надо нам лучше заботиться о Ворошилове. У нас мало таких старых большевиков, как Клим

Ворошилов. Ему нужно создать хорошие условия». Ворошилов похолодел, не знал, что подумать...

Сталин настолько отдалил от себя Ворошилова, что его не стали приглашать на Политбюро. Когда Климент Ефремович самостоятельно узнавал о предстоящем заседании, он звонил секретарю генсека Поскребышеву: «Спросите товарища Сталина, пожалуйста, можно ли мне приехать на заседание Политбюро?»

Тем не менее на XIX съезд КПСС, проходивший с 5 по 14 октября 1952 года, Ворошилов получил полноправный мандат. Он не просто участвовал в его работе как рядовой делегат, а председательствовал на последнем заседании и закрывал съезд.

Открыл съезд вступительным словом Молотов, он предложил почтить память умерших Щербакова, Калинина, Жданова. Были заслушаны отчетный доклад ЦК члена Политбюро Г. М. Маленкова и отчетный доклад Центральной ревизионной комиссии председателя Центральной ревизионной комиссии Петра Георгиевича Москатова. Председатель Госплана СССР Максим Захарович Сабуров озвучил Директивы XIX съезда по пятому пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1951-1955 годы, член Политбюро Никита Сергеевич Хрущев выступил с предложением изменить устав и переименовать ВКП(б) в КПСС. Съезд утвердил отчетные доклады и директивы, принял новый устав партии, которая теперь называлась Коммунистической партией Советского Союза. Съезд упразднил Политбюро и вместо него образовал президиум из двадцати пяти человек. Пофамильное формирование президиума было отнесено на 16 октября, в тот день планировалось провести пленум ЦК КПСС.

Как и намечалось, пленум состоялся спустя два дня после съезда. С большой речью на нем выступил

Сталин. Он разъяснил, почему значительно обновлен состав ЦК КПСС: «Мы, старики, все перемрем, и необходимо подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела, кто ее понесет вперед? Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические лидеры».

Сталин хочет убрать в тень Молотова, Кагановича, Ворошилова, Микояна и других старых видных партийных и государственных деятелей, которые уже исчерпали свои ресурсы. Их место пусть займут более квалифицированные, инициативные кадры, полные здоровых сил и энергии. Он призывает поддержать новых работников в их ответственной деятельности.

Пленум избирает Президиум ЦК КПСС, и в нем в большинстве оказывается старая гвардия. И тогда генсек обращается к президиуму: поскольку он очень громоздок — 25 членов и 11 кандидатов — надо обособить из его среды маленький орган (хотя уставом КПСС это не предусмотрено), например из девяти человек, для оперативной работы преимущественно из молодых, энергичных людей. Такой орган можно было бы назвать Бюро президиума.

Члены президиума соглашались, создают Бюро, но и в этом маленьком органе также оказывается засилье стариков: кроме самого Сталина Маленков, Берия, Хрущев, Булганин, Ворошилов, Каганович против двух «молодых» — Первухина и Сабурова. Правда, Молотов и Микоян остались вне Бюро...

Хрущев потом скажет: Бюро в таком составе фактически не функционировало, все дела в основном решала выделившаяся пятерка — Сталин, Маленков, Берия, Хрущев, Булганин. Так что принадлежность Ворошилова и Кагановича к Бюро никак не влияла на его работу.

Это случилось 2 марта 1953 года. Ворошилову сообщили: на Ближней даче в Кунцеве Сталина разбил инсульт. По свидетельству профессора Александра Леонидовича Мясникова, участника консилиума, вызванного к больному Сталину, дачу, соблюдая «иерархию», посетили Маленков и Берия, Булганин и Хрущев, а уж за ними — Ворошилов, Каганович, Молотов и Микоян. Потом в последующие дни еще несколько раз приезжали чаще других Берия и Хрущев, реже Молотов, Ворошилов.

О том, как уходил из жизни генсек, много, подробно и в различных вариантах описано в книгах и периодике. Приведу рассказ сына Маленкова, Андрея Георгиевича, о последних часах Сталина, записанный со слов отца:

«Я, Молотов, Берия, Микоян, Ворошилов, Каганович прибыли на Ближнюю дачу Сталина. Он был парализован, не говорил, мог двигать только кистью одной руки. Слабые зовущие движения кисти руки. К Сталину подходит Молотов. Сталин делает знак — «отойди». Подходит Берия. Опять знак — «отойди». Подходит Микоян — «отойди». Потом подхожу я. Сталин удерживает мою руку, не отпуская. Никаких слов не произносит, только беззвучно шевелит губами».

Известный журналист Леонид Млечин в своих книгах уверяет, что это неправда, что «в реальности всё было иначе». Возможно, и иначе. Но кто сейчас может совершенно точно рассказать, как было в действительности?..

Думается, что определенная правда в рассказе Георгия Маленкова все же есть: зачем ему в откровенной беседе с сыном лгать? А вот Андрей Георгиевич мог, конечно, приврать, чтобы показать отца как потенциального наследника генсека. Объективности ради надо признать, в тот период Маленков был претендентом номер один на пост главы государства.

В Кремле 4 марта начался дележ власти. До этого, по некоторым сведениям, 2 марта «четверка» — Маленков, Берия, Хрущев, Булганин — уже произвела предварительное распределение «портфелей» и приняла решение о ликвидации расширенного Президиума ЦК КПСС.

Как пишет Рой Медведев в книге «Ближний круг Сталина: Соратники вождя», 4 марта большинство членов ЦК, кроме «четверки», не были в курсе, жив еще Хозяин или уже умер.

Ровно в 20 часов из задних дверей Свердловского зала вошли в кабинет генерального секретаря и сели за стол не 25 человек, выбранных в президиум при Сталине, а только те, кто был включен в Бюро президиума, и еще Молотов с Микояном. Сели за стол по обе его стороны на привычные, согласно субординации, места; кресло генсека осталось пустым. Константин Симонов, бывший тогда кандидатом в члены ЦК КПСС, так сформулировал свое впечатление от увиденного: «Вышло и село за стол прежнее Политбюро, к которому добавились теперь Первухин и Сабуров».

Сначала собравшиеся заслушали краткое сообщение министра здравоохранения Третьякова о безнадежном состоянии вождя, чтобы ни у кого не было сомнений в неизбежности его кончины. Вторым с краткой речью выступил Маленков, который напомнил собравшимся о необходимости сплоченности руководства. Затем Хрущев предоставил слово Берии о кандидатуре председателя Совета министров СССР. От имени Бюро Президиума Берия предложил на этот пост Маленкова. Предложение утвердили дружными возгласами: «Правильно! Утвердить». После Хрущева с сообщением выступил Маленков, он представил собравшимся обширную программу реорганизаций, состоявшую из семнадцати пунктов. Главным из них было сокращение Президиума ЦК КПСС (для большей оперативности в

руководстве) до одиннадцати членов. Первыми заместителями председателя Совета министров СССР назначались Берия, Молотов, Булганин и Каганович. Ворошилов сменил Шверника на посту председателя Президиума Верховного Совета СССР. Занимавший до него эту должность Николай Михайлович Шверник не пользовался должным авторитетом, он даже не был полноправным членом Политбюро, лишь его кандидатом. До войны Николай Михайлович возглавлял советские профсоюзы. Теперь было решено снова назначить его председателем ВЦСПС. Берия возглавил объединенное общее министерство, в которое вошли МГБ и МВД. На положении маршала Булганина реорганизация правительства никак не отразилась, он по-прежнему стоял у руля военного министерства СССР. Его первыми заместителями назначались маршалы Василевский и Жуков.

Хрущев сохранил за собой должность секретаря ЦК КПСС, но оставил пост первого секретаря Московского комитета партии. Новый статус Хрущева не очень устраивал, но больше всего его настораживало, даже серьезно тревожило то, что складывающаяся в ходе реорганизации ситуация вела к передвижке центра власти в стране из ЦК КПСС к Совету министров. Маленков концентрировал в своих руках основные рычаги управления во всех сферах. Георгий Максимилианович, совмещая пост секретаря ЦК КПСС с председательством в Совмине, нередко вел заседания Президиума ЦК КПСС.

В списке членов нового Президиума ЦК КПСС, составленном, как было издавна принято, не по алфавиту, а по рангу, Хрущев стоял шестым, после Сталина (при его жизни), Маленкова, Берии, Молотова и Ворошилова. Все члены нового Президиума ЦК КПСС, кроме Хрущева, вошли также и в особый орган — Президиум Совета министров СССР.

Хрущев нервничал, но на людях старался этого не показывать. Только с Булганиным делился мыслями, что у нового государственного лидера опасно сосредоточивается большая власть. Также ему не нравится объединение систем МТБ и МВД, над которыми поставлен Берия. Это — победа тандема Маленков — Берия и поражение Хрущева и Булганина...

Заседание в кабинете генсека закрыл Хрущев. Члены вновь избранной руководящей верхушки страны спешили на дачу в Кунцево. Успели вовремя. Через полчаса после их прибытия, в 21 час 50 минут, врачи констатировали смерть Сталина. Вчерашние соратники «отца народов» вошли в комнату, где лежало его бездыханное тело. Полукругом встали в молчании возле покойного вождя. Через 20 минут все уехали в Кремль, где, опять в кабинете Сталина, члены партийного и государственного руководства должны были решать срочные проблемы.

Константин Симонов отметил: на лицах членов президиума была не скорбь, а скорее облегчение. «Было такое ощущение, что люди освободились от чего-то давившего на них, связывавшего их».

Вечернее заседание в Кремле нового руководства страной продолжалось очень долго и закончилось только к утру. Здесь была назначена комиссия по похоронам Сталина под председательством Хрущева. В состав комиссии вошел и Ворошилов. Был утвержден составленный Суловым и Пospelовым текст «Обращения к советскому народу». Он отличался сдержанностью и суховатым тоном. На этом заседании на начальника УМВД по Москве и Московской области генерала Василия Степановича Рясного была возложена ответственность за соблюдение порядка в Москве во время предстоящих траурных церемоний. К сожалению, порядок, как известно, соблюсти не удалось: во время

похорон Сталина произошла массовая давка, в которой погибли тысячи людей.

Почетная должность председателя Президиума

Верховного Совета

Должность председателя Президиума Верховного Совета СССР, на которую новое руководство Советского Союза определило в марте 1953 года 72-летнего Ворошилова, была декоративной. В стране происходили бурные события, однако Климента Ефремовича они в первые годы после смерти Сталина почти не касались. Сидя на почетном посту, он не лез в политику, только добросовестно исполнял указания действующей власти — подписывал соответствующие законы и указы. Ворошилов ничего не решал, его мнением никто не интересовался.

Между тем в самом верхнем эшелоне руководителей государства развернулась нешуточная борьба за сферы влияния. Никита Сергеевич Хрущев повел атаку на «спарку» Маленков — Берия. В нем открылся талант изощренного аппаратчика. Расчетливая раскованность, неукротимая энергия, практичный ум и живой язык Хрущева импонировали многим.

Первым, кого ему удалось устранить, был Берия. Он знал, что бывшего сталинского сатрапа, всесильного шефа репрессивного ведомства, как огня боялись члены Президиума ЦК, поэтому легко убедил их в том, что при живом Лаврентии Павловиче никто из них не может чувствовать себя спокойно.

Горячо поддержал Хрущева при смещении Берии Ворошилов. В беседе с Никитой Сергеевичем он даже расплакался от волнения. Он долго испытывал страх за

свою жизнь после того, как однажды Сталин порекомендовал Берии взять «заботу» о старом большевике Климе Ворошилове.

26 июня 1953 года на заседании Президиума ЦК КПСС Берия был обвинен в «антипартийной деятельности», в организации массовых репрессий в годы правления Сталина и в подготовке государственного переворота после его смерти. Его арестовали, состоялся закрытый суд, который вынес смертный приговор ему и ближайшим его сподвижникам.

В сентябре Хрущева избрали первым секретарем ЦК КПСС.

Теперь следующим, на кого Никита Сергеевич нацелил свои стрелы, был Маленков.

В декабре председатель Совета министров предложил правительству план экономических преобразований, в котором приоритет отдавался ускоренному развитию легкой промышленности, при этом ущемлялись интересы высших руководителей тяжелой индустрии. И сразу число противников Маленкова выросло. Хрущев немедленно этим воспользовался, он уличил его в «оппортунизме». Потом на протяжении всего 1954 года на Маленкова шли постоянные «наезды» со стороны Хрущева.

В январе 1955-го состоялся пленум ЦК КПСС, где Маленков подвергся уничтожающей критике. Ему бросали в лицо: он не обладает необходимыми знаниями и опытом хозяйственной деятельности, а также опытом работы местных советских органов. Он плохо организует работу Совета министров, не обеспечивает серьезной и своевременной подготовки вопросов к заседаниям Совмина. Его также упрекали в том, что при рассмотрении многих острых вопросов проявляет нерешительность, не занимает четкой определенной позиции. В общем, Маленков в

деятельности на посту председателя Совета министров СССР не проявил себя достаточно политически зрелым и твердым большевистским лидером.

Президиум ЦК постановил: освободить Маленкова от обязанностей председателя Совета министров СССР.

В тот период Ворошилов был погружен в работу, которая вполне его удовлетворяла. Им владел здоровый энтузиазм. Он еще не знал, что в семье к тому времени поселился черный призрак будущей неотвратимой трагедии. У Екатерины Давидовны врачи выявили рак. Клименту Ефремовичу об этом она не сказала и попросила докторов «Кремлевки» не говорить маршалу, что у нее онкологическое заболевание. А своим близким домашним призналась: «У меня рачок завелся, только боже упаси, Климу — ни слова». Она как ни в чем не бывало по-прежнему продолжала работать заместителем директора Музея Ленина. Болела, в ее возрасте многие женщины имели проблемы со здоровьем по женской линии. В течение трех лет периодически лечилась, тщательно скрывая от мужа истинный диагноз болезни...

Новое руководство страны, чтобы вызвать к себе уважение народа, решило объявить широкую амнистию заключенным. Оно на этот счет спустило Ворошилову поручение, и вскоре вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии, в котором констатировались упрочение советского общественного и государственного строя, повышение благосостояния и культурного уровня населения, рост сознательности граждан, их честного отношения к выполнению своего общественного долга и как результат этого — значительное сокращение преступности в стране. В этих условиях не вызывается необходимостью дальнейшее содержание в местах заключения лиц, совершивших преступления, не представляющие

большой опасности для государства. Они своим добросовестным отношением к труду доказали, что могут вернуться к честной трудовой жизни и стать полезными членами общества.

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1) Освободить из мест заключения и от других мер наказания, не связанных с лишением свободы, лиц, осужденных на срок до пяти лет включительно.

2) Освободить заключенных, независимо от срока наказания, за должностные и хозяйственные преступления, а также за некоторые воинские преступления...

Освобождались из мест заключения, независимо от срока наказания, осужденные: женщины, имеющие детей в возрасте до десяти лет, беременные; несовершеннолетние в возрасте до восемнадцати лет; мужчины старше пятидесяти пяти лет и женщины старше пятидесяти лет, а также все, кто страдал тяжелым неизлечимым недугом. И дальше — большой перечень других льгот.

Поскольку указ был подписан Ворошиловым, то эту амнистию народ окрестил «ворошиловской». Его имя вновь, как в 1930-е годы, стало популярным, прославляться простыми людьми. Из тюрем и лагерей вышли сотни тысяч осужденных. В сталинские суровые времена длительные сроки заключения получали тысячи граждан, как правило, за весьма незначительные правонарушения. На различного рода «бытовые» преступления людей часто толкала тяжелая жизнь.

Под амнистию попали и политзаключенные, но их число было незначительное, не более одного процента от общего количества освобожденных.

«Ворошиловская» амнистия для большинства советского народа была великим благом. Вместе с тем амнистия дала волю и злостным уголовникам:

грабителям, убийцам, рецидивистам. В столице и во многих крупных городах поднялась преступность — участились ограбления банков, магазинов, квартир.

Послесталинские годы ознаменовались важными, поистине историческими событиями не только для нашей страны, но и всего человечества. В 1954 году началось освоение целины, это была подлинная революция в сельском хозяйстве. В том же году 27 июня в СССР запущена в эксплуатацию первая в мире промышленная атомная электростанция. 4 октября 1957 года произведен первый в мире запуск в космос искусственного спутника Земли — советского спутника; 12 апреля 1961-го земляне узнали: человек впервые оторвался от родной планеты и поднялся к звездам. Имя этого человека — Юрий Алексеевич Гагарин, гражданин Советского Союза.

Ворошилов был живым свидетелем этих грандиозных свершений.

1950–1960-е годы прошлого столетия отмечены и крупными политическими потрясениями, которые непосредственно коснулись и Климента Ефремовича. Через три года после смерти Сталина Хрущев в 1956 году в своем докладе на XX съезде КПСС в пух и прах разнес культ личности «отца народов». О Ворошилове в докладе он говорил хорошо: «В невыносимые условия был поставлен один из старейших членов нашей партии — Климент Ефремович Ворошилов. На протяжении ряда лет он фактически был лишен права принимать участие в работе Политбюро. Сталин запретил ему появляться на заседания Политбюро и посылать ему документы... Сталин дошел до такого нелепого и смехотворного подозрения, будто Ворошилов является английским агентом... К нему дома был подставлен специальный аппарат для подслушивания его разговоров».

Но Ворошилов не очень обольщался словами Хрущева. Его беспокоила воинствующая линия новой

главной «метлы» государства на радикальное разоблачение сталинизма: Никита Хрущев обязательно доберется и до него, Клим Ворошилов.

В июне 1957 года против Хрущева выступит так называемая антипартийная группа, костяком которой были бывшие соратники Сталина, чье влияние в стране стало заметно уменьшаться после XX съезда. В нее входили члены Президиума ЦК КПСС Молотов, Каганович, Маленков, Булганин, Первухин, Сабуров. На их сторону встал и Ворошилов. Оказал ей лояльность и главный редактор газеты «Правда» Дмитрий Тимофеевич Шепилов. На заседании Президиума ЦК Хрущеву были предъявлены многочисленные претензии, которые были достаточно обоснованными. семью голосами против четырех Президиум принял решение рекомендовать пленуму ЦК сместить Хрущева с поста первого секретаря.

На июньском (1957 года) пленуме ЦК КПСС антипартийная группа не получила поддержки и была осуждена. В докладе на XXII съезде КПСС Хрущев скажет, что ожесточенное сопротивление пыталась оказать осуществлению ленинского курса, намеченного XX съездом партии, фракционная антипартийная группа, в которую входили Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов, Булганин, Первухин, Сабуров и примкнувший к ним Шепилов. Но у нее ничего не получилось.

Ворошилов вовремя сориентировался в обстановке. Накануне пленума он понял, что большинство членов ЦК не согласятся с позицией президиума, и перешел в стан Хрущева. Он неожиданно выступил на пленуме с осуждением своих недавних союзников. Поэтому фамилия Ворошилова не была упомянута в решениях пленума об антипартийной группе. В начале июля Климент Ефремович, будучи в Ленинграде, на собрании партактива, еще раз осудил «гнусную попытку»

Молотова, Маленкова и Кагановича подняться против «ленинского руководства» ЦК КПСС в лице товарища Хрущева.

И все-таки Ворошилов понимал, что плодотворной совместной работы с Никитой Сергеевичем у него не будет. Проявленная в июне 1957 года попытка встать в оппозицию по отношению к Хрущеву не прошла ему даром. В 1960-м Ворошилову было предложено подать в отставку с должности председателя Президиума Верховного Совета СССР. Уход его с поста главы государства подсластили присвоением ему звания Героя Социалистического Труда.

Вместо Ворошилова председателем президиума был избран Леонид Ильич Брежнев.

17—31 октября 1961 года состоялся XXII съезд КПСС. На этом съезде Хрущев в отчетном докладе, говоря о фракционной антипартийной группе, уже открыто назвал Ворошилова ее участником. Вслед за ним все другие ораторы как по команде повели огонь по Ворошилову. Особенно критично выступил Дмитрий Степанович Полянский — председатель Совета министров РСФСР. В унисон Полянскому с обличительными нападками обрушился на престарелого маршала Александр Николаевич Шелепин, занимавший в то время пост председателя Комитета государственной безопасности.

На девятнадцатом заседании съезда, 27 октября, было зачитано покаянное заявление Ворошилова XXII съезду, в котором он утверждал, что «не имел никакого понятия о фракционных действиях тогдашнего Президиума ЦК». Ворошилов писал, что он глубоко осознал тот огромный вред, который могла нанести партии и стране антипартийная группа Молотова, Кагановича, Маленкова и других. Он решительно

осуждает ее пагубную деятельность и сожалеет о допущенных им ошибках.

Подвергся Ворошилов на съезде и нелицеприятному обвинению за участие в репрессиях 1937-1938 годов против военных кадров.

Подводя итог прениям, Хрущев хотя и поддержал оппонентов Ворошилова, все же призвал съезд проявить к нему великодушие. Он сказал: «Я верю, что он искренне осуждает свои поступки и раскаивается в них». Эти слова вызвали аплодисменты.

Ворошилова простили за все его грехи, он не был исключен из партии. Однако в новый состав ЦК уже не избрали, не вошел он и ни в какие другие руководящие органы партии. Его отрешили от всякой общественной и политической деятельности...

XXII съезд КПСС стал триумфом Хрущева. Он уверовал после съезда в незыблемую прочность своего положения, ему казалось, что крепко держит в руках главные вожжи власти: партийной — он первый секретарь ЦК, и государственной — он глава Совета министров СССР. Но, как покажет ближайшее будущее, он глубоко заблуждался,

14 октября 1964 года пленумом ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев был освобожден от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР. Леонид Ильич Брежнев стал первым секретарем, Алексей Николаевич Косыгин — председателем Совета министров.

В правление Брежнева не было ни дальнейших разоблачений культа личности, ни его возрождения. Новый первый секретарь, а с 1966 года генеральный секретарь ЦК КПСС, решил не накалять страсти в обществе по поводу столь противоречивой и резонансной темы.

На излете жизни

Весна 1959 года была для Ворошилова черным черном. Умирала любимая Гиля.

На протяжении почти сорока лет Екатерина Давидовна являлась Клименту Ефремовичу надежной опорой. На людях — строгая, даже суровая, сама партийность во плоти, с Климом же — мягкая, нежная. С самого начала их супружества она поставила его перед собой на пьедестал. Как потом вспоминала невестка Ворошиловых Надежда Ивановна, жена Петра Климентьевича, он с первой минуты был для нее на всю жизнь. Екатерина Давидовна ни на минуту не сомневалась в правильности его поступков, не позволяла себе критики в его адрес, полностью поддерживала его дело и предназначение. Хотя положение жены человека с такой властью непростое, к тому же ей нелегко было выдерживать чрезмерную контактность и импульсивность Климента Ефремовича. Командовать им она не пыталась, но он без нее ничего в доме не решал. Разногласий между ними никогда не было. Гармония была полной.

С постели Екатерина Давидовна перестала вставать зимой 1958/59 года. Жили Ворошиловы в ту пору на даче, квартира в Кремле действовала на них угнетающе. В марте Климент Ефремович заболел гриппом в тяжелой форме с высокой температурой. Теперь они оба были прикованы к кроватям: ее кровать — в комнате направо, его — в комнате налево. У каждого свои врачи и медицинский пост.

Наступил апрель. Екатерине Давидовне становилось все хуже и хуже, началось кровотечение. Но она крепилась: сказала себе, что доживет до выздоровления Клим. Он постепенно выкарабкался, однако в ее комнату не заходил, боялся заразить.

Болезнь Екатерины Давидовны прогрессировала. Собрался консилиум, где было решено перевезти ее с дачи в больницу. Сказали об этом Клименту Ефремовичу в оптимистичной форме, что там, мол, дело пойдет на поправку. Но он по глазам врачей прочитал всю сложность ситуации. Попросил разрешить ему пройти к ней. Доктора разрешили.

Надежда Ивановна Ворошилова рассказывает:

«Мы все, и врачи, и я, и мой муж, понимали — это их последнее свидание. Он сел на краешек ее постели. Она взяла его за руку, и мы слышим:

— Помнишь, Климушка, как мы с тобой пели в Петербурге?

А у обоих — абсолютный слух.

И она запела. А он следом:

— Глядя на луч пурпурного заката...

Старческими, слабенькими голосами. Врачи и сестры за дверью зажали рты руками, и слезы текут по щекам.

Допели они романс до конца. Он ее поцеловал...

Через несколько дней она умерла в больнице»^[340].

Вечный покой любимая жена Ворошилова — первого Маршала СССР и председателя Президиума Верховного Совета СССР — обрела на Новодевичьем кладбище.

После смерти Екатерины Давидовны Климент Ефремович прожил еще десять лет. Но это уже была жизнь на излете.

Тем не менее он старается вести активный образ жизни, пишет мемуары, выступает со статьями в различных периодических изданиях. 17–31 октября 1961 года участвует в работе XXII съезда КПСС, публикует в «Правде» свое заявление-письмо съезду, в котором признает совершенные им ошибки. В 1962 и 1966 годах его избирают депутатом Верховного Совета СССР и

членом Президиума Верховного Совета СССР. В 1968-м он делегат XXIII съезда КПСС, член ЦК.

Журнал «Политическое самообразование» печатает его статью «Бессмертный образ Ленина». 3 ноября 1962 года «Правда» помещает на своих страницах статью Ворошилова «Дело Великого Октября живет и побеждает», в 1967-м — статью «На защите Октября». В августе того же года в «Комсомольской правде» публикуется его труд «Накануне» (к пятидесятилетию VI съезда партии), в октябре в журнале «Блокнот агитатора Вооруженных сил СССР» — «Октябрь и Вооруженные силы».

В течение 1968-1969 годов выходят печатные работы К. Е. Ворошилова в газете «Красная звезда» под рубрикой «Нас Ленин учил побеждать». В «Известиях» в связи с пятидесятилетием 1-й Конной армии опубликована большая статья «Конница революции».

В феврале 1968 года вышли в свет воспоминания «Рассказы о жизни», книга 1-я.

Климент Ефремович Ворошилов за период своей многолетней военной и государственной деятельности был удостоен многих высоких наград, как отечественных, так и иностранных. Он один из 154 дважды Героев Советского Союза и один из одиннадцати человек, кому присвоены обе высшие степени отличия Советского Союза — звания Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда.

Примечательно, что большинство наград, в том числе самые высокие, он получил после Великой Отечественной войны. Из восьми орденов Ленина до войны — три, после — пять, из шести орденов Красного Знамени до войны — четыре, в войну — один (в годы Великой Отечественной войны он был отмечен лишь двумя орденами: Красного Знамени и Суворова 1-й степени) и после войны — один. Всё остальное — юбилейные награды. Дважды Герой Советского Союза

(Указы Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1956 года (в связи с 75-летием со дня рождения) и от 22 февраля 1968 года (в связи с пятидесятилетием Вооруженных сил СССР). Герой Социалистического Труда — Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1960 года.

Ниже — перечень наград К. Е. Ворошилова:

Ордена Ленина (№ 880 от 23.02.1935, № 3582 от 22.02.1938, № 14851 от 3.02.1941, № 26411 от 21.02.1945, № 128065 от 3.02.1951, № 313410 от 3.02.1956, № 331807 от 3.02.1956, № 340967 от 22.02.1968).

Ордена Красного Знамени (№ 47 от 26.06.1919, № 629/2 от апреля 1921 года, № 27/3 от 2.12.1925, № 5/4 от 22.02.1930, № 1/5 от 3.11.1944, № 1/6 от 24.06.1948).

Орден Суворова 1-й степени (№ 125 от 22.02.1944).

Орден Красного Знамени Узбекской ССР (17 февраля 1930 года).

Орден Красного Знамени Таджикской ССР (№ 148 от 14 января 1933 года).

Орден Красного Знамени РСФСР (25 февраля 1933 года).

Медаль «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной армии» (22.02.1938).

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945).

Медаль «В память 800-летия Москвы» (21.09.1947).

Медаль «30 лет Советской армии и флота» (22.02.1948). Медаль «40 лет Вооруженных сил СССР» (17.02.1958).

Медаль «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1965).

Почетное революционное оружие (1920, 1968).

Иностранные награды:

Герой Монгольской Народной Республики (29.05.1957).

Два ордена Сухэ-Батора (МНР).
Орден Боевого Красного Знамени (МНР).
Большой крест ордена Белой розы (Финляндия).

Лариса Васильева, дочь инженера Николая Алексеевича Кучеренко^[341], одного из создателей серии танков БТ и Т-34, работавшего в свое время вместе с Петром Климентьевичем Ворошиловым, рассказывает об одном дне пребывания на даче у маршала Ворошилова. Отмечался шестидесятилетний юбилей Петра Климентьевича. На празднество были приглашены многочисленные гости и среди них чета Кучеренко и их 25-летняя дочь. Лариса помнит, во дворе было устроено огромное застолье, пили водку-ворошиловку, крепкую и горькую, — перец с лимоном. Еще запомнились красивые палисадники, сад и пруд. Дети Петра Климентьевича, Клим и Володя, на магнитофоне, а он был тогда редкостью, записали шуточные приветствия своему отцу-юбиляру и громко их озвучивали. Все смеялись, а старенький, маленький, почти совершенно глухой Климент Ефремович рассердился: «Выключите эту штуку. Живые люди пусть поговорят друг с другом».

Выключили. Дедушка Клим жаловался, что территория дачная — большая, через забор, бывает, перелезают грибники, любители обнести яблони и безобразничают. Охрана их приводит к маршалу, и Ворошилов лично сурово допрашивает — кто, откуда, фамилии? Смотрит, чего насобирали: боровиков, подосиновиков, подберезовиков... Каких и сколько яблок набили в карманы и за пазуху пацаны-воришки. У попавшихся душа в пятки — не знают, что он с ними сделает. А старикашка-маршал совсем не суровый. Скажет миролюбиво: «Ну, ладно, ступайте уж. И чего

набрали — себе оставьте». Радуются нарушители — отпустил!..

Компания затянула песни. Когда запели «Марш буденновцев», Ворошилов стал похрипывать в такт: «С нами Ворошилов, красный офицер».

Растрогался старик. Глядя на окружавших его детей, внуков и гостей, говорил, утирая слезы: «Нет жены... Встала бы из могилы, посмотрела, как мы тут. Порадовалась бы».

В ночь со 2 на 3 декабря 1969 года на восемьдесят девятом году жизни Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов скончался. Как он и хотел, похоронили его в нескольких метрах от Кремлевской стены за Мавзолеем Ленина. За год до своей смерти он попросил Брежнева: «Не замуровывайте меня в кирпичную кладку стены Кремля, положите в землю по русскому обычаю». Его просьбу выполнили. Леонид Ильич Брежнев пришел на погребение маршала и возложил от своего имени венок.

Через некоторое время на могиле Климента Ефремовича установили памятник — гранитный бюст. Нынче у Кремлевской стены за Мавзолеем уже образовался целый некрополь. В ряд вытянулись надгробные плиты с гранитными изваяниями Сталина, Жданова, Ворошилова, Буденного, Суслова, Брежнева, Черненко.

Память о Ворошилове после разоблачения культа Сталина претерпела неприятные изменения. В честь первого маршала еще при его жизни был назван ряд городов: Луганск стал Ворошиловградом (в 1958-м переименован в Луганск, но после смерти Ворошилова опять назван Ворошиловградом; с 1990 года историческое название снова восстановлено); Ворошиловск (в 1943-м возвращено историческое название Ставрополь); Ворошилов на Дальнем Востоке

(вновь стал Уссурийском). 29 декабря 1932 года был утвержден нагрудный знак «Ворошиловский стрелок Осоавиахима» для награждения метких стрелков, сегодня отменен. В честь Ворошилова была названа серия тяжелых танков КВ (официальная расшифровка — Клим Ворошилов), теперь это забыто.

И таких изменений множество.

Имя Ворошилова носили площади, улицы и переулки в городах и селах стран бывшего СССР, это — Апшеронск, Брест, Воронеж, Горячий Ключ, Днепропетровск, Ершов, Кемерово, Керчь, Клинцы, Коростень, Липецк, Луганск (квартал), Магнитогорск, Николаев, Оренбург, Пенза, Рыбинск, Санкт-Петербург, Серпухов, Тольятти, Хабаровск, Херсон, Челябинск, Ангарск, Ижевск, Великий Новгород, Ростов-на-Дону, Мирная Долина (Азовский немецкий национальный район Омской области), Такмык (Большереченский район Омской области), Вышков (Злынковский район Брянской области) и другие.

Ныне в редких местах оставили о Ворошилове добрую память. В Москве, например, на доме № 3 по бывшей улице Грановского, теперь Романов переулок, где жила семья Ворошиловых, установлена мемориальная доска. В Ростове-на-Дону сохранено название проспекта имени Ворошилова. Возможно, есть и другие места, но нам они неизвестны.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Закончив работу над книгой «Ворошилов», я слетал на майские праздники на Дон, в Ростов. Это — милый моему сердцу край, я ведь родом из казачьей станицы Семикаракорской. В Ростове-на-Дону прошла моя молодость, здесь учился в госуниверситете, работал в 1968–1975 годах в газете «Красное знамя» Северо-Кавказского военного округа корреспондентом, начальником отдела, затем в 1983–1985 годах возглавлял ее — был ответственным редактором.

В Ростове цвела белая акация. В один из ярких солнечных дней, гуляя по городу, я, опьяненный медовым запахом цветущих деревьев, опустился на лавочку на пешеходной части Пушкинского бульвара — одной из красивейших улиц в центре города. У пересечения бульвара с Буденновским проспектом есть уютное место с расставленными в полукруг резными скамейками под старой вербой, где всегда собираются стайки людей. И в этот раз под шатром зазеленевших уже кос плакучей ивы отдыхали одна супружеская пара преклонных лет, мама с ребенком, молодые люди — парень с девушкой и мужчина среднего возраста.

Я подсел к мужчине, представился, сказал, что приехал ненадолго из Москвы на малую родину. Мужчину назвали Василием Филипповичем. Разговорились.

— Семен Михайлович Буденный, — указал я на бронзовый бюст маршала Буденного, установленный на аллее. — Чтят его в Ростове?

— А как же! — сказал с уважением к маршалу Василий Филиппович.

— А Ворошилова?

— И Климента Ефремовича, а как же! Ворошилов и Буденный освобождали наш город в 1920 году от белых. Потом три года Ворошилов командовал Северо-Кавказским военным округом, а Буденный был его заместителем.

— Вы, наверное, учитель или краевед, — пытаюсь угадать профессию Василия Филипповича, так хорошо осведомленного об истории города и о маршалах.

— Нет, я железнодорожник; и дед, и отец мои были железнодорожниками.

— Но откуда вы знаете такие детали про Ворошилова и Буденного?

Василий Филиппович улыбается:

— Так я же ростовчанин. — И потом добавляет: — Читаю, интересуюсь.

Моему собеседнику лет шестьдесят: стариком не выглядит.

Задаю ему вопрос: что он думает о Ворошилове, как о человеке, причастном к массовым репрессиям против безвинных военачальников. Говорю: маршал подписал множество списков командиров и политработников Красной армии на их арест. Об этом поведал Хрущев, развенчивая на XXII съезде КПСС культ личности Сталина.

— Так Ворошилов же был наркомом обороны и, значит, должен был подписывать такие списки, — отвечает мой собеседник. — А не стал бы подписывать, сам пошел бы под арест. Время тогда такое было... — Помолчал, продолжил: — Насчет безвинных. Это безвинные-то Тухачевский, Уборевич, Якир и иже с ними? Сейчас уже доказано, что они действительно умышляли антигосударственный заговор. И вообще, кто такой Тухачевский? У него руки по локоть в крови — погубил тысячи матросов во время подавления Кронштадтского мятежа, когда они восстали против несправедливости, потом карал огнем и газами

тамбовских крестьян^[342]. А Хрущев? Сколько он подписал расстрельных списков в период 1937–1938 годов... Или новочеркасская расправа^[343] — его рук дело...

Кстати сказать, о трагических страницах нашей истории, связанных с репрессиями 1937–1938 годов, примерно так же высказывался бывший глава секретариата Ворошилова генерал-майор в отставке Леонид Андреевич Щербаков. Он говорил следующее: «Материалы по делу заговора в Красной армии присылали Ворошилову из НКВД. Климент Ефремович за голову хватался, когда читал их. А для того чтобы доказать невиновность кого-либо из обвиняемых, ему нужно было противопоставить аппарату наркома внутренних дел аппарат своего наркомата. Мог ли он пойти на это? Нет, конечно, ведь НКВД действовал по прямому указанию Сталина».

Спрашиваю Василия Филипповича:

— А правда, что в хрущевский период правления, когда Ворошилов попал в немилость высшей власти страны, Ростовский обком серьезно вознамерился переименовать проспекты Ворошиловский и Буденновский: первый — в Карла Маркса, второй — Первой конной армии. Буденновский потому, что Семен Михайлович был другом Климента Ефремовича? Особенно на этом настаивала ассоциация жертв незаконных политических репрессий «Мемориал».

— Правда, — подтверждает Василий Филиппович. — Даже будто в документах тогда уже стали писать новые наименования.

— Но все-таки не переименовали. Почему?

— Горожане были против...

Я потом со многими ростовчанами, знакомыми и незнакомыми, вел беседы о Ворошилове, хотел узнать их к нему отношение. Подавляющее большинство

выказывало только доброе. Честно скажу: мне было приятно это слышать. У Климента Ефремовича много было недостатков, не все его поступки были достойными, ему не хватало командирского таланта. Но немало было в нем и положительного: как комиссар, как организатор, он был замечателен, смел в бою, верен делу, которому служил, честен в отношениях с товарищами. И конечно, был преданным патриотом своей Родины.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ВОРОШИЛОВ К. Е.

(1881-1969; АВТОБИОГРАФИЯ)^[344]

Род. я в селе Верхнее Екатеринославской губ. Отец служил сторожем на жел. дор., а мать работала поденщицей.

Отец, солдат Николаевской службы, был человеком вольнодумным и весьма своеобразным. Работая на самых тяжелых работах в помещичьих экономиях, рудниках и на жел. дор., он часто менял места службы вследствие скандалов с хозяевами и администрацией.

Поэтому с раннего детства пришлось познакомиться с самой горькой нуждой.

В один из периодов безработицы отца ходил с сестрой «по миру», просить хлеба. С 6-7 лет пошел на работу выбирать колчедан на шахтах, за что получал по 10 коп. в день. К 10 годам вместе с отцом пас помещичий скот. В тот же период познакомился на практике с кулаком-миroeдом.

В одну из очередных голодух нашей семьи (отец исчез в поисках работы) меня взял к себе «в гости» дядя, брат отца, живший в деревне очень богато.

Вместо гостя меня обратили в батрака и подвергали в течение года дикой эксплуатации.

Затем я снова на рудниках, уже мальчиком, в мастерских.

В этот период меня зверски избили работавшие поденно крестьяне соседнего села, придравшись к какой-то глупости, а по сути за то, что меня приняли в мастерские, отказав одному из крестьян.

Случай избияния меня — ребенка, целой артелью взрослых парней остался болезненным воспоминанием на всю жизнь. Рос я неграмотным, и это весьма сокрушало мою мать, поставившую целью своей жизни сделать меня настолько «образованным», чтобы я мог так же читать псалтырь и часослов, как и ее отец (мой дед). Дальше ее мечты не шли. К несчастью, в местах, где мы жили, не было школ. В 1893 г. в селе Васильевка Славянского уезда открылась земская школа, куда я был принят.

Учился две зимы и успешно окончил весь «курс наук». За два года сменилось 3 учителя, и последний из них, С. М. Рыжков, оказался прекрасным учителем и воспитателем.

Меня С. М. искренно любил, и я в семье учителя стал своим, близким.

С. М. Рыжков, впоследствии член I Государств. Думы и второй секретарь ее (трудолик), был умным, честным, жизнерадостным и с высокоразвитым общественным инстинктом человек.

Учась в школе, 14—15-ти лет я начал под руководством С. М. читать классиков и книжки по естественно-научным вопросам и тогда же начал прозревать насчет религии.

В 1896 г. я поступил на завод при ст. Алчевская.

Работая на заводе, я не переставал читать, а общение с учителем довольно быстро давало ростки — я умственно и культурно рос. Однажды, кажется в 1897 г. или 1898 г., на завод был назначен полицейский пристав.

Отсюда начинается моя политическая работа.

Сей полиц. пристав, Греков, приехал к почтмейстеру, мимо которого проходили мы, подростки, человек 10–15. Все поздоровались с приставом, кроме меня. Пристав был ретив и глуп. Соскочив со скамьи, где он сидел в обществе «дам», бросился ко мне с

кулаками и требованием объяснить, почему я не поклонился.

Я рассмеялся в лицо «начальству», и оно с гневом вцепилось в мою рубашку, а я в свою очередь запустил руки за галстук озверевшего сатрапа.

Почтмейстер и все мои товарищи исчезли, а я, с легкими, правда, тумачами, был водворен в каталажку.

На второй день я был освобожден, но преследования начались систематические и настойчивые.

Сначала за мной следили «тайно», а затем стали ходить по пятам агенты пристава.

Преследования сделали свое дело: я не только открыто повел разговоры с учителем на политические темы, но уже завел знакомства и на заводе, и среди учительства.

В 1899 г. в чугунолитейном цехе под моим руководством забастовали крановщики.

Через некоторое время у меня обыск и кратковременный арест. Вместе со мною подвергся обыску и мой учитель.

С. М. Рыжкова вызвали в Питер, кажется в Министерство просвещения, и требовали прекращения сношения с Ворошиловым.

В течение трех лет я без работы.

Все заводы и рудники Донбасса отказывают в работе, я значусь в черных списках.

В 1903 г. поступаю в Луганске на завод Гартмана, но через 2–3 месяца меня с полицией выдворяют из Луганска.

В это же время я официально вступаю в партию и делаюсь большевиком, вхожу в Луганский комитет.

Летом 1909 г. снова удается поступить через Рыжкова на Гартманский завод. В феврале, а затем в июне руковожу на заводе забастовками.

Тогда же выбираюсь председателем сов. депутатов на заводе.

В июле, во время забастовки, арестуюсь на заводе и, до полусмерти избитый, сажусь до декабря в тюрьму.

В декабре, по требованию тысячи рабочих, подошедших к тюрьме, освобождаюсь под залог. Вскоре я скрылся от нахлынувшей волны реакции.

В начале 1906 г. делегатом еду на Стокгольмский съезд и впервые встречаюсь там с цветом нашей партии — выдаюсь с Ильичом.

По возвращении из Стокгольма усиленно готовим организацию к боевым действиям.

Я дважды еду в Финляндию и привожу большие партии оружия, закупленного у финских революционеров.

С этим оружием пришлось повозиться и нынешнему председателю Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьеву.

Луганская организация имела лучшие боевые отряды и прекрасную лабораторию, изготавливавшую в неограниченном количестве бомбы. Оставаясь все время председателем депутатского собрания, я был избран председ. вновь организованного профсоюза рабочих завода Гартмана.

Управление заводом фактически перешло в руки рабочих, и директор завода управлял номинально.

В октябре меня и других должны были судить выездной сессией Харьковской судебной палаты, но общая забастовка рабочих Луганска сорвала суд. Весной 1907 г. палатой был оправдан и тогда же поехал на Лондонский партийный съезд делегатом от Луганской организации.

Перед этим был делегирован на первую Всероссийскую конференцию профсоюзов металлистов в Москву.

В июле 1907 г. был арестован и в октябре того же года выслан в Архангельскую губернию на 3 года. В

декабре 1907 г. бежал из ссылки и был направлен ЦК для работы в Баку. Здесь вместе с тов. Шаумяном, Джапаридзе, Сталиным, Сосновским и др. проработал до осени 1908 г. и уехал в Питер. В Питере был арестован в сентябре и снова отправлен в Архангельскую губ. В ссылке, в Холмогорах, в январе 1911 г. был арестован и просидел в Архангельской тюрьме до ноября, а затем выслан в Мезенский уезд. Освободившись из ссылки в 1912 г., я поступил служить в кооператив рабочих на заводе «Дюмо», но через 3-4 месяца был арестован и выслан в Чердынский край. Из Чердыни освобожден в 1914 году и устроился на Царицынском оружейном заводе.

В Царицыне собираю рассеянных по заводам и предприятиям старых большевиков, но вскоре должен был уехать в Питер, спасаясь от царской армии. В Питере снова обыски и слежка.

С первых дней Февральской революции я — член питерского С.-Р. Д. и член бюро нашей фракции.

В марте я в Донбассе.

В апреле участвую на партконференции делегатом, а затем делегатом же на 6-м съезде партии.

В Луганске, где я работал в 1917 г., председательствовал в Совете, Гор. Думе и комитете партии.

Был делегатом на демократическом совещании, а затем был избран от Екатеринославской губ. членом Учред. Собрания.

Военную работу начал с отряда, организованного в 1918 г., в марте под моим командованием дравшегося с оккупационными немецкими войсками.

Вскоре был назначен командиром 5-й Украинской армии, а затем командовал отрядами, отходившими под напором немецких войск с Украины на Волгу и к Царицыну.

На ст. Лихая произошло большое сражение.

Наши отряды в панике бежали в направлении на Белую, встретив восставших казаков и их пули. Десятки тысяч деморализованных, изнуренных, оборванных людей и тысяча вагонов со скарбом рабочих и их семьями нужно было провести через бушевавший казачий Дон. Целых три месяца, окруженные со всех сторон генералами Мамонтовым, Фицхелауровым, Денисовым и др., пробивались мои отряды, восстанавливая железнодорожное полотно, на десятки верст снесенное и сожженное, строя заново мосты и возводя насыпи и плотины.

Через три месяца «группа войск Ворошилова» пробилась к Царицыну, и здесь из нее и других частей была образована 10-я Красная армия, которой мне было поручено командовать.

В 1918 г. вхожу в состав правительства Украины, затем назначаюсь командующим войсками Харьковского воен. округа.

После этого командовал 14-й армией и внутренним Украинским фронтом.

В конце 1919 г. — член РВС 1-й Конной армии, в 1921 г. — член ЦК РКП, командующий Сев. — Кавказск. воен. округом и член РВС Союза ССР, а в 1924 г. — член его президиума.

С мая 1924 г. назначаюсь командующим войсками Московского воен. округа и в настоящее время состою членом бюро М К РКП, членом Президиума Моссовета, председателем Московского Авиахима, зампредсед. Авиахима РСФСР и особоуполномоченным РВС СССР при Совнарком РСФСР.

За боевые заслуги награжден двумя орденами Красного Знамени и почетным оружием.

[С 1925 нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР, с 1934 нарком обороны СССР. С 1940 заместитель председателя СНК СССР и председатель Комитета обороны при СНК СССР.

В годы Великой Отечественной войны член ГКО. С 1946 заместитель председателя Совмина СССР. В 1953—60 председатель Президиума Верховного Совета СССР. До 1961 и с 1966 член ЦК, в 1926—60 член Политбюро (Президиума) ЦК партии.

В 40-х годах член Главной редакции 1-го издания Большой советской энциклопедии.]

Приложение 2

ОБЪЯСНЕНИЯ БЫВШИХ КОМАНДУЮЩЕГО 14-й АРМИЕЙ К. Е. ВОРОШИЛОВА И ЧЛЕНА РЕВВОЕНСОВЕТА 14-й АРМИИ В. И. МЕЖЛАУКА^[345]

Середина августа 1919 г.

Неумело и неудачно задуманная операция Южфронта для ликвидации Деникина, совершенно игнорировавшая фланговый удар, нанесенный Деникиным 10-й армии со стороны Маныча, откуда им были введены в бой освободившиеся на Кавказе силы, и совершенно не использовавшая возможности широкого флангового наступления со стороны Украины, чем использовалась бы возможность предотвратить невероятные трудности похода через Донецкую степь и труднопроходимые преграды Северного Донца и Дона, повлекла за собой в конечном результате полный разгром 10-й армии и дала возможность противнику легким нажимом сломать гнилую плотину, стоявшую на правом фланге Южфронта.

Еще в мае товарищем Троцким было обращено внимание на невероятное хаотическое состояние 2-й Укрармии, и нам дано было поручение приложить все силы для приведения ее в порядок.

После прорыва Шкуро, уничтожившего совершенно Махно как вооруженную силу, и катастрофического отказа всех армий, топтавшихся в Донбассе, нам было передано назначение от имени Реввоенсовета Республики для принятия командования 2-й Укрармией, переименовавшейся в 14-ю.

Прекрасно зная, что армия находилась в состоянии полного развала, тов. Троцкий одновременно дал нам чрезвычайно тяжелые задания и обещания приложить со своей стороны все силы для содействия нам в выполнении этих заданий. Товарищ Троцкий правильно считал, что, прежде чем реорганизовать 14-ю армию, необходимо ликвидировать совершенно Махно и махновщину и затем энергично взяться за постройку совершенно новой военной силы. <...>

Для ликвидации махновщины товарищем Троцким предложено было открыть немедленно агитацию против махновщины и организовать военную силу, прекратив одновременно снабжение Махно деньгами, боевыми припасами и прочим военным имуществом.

В целях создания армии товарищ Троцкий предназначил нам несколько частей и кадры, с помощью которых мы должны были создать новые регулярные части и реорганизовать наличный людской материал в запасной бригаде.

Для осуществления этих заданий товарищем Троцким были переданы в наше распоряжение следующие части:

1. Донецкая бригада в составе Луганского, Бахмутского и 34-го полка 4-й дивизии.
2. Особый отряд при Реввоенсовете Республики под командой Садовникова.
3. Московский особый 12-й полк.
4. Полк червонного казачества.
5. Кавполк особого назначения при Совнаркоме.
6. Особый кавполк при ВЧК.

Помимо этого, в наше распоряжение передавалась особая Башкирская бригада, которая должна была деформироваться в ближайшее время в Харькове.

Крымская армия подчинялась целиком нашему командованию. Для выполнения этих обещаний и улучшения снабжения армии товарищем Троцким были

даны надлежащие приказания Харьковскому округу и украинскому наркомвоену.

Вместе с тем товарищу Склянскому была послана телеграмма, в которой товарищ Троцкий приказал срочно направить в Харьков отряд Садовникова, ответственных политработников, опытных работников Особотдела, несколько коммунистических рот, хорошие кадры запбатальона, 3000 человек пополнения, 100 человек командного состава ответственных стажей, 40 пулеметов, 3000 винтовок и 3 000 000 патронов с указанием, что все это необходимо доставить в кратчайший срок.

Из числа этих средств, обещанных товарищем Троцким, в армию прибыли следующие части и в таком состоянии: Особый отряд Садовникова отправился из Москвы 7-го июня, по отзыву т. Склянского внешне хорош, но мало сколочен и пополнен лишь за пять дней до отправки; опытные работники Особотдела не прибыли, из коммунистических рот явилась одна, кадр запбатальона прибыл в хорошем состоянии, пополнение стало прибывать лишь в конце июня, командного состава с ответственным стажем не было, затребованные пулеметы, винтовки и патроны были задержаны в Харькове распоряжением Совобороны и в армию попало 6 пулеметов, 1000 винтовок и 1 700 000 патронов.

Основные части, предназначенные для формирования армии, прибыли в следующем виде. 3-й Луганский полк насчитывал к моменту отправления по смотровому списку [номер] 27:1376 красноармейцев строевых, из которых налицо состояло 998, лошадей всего 13, командного состава 70. Состав полка из рабочих был удовлетворительный, 2-й Бахмутский полк насчитывал по списку 1035 человек, из которых налицо было 735, хозяйственная часть оборудована слабо. 34-й стрелковый полк насчитывал на осмотре 4 июня 1369

стрелков, к моменту отправки полка насчитывал 2200, на фронт прибыло 800 штыков. Полк составлялся из григорьевцев и дезертиров. 12-й Московский особый полк прибыл в составе около 400 штыков, сильно потрепанный в боях с григорьевцами. Полк червонного казачества прибыл в составе около 777 сабель с хорошим вооружением и хозяйственной частью. Полк особого назначения при правительстве насчитывал всего около 300 сабель, а особый кавполк при ВУЧК совсем не прибыл. Башкирская бригада была втянута в бой распоряжением Харьковского Совобороны и вошла в состав армии лишь в середине июля.

Артиллерийское снабжение, несмотря на указанные выше обещания товарища Троцкого, продолжало находиться в отчаянном состоянии. Помимо задержки первоначально обещанной отправки артприпасов, приведенные выше патроны и винтовки задерживались и далее. Снабжение вещевое и продовольственное находилось в таком же положении. Органы, которым было поручено снабжение армии, работали недостаточно интенсивно, по отзывам самого товарища Троцкого.

Обещанные политработники из Москвы не прибыли, но взамен их были присланы малопригодные украинские.

Между тем состояние 2-й Укрармии к моменту принятия ее нами было чрезвычайно плачевно. Армия находилась в хаотическом состоянии. Управление армией и ее штаб стояли далеко не на должной высоте. Начальником штаба являлся некто Карташев, который менее всего способен был ведать штабом; по указаниям самого Скачко, бывшего командующего 2-й Укр-армией, тот никогда не вмешивался в оперативные распоряжения, не будучи специалистом в этом отношении.

Начальник оперативного отдела Ягода, вместе со всеми другими начальниками отделений штаба, перешедший впоследствии к белым, представлял собой вялого и бестолкового человека, не справлявшегося с задачами, несмотря на свою принадлежность генштабу. Его оперативные распоряжения свидетельствуют о полной неосведомленности об окружающей обстановке и неумении учитывать ни свои, ни противника силы.

Мы уже не говорим о самом командарме Скачко, расслабленном и больном человеке, приютившем у себя в штабе целое гнездо бездельников и дармоедов. Не зная, что творится на фронте, и охотно вступавшем в соглашения с самыми отвратительными батьками и партизанами от Максюты, известного григорьевца, убитого в Екатеринославе, до Махно включительно.

Это управление армии привело в кратчайший срок к тому, что положение на фронте к моменту его принятия нами было совершенно безнадежным и продвижение противника не происходило только потому, что он стремился развить неожиданный для него громадный успех на севере.

Управления участками в армии Скачко совершенно не было.

Крымская армия не подчинялась ему ни в какой мере и сидела со всеми своими резервами, работая на узеньком фронте Керченского перешейка, армия Махно на участке, которым командовал он сам, представляла собой шайки разрозненных бандитов, разбегавшихся по домам. Штабы бригад махновской дивизии сами не считали себя ответственными более за происходящее и сидели в разных местах, уходя при первом приближении противника, чему был положен конец только с момента принятия нами командования и ареста большей части махновских руководителей.

Так обстояло дело на южном и центральном участках армии, на северном же Гришинском участке

управление было передано товарищу Чикваная, бывшему выборному командиру одной из армий Югозапфронта, после переворота впоследствии командовавшему 3-й армией товарища Антонова и начальнику 7-й Укрдивизии в армии Скачко. Чикваная — военный специалист, бывший, кажется, капитан; его помощниками были бывший полковник Наумов и генштабист Трифонов. Все эти три лица оказались совершенно не способными к выполнению возложенных на них обязанностей, и двое из них были преданы суду, а Трифонов, вследствие своей общей неопытности в военных делах и личной слабости не бывший в состоянии управиться с порученным ему делом, был освобожден от суда как не соответствовавший заранее своему назначению. Таково было управление участками.

Оперативная обстановка к этому времени была чрезвычайно тяжела и заключалась в следующем: Северный участок между линиями Лозовая — Славянск и Синельниково — Гришино занимался партизанским отрядом Соловьева, стоявшего в Петропавловске, и группой Чикваная, стоявшего в Чаплине. В распоряжении Чикваная находилось около 200 человек Севастопольского полка, морально совершенно разложенного и физически на 90 % больного... кавалерийский Вознесенский полк, разоруженный вследствие своей полной непригодности, 13-й Вознесенский пехполк, пытавшийся перейти к Махно, но не принятый этим последним, и еще несколько отрядов. Дальше линия занималась бежавшими махновцами, образовавшими громадные прорывы фронта до Азовского моря, и узенькая полоска Керченского перешейка была занята войсками Дыбенко.

Наиболее грустную картину представляло собой снабжение 2-й Укрармии... <...> Громадный аппарат бездельников снабжения был обеспечен 4600 русскими патронами, несколькими изломанными винтовками,

парой телефонных аппаратов без элементов и ничтожным запасом теплого и летнего обмундирования. Цифры ведомостей говорят лучше всякого описания.

Формирование армии сводилось к формированию одной бригады Покуса, которая должна была представлять собой 3-ю бригаду 7-й дивизии Чикваная.

Таково было положение 2-й Укрармии к моменту, когда РЕВВОЕНСОВЕТ РЕСПУБЛИКИ НАШЕЛ НУЖНЫМ ПОРУЧИТЬ нам восстановление этой армии.

Немедленно по вступлении в должность нами были приняты меры в первую очередь к организации управления армией.

Во главе управления стал Реввоенсовет, сразу же строго распределивший между собой свои функции. Формирование и наблюдение за политработой было поручено члену Реввоенсовета товарищу Нацаренусу, а оперативная сторона и полевая реорганизация армии были приняты нами на себя. Товарищ Нацаренус высказал намерение заняться также и реорганизацией штаба, в чем ему с нашей стороны было оказано всякое содействие.

Во главе Штаба был поставлен рекомендательный военный специалист Харьковского окрвоенкома, сочувствующий коммунист Генштаба Шкляр-Алексюк. Ему были приданы энергичные и деятельные политкомы товарищи Повзнер и Зверев и несколько военных специалистов из Харькоокрвоенкома, как то: начальник административного управления Андреев и другие. Вскоре же выяснилось, что из Генштаба Шкляр не соответствует своему назначению благодаря неразвитости, военному невежеству и полному неумению разбираться в обстановке.

Был направлен ряд телеграмм Командюж (Командующий Южным фронтом) Гиттису, копия Предреввоенсовет Троцкому, обещавшему ранее на словах свое содействие, с просьбой заменить Шкляра,

выслав какого-либо руководителя, но никакого ответа получено не было, равно как и на заключенную в той же телеграмме просьбу дать нового начальника Оперода (Оперативный отдел). Реввоенсовет тем не менее сменил в Екатеринославе Шкляра, назначив начальником Генштаба Монигетти, а затем, ввиду его неблагонадежности в политическом отношении, сменив его, назначил бывшего офицера товарища Мармузова, который оказался хорошим организатором, вполне самостоятельным и знающим, и лишь тогда, через полтора месяца, прибыл новый начгенштаба Сапожников, уже без всякой надобности сменивший Мармузова.

Немедленно же было приступлено к улучшению участкового командования. В этом деле громадным препятствием явилось отсутствие резерва комсостава, который, как ранее указано, был обещан к высылке товарищами Троцким и Склянским, но так и не прибыл, несмотря на посылавшиеся телеграммы.

Тем не менее были приняты меры для того, чтобы перевоспитать тот комсостав, который имелся в нашем распоряжении, и получить новый, откуда только было возможно. Был издан ряд инструктирующих приказов. Нами лично проводилась инспекция и инструктирование на местах, вызывались командиры.

Армия значительно расширилась благодаря предоставлению ей новой территории, и приходилось постоянно придумывать способы привлечь новых начальников, в особенности ввиду того, что благодаря партизанскому характеру у частей начальники постоянно выбывали из строя и нуждались в замене.

На центральном участке был сменен немедленно бывший комбриг Махно, взамен которого был направлен Начбоевуч товарищ Круссер, а после его смерти товарищ Диченко. На северном участке были заменены Митрофанов и Бобырев Начдивом Родионовым,

партийным товарищем, военным специалистом, прошедшим французскую школу партизанской борьбы.

Однако несмотря на все это, благодаря вышеуказанным причинам комсостава оказывалось недостаточно, и приходилось постоянным личным пребыванием на фронте восполнять этот недочет снабжения армии, причем для сохранения планомерного управления от товарища Троцкого было получено разрешение назначить заместителем командарма товарища Мацилецкого.

Одновременно с этим были приняты все меры для установления постоянной связи с Южфронтом, который, однако, очень мало давал знать о своем существовании даже при наличии связи. За короткий промежуток времени было сменено три начальника связи.

Одновременно с восстановлением управления нами были приняты меры к тому, чтобы создать более или менее устойчивую плотину для защиты от направлений белых в западном направлении. Категорические приказания Южфронта (в смысле: командующего Южным фронтом) требовали от нас развития наступательных действий в Славгородском направлении и активной обороны в других участках фронта, что требовало сосредоточения там всех наличных сил, которыми располагала армия, и, более того, заставляло предполагать, что, согласно обещаниям Главкома, нам будет переброшена 3-я дивизия с Запфронта, и требовать присылки регулярных частей для того, чтобы выполнять одновременно поставленную перед нами задачу удержания фронта и полной реорганизации и создания новой армии. <...>

Но никакие резервы присланы не были, несколько неудачных сражений было проиграно благодаря неумелости комсостава и отсутствию патронов (смотри особый доклад), и армия оказалась вынужденной отступить и втягивать в бой новые части.

Тем не менее все меры к формированию свежих сил и переформированию старых были приняты. Так, с фронта, как видно из подлежащих документов, были направлены в тыл 6-й Севастопольский и 51-й Одесский полки, вся белорусская бригада, бригада Дмитриева и целый ряд других укрчастей. В то же время запбатальон с его кадрами оттягивался по мере возможности в тыл, что дало возможность получить в критический момент, наступивший в конце июня, нетронутую сводную стрелковую дивизию численностью около 14 000 штыков и Башкирскую бригаду силой в 2 тысячи бойцов. Крымская армия была переформирована в Крымскую дивизию и переведена в такое состояние, при котором управление ею сделалось достижимым.

В отношении снабжения нами были приняты меры: целый ряд телеграмм был направлен во все подлежащие органы... <...>

Доклад о снабжении патронами прилагается особо, поэтому здесь нужно только сказать, что обещанная товарищем Троцким присылка винтовок и патронов началась только тогда, когда управление армией было уже нами сдано. Количество телеграмм, направленных по этому поводу, не поддается учету, так как при обозрении приложенных при сем документов легко будет убедиться, что почти в каждой телеграмме, каждом отношении поднимается один и тот же вопрос об артиллерийском и интендантском снабжении. Передача дела снабжения члену Реввоенсовета 14-й [армии] товарищу Кизильштейну не внесла никакого улучшения, так как он не был в состоянии ни наметить новых лиц для управления, ни предпринять какие-либо решительные шаги.

Политработа в значительной мере улучшилась, потому что нами все внимание было обращено на эту сторону вопроса. Назначенный было член ЦК КПУ

Харечко был немедленно смещен ввиду непонимания громадной важности задач, ему поставленных.

Майзель, занявший его место, был смещен также, и работа перешла в руки старого партийного работника товарища Бубнова, на которого и была возложена согласно письму товарища Троцкого... <...> забота о политработе в армии.

Что касается оперативного управления, то, повторяем, здесь были приняты самые героические меры для того, чтобы в той или иной мере предотвратить надвигавшуюся чрезвычайно быстро и разразившуюся в настоящий момент военную катастрофу... <...>

Благодаря негодному комсоставу пришлось разрабатывать оперативный приказ и, дав точные указания, которыми должны были в дальнейшем руководиться начальник штаба, отправляться на фронт для того, чтобы на месте инструктировать начальников, требовать безапелляционного выполнения боевых приказов и останавливать паническое отступление плохо связанных частей, потерявших управление. Не было такой меры, которая не была бы принята нами в этом направлении. Расстрелы комсостава за невыполнение боевых приказаний, установление точной связи, рассылка разведки, постоянная и точная проверка выполнения отдаваемых приказаний — все это является теми мерами, при помощи которых можно пересоздавать на самой линии фронта еще не сложившуюся, плохо управляемую Укрармию.

Было бы лишним пространно говорить о ликвидации махновщины, этой первой задаче, поставленной перед нами Реввоенсоветом Республики. Еще до заявления им о желании сложить с себя полномочия нами предписано было сдать командование бригадой товарищу Круссеру, были арестованы главари махновского штаба, а сам Махно успел скрыться.

Таковы были меры, которые принимались нами для улучшения общего положения, реорганизации и переформирования армии и ликвидации махновских веяний... <...>

Тем не менее, все эти меры не могли спасти армию от той катастрофы, которая не замедлила разразиться. Причины, вызвавшие быстрый отход армии и потерю ряда важных железнодорожных центров, могут быть сформулированы следующим образом. Во-первых, состояние частей, которые в строевом отношении, несмотря на переработку их в запасных частях под руководством отдела формирования армии, не могли быть достаточно спаяны за тот короткий промежуток времени, после которого их приходилось вводить в бой. Пополнение прибывало почти исключительно из Украины и прибытие российских маршевых рот началось только после потери нами главнейших стратегических узлов. Это явление без конца отмечалось в наших телеграммах, рапортах и заявлениях, что не повлекло за собой, однако, принятия мер со стороны высшего командования, и естественным результатом явилось постоянное уничтожение боевых сил армии, сложившихся тут же на поле.

Если строевое состояние частей было неудовлетворительным, то что же говорить о политической работе, производившейся нередко в Вознесенском кавполку при помощи выборного командования и выборных политработников? <...> Даже лучшие из присылавшихся частей оказывались весьма неважными по своему качеству. Отряд Садовникова, на который возлагались громадные надежды как на основу формирования, самовольно ушел с фронта и бежал сначала в Павлоград, затем в Новомосковск и далее по направлению к Екатеринославу. Вознесенский кавполк бежал от горсточки противника, произвел нападение на Штаб и

был разоружен. Таких примеров можно было привести много, они являются совершенно излишними, лишь подтверждая приведенные выше соображения, что то состояние частей, в котором находились и должны были оставаться, неминуемо влекло за собой поражение на фронте.

Указанные уже выше отсутствие комсостава, непригодность политработников не давали возможности тут же на месте перестроить части, отвести же их в тыл мешали оперативные задачи, даваемые Южфронтом.

Второй причиной явилось никуда не годное состояние снабжения и интендантского, и артиллерийского. Российские аппараты работали с чрезвычайной медлительностью, выполняя те задания, которые были поставлены им товарищем Троцким. Вещевое снабжение вовсе не налаживалось, и армейские склады ничем не пополнялись. То незначительное количество, которое было привезено с собой товарищем Нацаренусом, было с чрезвычайной экономностью, как можно видеть из доклада Начснаба, израсходовано на организацию лучших боевых частей и маршевых рот, а нового запаса, которым можно было бы обмундировать многочисленные полки Крымской дивизии, стоявшей в это время на фронте, и других частей, утеря предметов снабжения которых никем не восполнялась, взять было неоткуда. Назначение товарища Кизельштейна сыграло в этом отношении самую жалкую роль. Все дело снабжения армии, согласно письму товарища Троцкого, было передано только члену Реввоенсовета, который не принял решительно никаких мер ни к организации снабжения в отдельных воинских единицах, ни к заготовке пополнения для общеармейских складов. Те недостатки товарища Дышлого, которые были отмечены товарищем Троцким и против которых Реввоенсоветом

принимались решительные и энергичные меры, были признаны товарищем Кизельштейном неизбежным злом, и партизанские хищения чужих грузов продолжались наряду с неумением повысить хотя бы немного производительность обширных Кременчугских Воензагов.

Полное отсутствие плана снабжения, которое служило предметом чрезвычайного беспокойства, продолжало быть в наличии и после прибытия товарища Кизельштейна, по самому своему характеру и природным данным неспособного энергичной и резкой рукой внести новую струю в общий поток Украинского неустройства и расхлябанности.

О роли, которую сыграл недостаток артснабжения, и в частности патронов, нами составлен особый доклад, но здесь мы считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что отсутствие патронов не только привело к фактическому уничтожению отдельных полков, выполнявших задачу прикрытия нашего отхода, но и создавало атмосферу неуверенности начальников и в особенности солдат в завтрашнем дне, когда каждый красноармеец, вступая в бой с незначительным и точно рассчитанным числом патронов, знал заранее, что по их исчерпанию его ожидает неминуемая гибель. Отсутствие патронов из реального фактора стало лозунгом, которым прикрывались шкурники и которым вносилось смятение в ряды верных своему долгу солдат.

Говоря о снабжении разного рода довольствием, конечно, придется еще раз подчеркнуть те недочеты, которые возникали из-за недостатка снабжения людским пополнением и составом.

Дело формирования встало на ноги благодаря исключительной энергии товарища Шкутя, заведовавшего формированием, что было признано и членом Реввоенсовета товарищем Нацаренусом,

которому было поручено целиком формирование частей.

Российское пополнение, которое вопреки обещанию товарища Троцкого начало приходить с большим опозданием, развернулось полностью в конце июля, комсостав также начал прибывать лишь почти ПОЛТОРА месяца спустя после принятия нами армии. Самое дело формирования чрезвычайно затруднялось отсутствием подходящего района, в котором оно могло бы быть производимо.

Первоначальная разграничительная линия оставляла нас целиком на левом берегу Днепра, и мы, переведя свои формирования в Александрию, вторглись уже в полосу, принадлежавшую чужой армии. Размещение войск в районе Ромода — Миргород — Лубны, которое могло состояться лишь по переходе штаба в Кременчуг, только одно позволило прибегнуть к полному улучшению формирования. Конечно, сыграло большую роль и то, что член Реввоенсовета товарищ Нацаренус, которому целиком было поручено дело формирования, оказался совершенно непригодным к той органической, а не кабинетной работе, с которой связывается всякая деятельность в пределах Украины, совершенно не успевшей принять государственные советские формы. Товарищ Нацаренус лишь дважды посетил расположение формирования, в остальное время то чувствуя себя нездоровым, то занимаясь какими-то другими делами. Мы со своей стороны, как было уже выше указано, приняли все меры к тому, чтобы провести железной рукой поставленные нам директивы пересоздания партизанской армии и переформирования ее на иной лад.

Достаточно проглядеть дела армейского трибунала, чтобы ознакомиться с теми командирами и солдатами, которые были расстреляны за этот короткий промежуток времени. Комсостав Вознесенского

кавполка, махновский комсостав были целиком расстреляны за непонимание своих обязанностей. Были сформированы особые карательные отряды, во главе которых стал товарищ Алешкин, впоследствии сам расстрелянный за попытку уклониться от твердой линии искоренения партизанщины.

Нами были приняты все нужные меры, но общая развален-ность Укрсоввласти, являющаяся последствием непомерно быстрого захвата громадной территории, происшедшая благодаря тому, что вопреки воле громадного большинства ЦК РКА Украины завоевывалась при помощи бандитов и партизан, не дала возможности этим мерам своевременно принести нужные результаты.

Громадную роль в уничтожении армии сыграла и общая разлаженность командования, которая наблюдалась и наблюдается поныне в российских армиях. Нет никакого сомнения, что командование Южфронта совершенно не представляло себе, а может быть, не представляет и поныне никакого реального плана борьбы с силами деникинцев. Когда, казалось бы, совершенно необходимо оттянуть для пополнения тех заданий по формированию, какие были поставлены 14-й армии товарищем Троцким, эту армию на наиболее удобные позиции по реке Днепр и далее по направлению к северу, где эта армия могла бы, сосредоточившись и закрепившись, начать свое переформирование и планомерное пополнение, вместо того чтобы дать определенные указания в этом направлении или совершенно отменить задачи, поставленные нам товарищем Троцким, Южфронт приказывает во что бы то ни стало наступать на Славянск, производить разного рода демонстрации и наступательные действия, которые, несомненно, сопровождаются такими потерями живой силы, которые

должны были вызвать за собой неминуемую гибель предполагавшихся к развертыванию кадров.

В этом заключается основная причина неудач 14-й армии.

Политика стратегического штопанья прорех, производимых противником, полная потеря инициативы и растерянность, сквозящая в распоряжениях Южфронта июньского периода, немало прибавили шансов для разразившейся теперь катастрофы, под которой падает вся Украина.

Бегство и полное внезапное разложение 13, 8 и 9-й армий, против которого нами своевременно были предложены меры в виде объединения командования из трех армий на Укртерритории, что дало бы возможность остановить их и начать вливать немедленно новые силы, были встречены с насмешками, как желание возродить главковерхов на пустом месте (по выражению товарища Троцкого) и воссоздать Украинский фронт с митингованием (по мнению товарища Ленина).

Эта растерянность вскоре, благодаря категорическому тону наших требований перешедшая в явное к нам недоверие, обусловила собой величайшую из нелепостей, которые когда-либо видела военная история, а именно передачу руководства 14-й армией в оперативном отношении 12-й армии. Тот, кто теперь, в половине августа, имел дело с 12-й армией, знает, что это за учреждение, по свидетельству товарища Бубнова, несравненно во много сот раз худшее, чем штаб 14-й армии. Штаб 12-й армии совершенно не знаком не только с операциями и частями 14-й армии, невзирая на донесения, которые ему правильно посылались, но совершенно не знает даже своих собственных частей, по отношению к которым такое незнание является уже прямо преступным. Реввоенсовет 12-й настойчиво требовал, чтобы нами

была брошена в бой бригада Дмитриева в начале июля, тогда как она еще и сейчас представляет собой недостаточно организованную и устойчивую воинскую массу. Разговор по прямому проводу, лента которого хранится в архиве штаба 14-й, подтвердит каждому, что нам пришлось отстаивать положение, что лучше поступиться частью территории, чем бросать все резервы, могущие превратиться в грозную силу по истечении известного срока, но, вводимые немедленно в бой, тем самым обрекаемые на немедленное разложение. Командарм 12-й товарищ Семенов настойчиво советовал вопреки категорическим приказаниям товарища Троцкого формировать отряды из местных крестьян, которые якобы чрезвычайно удачно формировались товарищем Егоровым, полтавским начальником боевого обучения, а на деле своей неустойчивостью после шатания богунцев (имеются в виду красноармейцы Богунского полка. — *Н. В.*) привели к Полтавской катастрофе. Тот же командарм 12-й товарищ Семенов обещал нам дать в виде подкрепления бригаду Филиппова, оказавшуюся на деле давным-давно переформированной в полки дивизии Ленговского, и говорил об идущей к нам дивизии Ткаченко, части которой под другими наименованиями давно уже дрались на нашем фронте.

Оперативное управление, исходившее из 12-й армии, явилось основной причиной той катастрофы, которая сейчас, накануне, быть может, падения Киева и сдачи Одессы, является несомненной реальностью.

Предложенная нами Семенову операция, имевшая целью сосредоточить дивизию Ленговского под Екатеринославом, что дало бы возможность не только занять, как было сделано Крымской дивизией, но и удержать его и распространиться по левому берегу Днепра (что это было возможно, об этом свидетельствуют и заявления самого Ленговского, и ход

операции Крымской дивизии), была отвергнута Семеновым на том основании, что операция уже не годна после сдачи Екатеринослава. На самом же деле мы получили все силы дивизии Ленговского и значительную часть сил Крымской дивизии совершенно свободными и могли бы их сосредоточить гораздо скорее, чем это было сделано на одноколесной желдороге в Полтавском направлении, куда части должны были направляться из района, связанного прекрасными рельсовыми путями с Екатеринославом. Только впоследствии товарищ Егоров, новый командующий, обратил внимание 14-й армии на то, что наша точка зрения являлась единственно правильной и что южный участок должен служить предметом нашего исключительного внимания. Семенов производил накопление сил в Полтавском направлении в течение трех дней с 18-го по 22-е июля, держал концентрированную дивизию готовой к бою, но не пускал ее в дело, пока противник не вырвал с таким трудом скопленные силы в кулак. К сожалению, командование 14-й было лишено возможности влиять на события по левому берегу Днепра, так как Полтавская группа, в состав которой вошел ряд частей 14-й армии, была изъята Семеновым из командования 14-й армии и туда был назначен преданный в настоящее время суду так называемый командующий войсками левобережной Украины, своими невероятными оперативными распоряжениями погубивший бригаду Ткаченко и ряд полков.

Понятно, что при таком состоянии командования ожидать какого-либо руководства не приходилось, невзирая не только на полную готовность выполнять оперативные задания, но и на горячее желание оперативного управления, которое позволило бы нам точно и ясно разрешать местные армейские задачи.

Остается добавить только, что превосходящие силы противника, неизменно позволявшие ему бросать свежие резервы против тех из наших частей, которые побеждали его в бою, довершили те недостатки, которые наблюдались в армии и привели к теперешним печальным последствиям.

Из изложенного ясно, насколько непродуманными являются обвинения, предъявленные нам по следующим пунктам.

Во-первых, в том, что мы не сформировали в месячный срок армии и управления.

Во-вторых, что мы не допускали направления панических телеграмм с ультимативными требованиями.

В-третьих, что мы не поддерживали связи с высшим командованием и держались партизанской точки зрения на постройку и управление армией.

Тому, кто обвиняет нас в отсутствии у нас управления в армии после месячного срока, прекрасно известно, что все обещания в области снабжения оставались невыполненными и что товарищу Троцкому пришлось прибегнуть к исключительным мерам вплоть до перемен в российских органах снабжения, чтобы поставить его на большую высоту.

Известно также и то, что задачи, ставившиеся перед нами в оперативном отношении, находились в прямом разрезе с задачами формирования, что товарищ Троцкий, давая задания, по-видимому, не был осведомлен о соответствующих оперативных заданиях фронта, тогда как совершенно очевидно, что одни непосредственно вытекают из других.

Обвинение в недопустимом и паническом тоне телеграмм является просто смешным в настоящий момент, когда катастрофа, явившаяся результатом нежелания понять, что каждое слово этих телеграмм

было лишь точным отображением действительности, разразилась над советскими республиками.

По третьему пункту обвинения мы можем сказать чистосердечно, что нами было сделано все, что было в человеческих силах. Не наша вина, если вопреки нашим категорическим требованиям товарищ Антонов, прекрасный стратег и талантливый военный оператор, но никуда не годный организатор, был поставлен для завоевания громадной страны ничтожными средствами. Он неминуемо должен был бросить страну в бездну махновщины и григорьевщины, что предвидели, разумеется, и пославшие его, но, очевидно, считавшие, что эта историческая авантюра послужит на пользу революции.

Не наша вина, что дело управления Украиной было поручено тем, кому в России за бездарностью или преступностью не оставалось места в работе, за исключением немногих ответственных товарищей.

Мы всеми силами стремились связаться с управлением Южфронта, находившимся от нас за тысячу верст при невероятных условиях связи; мы выполняли как букву закона каждое обязательство, взятое на себя перед товарищем Троцким, и не наша вина, повторяем еще раз, если, ежеминутно рискуя своей жизнью, расстреливая каждого, кто отходил от намеченного в беседах и заседаниях, сопровождавших наше вступление в обязанности командования 14-й армией, пути, мы все же не смогли создать регулярной армии в условиях общероссийской разрухи, отсутствия снабжения, отсутствия комсостава и в особенности в вопиющих условиях отсутствия полной государственной власти на Украине, явившегося следствием упомянутой уже авантюры.

И все же, несмотря на это, нашими усилиями было создано и управление 14-й армией, и сама армия. Принявший от нас, по чрезвычайному и нелепому, по

признанию самого товарища Троцкого, требованию 12-й армии, командование товарищ Аралов получил совершенно готовый штаб с достаточным кадром проверенных на опыте и работоспособных людей. Аппарат связи действовал без перерыва, аппарат снабжения не стоял еще на полной высоте благодаря малым способностям товарища Кизельштейна к организационной творческой работе, но все же был достаточен вполне для того, чтобы выполнять дававшиеся ему задания. Сама армия представляла собой уже не скопище бесформенных отрядов, разбитых по отдельным боевым участкам, но законченное целое, сведенное в две дивизии и занимавшее достаточно удачные позиции на фронте. Положение под Екатеринославом было прочным, и не наша вина, если [имела место] нерешительность временно командующего товарища Аралова, вполне понятная, так как самая передача командования на одну неделю лишала его возможности проявить какую-либо инициативу. И преступное недомыслие командарма 12-й Семенова привело к окончательному краху левобережные части армии, искусственно изъятые до того из нашего подчинения, а потому представлявшие собой сырой и неоформленный материал.

Только преднамеренное желание вынести нам обвинительный приговор может упрекать нас в том, что при всех указанных выше причинах мы НЕ МОГЛИ В ПОЛУТОРАМЕСЯЧНЫЙ СРОК СОЗДАТЬ ОБРАЗЦОВУЮ АРМИЮ.

Приложение 3

ОБЪЯСНЕНИЯ БЫВШИХ КОМАНДУЮЩЕГО 14-й АРМИЕЙ К. Е. ВОРОШИЛОВА И ЧЛЕНОВ РЕВВОЕНСОВЕТА 14-й АРМИИ В. И. МЕЖЛАУКА, С. П. НАЦАРЕНУСА^[346]

Середина августа 1919 г.

Среди многих причин, вызвавших отступление 14-й армии, сопровождающееся огромными потерями в людях и оставлением в руках зарвавшегося противника громадной территории, недостаток патронов сыграл огромную, едва ли не решающую роль.

Патронный голод погубил целые части, как точнее указано ниже, причем части эти погибли не при наступлении, которое было бы преступным при абсолютном недостатке патронов, а при обороне, отражая упорные атаки технически сильного врага.

Красноармейцы гибли сотнями за дело Революции в неравной борьбе, не имея возможности оказать должный отпор противнику, или же поддавались панике и обращались в бегство.

Настроение частей, очень неустойчивое вообще, так как в состав армии входили или молодые, только что сформированные и еще плохо дисциплинированные, или разложенные махновские части, переформирование которых в создавшейся обстановке представлялось возможным, быстро ухудшалось. Армия разлагалась. Создавалась удобная почва для легенд о предательстве. Недоверие к командному составу вследствие неудач значительно усилилось, и в командирах стали видеть сплошь предателей,

контрреволюционеров, продающих Армию и Революцию Деникину.

Прекрасно учитывая колеблющееся настроение масс, их раздражение и панику, злонамеренные элементы стали развивать губительную агитацию, усиливая этим недовольство и брожение среди наших частей и ловко пользуясь при этом, как одним из важнейших аргументов, опять-таки отсутствием патронов.

Благодаря отсутствию патронов никак не удавалось создать перелом в настроении армии, так как едва удавалось собрать и двинуть часть, как она начинала колебаться, зная, что в ее распоряжении считанные патроны и что пополнения им ждать не приходится. Подъем духа быстро сменялся паникой, и войска продолжали отходить.

Начальники боевых участков и командиры частей забрасывали армию требованиями на патроны, указывая на катастрофический недостаток в них, и то умоляли о помощи, то угрожали, как Дыбенко, который прямо заявил в разговоре с командармом по прямому проводу, что без патронов воевать нельзя. Камнями и палками драться невозможно. Начдив 7-й армии товарищ Чикваная 13-го июня в разговоре со штармом по прямому проводу требует миллион патронов, заявляя, что в его дивизии патронов вовсе нет.

Начальник гарнизона г. Павлограда товарищ Краспортъе, представитель Реввоенсовета 14-й Литвинов и другие требуют срочно высылки патронов. В армии Дыбенко на каждого бойца по пять патронов.

Этот кризис как раз совпадает с гибельными по своим последствиям операциями в районе станции Чаплино и Синельниково. В момент операции под Синельниковом в 7-й Украинской дивизии товарища Чикваная, занимавшей громадный фронт и выполнявшей чрезвычайно важные боевые задания,

осталось только десять тысяч русских патронов и 53 иностранных. Из затребованных дивизией от Снабжения армии... 1 250 000 русских и 1 240 320 иностранных патронов было получено от Снабжения... только 150 000 иностранных патронов разных систем и ни одного русского. В результате в боях под Зайцевом и Синельниковом 18-19 июня были уничтожены 56-й полк, батальон Садовникова, 3-й Луганский и 51-й полки, не имевшие возможности сдержать бешеный натиск врага при почти полном отсутствии патронов. Во время операции под Новомосковском и Екатеринославом начальник 2-го участка обороны города Екатеринослава товарищ Кравченко затребовал от Снабарма... 500 000 русских и 300 000 иностранных патронов, но не получил ни одного, что, безусловно, сильно повлияло на неблагоприятный исход обороны Екатеринослава. Таких примеров можно привести очень много, но и приведенные выше достаточно красноречиво иллюстрируют острую нужду в патронах и невозможность удовлетворить эту нужду со стороны снабжения армии за неимением достаточного запаса.

От 2-й Украинской армии не осталось почти ничего, ибо нельзя серьезно принимать в расчет наследство в 3000 русских и 66 300 иностранных патронов. Между тем требования 14-й армии удовлетворялись далеко не полностью и с большими затруднениями.

Часть присылаемых армии грузов захватывалась по дороге. Так было, например, с высланными 7-го июня из Тулы 3 000 000 патронов для 14-й Армии, половина которых была захвачена Харьковским Советом обороны для своих целей. 12-я Армия захватила для группы Егорова 600 000 патронов и т. д.

Отсутствие патронов делало борьбу с прекрасно вооруженным противником слишком неравною. Разложение частей быстро прогрессировало, ухудшая положение с каждым часом.

Неудачи под Чаплином и Синельниковом создали непосредственную угрозу Екатеринославу. Бывшая Крымская Армия очутилась в критическом положении и была спасена лишь своевременным отходом, отдавшим в руки белых Крымский полуостров. Катастрофа казалась неизбежной: Командарм 14-й и Реввоенсоветы вынуждены были при таких условиях самым категорическим образом требовать патроны от Украинского Совнаркома, от Цуса (Центральное управление снабжений. — *Н. В.*), от Южфронта, рисуя при этом положение в настоящем свете и прибегая к ультимативному тону, желая предотвратить надвигающуюся катастрофу.

Катастрофа эта не заставила себя долго ждать: 28-го июня пал Екатеринослав, Крым был потерян для Республики.

Дальнейшим операциям опять-таки мешало отсутствие патронов, требования на которые продолжали поступать непрерывно и по-прежнему удовлетворялись Снабжением армии далеко не полностью. Помощник товарища Дыбенко, товарищ Федько, 6-го июля в разговоре по прямому проводу со штабом заявляет, что без патронов Екатеринослав не взять.

Недостаток патронов в частях Дыбенко констатировал и ознакомившийся с положением дела на месте член РВС 14-й товарищ Бубнов, также обращавшийся с категорическими требованиями о немедленной высылке патронов Дыбенко.

Приложение 4

СТЕНОГРАММА ДОКЛАДА ВОРОШИЛОВА О КРОНШТАДТСКИХ СОБЫТИЯХ НА ОБЩЕГОРОДСКОМ ПАРТИЙНОМ СОБРАНИИ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ (1921 г.)^[347]

Председатель: Слово предоставляется тов. Ворошилову.

Доклад тов. Ворошилова:

Товарищи!

Мне было бы гораздо более приятно дополнить доклады предыдущих товарищей делегатов Съезда, но нашей революции угодно было, чтобы я вас знакомил с событиями, которые произошли в первой половине марта.

Здесь тов. Минин охватил ту объективную обстановку, в которой пришлось работать и заседать X съезду нашей партии.

Товарищи! Я должен доложить, что обстановка была чрезвычайно своеобразная. Если до сих пор для нас, для коммунистов, было определено ясно, что мы имеем дело с контрреволюцией, которую мы побеждали в открытом бою вооруженной силой, если нельзя было легко вести борьбу или было легко создавать вооруженную силу для борьбы в открытом бою, то мы сейчас вступили в такую полосу, когда контрреволюция пытается выступить против нас не в открытом бою, а замаскированная.

Здесь, товарищи, действуют те причины, которые были освещены до некоторой степени Мининым. Эти

события, которые имели место в Кронштадте, были и в других городах Советской России.

Здесь имеются две стороны: с одной стороны усталость широких рабоче-крестьянских масс, с другой стороны — реализация затраченных сил и энергии. Рабочие, крестьяне, положившие столько сил на борьбу с контрреволюцией, ждут немедленных реализаций затраченных сил. Контрреволюция действует на психологию масс, пользуется усталостью широких рабоче-крестьянских масс и тяжестью обстановки, создает такую атмосферу, дающую чрезвычайно тяжелые результаты.

Кронштадт не есть первое явление. Кронштадт является уже следствием того, что было в других городах, — в прошлом месяце в Москве, потом Петрограде и других городах Советской России. В Петрограде были закрыты более 100 предприятий за отсутствием топлива. Советская власть приняла все меры, чтобы рабочие этих предприятий получили продовольствие. Но, конечно, рабочие знают, что в первую очередь главным образом снабжаются те, кто работает. И на этой почве создано недовольство рабочих. Этим воспользовались наши враги, чтобы начать свою предательскую работу. Создалась тяжелая атмосфера. Это сразу отразилось в Кронштадте.

Петроград как сердце революции больше всех почувствовал тяжесть обстановки. Кронштадт с момента революции всегда подражал тому, что делается в Петрограде.

Кронштадтские события затянулись. Кронштадт представляет собой крепостной город, поставленный на острове, вел своеобразную жизнь. С другой стороны, кронштадтские моряки совершенно были обновлены; они были набранные в 1915 году из мещанства.

Старых моряков, проходивших старую царскую выучку, было чрезвычайно мало. Значительная часть

матросов были набраны Советской властью. В Кронштадте было до 4000 ты-ломоряков. Из них 1000 человек были старые матросы, проходившие царскую выучку. Все остальные — зеленые, молодые, как я их называю, — молодняки. Старые моряки по воле революции были брошены на разные фронты, часть их рассеяна по ним советской волей. Таким образом Кронштадт постепенно обновлялся. Пользуясь этим, контрреволюционные элементы начали свою подлую работу. Они вели себя чрезвычайно хитро и разумно, и тонко. Они говорили: нужно построить свою советскую власть. Была избрана делегация в Петроград узнать, что делается в Петрограде. Приезжая обратно, делегация заявила, что сегодня-завтра песенка коммунистов спета. Рабочие Петрограда создают истинную Рабоче-крестьянскую власть. В Кронштадт выехал т. Калинин. Приехав 1-го марта в Кронштадт, он был на собрании в 11 бригаде, на которой была принята следующая резолюция (*читает*). Кажется, ничего страшного здесь нет. Калинин присутствовал на собрании, где было 16 тысяч народу. По прочтении этой резолюции т. Калинин попросил слово. Его слушали с большим вниманием, потом маленькая, но организованная кучка мешала говорить ему криками: «пора тебе кончить». Было поставлено на голосование: «дать слово еще или нет». Решено было дать 20 минут. То же самое было во второй-третий раз. На 4-й раз голосованием Калинину было отказано в слове и предложили Калинину убраться. Резолюция была принята единогласно. Была избрана специальная комиссия по перевыборам в Совет. Затем был сменен Правительственный караул караулом из матросов крейсера «Петропавловск». Когда тов. Калинин попытался уехать, его остановил караул, попросил пропуск. Тов. Калинин понял, что положение довольно серьезное, и вернулся в Исполком. Телефонировал в

«Петропавловск», оттуда сказали, чтобы т. Калинин и Кузьмин немедленно выехали, хотя тов. Кузьмин вовсе и не собирался уезжать.

3-го числа т. Кузьмин и Васильев были арестованы, потом целый ряд коммунистов. Вообще это продолжалось несколько дней. Было арестовано 500 человек. 48 человек подали заявление об уходе из партии. Были посланы письма в газеты о том, что они раньше заблуждались. В это время в Петрограде положение резко изменяется. Рабочие понимают, что тяжелое экономическое положение создало такие условия. Несколько дней рабочие не работали, потом опять приступили к работе. В Кронштадте события зашли так далеко, опомниться нельзя было. Я полагаю, если бы наши революционные органы, наши советские и партийные органы в Кронштадте были бы больше сильны и были крепкие, можно было бы предупредить эти события. Но события неизбежно развертывались. 7-го числа был предъявлен ультиматум.

Дело в том, что с 4-го числа в город никого не пропускали и не выпускали. Те, кто приехал в город, был арестован и посажен в тюрьму. Арестовано было довольно значительное количество. Для того чтобы втянуть широкие массы в это движение, выпустили радио, что советская власть есть власть трудящихся, но коммунисты враги наши, они заявили следующее: что Троцкий не может поднять вооруженную руку на власть рабочих и крестьян, ибо рабочие и крестьяне Советской России этого не позволяют.

Масса, не получая точного освещения вопроса, верила этому. Кронштадтский Ревком не был составлен из генералов, он был составлен из *(читает)*, которые заявили: «мы труженики, мы сами рабочие, матросы, мы беспартийны». И все это создало такую обстановку, что масса верила действительно, шла в полной уверенности, что коммунисты не будут стрелять.

Мы предъявили ультиматум. Кронштадтцы наглейшим образом оповестили весь мир через радио, что «нам предъявили ультиматум, мы заявляли всему миру, что ответственность за пролитие крови падает на голову коммунистов».

Масса Кронштадта, моряки, красноармейцы, рабочие одурманенные решили, что так будет. Никто не посмеет стрелять в Советскую власть. Но они прекрасно знали, что коммунисты выпущенные будут стрелять. Интересно отметить, что в заграничных газетах за несколько недель до восстания писалось, что в Кронштадте и Нижнем Новгороде происходят восстания. Это почему? 8 числа мы открыли огонь по Кронштадту. Нами были приняты меры, чтобы части, расположенные в районе Петрограда в Ораниенбауме, не были разложены кронштадтскими мятежниками. Относительно моряков Петрограда. Они представляли спаянный элемент, их нельзя было не только пустить на подавление, но приходилось известным образом следить за ними. С гарнизоном Петрограда приходилось обходиться очень осторожно. Другие части, даже курсанты, кажется наиболее устойчивый элемент, отказались выступать.

Вот таково было положение, в котором мы очутились.

Кронштадтцы действовали так нахально и открыто. У них была полная уверенность в победе. Об этом говорят имеющиеся у меня 15 номеров «Известий Кронштадтского Ревкома».

Когда настоящая война действительно началась, они попытались наступать на Петроград. Правильного наступления не было, но приказ имеется, — был захвачен нашими войсками. Это наступление не могло осуществиться потому, что у них не было больших операционных сил для наступления.

15 числа мятежниками было выпущено воззвание ко всему миру. Это воззвание, насколько я помню, представляет из себя следующее. «Мы, матросы, красноармейцы и рабочие, восстали против гнета коммунистов, которые в течение 3 лет льют невинную кровь рабочих и крестьян. Мы решили умереть или победить. Но мы знаем, что вы этого не допустите. Мы знаем, что вы придете на помощь довольствием, медикаментами, а главным образом военной помощью. Главным образом мы обращаемся к русским людям, которые очутились на чужой земле, мы знаем, что они придут нам на помощь».

Мы знаем, кто такие люди, изгнанные рабочими и крестьянами. Это идет речь о буржуазии, изгнанной Советской властью. И действительно, они прислали немало денег на помощь Кронштадту. На первой странице (газета издавалась) написано огромными буквами «Да здравствует третья Революция, да здравствует гибель насильников, да здравствует освобождение великой России».

Ясно было, что нужно было принять все меры, возможно быстрее ликвидировать этот мятеж, так как через несколько дней будет поздно потому, что лед начинал таять. Тов. Троцкий на съезде сделал краткое сообщение о кронштадтских событиях, необходимо было сейчас же приступить к действиям, так как снег и лед начали таять.

Съезд выделил известную часть делегатов, наиболее компетентных в военном отношении, для подавления мятежа.

Не доезжая Петрограда, мы встретили по дороге т. Зиновьева, который ехал в Москву, по вызову Центрального Комитета, на X съезд. Доклад Центру т. Зиновьев нарисовал самыми мрачными красками.

Съездом была поставлена нам задача в течение одного-двух дней подавить мятеж и забрать крепость

Кронштадт с фортами, вокруг которых стояли стенные гиганты с 12-дюймовыми пушками.

Вот в каком положении мы очутились. Нам сказали, что если мы оттянем день ликвидации, лед растает и кронштадтцы могут голыми руками захватить Петроград. Но оказалось, что активные работники нашей организации, наши ответственные работники, как т.т. Троцкий и Зиновьев, не знают, что у них делается под носом. На льду никакой воды нет. Лед может еще стоять три недели, но части упорно не хотели идти на лед. Они говорили: «Мы брали крепости Польши, мы умрем за Советскую власть, а на лед не пойдем».

Нами были посланы две дивизии, из которых одна отказалась идти на лед, заявляя, что мы умрем здесь, а дальше на лед не пойдем, где погибло 600 курсантов. На самом деле дело с курсантами так обстояло: курсанты начали наступать по льду на Кронштадт. Это наступление увенчалось успехом, и курсанты ворвались в город, так как их была небольшая кучка, человек 300, их окружили, половину забрали в плен, другая благополучно вернулась. Но когда части убедились, что лед крепок, части двинулись вперед, настроение стало повышаться в телячьем восторге.

Я должен сказать несколько слов о технической подготовке подавления мятежа. Противник имел 100 пушек, причем они были пристреляны к цели. У нас было 90 пушек полевого легкого типа от 3-6 дюймов, 12-дюймовые снаряды противника сносили дома. Расстояние между нашим берегом и противника весьма небольшое — 7-8 верст.

16 числа артиллерийская борьба продолжалась. Противник нанес довольно существенные повреждения; был разрушен лесопильный завод и много домов.

16 числа, ночью, мы начали наступление на Кронштадт.

<...> Полк вначале отказывался пойти в наступление, а потом пошел. Перед этим все время были темные ночи, а эта ночь была светлая. Нас заметили, открыли убийственный огонь. Дойдя наполовину до города, наши части остановились. Только одна бригада ворвалась в город, заняла несколько улиц. Целый день происходила борьба за обладание несколькими улицами. Противника совершенно не было видно. Повстанцы стреляли в упор из окон домов и из щелей.

В общей сложности у нас было до 1200 убитых и... раненых. Съездовцы в этом отношении также имели свою долю: 2 убитыми и 23 раненых.

17 числа в час ночи на 18 число наши части очистили город от повстанцев, захватив очень много пленных. В это время, в половине второго, на «Севастополе» было приказано командным составом матросам оставить судно, предварительно забрав ценные вещи. Под каждую пушку положить 20 пуд[ов] порошу. Тут матросы поняли, в чем дело. Инициативная группа матросов арестовала комсостав, посадила их там, где сидели арестованные коммунисты. То же самое произошло на корабле «Петропавловск».

В 3 часа ночи пришли представители, предложили свои услуги. Мы поблагодарили их, так как их помощь не нужна была.

Теперь остается из всего сказанного сделать соответствующие выводы.

Мы должны учесть этот опыт, мы должны учесть и понять кровавые уроки Кронштадтских событий, мы должны дать выводы беспартийным, которые говорят языком защиты Советской власти, те, кто подкапывается под Советскую власть. Вы должны знать, товарищи, что перед вами доподлинный контрреволюционер, доподлинный белогвардеец, всякие подкапывания Советской власти

антикоммунистическим путем невозможны потому, что Советская власть зиждется на пролетарской базе.

Известный Савинков, приятель Милюкова, написал инструкцию о том, как нужно действовать, чтобы свергнуть Советскую власть. «Советская власть, — говорит Чернов, — так сильна, что сразу свергнуть ее нельзя, без трудящихся. Действовать нужно осторожно. Открыто нужно действовать только против коммунистов, но не против Советской власти».

Вот, товарищи, как действуют наши «друзья».

Товарищи, заканчивая, я должен сказать, что в операциях против Кронштадтского мятежа приняли участие и 2 представителя от г. Екатеринослава: т. Горбунов и [...] За геройские действия награждены орденом Красного Знамени.

Поздравляю вас с успехом, товарищи (*аплодисменты*). Собрание чествует героев Кронштадта.

Председатель'. Имеется предложение прения не открывать. Возражений нет? Принимается. Предлагается товарищам почтить память павших героев под Кронштадтом — вставанием.

Имеется следующая резолюция (*читает*) — принимается. Объявляю общегородское собрание закрытым.

Предлагаю спеть «Интернационал». (*Собрание расходится с пением «Интернационала».*)

Приложение 5

**АКТ О ПРИЕМЕ НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
ТОВ. ТИМОШЕНКО С. К. ОТТОВ. ВОРОШИЛОВА К. Е.
[348]**

Сов. секретно.
Экз. № 1

7 мая 1940 г. г. Москва.

При приеме Наркомата Оборона тов. Тимошенко от т. Ворошилова в присутствии тт. Жданова, Маленкова и Вознесенского заслушали доклады Начальников Центральных Управлений и установлено следующее:

ОРГАНИЗАЦИЯ И СТРУКТУРА ЦЕНТРАЛЬНОГО АППАРАТА

1. Положение о Наркомате Оборона, утвержденное Правительством в 1934 году, устарело, не соответствует существующей структуре и не отражает современных задач, возложенных на Наркомат Оборона. Вновь созданные управления:

Главное Управление Красной армии,
Управление Военно-технического снабжения,
Управление снабжения,
Управление продовольственного, обозного и вещевого снабжения, Управление стрелкового и минометного вооружений,
Управление высших военно-учебных заведений,
Управление снабжения горючим,

Управление Начальника пехоты (существуют по временным положениям).

Структура других управлений (Ген. штаб, Арт. Управление, Управление Связи, Строительно-квартирное Управление, Управление ВВС и Инспекции) изменена, причем положения об этих изменениях не утверждены.

Наркому Обороны подчинено непосредственно 34 самостоятельных Управления и отдела. При этом положении и недостаточно четком распределении обязанностей между Заместителями Наркома часто имела место задержка в разрешении вопросов, возникающих в управлениях НКО.

2. В разработке и издании уставов, наставлений и руководств, регламентирующих жизнь и деятельность войск, нет твердой системы. В армии имеется до 1080 наименований действующих уставов, наставлений и руководств, из них много временных и устаревших, требующих переработки.

Основные уставы: полевой службы, боевые уставы родов войск, внутренней службы, дисциплинарный — также устарели и требуют переработки. Наряду с наличием большого количества уставов и наставлений — отсутствуют: наставление по вождению крупных войсковых соединений (армий), наставление по атаке и обороне укрепленных районов и наставление для действий войск в горах.

3. Организация Красной армии в развернутом виде по всем родам войск была утверждена Комитетом Обороны 1 декабря 1939 года и дополнена отдельными формированиями, вызванными войной с белофиннами.

Наличный состав Красной армии превышал утвержденную Правительством после войны с белофиннами численность на 686 000 человек, подлежащих увольнению в запас с 1 июля.

Большинство войсковых частей существуют по временным штатам, не утвержденным Народным Комиссаром. Штатное и табельное хозяйство запущено. Около 1400 штатов и табелей, по которым войска живут и снабжаются, никем не утверждены и изданы для руководства, как временные.

4. Вопросы военного законодательства и систематизации приказов Наркома Обороны не налажены. Имеется много приказов, требующих отмены или переработки, как устаревших и затрудняющих руководство войсками.

5. Контроль за исполнением отданных приказов и решений Правительства был организован недостаточно. Не было живого действенного руководства обучением войск. Поверка на местах, как система, не проводилась и заменялась получением бумажных отчетов.

ОПЕРАТИВНАЯ ПОДГОТОВКА

1. К моменту приема и сдачи Наркомата Обороны оперативного плана войны не было — по Западу — в связи с занятием Западной Украины и Западной Белоруссии; по Закавказью — в связи с резким изменением обстановки; по Дальнему Востоку и Забайкалью — ввиду изменения состава войск — существующий план требует переработки.

Генеральный штаб не имеет точных данных о состоянии прикрытия госграницы.

2. Руководство оперативной подготовкой высшего начсостава и штабов выражалось лишь в планировании ее и даче директив. Народный Комиссар Обороны и Генеральный штаб сами занятий с высшим начсоставом и штабами не проводили.

Контроль за оперативной подготовкой в округах почти отсутствовал. Наркомат Обороны отстает в разработке вопросов оперативного использования войск

в современной войне. Твердо установленных взглядов на использование танков, авиации и авиадесантов нет.

3. Подготовка театров военных действий к войне во всех отношениях крайне слаба. В результате этого:

а) в железнодорожном отношении театры военных действий не обеспечивают быстрое сосредоточение войск, их маневр и снабжение;

б) пропускная способность железных дорог к новым западным границам низка и не обеспечивает требования обороны границ;

в) положения об управлении железными дорогами на театре войны, четко определяющего функции органов НКПС и органов ВОСО, а также порядок перевозок, нет;

г) строительство шоссейных дорог идет медленно и ведется многими организациями (Гуждор, Главдорупр, Гулаг НКВД), что приводит к распылению сил и средств и отсутствию общего плана дор. строительства;

д) строительство связи по линии НКС сильно отстает, а по линии НКО в 1940 г. сорвано совершенно вследствие позднего представления Генштабом и Управлением Связи заявок на строительные материалы и неотпуска таковых. Каблирование и использование уплотненных бронзовых проводов ведется в крайне ограниченном размере;

е) в аэродромном отношении крайне слабо подготовлена территория Западной Белоруссии, Западной Украины, ОДВО и ЗакВО;

ж) ясного и четкого плана подготовки театров военных действий в инженерном отношении, вытекающего из оперативного плана, нет. Основные рубежи и вся система инж. подготовки не определены;

з) план строительства УРов в 1940 г. не утвержден. Исчерпывающих директив по строительству УР в 1940 г. округам к моменту приема Наркомата не дано. Система предполья окончательно не разработана, и в округах

этот вопрос решается по-разному. Нет окончательного решения и указаний НКО и Генштаба о содержании в боевой готовности старых укрепрайонов и укрепрайонов строительства 1938-1939 гг., которые должны быть использованы как сильно укрепленный тыловой рубеж. Новые укрепленные районы не имеют положенного им вооружения, а именно недостает: коробов НПС — 3, пулеметных — 1114, ДОТ — 4, для 45-мм пушек — 80, для пушек Л17 — 222, заслонов для ручных пулеметов — 940, ружейных заслонов — 2451; установок: пулеметных — 1208, 45-мм пушек — 520, пушечных Л17 — 543.

4. В топографическом отношении театры военных действий подготовлены далеко недостаточно и потребность войск в картах не обеспечена.

УКОМПЛЕКТОВАНИЕ И УСТРОЙСТВО ВОЙСК

1. Точно установленной фактической численности Красной Армии в момент приема Наркомат не имеет по вине Главного Управления Красной армии, учет находится в исключительно запущенном состоянии. Личный состав войск состоял из кадрового и приписного состава; план увольнения приписного состава находится в процессе разработки.

2. Оргмероприятия по стрелковым дивизиям не закончены. Дивизии не имеют новых штатов и существуют по старым, не оправдавшим себя штатам.

3. Рядовой и младший начсостав Красной армии по своей обученности разнообразен в связи с наличием призванных из запаса и призванных в армию лиц различных национальностей.

При укомплектовании армии лицами отдельных национальностей западные округа (КОВО, ЗапОВО и ОДВО) были перенасыщены лицами, не знающими русского языка, что затрудняло их обучение.

4. Положение о прохождении службы рядового и младшего начсостава, изданное в 1931 году, устарело, для руководства непригодно и никто им не пользуется. Нового положения, определяющего порядок прохождения службы, не составлено.

5. По устройству войск — нет положений об управлении частями (полками), соединениями (дивизиями и бригадами). Положение о войсковом хозяйстве устарело и требует переработки. Не разработано положение о полевом управлении войск.

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА

1. В связи с войной и значительным передислоцированием войск мобилизационный план нарушен. Нового мобилизационного плана Наркомат Обороны не имеет. Мероприятия по отмотобилизованию распорядительным порядком полностью не разработаны.

2. Наркомат Обороны не устранил еще следующие недостатки мобилизационного плана, вскрытые при проведении частичной мобилизации в сентябре 1939 года:

а) крайняя запущенность учета военнообязанных запаса, т. к. переучет не проводился с 1927 года;

б) отсутствие единого учета военнообязанных и существование обособленного специального учета железнодорожников, водного транспорта и НКВД;

в) слабость и ненадежность работы военкоматов;

г) отсутствие очередности в отмотобилизовании частей, что привело к перегрузке первых дней мобилизации;

д) нереальность планов размещения войск при отмотобилизовании;

е) неотработанность плана снабжения обмундированием при мобилизации;

ж) неравномерность подъема по мобилизации военнообязанных, конского состава и автотранспорта;

з) отсутствие твердо установленного порядка в бронировании рабочей силы на военное время;

и) нереальность и неудовлетворительное состояние учета лошадей, повозок, упряжки и автотранспорта.

3. В числе военнообязанных запаса состоит 3 155 000 необученных людей. Плана обучения их Наркомат Обороны не имеет. В числе обученного состава состоят на учете военнообязанные запаса с недостаточной подготовкой, и по ряду специальностей мобилизационная потребность в специалистах не покрывается. Плана переобучения специалистов и переподготовки слабо обученного состава Наркомат Обороны также не имеет.

4. По данным Наркомата Обороны, некомплект автотранспорта на военное время составляет 108 000 автомашин, причем это положение вызвано установленными Наркоматом Обороны завышенными нормами обеспечения войск автотранспортом.

5. Наставления по мобилизационной работе в войсках и военкоматах, признанные устаревшими, не переработаны.

СОСТОЯНИЕ КАДРОВ

Некомплект начсостава в армии составляет 21 проц. к штатной численности. Этот некомплект вызван не только увеличением численности армии, но явился также результатом недооценки Наркоматом Обороны вопроса подготовки командного состава.

Установлено, что ежегодные выпуски из военных училищ за последнее десятилетие едва покрывали естественную убыль, не создавая резервов для обеспечения роста армии и образования запасов.

Детально разработанного плана покрытия некомплекта не имеется. Качество подготовки

командного состава низкое, особенно в звене взвод — рота, в котором до 68 проц, имеют лишь краткосрочную 6-месячную подготовку курса младшего лейтенанта.

Подготовка комсостава в военных училищах поставлена неудовлетворительно, вследствие недоброкачества программ, неорганизованности занятий, недостаточности занятий, недостаточной загрузки учебного времени и особенно слабой полевой практической выучки.

Усовершенствование командного состава кадрами должным образом не организовано. Недостатком программ подготовки командиров в военно-учебных заведениях является: проведение занятий преимущественно в классах, недостаточность полевых занятий, насыщение программ общими предметами в ущерб военным. В вопросах присвоения военных званий нет твердо установившейся системы и в ряде случаев имела место кампанейщина. Этому способствовало отсутствие периодического аттестования начсостава. Существующий порядок аттестования не выявляет деловых качеств командира и работы командира по боевой подготовке своей части. Происходит это потому, что командный состав недостаточно привлекается к аттестованию, последнее в большинстве случаев проводится политсоставом.

Учет начсостава поставлен неудовлетворительно и не отражает командного состава, имеющего боевой опыт. Кандидатские списки отсутствуют. При назначении командного состава не участвуют начальники соответствующих родов войск и служб, вследствие чего недостаточно учитывается специальная подготовка комсостава.

Нормы убыли начсостава на военное время не разработаны. Не имеется начсостава запаса на первый год ведения войны. Учет и подготовка начсостава запаса находится в неудовлетворительном состоянии.

По данным Наркомата Обороны, для полного отмотилизования армии по военному времени недостает 290 000 человек комсостава запаса. На учете подлежащих призыву имеется 195 000 человек. Недостаток комсостава запаса, не считая потери во время войны, составляет 95 000 человек.

Плана подготовки и пополнения комсостава запаса нет.

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА ВОЙСК

Боевая подготовка войск имеет крупнейшие недочеты. Ежегодно издаваемые Народным Комиссаром приказы о задачах боевой подготовки в течение ряда лет повторили одни и те же задачи, которые никогда полностью не выполнялись, причем не выполнявшие приказ оставались безнаказанными.

Воинская дисциплина не на должной высоте и не обеспечивает точного выполнения войсками поставленных им боевых задач. Главнейшими недостатками в подготовке войск являются:

1) Низкая подготовка среднего командного состава в звене рота — взвод и особенно слабая подготовка младшего начальствующего состава.

2) Слабая тактическая подготовка во всех видах боя и разведки, особенно мелких подразделений.

3) Неудовлетворительная практическая полевая выучка войск и неумение ими выполнять то, что требуется в условиях боевой обстановки.

4) Крайне слабая выучка родов войск по взаимодействию на поле боя: пехота не умеет прижиматься к огневому валу и отрываться от него; артиллерия не умеет поддерживать танки; авиация не умеет взаимодействовать с наземными войсками.

5) Войска не обучены лыжному делу.

6) Применение маскировки отработано слабо.

7) В войсках не отработано управление огнем.

8) Войска не обучены атаке укрепленных районов, устройству и преодолению заграждений и форсированию рек.

Причинами этого являются:

1) Неправильное обучение и воспитание войск. В боевой подготовке войск допускается много условностей, войска не тренируются в обстановке, приближенной к боевой действительности, применительно к требованиям театров военных действий. Войска мало обучаются в поле практическому выполнению всего необходимого для боя. Недостаточно воспитывается и прививается выносливость, физическая закалка и стремление выполнить приказ беспрекословно, точно и быстро, несмотря ни на какие трудности и преодолевая их. Вместо этого зачастую допускается ложный демократизм, подрыв авторитета командира, особенно младшего.

2) Неправильно построены программы и планы боевой подготовки, приводящие к тому, что рода войск занимаются изолированно, периоды обучения и боевые стрельбы их тождественных подразделений не совпадают по времени и недостаточно обеспечиваются материально.

3) Отсутствует живое руководство и контроль за ходом боевой подготовки со стороны Наркомата Обороны и Управления боевой подготовки Красной армии.

СОСТОЯНИЕ РОДОВ ВОЙСК

1. *Пехота*, В Наркомате Обороны до 1939 года существовало неправильное мнение о том, что пехоту легче подготовить, чем другие технические рода войск. Вследствие этого:

а) вопросам организации, вооружения и подготовки пехоты не уделено должного внимания;

б) пехота подготовлена слабее всех других родов войск;

в) накопление подготовленного запаса пехоты недостаточно;

г) всякие формирования легче всего проводятся за счет пехоты, что вызывает большую текучесть в пехоте;

д) командный состав пехоты плохо подготовлен и имеет большой некомплект;

е) пехотное вооружение отстает от современных требований боя и не обеспечено минометами и автоматами.

2. Военно-воздушные силы. Материальная часть ВВС Красной армии в своем развитии отстает по скоростям, мощностям моторов, вооружению и прочности самолетов от авиации передовых армий других стран. Наркомат Обороны (Управление Военно-воздушных сил) не проявил достаточной инициативы и настойчивости по внедрению более современных типов самолетов. Управление Военно-воздушных сил не определяло направления развития военной авиации, а приспособлялось к Наркомату авиационной промышленности. По этой причине ВВС не имеют пикирующих бомбардировщиков и отстают во внедрении современных типов самолетов.

По вооружению отстает внедрение крупнокалиберного оружия. Отработка новых образцов самолетов, испытание и доводка их проходят крайне медленно.

Состояние учета самолетов и моторов неудовлетворительное, а качественный учет совершенно не организован и не ведется.

Авиационные части имеют общий некомплект самолетов 10 проц., в числе имеющихся в частях самолетов 24 проц, составляют устаревшие типы, требующие замены.

Военно-воздушные силы недостаточно обеспечены средствами подогрева и заправки, подвижными ремонтными мастерскими и наиболее ходовыми запасными частями. Склады авиамеханического имущества недостаточны и не удовлетворяют потребности авиационных частей.

Аэродромная сеть недостаточна и не обеспечивает нормальной работы авиачастей, и развитие ее отстает от роста Военно-воздушных сил. Организация Военно-воздушных сил в связи со значительным ростом авиации устарела и требует пересмотра и объединения в более крупные авиационные соединения (дивизии). Существующая организация авиабаз не обеспечивает обслуживания передовых оперативных аэродромов и содержания их в рабочем состоянии в течение круглого года.

Летно-технический состав недостаточно подготовлен в бомбометании, в полетах в сложных метеорологических условиях и в стрельбе. Авиационные школы выпускают слабых летчиков, обученных главным образом на старой материальной части, и вследствие этого молодых летчиков приходится переучивать в частях.

Вопросы прохождения службы летно-техническим составом не отработаны, в результате чего существует неправильное положение, когда красноармейцы действительной военной службы после годичного обучения в школах младших специалистов выпускаются по категории среднего начальствующего состава.

Несмотря на большой некомплект штурманов, подготовка их не организована.

Аварийность и катастрофы в авиации продолжают оставаться высокими вследствие слабой подготовки летного состава, незнания ими материальной части, низкой дисциплинированности, неорганизованности

летней работы и безответственности командиров частей и бригад за происшедшие аварии и катастрофы.

3. *Авиадесантные части* не получили должного развития. Существующая двойственность подчинения — по линии УБП (боевая подготовка) и по линии ВВС (снабжение спец. имущ, и обесп. самолетами) отрицательно сказывается на управлении и боевой подготовке авиадесантных частей.

Организация воздушно-десантных частей (маломощные бригады) отстает от современных требований и требует пересмотра в сторону создания более сильных соединений. Внимание к парашютному спорту и его развитие ослаблены.

4. *Автобронетанковые войска.* Развитие механизированных и танковых войск в общей системе вооруженных сил отстает от современных требований массированного применения танков в бою и операции.

Существующие танковые бригады не подкреплены достаточным количеством моторизованных частей. Наркомат Обороны в деле развития танковых и механизированных войск проявил совершенно недопустимую осторожность, вследствие чего удельный вес механизированных войск является низким, а количество танков в Красной армии недостаточным.

Вооружение танковых частей в своем развитии также отстает от современных требований, в результате чего современные толстоброневые танки внедряются исключительно медленно.

Наличный автобронетанковый парк в течение последних двух лет подвергался напряженной эксплуатации в боевых условиях (Халхин-Гол, поход в Западную Украину и Западную Белоруссию и война с белофиннами), вследствие чего в значительной своей части требует капитального и среднего ремонта. Однако ремонт этих машин, при наличии достаточной ремонтной базы, затягивается из-за отсутствия

необходимых запасных частей. Существующие ремонтные комплекты как по количеству, так и по своей спецификации составлены неудачно. Наиболее ходовые детали в них изготовлены в малых количествах и не обеспечивают потребности.

Вопросы организации ремонта боевых машин в полевых условиях разрешены неправильно. По существующему порядку предусматривается отправка боевых машин для ремонта в тыловые мастерские, что задерживает ремонт и не обеспечивает своевременный ввод их в строй.

Эксплуатация существующего автомобильного и тракторного парка поставлена неудовлетворительно, вследствие чего в армии имеется большое количество машин, требующих ремонта. Существующий тракторный парк недостаточен и не обеспечивает полностью подъема материальной части артиллерии на мехтяге.

5. *Артиллерия*, Наличие материальной части артиллерии по средним и мелким калибрам обеспечивает развертывание артиллерийских частей, но отстаёт по крупным калибрам. Обеспеченность по 152-мм гаубицам и пушкам составляет 71-78 проц., по 203-мм гаубицам — 44 проц.

Обеспеченность более крупными калибрами (280-мм и выше) совершенно недостаточна. Между тем опыт прорыва линии Маннергейма показал, что для уничтожения и разрушения современных ДОТ 203-мм гаубицы являются недостаточно мощными.

Мелкокалиберные зенитные пушки на вооружении армии до сих пор отсутствуют, обеспеченность ими составляет всего 5,6 проц. По боеприпасам — потребность армий по средним системам обеспечивается только до полутора месяцев, а по тяжелым всего лишь на $\frac{2}{3}$ месяца войны. Специальные

артиллерийские выстрелы (бронебойные, зажигательные и др.) имеются в крайне недостаточном количестве. Приборами управления, биноклями артиллерия обеспечена недостаточно.

Наличие хранилищ не обеспечивает полностью хранение имеющихся запасов. К моменту приема из-за недостатка хранилищ находилось на открытом воздухе до 14 600 вагонов вооружения и боеприпасов, в то же время некоторые склады загружены ненужным материалом.

Стрелковое вооружение. Внедрение современных образцов стрелкового вооружения (пистолеты-пулеметы и самозарядные винтовки) Наркоматом Обороны производится с опозданием и крайне медленно. По количеству винтовок мобилизационная потребность развернутой армии обеспечивается на 108 проц, без резерва. Убыль винтовок и новые формирования во время войны полностью не обеспечиваются. Перевооружение армии самозарядными винтовками проходит медленно и затягивается.

Минно-минометное вооружение. Наркоматом Обороны не придавалось значения минно-минометному вооружению. В результате Красная армия оказалась необеспеченной минометами и неподготовленной к их использованию.

К моменту приема Наркомата Красная армия еще не обеспечена полностью минометами. В частях имеется большой комплект минометов, а минометы крупных калибров существуют только в образцах.

Совершенно неотработанными остаются вопросы использования и применения пехотных и противотанковых мин. Производство и изготовление этих мин не организовано и имеются только опытные образцы.

6. Инженерные войска — по своей организации и вооружению отстают от общего развития других родов войск. Обеспеченность существующих инженерных частей основными видами инженерного вооружения, лесозаготовительными и дорожными средствами, средствами водоснабжения, маскировки и электротехники составляет всего 40–60 проц.

Новейшие средства инженерной техники: окопокопатели, средства глубокого бурения, новые дорожные машины — имеются только в образцах и не внедрены на вооружение инженерных войск.

Переправочные средства по количеству недостаточны, особенно по тяжелым паркам. Исключительно низкая обеспеченность инженерных войск по колючей проволоке, составляющая по голодной норме всего 6 проц, потребности.

В подготовке и в вооружении инженерных войск не получили развития и выпали вопросы минного заграждения и разграждения.

7. Войска связи — в настоящее время на своем вооружении имеют много устаревших типов телеграфно-телефонных аппаратов и радиосредств. Внедрение новых средств радиотехники проходит крайне медленно и в недостаточных размерах.

Войска плохо обеспечены почти по всем видам имущества связи. Большим недостатком войск связи является отсутствие быстродействующих и засекречивающих приборов.

Организация войск связи и их численность в мирное время не обеспечивают развертывания на военное время и работоспособности частей связи. Существующее отставание в развитии техники связи и нечеткость организации связи привели к тому, что во время похода в Западную Украину и Западную Белоруссию, а также во время войны с белофиннами

войска связи не имели устойчивой и непрерывно действующей связи.

8. Химические войска. Образцы химического вооружения полностью не утверждены. Из 63 предметов химического вооружения утвержден и принят на вооружение 21 предмет, а 42 предмета представлены к рассмотрению, но Народным Комиссаром не просмотрены.

Под влиянием последних боевых действий на Западе внимание к химическому оружию в Наркомате Обороны ослаблено и им крайне мало интересуются.

Существующие дегазационные средства не обеспечивают по своему количеству и качеству предъявляемые к ним требования. Дегазационные машины, состоящие на вооружении (АРС и АХИ-5), малопроходимы, а из дегазаторов существует только хлорная известь.

Существующие средства химического нападения не имеют норм вооружения и нет разработанных норм тактического использования.

Химические войска на сегодня не имеют удовлетворительных образцов машин для газопуска, заражения и дегазации в сфере огня противника. Химическая подготовка войск поставлена неудовлетворительно, что объясняется недооценкой значения химических средств нападения со стороны общевойсковых командиров.

Научно-исследовательская работа по развитию химического вооружения поставлена слабо, и разработанные новые образцы внедряются в армии медленно.

9. Конница. Состояние и вооружение конницы удовлетворительные. Отмечается слабость и недоработанность штатной организации горно-кавалерийских частей.

СОСТОЯНИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Вопросы организации разведки являются наиболее слабым участком в работе Наркомата Обороны. Организованной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имеется. Орыв развед. работы от Генерального Штаба и непосредственное подчинение ее Наркому Обороны привели к слабому руководству разведывательной службой.

Наркомат Обороны не имеет в лице Разведывательного Управления органа, обеспечивающего Красную армию данными об организации, состоянии, вооружении, подготовке и развертывании иностранных армий.

К моменту приема Наркомат Обороны такими разведывательными данными не располагает. Театры военных действий и их подготовка не изучены.

ПРОТИВОВОЗДУШНАЯ ОБОРОНА

Вопросы противовоздушной обороны войск и страны находятся в запущенном состоянии ввиду отсутствия твердой организации, руководства и ответственности за ее подготовку.

Существующее положение по ПВО, утвержденное в 1932 году, устарело и не отвечает современным требованиям. Вооружение активных средств ПВО зенитной артиллерией недостаточное. До сих пор на вооружении зенитной артиллерии имеются устаревшие образцы зенитных пушек обр. 1915 года. Совершенно недостаточна обеспеченность приборами управления зенитной артиллерии. Дальнометы, состоящие на вооружении, не обеспечивают стрельбу на высотах более 6,2 км, а приборы ПУАЗО несовершенны.

Подготовка зенитных частей неудовлетворительная, и тренировка их ведется с устаревшими типами самолетов. Нет практики с современными самолетами.

Слабо развиты прожекторные части, не все объекты обеспечены прожекторами, и вследствие этого имеющаяся в них зенитная артиллерия способна отражать воздушного противника только днем.

Служба ВНОС плохо организована, слабо подготовлена, плохо вооружена и не обеспечивает своевременного обнаружения самолетов противника и оповещения. Радиоперехватывающие средства (РУС и РЕДУТ) имеются только в отдельных образцах. Нет ясности, кому подчиняется служба ВНОС: командующему ВВС или отделу ПВО.

Наркоматом Обороны не выполнено постановление Правительства о введении в приграничных округах помощников Командующего войсками по ПВО. Руководство Наркомата Обороны работой местных пунктов ПВО неудовлетворительное и слабое. При существующем состоянии руководства и организации ПВО должная защита от воздушного нападения не обеспечивается.

УСТРОЙСТВО И СЛУЖБА ТЫЛА

1. Руководство организацией тыла и тыловой подготовкой начальствующего состава и тыловых учреждений отсутствует. За последние два года в армии не было ни одного специального тылового учения, не было учебных сборов командиров службы тыла, хотя приказом Наркома предлагалось ни одного учения без проработки тыловых вопросов не проводить.

Устав тыла засекречен и комначсостав его не знает. Устав требует переработки. Непосредственное подчинение начальников отдельных снабженческих служб командованию и начальнику штаба приводит к тому, что командование не имеет времени заниматься каждой службой в отдельности, по-настоящему тылом не руководит и не контролирует его.

2. Территории, отошедшие к СССР в 1939—40 гг., в отношении устройства тыла не подготовлены.

3. Мобилизационная заявка 1937—38 гг., переданная в К. О. при СНК, в настоящее время нереальна и мобилизацию промышленности не обеспечивает. Фактически плана мобилизации в промышленности не имеется. В связи с этим плана подачи боевого имущества и интендантского довольствия на военное время нет.

4. План вооружения и снабжения на 1940 г. в округа до сих пор по вине ГУКА не спущен, что не дает возможности отработать обеспеченность войск на мирное и военное время.

5. Учет количественный и качественный в центральных довольствующих управлениях поставлен плохо и не дает возможности правильно определить обеспеченность войск.

6. Мобфонды продфуража, израсходованные в зимний период 1940 г., не восстановлены, а на Камчатке, Сахалине и в МНР они вовсе отсутствуют. Дислокация мобфондов требует уточнения.

7. Финансовые сметы на 1-й месяц войны устарели, непригодны и требуют переработки.

ВОЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ

Постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 9 августа 1935 года по приведению войскового хозяйства и всего дела военно-хозяйственного снабжения армии в образцовый порядок не выполнено.

Войсковое хозяйство продолжает оставаться в запущенном состоянии. Учет и отчетность по имуществу не налажены. В боевых операциях 1939—40 гг. армейский и войсковой тыл работали неудовлетворительно. Кадры военных снабженцев и хозяйственников не созданы.

Организация и система снабжения. Организация и система обозно-вещевого и продовольственного снабжения и квартирному обеспечению Красной армии мирного времени совершенно не были приспособлены на военное время.

Действующие типовые штаты армейских и фронтовых органов снабжения военного времени оказались негодными. Введенные в 1936 г. помощники старшин рот и ротные писаря вскоре были сокращены. Вновь они восстанавливаются лишь с конца 1939 года, когда учет имущества был запутан во всех низовых звеньях.

Штатное и табельное хозяйство в НКО крайне запущено. Действующие штаты с табелями (насчитывают свыше 3000) непрерывно изменяются, дополняются, переиздаются.

В НКО нет общего хозяина над штатами и табелями. Действующие нормы снабжения, особенно вещевым имуществом, устарели или негодны. Некоторые нормы занижены (санхоз-имущество), некоторые, наоборот, завышены (спецодежда и др.). Нет правильного распределения отдельных номенклатур имущества между действующими управлениями — заготовителями (лыжи, музинструменты и др.).

Красная армия испытывает огромные затруднения из-за несовершенства законоположений, инструкций и руководств по различным видам военно-хозяйственного снабжения и войскового хозяйства.

По вопросам снабжения и ведения хозяйства войска руководствуются огромной массой приказов НКО, вышедших за истекшие два десятилетия. Большое количество частей, особенно из числа сформированных за последние годы, этих приказов не имеют.

Кодификацией и разработкой законоположений, затрагивающих деятельность всей армии, в НКО никто не занимается. Нет закона о правах, обязанностях и

персональной ответственности командиров частей и соединений за хозяйственное состояние части, за утрату, порчу, разбазаривание и незаконное использование государственных средств.

Продовольственное снабжение Красной армии. Текущее снабжение войск продовольствием и фуражом проходит без перебоев. Имеющиеся в войсках неснижаемые переходящие запасы продфуража обеспечивают всю армию по основным продуктам на 15-30 дней.

Наркомат Обороны и промышленность не были подготовлены к войне для изготовления сухарей и концентратов. Упродснаб и Генштаб недооценили эти продукты на случай войны.

Неблагополучно с размещением мобилизационных фондов. По мясу и жирам из-за недостатка холодильных помещений дислокация мобфондов построена главным образом исходя из наличия холодильников, а не из потребности.

Особенно плохо с размещением фондов для 1-й и 2-й ОКА и ЗабВО. Отсутствие руководящих указаний по учету продовольствия и фуража в военное время привело к большому перерасходу продфуража в период войны с Финляндией.

Вещевое снабжение Красной армии. Войска не были своевременно обеспечены вещевым имуществом по зимнему плану 1939-40 гг. Отпуск обмундирования частям затянулся до января 1940 года. Вопросы обеспечения теплыми вещами (ушанки, перчатки, валенки) не были проработаны и не ставились своевременно Наркоматом Обороны. По летнему плану 1940 г. округам к 1 мая недодано более 1 миллиона комплектов обмундирования, выдача которого будет закончена лишь в июне месяце.

Мобилизационная обеспеченность армии по основным предметам (головные уборы, шинели, летнее

обмундирование, белье и обувь) крайне низкая. Возимые запасы для частей, переходящие запасы для полскладов не созданы. Неудовлетворительное состояние вещевого снабжения объясняется плохой работой УВС, хроническими недопоставками продукции от промышленности, выделением для НКО фондов без учета сезонности снабжения армии — равномерно в течение всего года.

Опыт войны показал, что Военные советы и Начснабы округов не знают действительной обеспеченности и потребностей частей в вещевом имуществе. Поэтому части отправлялись на фронт необеспеченными или обеспеченными сверх нормы по преувеличенным заявкам и бросали имущество при наступлении. Хранение обмундирования и обуви в окружных складах и особенно в складах частей поставлено неудовлетворительно. Были случаи хищения, порчи и незаконных выдач имущества. Обращение с обмундированием небрежное, ремонт поставлен плохо, отчего обмундирование не всегда выдерживает сроки носки.

Учет имущества запущен. В период больших учебных сборов во многих частях имущество НЗ было смешано с имуществом текущего довольствия. За время войны с Финляндией с учетом наличия обозно-вещевого имущества в частях и довольствующих управлениях окончательно запутались. Имелись случаи, когда части, отправляясь на фронт, оставляли имущество НЗ для других формирований без всякого надзора.

Учет по приказу НКО № 12—1940 г. в войсках еще не введен. Банно-прачечное обслуживание запущено и находится сейчас в ведении 4-х управлений. В мобилизационном отношении банно-прачечное обслуживание армии со стороны НКО не подготовлено, запасов мыла и соды не создано.

Обозно-хозяйственное снабжение Красной армии. Затруднено размещение в промышленности мехагрегатов и спец, обоза. Нет отработанного плана производства и поставки промышленностью обозного имущества на год войны. Действующий план материальными ресурсами не обеспечен. Производство колесного обоза систематически уменьшается.

Внедрение в шорно-седельном и др. производствах кожаменителей (пост. СНК № 039-1935 г.) проводится слабо, консерватизм в этом вопросе еще не сломен. Отсутствие складских помещений и даже навесов для обоза и мехагрегатов (в том числе и для НЗ) является одной из причин преждевременной порчи этого имущества.

Недостатки и маломощность окружных обозно-ремонтных мастерских не обеспечивают ремонта на месте в округах обоза и мехагрегатов в потребном для частей количестве. Недостаток фурнитуры тормозит производство для армий конского снаряжения.

Квартирное обеспечение войск. На 1 января 1940 г. НКО занимает 104 620 зданий общей кубатурой 235 млн кубометров. Отапливаемая площадь составляет 19 млн кв. метр. Из них фактически жилой площади в казармах для красноармейского состава 7 млн кв. метр, и 6,4 млн в домах начсостава.

За период с 1925 г. фонд НКО вырос на 308 проц. НКО эксплуатирует специальных сооружений: котельных — 2500, электростанций — 600, водопроводных и насосных станций — 700, станций телефонной связи и пожарно-постовой сигнализации — 1300, паровых кухонь и механизированных прачечных — 800. Эксплуатация этого фонда находится на низком уровне.

Опыт боевых действий 1939-1940 гг. показал совершенную непригодность и

неподготовленность квартирно-эксплуатационных органов к обслуживанию действующих армий.

ВОПРОСЫ СНАБЖЕНИЯ ГОРЮЧИМ

1. Запасы горючего крайне низки и обеспечивают армию лишь на $\frac{1}{2}$ месяца войны.

2. Строительство бензоемкостей и накопление запасов горючего выполнены в совершенно недостаточных размерах вследствие систематического невыполнения Наркомстроем плана строительства бензоскладов.

3. Войска исключительно слабо обеспечены тарой под горючее на военное время. Транспортировка горючего с баз производства в места потребления крайне затруднена из-за недостатка тары, средств перевозки, заправки и железнодорожных цистерн. Вероятные театры военных действий не имеют в достаточном количестве баз горючего, особенно для авиации.

4. Отмечается отсутствие бережного отношения к сбору и регенерации отработанных масел. Так, например, из авиамасел, полученных в 1939 году, была собрана и сдана на регенерацию только 2331 тонна, что составляет 30 проц, подлежащего сдаче на регенерацию. Борьба за экономное расходование горючего ведется слабо, вследствие чего имеется недостаток горючего.

ФИНАНСОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

Смета НКО на 1939 год по плану заказов составлена с большим резервом. Наличие больших остатков свидетельствует о недочетах, имеющих место в Наркомате Обороны в области финансового и материального планирования. Финансовое планирование не связано с планированием материальных фондов, ввиду отсутствия в НКО единого

органа, объединяющего вопросы сводного материального планирования. Контроль за финансированием выполнения плана заказов организован неудовлетворительно.

ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ УПРАВЛЕНИЮ

1. Кадры руководящего политсостава армии от начальника Политотдела и выше преимущественно пожилых возрастов — от 36 до 45 лет. Их имеется в армии 63 проц.

Политические руководители, выдвинутые из зам. политруков и призванные из запаса, не имеют достаточной военной и политической подготовки. Общая и военно-политическая подготовка многих руководящих политработников неудовлетворительная. Большая часть политсостава армии (73 проц.) не имеет военной подготовки.

Политуправление не определило, какими военными знаниями должен обладать политсостав разных степеней, до последнего времени не организовало военной подготовки всего политсостава.

В программе Военно-политической Академии на военные дисциплины времени отведено недостаточно.

2. Указание Всеармейского совещания политработников 1938 г., утвержденное ЦК ВКП(б), о ликвидации в двухмесячный срок «ВрИДства» в политсоставе Политуправление не выполнило. Политуправление с 1938 г. не выполняет установленный порядок ежегодного делового и политического аттестования политсостава и подменило его получением справок НКВД и сбором чисто формальных отзывов от коммунистов.

3. Общую потребность в политсоставе для мобилизуемой армии на первый год войны Политуправление исчислило в 153 000 человек. Потребность же по родам оружия Политуправление не

определило, и поэтому планирования подготовки политсостава кадра и запаса по родам оружия нет. Большая часть (77 проц.) политсостава запаса не имеет военного образования.

Аттестованием кадров политсостава запаса Политуправление не занималось. Приписка политсостава запаса в связи с войной была нарушена, однако Политуправление недопустимо задерживает пересмотр приписки политсостава запаса и внесение в нее необходимых изменений.

4. В армии на 01.01.40 г. имеется кандидатов партии с просроченным стажем 64797 чел., из них с 8-летним кандидатским стажем 3135 чел. и с 10-летним стажем — 226 чел.

5. Политуправление нарушает установленный ЦК ВКП(б) порядок выдачи в 10-дневный срок партдокументов... и затягивает эту выдачу на срок до года. До сих пор не выдано еще 9166 партбилетов и 16 729 кандидатских карточек. Политуправление нарушило трехмесячный срок отчетности и не отчиталось перед ЦК ВКП(б) за 211 000 выданных партдокументов.

6. В политзанятиях с красноармейцами и начсоставом Политуправление упускало изучение сопредельных стран и их армий. В директиве об осенней проверке политзанятий 1939 года Политуправление предложило оценку их производить по группам, причем давать оценку всем группам «отлично», если в группе имеется не менее 25 проц, отличных, 35 проц, хороших, 30 проц, посредственных и не более 10 проц, плохих оценок. Такое указание по существу неправильное и толкает на путь снижения требований.

Политуправление не уделяло достаточного внимания работе среди войск и населения противника.

7. По решению ЦК ВКП(б) в Политуправлении создано отделение по кадрам Осоавиахима. Это отделение по Осоавиахиму почти ничего не делает и привлекается Политуправлением для выполнения других работ.

САНИТАРНОЕ И ВЕТЕРИНАРНОЕ СОСТОЯНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ

Санитарная служба в Красной армии, как показал опыт войны с белофиннами, оказалась недостаточно подготовленной к большой войне, не хватало медицинских кадров, особенно хирургов, медико-санитарного имущества и автомобильно-санитарного транспорта. Санитарное Управление в центре и Санитарные Отделы в округах слабо привлекались к работе по мобилизационному обеспечению санитарных органов. Полевая подготовка медсостава кадра и запаса, особенно по вопросам военно-полевой хирургии, организации и тактики санитарной службы, оказалась неудовлетворительной. В ветеринарной службе отмечаются недостаточная организованность лечебной работы конского состава и низкая обеспеченность ветлазаретами войск Красной армии.

ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Существующая сеть высших военно-учебных заведений (16 военных академий и 9 военных факультетов) и сухопутных военно-учебных заведений (136 военных училищ), находящихся в ведении Управления высших военно-учебных заведений и Управления военно-учебных заведений, по количеству должна удовлетворять потребность в командном составе, за исключением отдельных специальностей, по которым существующая сеть школ не обеспечивает потребность армии в командном составе. Качество подготовки как в академиях, так и в военных училищах

вследствие слабого состава преподавательских кадров и необеспеченности достаточной материальной базой, требует улучшения.

В программах военных академий отмечается чрезмерная дробность и множественность профилей (112 профилей), что отражается на качестве подготовки. Разработанная Управлением высших военно-учебных заведений новая номенклатура специальностей с января месяца 1939 года находилась у Народного Комиссара и не получила утверждения.

В связи с частыми реорганизациями высших военно-учебных заведений и резким увеличением военных училищ нет стабильности учебных процессов и часть программ, разработанных Управлением, никем не утверждена.

Низка материальная база военных академий и военных училищ. Новые образцы вооружения у них отсутствуют. В военных академиях и училищах отмечается низкая требовательность, имеет место завышение оценок. Подготовка слушателей в военных академиях и курсантов в военных училищах имеет ряд существенных недостатков, из коих главными являются:

- а) недостаточное знание материальной части;
- б) недостаточность практических навыков;
- в) слабое знание иностранных языков.

ВОЕННОЕ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВО

Военное изобретательство, выделенное в самостоятельный отдел Наркомата Обороны, оторвано от Управлений, ведающих вопросами вооружения и технического снабжения. Вследствие этого ценные изобретения задерживаются внедрением в армию и своевременно не реализуются. Отдел изобретений занимается только рассмотрением поступающих изобретений, не имея возможности самостоятельно реализовать их. Управления НКО по своей

специальности не уделяют должного внимания поступающим изобретательским предложениям.

ПО УПРАВЛЕНИЮ ВОЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

1. Воениздат не обеспечивает начальствующий состав Красной армии необходимой военной литературой. План выпуска книг выполняется за счет менее трудоемкой в производстве перепечатки произведений классиков художественной литературы. Не издается литература по актуальнейшим вопросам боевой подготовки армии: тактике мелких подразделений, службе штабов, службе тыла и по армиям сопредельных с нами стран. Не издается военная энциклопедия, нет справочной литературы для начсостава специальных родов войск.

2. В Воениздате мало высококвалифицированных военноредакторских кадров. Больше половины редакторов не имеют высшего образования. Убытки Воениздата в 1939 году составили 722 000 рублей, из которых 300 тысяч уплачено гонорара за неизданные и недоброкачественные рукописи.

* * *

Существующая громоздкая организация центрального аппарата, при недостаточно четком распределении функций между управлениями, не обеспечивает успешное и быстрое выполнение задач, возлагаемых на Наркомат Обороны, по-новому поставленных современной войной. Вследствие этого в разработке ряда вопросов ведения современной войны и во внедрении в достаточном количестве в армию современных образцов вооружения имеется в Наркомате Обороны отставание. Лучшие образцы артиллерии, танков, самолетов и других технических

средств борьбы разрабатываются и вводятся на вооружение крайне медленно. Широкое применение системы условностей в обучении и воспитании войск создало в войсках неправильное представление о суровой действительности войны. Эти недостатки в руководстве и подготовке войск, при наличии молодых и недостаточно опытных кадров, привели к отставанию в ряде вопросов подготовки армии к войне.

Сдал — Председатель КО при СНК Маршал Советского Союза

[подпись] (К. Ворошилов)

Принял — Народный Комиссар Оборона СССР
Маршал Советского Союза

[подпись] (С. Тимошенко)

Председатель комиссии секретарь ЦК ВКП(б)

[подпись] (Жданов)

Секретарь ЦК ВКП(б)

[подпись] (Маленков)

Члены: Зам. пред. СНК СССР

[подпись] (Вознесенский)

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. Е. ВОРОШИЛОВА

1881, 4 февраля (22 января по старому стилю) — родился Климент Ефремович Ворошилов.

1887 — Клим начал трудовую деятельность.

1893, сентябрь — пошел в первый класс земской двухгодичной школы, окончил ее в 1894 году.

1896-1899 — работа на металлургическом заводе Донецко-Юрьевского металлургического общества (ДЮМО) в Алчевске.

1899 — руководит забастовкой крановщиков чугунолитейного цеха завода ДЮМО.

1903 — вступает в РСДРП (большевиков).

1905, февраль — возглавляет забастовку рабочих паровозостроительного завода.

Июль — арест и заключение в луганскую тюрьму.

1906, 10-25 апреля — участвует в работе IV (Объединительного) съезда РСДРП в Стокгольме.

1907, март — смерть отца, Ефрема Андреевича Ворошилова.

Май — участвует в работе V (Лондонского) съезда РСДРП.

Октябрь — высылка в Архангельскую губернию.

Декабрь — побег из Пинеги Архангельской губернии.

1908, январь — приезд в Баку, Ворошилова избирают членом Бакинского комитета РСДРП.

20 сентября — арест в Петербурге и заключение в Петербургскую пересыльную тюрьму.

6 октября — высылка в Архангельскую губернию.

1910 — вступление в брак с Голдой Горбман, перед венчанием крестившейся в православие с именем Екатерина.

1912, июль — возвращение семьи Ворошиловых из ссылки. *Лето — осень* — возглавляет в Алчевске избирательную кампанию местных большевиков по выборам в IV Государственную думу.

1913, 13 марта — высылка в Чердынский уезд Пермской губернии.

1914, май — приезд в Царицын, работа на оружейном заводе.

1915-1917 — работает мастером на механическом заводе Сургайло в Петрограде.

1917, февраль — участвует в Февральской революции. Избран депутатом первого Петроградского совета, членом бюро его большевистской фракции.

24-29 апреля — участвует в работе VII (Апрельской) Всероссийской конференции.

26 июля — 3 августа — участвует в работе VI съезда РСДРП.

Декабрь — назначен комиссаром Петрограда по гражданским делам, председателем Комитета по охране Петрограда, членом ВЧК.

1918 — Климент Ефремович и Екатерина Давидовна Ворошиловы усыновляют четырехлетнего сироту Петю.

15 марта — Ворошилов назначен командующим 5-й Украинской армией, осуществляет переход армии из Луганска в Царицын.

1919, 29 января — назначен наркомом внутренних дел УССР.

18-23 марта — участвует в работе VIII съезда РКП(б).

10 мая — назначен командующим войсками Харьковского военного округа, руководит ликвидацией контрреволюционного мятежа Григорьева.

7 июня — возглавил 14-ю армию.

19 ноября — назначен председателем Реввоенсовета 1-й Конной армии.

1921, март — участвует в работе X съезда РКП (б) и подавлении Кронштадтского мятежа.

27 мая — назначен командующим войсками Северо-Кавказского военного округа.

1924, 17 мая — вступает в командование войсками Московского военного округа.

1925, 6 ноября — назначен народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета СССР.

1931 — Климент Ефремович и Екатерина Давидовна взяли в свою семью одиннадцатилетнюю Таню и восьмилетнего Тимура, детей умерших Михаила Васильевича и Софьи Алексеевны Фрунзе.

1934 — назначен наркомом обороны СССР.

1935, 20 ноября — постановлением ЦИК и СНК СССР Ворошилову присвоено звание Маршал Советского Союза.

1940, 17 апреля — смещен с должности наркома обороны.

7 мая — указом Президиума Верховного Совета СССР назначен заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР и председателем Комитета обороны при СНК СССР.

1941, 10 июля — назначен главнокомандующим Северо-Западным направлением.

5 сентября — назначен командующим Ленинградским фронтом.

1942, 15 февраля — представитель Ставки Верховного главнокомандования на Волховском фронте.

5 сентября — назначен главнокомандующим партизанским движением.

1943, 12-18 января — вместе с Г. К. Жуковым по поручению Ставки координирует действия

Ленинградского и Волховского фронтов по прорыву блокады Ленинграда.

25 мая — назначен председателем Трофейного комитета при ГКО.

28 ноября — 1 декабря — Ворошилов участвует в работе Тегеранской конференции руководителей СССР, США и Великобритании.

1944, январь-апрель — координирует действия Отдельной Приморской армии, 4-го Украинского фронта, Черноморского флота и Азовской военной флотилии по освобождению Крыма.

1945, 1 февраля — назначен председателем Союзной контрольной комиссии в Венгрии.

1953, 15 марта — избран председателем Президиума Верховного Совета СССР.

1959 — скончалась от рака жена Екатерина Давидовна Ворошилова.

1960, 7 мая — на заключительном заседании V сессии Верховного Совета СССР пятого созыва Ворошилов по его личной просьбе (по состоянию здоровья) освобожден от обязанностей председателя Президиума Верховного Совета СССР и одновременно избран членом Президиума Верховного Совета СССР.

1969, 2 декабря — Климент Ефремович Ворошилов скончался. Похоронен на Красной площади в Москве у Кремлевской стены.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

И. В. Веравский

Ефрем Андреевич Ворошилов

Мария Васильевна Ворошилова

***Хата в селе Васильевка, где прошли детские годы Климента
Ефремовича Ворошилова***

Клим Ворошилов в молодости

Клим Ворошилов в группе рабочих завода ДЮМО (первый ряд, второй справа). 1897 г.

***Клим Ворошилов со своим учителем Семеном Мартыновичем
Рыжковым. 1900-е гг.***

Общий вид старого Луганска

Клим Ворошилов — рабочий завода Гартмана. 1903 г.

Товарищ Артем (Федор Андреевич Сергеев)

***Стокгольм в 1906 году, во время IV (объединительного) съезда
РСДРП***

Климент Ворошилов. 1905 г.

Снимки Ворошилова из охранного отделения. 1907 г.

Клим Ворошилов и Голда Горбман в ссылке. 1910 г.

Мезень Архангельской губернии.

Место ссылки Ворошилова в 1911 году

***К. Е. Ворошилов среди членов исполнительного комитета
Измайловского полка***

Ф. Н. Алябьев, Е. А. Щаденко, К. Е. Ворошилов, А. Я. Пархоменко.

Царицын. 1918 г.

А. С. Бубнов, К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный.

1918-1920 гг.

***К. Е. Ворошилов (в первом ряду справа) среди командования 1-й
Конной армии***

***Народный комиссар внутренних дел Украины Климент Ефремович
Ворошилов.***

Декабрь 1918 г.

Климент Ефремович Ворошилов на Южном фронте

***Борис Мокеевич Думенко — начальник 1-й Сводной кавалерийской
дивизии***

***Климент Ефремович Ворошилов — член Революционно-военного
совета 1-й Конной армии***

***К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный с командирами и
политработниками 1-й Конной армии. Майкоп. 1920 г.***

На улицах Кронштадта в дни восстания.

1921 г.

Феликс Дзержинский и Клим Ворошилов у гроба Ленина.

1924 г.

Михаил Васильевич Фрунзе с детьми Тимуром и Татьяной в 1924 году.

С 1931 года они будут воспитываться в семье Ворошиловых

Михаил Фрунзе и Клим Ворошилов на параде в Москве. 1924 г.

***Делегация РККА (в центре — И. В. Сталин, справа от него —
К. Е. Ворошилов).***

Февраль 1932 г.

К. Е. Ворошилов и командный состав ВОХР на Красной площади.

1930-е гг.

Климент Ефремович Ворошилов.

1930-е гг.

***С. М. Буденный подписывает текст военной присяги в присутствии
народного комиссара обороны СССР Маршала Советского Союза
К. Е. Ворошилова.***

1930-е гг.

Первый маршал Советского Союза Клим Ворошилов

Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов

Сталин и Ворошилов

***Климент Ефремович Ворошилов (справа), Георгий Константинович
Орджоникидзе (за плечом Ворошилова), дочь Орджоникидзе и
Анастас Иванович Микоян***

***Советско-финляндская война. Бойцы 7-й армии ведут огонь по врагу
из винтовок.***

Карельский перешеек. 1939 г.

Танк КВ-1, названный в честь Клина Ворошилова, производился с 1940 по 1942 год. Был впервые испытан во время Советско-финляндской войны

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война.

Ленинград защищается от фашистов.

Танки идут на опасный участок обороны

***Боевой расчет звукоулавливающей установки сторожит
ленинградское небо***

Командующий Ленинградским фронтом.

Сентябрь 1941 г.

***К. Е. Ворошилов на одном из участков Ленинградского фронта в
годы войны***

М. И. Калинин и К. Е. Ворошилов на трибуне во время парада 7 ноября 1941 года в городе Куйбышеве

К. Е. Ворошилов с группой лыжников в зоне формирования резервов. 1942 г.

Представитель Ставки ВГК К. Е. Ворошилов во 2-й Ударной армии в период Любанской операции.

1942 г.

К. Е. Ворошилов на Волховском фронте.

Март 1942 г.

***К. Е. Ворошилов осматривает выставку трофейного оружия. Москва.
1944 г.***

Маршал Ворошилов держит почетный меч — дар короля Георга VI, преподнесенный Уинстоном Черчиллем Иосифу Сталину на Тегеранской конференции. 1943 г.

К. Е. Ворошилов на избирательном участке. 1946 г.

И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов в Кремле. 1947 г.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов

К. Е. Ворошилов (в первом ряду второй слева) среди заслуженных советских летчиков. 1959 г.

Указ о создании КГБ СССР, подписанный К. Е. Ворошиловым.

1954 г.

***К. Е. Ворошилов и посол Польской Народной Республики во время
вручения верительных грамот в Кремле.***

2 декабря 1959 г.

Маршал К. Е. Ворошилов

К. Е. Ворошилов и президент Вьетнама Хо Ши Мин.

Москва. 1955 г.

***К. Е. Ворошилов беседует с рабочими, ремонтирующими мостовую
в Кремле.***

Москва. 1956 г.

***Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов
вручает орден Ленина академику И. В. Курчатову.***

Москва. 1956 г.

***«А помнишь...». Друзья-маршалы, бывшие первоконники:
К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный***

Пулеметная тачанка 1-й Конной армии.

Памятник установлен на южном въезде в Ростов-на-Дону, где в начале 1920 года проходили жестокие бои между красной кавалерией и белогвардейцами

***Мемориальная доска на доме 3 на улице Грановского в Москве,
теперь Романов переулок***

К. Е. Ворошилов

ЛИТЕРАТУРА

1941 год: Документы [Сборник]: В 2 кн./Ред. совет А. Н. Яковлев (пред.), Е. Т. Гайдар, А. А. Дмитриев и др.; Сост.: Л. Е. Решин, Л. А. Безыменский, В. К. Виноградов и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

II съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик: Стенографический отчет. М.: Изд-во ЦИК СССР, 1924.

Акшинский В. С. Климент Ефремович Ворошилов: Биографический очерк. М.: Политиздат, 1974.

Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Т. 4. М.; Л.: Госиздат, 1933.

Бабель И. Конармия [Сборник] / Сост. А. Н. Пирожкова-Бабель. М.: Правда, 1990.

Барбер Дж. Д., Белозеров Б. П., Дзенискевич А. В и др. Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде: Историко-медицинский аспект / Отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

Барышников Н. И. Финляндия: Сто пять военных дней // *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Финляндия во Второй мировой войне. Л.: Лениздат, 1985.

Безыменский Л. А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече, 2000.

Бешанов В. В. Ленинградская оборона. М.: АСТ; Мн.: Хар-вест, 2005.

Буденный С. М. Красная конница [Сборник статей]. М.; Л.: Госиздат. Отдел военной литературы, 1930.

Буденный С. М. Пройденный путь. Кн. 1. М.: Воениздат, 1959.

В. И. Ленин: Неизвестные документы: 1891–1922 [Сборник] / Сост. Ю. Н. Амиантов и др. М.: Росспэн, 2000.

Васильева Л. Н. Дети Кремля. М.; Назрань: АСТ; Атлантида, 1998.

Венус Г. Война и люди: Семнадцать месяцев с дроздовцами. М.; Л.: Госиздат, 1927.

Вечерняя Москва. 1925. 30 октября.

Военно-исторический журнал. 1990. № 12; 1993. № 2.

Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: И. В. Сталин. Политический портрет: В 2 кн. М.: Изд-во АПН, 1989. Кн. 2. Ч. 1.

Вопросы истории. 1985. № 12; 1994. № 8.

Ворошилов К. Е. Из недавнего, бесконечно далекого прошлого // Октябрь 1917 года: Сборник. Государственное издательство. Донское отделение, 1921.

Ворошилов К. Е. О молодежи. М.: Молодая гвардия, 1936.

Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни [Воспоминания]. Кн. 1. М.: Политиздат, 1968.

Ворошилов К. Е. Сталин и Вооруженные силы СССР. М.: Политиздат, 1951.

Ворошилов К. Е. Статьи и речи. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.

Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... М.: Дельта НБ, 2004.

Гончаров В. Л. [авт. — сост.] Возвышение Сталина: Оборона Царицына. М.: Вече, 2010.

Горизонт. 1990. № 6.

Городовиков О. И. В рядах Первой конной: Рассказы конармейца. М.: Воениздат, 1939.

Горьков Ю. А. Государственный Комитет Оборона постановляет (1941–1945). М.: Олма-Пресс, 2002.

Гофман М. Записки и дневники: 1914–1918 / Предисл. Р. Эйдемана. Л.: Красная газета, 1929.

Гражданская война на Екатеринославщине (февраль 1918–1920 гг.): Документы и материалы. Днепропетровск: Промінь, 1968.

Гуль Р. Б. Красные маршалы. М.: ПРОЗАиК, 2011.

Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. М.: Наука, 1991.

Документы по истории Гражданской войны в СССР. Т. 1. Первый этап Гражданской войны / Под ред. И. Минца, Е. Городецкого. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1941.

Доценко В. Д. Мифы и легенды Российского флота. М.: АСТ; Полигон, 2004.

Егоров А. И. Разгром Деникина: 1919 г. М.; СПб.: АСТ; Terra Fantastica, 2003.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: Изд-во АПН, 1969.

Зимин А. У истоков сталинизма. 1918–1923. Paris: Слово, 1984.

Зимняя война: 1939–1940: В 2 кн. М.: Наука, 1998. Кн. 1: Политическая история / Отв. ред. О. А. Ржешевский, О. Вехвиляй-нен.

Зорин Ф. Ф. Побег из тюрьмы. Луганск, 1960.

Зотов С. А. Батайско-Маньчское сражение 1-й Конной армии в 1920 году // *Егоров А. И., Деникин А. И.* Гражданская война в России: Разгром Деникина. М.; СПб.: АСТ; Terra Fantastica, 2003.

Из истории Гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов: 1918–1922: В 3 т. / Редкол.: Г. А. Белов и др.; Сост. Н. Ф. Кузьмин и др. М.: Советская Россия, 1961. Т. 2.

Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. М.: ОГИЗ, 1947.

Иосиф Сталин в объятиях семьи: Из личного архива [Сборник документов]. М.: Родина, 1993.

Иринчеев Б. Забытый фронт Сталина. М.: Яуза; Эксмо, 2008.

История Гражданской войны в СССР: В 5 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1935–1960.

История России в портретах: В 2 т. / Под ред. В. Ф. Блохина, А. Н. Ветошко, Ю. С. Карпиленко. Смоленск; Брянск: Русич; Курсив, 1997. Т. 2.

История. 2007. № 21.

Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война: 1918–1921. СПб.: Полигон, 2002.

Каменев С. С. Записки о Гражданской войне и военном строительстве. М.: Воениздат, 1963.

Канун и начало войны: Документы и материалы / Сост. Л. А. Киршнер. Л.: Лениздат, 1991.

Кардашов В. И. Ворошилов. М.: Молодая гвардия, 1976.

Карпенко В. В. Красный генерал. М.: Советская Россия, 1991.

Клавинг В. Гражданская война в России: Белые армии. М.; СПб.: АСТ; Terra Fantastica, 2003.

Клюев Л. Л. Первая конная Красная армия на Польском фронте в 1920 году. М.: Воениздат, 1932.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 1: 1898–1917 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Под ред. А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. М.: Политиздат, 1983.

Коньков В. Ф. Время далекое и близкое. М.: Воениздат, 1985.

Кронштадт. 1921: Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 года / Под общ. ред. А. Н. Яковлева; Сост. В. П. Наумов, А. А. Косаковский. М.: Демократия, 1997.

Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы: В 2 кн. / Сост. М. Антифеева, В. Козлов, И. Кудрявцев, В. Михалева и др. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999.

Кузьменко Г. А. Дневник: 19 февраля 1920 — 28 марта 1920 // *Аршинов П.* История махновского движения (1918–1921) [Сборник] / Сост. В. Крюков. М.: Терра, 1996.

Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. Смоленск: Русич, 2001.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. М.: Политиздат, 1958–1983. Т. 18, 43, 51.

Ленин В. И. Собрание сочинений: В 35 т. М.: Политическая литература, 1941–1967. Т. 35.

Ленин В. И.: Неизвестные документы: 1891–1922. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000.

Ленинский сборник: XXXVII. М.; Л.: Институт Ленина при ЦКВКП(б), 1929.

Литературная газета. 1969. 24 декабря.

Лотоцкий С. С., Альтговзен М. Л., Внотченко Л. Н. и др. Армия советская / Предисл. К. Е. Ворошилова. М.: Политиздат, 1969.

Люди бессмертного подвига: Очерки о дважды, трижды и четырежды Героях Советского Союза: В 2 кн. М.: Политиздат, 1975.

Мартыненко Г. А. Комкор Дмитрий Жлоба. М.: Воениздат, 1985.

Медведев Р. А. Ближний круг Сталина: Соратники вождя. М.: Эксмо; Яуза, 2005.

Меликов В. А. Героическая оборона Царицына (1918 год). М.: Воениздат, 1940.

Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Тайны гестапо: Империя смерти. М.: Вече, 2000.

Микоян А. И. Так было. М.: Вагриус, 1999.

Минаков С. Т. 1937: Заговор был! М.: Эксмо; Яуза, 2010.

Михайличенко Д. Ю. Майский военно-политический кризис в УССР // Вестник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. 2002. Вып. 5.

Михалков С. В., Михалков М. В. Два брата — две судьбы. М.: Центрполиграф, 2005.

Модестов А. В. Сталин, Василевский и Жуков: Бои за Ленинград. СПб.: Написано пером, 2015.

Мощанский И. Б. У стен Ленинграда. М.: Вече, 2010.

Обертас И. Л. Командарм Федько. М.: Воениздат, 1973.

Октябрь 1917 года: Сборник. Государственное издательство. Донское отделение. 1921.

Орловский С. Н. Великий год: Дневник конармейца. М.; Л.: Госиздат. Отдел военной литературы, 1930.

Очерки истории Ленинграда. Т. 5: Период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг. / Авт. В. Б. Азаров, Т. С. Александрова, А. Р. Дзенискевич и др. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1967.

Парийский В., Жаворонков Г. В немилость впавший... // Советская культура. 1989. 23 февраля.

Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями: Сборник документов. Т. 1: Март — октябрь 1917 г. М.: Господитиздат, 1957.

Петров Г. Ф. Кронштадт: Очерк истории города. Л.: Лениздат, 1985.

Петров М. И. В дни войны и мира. М.: Воениздат, 1982.

План «Д»: План специальных мероприятий, проводимых во время Великой Отечественной войны по общегородским объектам города Ленинграда. СПб.: Европейский дом, 2005. (Архив Большого дома.) Т. 1: 1941 год/Сост., авт. вступ. ст. С. К. Бернев, Н. А. Ломагин.

Португальский Р. М., Доманк А. С., Коваленко А. П. Маршал С. К. Тимошенко. М.: Издательство МОФ «Победа — 1945 год», 1994.

Рабинович С. История Гражданской войны. М.: Партийное издательство, 1933.

Рассказы о Дзержинском: Сборник воспоминаний. М.: Детская литература, 1965.

Рафаил М. Кронштадтский мятеж: Из дневника политработника. Харьков, 1921.

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2-2). М.: Терра, 1997.

Рыженко П. Ф. Рейд Стальной дивизии // Дорогой борьбы и побед: Сборник воспоминаний и статей к 60-летию КПСС. Волгоград: Волгоградское книжное издательство, 1963.

Рыжков С. Алчевск // Последние новости. Париж, 1933. № 4510.

Рыжков С. Военморнарком Ворошилов // Последние новости. Париж, 1933. № 4513.

Савченко В. А. Авантюристы Гражданской войны: Историческое расследование. Харьков; М.: Фолио; АСТ, 2000.

Савченко В. А. Двенадцать войн за Украину. Харьков: Фолио, 2006.

Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2005. № 33.

Свердлов Я. М. Избранные произведения: В 3 т. М.: Политиздат, 1957–1960. Т.3.

Селявкин А. И. В трех войнах на броневиках и танках. Харьков: Прапор, 1991.

Семанов С. Н. Кронштадтский мятеж. М.: Эксмо; Алгоритм, 2003.

Серебряков Г. И., Буйский Б. Н., Вовк А. А. и др. Краснознаменный Киевский: Очерки истории Краснознаменного Киевского военного округа (1919–1979). Киев: Изд-во политической литературы Украины, 1979.

Сечкин В. Павел Судоплатов — терминатор Сталина, М.: Яуза; Эксмо, 2005.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: Сборник документов: В 5 т. М.: Политиздат, 1978–1984. Т. 2: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании.

Соколов Б. В. Буденный: Красный Мюрат. М.: Молодая гвардия, 2007.

Соколов Б. В. Михаил Тухачевский: Жизнь и смерть «Красного маршала». Смоленск: Русич, 1999.

Сталин И. В. Сочинения: Т. 15. М.: Писатель, 1997.

Сталин И. В. Собрание сочинений: В 13 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951–1953.

Суворов В. День «М»: Когда началась Вторая мировая война?: Продолжение книги «Ледокол»: [Нефантастическая повесть-документ: Кн. 2]. М.: Всё для вас, 1994.

Суходеев В. В. Эпоха Сталина. События и люди: Энциклопедия. М.: Эксмо, 2004.

Таннер В. Зимняя война: Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии: 1939–1940. М.: Центрполиграф, 2003.

Типпельскирх К. История Второй мировой войны. СПб.; М.: Полигон; АСТ, 1999.

Толстой А. Н. Хлеб. Оборона Царицына. М.: Вече, 2015.

Троцкий Л. Д. Бумаги Троцкого (The Trotsky papers. 1917–1922. V. II) И Архивные документы 1917–1922 годов: В 2 т. Paris: Слово, 1971. С. 119.

Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (На военной работе): В 3т. М., 1923–1924. Т. 2.

Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. М.: Книга по требованию, 2011.

Троцкий Л. Д. Завещание Ленина // Горизонт. 1990. № 6.

Туркул А. И. Дроздовцы в огне: Картины Гражданской войны 1918–1920 годов / Лит. обр. И. Лукаша. Мюнхен: Явь и быль, 1948.

Тюленев И. В. Через три войны. М.: Воениздат, 1960.

Федюнинский И. И. Поднятые по тревоге. М.: Воениздат, 1964.

Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография / Редкол. А. С. Велидов и др. М.: Политиздат, 1987.

Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992.

Хрущев Н. С. Воспоминания: Время, люди, власть: В 3 т. М.: Московские новости, 1999.

Центральный государственный архив Советской армии: Путеводитель: В 2 т. М.: ЦГАСА, 1991. Т. 1.

Чуев Ф. И. Молотов: Полудержавный властелин. М.: Олма-Пресс, 2000.

Шапошник В. Н. Северо-Кавказский военный округ в 1918 году. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1980.

Шерстнев В. Д. Трагедия сорок первого: Документы и размышления. Смоленск: Русич, 2005.

Шкуро А. Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: В 2 кн. М.: Вече, 2014. Кн. 1.

Южный фронт (май 1918—март 1919): Борьба советского народа с интервентами и белогвардейцами на юге России [Сборник документов] / Сост. Л. И. Буханова и др. Редкол.: Е. А. Хмелевский (отв. ред.) и др. Ростов н/Д.: Ростовское книжное изд-во, 1962.

Ямковой А. А., Куксина Е. А., Плетенцов Г. А. Путь длиной в 100 лет: Очерки истории Алчевского металлургического комбината. Луганск: Свттиця, 1996.

INFO

Великанов Н. Т.

В 27 Ворошилов / Николай Великанов. — М.: Молодая гвардия, 2017. — 510(2] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1619).

ISBN 978-5-235-03722-9

УДК 94(47+57)(092)

ББК 63.3(2)622,88

знак информационной продукции 16+

Великанов Николай Тимофеевич
ВОРОШИЛОВ

Редактор *Е. С. Писарева*

Художественный редактор *А. В. Наумов*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректор *Л. С. Барышникова*

Сдано в набор 05.09.2016. Подписано в печать 08.11.2016. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 26,88+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1620180.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Суховская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

ARVATO BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с
качеством предоставленного электронного
оригинал-макета в ООО «Ярославский
полиграфический комбинат» 150049, Ярославль,
ул. Свободы, 97

notes

Примечания

После объединения в 1922 году РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР и Закавказской СФСР в одно государство — Союз Советских Социалистических Республик слова «за РСФСР» заменили на «за СССР».

РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия.

Парийский В., Жаворонков Г. В немилость впавший...
// Советская культура. 1989. 23 февраля.

См.: *Троцкий Л. Д.* Портреты революционеров. М.: Книга по требованию, 2011.

«Песня о Ворошилове». Музыка Ф. Сабо, стихи
Т. Сикорской.

«Эшелонная (Песня о Ворошилове)». Музыка
А. Александрова, стихи О. Колычева.

Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни [Воспоминания].
Кн. 1. М.: Политиздат, 1968. С. 5.

Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни. С. 14.

Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни. С. 23–24.

Скирда — долгая, большая кладь сена или соломы.

Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни. С. 26–27.

Колчедан — общее название преимущественно сернистых минералов.

Земский — общегосударственный.

Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни. С. 33.

Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни. С. 34.

Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни. С. 36.

Тальянка — однорядная гармошка.

Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни. С. 38.

«Последние новости» — русскоязычная газета, издававшаяся в Париже с 1920 по 1940 год. Являлась самой популярной и влиятельной газетой русской эмиграции. Вначале она имела леворадикальное направление, была внепартийной, затем стала органом Республиканско-демократического объединения.

Христина Даниловна Алчевская — жена помещика Алчевского, известная в то время деятельница народного образования (ее перу принадлежал ряд критических сборников о книгах для массового чтения — «Что читать народу», «Книга взрослых» и др.). Она занималась благотворительной деятельностью и, видимо, имела доброе сердце, оказывая положительное влияние на мужа. Под ее воздействием было создано несколько так называемых народных домов, в которых обучались как взрослые, так и подростки.

Рыжков С. Алчевск // Последние новости. Париж, 1933. № 4510.

Алчевск — город, возникший при слиянии поселка станции Юрьевка, близлежащего села Васильевки и хутора Должик, расположенных на территории Васильевской волости. Назван в память о бывшем хозяине Васильевки, основателе завода ДЮМО А. К. Алчевском, трагически погибшем в 1901 году.

Рыжков С. Военморнарко́м Ворошилов // Последние новости. Париж, 1933. № 4513.

Ныне — Днепропетровск, Украина.

См.: Ямковой А. А., Куксина Е. А., Плетенцов Г. А.
Путь длиной в 100 лет: Очерки истории Алчевского
металлургического комбината. Луганск: Світлиця, 1996.

Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни. С. 45.

Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни. С. 53.

Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни. С. 70.

Ныне — Запорожье.

Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни. С. 88.

Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни. С. 88.

С середины 1880-х годов в России возрастал интерес к марксизму. В крупных промышленных городах появлялись кружки и воскресные школы, в которых передовые рабочие изучали идеи марксизма. Одним из таких был кружок Павла Варфоломеевича Точисского, прогрессивного интеллигента из дворян. Точисский порвал с дворянской средой, стал рабочим и образовал в 1885 году группу, получившую название «Товарищество Санкт-Петербургских мастеровых». Он считал необходимым создание рабочей партии, так как именно в рабочих видел революционную силу. Наиболее активные члены группы Точисского объединились с несколькими студенческими кружками и создали новую организацию — «Социал-демократическое общество», руководителем которой стал Михаил Иванович Бруснев.

Прокламация — агитационный листок
политического содержания.

Бунд — Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России.

Георгий Валентинович Плеханов — один из основателей (совместно с другими эмигрантами-революционерами) в 1883 году в Женеве первой российской марксистской организации — группы «Освобождение труда». В конце 1894-го — начале 1895 года по инициативе Плеханова был создан «Союз русских социал-демократов за границей», который вошел в образовавшуюся в 1903 году Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП).

Охранка — в дореволюционной России: охранное отделение; тайная полиция.

См.: Гуль Р. Б. Красные маршалы. М.: ПРОЗАиК, 2011.

Конкордия Николаевна Самойлова была активной пропагандисткой марксистских идей. Она состояла членом ЦК Луганского комитета, занималась изготовлением и распространением прокламаций, листовок, другой нелегальной литературы.

См.: Гуль Р. Б. Указ. соч. С. 45.

Ныне — Турку.

Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни. С. 185.

Первая конференция Российской социал-демократической рабочей партии проходила в Таммерсфорсе (ныне — Тампере), Финляндия, с (12) 25 по (17) 30 декабря 1905 года. (Нужно отличать от Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП, которая также проходила в Таммерсфорсе.). На конференции присутствовал 41 делегат. Председателем конференции был избран Ленин. На Таммерсфорсской конференции впервые лично встретились Ленин и Сталин.

Ныне — Хельсинки.

Териоки — крупное дачное поселение в Восточной Финляндии, в начале XX века было одним из лучших курортов Балтики, популярным не только у финнов, но и у шведов. Ныне это российский Зеленогорск, один из пригородов Санкт-Петербурга. В 1905–1907 годах русское революционное движение активно проводило в Териоки нелегальную партийную деятельность. Здесь находились перевальные базы запрещенной литературы и оружия.

Оппортунист — соглашатель.

Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни. С. 282.

Днепропетровский областной государственный
архив (ДОГА). Фонд ЕГЖУ. Д. 556. Л. 3 (об.).

В 1991 году в ходе раскопок в Новгороде в слое XI века был найден деревянный «цилиндр-замок» (пломба), на котором был изображен княжеский знак в виде трезубца и высечена надпись: «В Пинезе 3 тысяче». См.: *Рыбина Е. А.* Образование в средневековом Новгороде (по археологическим материалам) // *Рыбина Е. А.* Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. Вып. 3. С. 26.

ЛОГА. Ф. 1. Оп. 4. Т. 4. Д. 189. Л. 4.

ГАРФ. Ф. 102. 00. 1907. Д. 5. Ч. 3. Л. 49.

Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография.
М.: ОГИЗ, 1947. с. 44.

В отличие от Шаумяна и Спандаряна фамилия Джапаридзе дается в литературе с инициалами П. А., чтобы отличать Прокофия Апрасионовича от однофамильцев среди участников революционного движения на Кавказе.

Ныне — Ломоносове.

Тюремная санитарная часть на языке заключенных.

Партия социалистов-революционеров (ПСР, эсеры) — революционная политическая партия Российской империи. Создана на базе ранее существовавших народнических организаций. Наиболее многочисленная и самая влиятельная немарксистская социалистическая партия.

Непонятно, почему Голда вместо фамилии Горбман дважды написала Гробман. Возможно, машинально перепутала местами буквы «о» и «б».

Сванидзе М. А. Дневник // Иосиф Сталин в объятиях семьи: Из личного архива [Сборник документов]. М.: Родина, 1993. С. 183.

Здесь — сравнение с пристяжной лошадью в русской тройке.

Ныне — город Кропивницкий, Украина.

Локаут — закрытие предприятия и массовые увольнения как средство борьбы предпринимателей против рабочего класса.

См.: *Акшинский В. С.* Климент Ефремович Ворошилов: Биографический очерк. М.: Политиздат, 1974.

Зорин Ф. Ф. Побег из тюрьмы. Луганск, 1960. С. 30.

Таврический дворец — выдающееся произведение русской архитектуры периода классицизма, построен в 1783–1789 годах архитектором И. Е. Старовым для князя Г. А. Потемкина-Таврического, фаворита императрицы Екатерины II. Расположен на Шпалерной улице, на левом берегу Невы, недалеко от Смольного монастыря. По своим размерам здание дворца являлось тогда одним из самых крупных не только в России, но и во всей Европе. Площадь его составляла 65 700 квадратных метров при длине главного фасада 260 погонных метров и высоте 12 метров. С Таврическим дворцом связаны многие исторические события. С 1906 по 1917 год в нем проходили заседания Государственной думы. В дни Февральской революции в левом крыле его начал свою работу Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов.

ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 745. Л. 1а-11 об.

Известия Петроградского совета рабочих депутатов.
1917. № 1. 28 февраля. Эта газета стада официальным
печатным органом Петроградского совета.

Здесь Гуль ошибается: Ворошилов 3 апреля не находился в Петрограде и не мог встречать Ленина на Финляндском вокзале.

Гуль Р. Б. Указ. соч. С. 46.

РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории, бывший Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ). Ф. 71. Оп. 15. Ед. хр. 24. Л. 21.

Корниловщина — мятеж, предпринятый Верховным главнокомандующим Русской армией генералом Лавром Георгиевичем Корниловым в августе 1917 года с целью восстановления в России «твердой власти» и предотвращения с помощью военной силы прихода к власти левых радикалов (большевиков).

Цензовые элементы — представители средней и крупной буржуазии, располагавшие определенным имущественным цензом при выборах в Учредительное собрание.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 1: 1898–1917. М.: Политиздат, 1983. С. 601–602.

Его предшественник, I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, проводился с 3 (16) июня по 24 июня (7 июля) 1917 года. Большинство на нем принадлежало меньшевикам и эсерам. Съезд отверг большевистские резолюции о прекращении войны и передаче всей власти Советам, оказал полную поддержку министрам-социалистам, стоявшим за продолжение «революционной войны» на принципах отказа от аннексий и контрибуций. I съезд Советов избрал постоянный орган, Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов (ВЦИК) во главе с председателем — меньшевиком Николаем Семеновичем Чхеидзе.

Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями: Сборник документов. Т. 1: Март — октябрь 1917 г. М.: Госполитиздат, 1957. С. 337.

Литературная газета. 1969. 24 декабря.

Ворошилов К. Е. Из недавнего, бесконечно далекого, прошлого // Октябрь 1917 года: Сборник. Государственное издательство. Донское отделение, 1921. С. 64.

ГАРФ. Ф. 130. Он. 1. Д. 2. Л. 30.

Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография /
Редкол. А. С. Велидов и др. М.: Политиздат, 1987. С. 186.

Рассказы о Дзержинском: Сборник воспоминаний.
М.: Детская литература, 1965. С. 119–125.

На VII съезде РСДРП (б), состоявшемся 6–8 марта 1918 года, партия была переименована в РКП (б) — Российская коммунистическая партия (большевиков).

1 февраля 1918 года Россия перешла на григорианский календарь (1 февраля становилось 14 февраля). Далее все даты в книге будут приводиться по григорианскому календарю.

Макс Гофман (Макс Хоффманн) — начальник штаба главнокомандующего Восточным фронтом. Он представлял германское командование в ходе переговоров о Брестском мире.

См.: *Гофман М.* Записки и дневники: 1914–1918. Л.: Красная газета, 1929.

Вильгельм II (Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский) — император Германии и король Пруссии с 15 июня 1888 года по 9 ноября 1918 года.

Ныне находится на востоке Турции.

Ныне — Ардахан, Турция.

Ныне — Батуми, Грузия.

Сепаратный — отдельный, обособленный от других.

Кайзер — германский титул монарха. В немецком языке титул соответствует титулу императора. Кайзерами обычно называли только трех императоров Германии (период с 1871 по 1918 год): Вильгельма I, Фридриха III и Вильгельма II. К этому периоду германской истории применяется название «кайзеровская Германия».

Александр Адольф Август Карл фон Линзинген — командующий (февраль — март 1918 года) группировкой войск, имевшей в своем составе 20 пехотных и 5 кавалерийских дивизий; вел наступление в направлении линии Киев — Полтава — Одесса.

Герман фон Эйхгорн — главнокомандующий группой армий «Киев».

Вильгельм Грёнер — с марта 1918 года начальник штаба группы армий «Киев».

Карл Альберт фон Кнерцер — командир сводного корпуса. В корпус входили 215-я пехотная, 16-я и 7-я ландверные (2-й очереди формирования из солдат запаса) дивизии, 4-я и 7-я Баварские кавалерийские бригады.

См.: *Гончаров В. Л.* [авт. — сост.] Возвышение Сталина: Оборона Царицына. М.: Вече, 2010.

Толстой А. Н. Хлеб. Оборона Царицына. М.: Вече, 2015. С. 31-33.

Ворошилов К. Е. Статьи и речи. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 214-215.

В середине апреля 1918 года П. С. Лазарев неожиданно бежал с фронта в Донбассе, бросив пост командующего и армию на произвол судьбы, прихватив с собой миллионы рублей.

Шрапнель — разрывной артиллерийский снаряд, начиненный картечными пулями или другими поражающими средствами.

С этими документами можно ознакомиться в кн.: *Гончаров В. Л.* Указ. соч. В данном сборнике следует обратить внимание на статью видного советского военного историка, комдива В. А. Меликова, бывшего профессора Академии Генерального штаба РККА.

См.: Меликов В. А. Героическая оборона Царицына (1918 год). М.: Воениздат, 1940.

100

Ныне — город Донецк.

Область Войска Донского делилась на административные единицы — округа. Во 2-й Донской округ входило 18 юртов. Управление округа находилось в станице Нижне-Чирской.

С. К. Минин выдвинул лозунг «Философию за борт!», говоря, что философия есть «орудие эксплуатации». «Подобно религии, философия враждебна пролетариату». Он утверждал, что пролетариат в своей политике, в своей деятельности по преобразованию мира должен опираться не на философию, а на науку, ибо только наука дает верное понимание действительности, а философия, как и религия, искажает картину мира — первая в угоду классовым интересам буржуазии, а вторая в угоду классовым интересам помещиков (по сути, проповедовал вульгарный позитивизм). Подобные взгляды разделяли многие деятели Пролеткульта, стремившиеся создать новую, пролетарскую культуру, свободную от интересов и вкусов эксплуататорских классов, чья культура господствовала на протяжении тысячелетий, способствуя духовному закабалению трудящихся. Тем не менее такая позиция вступила в противоречие с позицией ВКП(б), насаждавшей «единственно верную научную философию» — марксизм-ленинизм.

РГВА. Ф. 40435. Он. 1. Д. 83. Л. 10.

Прогимназия — неполная гимназия с четырех- или шестиклассным курсом.

Сталин И. В. Собрание сочинений: В 13 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951–1953. Т. 4. С. 120–121.

Голда Горбман — Екатерина Давидовна — с тех пор, как стала женой К. Е. Ворошилова, постоянно находилась рядом с мужем. Всю Гражданскую войну прошла она с Климентом Ефремовичем. Была с ним и в огненном походе с Донбасса к Волге, и на Царицынском фронте. По воспоминаниям ее современников, она всегда носила строгие, почти мужские костюмы — как униформу. У нее не было колец, серег, она презирала драгоценности. По приезду в 1918 году в Царицын Екатерина Давидовна пошла работать по линии попечительства над несовершеннолетними: занималась беспризорниками, распределяла их по детским домам.

Надежда Сергеевна Аллилуева застрелилась 9 ноября 1932 года.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. М.: Политиздат, 1958–1983. Т. 18. С. 195–196.

Под «союзниками» подразумеваются державы Антанты (Антанта в Первую мировую войну — военно-политический блок: Россия, Англия, Франция). Деникин рассчитывал на материальную и военную помощь со стороны Англии и Франции. Такую помощь он считал священной обязанностью союзников, своего рода долгом перед Россией, принесшей столько жертв в войне с Германией.

110

Ныне — город Пролетарск Ростовской области.

Карл Янович Зедин (1898-1966) — матрос-большевик, участник штурма Зимнего дворца.

Алексей Гордеевич Селиванов (1900-1949) — известный на Дону казак-большевик.

Филипп Козьмич Миронов — с января 1918 года член Усть-Медведицкого военно-революционного комитета, начальник 23-й стрелковой дивизии.

Евгений Андреевич Трифонов — в феврале — марте 1918 года комендант Ростова-на-Дону, затем комиссар в штабе «Южной завесы», начальник 9-й кавалерийской дивизии.

РГВА. Ф. 3. Он. 1. Д. 90. Л. 268-269.

РГВА. Ф. 40435. Он. 1. Д. 13. Л. 37.

С 1930-х годов высокопоставленные партийные и советские чиновники, а также военачальники за глаза стали называть И. В. Сталина «Хозяином».

Ныне — Мичуринск Тамбовской области.

Завеса — система оперативных объединений, состоявших из отдельных отрядов, в условиях начального периода организации Красной армии в 1918 году сыграла важную роль в защите Советской Республики. Она была создана Высшим военным советом РСФСР для обороны демаркационной линии, установленной после Брестского мира в марте 1918-го, и прикрытия главных операционных направлений, ведущих к центрам страны, от возможных вторжений германских войск. Состояла из участков, в которые входили все красноармейские, красногвардейские, партизанские и повстанческие отряды, действовавшие в их полосе. Завеса имела северный, северо-восточный, западный и южный участки. Приказом РВСР от 11 сентября 1918 года все участки завесы были расформированы, вместо них образованы фронты. Южный участок завесы вошел в состав Южного фронта.

Южный фронт (май 1918—март 1919): Борьба советского народа с интервентами и белогвардейцами на юге России [Сборник документов]. Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1962. С. 150.

Там же. С. 151.

В квадратных скобках — слова, пропущенные для краткости в телеграфной передаче.

Свердлов Я. М. Избранные произведения: В 3 т. М.: Политиздат, 1957-1960. Т. 3. С. 28-29.

Документы по истории Гражданской войны в СССР.
Т. 1: Первый этап Гражданской войны. М.: Политиздат
при ЦК ВКП(б), 1941. С. 389–390.

Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (На военной работе): В 3 т. М., 1923–1924. Т. 2. С. 350–351.

Ленинский сборник: XXXVII. М.; Л.: Институт Ленина
при ЦК ВКП(б), 1929. С. 106.

Сталин И. Октябрьский переворот (24 и 25 октября 1917 года в Петрограде) // Правда. 1918. 6 ноября.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2412. Л. 30-32.

128

Правильно — Дубовой.

129

Правильно — Круссер.

В. И. Ленин: Неизвестные документы: 1891–1922
[Сборник] / Сост. Ю. Н. Амиантов и др. М.: Росспэн, 2000.
С. 257.

В это время немцы начали вывод своих войск с Украины и из Донбасса.

Троцкий Л. Д. «Бумаги Троцкого» (The Trotsky papers. 1917–1922. V. II) // Архивные документы 1917–1922 годов: В 2 т. Paris: Слово, 1971. С. 119.

Четверной союз — неофициальное название военно-политического блока Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции, который противостоял странам Антанты в Первой мировой войне 1914–1918 годов.

Директория — правительство. Например, во Франции после буржуазной революции директорией называлось правительство в 1795–1799 годах.

Лев Борисович Каменев.

Иоаким Иоакимович Вацетис.

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8179 — телеграфный бланк.

Тем не менее В. А. Антонов-Овсеенко останется на этой должности до 15 июня 1919 года.

Ленинский сборник. Т. XXXVII. С. 136, 138–139.

См.: Михайличенко Д. Ю. Майский военно-политический кризис в СССР // Вестник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. 2002. Вып. 5.

Александр Яковлевич Шумский был членом коллегии Наркомата просвещения УССР и замещал Владимира Петровича Затонского на посту наркома просвещения Украины.

Антонов-Овсеенко В. А. В борьбе за Советскую Украину // *Летопись революции*. Харьков, 1931. № 3 (48). С. 104.

Савченко В. А. Авантюристы Гражданской войны: Историческое расследование. Харьков; М.: Фолио; АСТ, 2000. С. 110-111.

Ныне — Корсунь-Шевченковский, Украина.

Михайличенко Д. Ю. Указ. соч. С. 135.

Гражданская война на Екатеринославщине (февраль 1918–1920 гг.): Документы и материалы. Днепропетровск: Промшъ, 1968. С. 122–123.

По свидетельству бывшего члена махновского штаба Алексея Чу-бенко, 27 июля 1919 года в селе Сентове Херсонской губернии (близ Александрии) на съезде повстанцев он, Чубенко, выступил с обвинениями в адрес Григорьева. Он уличил атамана «в поощрении буржуазии», на что Григорьев в ответ выхватил револьвер, но Чубенко опередил его, выстрелил первым. Раненый Григорьев с воплями: «Ой, батько, батько!» — выбежал из помещения. Махно крикнул: «Бей атамана!» Чубенко погнался за ним и все время стрелял ему в спину. Во дворе добил его.

Железнодорожная станция находилась в семи километрах от поселка Гуляйполе.

См.: *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о Гражданской войне. Т. 4. М.; Л.: Госиздат, 1933. С. 98–99.

Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. Т. 2. С. 211.

Совнарком УССР и ЦК КП(б)У переехали в Киев из Харькова во второй половине марта. Они почти семь месяцев будут размещаться там, до 31 августа 1919 года, когда город займут деникинцы. Большевистское руководство уйдет в подполье и возобновит легальную работу лишь 11 декабря, после освобождения Киева Красной армией.

РГВА. Ф. 199. Он. 1. Д. 26. Л. 2.

Сергей Петрович Нацаренус в то время был членом Реввоенсовета 7-й армии Западного фронта и комиссаром Московского военного округа.

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1.25205.

Туркул А. И. Дроздовцы в огне: Картины Гражданской войны 1918–1920 годов / Лит. обр. И. Лукаша. Мюнхен: Явь и быль, 1948. С. 84.

156

Там же.

Деникин игнорирует партийный псевдоним Троцкого и называет его настоящую фамилию.

См.: *Селявкин А. И.* В трех войнах на броневиках и танках. Харьков: Прапор, 1991. С. 183.

См.: *Туркул А. И.* Указ. соч. С. 118.

КОНР — Комитет освобождения народов России.

Коллаборационисты — лица, сотрудничавшие с фашистами в оккупированных ими странах во время Второй мировой войны.

История России в портретах: В 2 т. Смоленск;
Брянск: Русич; Курсив, 1997. Т. 2. С. 379.

См. Приложение 3.

История Гражданской войны в СССР: В 5 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1935–1960. Т. 4. С. 216.

Андрей Сергеевич Бубнов в 1919 году возглавлял Ревком, затем Исполком Совета в Киеве, был членом Политбюро ЦК КП(б)У.

См.: *Акшинский В. С.* Указ. соч.

См.: *Кардашов В. И.* Ворошилов. М.: Молодая гвардия, 1976.

Центральный государственный архив Советской армии: Путеводитель: В 2 т. М.: ЦГАСА, 1991. Т. 1. С. 333-337.

К сожалению, о Щербакове в архивах не имеется никаких сведений — кто он, откуда. Возможно, это Петр Карпович Щербаков — один из руководителей в 1917–1918 годах Красной гвардии в Саратове, командир 1-го кавалерийского полка войск внутренней службы (ВНУС) Южного фронта, начальник артиллерийской группы 1-й советской дивизии, начальник 53-й стрелковой дивизии.

Центральный государственный архив Советской армии. Т. 1. С. 382.

3-й Донской корпус, командир — генерал-лейтенант М. М. Иванов, имел в своем составе: 1-ю, 2-ю, 3-ю конные дивизии, 5-ю и 8-ю стрелковые дивизии. Корпус был основой армейской группы. В группу еще входили две пешие бригады, несколько отдельных подразделений, семь бронепоездов.

См.: *Тюленев И. В.* Через три войны. М.: Воениздат, 1960.

Шкуро А. Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. С. 261–268.

Буденный С. М. Красная конница [Сборник статей]. М.; Л.: Госиздат. Отдел военной литературы, 1930. С. 250-251.

Выходит, К. Е. Ворошилов в октябре 1919 года командовал в Липецке лишь неким отрядом.

Из истории Гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов: 1918–1922: В 3 т. / Редкол.: Г. А. Белов и др.; сост. Н. Ф. Кузьмин и др. М.: Советская Россия, 1961. Т. 2. С. 549–550.

См.: *Карпенко В. В.* Красный генерал. М.: Советская Россия, 1991.

РГВА. Ф. 245. Он. 1. Д. 4/с. Л. 1.

В 1918 и 1919 годах награждения орденом Красного Знамени были редкостью. Первым кавалером ордена Красного Знамени был командующий красными уральскими партизанами Василий Константинович Блюхер, вторым — моряк Василий Лукич Панюшкин, третьим — казак Усть-Медведицкой станицы Филипп Козьмич Миронов, четвертым — комиссар 10-й стрелковой дивизии Ян Фрицевич Фабрициус.

Б. М. Думенко не был казаком и никогда не носил бороду.

С. М. Буденный к моменту назначения его командармом 1-й Конной армии уже более четырех месяцев командовал конным корпусом и «подручным Думенко», который в это время командовал Конно-сводным корпусом, никак не мог быть.

С. М. Буденный в царской армии был старшим унтер-офицером.

См.: Гуль Р. Б. Указ. соч.

Намек на фальшивые Георгиевские кресты созвучен с утверждением некоторых сегодняшних исследователей биографии С. М. Буденного. Видный специалист по российской наградной системе Валерий Дуров в своем труде «Русские награды XVIII — начала XX века» (М.: Просвещение, 1997) свидетельствует: «К сожалению, экспонирующиеся в Центральном музее Вооруженных сил георгиевские награды Буденного — не те, которые он получил в годы Первой мировой войны». А где же настоящие? Ответа нет. Знаток отечественной наградной системы, из-под пера которого вышло более сорока книг по истории символики и геральдики, Александр Кузнецов долгое время занимался поисками в архивах доказательств наград Буденного, однако отыскать их не смог. Он задается вопросом: был ли вообще Семен Михайлович георгиевским кавалером? Георгиевских медалей у него точно не было, возможно, не было и крестов? Никто ведь не видел их, за исключением одного подлинного Георгиевского креста 4-й степени, врученного Буденному в ноябре 1914 года на русско-германском фронте за бой под Бзежинами...

Александр Степинь умер 29 февраля 1920 года от тифа. После него 9-ю армию возглавляли Александр Душкевич (младший) (врид. 9 февраля — 1 марта 1920 года), Иероним Уборевич (1 марта — 5 апреля 1920 года), Матвей Василенко (5 апреля — 19 июля 1920 года).

Мартыненко Г. А. Комкор Дмитрий Жлоба. М.: Воениздат, 1985. С. 114, 118.

Ивар Тенисович Смилга и Григорий Константинович (Серго) Орджоникидзе — члены Реввоенсовета Кавказского фронта.

Кавказский фронт был создан постановлением РВСР от 16 января 1920 года в результате переименования Юго-Восточного фронта. Он имел задачу завершить ликвидацию северо-кавказской группировки войск Деникина и освободить Кавказ. Командующими войсками фронта были: Василий Шорин (16-24 января 1920 года), Федор Афанасьев (врид, 24 января — 3 февраля 1920 года), Михаил Тухачевский (4 февраля — 24 апреля 1920 года); членами РВС: Валентин Трифонов (16 января 1920-го — 29 мая 1921 года), Ивар Смилга (16 января — 21 мая 1920 года), Сергей Гусев (16 января — 29 августа 1920 года), Серго Орджоникидзе (3 февраля 1920-го — 29 мая 1921 года), Николай Анисимов (16 января — 24 января 1920 года), Александр Белобородов (25 января — 2 июля 1920 года).

Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 51. С. 134.

Есть предположения, что это знамя из корпуса белого генерала Шкуро. Недавно в одном из музеев Санкт-Петербурга обнаружены три знака так называемой Волчьей сотни Шкуро. На них изображены нарукавный трехцветный треугольник Добровольческой армии и волчья голова. Документов, связанных с этими знаками, не найдено. Такой знак имела конвойная сотня генерала Шкуро. Не исключено, что знамя с изображением головы волка принадлежало ей.

Дон. 1988. № 11.

Волоконовский уезд — уезд Воронежской губернии (до 1928 года), затем район Белгородской области.

Максим (Maxim) — станковый пулемет, разработанный британским оружейником американского происхождения Хайремом Стивенсом Максимом в 1883 году. Это автоматическое оружие с подвижным стволом и водяным охлаждением. Калибр 7,62 миллиметра, вес 60 килограммов, прицельная дальность 2300 метров.

См.: *Португальский Р. М., Доманк А. С., Коваленко А. П.* Маршал С. К. Тимошенко. М.: Изд-во МОФ «Победа — 1945 год», 1994. С. 23. В книге дается ссылка на статью С. К. Тимошенко «Из боевого прошлого», напечатанную в кн.: *Военные были.* М., 1969. С. 83.

Люди бессмертного подвига: В 2 кн. М.: Воениздат, 1973. Кн. 2. С. 472.

Военно-исторический журнал. 1960. № 11. С. 81.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2.д. 231. Л. 1.

Батайск до 1927 года — село, позднее — рабочий посёлок, с 1938-го — город в Ростовской области.

Ныне — город Семикаракорск Ростовской области.

200

Ныне — город Цимлянск Ростовской области.

Евгений Елеазарович Ковалев (1897–1971) — есаул. В Донской армии с января 1918 года. Был командиром 1-го партизанского артиллерийского взвода. В январе 1920-го командир 35-й Донской казачьей батареи.

Буденный С. М. Пройденный путь. Кн. 1. М.: Воениздат, 1959. С. 398–399.

В. И. Шорин после отрешения его от командования войсками Кавказского фронта был назначен помощником главкома Вооруженных сил РСФСР по Сибири.

РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 257. Л. 195.

205

Ныне — город Сальск Ростовской области.

Городовиков О. И. В рядах Первой конной: Рассказы конармейца. М.: Воениздат, 1939. С. 88–89.

Довудца (польск.) — комдив.

Речь Посполитая — федерация Королевства Польского и Великого княжества Литовского, возникшая в результате Люблинской унии 1569 года и ликвидированная в 1795 году с разделом государства между Россией, Пруссией и Австрией. Располагалась преимущественно на территориях современных Польши, Украины, Белоруссии и Литвы. В *XX* веке Речь Посполитая — широкоупотребительное название Польши.

Д. Д. Коротчаев стал начдивом 4-й кавалерийской дивизии вместо О. И. Городовикова, который был назначен командующим формирующейся 2-й Конной армии.

210

Ныне — город Хмельницкий, Украина.

211

Правда. 1920.11 июля (№ 151).

Ленин В. И. Собрание сочинений: В 35 т. М.: Политическая литература, 1941–1967. Т. 35. С. 391.

6-я дивизия — это бывшая 1-я кавалерийская дивизия ставропольских партизан, где царил дух вольности и анархии. И. Р. Апанасенко был назначен на 6-ю дивизию в августе 1920 года вместо перемещенного на 4-ю кавдивизию С. К. Тимошенко.

Восстание вспыхнуло в августе 1920 года: крестьяне Тамбовщины отказались сдавать хлеб и развернули борьбу с продотрядами и чекистами. Огонь крестьянской войны охватил всю Тамбовскую губернию и соседние с ней уезды Саратовской и Воронежской губерний. Восстание получило название «антоновщина» по фамилии одного из его руководителей Александра Степановича Антонова. Повстанцы создали Объединенную партизанскую армию, которую возглавил георгиевский кавалер бывший поручик Петр Михайлович Токмаков. Советская власть не могла справиться с антоновщиной, пока шла война с Польшей и Врангелем. Когда она закончилась, высвободившиеся силы Красной армии бросили против повстанцев и Тамбовское восстание было подавлено.

215

Пуокр — политуправление округа.

Петротоп — Петроградский топливный комитет.

ПТО — Петроградский театральный отдел.

ЦГА ИПД СПб (Центральный государственный архив
историко-политических документов Санкт-Петербурга).
Ф. 16. Оп. 1. Д. 50. Л. 103–104.

Ворошилов К. Е. Из истории подавления
Кронштадтского мятежа // Военно-исторический
журнал. 1961. № 3.

Известия временного революционного комитета матросов, красноармейцев и рабочих г. Кронштадта (далее — Известия ВРК Кронштадта). 1921. 3 марта.

221

Известия ВРК Кронштадта. 1921. 8 марта.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 114728. Т. 10. П. 2. Л. 28.

Партийные недели — недели по усиленному вовлечению рабочих и трудящихся крестьян в Коммунистическую партию. В циркулярном письме «О партийной неделе» от 30 сентября 1919 года ЦК РКП(б) выставил основное требование о том, чтобы во время партийной недели в партию принимались только рабочие и работницы, красноармейцы, матросы, крестьяне и крестьянки; для всех остальных на это время прием в партию был закрыт.

Анархо-синдикализм — течение в рабочем движении, находящееся под идеологическим и политическим влиянием анархизма.

7-я армия была сформирована приказом РВС Северного фронта ноября 1918 года во время войны Советской Республики и Эстонии. А 2 февраля 1920-го, когда был заключен Тартуский мирный договор, что означало окончание войны на северо-западе РСФСР, 7-ю армию расформировали по ненадобности.

Алексей Макарович Перемытое был начальником оперативного управления, врид начальника штаба Западного фронта. В 7-й армии он будет временно исполняющим должность начальника штаба.

См.: *Ворошилов К. Е.* Из истории подавления
Кронштадтского мятежа // Военно-исторический
журнал. 1961. № 3.

Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы: В 2 кн. / Сост. М. Антифеева, В. Козлов, И. Кудрявцев, В. Михалева и др. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. Кн. 1. С. 349.

АП РФ. Ф. 26. Он. 1. Д. 79. Л. 5-5 об.

230

РГВА. Ф. 190. Оп. 3. Д. 514. Л. 33.

По другим источникам, ночь была лунная.

Участник штурма Кронштадта И. В. Тюленев свидетельствует: в последние дни перед штурмом началась оттепель, снег таял, вода разливалась поверх льда.

РГА ВМФ. Ф. Р-52. Он. 1. Д. 88. Л. 2.

Тюленев И. В. Через три войны. М.: Воениздат, 1960.
С. 114, 116.

См.: *Рафаил М.* Кронштадтский мятеж: Из дневника политработника. Харьков, 1921.

Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. С. 500-501.

Форт «Риф» был одним из последних, батареи которого вели огонь по правительственным войскам.

Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. С. 502.

См.: *Савченко В. А.* Авантюристы Гражданской войны...

Ю. А. Шпатель в 1905–1921 годах жил в Кронштадте, во время известных событий ему было 17 лет. После подавления мятежа находился в заключении и в ссылке. Реабилитирован в 1961 году. Его воспоминания «Кронштадтская голгофа: Март 1917 — март 1921» были опубликованы в 2005 году в «Санкт-Петербургских епархиальных ведомостях» (вып. № 33).

Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 43. С. 201.

Там же. С. 235.

Шпатель Ю. А. Кронштадтская голгофа: Март 1917 — март 1921// Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2005. Вып. 33. С. 43, 56.

См.: Кронштадт. 1921: Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 года / Под общ. ред. А. Н. Яковлева; сост. В. П. Наумов, А. А. Косаковский. М.: Демократия, 1997.

Стенограмму доклада Ворошилова о кронштадтских событиях на общегородском партийном собрании в Екатеринославе см. в *Приложении 4*.

Название «Кадмейская» связано с именем Кадмы, героя греческой мифологии, сына финикийского царя, которому бог Аполлон помог найти место для возведения Фив.

Ныне в этом здании размещается библиотека Южного федерального университета.

С установлением на Дону советской власти в 1920 году область Войска Донского была переименована в Донскую с центром в Ростове-на-Дону.

Полковник Ф. Д. Назаров в конце 1920 года командовал десантом из Крыма в район Азова с целью дойти до Ростова и Новочеркасска и поднять восстание на Дону. Его отряд поначалу захватил станицу Новониколаевскую, но затем потерпел жестокое поражение у Константиновской, сам Назаров попал в плен.

Нажмуддин Гоцинский в 1920-е годы не раз собирал горское воинство против РСФСР. В советской истории Дагестана подан как негативная личность, главный враг трудящихся и советской власти в Дагестане, лжеимам, «главарь банд», «злодей, погубивший массу народа». См.: *Доного Х. М.* Нажмуддин Гоцинский: Грани личности. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2002.

Джихад — исламский религиозный термин, понятие, означающее усердие на пути укрепления веры в Аллаха, борьбу за веру. Чаще всего воспринимается как обозначение Священной войны — вооруженной борьбы за распространение ислама.

РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 495. Л. 45-46.

См.: *Соколов Б. В.* Буденный: Красный Мюрат. М.: Молодая гвардия, 2007.

Сталин И. В. Собрание сочинений: В 13 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951–1953. Т. 6. С. 46.

II съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик: Стенографический отчет. М.: Изд-во ЦИК СССР, 1924. С. 48-49.

Троцкий Л. Д. Завещание Ленина // Горизонт. 1990.
№ 6.

Матвей Федорович Шкирятов — член ЦКК ВКП(б).

Влас Яковлевич Чубарь (1891–1939) — председатель СНК Украинской ССР.

Инфлюэнца (устар, инфлуэнции) — острое инфекционное вирусное заболевание.

260

Вечерняя Москва. 1925. 30 октября.

Правда. Известия. 1925. 31 октября. Экстренный выпуск.

Моноплан — самолет с одним крылом.

См.: *Суходеев В. В.* Эпоха Сталина. События и люди: Энциклопедия. М.: Эксмо, 2004.

Печенкин А. Земля — пыль — ветер, и всё! // История. 2007. № 21.

Некоторые историки иначе расшифровывают эти сокращения в дневниковой записи И. С. Кутякова: «Тухачевский вел почти 100-процентную решительную атаку на Ворошилова, а также на Егорова, Якира и Уборевича. По их мнению, вряд ли Егоров мог вести атаку на Ворошилова. И насчет Уборевича, Якира — они обычно старались напрямую против Ворошилова не высказываться».

См.: *Минаков С. Т.* 1937: Заговор был! М.: Яуза; Эксмо. 2010.

После упразднения 6 февраля 1922 года ВЧК было создано Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. 2 ноября 1923 года Президиум ЦИК СССР образовал при СНК СССР Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ).

Бухаринско-троцкистский процесс (2—12 марта 1938 года). Основные фигуранты — видные государственные, партийные деятели, обвиненные в правом уклоне и составлявшие оппозицию курсу Сталина: это А. И. Рыков, Н. И. Бухарин, а также бывшие троцкисты Н. Н. Крестинский, Х. Г. Раковский. Важным обвиняемым был также бывший нарком внутренних дел СССР Г. Г. Ягода.

Виталий Маркович Примаков (1897–1937) — заместитель командующего Ленинградским военным округом (с 1935 года).

Семен Абрамович Туровский (1895–1937) — заместитель командующего войсками Харьковского военного округа (1935–1936 годы).

Витовт Казимирович Путна (1893–1937) — военный атташе в Великобритании (с 1934 года). 20 августа 1936 года отозван в СССР и арестован НКВД.

В. М. Молотов 19 декабря 1930 года решением объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) назначен на пост председателя СНК СССР и Совета труда и обороны вместо оппозиционера А. И. Рыкова.

Л. М. Каганович с февраля 1935 года занимал должность наркома путей сообщения, одновременно был секретарем ЦК РКП(б).

Выступление К. Е. Ворошилова дано в сокращении. Подробно см.: Стенографический отчет февральско-мартовского (1937) пленума ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1994. № 8.

Ежовщина — период Большого террора, когда политические репрессии в СССР обрели широкий размах. Название связано с именем Н. И. Ежова в бытность его народным комиссаром внутренних дел СССР (сентябрь 1936-го — ноябрь 1938 года). Шло поголовное выявление и наказание так называемых «врагов народа». В ходе ежовщины к арестованным применялись пытки, выносились без судебного разбирательства не подлежавшие обжалованию приговоры к расстрелу, которые немедленно приводились в исполнение.

Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене Родине, терроре и военном заговоре // Военно-исторический журнал. 1993. № 2.

Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: И. В. Сталин. Политический портрет: В 2 кн. М.: Изд-во АПН, 1989. Кн. 2. Ч. 1. С. 51.

Е. А. Щаденко в 1930-е годы был начальником
Управления по командному и начальствующему составу
РККА.

РГВА. Ф. 37837. Оп. 18. Д. 890. Л. 4-7.

280

РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 13. Л. 187.

Позже слово «исключенных» было заменено на «уволенных».

Комдив Е. С. Зыбин был арестован по подозрению в антисоветском военном заговоре. Обвинение оказалось сфабрикованным, и он был освобожден. В 1939 году Зыбин назначен командиром 36-й кавдивизии. В 1940-м ему было присвоено звание генерал-майора.

Коринженер — сокращенное название должности «инженер корпуса» и воинское звание.

Корветврач — сокращенное название должности «ветеринарный врач корпуса» и воинское звание.

Суоми (*Varsinais-Suomi* — истонная Финляндия) — так финны именуют свою страну.

СССР заключил договоры о взаимопомощи с Эстонией (28 сентября 1939 года), с Латвией (5 октября 1939 года) и Литвой (10 октября 1939 года). В них предусматривалось размещение на территории трех прибалтийских государств контингентов советских Сухопутных войск, ВВС и сил флота.

Кюёсти Каллио был в 1922–1924, 1925–1926, 1929–1930, 1936–1937 годах премьер-министром Финляндии; в 1937-м он стал президентом, сменив Пера Эвинда Свинхувуда.

См. Приложение 5.

См.: *Безыменский Л. А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече, 2000.

Вербальная нота (лат. *verbalis* — словесный, лат. *notas* — записка, письмо) — в дипломатическом обиходе означает документ, который должен быть принят во внимание. Является основным документом, с помощью которого посольство и министерство иностранных дел страны нахождения посольства ведут дипломатическую переписку.

АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3. П. 1. Д. 5. Л. 8-11. Цит. по: 1941 год: Документы [Сборник]: В 2 кн. / Ред. совет А. Н. Яковлев (пред.), Е. Т. Гайдар, А. А. Дмитриев и др.; Сост.: Л. Е. Решин, Л. А. Безыменский, В. К. Виноградов и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. Документ № 597.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 125. Л. 75–76. (Копия рукописи с автографом Г. М. Маленкова. Имеются пометы и исправления.)

Известия. 1941. 24 июня. № 147 (7523).

295

АП РФ. Ф. 93. Коллекция документов.

Перечень созданных ГКВН:

Главное командование войск Западного направления — главнокомандующий С. К. Тимошенко. Существовало с 10 июля по 10 сентября 1941 года. Ему подчинялись вначале Западный фронт и Пинская военная флотилия, затем Западный, Резервный и Центральный фронты. Вторично направление функционировало с 1 февраля по 5 мая 1942 года. В его подчинении — Западный и Калининский фронты. Главнокомандующий — генерал армии Г. К. Жуков.

Главное командование войск Северо-Западного направления. Существовало с 10 июля по 27 августа 1941 года. Ему подчинялись Северный и Северо-Западный фронты, а также Северный и Балтийский флоты. Главнокомандующий — К. Е. Ворошилов.

Главное командование войск Юго-Западного направления. Оно существовало с 10 июля 1941 года по 21 июня 1942 года. Ему подчинялись Юго-Западный, Южный (сентябрь — октябрь 1941 года), Брянский (декабрь 1941 года — апрель 1942 года) фронты, а также Черноморский флот (до апреля 1942 года). Главнокомандующий — С. М. Буденный (июль — сентябрь 1941 года); с сентября — С. К. Тимошенко.

Петров М. И. В дни войны и мира. М.: Воениздат, 1982. С. 12.

Вермахт — вооруженные силы нацистской
Германии.

Группа армий «Север» — оперативно-стратегическое объединение войск вермахта во Второй мировой войне на северном участке Восточноевропейского театра военных действий в 1939–1945 годах.

Оперативно-стратегическое объединение войск «Центр» являлось самой мощной из трех групп армий (третья — «Юг») нацистской Германии. Она разворачивалась на центральном участке фронта наступления немецких войск против Советского Союза. По первоначальному плану она должна была разгромить войска Красной армии в Белоруссии, затем наступать на Москву.

301

Люфтваффе — название германских военно-воздушных сил.

Бронеавтомобиль БА-10М изготавливался на Ижорском заводе (в пригороде Ленинграда — Колпино). Это была модернизированная машина, отличавшаяся усиленной бронезащитой передней пулеметной установки, улучшенным рулевым управлением, дополнительными наружными топливными баками и новой радиостанцией. Бронеавтомобили прямо на заводе укомплектовывались экипажами из рабочих-ижорцев. В августе завод сформировал Ижорский бронепатальон.

303

Труд. 2001. № 163.

304

Известия ЦК КПСС. 1990. № 9.

305

ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 2.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 213.

Адмирал Иван Степанович Исаков, первый замнаркома ВМФ СССР и по совместительству начальник Главного морского штаба, на второй день войны был направлен на Балтику для руководства действиями морских сил. В июле 1941 года Ставка назначает его заместителем по морской части главнокомандующего и членом Военного совета Северо-Западного направления.

Дивизионный комиссар Николай Николаевич Клементьев — бывший член Военного совета Северного фронта.

См.: *Коньков В. Ф.* Время далекое и близкое. М.: Воениздат, 1985.

310

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 97. Л. 29.

Григорий Иванович Кулик командовал 54-й отдельной общевойсковой армией. Эта армия, сформированная в сентябре 1941 года, была переброшена на Северо-Западное направление и занимала оборону по правому берегу реки Волхов.

Генерал-лейтенант авиации Александр Александрович Новиков — с 22 июня 1941 года командующий ВВС Северного фронта, с 10 июля — начальник ВВС Северо-Западного направления, с августа — Ленинградского фронта.

313

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 78. Л. 42-46.

«Дугласами» в СССР перед Великой Отечественной войной и в ходе ее, а также в первое послевоенное время называли закупленные в США самолеты DC-3 и последующие их модификации, производимые уже в Советском Союзе. С 1938 года DC-3 по лицензии стали собирать на отечественных предприятиях в вариантах: транспортный и пассажирский. К июню 1941 года завод в Химках № 84 им. В. П. Чкалова выпустил около 140 машин DC-3 под маркой ПС-84 (Пассажирский самолет-84). Из них «Аэрофлот» получил 72 самолета, ВВС — 61, ВМФ — 5. Затем завод был эвакуирован в Ташкент. Там ПС-84 обрел свое второе имя Ли-2 в честь главного инженера завода Б. П. Лисунова, который руководил проектом его внедрения.

См.: Барбер Дж. Д., Белозеров Б. П., Дзенискевич А. Р. и др. Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде: Историко-медицинский аспект / Отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

Очерки истории Ленинграда. Т. 5: Период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг. / Авт. В. Б. Азаров, Т. С. Александрова, А. Р. Дзенискевич и др. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1967. С. 155.

317

Известия ЦК КПСС. 1990. № 10.

Город Ельня и близлежащие к нему населенные пункты были захвачены немецко-фашистскими войсками во второй половине июля. Попытки врага развить наступление дальше на восток разбивались о стойкость и мужество соединений 24-й армии Резервного фронта генерал-майора Константина Ивановича Ракутина, и он был вынужден перейти к обороне. Образовался так называемый ельнинский выступ, глубоко вдававшийся в нашу оборону, создававший угрозу флангам и тылу советских войск на Вяземском направлении. Срезать этот выступ никак не удавалось. Командующий войсками Резервного фронта Жуков приказал Ракутину прекратить наступление и приступить к подготовке нового, более сильного и организованного удара. Такой удар был нанесен 6-8 сентября, результат — Ельню освободили, выступ ликвидировали. 9 сентября заканчивалась зачистка от немцев Ельнинского плацдарма, части Красной армии выходили к оборонительному рубежу по линии Ново-Яковлевичи — Ново-Тишово — Кукуево.

Николай Сидорович Власик — начальник охраны
И. В. Сталина.

Карпов В. В. Маршал Жуков: Его соратники и противники в годы войны и мира. Кн. 1 // Роман-газета. 1991. № 11. С. 48.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: Изд-во АПН, 1969. С. 310, 327.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. Т. 1. С. 385.

Федюнинский ошибочно назвал самолет Ли-2. В 1941 году в СССР самолетов с таким названием не было, были ПС-84. Выпуск Ли-2 начнется с 1942-го на заводе № 84 им. В. П. Чкалова, эвакуированном в декабре 1941 года из города Химки в Ташкент, где на основе американского ДС-3 и будет создан новый самолет, ему дадут имя Ли-2.

Федюнинский И. И. Поднятые по тревоге. М.: Воениздат, 1964. С. 41.

325

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 93. Л. 35.

Г. К. Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» издания 1972 года утверждает, что К. Е. Ворошилов вылетел в 54-ю армию маршала Кулика по заданию Сталина 11 сентября.

Типпельскирх К. История Второй мировой войны.
СПб.; М.: Полигон; АСТ, 1999. С. 247.

Ленд-лиз (англ, *lend* — давать займы, *lease* — сдавать в аренду, внаем) — государственная программа, по которой Соединенные Штаты Америки поставляли своим союзникам во Второй мировой войне боевые припасы, технику, продовольствие и стратегическое сырье, включая нефтепродукты.

Петров М. И. Указ. соч. С. 22.

Новиков В. Н. Армии нужно оружие // Вопросы истории. 1985. № 12. С. 84.

О пребывании К. Е. Ворошилова на Волховском фронте в постановлении ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1942 года сказано: «Ввиду просьбы товарища Ворошилова он был командирован в феврале месяце [1942 года] на Волховский фронт в качестве представителя Ставки для помощи командованию фронта и пробыл там около месяца. Однако пребывание товарища Ворошилова на Волховском фронте не дало желаемых результатов. ЦК признал, что товарищ Ворошилов не оправдал себя на порученной ему работе на фронте, и направил его на тыловую военную работу». См.: *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 15. М.: Писатель, 1997. С. 137.

332

ЦАМО РФ. Ф. 5446. Оп. 81с. Д. 109. Л. 448-460.

Канонерские лодки типа «Нора» представляли собой небольшие суда, переоборудованные из простых грунтоотвозных шаланд. Но вначале днища этих шаланд, где находились отвальные шлюзы, заварили, сделали палубу, кубрики, артиллерийские погреба, усилили внутренние помещения водонепроницаемыми переборками. Суда оснастили малокалиберными пушками, зенитными автоматами и пулеметами. На одной такой лодке, переделанной в военный микрокорабль, Ворошилов и преодолел Ладогу.

334

ЦАМО РФ. Ф. 309. Оп. 4073. Д. 171. Л. 83.

335

РЦХИДНИ. Ф. 644. Он. 1. Д. 100. Л. 161.

Михалков С. В., Михалков М. В. Два брата — две судьбы. М.: Центр-полиграф, 2005. С. 43.

С-47 — американский военно-транспортный самолет, разработанный на базе пассажирского DC-3. В СССР эти машины обычно именовались Си-47.

Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... М.: Дельта НБ, 2004. С. 355.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: В 2 кн. М.: Вече, 2014. Кн. 1.С. 442.

См.: *Васильева Л. Н.* Дети Кремля. М.; Назрань: АСТ; Атлантида, 1998.

Н. А. Кучеренко в годы войны работал на Уральском танковом заводе заместителем главного конструктора. В послевоенные годы он занимал руководящие должности в Министерстве оборонной промышленности и много сделал для развития и совершенствования советской бронетанковой техники.

В 1921 году на Тамбовщине вспыхнуло крестьянское восстание против грабительской продразверстки. На подавление его были направлены от РККА Тухачевский, Уборевич и другие, от карательных органов — Ягода и Ульрих. Командовал войсками Тухачевский. В Тамбовской губернии был установлен оккупационный режим, применялись такие меры, как массовые взятия заложников, смертные казни, заключение в концлагеря, атаки отравляющими боевыми веществами.

1-2 июня 1962 года в Новочеркасске Ростовской области произошла забастовка рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода (НЭВЗ) и горожан. Она была разогнана силами армии и КГБ. По официальным данным, при разгоне демонстрации были убиты 26 человек, еще 87 получили ранения. Многим были присуждены длительные сроки лишения свободы. После крушения коммунистической системы все участники забастовки, погибшие и осужденные, были реабилитированы (1996 год).

Энциклопедический словарь Гранат. Т. 45. М.: Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1929. Ч. 1. Приложения 93–98. (Автобиография написана Ворошиловым в 1925 году.)

345

РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 68. Л. 11-32.

346

РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 68. Л. 1-2об.

347

АП РФ. Ф. 26. Он. 1. Д. 80. Л. 26-34.

348

ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309.Д. 15. Л. 1-31.